Алексей Яшин

Протегоатемы

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья. В числе его высших образований — Литинститут им. А. М. Горького. Член Союзов писателей СССР, России и Белоруссии. Автор 26 книг прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. городов. Главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», член редколлегий ряда московских и тульских периодических изданий. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, А. С. Грибоедова, Н. А. Некрасова, М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова и «Московского Парнаса». Награжден рядом литературных медалей, Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер орденов «Владимир Маяковский» и «М. Ю. Лермонтов». Академик Академии российской литературы, член ее Правления.

Литературное творчество совмещает с научной работой. Ученый-биофизик с мировой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, Почетный радист России, лауреат премий Тульского комсомола (1977 г.) и им. Н. И. Пирогова (2008 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж). Удостоен ряда почетных наград, в том числе медалей им. А. Нобеля, В. И. Вернадского Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования».

Биография А. А. Яшина опубликована в двух десятках энциклопедий и биографических словарей (Москва, Тула, США, Англия, Швейцария и др.); см. также книгу Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина» (М.: «Московский Парнас», 2008), а также статью в «Википедии».

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

АЛЕКСЕЙ ЯШИН

ПРОЛЕГОМЕНЫ К НОВОМУ РУССКОМУ КРИТИЧЕСКОМУ РЕАЛИЗМУ

Москва
«Московский Парнас»
2015

ББК 84 (Рос.—Рус.) 6
УДК 882
Я-96

Яшин А. А. Пролегомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— Москва: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В книге представлены преимущественно авторские материалы, относящиеся к формированию концепции нового русского критического реализма в рамках исследований современного русского литературного процесса, проводимых автором под эгидой Академии российской литературы. В приложении приведены материалы литературных дискуссий. Назначение книги — дать введение (пролегомены) в проблематику теории и практики нового русского критического реализма. Собственно его теория — дело будущего, тема последующих работ автора с коллегами по Академии. Материалы книги ранее были опубликованы в журнале «Приокские зори».

Для литературоведов и широкого круга любителей русской словесности.

Иллюстрация на обложке Олеси Янгол (Юрмала, Латвия).

ISBN 978.5.73301.06.354

© Яшин А. А., 2015
© Редакция журнала «Приокские зори», (авторы материалов дискуссий), 2015
© ЗАО НЛА «Московский Парнас», 2015

МАНИФЕСТ НОВОГО РУССКОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

(проект для обсуждения)

Преамбула. Проект настоящего манифеста имеет целью и воспоследующими из нее задачами сформулировать сущность нового критического реализма как основного действенного творческого метода, соотнесенного с современным литературным процессом в творчестве писателей, следующих базовым традициям великой русской и советской литературы XIX—XX веков.

◆ Критический реализм является доминирующим творческим методом в мировой литературе и искусстве, начиная с их оформления в виды творческого самовыражения в античные времена в странах Средиземноморья. Данное определение не исключает аналогичные процессы в Древней Индии, в Древнем Китае, в иных (локальных) центрах цивилизации — принцип полицентричности, свидетельствующий об онтологической априорности доминирования критического реализма в мировой литературе.

◆ Онтологическая априорность метода критического реализма вытекает однозначно и логически непротиворечиво из базовых законов диалектики Гегеля: единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания и перехода количества в качество.

◆ Онтологическая сущность метода критического реализма заключается в социобиологически обусловленном устремлении человека разумного — человека общественного (*homo sapiens — homo publicus*) к социально ориентированному сообществу любой формы: от семьи («ячейки общества») до государства, а в реальной перспективе — глобализованного мира.

◆ Данное устремление является *идеалом*, то есть недостижимой целью, как, например, идеальное государство Платона, утопии Мора, Кампанеллы, Кабэ и пр.; это означает, что сам процесс названного устремления является перманентным, не имеющим останова — естественного или директивного — до того времени, пока творческое самовыражение будет востребовано человечеством. При этом следует учитывать, что в будущем формы такого самовыражения могут значительно отличаться от современных, традиционных.

◆ Из всех видов непатологического и/или предельно неформализованного («Всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд».— Б. Шоу) творческого самовыражения именно литературное творчество, в силу своей специфики воздействия на сознание и подсознание человека, является наиболее адекватным цели и задачам феномена критического реализма.

◆ Творческий метод критического реализма в русской литературе является исторически и в современной действенности составной частью мирового, прежде всего европейского, опыта данного феномена, в то же время обладая своей, только ему присущей спецификой.

◆ Спецификой русского критического реализма, обусловленной относительной молодостью отечественной литературы, общинной традицией мироустройства русской жизни, врожденной — генофенотипически — идеологией византийского православия, дополненного опытом социально ориентированного государства СССР, является абсолютное неприятие частнособственничества, стяжательства и накопительства, примат коллективизма, вера народа в верховную власть при полярном же неверии власти исполнительной. Это выражено в формуле русского фольклора: «Царь-батюшка дал народу жалованную грамоту, но бояре ее украли и спрятали».

◆ Метод критического реализма, как в русской, так и в общемировой литературе, по своему определению и самоназванию (терминологии) предполагает *конструктивную* лево- или праворадикальную оппозицию явлениям (институтам), составляющим объект художественной критики: государственная власть, исполнительная власть, тенденции общемирового характера, церковь как учреждение, негативные общественные тенденции, антисоциальные проявления, факторы, тормозящие развитие социально ориентированного общества (государства) и так далее. Писатель, по определению, всегда находится в оппозиции к власти.

◆ Для русского литературного критического реализма такими, основными объектами являлись и являются: в последней трети XVIII — первой половине XIX века суть институт крепостничества, образованщина (выражаясь словами классика русской литературы), слабость госвласти, которую можно охарактеризовать как

устойчивое неравновесие, либо неравновесную устойчивость (термин теоретической биологии); во второй половине XIX — начале XX веков — это самодержавие и огосударствленная церковь — с одной стороны; нигилизм (критики — Писемский, Достоевский, *Лесков*) — с другой. Причем критику этих объектов неправомочно рассматривать как полярную, взаимоисключающую; в итоге-то объектом *ob ovo* у тех и у других оказывался народившийся капитализм, в спешке своего явления в России перескочивший через положенные стадии переходного периода от «задержавшегося» в России феодализма.

◆ В силу указанной выше специфики русского критического реализма конкретным объектом критики нарождающегося капитализма в последней трети XIX века и перехода его в стадию империализма в начале XX века явилось триединство неприемлемых для творчества русских писателей факторов: разрушение патриархальной крестьянской общины, пауперизм городского населения и невиданное ранее в истории России возобладание частнособственнического, накопительского инстинкта. Знаковым произведением явился «Челкаш» Горького.

◆ В период советской государственной оформленности России (1917—1991 гг.), учитывая социальную ориентированность СССР, объектом конструктивного критического реализма до середины 60-х гг. являлись негативные явления, препятствующие построению и функционированию социального государства. Знаковыми, величайшими произведениями здесь являются «Тихий Дон» и «Поднятая целина» (до сих пор недооцененная...) М. А. Шолохова, произведения Андрея Платонова (при всей их аллегоричности), поэзия Маяковского, проза и поэзия писателей-фронтовиков.

◆ В указанный выше период метод критического реализма оставался основным, действенным, но с изменением объектов критики. Инсинуации с перевоплощением критического реализма в «социалистический реализм» — девиз его: «борьба более лучшего с менее лучшим»,— приписываемый то Горькому, то Гладкову, принадлежат Пролеткульту с его экстремизмом («сбросить Пушкина с корабля истории» и пр.), потому во внимание приниматься сейчас не должны.

◆ В советский период истории России с середины 60-х гг. и до окончания существования СССР, то есть время «шестидесятников», объекты критики перманентно перемещаются от объективных негативных явлений, препятствующих функционированию социального государства, к субъективным, обусловленным партократическим перерождением правящей верхушки СССР и административно-партийным слиянием в среднем звене управления, стагнацией многомиллионных партийных масс, уклоном в карьеризм и пр. Все это как следствие нарастающего с середины 50-х гг. дисбаланса между стремительной динамикой экономического развития («сталинский разбег») и отсутствием новой — взамен устаревшего марксизма-ленинизма — общественно-социальной и политэкономической теории, о чем в последние годы свой жизни предупреждал Иосиф Виссарионович. Таким образом, в 60—80-е гг. социализм с советским базисом выродился в социализм троцкистского толка: движение — все, цель — ничто. Хотя бы эта «цель» и декларировалась умозрительно: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

◆ Выразителями и наиболее активными движителями этого варианта критического реализма явились в 60—80-е гг. писатели когорты «шестидесятников» (имен называть не будем); кто-то из них действовал художественно-интуитивно, но другие, не декларируя этого, понимали существо изменения объектов критики. Соответственно, в указанный период истории русской, советской литературы критический реализм размывался между конструктивной (Байкал, несостоявшийся поворот сибирских рек в Среднюю Азию и пр.) и глухо-оппозиционной доминантами.

◆ Параллельно развивавшаяся в 60—80-е гг. так называемая диссидентская русская, точнее — русскоязычная, антисоветская литература в СССР и за рубежом методологически не подпадала под действенность критического реализма, поскольку полностью лишена качества критического конструктивизма (см. выше) и преследовала иные, отличные от творческих, цели и задачи. Апофеозом здесь явились сочинения А. И. Солженицына. Впрочем, и в рамках этого течения были исключения, например, в творчестве «двойного диссидента» (в СССР и на Западе) А. А. Зиновьева, у которого превалировал критический реализм.

◆ В последние два десятилетия с момента разрушения (не распада! — это фактологически неверно) СССР в русской, российской литературе наблюдается «разноцветье» творческих методов, в том числе и *неконструктивного* критического реализма. Пояснять это не будем, учитывая, что все происходит на наших глазах.

◆ Отход современной русской литературы, равно как и почти всей мировой, от канонов классического критического реализма XIX и XX веков является симптомом естественной исчерпанности данного творческого метода в названных канонах.

◆ Исчерпанность на рубеже XX и XXI веков классического метода критического реализма обусловлена кардинальной сменой геополитических ориентиров в планетарном масштабе, а именно: эксперимент истории (имеется в виду целеуказание в эволюции человечества) с постепенным переходом к единому, социально ориентированному планетарному сообществу через социализацию (советского, шведского и пр. типов) отдельных государств и их групп-блоков завершился, показав тупиковость такого хода. Имеется в виду общеэволюционный принцип «отсечения тупиковых ходов».

◆ На нынешнем, активно и экспоненциально усиливающемся этапе изменения биогеохимической оболочки Земли, то есть переходе биосферы в ноосферу (по теории В. И. Вернадского), справедливым все же оказался тезис Маркса об одновременности перехода всего земного сообщества к единому, социально ориентированному, мировому государственному образованию через достаточно жесткий и жестокий процесс глобализации, у истоков которой мы сейчас находимся.

◆ Соответственно, объектом конструктивной критики нового литературного критического реализма являются процессы глобализации, включая национальную (государственную) их специфику. То же самое относится к новому русскому критическому реализму.

◆ Поскольку в эпоху глобализации отсутствует, по определению, «сравнительная база» национальных литератур, то объектом критики, в том числе конструктивной, становится не геополитика, социальные и экологические коллизии, но во главу угла ставится объект *расчеловеченья* человека ноосферного (*homo noospheres*).

◆ Сама методология нового критического реализма в указан-

ном аспекте зиждется на сохранении в реальном временнóм процессе формирования человека ноосферного средствами литературы — художественной и публицистической — тех черт человека личного, общественного и творческого, которые противостоят расчеловеченью, то есть превращению человека в нивелированный винтик глобального механизма ноосферы Земли.

◆ Разумеется, процесс глобализации и перехода к ноосферному единому земному сообществу эволюционно предрешен и неостановим, расчеловеченье неотвратимо, но задача литературы и творчества в целом суть максимально длительно имманентными им средствами конструктивно противостоять этому процессу.

◆ В отличии от западно-восточной (это по И. Гёте) литературы, уже сейчас приобретающей характер «оазисной» и *business*-пиарной, то есть сдающей свои позиции перед натиском глобализма, у классической современной русской литературы, учитывая остающиеся значительными традиции великой литературы XIX и XX веков, имеется намного более прочный и долговременный «запас прочности» для реализации целей и задач настоящего Манифеста.

Резюме. Публикуя настоящий проект Манифеста, приглашаем от имени редколлегии журнала «Приокские зори» широкую литературную общественность страны, русскоязычных читателей и писателей ближнего и дальнего Зарубежья принять участие в его обсуждении, дополнении, критике и пр. для выработки окончательного варианта, который мог бы служить программным документом в рамках отечественного литературного процесса.

СТРАТЕГИЯ, ТАКТИКА И АКАДЕМИЯ

Академия российской литературы еще молода, но достаточно активна. Активны и инициативны академики «первого призыва». Брендом — извините за чужеземное слово — Академии стали серии книг современной поэзии и прозы. Это удачное начало ее деятельности, ее тактики, выражаясь военным языком. На очереди — формирование долгосрочной стратегии.

Конечно, статусу общественных академий за двадцать лет существования этого института, нового для нашей страны, очень сильно повредила их многочисленность, узкоспециальность кружкового типа, а порой и чисто коммерческая цель их создания. Очень ревностно отношение к ним и госакадемий, особенно Российской академии наук (РАН), члены которой уничижительно именуют «общественников» «академиями парикмахерских наук»...

В то же время сама идея общественных академий, непривычная для России — равно как для предшествующих СССР и Российской империи,— никакого негатива в себе не несет. Например, на Западе, включая американский континент, таковые, как правило, подменяют собой отсутствующие госакадемии. Разумеется, они лишены качеств абсурдности (см. выше)... и профанации («всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд»,— вроде как Бернард Шоу сказал).

Чтобы не потеряться в сонме то ли ста, а может, и двухсот общественных академий, имеющих сейчас быть в России, названия которых порой знают только их участники, а то и вовсе одно руководство — генералы без армии,— нашей академии уже сейчас, наряду с тактикой, следует определиться и со стратегией. По своей научной специальности являюсь членом ряда российских, зарубежных и международных академий, вхожу в региональные руководства некоторых из них. То есть, вопросы тактики и стратегии мне достаточно знакомы. Полагаю, что мое мнение вполне может претендовать на заслуживающее внимание. Итак, по пунктам конкретизации.

К счастью, по самому своему определению АРЛ лишена двух самых основных «парикмахерских» признаков. Во-первых, это первая литературная академия в стране. Есть, правда — с центром с

СПб — достаточно солидная Петровская академия наук и искусств, но в ее деятельности все же превалируют сугубо научные интересы. Опять же не угрожает АРЛ и пресловутая «узкоспециальность», ибо литература — понятие очень широкое. Напомним, что основанная Петром Первым первая же академия в России основным предметом изысканий и исследований имела русскую словесность и филологию...

Во-вторых, не имея и даже не надеясь умозрительно на какую-либо «копейку» от государства и мифических — существующих только в воспаленном воображении функционеров СМИ — меценатов, тем не менее АРЛ толерантности к коммерции не испытывает. Да если бы и захотела, все одно бы не получилось ничего: книги не бананы, спросом у 95÷98 % нынешнего населения России не пользуются.

...А вот «вырваться» из изобилия общественных академий, создать свое, неповторимое лицо и самоутвердиться — это вполне реально. Повторюсь: тактика академии с изданием двух серий книг современной поэзии и прозы уже сделала свое дело, название академии на слуху читающей публики страны. Не только Москвы и Подмосковья.

Умелая тактика суть проводник большой стратегии. Для литературной академии это опять же изустное и печатное слово, которое всегда было сначала. Здесь АРЛ чрезвычайно повезло, ибо на момент ее создания уже активно работали Независимое литературное агентство «Московский Парнас» с его альманахом, де-факто ежемесячным одноименным названием и «толстый» литературный журнал «Приокские зори». На страницах этих, фактически всероссийских, изданий члены академии, ее единомышленники представлены в должной полноте. А если учесть, что оба эти журнала имеют свои «Библиотеки», в которых за год издается до двух десятков авторских книг?

Вообще говоря, целесообразно не только фактически, но и по статусу сделать «Московский Парнас» и «Приокские зори» печатными органами академии. Это повысит реноме изданий, но при этом не «нагрузит» АРЛ финансовыми и иными хлопотами. Ибо журналы как издавались заботами их главных редакторов и под-

вижников — членов редколлегий, так и будут издаваться. Как это у нас с Л. В. Ханбековым получается издавать журналы — в срок, без пропусков, без сдваивания номеров, главное, без какого-либо финансирования? — Не спрашивайте, пусть наша головная боль останется при нас...

Другой существенный момент стратегического характера: расширение инфраструктуры академии, выход ее за «пределы МКАД'а», создание укрупненных — на первых порах — региональных отделений, хотя бы в условных рамках административных федеральных округов. Естественно, все это должно совершаться без «размывания» академии и снижения требований к творческому уровню кандидатов и членов академии. Как подсказывает личный опыт: региональное отделение по численности не должно превышать восьми-десяти членов, принятых в АРЛ — с утверждением в Президиуме — в течение 3—4—5 лет.

При таком расширении инфраструктуры также желательно ввести практику периодических съездов и пленумов академии, причем проводимых не только в Москве, но и в провинциальных отделениях.

Творческие семинары по жанрам, проведение региональных конкурсов, особенно поэтических, расширение сотрудничества с Союзом писателей России и другими писательскими организациями — все это должно иметь место.

И, конечно, учреждение литературных премий. Здесь также имеется задел: «Московский Парнас» ежегодно называет своих лауреатов за лучшие публикации года в журнале (альманахе), а «Приокские зори» открыли третий сезон всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова. Уже сейчас можно их «перевести» в ранг академических.

...Глаза боятся, а руки делают. Но начало ведь положено? Дело за всеми нами.

ДВИЖЕНИЕ БЕЗ ЦЕЛИ — ПУТЬ В НИКУДА

В настоящей колонке главного редактора мы обращаемся в определенном смысле к анализу и оценке «Манифеста нового русского критического реализма» («ПЗ», № 1, 2011)* и материалам всероссийской и международной дискуссии по «Манифесту» («ПЗ», № 4, 2011). Как говорится, дело того стоит. Тем более, что и в течение наступившего года журнал продолжает публикацию всех вновь поступающих отзывов, замечаний, рекомендаций и предложений. А как *summa summarum*, планируется опубликование окончательного текста «Манифеста» — с учетом материалов дискуссии.

Опережающе отвечаем на естественно возникающий вопрос: почему мы уделяем такое внимание названному документу? Не срабатывает ли здесь человечески объяснимый принцип: раз это наше, то за него и держимся?

Нет, причина здесь сугубо объективная. И не «наша вина», что мы первые и достаточно настойчиво поставили злободневный вопрос о превалирующем творческом методе в современной русской литературе.

...Не устаем повторять в данном контексте: русской не по национальности автора и описываемой им среды проявления характеров, но по следованию традиций великой русской литературы XIX — начала XX вв. и лучших же сторон советской литературы века минувшего.

Здесь же поясним: русская литература однозначно предполагает, что ее языком художественного воплощения является русский же литературный язык. Но наряду с таковой существует сугубо русскоязычная литература — зарубежная и/или вышедшая из-под пера авторов-россиян, не принадлежащих к титульной национальности. Является ли русскоязычная литература составной частью русской литературы?

---

* Текст проекта «Манифеста» также был опубликован в 2011 году в красноярском журнале «Истоки», альманахе «НЛО» (г. Новомосковск), в ряде других литературных периодических изданий.

На этот сакраментальный вопрос хорошо в свое время ответили своим творчеством малороссиянин Николай Васильевич Гоголь, потомок эфиопа Ганнибала Александр Сергеевич Пушкин, Лермонтов и Бальмонт, чьи предки были выходцами из Шотландии, поляк Осип Сенковский и многие, многие другие. Что уж тут говорить об интернациональной русской советской литературе, когда, говоря словами Поэта, «...и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык» в лице своих писателей стали составной частью русской литературы. К ним и само определение «русскоязычный» как-то неприменимо...

Вернемся к основной теме, но — опять же с некоторой, но многое поясняющей преамбулой.

Даже в наше вольнолюбивое, невзнузданное время почти каждый самодостаточный человек имеет определенную профессию: от первой и второй древнейших до проектирования и обслуживания высоких технологий (Извиняемся за вольность «штиля», но такова сегодняшняя реальность.) И всякий профессионал в чужой монастырь со своими мнениями и поучениями не лезет.

И только в трех отраслях человеческой деятельности всякий, имеющий хотя бы неполное среднее образование, полагает себя всеобъемлющим знатоком. Это практическая медицина, педагогика и экономика. Но поскольку, исключая практическую же бухгалтерию и счетоводство, экономика, как нечто абсолютно автономное, есть абсурдное понятие, а отраслью науки и практического приложения становится только в тесном переплетении с политикой, то речь идет именно о политэкономии. Вот в ней-то каждый «с семилеткой» и полагает себя знатоком.

И даже такой знаток интуитивно понимает: всякое политэкономическое движение имеет определенную для него цель. И поэтому все внушаемые ему «от СМИ» рассуждения, что рыночная экономика «сама себя вывезет», а государство всего лишь «ночной сторож» такой спасительной рыночной экономики,— представляются вовсе не знающему азов «макроэкономикс», но здраво мыслящему «от сохи» обывателю промыванием мозгов.

...Понятно, что наши выдающиеся экономисты (можно в кавычках, а можно и без них), наставляющие эти самые СМИ, все

прекрасно знают. Знают, что сама по себе чисто рыночная экономика — бред сумасшедшего, что в традиционных капстранах рынок лишь выравнивает колебания не предельно жесткой плановой экономики, что была характерна для СССР, которой потому рынок вовсе и не требовался.

Все они, выдающиеся, прекрасно знают, но — выполняют социальный заказ за хорошую плату... А теперь к нашей теме.

Литература, литературный процесс в особенности, не относятся к области всезнайства. Но все одно, даже сугубо практичный в жизни человек, полагающий вполне искренне чтение книг баловством, дескать, «нам это ни к чему» (из «Тихого Дона»), не отрицает наличие у литературы своей цели.

Итак, литературный процесс — движение, имеющее свою цель. Антитезой здесь является утверждение: движение — все, цель — ничто. Обычно в социально-политической сфере это утверждение приписывают Троцкому, но на самом деле эта формула задолго до него использовалась в классической немецкой философии. Но она же действительно являлась (и сейчас является!) девизом троцкизма, активно действующего и поныне. Сам же Лев Давидович, как опытный оратор, переиначивал ее на народный язык: «главное ввязаться в драку, а там видно будет» или «ни мира, ни войны, а армию распустить». И так далее.

...Но, отвергая движение без цели, как путь в никуда, мы должны определить механизм такого движения с целеполаганием. Проще говоря, должны иметь теорию, теоретическое обоснование такого движения. Опять же пример из политэкономии. Полную, всеобъемлющую теорию политэкономии капитализма создал Карл Маркс. Она и сейчас руководит мировым капитализмом-империализмом.

Но политэкономию социализма Маркс не успел, или не мог, не наблюдая практики этой формации, создать.— Только дал ее абрис, которого СССР хватало только на первых порах построения социально ориентированного государства. Уже в первые послевоенные годы стало ясно: отсутствие тщательно разработанной концепции политэкономии социализма стало определенным тормозом. Даже не определенным, а очень существенным. Потому лейтмоти-

вом знаменитой дискуссии начала 50-х годов по проекту учебника политэкономии социализма стали слова Сталина: «Без теории нам никак нельзя».

Увы, по известным причинам эта задача осталась нерешенной. Нет сомнения в том, что отсутствие политэкономии социализма, как руководящей теории, вкупе с явно «подброшенной» в начале 70-х годов концепцией хозрасчета, внесло существенный вклад в проигрыш нашей страной Третьей мировой («холодной») войны, что было «последним и решительным боем» традиционной капиталистической формации перед ее заменой формацией глобализма. Дальше нам пока знать не дано.

...Так и в части литературного процесса, но заранее оговоримся: не замахиваясь на мировой ареал, ограничиваемся отечественной литературой.

В тексте проекта «Манифеста», достаточно подробно разъясняется предтеча формирования в конце XVIII — первой половине XIX вв. теории и — главное — практики русского критического реализма. В части оформления его теории, концептуальных положений, в первую очередь следует называть имена Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева (при всей его категоричности суждений) и многих других классиков русской публицистики и критики.

Но здание теории критического реализма строилось не только «со стороны» демократов-шестидесятников XIX века. Значительный вклад здесь внес Аполлон Григорьев. Обычно в отечественном литературоведении созданную Аполлоном Александровичем теорию «органической критики» именуют эклектической, противопоставляя ее взглядам на теорию искусства революционных писателей-демократов. Однако же именно славянофил Григорьев во главу угла поставил реализм и дал четкое философское обоснование как концепции критического реализма, так и литературной критики — необходимого звена между теорией и практикой литературного творчества.

Таким образом, созданная на протяжении названного выше времени теория русского критического реализма во многом содействовала созданию феномена русской литературы XIX века. И в

целом эта концепция исправно «работала» до окончания первой четверти XX века.

Однако уже в начале этой четверти отдельные положения теории критического реализма становятся если не артефактом, то тормозом для дальнейшего движения русского литературного процесса. Это проявилось двояко. С одной стороны, стала малоразмерной гоголевская «шинель» для таких писателей, как Горький, Леонид Андреев, Михаил Арцыбашев, Дмитрий Мережковский, Маяковский. Отрекся от всего им созданного Лев Толстой. Новое видение мира вещей, чувств и отношений явно сквозило в стихах блестящей плеяды поэтов «Серебряного века»...

С другой стороны, это прямой, часто неразумный, сиюминутный, но — все же протест против канонов критического реализма, выразившийся во взрыве различных «измов» в революционное межсезонье 1905—1917 годов.

Казалось, дни классического русского критического реализма на исходе. Поддержка пришла с совершенно неожиданной стороны — от быстро формирующейся советской русской литературы. Преодолев «чистку» комиссией Луначарского—Крупской и пролеткультовскую бесовщину, советская литература продлила почти до окончания XX века творческую действенность традиционного русского критического реализма, лишь несколько переориентировав оси противостояния «добро — зло». Как и говорится в «Манифесте», соцреализм продолжил традиции XIX века в своих лучших образцах.

Было ли это продление искусственным, то есть театрализованным переодеванием между актами исторической пьесы из фрака писателя-дворянина и сюртука ревдемократа в телогрейку рабочего сталинских пятилеток, в шинель Гражданской и Отечественной войн, в непритязательную обыденную одежду физиков-лириков и писателей-шестидесятников (уже XX-го века)?

Нет, конечно. Ибо соцреализм по сравнению с традиционным критическим реализмом XIX — начала XX вв. получил не только приставку-корень «соц», но и — впервые — четкую цель. В отличие от туманного «второго сна Веры Павловны», эта цель — участие литературы в построении социально ориентированного го-

сударства — стала сильнейшей апологией всего движения литературного процесса... и апологией обновленного русского критического реализма.

При этом, если в художественном содержании русской советской литературы 20-х — начала 50-х гг. еще что-то намекало на применимость известного девиза «цель оправдывает средства» (Игнатий Лойола, первый генерал Ордена иезуитов*), то в литературном процессе 60—80-х гг. самополагание цели уже обходилось без «кнута и пряника».

Как и во многих многофакторных, стохастических процессах, в литературном также вопрос о статусе поставленной цели при движении к ней ставится не как непременное ее достижение, а как бесконечное приближение. В точных науках это называется аттрактором. Более того, ставить вопрос о непременном достижении цели — это равнозначно доведению до абсолютного совершенства некоторой идеи. А из философии Гегеля хорошо помним, что всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд.

...Это мы все к тому говорим, чтобы избежать возможных возражений: дескать, цель в методе соцреализма была сомнительной, явно недостижимой, да к тому же с разрушением (не развалом!) СССР и вовсе превратилась в ничто — в зеро, абсолютный нуль. И так далее, в том же духе.

Что здесь можно сказать? — А повторить написанное выше: нам не дано знать все последующие ходы всемирной истории. Даже самые «крутые лбы», большеголовые по-западному, еще тридцать-сорок лет (а это для всемирной истории лишь краткий миг!) тому назад не могли предположить достоверно, что эта самая история выкинет такой фортель: социализм, как опередивший ход истории, упразднит, изживший себя капитализм утопит в мировых спекулятивных кризисах, а на их остовах через жесткий глобализм начнет строить мировое, скорее всего социально ориентированное, государство.

---

* Иногда эти слова приписывают флорентийскому Никколо Макиавелли, автору «Государя». Но это не соответствует истине.

...Как раз адекватная цель у соцреализма имелась, и это целеполагание делало движение русского советского литературного процесса осмысленным, а значит творчески насыщенным и прогрессивным.

А вот нам довелось справлять тризну по классическому русскому — и советскому — критическому реализму. Впервые за более чем 200-летнюю историю русской классической литературы она вроде как осталась без видимой цели, даже без туманных снов Веры Павловны... Само появление «Манифеста» — это осознание весьма тревожного факта, а именно того, что в последнюю четверть века движение русского литературного процесса если не застопорилось, то во всяком случае заплуталось. Какое же может быть целеполагание без цели? — Так и видится бородка на ухмыляющемся лице Льва Давидовича...

Самое существенное, а может и знаковое, многозначительное — это полное отсутствие за этот же период даже робких попыток сформулировать новые цели движения русской литературы. Исключая выдвинутый в начале девяностых годов в восторге лихого первоначального накопления девиз полной и безоговорочной коммерциализации литературы. Но это для утешения дебилов, с одной стороны, и для доппайка запиаренных сочинителей, с другой.

...Вот смотрит невзыскательный читатель из тех, кто еще не отдал себя полностью торговле бананами, на пестроцветье магазинных книжных полок и невольно представляется ему этакая махновщина. Редкими переизданиями осторожно идут живые классики — шестидесятники. Слева от них, размахивая красными флагами, нервической молодой рысью движутся новые писатели — комсомольцы. Справа же, как им и положено, белогвардейским маршем движутся одетые в потешные мундиры городских казаков писатели-монархисты. Фанаты забегают то вперед, то взад. Внушительная группа литераторов, от греха подальше переключившихся на древнюю историю, полукаре замыкают общее шествие. Но всех их время от времени лихо обгоняют на «мерсах» удачливые пиарщики и глянцевые поденщики. На руководящих и гостевых трибунах этого суматошного Гуляй-поля их сретают священнослужители всех канониче-

ских религий и даже шаманы с Чукотки и восяси* из-под Ижевска, оценивающе смотрят политтехнологи СМИ и партайвожди всех оттенков и цветов радуги на их стягах. Много и другого народу, не выпячиваясь, толпится на приветственных трибунах.

Абсурдно? — Но ведь движение без цели — это путь в никуда, что и есть абсурд по определению. Итог такого движения без цели, или с мельтешением мерцающих целей-фонариков,— уподобление библейским гадаринским свиньям...

Собственно говоря, «Манифест» в основном и посвящен, исключая его обширную историко-литературную преамбулу, пробному нащупыванию той цели, которая только и может придать новый импульс литературному процессу в рамках нового русского критического реализма. А тот факт, что современная отечественная словесность и русская литература в среднесрочной перспективе опять же по определению может сохранить свою самобытность и востребованность только в рамках метода критического реализма, настолько самоочевидны (см. «Манифест»), что не требует сколь-либо подробного растолковывания... или разжевывания для «особо одаренных».

Признаемся: в проекте «Манифеста» в разделе, касающемся определения цели движения современной русской литературы, само определение цели оказалось затенено терминологией, имеющей общесистемный эволюционный смысл: ноосфера, биосфера, человек ноосферный и пр. А из материалов дискуссии по проекту «Манифеста» — см. ссылку выше — выяснилось: последняя четверть века, учитывая полный развал науки и образования в России, в числе многих прочих свела к нулю и такой отечественный приоритет, как феномен века минувшего — великое учение В. И. Вернадского об изменении биогеохимической оболочки Земли и переходу биосферы в качество ноосферы, то есть сферы (оболочки) разума. А на Западе и вовсе прохладно относились к этой теории: ведь это не практика, не доллары-фунты-евро! Вот так наша планета и перешла на рубеже веков и тысячелетий в новое, ноосферное качество уже на практике, но при почти полном забвении тео-

* Языческий жрец, то есть тот же шаман, у удмуртов.

рии.* Поэтому дадим ниже расширенное определение цели движения современного русского литературного процесса в рамках метода критического реализма, используя каноническую терминологию.

Целью (далее опускаем родительную поясняющую часть: см. окончание предыдущего абзаца) является продолжение и дальнейшее развитие, в определенном смысле совершенствование, традиций русского, в том числе советского, критического реализма в реальных условиях социальной, политической, экономической и морально-этической специфики глобализма, как принципиально новой общественно-экономической формации, активно и динамично приходящей на смену прежнему двухполярному миру — сочетанию исторически исчерпавшего себя капитализма и опередившего свое время (метод пробных ходов общесистемной эволюции) социализма с «демпфирующим» третьим миром.

Названная цель реализуется решением комплекса взаимосвязанных задач. Более или менее адекватная формулировка этих задач возможна лишь на среднесрочный период — ориентировочно до середины сороковых годов нашего века. Учитывая реально наблюдаемое экспоненциальное ускорение исторического времени, период этот может быть снижен до срока конца тридцатых годов века. Для следующего временного периода требуется корректировка как цели, так и реализующих ее задач. Задачи на ближний среднесрочный период имеют как общемировую, так и национальную, российскую специфики.

Для отечественной литературы — с учетом обеих специфик — эти задачи можно сформулировать следующими.

«Сатана там правит бал, люди гибнут за металл». Пусть, уважаемый читатель, эти слова прозвучат в вашей музыкальной памяти в арии Мефистофеля из «Фауста» Шарля Гуно. Это, как говорят современные музыковеды, гимн грядущему апокалипсису.

---

* Теория В. И. Вернадского изложена в многих изданиях его работ; см., например, книгу: Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера.— М.: Айрис-пресс, 2004.— 576 с. (Серия «Библиотека истории и культуры»). С учетом современного уровня знания концептуальная теория ноосферы изложена в 11-томной монографии А. А. Яшина «Живая материя и феноменология ноосферы» (М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2007—2011). См. информацию на сайте изд-ва: http://URSS.ru.

Отсюда и первая задача, даже — сверхзадача современного русского писателя-реалиста: протест против безудержной жажды накопительства и потребительства современного человека. Заметим, что это суть биологический атавизм для современного человека, но атавизм, вознесенный на «горный престол» духа и живота европейским протестантизмом Лютера, но более всего Кальвина. Настолько высоко вознесенным, что за всю новую и новейшую историю, включая нашу современность, реалистическая литература Запада, особенно США, даже в лучших своих образцах воспринимала это как должное. По сути же — антихристианское; вспомните притчу о верблюде и игольном ушке...

Русской литературе здесь почти что повезло. Во-первых, в русском каноническом православии не было никогда протестантизма. Раскол Никона — именно он де-юре был «раскольником», а не протопоп Аввакум с боярыней Морозовой — был всего лишь сугубой государственно-политической акцией, равно как и нежизнеспособные движения обновленцев и живоцерковцев 20-х годов прошлого века на заре Советской власти. Это очень серьезный момент, ибо не были за всю тысячелетнюю историю страны нарушены каноны христианства — религии духа и презрения к мамоне.

Во-вторых, едва начавшаяся в России капитализация была резко остановлена Великой Октябрьской социалистической революцией — не «переворотом», как сейчас внушают слабоумные наши СМИ... То есть и с этой стороны на литературный процесс, как и в XIX, так и особенно в XX веках, не имелось давления частнособственнической морали и этики.

Наконец, наблюдаемое нами в России 1990—2000-х гг. взрывообразное возрождение и нагнетание этого биологического атавизма суть процесс искусственный, начатый и всемерно поощряемый госвластью. Но порожденное им, процессом, еще невиданное в мире классовое, имущественное (о духе и интеллекте здесь и речи идти не может) расслоение дает реалистическому литературному процессу огромные возможности для решения поставленной выше задачи. Учитывая, что сейчас основная «читательская нагрузка» оказалась на головах среднестарших поколений, которые суть наиболее образованы, являются средоточием интеллекта страны, сохраняя лучшие

национальные черты и интуитивно будучи приверженцами этики и морали социально ориентированного характера. Проще говоря: наследниками духа своих ближних и дальних пращуров.

...Сатана тоже правит свой бал в части обездуховленности современного человека. Поэтому вторая по важности задача — противодействие этому опустошительному процессу, который в новейшей социологии называется расчеловеченьем. Словно эволюция homo sapiens пошла вспять.— Как на той известной карикатуре, где обезьяна постепенно распрямляется, превращаясь в человека, а далее уже человек, постепенно нагибаясь, вновь обретает черты нашего славного палеопредка... Здесь мы отсылаем нашего читателя к соответствующему разделу проекта «Манифеста», хотя наиболее зримые черты такого расчеловеченья у всех перед глазами; ушами тоже.

...Не станем детализировать эти две главнейшие задачи и вытекающие из них. Это тема дальнейшего, более конкретного рассмотрения — в том числе и по преимуществу на страницах нашего журнала. Заметим только, что плодотворное движение современного русского литературного процесса к означенной цели есть занятие архитрудное, со многими препятствиями, долговременное. Но — это ведь составная часть движения самой истории. И как бы она ни ускорялась в соответствии с действенностью общественных законов эволюции человека, но все, как говорится, время покажет. Двигаться же без цели — прямиком шагать в никуда.

...Планируя продолжение начатой темы, в следующем номере «Приокских зорь», возможно в «Колонке главного редактора», обсудим злободневный вопрос о соотношении «бумажной» и «компьютерной» литературы.

ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМ...

«Бумажная» и «компьютерная» литература
в свете психолингвистики

◆ Как мы и обещали в «Рубрике...» предыдущего номера журнала («ПЗ» № 1, 2012), ниже мы обратимся к актуальному вопросу о соотношении «бумажной» и «электронной» (далее без кавычек) литературы. Первостепенно мы имеем в виду художественную литературу, отчасти — литературную публицистику.

При всей, повторимся, актуальности этого вопроса* сколь-либо серьезного анализа его не проводилось — ни в масс-медиа, ни в серьезной, специальной литературе. К тому же, если СМИ и касаются данной тематики, то затрагивается исключительно внешний аспект: электронная, то есть интернетовская, форма распространения и чтения произведений литературы. Да и тот с резонерскими выводами: дескать, прогресс не остановишь, все уже привыкли к Интернету и домашнему «компу», все это проще и дешевле, чем бумагу переводить, на почтовые расходы тратиться, книги-журналы покупать и захламлять ими квартиру... и прочие благоглупости. Удивляться здесь нечему; законы социальной психологии неумолимы: только восемь процентов людей, независимо от пола, национальности, образования и пр., способны к самодостаточному (анализ + синтез) мышлению. Остальные девяносто два — ведомые теми же СМИ, в которых бал правит мощнейшее лобби транснациональных телекоммуникационных корпораций. Ниже мы вернемся к этому аспекту.

...Но совсем редки, практически отсутствуют суждения по важнейшей составляющей соотношения «бумажная и электронная литература», а именно: произведения художественной литературы, создаваемые автором по традициям и канонам традиционной книжно-журнальной литературы, и произведения, ориентируемые автором преимущественно или исключительно на Интернет.

---

* Учитывая злободневность данной темы, настоятельно рекомендуем всем читателям «ПЗ», а в особенности литераторам, ознакомиться с настоящим материалом и принять участие в дискуссии, объявляемой журналом — по образцу прошлогодней дискуссии (см. № 4, 2011 «ПЗ») по проекту «Манифест нового русского критического реализма».

Заметим в данном контексте, что и первый, традиционный вид литературы использует электронные ресурсы, но только, или преимущественно, в качестве дополняющего книжно-журнальные издания, либо же как возможность популяризации своих произведений — что особенно характерно для современной России,— учитывая реальные крохотные тиражи бумажных изданий: нет больших средств на тиражирование, разрушена всероссийская (ранее — всесоюзная) информационная и книготорговая сеть и так далее.

Но при всем этом для нашего времени характерен феномен существования и все большего отдаления друг от друга двух форм литературы: бумажной и электронной.

◆ Оба охарактеризованные выше аспекта феномена взаимосвязаны, но вернемся к первому из них.

Прогресс, конечно, не остановишь. Тем более сейчас, когда на наших глазах сбылось гениальное предвидение великого русского и советского ученого Владимира Ивановича Вернадского о грядущем (свою теорию он создавал в 20—30-е годы минувшего века) переходе биосферы Земли в принципиально новую биогеохимическую оболочку — ноосферу, то есть сферу разума.*

Действительно, прослеживая средства письменности за весь период цивилизации и культуры, то есть со времен Древних Египта, Вавилона, Китая, Индии и древних южно-американских цивилизаций, мы четко представляем этот прогресс.

Перуанское узловое письмо (веревочные узелки на тростиоснове), иероглифы Древнего Египта и сохранившие свой статус до нашего времени иероглифы Древнего Китая, заимствованные япон-

---

* Современная концепция ноосферы на научном уровне, включая роль телекоммуникаций, разработана в пятитомной серии книг А. А. Яшина. Первые два тома под названием «Феноменология ноосферы: Предтеча ноосферы» изданы в 2010 г. в московском издательстве *URSS* (см. информацию на сайте *http://URSS.ru*); следующие два тома готовятся к изданию под названием «Теория ноосферы: логика, физика, космология» в Германии (на русском языке в издательстве «*LAP Bamber Academic Publishing GmbH & Co KG*». Заключительный, пятый том готовится автором также для издания в Германии. Почему не в России? К сожалению, число читающих научную литературу в нашем отечестве сейчас сведено почти к абсолютному нулю...

цами,— это первописьменность человечества. С появлением финикийской азбуки, азбук деванагари в Индии и Месропа Маштоца в Древней Армении, уйгурского, корейского (по начертанию букв его часто принимают за иероглифы...), позднее — арабского алфавитов техника письма сделала качественный скачок в сторону упрощения процесса письма, его ускорения, а главное — алфавитная письменность приобрела аутентичную семантику. Смысл термина понятен; ограниченность объема «Рубрики...» не позволяет расписывать ее подробно.

Второй качественный скачок, правильнее — гигантский прыжок, относится к европейскому позднему Средневековью, когда ювелир из Майнца (Германия) Иоганн Геннсфляйш Гуттенберг изобрел книгопечатание. И хотя еще в Древнем Китае использовалось механическое тиражирование — шелкография, а в Древней Индии печатание с деревянных досок с вырезанными на них санскритскими текстами, но Гуттенберг ввел принципиально новое: печатание с использованием наборных литер и на бумагу — дешевый универсальный носитель, идеально подходивший для переплета в многостраничные книги.

Параллельно совершенствовались и орудия авторского труда: от письма на папирусе и пергаменте стилом — остро отточенной палочкой, вырисовыванием текстов на глине, высеканием на мягком камне, новгородского берестяного письма — к писанию на бумаге гусиным пером, далее — появление в обиходе стальных перьев и железисто-галлусовых чернил. Еще далее — американские изобретения XIX века: авторучка и «ундервуд». В этом ряду появление в обиходе компьютера, используемого в качестве инструмента набора, есть лишь усовершенствование печатной машинки: возможность исправления ошибок набора и корректировки набранного текста.

◆ Следует отметить, что письмо с древности является искусством, а в любом искусстве творящий его стремится, среди прочего, усилить эстетическую сторону. Так и в алфавитах, отчасти и в иероглифическом письме, в их каноническом оформлении определяющую роль исторически сыграли два фактора: исходный материал носителя и эстетика оформления текстов.

Вавилонская кампания и кельтские рунические символы имеют

форму знаков, свидетельствующие: их наносили вдавливанием (глиняные таблички Хаммурапи) или высекали на камне, как у древних кельтов. Но древние вавилоняне и кельты далеки от нас по времени и расстоянию. Возьмем бывшие наши Грузию и Армению. Их своеобразные алфавиты по внешнему виду не спутаешь. Грузинские буквы — плавно начертанные, изобилующие овалами и полуокружностями. Армянские — алфавит Маштоца — напротив, чем-то напоминают рунические письмена: никаких плавных овалов, напротив, преобладание вертикальных черт с резкими изломами.

...А все потому, что грузинская письменность изначально ориентировалась на мягкие носители, тот же пергамент. А на древних армянских хачкарах надписи высекались на твердых породах камня.

Египетская пиктографическая иероглифография носителями имела папирус, роспись на каменных плитах и высекание на мягком известняке. Поэтому древнеегипетские письмена, особенно времен фараоновых династий, почти что мелкодетальные живописные полотна.

То есть уже древние исполнители текстов, зачастую они же и авторы, даже при работе с самыми твердыми носителями во многом руководствовались эстетическими побуждениями. А в Древнем Китае и вовсе возникло и развилось искусство каллиграфии — эстетики письма, достигшее своего совершенства в арабской письменности во времена халифата.

Те же элементы эстетики видим и в других древних алфавитах: арамейском (современный иврит), уйгурском, индийском, индокитайских.

Основа европейских алфавитов — финикийский имел выигрышные стороны: оптимальное сочетание простоты, необходимой толики эстетики-каллиграфии, главное — обладал фонетической вариабельностью, то есть обеспечивал фонетико-семантическую идентичность для основных языков Средиземноморья. Он же лег в основу греческого алфавита.

Прямота, предельная ясность и логика римского менталитета (извиняемся за современный новояз) «выпрямила» округлые греческие буквы: меднозвучная латынь получила рубленную латиницу.

А вот Кирилл и Мефодий создали славянский алфавит, в полной мере сохранив эстетику греческих букв.

...Кстати, восхваляя «по табельным дням» заслуги братьев в части создания славянской азбуки, совершенно забывают о **гениальности** этого алфавита!

◆ Когда размышляешь об этой гениальности, то даже научному креационисту, как ваш покорный слуга, приходит в голову мысль о божественном вдохновении Кирилла и Мефодия. Все дело в том, что их алфавит абсолютно фонетически аутентичен не только **всем** славянским языкам — восточным, западным, южным, северным (новгородское и поморское наречия), но и большинству индоевропейских, тюркских, монголо-уйгурских, дальневосточных языков, то есть относящихся к самым различным этноязычным группам.

Два характерных примера. Кому доводилось видеть современные тексты на языках тех славян, кто вместе с католичеством приняли и латиницу — поляки, чехи, словаки, хорваты, словенцы,— тот сразу обратил внимание, что латинская азбука абсолютно неадекватна фонетически этим языкам: почти каждая гласная буква имеет надчеркивания, тильды и другие значки, а свойственные особенно польскому и чешскому языкам шипящие фонемы записываются каждая двумя-тремя-четырьмя согласными латинскими буквицами...

Кстати, также фонетически неадекватна латиница и для языков германской группы. Известная присказка: пишем Манчестер, читаем — Ливерпуль.

А вот для славянских языков, где принята кириллица, все фонемы «укладываются» в одну букву и практически отсутствуют дополнительные значки над гласными буквами. В русской азбуке — это только «и-краткое»; что касается введенной Н. М. Карамзиным буквы «**ё**», то, как не только мы считаем, Николай Михайлович сделал России два больших вреда: во-первых, переписал русскую историю в угоду династии Романовых, чем ее сильно исказил; во-вторых, введением **ё** — фонема которой присуща только поморскому диалекту русского языка,— он исказил его московский говор, то есть бытовой и литературный языки. Не зря же до начала XXI века литера эта в печатных текстах не использовалась.

...Пометка для авторов «ПЗ»: в нашем журнале литеру мы не используем.

Пожалуй, только в современном украинском языке «по Гру-

шевскому» в алфавите имеются два варианта латинского «i» с одной и двумя точками поверху.

Кстати говоря, в Чехии кириллица использовалась наряду с латиницей до середины XIX века — явно не в пользу последней...

Второй пример фонетической универсальности кириллицы — это перевод в 20—30-х годах прошлого века на нее всех ста с лишним языков народов СССР, исключая грузинский и армянский, а с 1940-го года — прибалтийских. И что же? — А эффект тот же: практически полное соответствие кириллицы фонетическому строю всех этих языков, принадлежащих к совершенно различным, бесконечно далеким друг от друга языковым группам.

...Бытует в среде профессиональных языковедов притча: если японцы в конце концов решатся перейти от иероглифов к алфавиту, то этой азбукой будет «Аз-буки-веди-глаголь-добро...»

Это не русское шапкозакидательство. Просто получилось исторически так, что фонетически тунгусские языки, то есть собственно сибирский тунгусский и японский, идентичны языку русскому. Такова игра совпадений. Поэтому японцы, знающие русский язык, говорят на нем без акцента и наоборот.

◆ Еще немного терпения — и мы перейдем к основной теме «Рубрики...» Хотя бы все выше написанное и служит введением в эту тематику.

Как мы уже говорили, исторически процесс авторского, литературного в первую очередь, письма всегда имел сильную эстетическую составляющую. Но то же самое относилось и к процессу чтения.

С самого появления сброшюрованных, а потом и печатных книг, последние оформлялись как произведение искусства. Не зря же до начала XX века книги в России и вообще в мире «выходили» из типографий в виде непереплетенных блоков с неразрезанными печатными листами (тетрадями) в чисто служебных мягких обложках. То есть являли собой брошюры — полуфабрикат.

Это имело свой смысл: каждый купивший такой «полуфабрикат» далее относил его в переплетную мастерскую, где книгу «доводили до ума», учитывая эстетические вкусы (и кошелек, конечно!) заказчика. Книгу переплетали, сшивая типографские тетради в

единое целое и одевали в твердый переплет: от дешевого картона с бумажной оберткой до шелкового или сафьянового с золотым тиснением.

Но точно также учитывалась и эстетика печатания самих текстов, то есть эстетика шрифтов, более того — эстетика алфавитов. Опять же примеры исторического характера.

Рубленная римская латиница содержала в себе эстетики не более, чем сапог и прямой короткий меч воина-легионера. Поэтому появился готический алфавит — витиевато разукрашенная латиница.— Только из побуждений удовлетворения эстетических чувств читающих.

В «правопреемнице» рухнувшей Римской империи — в Священной Римской империи германской нации готический алфавит стал государственным, распространившись почти на всю Западную Европу. Еще до начала XX века книги в Германии печатались как латиницей, так и готическим алфавитом. В двадцатом веке на короткое время готика возродилась в Третьем рейхе.

...Сейчас же готические буквы можно увидеть лишь в названиях некоторых газет «со стажем» Англии и США.

Аналогичное было и с кириллицей. В *pendant** ей очень скоро появилась и глаголица — такой же витиевато, искусно (и искусственно!) разукрашенный вариант азбуки Кирилла и Мефодия. Сейчас глаголица напрочь забыта, знакома только историкам-архивистам, историкам православной церкви.

...Самое существенное, что как в церковной, так и в светской письменности на Руси глаголица в «чистом» ее виде не использовалась, а перемежевалась с собственно кириллицей, подчиняясь принятым стилям письма, прежде всего устав и полуустав.

В гражданском обиходе глаголицу и устав с полууставом пресек Петр Первый, максимально приблизив кириллицу к столь любимой им рубленной латинице. А реформы графа Уварова в XIX веке и Наркомпроса РСФСР 1918-го года (кстати, подготовленные еще до революции...) изъяли из кириллицы последние «витиеватые» греческие буквы. В русской церковной письменности, в

* В дополнение (фр.).

книгах элементов глаголицы, устава и полуустава придерживались до второй половины позапрошлого века, до появления 1-го синоидального издания Библии на современном русском языке, напечатанное «петровской» кириллицей.

Третий пример эстетического «украшательства» — это великолепная арабская каллиграфия, прежде всего времен халифатов. Побудительным мотивом здесь послужил запрет ислама на изображение живых тварей. Человека — в первую очередь.

Также нелишним будет заметить, что эстетика чтения усиливалась тем, что до XVI века книги читались вслух, даже если читающий и находился сам-один. На читающего же молча смотрели с недоумением и подозрением.

А на Руси с ее доброй исторической традицией писания доносов и вовсе наличествовала присказка (кажется, она есть и у Афанасьева): «Читает молча, как кляузу!»

...А говорят: во всем Сталин виноват. Хотя и здесь бытует анекдот. Беседует один московский интеллигент с другим: «А знаете, я доказал на основании многих источников — кто виноват в гибели Лермонтова».— Ответ: «Чего здесь доказывать! И так ясно: Сталин виноват».*

Академик же Янин, изучая новгородские берестяные грамоты, обнаружил, что большинство из них суть судебные кляузы и доносы... И у рекламного народа-богоносца достаточно своих «пунктиков».

◆ Как говорится: все теплее и теплее, ближе к теме. Обратимся к одному, но важному аспекту личностной психологии человека, что нам потребуется «держать в уме» дальше. Речь пойдет о явлении **гедонизма**.

В биоценозе, то есть в биологическом, живом мире в числе открытых Ламарком, Дарвином и другими гигантами мысли законов действует и принцип минимизации, то есть экономии расхода энергии организма. Так кошачьи, прежде всего тигр и кот Васька,

---

* Сборником аналогичных анекдотов являются многие тома полного собрания трудов одного известного нашего сочинителя... Впрочем, далеко не его одного.

круглые сутки спят, просыпаясь только для акта жратвы. Так они экономят энергию своих организмов.

Дворовый же Шарик тоже не прочь подремать минуток шестьсот, лицемерно изображая активность — начинает бегать, вертеть хвостом, воинственно произносить «гав-гав» — только при появлении хозяина, а еще лучше — хозяйки со вчерашними щами с мясом. И так далее — от микроскопических бацилл до наших предков-шимпанзе. Это по Дарвину.

А вот вершина эволюции — человек, как организм соображающий, этот общебиологический закон переиначил в качество гедонизма, то есть максимальное извлечение удовольствий жизни при минимуме физических, а главное — умственных затрат.

Наивысшая степень гедонизма исторически сформировалась у нашего доброго народа. Называется она ленью, а появилась из-за долгих морозных и снежных зим, когда дел по хозяйству почти никаких, темнеет рано. Остается только спать на лежанке тепло протопленной печи да увеличивать свое потомство... В последнем, конечно, ничего плохого нет.

Потому в русском фольклоре самый умный из братьев всегда Иван-дурак, что не слезает с печи даже во время визита в царский дворец.

Рассуждая здраво, в таком гедонизме — сезонной лени ничего предосудительного нет. Это только для пользы организма человека и, как сейчас говорят, окружающей среды.*

Современный гедонизм, испытавший на рубеже веков и тысячелетий невиданный ранее «качественный» скачок, характеризуется двумя основными факторами.

Во-первых, гедонизм имеет мощнейшую подпитку в капитали-

---

* Когда я слышу бесконечно повторяемый в СМИ термин «плохая экология», то рука непроизвольно тянется к отсутствующему на ремне кортику. Экология (эко + логия) — это наука о состоянии окружающей нас биосферной среды с позиций воздействия этой среды на живой организм, человека в том числе. То есть говорить «плохая экология» — все одно, что произносить: «плохая математика», «плохая астрономия» и так далее.

Господи! Во что превратили великий и могучий современные, органически безграмотные СМИ!

стическом обществе потребления и навязывания потребителям совершенно не нужных им «гедонических штучек», гэджиков — по современной (молодежной) терминологии. А поскольку сейчас, в эпоху глобализма, капиталистическая формация правит свой «последний и решительный» бал, то весь мир вновь стал капиталистическим обществом потребления. Куба мала, а современный Китай трудно назвать социалистическим.

Во-вторых, за современную, очень высокую степень гедонизма человек расплачивается (бесплатный сыр только в мышеловках...) своим здоровьем и — особенно — значительной утратой человеческих качеств высшей психической деятельности — тех, что в обыденной речи мы называем душевными и умственными.

О телекоммуникационных (интернетовских) аспектах гедонизма речь пойдет далее, а сейчас для характерного примера рассмотрим мобильную связь.

...Как и все гедонические гэджики, мобильная, изначально просто сотовая, связь создавалась как необходимое дополнение к базовой, проводной (кабельной) и спутниковой телефонной связи.

Имелось в виду, что сеть сотовых станций оптимальна для территорий, где названные выше виды телефонной связи экономически нерентабельны: сложный рельеф местности, относительно небольшая плотность населения, проживающего в малочисленных, разделенных расстояниями поселениях и пр. При этом связь вовсе не предполагалась мобильной: просто у пользователей проводной телефонный аппарат заменялся на (стационарный) радиотелефон. Вот и все отличие.

◆ Для апробирования сотовой связи хорошо подходила Финляндия с ее достаточно большой территорией, ландшафтом, рассеянным по хуторам населением (вспомните замечательный советско-финский фильм «За спичками» с Леоновым в главной роли!). Именно в Финляндии появилась и одна из первых фирм по разработке и производству техники сотовой связи — «Nokia». И аппараты сотовой связи по размеру соответствовали обычным телефонным трубкам.

...Опять же вспомните как на ТВ 90-х годов показывают гостящего в Финляндии Ельцина, что звонит по такой трубке в Мо-

скву Наине Иосифовне. И в сериалах тех лет братки собирают коллег на «стрелку» по таким же «трубам». Такую телефонную связь трудно назвать мобильной...

На этом разумное дополнение обычной проводной связи закончилось. Далее процесс пошел по законам общества потребления и навязывания ненужных услуг. Это уже наши дни. Причем, рассуждая здраво, 90...95% пользователям современной мобильной связи она ... совершенно не нужна. Это уже чистой воды гедонизм и обогащение держателей и производителей средств этой связи.

Вред же существенный и все возрастающий. Это и «мобильная зависимость», трата денег, а главное — создание угрожающей здоровью человека электромагнитной засоренности окружающего эфира. В научной литературе это именуется «электромагнитной катастрофой».

...А ведь и Интернет, судя по всему, изначально создавался в самом конце «холодной войны» как средство сохранения всеобъемлющей информации на случай мировой ядерной войны. Полагалось, что после ядерной катастрофы человечеству не придется начинать с изобретения велосипеда: что-то да останется на серверах и компьютерах там, где не взрывались атомные и водородные бомбы. Нейтронные тож.

А потом... см. выше. Проявился сверхмонстр гедонического гэджика, окончательно повредившего психику и здоровье человечества.

А вот сейчас перейдем к основной нашей теме, имея в уме все сказанное выше.

◆ Наш журнал, как, надеемся, хорошо усвоили авторы «Приокских зорь», не принимает и не рассматривает материалы, присланные по электронной почте. Так же точно поступают и серьезные литературные журналы России и Европы. Об Америке, то есть США, данных у нас нет.

Это не прихоть, не издевательство над авторами, не «совковое ретроградство», как иногда нас упрекают наиболее горячие молодые авторы, присылая свой «продукт электронной литературы», например, двухтомный роман о специфике морфологии фактологических ящеров (это не юмор, а факт из редакционной почты...)

Это всего лишь способ, правда, достаточно эффективный, от-

делить зерна от плевел, то есть собственно литературу от ее электронного, компьютерного эрзаца. Сказать — эквивалента, язык не поворачивается.

Вообще говоря, при наличии полноформатной технической редакции, которой у нас, как и у многих других «толстых» журналов, сейчас нет, отличить литературу и компьютерную литературу, присылаемые по электронной почте, при определенном опыте работы можно.

Если вам присылают романы о морфологии фантастических ящеров, коллективные сочинения, стостраничные поэмы юных дарований о средневековой замковой жизни — это однозначно компьютерная литература.

Она же фиксируется и по содержанию сопроводительных писем авторов: либо оные вообще отсутствуют, либо не содержат обращения — кому и зачем посылается... наконец, это «стрельба веером», то есть в адресном заголовке сопроводительного письма означены десять-двадцать-тридцать адресов наиболее известных «толстых» литературных журналов.

«Компьютерщики», как правило, ненавязчивые. Не получив ответа, они больше не пристают — за исключением ведущих веерную стрельбу.

Когда же, как то принято в «ПЗ», посылаешь им правила оформления и представления материалов для (возможного) опубликования, то наиболее наивные обижаются: дескать, высылать по «бумажной» почте свои творения несовременно, хлопотно и дорого, а «у меня дома интернетовская «безлимитка» за 600 рублей в год...»

Еще литкомпьютерщик узнается по полному несоблюдению правил журнала: не прилагается фото автора и автобиосправка, адреса и телефоны и пр. И вообще представители этой формы творческого самовыражения исповедуют артиллерийский закон: выстрелил и забыл!

Кстати, ворчат по поводу невозможности представления материалов через Интернет и некоторые авторы традиционно понимаемой литературы. Как правило — это сибиряки и бывшие наши соотечественники на ПМЖ за рубежом. Последние быстро с рус-

ской щирости переучились на западный стиль экономии на спичках. Забыли, что в русскую свою бытность для экономии этих спичек почти круглосуточно держали зажженным фитиль в своей кухонной колонке...

И еще одна существенная, антигедоническая польза «бумажной» почты: если автор сомневается в «литературной товарности» своего произведения, требующей доделки, проверки на грамотность и пр., он прикинет: а стоит ли тратить время и деньги на «бумпочту»? Зато если уверен в своем детище, то оформит рукопись строго по правилам, в пургу дойдет до почты, заплатить за заказную бандероль.— А на душе покой и уверенность. Это все из семилетнего опыта главного редактора.

◆ А теперь о вещах серьезных. Строго логически, без эмоций, рассуждая, первыми писательскими гедоническими гэджиками стали авторучка и «ундервуд» — последний тогда, когда автор сам сел за машинку и начал сочинять, минуя этап ручного письма.

Не иронизируй, скептик-читатель! Наверняка за последние сто с лишним лет в дотошной научной Германии написана не одна диссертация* на тему: как изменился характер литературного письма после появления авторучек?

Но — ведь действительно изменился. Подумав, каждый (самодостаточно мыслящий) человек ответит утвердительно.

По сравнению с письмом гусиным или стальным пером, авторучка увеличила скорость записи. С одной стороны, это даже очень хорошо, особенно для литературных поденщиков, а пуще всего — для акул пера, то есть журналистов. Публицистов и научных работников тоже.

А для писателя? — Позвольте усомниться, ибо возможность безостановочного, без обмакивания пера в чернильницу, письма по принципу обратной связи начинает довлеть над пишущим, торопит поскорее завершить трехтомный роман «Бурный поток» — сейчас: «Будни фермера Федора». И супруга не нарадуется: так и отлетают исписанные «паркером» листки; хвалит своего безлошадного

---

* Как говорил наш выдающийся ученый Тимофеев-Ресовский, не надо делать то, что все равно сделают дотошные немцы...

муженька: «Молодец, Федя. Так ты не одну книжку тонкую будешь раз в два года издавать, а три полновесных тома в един год! Тебе с гонорариев справим новый галстук, а я и соболиной шубкой обойдусь».

За Федю и особенно его супругу можно только порадоваться, но самодовлеющая скорость письма без технических пауз не позволяет отточить рифму, подобрать более удачную аллитерацию, более выпукло обрисовать характер героя...

И нет того счастливого момента, когда литератор обмакнет в чернильницу свое перо, а на кончик его усядется муха. Известно, что мухи очень падки на чернила. Как органического происхождения из чернильных орешков, так и немецкого химического, то есть железисто-галлусовые.

И, глядя на муху, придет он к образу, обессмертившему его имя: «Быть или не быть, вот в чем вопрос». Или архигениальное: «Морозной пылью серебрится его бобровый воротник».

...А вот пишущая машинка, как рабочий инструмент автора, это уже прелюдия к компьютерной литературе.

Именно на этапе освоения пишмашинки впервые доселе аналоговое мышление писателя отчасти приобретает дискретный характер.

Уже и без дотошных немецких диссертантов опытный читатель-аналитик редко ошибется: сочинял ли свое произведение автор рукописно или стуча по клавишам машинки. Это ситуация, когда несколько обесцвечивается образность, создается — у читателя — впечатление, что простору мысли автора уж слишком тесно в словах. Наконец, это изобилие диалогов. Современная «кассовая» литература и вовсе состоит из одних диалогов, ибо пишется как готовый сценарий для сериалов, сплошь состоящих из «говорящих голов».

От вам и «ундервуд»!

◆ Конечно, авторучка, особенно «паркер» и ручки советского производства, в которых чернила на пере не высыхали, коль скоро автор задумается над крутым изгибом сюжетной линии, почти (что не считается...) не повлияла на усредненное качество литературы. Но пишущая машинка, как рабочий инструмент автора-первопечатника, кроме указанных выше, нанесла, существенно снизила творческий потенциал автора, лишив его такого важного для литератора

качества, как **мнемоническая память**, то есть компонент общей памяти, обусловленный движением руки при записи текста рукой же. Психофизиологические и психолингвистические моменты пояснять не будем, только отметим, что существует специальная научная дисциплина **мнемоника**, в числе прочего объясняющая и эффект мнемонической памяти при ручном письме.

Кстати, во многом учитывая этот эффект, в высшей школе, начиная со средневековых европейских университетов (Салерно, Болонья, Сорбонна и др.) и вплоть до наших дней, студенты — даже обладающие хорошей памятью — записывают лекции преподавателей.

Поэтому заметное снижение качества высшего образования, например, в нынешней России, во многом связано с тем, что, следуя указаниям Минобразования о скорейшем внедрении в учебный процесс современных компьютерных технологий, вместо записывания лекций студенты чаще рассматривают картинки на экране. Это авторитетное мнение профессора университета...

Компьютер, ныне используемый авторами в качестве пишущей машинки, имеет даже некоторые преимущества — с точки зрения писателя — по сравнению с «ундервудом», а именно: возможность поправлять, исправлять, дополнять и вообще корректировать набираемый текст.

При всем сказанном выше, ни пишмашинка, ни компьютер для набора в общем-то не повлияли на конечный продукт писательского творчества. Разве что ликвидация мнемонической памяти, которая очень важна для прозаиков, работающих в крупных жанрах: роман, повесть. В меньшей степени это относится к рассказчикам и поэтам.

Собственно мнемоническая память, то есть «механическая» память ручного письма, сформировавшаяся у человека за относительно короткий период цивилизации и культуры, во многом стимулирует собственно память, особенно правого полушария головного мозга — для литератора, позволяя «держать в голове» в целом и в деталях все многоплановое панно сюжета и характеристики действующих персонажей.

Отсутствие фактора мнемонической памяти, во-первых, снижает художественность произведения, а во-вторых, в качестве ком-

пенсации требует от автора напряжения памяти левого полушария головного мозга и — особенно — оперативной памяти.

Не такой уж он и простой — «ундервуд». Это уже начальный гедонизм литератора, ибо любому прогрессу он всегда сопутствует. Человечество в целом, по крайней мере 92 % его численности (см. выше), приветствует прогресс и будет способствовать его росту даже тогда, когда человек перестает быть индивидуальностью в привычном понимании этого определения. О такой ситуации — окончание развиваемой нами темы.

◆ Сам по себе компьютер как инструмент первопечатания текста и Интернет, как средство пересылки текста, лишь несколько понизив общую степень художественности, в целом не изменили характер традиционной литературы. Появление альтернативной ей компьютерной литературы связано с погружением современного человека в виртуальный мир Интернета. Отъединяясь от реального мира, такой человек замыкается в виртуальном телекоммуникационном пространстве. А виртуальный литератор, создатель компьютерной литературы, полностью отрывается от реальности, вступая в примитивный, обедненный и обезличенный виртуальный мир.

...Сразу вспоминаю годы учебы в Литинституте. Тогда существовала только традиционная литература, но умные наши наставники по наитию не уставали нам повторять: нельзя писателю замыкаться в пространстве, времени, действии и пр.

Кажется, Владимир Иванович Гусев, ныне профессор Литинститута и один из руководителей Московской городской организации Союза писателей России, наставлял нас: всматривайтесь в окружающую вас жизнь; тем более — вы заочники, значит и так живете, работаете в гуще этой самой жизни. Не уподобляйтесь «дневникам», что засели в уютном литинститутовском общежитии... Вот читаешь их творения, а там одна задумчивая переписка между обитателями третьего и четвертого этажа...

Виртуальный электронный мир распространил эти этажи на весь мир... «Человек компьютерный» в значительной мере, почти принципиально, отличается от исторически традиционного homo sapiens: он живет уже не в реальном мире с его радостями и невзгодами, борениями и страстями, а в ограниченной «кубатуре»

вымышленного мира, где скудоумная виртуальная фантазия практически не имеет опоры на реальный мир вещей и процессов (см. ссылку выше на монографию А. А. Яшина). А интернетовская, компьютерная литература становится лишь слабейшим отголоском художественной литературы, понимаемой в традиционном смысле. Отсюда и романы о морфологии фантастических ящеров...

Словом, переговоры между третьим и четвертым этажами, ибо, как мы знаем, еще со времен древнеегипетских папирусов и античной драмы однозначно следует: художественность, прежде всего литературная, есть отображение реального мира.

Теперь разберем по пунктам.

◆ Эстетика письма и чтения — здесь и говорить не о чем. Эстетическая составляющая у виртуального, компьютерного письма и читателя с экрана монитора отсутствует. Все то богатство исторически накопленных форм ее, о чем мы столь подробно говорили выше, осталось для компьютерной литературы втуне. Само чтение художественной литературы с экрана есть, в основном, считывание информации, в то время как литература тем и отличается от служебных текстов, что она является источником не утилитарной, но эстетической информации. Термин несколько неверен, но смысл его понятен...

Напрочь исчезают в виртуальной литературе даже такие эстетические составляющие, как юмор и широко понимаемая двусмысленность, оживляющие текст.

Это видно даже не по такой литературе, а в обыденности, в общении с представителями (молодых) поколений, выросших в эпоху Интернета. Они напрочь не понимают юмор, даже анекдоты.

...Как то принято в профессорско-преподавательской среде, и я стараюсь разнообразить (снятие напряжения) свои лекции студентам-медикам благопристойными анекдотами. Опять же поучительными — на медицинскую тему. И что я вижу в ответ: полное непонимание, молчание и оловянное выражение глаз. И еще — подозрение.

«Нулевая» эстетика компьютерных авторов и читателей — это тот сигнал, что свидетельствует о расхождении традиционной и компьютерной литературы.

◆ С позиций герменевтики* компьютерная литература есть грустное зрелище, ибо напрочь лишена того качества, которое в литературоведении принято называть творческим соучастием читателя. Имеется в виду тот сознаваемый или явно несознаваемый читателем подтекст литературного произведения, заложенный талантливым авторов осознанно, а гениальным — неосознанно, на уровне работы его подсознания. Опытный, естественно и думающий, читатель прекрасно понимает: истинно художественная литература — это не копия образов и процессов реального мира, но его художественное перевоплощение и обобщение, целью которого является «принуждение» читателя к осмысливанию его произведения.

За примерами такой литературы далеко ходить не надо. Евангелие — любое из канонических от Матфея, Иоанна, Марка, Луки, апокрифические евангелия от Филиппа и других греческих авторов,— и вообще вся книга Нового Завета написана иносказательно. В отличие от сюжетно-понятийного Ветхого Завета.

Ибо цель и сверхзадача Нового Завета — заставить читающего его понять и воспринять сущность христианского учения сопереживанием Христу и его апостолам, прежде всего Петру и Павлу. А этого можно достичь иносказательностью текста, своего рода шифровкой. Только приложив немалые усилия ума и, как принято говорить, души, за такой иносказательностью адепт христианства воспринимает сущность учения Христа и его подвига.

...Вот почему все многочисленные попытки «прямого» пересказа евангелий, их адаптации и пр. не имели и не могли иметь успеха.

К сожалению, даже такой титан художественной мысли, как Лев Толстой, не смог понять этого, создавая свой «Перевод и соединение четырех евангелий» и «Евангелие для детей».

Шекспир, столь нелюбимый Толстым, второй характерный пример. Здесь достаточно — без пояснений — упомянуть одного лишь «Гамлета»... «Быть или не быть, вот в чем вопрос».

---

* Герменевтика — наука о понимании и интерпретации — в числе прочего — текстов. Одним из основоположников герменевтики является Ханс-Георг Гадамер. Его главная работа «Истина и метод» издана на русском языке в 1988 г. (Москва, «Прогресс»).

◆ Два фактора, уже упомянутые выше, создали удручающий феномен компьютерной литературы: дискретное (цифровое) мышление и гедонизм авторов и читателей, отказавшихся от реального мира и с головой ушедших в мир виртуальный, электронный.

Дискретность мышления замечательно характеризует известный анекдот. Профессиональный программист, отходя ко сну, ставит на прикроватную тумбочку два стакана: один с водой, другой пустой. Некто, например, деловая подруга на ночь, интересуется: «Почему два стакана?» — «А потому, что стакан с водой — если ночью захочу пить. Пустой же — если пить не захочу».

Другая жизненная ситуация часто возникает у людей среднестаршего и старшего поколений, по специфике своей занятости общающихся с детьми, юношами и молодыми людьми. Это преподаватели вузов, учителя в школе, армейские офицеры и пр.

Первые — сохранившие в основе своей традиционное, аналоговое мышление; вторые — уже «переученные» на дискретное, цифровое мышление. Кто находится в такой ситуации, тот однозначно ответит на соответствующий вопрос: мы друг друга («старый» «младого» и наоборот) понимаем в такой же степени, как два иностранца — по отношению одного к другому, — слабо понимающих язык визави...

...Дело, конечно, не в возрасте и во взаимном непонимании поколений; ибо сейчас как аналоговое, так и дискретное мышление присуще и «стару» и «младу». Не редки представители старших поколений, что быстро «переучились» на дискретное мышление, а по опыту общения со своими студентами знаю: аналоговое мышление присуще и части молодых людей, уже родившихся в эпоху Интернета.

Дело все в установке, которую в силу тех или иных обстоятельств, каждый дает сам себе. Так и авторы с читателями выбирают традиционную и компьютерную литературу.

Как мы уже писали выше — дискретное мышление ориентируется на информационную составляющую текстов, но совершенно чужда художественности. А взаимоотношение «дискретных» автора и читателя? — Рыбак рыбака видит издалека. Что тут еще сказать...

И о гедонизме автора и читателя компьютерной литературы.

Выше все, или почти все было сказано. Обе стороны — автор и читатель — сидят в теплой квартире перед компьютерами, прихлебывая кофе. Расходы физической энергии минимальны: автор «давит» на клавиши, читатель поводит глазами слева-направо; китайцы — сверху-вниз; читающие по-арабски и на иврите — справа-налево.

Соразмерные с ними затраты энергии мышления — минимизированы: набирается на компьютере автором и читается с экрана читателем (извините за тавтологию) исключительно «голая» информация, а точнее — информационный шум, из которого на 90—95 % и состоит содержимое Интернета. Никаких тебе головоломок с фабулой, сюжетом, художественной подачей образов, тем более — никаких герменевтических ухищрений. Полный гедонизм, за который автор и читатель компьютерной литературы сполна расплачиваются угнетением высших слоев психики.

◆ В заключении — два известных вопроса русской (не компьютерной!) литературы. Кто виноват? Что делать? Если искать виноватого, то надо апеллировать к Дарвину с его теорией эволюции, а для людей верующих — к высшим силам, создавшим человека. Еще к В. И. Вернадскому будут вопросы: зачем Владимир Иванович «изоберл ноосферу»?

Но Дарвин с Вернадским, тем более Всевышний, ответа не дадут. Тем более что нет более глупого занятия, нежели в чем-то обвинять эволюцию человека и ход Истории. Они перед нами неподотчетны по определению.

Здесь ближе к правде воцерковленные люди, говорящие в таких случаях: так Бог захотел наказать человека за грех: первородный, рукотворный современный и так далее.

С позиций же современной эволюционной науки (см. ссылку выше на «Феноменологию ноосферы») объяснение логически непротиворечиво. Сейчас мы находимся на самом пике перехода от биосферного к ноосферному этапу эволюции человека — по В. И. Вернадскому.

В социально-экономической и политической сфере этот период характеризуется процессом глобализации.

Глобализация же невозможна без непрерывно нарастающего

прогресса в области глобальных же систем телекоммуникаций: от того же Интернета до «всевидящего ока» всемирных космических группировок типа ГЛОНАС и ее американской «сестры». И все это — под контролем основного закона современного капитализма: преобладание общества потребления и навязывания потребителю совершенно ненужного.

Все это вкупе резко, что называется на глазах, лишает человека индивидуальности, переводит изначальный, аналитический образ мышления к механически-дискретному. А это, в свою очередь, напрочь отрицает творческую, в том числе художественную, составляющую мышления. В сфере литературы — это возрастание роли компьютерной литературы.

А что делать? — Но ведь в истории человечества случались и более сложные коллизии. Что будет дальше? — Нам не суждено знать, ибо законами мироздания наложен запрет на «знание наперед».— Для пользы самого же человечества...

По крайней мере сейчас и в ближней перспективе традиционная художественная литература сохраняет свои базовые позиции. А что касается компьютерной литературы, то здесь почти все зависит от последующего шага эволюции человека — уже ноосферного.

Вполне возможным представляется и активное вмешательство человека разумного в ограничение «безнаказанности» электронных гэджиков. Тому уже есть примеры, например, хотя и робкие, но все же попытки — призывы на государственном уровне взять под контроль Интернет.

И еще один характерный пример. Помните, как с десяток лет назад японские фирмы одну за другой «насылали» на детский мир электронные игрушки типа «пакемона», активно рушащие еще неокрепшую психику ребенка. Но затем это прекратилось. Можно так понимать, что это следствие контроля японского общества, во многом сохраняющего традиционные ценности.

...Пока есть возможность, уважаемые авторы и читатели, сохраняйте и вы ценности традиционной художественной литературы.

И еще раз приглашаем наших авторов и читателей принять активное участие в дискуссии по означенной выше тематике.

«ГРЯДУЩИЙ ХАМ»*, ИЛИ ОЧЕРЕДНОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В определенном смысле нижеследующий материал является «идеологическим» развитием рубрики «Колонка главного редактора» предыдущего номера журнала. Памятуя, что мы только что отметили (строки эти пишутся в конце мая-месяца) День славянской письменности и культуры, мы сочли возможным и необходимым повторить здесь (повторение — мать учения) рассуждения о великом даре Кирилла и Мефодия, давшим славянам великолепный и универсальный алфавит.

Читатель, окончивший школу в советское время, хорошо помнит знаменитые слова Владимира Ильича о А. И. Герцене, разбудившем Россию... и т.п. И еще наш давний школьник и сейчас без запинки ответит, что в 1850—1860-х годах А. И. Герцен и Н. П. Огарев (как сейчас олигархер Березовский) жили в Лондоне и содержали Вольную русскую типографию — под эгидой издателя и книготорговца Н. Трюбнера (*Trьbner & Co., 60, Paternoster row, London*), по-видимому, агента Ост-Индской компании,— где печатали газету «Колокол», журнал «Полярная звезда», сборники «Голоса из России» и отдельные книги, запрещенные в России.

В частности, в 1858 г. они издали под одной обложкой сочинение князя М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» и знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Нельзя не отдать должное основоположнику русской демократии в той части, что сейчас называют брэндом. В книгоиздательстве тоже, в революционно-пропагандистском деле тож. Ибо под одной и той же обложкой оказались критики царской России конца XVIII в. «слева» — нервический демократ Радищев и «справа» — предшественник славянофилов XIX в. князь Щербатов, причем сам Герцен полагает себя последователем первого.

---

* Название известного произведения Д. С. Мережковского, автора знаменитой трилогии «Христос и Антихрист».— Прим. авт.

К чему это мы начали столь издалека, если рубрика журнала относится к филологии? — По понятной аналогии и заимствованию названия этого очерка у князя Щербатова, ибо он в своем труде писал именно *о повреждении нравов* в России эпохи цариц (двух Анн, двух Екатерин и Елизаветы тож...), а по подтексту — всей послепетровской империи, в сравнении с благолепием Руси допетровской: Третьего Рима — православного, но без сверкающей византийской роскоши. Впрочем, нелишним будет любознательному читателю и самому ознакомиться с первоисточником.

Высказывает мимоходом князь и свое неприятие отходом речевых норм от базового языка московской Руси, полностью сформировавшегося к концу XVII в., вобравшего все лексическое и семантическое богатство древнеславянского (болгарского), древнерусского (белорусского) и средневекового русского языков, ставшим основой «московского говора» — великорусского литературного и разговорного языков.

А что же досталось нам в последние пятнадцать лет в части повреждения лексики и грамматики родного языка? — Живи сейчас князь Михайло Михайлович, так стократно бы возмутился... Впрочем — от старины глубокой к делам дней нынешних: оптимистичных для удачливого меньшинства и прискорбных для остальных.

* * *

По всей видимости, некто Всевеликий* в природе, управляющий социальной, политической и экономической историей человечества, уже давно избрал нашу страну для экспериментов по отработке различных вариантов мироустройства. Причем и сами эксперименты в любом из направлений уже повторяются по второму, по третьему разу. Это даже по внешним проявлениям видно. Например, по преобладающей стилистике великого и могучего русского языка: как разговорного, так и печатного (порой переходящего в непечатный...).

---

* Уже стало расхожим термином «тайное мировое правительство», которое, начиная с 1789-го года (Великая Французская революция), постепенно подбирает мир под себя...

Создается впечатление дежавю — простительного психического расстройства: вроде как живешь в начале третьего тысячелетия, а мнится порой — в первой четверти века минувшего, а то и в эпоху Александра I и еще далее — Первого же Петра.

Действительно, нынешний русский разговорный очень напоминает блатную *феню*, решительно вторгшуюся на Среднерусскую равнину (с возвышенностями) в начале XX века вместе с ворами, жульем и другим деклассированным элементом — преимущественно из черноморских губерний. Это «великое переселение народов» многократно усилилось в смутные послереволюционные времена.

Кстати о самом термине «феня», которую «ботают». При всем интересе к ближней отечественной истории, мне не удалось найти объяснение этимологии этого слова. Пришлось думать самому, и вот что надумалось. Помните из школьных учебников истории про развеселых коробейников, воспетых великими русскими писателями и поэтами, чьи стихи были переложены на народные песни? А коробейники — навроде нынешних челноков-мешочников — родом из ярославской и других северных малохлеборобных губерний, занимавшиеся мелочной торговлей вразнос. Более их распространенное в народе наименование — офени. Это опять же как сейчас подавляющее большинство населения страны.

Так вот, коробейники составляли по родству мест происхождения и роду занятий достаточно замкнутую касту, даже изобрели от непосвященных особый язык, состоящий из слов-перевертышей, да еще и с заметным «цоканьем», характерным для северорусского говора. К началу капитализации царской России класс коробейников-офеней утратил свою роль, но народ, особенно в Москве и центральных губерниях, еще долго их помнил. Поэтому, когда в 10—20-е годы Белокаменную наводнила шпана и ворье из Одессы, Кишинева, Крыма, говорившая с южно-русским акцентом на невообразимой смеси русских, греческих, молдавских, жаргонных немецких, польских слов, то старушки, возвращаясь домой с покупками на Хитровом рынке, рассказывали, всплескивая сухонькими ручонками: «Уй, ужас-то какой! На Хитровом седни была, так шпанья там? И все по фене так и ботают, так и лопочут...»

Итак, трудолюбивые офени перевоплотились в воров, разгова-

ривающих (ботающих — на подмосковном говоре) «по фене». Прав я или не прав — пусть ученые филологи, умными книгами зачитавшие глаза до очков в десять диоптрий, нас рассудят.

Когда ворье постепенно пересажали, очищая страну для индустриализации и научно-технического прогресса, то феня стала разговорным, блатным тюремно-лагерным языком, обособившись от гражданской речи.

* * *

...И вот оно — дежавю 90-х годов минувшего века: блатная феня вновь и чудовищно быстро стала общегражданским языком, усилившись большим набором вроде бы самых обычных слов, но с совершенно иным семантическим содержанием. И добрый наш народ эту семантику вмиг освоил! Проведите эксперимент, то есть произнесите вслух в людном месте какое-либо из следующих слов или словосочетаний: *крыша*, *конкретный*, *стрелка*, *браток*, *зеленый*, *деревянный*, *откат*, *наезд*, *счетчик*, *тамбовский*, *телка*, *рубить капусту*, *сидеть на трубе*, *наперсток* и пр.— и проследите за реакцией окружающих. Мужики понимающе хмыкнут, а случившийся рядом милиционер на всякий случай постарается запомнить ваше лицо. Но наибольший и поощрительный интерес выкажут девушки и молодые женщины — при условии, что вы прилично одеты, коротко подстрижены и имеете на шее золотую цепочку.

Совсем другое дежавю с эпохами Петра I и Первого Александра, когда, как известно, в русскую речь несметно влилось иноземных слов, а высшие сословия и вовсе перешли на иностранные языки: при Петре на смесь немецкого и голландского, далее почти на два века на французский... был и короткий период во времена Николая Кровавого (ныне святого), когда свет перешел на английский — как считается сейчас для успешной офисно-торговой карьеры необходимым лопотать на американском диалекте этого же языка.

Итак, дурно понятыми иностранными словами, словно в русском языке нет их синонимов, сначала заговорил первый и последний президент СССР: консенсус, конверсия, толерантность, мак-

роэкономика... да еще все с тем же южнорусским акцентом! А следом так посыпалось, что и газету сейчас не сразу прочтешь без перевода: *ваучер*, *брокер*, *менеджер*, *бизнесментер*, *провайдер*, *промоушен*, *мерчердайзер*, *дилер*, *префект*, *мэр*, *инжиниринг* и пр., и пр. Иные и вовсе неприлично произносить.— И все из импортной торгово-воровской фени.

Да, любит русский народ блеск иностранных слов! А чтобы, выкушав от безысходности водочки, не забывал их — так на то телевизор и иные СМИ, круглосуточно вещающие на смеси французского и нижегородского, имеются.

* * *

Несомненно, имеется надежда, что со временем великий и могучий русский язык как проглотил, так и выплюнет скалозубную, как искусственная американская улыбка, речевую иностранщину. Благо тому примеры имеются превосходные. Как уже говорили, двести лет верхние сословия России, их «шестерки» и прихлебатели из «аршавских портных» грассировали по-французски. А что сейчас осталось? — Исключая специальные научные термины и названия блюд французской кухни, в чисто народном, разговорном языке только несколько слов, причем неодобрительных: шаромыжник, шантрапа и шваль. То же самое будет и в память об англо-американском новоязе.

Иной толерантный гуманитарий возопиет, читая этот очерк: «А что плохого в расширении русского языка за счет лексического богатства языков иностранных? Что бы мы сейчас делали без слова «бизнес»? И так далее.

Во-первых, хотя и не дурак полный, но до сих пор так и не могу понять: что означает «бизнес» и производная от него профессия «бизнесмен»? Спрашивал у бывших коллег по работе, а ныне превратившихся в новорусских. Говорил: «Это торговля? Или предпринимательство? А может работа клерком в офисе?» И так далее перечисляю все существующие роды занятий. А те отвечают, дескать, нет! Бизнес — он и есть бизнес.

Опять же самому пришлось (как и в случае с феней) додумывать. И опять пришел к выводу: бизнес — это деланье денег из воздуха, то есть чистой воды паразитирование на тех, кто занят конкретной деятельностью, то есть что-то производит, даже торгует или ворует по мелочи. А потому сам бизнесментер даже не обязан точно знать — из чего он эти деньги извлекает: из сети платных сортиров, из продажи нефти и газа, из содержания игорных домов или домов публичных. Главная цель, задача и смысл жизни бизнесментера — личное обогащение. Государство (любое) их терпит, коль скоро они с ним деньгами делятся в виде налогов. А не заплатил, так поступай в распоряжение Минюста, если не успел в Лондон уехать. Профессия во многом рисковая, воровская.

Во-вторых и в основных, засорение родного языка иностранщиной ведет вовсе не к его расширению и обогащению, но прямо-таки к лексической бедности. Взять всем навязшее на зубах слово «проблема». До катастройки (термин известного философа А. А. Зиновьева) оно использовалось исключительно в научном обиходе и в обиходную речь ворвалось с потоком голливудских фильмов, в которых их герои составляют свою речь всего из нескольких слов: проблема, доллар, дерьмо, трахать, надрать задницу, свобода, банк, автомобиль и соединяющих их предлогов *of*, *and*, *the*.

Наиболее часто в этих фильмах, учитывая языковую бедность американского языка, произносится слово *problem*. В русском языке существует более двух десятков — в зависимости от контекста — синонимов «проблемы», но переводчики фильмовых текстов на русский ленивы и торопятся деньгу зашибить, поэтому им недосуг подбирать эти синонимы, вот и лепят через слово «проблему». Добрый наш народ тоже в массе ленив и потому полюбил это всеобъемлющее слово. Отсюда и реклама, например, частных клиник: «Если у вас проблемы с личной жизнью (имеется в виду половая), то приходите к нам, и мы без наших проблем решим за умеренную плату ваши проблемы». И так далее.

...Можно, конечно, с доброй улыбкой смотреть отечественные бандитские сериалы с их матерной феней, не слушать теле- и радиодикторов с их неправильной речью, не смотреть на англоязычные вывески магазинов и «массажных салонов». Вовсе не обяза-

тельно вслушиваться в птичий язык подростков-тинейджеров: все одно не поймете о чем речь. Но ведь всему есть разумный предел!

* * *

Лексика — дело преходящее. Поговорили до лучших времен и забыли. Иное совсем дело грамматика, то есть речь письменная, ибо «что написано пером, то не вырубишь топором». Здесь важны два момента: общий упадок грамотности и реформирование правописания и алфавита. Начнем с алфавита, как основы грамматики, то есть фонетики и морфологии в первую очередь; хотя это отражается и на синтаксисе с пунктуацией.

Русский язык, равно как и ряд других славянских языков, пока не перешедших на латиницу (украинский, белорусский, болгарский, сербский), получили от Кирилла и Мефодия великолепный дар — славянский алфавит, причем не просто «переписанный» с греческого, а *вновь созданный*. Неувядаемая слава великих просветителей состоит в том, что они создали алфавит универсальный, фонетически адекватный *сразу всем* славянским языкам: восточным, западным и южным. Что значит: фонетически адекватный? — А это просто понять, если взглянуть на напечатанный или написанный от руки текст на русском языке. Что сразу бросается в глаза? — Правильно, за исключением и-краткого (й) в нем нет букв со всякими над- и подбуквенными значками: тильдами, черточками, кружочками, точками, галочками и пр. (о букве «ё» разговор пойдет отдельный). То же самое видим и в текстах на других славянских языках, использующих кириллицу. Если «надбуквенницы» там и встречаются, то это скорее всего дело разного рода реформаторов типа Грушницкого...

Все это означает, что в алфавите Кирилла и Мефодия были тщательно учтены все фонемы (базовые звуки) всех славянских языков в их отличии: «цоканье» северных славян — будущих русских, обилие «шипящих» в польском языке, фонетическая специфика чешско-моравских языков, «приглушенность» южных славянских говоров и пр. И те народы, которые в свое время под давлением католической церкви отказались от кириллицы и взяли лати-

ницу, за это «расплачиваются» неимоверным усложнением алфавита и морфологии слов. Возьмите грамматику польского языка: сплошные «надбуквицы» и использование трех-четырех букв для написания «шипящей» фонемы... То же самое и с чешским (словацким также) языком.

Кстати говоря, чехи исторически недавно перешли на латиницу; доводилось видеть книги на чешском, использующие славянский алфавит. Так там тоже, как и в русских текстах, нет подчеркиваний сверху и обозначения фонемы более чем одной буквой!

Скажем большее, что уже вовсе фантастикой представлялось бы, если бы не было правдой. Когда в 20-х годах прошлого века в СССР народы, прежде не имевшие письменности, или использовавшие арабский алфавит, а также в Монголии и Туве (до 1943-го года самостоятельное государство) с уйгурской письменностью, был введен русский алфавит, то оказалось: для всех этих языков, принадлежащих к совершенно различным лингвистическим группам — тюркской, иранской (таджики), угро-финской и пр., и пр.,— алфавит Кирилла и Мефодия оказался фонетически адекватным!

Филологи в шутку и всерьез говорят: если когда-либо японцам придет в голову мысль отказаться от китайских иероглифов и перейти к алфавитной письменности, то они возьмут только кириллицу. Дело в том, что фонетика русского и японского языков, правда, чисто случайно, не по родству, совпадает абсолютно. Поэтому японец говорит по-русски, а русский по-японски без акцентов.

...Сейчас, в эпоху дистанцирования от России, кое-кто из самостийных стран, бывших союзных республик, переходят на латиницу, создавая тем самым сложности, аналогичные западным и некоторым южным славянским народам.

* * *

Создавая *общеславянский* алфавит, Кирилл и Мефодий сознательно сделали его информационно-фонетически избыточным. То есть они учли, что в процессе дифференциации славянских народов и оформлений национальных языков их фонетики могут изменяться — преимущественно в сторону некоторого сокращения числа фонем. Все это они учли в исходном алфавите. Кстати, не учли

они только одну фонему, им еще тогда не известную, конечно,— так называемую «гэ — аффрикативную», то есть знаменитое «гхэ» южнорусского и украинского говора...

Для примера: латинский алфавит, полностью соответствующий древнеримскому языку — латыни, такой избыточностью не обладал изначально; отсюда и обилие «надстроек» к буквам в германских и западнославянских языках, буквенное «изобилие» во французском языке, оригинальная традиционность языка английского, где, как говорит присказка: пишешь — Манчестер, читаешь — Ливерпуль. И так далее.

...Именно в силу первоначальной фонетической избыточности кириллицы возможны и допустимы коррективы алфавита, если, конечно, не следовать предельному традиционализму типа английского.

Все дело в том, что язык — динамически изменяющаяся со временем категория. В этом легко убедиться, сравнив словари (они в советское время издавались часто и полно) современного, старорусского (XV—XVII вв.) и древнерусского (XII—XIV вв.) языков. Современный русский язык возник на основе московского говора, заметно отличавшегося от своих предшественников. Часть фонем при этом утратилась, возникла ненужность некоторых букв кириллицы, рачительно «запасенных» славянскими просветителями под будущий языковой процесс, в том числе и русского языка.

Первую реформу алфавита, правда, в основном по части написания букв, произвел Петр I: так называемый переход от церковно-славянского шрифта к гражданскому. Это мы все помним из школьных учебников, где приводилась эта правка — вычеркивание рукой самодержца.

Вторая реформа совпала с коренным переустройством всей жизни России при императоре Александре II, хотя готовилась уже давно, в частности, министром Уваровым, который в советское время полагался «гонителем просвещения». Ну-у, это все с подачи историка-пролеткультовца Покровского... Из состава алфавита было изъято несколько букв, уже не соответствовавших современной тогдашнему времени фонетики языка.

Наконец, реформа 1918-го года, как бы к ней сейчас не относилось «демократическое общественное мнение», завершила половин-

чатое решение нововведений, а точнее — «выведений», александровской поры. *Алфавит был приведен в полное соответствие с фонетикой русского языка*. Ведь еще девяносто лет тому назад в московском, то есть литературно-нормативном русском языке, даже знаменитый — в последующих попытках «реформ» — заяц зайцем и произносился, а не «заец»!

Здесь важно отметить, что и в царской, и в советской реформах из алфавита были удалены исключительно — кроме замучившего не одно поколение гимназистов «ятя» — чисто греческие буквы, но оставлены все до единой введенные Кириллом и Мефодием вновь и специально для славянского алфавита.

* * *

Исключая «дизайн» Петра Первого, пообвыкшего за границей к геометрической строгости латинских буквиц, обе реформы алфавита — царская и советская — были тщательно продуманы и научно обоснованы. Кстати говоря, реформа 1918-го года была полностью подготовлена специальным комитетом министерства просвещения еще задолго до революции... Это в адрес тех, кто сейчас по поводу и без повода все списывает «на большевиков».

Потому исправление алфавита в общем-то пошло на пользу русского языка, его грамматики. Иное совсем, когда в деле реформирования главенствуют личные амбиции, пусть даже движителем которых является уверенность в общей пользе.

Таким вот реформатором впервые выступил очень уважаемый человек — Н. М. Карамзин. Более всего в своей жизни Николай Михайлович гордился не своими «Письмами русского путешественника», не многотомной историей России, правда, написанной в «романовском» ключе, даже не воспитанием, пожалуй, самого умного, но и трагического, русского царя... Нет, до тщеславия он был горд введением в русский алфавит новой буквы «ё», страсти вокруг которой в очередной раз вспыхнули сейчас у нас. В контексте заметим, что точно так же Ф. М. Достоевский главной своей заслугой полагал не свои произведения, принесшие ему всемирную славу, не создание жанра психологического романа, а введение в

лексику слова «стушеваться»; учась в Михайловской инженерной академии, ему часто приходилось счищать с чертежей кляксы от туши; отсюда и слово.

...Я тоже тихо горжусь тем, что внес в современный новояз два новых слова — производные от «бизнес» и еще от одного, часто употребляемого — перевода с американского. К сожалению, оба они не для печати; вполне годятся для эстрады, но тамошние «авторы-куплетисты» глубоко привержены идеям общечеловеческих ценностей...

Однако, вернемся к букве с двумя точками поверху. Почему уже почти два столетия ее положение в русской речи, а особенно в алфавите, несколько двусмысленно? Настолько, что ее традиционно не используют в печатных текстах, заменяя на «*е*». А для школьников и доверчивых людей придумали легенду. Дескать, на момент введения Карамзиным новой буквы, словолитен в типографском деле еще не существовало, а набор делался из отдельных литер. Стоили они дорого, использовались не один десяток лет, так что отливать новые наборы литер дорого, хлопотно и пр. Умные люди, конечно, смеялись: зачем же все литеры менять, достаточно отлить несколько тысяч этих самых «ежиков» и распределить по типографиям, исключая подпольные.

Нет, здесь не все так просто. Возражали и возражают филологи из числа мыслящих. Даже ссылки на схожие по образованию буквы «*ю*» и «*я*» их не убеждают. Дело в том, что фонема, соответствующая «*ё*», не характерна для русского литературного языка, то есть языка печатного текста, а присуща только «цокающему» северному диалекту (наречию). А если все же слова с «*ё*» стали употребительными в XX веке, то здесь сработал эффект «обратной связи»: если почти целый век в школе убеждают, что есть такая буква, то в конце концов, как говорится в старом анекдоте, и мумия Рамзеса IV признается следователю КГБ: «Да, ёлы-палы, фараон я и жил на нетрудовые доходы».

Как бы то ни было, но время «ё» еще не пришло, хотя она и введена явочным порядком в алфавит. Наконец, должно же хоть что-то быть традиционным в русской жизни? А то через каждые три-четыре поколения памятники сносят и заменяют другими, го-

рода без конца переименовывают*, полицейские дубинки то отменяют при тоталитаризме, то вводят при демократии и так далее. Неизменны только водка, воровство и взяточничество, исключая период сталинских пятилеток, да, пожалуй, винтовка Мосина и «калаш». Почему бы не оставить традицию печатного текста без сомнительной «ё»? Хотя неча на других пенять, но вот, например, англичане за две тысячи лет ни одной буковки в своем алфавите не поменяли.

* * *

Николай Михайлович, вводя свою букву, был искренне уверен в пользе ее для русского языка. Кто-то согласился, кто промолчал, но со времен Александра I и до 2006-го года от Рождества Христова все попривыкли: буква «ё» как будто есть и также как будто подразумевается... Всех это устраивало, даже неуспешных школьников: достаточно выучить правило: если «ё» под ударением, то это уже «ё».

Но вот грянул год 2006-ой, и за дело улучшения русского языка взялись госчиновники «на местах». Конечно, и в остальной России они ума необыкновенного, но вот на берегах матушки Волги они и вовсе замечательные: один волжский богатырь-губернатор за неполных два года область разорил вчистую, другой — крепкий хозяйственник — предложил легализовать публичные дома, а третий ударился, видно, других забот уже нет, в филологию: срубил-поставил памятник букве «ё» и призвал всю Россию употреблять ее непременно в печатных текстах.

До чего же удивительный наш народ! Прямо-таки в нем живет дух противоречия. Прямые государственные законы почти не исполняются. Но вот стоит кому-то и что-то брякнуть по телеку, так тотчас переймут не только широкие народные массы, но и госуч-

---

* Здесь более всего «повезло» северной столице: Санкт-Петербург (СПб) (1700 г.) — Петроград (1812 г.) — СПб (1814 г.) — Петроград (1914 г.) — Ленинград (1924 г.) — третий раз СПб по инициативе Собчака. Чуть меньше раз переименовывали Рыбинск и ныне самостийный Луганск. Так что практику переименований начали цари, а не генсеки...

реждения. Вот как-то недавно вскользь упомянула дикторша по НТВ, что соседский наш президент Ющенко вельми недоволен, что россияне говорят «на Украине». Ему же больше импонирует «в Украине». А буквально на следующий день все дикторы в столицах и провинции, эстрадные смехачи-плясуны, госчиновники перешли массово «в Украину». Тоже и в печати. А в объявлениях ФГУП «Почта России», срочно перепечатанных, запестрело: «переводы в Украину...» и так далее. Все свершилось вмиг, даже заваляшего филолога на телеэкран не выпустили, который популярно бы разъяснил: говорить «в Украине» все одно, что сказать: «я поехал *в край* города...» в баню, на рынок-толкучку, в массажный салон — по интересам и деньгам.

...Так и инициатива волжского любителя филологии тотчас с восторгом была воспринята страной: все печатные издания тотчас запестрели «ежиками». Очевидно, на радость нашим западникам-демократам. Дескать, и у нас теперь, как во Франции или Польше, буковки в газетах с точками поверху!

Если так и дальше пойдет, то очередной волжский богатырь явочным порядком переведет русский язык на латиницу.

* * *

Много чего можно сказать о современном повреждении языковых нравов. Пожалуй, и всех страниц годового комплекса журнала не хватит. Одно помешательство другим сменяется. И конца этому не видно. То заставляли бывшие союзные республики и их столицы по-туземному именовать в нарушение всех языковых норм. Это все равно, как если бы Швецию Сверигой, или Швейцарию Зюссией именовать. Воспрянули духом старинные «зайцееды», кто еще во времена Хрущева пытался заставить писать «заец» вместо «заяц».

Некие оригиналы рекомендуют отменить твердый знак. И так далее.

В сегодняшней телерекламе слово «Кока-кола» употребляется только в именительном падеже: «Я купила бутылку кока-кола...». Но на текущее время апофеозом всего является явочная же американизация русского языка, заключающаяся в повсеместном написа-

нии многословных имен собственных с заглавной буквы каждое слово типа: «*А*гентство *О*ценки *Н*едвижимости». Самое ужасное — так же точно пишут названия, включая вывески государственных учреждений, в частности, учебных заведений, где учат грамотности... Пока недосягаемой вершиной здесь являются новые формы «корочек»-обложек дипломов докторов и кандидатов наук; золотом на них оттиснуто: «*Д*иплом *Д*октора наук», «*Д*иплом *К*андидата наук». И такие дипломы торжественно вручают свежеиспеченным докторам и кандидатам от филологии! Дальше вроде как и некуда.

...Иван Сергеевич Тургенев, проживая во Франции по долгу своей службы (резидент русской внешней разведки по Франции, полковник жандармерии)*, гуляя по дымным садам парижского Буживаля, завершал свою лучшую книгу гимном русскому языку. Неужели и нам нужно всем очутиться на чужбине, чтобы понять простую истину: что имеем, то не ценим; потерявши — горько плачем.

...Уважаемый читатель! Открою один секрет полишинеля. Собираясь писать настоящую «Колонку», вспомнил, что лет пять-шесть тому назад соответствующий очерк был уже мною написан. Правда, по другому поводу. Поскольку я никогда не переписываю что-либо своего — первая мысль от Бога,— то и оставил вышеприведенный материал без изменения и правок. Ведь ничего за прошедшие годы не изменилось в части повреждения русского языка, только все ухудшилось.

Трижды клятая «проблема» в речи всех и всея, от гастарбайтеров-азиатов до министров-капиталистов уже не через десять, а через два-три слова употребляется. Вершимной здесь является медицинская реклама, что с 7.00 до 16.00 по «Радио России» убеж-

---

* Есть и такая версия, понятно, не афишируемая на при царях, ни при генсеках, ни при президентах. Много любопытного, тайного и сакрального в истории... Почему бы писателю и не быть гражданином и не служить интересам своего государства? Так мы все помним со школы о чудаковатом путешественнике Миклухо-Маклае, который был полковником генштаба и являлся резидентом императорской разведки в Индонезии в период тихоокеанской экспансии России.

дает покупать чудо-аппараты для домашнего лечения всех недугов: от поноса до клинической шизофрении. Коронное словосочетание этой рекламы: «лечение ваших проблем». Это как лечение математических лемм и теорем, например.

К «белому дому» настолько дикторы радио-телевидения попривыкли, что когда говорят не о здании на Краснопресненской, а о настоящем Белом долме в Вашингтоне, округ Колумбия, США, то специально оговариваются, что это речь идет об американском Белом доме. В провинции же вовсе исчезло из обихода речевого слова «администрация». Сплошь — белые дома: от областной администрации до сельсоветов... или как там они сейчас называются. Даже если соответствующее здание покрашено в успокоительные для нервов желтый или зеленый цвета...

Уже нечего (и бесполезно!) говорить про экологию: «плохая экология», «ужасающая экология» и пр. Но экология — это термин науки об окружающей человека и живой мир биосреде, от греческих слов экос+логос. Поэтому говорить «плохая экология» все одно, что произносить: «плохая физика», «плохая геометрия», «плохая биология»...

...И еще одни существенный момент, так сказать *color local* нашего доброго народа.

Наряду с вредоносными СМИ и общечеловеческой ленью в части повреждения языка, что является, вообще говоря, общемировым явлением, надо учитывать чисто русскую специфику. А именно: независимо от того, кто управляет нашей страной — поставленный ханом в сарае великий князь московский, самодержавный царь, генеральный секретарь ЦК КПСС или всенародно избранный президент — народ во всем ориентируется только на главу государства, полагая во все времена 1100-летней России, что-де царь дал своим подданным жалованную грамоту, а злые бояре-чиновники ее украли и держат за семью бункерными дверями...

Оттого народ доверяет только верховному лицу, а чиновники всех мастей и вовсе лизоблюды, подхалимы и до неприличия подражатели. Увлекается глава государства лаут-теннисом — все чиновники, подобрав животы, на корт! Сложнее с горными лыжами: дорогой вид спорта и требует хорошей физподготовки...

А вот окажись глава государства филателистом, увлеченным коллекционером почтовых марок? И тогда бы мы увидели во всех областных, городских и поселковых администрациях чиновников, приходящих на службу с марочными альбомами-кляссерами, а в обеденный перерыв бешено меняющимися марками: нигерийскую серию «Орхидеи» на пуэрториканского Ван Гога...

И радетели культуры из числа наиболее знаменитых олигархеров везли бы с лондонских аукционов не яйца Фаберже, а «голубых Маврикиев» и другие филателистические раритеты...

Сказанное к тому, что руководителем в России вдвойне трудно быть, учитывая наличие многомиллионной армии «всегда на стреме» чиновников-подражателей, тотчас ретиво бросающихся научать народ новым веяниям. В том числе и в языковой сфере.

...И заключительная *nota bene*. Подходит ко мне студентка с Украины, родом из самого что ни есть украинского Чернигова и спрашивает: «А почему у вас в России говорят «в Украине»? У нас же говорят «на Украине».

Истинно, наши СМИ бегут впереди лошади.

НЕУГОМОННЫЕ РЕФОРМАТОРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

В настоящей публикации «Документов эпохи» в определенном смысле продолжается тема, затронутая в очерке Алексея Третьякова «Повреждение нравов (реплика грамотея)», опубликованном в «ПЗ» № 2, 2007, о чисто национальном явлении: периодически, но относительно регулярно и настойчиво проявляющихся попыток реформирования грамматики — от фонетики до синтаксиса и пунктуации — русского языка.

...Вспомните, как у одесских классиков в их бессмертной дилогии о Чичикове (200-летний юбилей Н. В. Гоголя еще не забыт, что называется — на слуху) XX века — Остапе Бендере дается стереотип резолюции собрания по любому поводу типа: в ответ на наглое требование (такого-то имярек) повысить ему оклад содержания ответим... И далее перечисляются пункты «ответа» — от повышения бдительности в отношении происков мирового империализма до перевода учрежденческой документации на латинский алфавит. И это не сарказм и выдумка Ильфа — Петрова, но действительный, имевший место быть факт: в те годы на государственном уровне обсуждался вопрос о замене, полной или частичной, русского алфавита на латинские буквы. Ни много, ни мало. И счастье, что в тогдашнем руководстве страны состояли здравомыслящие люди, прежде всего Иосиф Виссарионович Сталин, глубоко чувствовавший русскую культуру, в том числе культуру русской речи и письма — алфавита, великого и провидческого творения Кирилла и Мефодия. Отстояли (см. приводимые ниже документы).

И откуда эта всеядная реформаторская напасть? — Может от ненависти к истории русской, в том числе к фонетике и орфографии родного языка? Еще можно понять те бывшие союзные, советские и социалистические республики СССР, в одночасье ставшие самостийными (хотя речь не об Украине), что поспешили отречься от кириллицы и перейти к латинице: вот вроде как и к «цивилизованному» миру одним боком повернулись, и заодно сказали «фи» русскому народу, некогда вытащившему их из турецкого раб-

ства или средневековой азиатчины. Но, повторимся, в конце концов это их дело, раз самостийные... Но свои-то туда же!

На исконно русский вопрос «кто виноват?» в деле реформаторства языка и алфавита здесь легко ответить: Петр Первый, очень уж увлекшийся европеизацией; до того увлекшийся, что и новую столицу назвал не в честь себя, что он заслужил, конечно, но в честь главного католического святого апостола Петра (Санкт-Петербург — это в переводе: город Св. Петра). И это в тогдашнем оплоте всего православного мира? Не зря же два русских царя — Александр I и Николай II, чувствуя неловкость такого наименования, под удобными предлогами — война 1812-го года и Первая мировая война — тотчас из города Св. Петра делали Петроград — город императора Петра Великого! Сейчас вот петроградцы-ленинградцы снова вроде как под виртуальной сенью Ватикана...

В принципе, предпринятая Петром реформа орфографии русского языка имела целью разделение церковно-славянской и русской гражданской письменности, но на собственно грамматику не посягала. Тому есть примеры и в Западной Европе: переход от средневекового готического алфавита в германоязычных странах к собственно латинскому, то есть возврат к правописанию Древнего Рима. И изданная в первые годы царствования Николая I «Пространная русская грамматика» Николая Греча (это которого в первой половине XIX только ленивый не «лягал»: от Ивана Андреевича до Александра Сергеевича и далее до Виссариона Григорьевича) систематизировала все нормы русского литературного языка. На «Грамматике» Греча и огражданствленном Петром Первым алфавите Кирилла-Мефодия можно было бы и остановиться и более их не трогать — посейчас и на далекое будущее. Как это было сделано в англо-германских и романских языках в Европе и по всему миру.

Но ведь не в русском же это характере! И вот уже в том же XIX веке, несмотря на наличие консервативных госруководителей народного просвещения — адмирала Шишкова и графа Уварова,— начинаются потуги на реформирование. Может это от разночинцев, измучавшихся в гимназиях от зубрения правил употребления «ятей» и «фит» с «фертами»? Правда, ограничилось все изъя-

тием из алфавита нескольких греческих букв, имевших полные фонетические синонимы в гражданском алфавите. Однако Карамзин, пользуясь поддержкой двора, как воспитатель царских детей, сумел-таки нанести непоправимый удар по русской фонетике и орфографии, внедрив совершенно искусственную для базового, московского говора русского языка букву «ё». Настолько искусственную, что вплоть до начала XXI века в печатных текстах она не употреблялась.

Дальше — больше. К началу военно-революционных событий в России Министерством просвещения была подготовлена реформа орфографии; начавшаяся «германская» отложила ее проведение до 1918-го года: известно из истории, что любая новая власть охотно занимается реформаторством популистского характера. Вот с этой орфографией мы сейчас и живем. И другие разделы грамматики в прошлом веке претерпели, правда, малозначительные изменения, например, с правилами проставления знака переноса слов.

Но зато сколько решительных атак новореформаторов пришлось госвласти и общественности отбить? Чего только стоило утихомирить «заецеедов» 60-х годов? А совсем недавний всплеск тех же «упрощенцев»? Тоже власти пришлось их одергивать. Но в 20-х — начале 30-го годов замышлялось и вовсе невообразимое: «латинизация русского алфавита». Об этом — публикуемые ниже два документа — постановления Политбюро ЦК ВКП(б), за которыми явно просматривается позиция тогдашнего руководства страной и, особенно, И. В. Сталина.

Тексты взяты из Приложения к 17-му тому Полного собрания сочинений И. В. Сталина / Сост А. Е. Кирюнин, Р. И. Косолапов, С. Ю. Рыченков.— Тверь: Научн.-издат. компания «Северная корона», 2004.— С. 610—616.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) «О ЛАТИНИЗАЦИИ»

26 января 1930 года

Строго секретно

Выписка из протокола № 115 заседания Политбюро ЦК от 25.01.1930 г.

26.— О латинизации.

Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита.

Секретарь ЦК.

Источник. 1994. 5. С. 100. АП РФ. Ф. 3. Он. 33. Д. 15. Л. 52.

Примечание. Поводом для рассмотрения вопроса на Политбюро стала следующая Записка наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова И. В. Сталину с приложением справки о работе Главнауки по завершению реформы орфографии и над проблемой латинизации русского алфавита: «Секретно. 16 января 1930 г. Москва. № НКП 69/М. В ЦК ВКП(б), тов. Сталину. Согласно телефонному разговору представляю Вам справку зав. Главнаукой тов. Луппола о латинизации. А. Бубнов.

СПРАВКА

О работе Главнауки по завершению реформы орфографии и над проблемой латинизации русского алфавита

По инициативе общественности (пресса, собрания учащихся, учителей, работников печати и т.п.) Главнаука с начала ноября 1929 г. приступила к разработке дальнейшей реформы орфографии. В процессе внутренней работы Главнауки выяснилась необходимость не только завершения реформы (1917 г.) орфографии и пунктуации, но и изучении проблемы латинизации русского алфавита. В особенности заинтересованной в этом деле оказалась полиграфическая промышленность, представители которой дали предварительные расчеты возможной экономии. Один переход с «и» на «і» («и» с точкой) должен дать экономию до 4-х мил. рублей в год, в том числе до 1 милл. рублей валютой (цветные металлы). Диспут, организованный «Домом печати», свидетельствовал о том, что общественность, связанная с полиграфической промышленностью, высказывается за латинизацию. Письма, получаемые Главнаукой, говорят, что эта проблема интересует широкие круги. Мнения, заключающиеся в письмах, разнородны. При таком положении Главнаука считала и считает необходимым комиссионным путем проработать эту проблему. В настоящий момент предварительная проработка закончена и весь материал с отзывами как

представителей общественности, так и ученых специалистов будет рассмотрен на закрытом заседании коллегии наркомпроса.

Само собою разумеется, что всякие слухи о предстоящем якобы уже введении латинского алфавита не основательны.

Вопрос, поднятый общественностью, лишь прорабатывается в органах наркомпроса, и было бы плохо, если бы этот вопрос, поднимаемый в ряде организаций, застал наркомпрос и прежде всего Главнауку врасплох.

И. Луппол»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) «О «РЕФОРМЕ» РУССКОГО АЛФАВИТА» С ПРИЛОЖЕНИЕМ ИЗВЕЩЕНИЯ ОБ ИТОГАХ ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ОРФОГРАФИСТОВ В ГАЗЕТЕ «ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА»

2 июля 1931 года

Выписка из протокола № 47 заседания Политбюро ЦК от 5 июля 1931 г.

О «реформе» русского языка.

Ввиду продолжающихся попыток «реформы» русского алфавита (см. извещение об итогах Всесоюзного совещания орфографистов в «Вечерней Москве» от 29 июня), создающих угрозу бесплодной и пустой растраты сил и средств государства. ЦК ВКП(б) постановляет:

1) Воспретить всякую «реформу» и «дискуссию» о «реформе» русского алфавита.

2) Возложить на НКПрос РСФСР т. Бубнова ответственность за исполнение этого постановления.

Секретарь ЦК

«Вечерняя Москва» от 29.VI.31 г.

ПРОЕКТ РЕФОРМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Итоги Всесоюзного орфографического совещания

26 июня закончило работу Всесоюзное совещание по реформе русской орфографии, пунктуации и транскрипции иностранных слов.

В результате горячего обсуждения и проработки проекта в

секциях, совещание приняло с некоторыми поправками проект НИЯЗ'а. В основу этого проекта положен принцип приближения письменной речи к устной, или, точнее говоря, приближения орфографии к живому литературному языку.

Практическая часть этого **проекта** сводится в основном к следующему:

Упраздняются буквы э, и, й, ъ и ' (апостроф).

Вместо **э** всюду пишется **е** (етаж, електричество (произношение, конечно, остается прежнее)). Вместо **и** вводится **і**.

Проект вводит новую букву ј (йот), которая употребляется, во-первых, везде вместо **й**, во-вторых, в сочетании с **а**, **о**, **у**, вместо **я**, **е**, **ю** (јаблоко, југ), в-третьих, в середине слов вместо **ъ** или **ь** знака, стоящих перед гласными (објект, калјян), а также в слове миллион (милјон), и в-четвертых, в сочетании **ьи** (чји, семји). Буквы **я**, **ю**, **е** сохраняются для обозначения мягкого произношения предшествующей согласной (няня, мел).

После **ж**, **ш**, **ч**, **ц** никогда не пишутся **я**, **ю**, **ы** (огурці, революціа, ціган).

Мягкий знак упраздняется: 1) после шипящих (рож), 2) в середине счетных слов (пятдесят, семсот), 3) в неопределенной форме глаголов, оканчивающихся на **ться** (он будет учится).

По вопросу о двойных согласных в корнях слов **проект** первоначально предлагал упразднить их, то есть писать Ана вместо Анна, каса вместо касса и т. д., но совещание признало это мероприятие нецелесообразным. Таким образом, двойные **согласные в корнях слов остаются**.

Приставки **из**, **воз**, **низ**, **раз**, **без**, **чрез** — всегда пишутся с буквой з. Окончания прилагательных **ого**, **его** заменяются на **ово**, **ево**. Окончания прилагательных мужского рода следует писать ој, ај (красној, доброј). Окончания прилагательных **ые**, **ие**, заменяются — **ыі**, **іі** (добрыі, синіі).

В сложных названиях (Всесоюзный центральный исполнительный комитет) с большой буквы пишется только первое слово.

Устанавливается свободный перенос слов (с-овет).

По вопросу пунктуации совещание приняло подробный свод

правил, во многом совпадающий с существующими правилами. Наиболее существенное изменение — это сокращение случаев употребления запятой (например, между предложениями, соединенными сочинительными союзами).

В вопросе о **транскрипции иностранных слов** проект кладет в **основу принцип передачи произношения** слова (в особенности фамилий), а не написания.

Французские носовые звуки передаются буквой **н** и (перед губными согласными) буквой **м**. Немецкое **h** — буквой **х**, дифтонг **ei** — **ай**. Исключение делается для тех фамилий, которые давно и прочно вошли в русский язык в другой транскрипции, например, **Гейне**, **Гауптман** должны писаться по-прежнему, а не **Хаіне**, **Хауптман**, как это следовало бы по новым правилам.

Принятый Всесоюзным совещанием проект реформы орфографии, пунктуации и транскрипции **передается на утверждение коллегии наркомпроса, а затем Совнаркома**.

В. Г.

Источник. 1994. № 5. С. 101—102. АЛ РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 15. Л. 59—60.

ГОГОЛЬ И САМООСОЗНАНИЕ РУССКОЙ НАЦИИ

С некоторыми современными параллелями

Николай Васильевич — один из тех русских писателей, чья жизнь, труды и мировоззрение еще при его жизни стали предметом активного обсуждения в литературоведении и литературной публицистике. Что уж тут говорить о последующих полутора веках! Казалось бы, что не осталось при таком «микроскопическом» исследовании ни единого аспекта его творчества, который не был бы вынесен на суд читающей и размышляющей общественности.

Ан нет; как нам представляется, как-то упустили они существенный момент в мировоззрении и направленности творчества «второго после Пушкина» классика отечественной литературы, а именно: роль Гоголя, как впервые раскрывшего в своих художественных и публицистических, включая религиозные, произведениях тему *самоосознания* русского народа, русской нации.

...Чтобы читатель не соскучился за сухим изложением-обоснованием, позволим себе небольшой экскурс личностного характера: как эта тема появилась на свет.

Где-то за год до Московской олимпиады, во время весенней сессии заочников Литинститута им. А. М. Горького, которому, кстати, в декабре прошлого, 2008-го, года «стукнуло» 75 лет, вышли мы небольшой группкой после лекций из «дома Герцена» на Тверском бульваре, 25. Мы — это сдружившаяся еще с первого курса Саша Пытько из Молодечно, «хохол» Витя Гриваков из-под Харькова, из города Змиева, который только-только переименовали в Готвальдов, и «мужик-вячкий» Виталий Игитов. Где-то они сейчас, проживающие в трех царствах-государствах? Чем живут, что творят...

Где-то на траверсе тогдашнего магазина «Армения» нас окликнул из окошка притормозившей «волги», если не изменяет память, наш преподаватель Владимир Смирнов, ныне зав. кафедрой новейшей русской литературы, а тогда ассистент, моложе нас, матерых тридцатилетних заочников, внешне имиджевавший под молодого же Евтушенку...

— Ребята! Есть один лишний билет в театр на Таганке на дневной спектакль. Садитесь кто-нибудь и поехали. Давай, а то и так опаздываем.

К крайнему изумлению нашего преподавателя, мы, не раздумывая, отказались. Тот же сожалеюче посмотрел на нас, обреченно махнув рукой. Дескать, отказаться от такого театра! Любимов, Высоцкий! Да любой москвич-интеллигент спит и видит: как умудриться достать билет на Таганку? Но мы-то как раз и не были теми москвичами, уже тогда захваченными круговой порукой «тусовки»: обязательно ходить на Таганку, умеренно диссидентствовать и лучшим подарком себе на день рождения считать... пустую бутылку из-под кока-колы (последнее из телевизионных воспоминаний одного известного актера). Были мы уже и жизненным опытом несколько обременены, почти все уже имели высшее образование, не делали себе кумиров — того же Владимира Семеновича оценивали достаточно объективно.* Словом, в «тусовку» интеллигентскую не стремились. Вот поехать в выходной день в Сергиев Посад, тогда Загорск, где я, еще учась в Тульском политехническом институте, три месяца провел на преддипломной практике на оптико-механическом заводе, — это предложение принималось с удовольствием.

А тут — Таганка, Любимов, Высоцкий... При всем их пиете-те. Да и компанию разбивать не хотелось. И еще нам показалось, что преподаватель, обреченно махнув рукой, вроде как добавил: «Все равно ведь в пивную идете!» Слова эти мигом сыграли роль катализатора. И без того робкое намерение пересечь улицу Горького, сесть у кинотеатра «Россия» на третий номер троллейбуса, доехать до знаменитого литинститутского общежития и, не уставляя сегодня стол в нашей комнате батареей портвешка ординарного, готовиться к послезавтрашнему экзамену,— все это улетучилось. Улицу-то имени основателя Союза писателей СССР, в который все мы со временем вступили, мы перешли по подземному переходу, но, оставив памятник Пушкину и «Россию» слева, а па-

* См. литературоведческое исследование Николая Боева (г. Узловая) «Плач по Высоцкому», опубликованное в нашем журнале: «ПЗ» №№ 3, 4/2008.

мятник Юрию Долгорукому справа, почти автоматически дошли до знаменитейшей подвальной пивной «Серебряная ладья» на Пушкинской. Студенты Литинститута в те годы вполне справедливо полагали ее неформальным учебным корпусом своего вуза.

* * *

Еще раз просим извинения у читателя: это не мемуарные воспоминания, но развернутое введение в тему настоящего очерка. Все мы были под впечатлением только что прослушанной лекции по курсу русской литературы XIX века: блестящий преподаватель (человек хороший, фамилию называть не буду), четкая логика изложения, энциклопедическое знание предмета... И классический прием лектора, чтобы держать аудиторию в постоянной заинтересованности: интермеццо в форме исторических анекдотов, неписанных житейских историй. Вот и наш доцент на правах очевидца рассказал о вскрытии могилы Гоголя. Было такое поветрие в 30-х годах: любопытствовали ученые мужи, ученый и скульптор Герасимов реконструировал по черепам лица знаменитых покойников, еще что-то уточняли и узнавали. Добрались и до Тамерлана — вскрыли гробницу, а через несколько часов, точно в соответствии с историческим заклятьем могилы Хромого Тимура, началась Великая Отечественная война. Даже сугубый материалист Сталин накануне Сталинградской битвы распорядился вновь вернуть кости Тамерлана в его могилу. Все же не зря он учился в Горийской духовной семинарии вместе с самим великим мистиком XX века Гурджиевым...

Но Гоголя, кажется, просто перезахоранивали, однако, гроб открыли: интересовались, перевернулся ли он, как гласит предание, после захоронения в летаргическом сне? И вот здесь добрейший наш преподаватель с восторгом в лице, голосе и жестах стал рассказывать, как приглашенные на эксгумацию видные писатели начали хватать «на память» различные артефакты из одежды великого писателя. Особо повезло советскому классику Лидину: ему достался размером с ладонь кусок позеленевшей кожи — голенища сапога. И Лидин вмонтировал — не сам, конечно, а искусный переплетчик — этот лоскут в переплет томика Гоголя прижизненного

издания. Этой книжкой он очень гордился и демонстрировал гостям своего дома...

Конечно, будь мы стандартными московскими интеллигентами-обывателями, так тоже вместе с добрейшим нашим преподавателем порадовались бы за маститого классика; но... мы были сугубыми провинциалами, отягченными предрассудками, в том числе и от традиций православного христианства, хотя бы и некрещеные. И выйдя за ворота Литинститута, самый импульсивный из нас Виталька Игитов (не зря он в бурно-политические 90-е годы стал воеводой партии Жириновского по Кировской области...) завозмущался: «И чего радуются? Да это самое паскудное дело — с останков покойного одежду и сапоги срывать! Правильно Владимир Ильич, будь он не к ночи помянут, назвал русскую интеллигенцию гнилой и так далее...»

Раз разговор свернул на Гоголя, то он и продолжился в «Серебряной ладье» с ее раскрепощающей обстановкой. Харьковский «хохол» Гриваков, мужик обстоятельный, тем более по профессии железнодорожник, много поработавший на подвижном составе, а все паровозники-тепловозники склонны к философскому восприятию жизни, еще подначил: дескать, украинские националисты напрочь отрекаются от Гоголя, не считают его своим, но московским сочинителем... Но вот прошло четверть века — и Николая Васильевича на современной Украине (не «в Украине», что нарушает всю грамматику русского языка!) очень даже зауважали, считают литературной гордостью самостийно-незалежной и по-новому переводят его произведения на мову. Но что удивительно: слово «русский» переводят как «козак», человек неопределенной национальности. Как-то невнятно говорится в новых переводах о врагах исторической Украины-Малороссии: и не поляки, и не турки... а кто? И получается, что «козаки» Тараса Бульбы всю жизнь с кем-то воевали, но с кем? — Из переводного текста неясно; прямо-таки виртуальные враги, это как в современной компьютерно-интернетской субкультуре.

...Но тогда до этого было еще далеко, поэтому, посмеявшись на слова Вити Гривакова, перешли к более высоким материям. Обстановка опять же располагала. И договорились до сакраментального:

так в чем же непреходящее значение Гоголя для русской литературы? И как-то складно вышло, что творчество Николая Васильевича и самоосознание русского народа, как нации, как некоей *самости* в среде других народов и наций, есть факторы неразрывные.

И на ночь глядя, уже в общежитии, под портвешек все ординарный, тема эта продолжала развиваться. Подключились к ней заинтересованно и другие наши однокашники, даже из числа принципиально непьющих, попросту заходящие в нашу комнату. Как помнится, особенно горячо поддержали такую идею поэты: Олег Кочетков (ныне член редколлегии «Приокских зорь»), Анатолий Кузьмичевский, очень известный тогда, замечательный поэт Николай Тряпкин. Он, приехав по издательским делам в Москву, остановился в гостинице Союза писателей СССР, что занимала два этажа литинститутского общежития, и зашел на огонек к своим землякам-заочникам...

На том и порешили...

* * *

Прошло много лет, можно сказать — прошла вечность, даже живем мы в другом государстве: «без меня меня женили». Но тот давний разговор вспомнился именно сейчас, при формировании этого номера «Приокских зорь», посвященного 200-летию со дня рождения второго классика русской литературы. И отбирая юбилейные материалы, порой и отличающиеся от канонического взгляда — см. рубрику ниже, размышлял: а мое-то отношение к вопросу о связи творчества Гоголя с самоосознанием русской нации изменилось или нет? Тем более, что в новейшие времена были изданы (ведь что-то должно быть положительным?) ранее недоступные «Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о божественной литургии», книги о Гоголе и его творчестве, ранее «отсеянные» знаменитой комиссией «Луначарского — Крупской» навроде «Болезни Н. В. Гоголя» известного русского психиатра Владимира Федоровича Чижа (1855—1922). Много чего другого стало достоянием читателей и литературной общественности. Так изменилось? — Нет, честно отвечу себе, не изменилось, но более

того — укрепилось. Значит не зря мы тогда не польстились на Таганку, а пошли на Пушкинскую...

В данном контексте нелишним будет заметить, что сам Гоголь очень интересовался историей и даже несколько самонадеянно, что было в его характере, полагал себя отменным ее знатоком. И даже, добившись соответствующей кафедры в университете, короткое время читал курс всемирной истории, но, полностью «провалившись», оставил это занятие. Но это опять же характеристика Гоголя-человека, но Гоголь-писатель мыслил именно категориями истории. И в этом аспекте его не могла не занимать тема исторического самоосознания русского народа. По законам же психологии творчества все это и преломилось в его литературных и публицистических произведениях. Сразу оговоримся, чтобы уже больше не возвращаться к «самостийной» теме: Гоголь жил во времена, когда «оранжевые революции» в Киеве не могли присниться в самом пьяном сне героев «Вечеров на хуторе близ Диканьки». И для него Малороссия являлась лишь Юго-Западом России. Потому и Тарас Бульба называет себя и своих бойцов русскими... В противовес, например, Тарасу Шевченко — духовному отцу украинского национализма Нового времени.

А мысля категориями историческими, Николай Васильевич при обширности его интересов, а главное — при характерной для него убежденности в истинности своих убеждений, не мог не задумываться: когда русский народ осознал себя как нацию? Именно не отдельные провидцы, которые имелись и во времена Гостомысла и Рюрика, но мыслящие люди в достаточной полноте, имя которой — общественное мнение.

А теперь, мысленно пробежавшись по строкам всех основных художественных и публицистических произведений Гоголя, попробуем реконструировать размышления писателя в означенном выше аспекте.

Современная ему Россия, Российская империя, то есть Московская Русь — третья Русь после Киевской и Литвы (той, русской, на восток простиравшейся до Оки в Тульской земле, до унии и католичества) — есть государство совсем молодое по историческим меркам. Действительно, только три века минуло с не-

большим, как де-юре будущая Россия перестала именоваться Улусом Джучиевым и вышла из состава Золотой Орды. И к началу творческой деятельности Гоголя Европейская Россия, уже и не говоря о гигантской территории между Уралом и границей с Канадой на Аляске, являла собой конгломерат славянских, тюркских, угро-финских, кавказских и пр. народов, связанных в единое государство административно и отчасти торгово-экономически.

Нам, ныне живущим трудно поверить, что еще двести лет назад жители губерний, введенных Петром Первым, по отношению друг к другу, в смысле к жителям другой губернии, на подсознательном уровне испытывали определенную разъединенность этнического характера. И было это не только следствием не столь уж и давней раздробленности по враждующим княжествам, но и более давней генетической памяти, когда они принадлежали различным славянским племенам вятичей, древлян, дреговичей, кривичей и пр. Пишем особо не справляясь с авторитетными источниками — также читал лекции по истории и Гоголь,— но смысл понятен. И это еще не все. Даже в самой русской Центральной России были обширные территории, заселенные не чисто славянскими, но исторически смешанными племенами: это обширная поокская область, где славянские племена смешались с первонасельниками этих мест — мордовскими племенами эрзя и мокша; это и архангелогородский Север, где совсем недавно были ассимилированы десять тысяч шотландцев, которым царь Алексей Михайлович дал приют и спасение от протестантско-католической резни на их исторической родине.

...И эта неизжитая к началу XIX века разъединенность ощущалась зримо и словесно: «косопузая Рязань», ловкие и переимчивые ярославские мужики, язвительные хитрованы-калужане, хмурые вологодцы, у которых «ножики-засапожники», «тамбовские волки» и так далее.

А собственно-то русская, правильнее — великорусская, нация сложилась очень быстро (сработал диалектический закон перехода количества в качество) и на глазах Николая Васильевича, а именно в эпоху правления Николая Первого, которого нынешний ректор Литинститута Б. Н. Тарасов удачно назвал «рыцарем самодержавия». Действительно, что бы там не говорили о Николае I демо-

краты-разночинцы, пролеткульт и агитпроп, да и нынешние СМИ тоже (здесь полная аналогия со Сталиным), но этот классик самодержавной власти — не своей волей, конечно, но в силу исторических обстоятельств — сумел сформировать всего за тридцать лет своего царствования *русскую нацию* из конгломерата доселе лишь административно и, отчасти, торгово-экономически связанных территорий. Самое существенное, что создал-то именно административными мерами, начав с разгрома декабристов, наивных продвижных пешек формирующегося мирового масонства.

И — от противного, как говорят математики — самим проигрышем Крымской войны в конце своего правления император дал мощнейший стимул для окончательной консолидации русской нации. Остается только добавить, что и великая русская литература — порождение эпохи его правления. Такой вот «пролеткульт» получается...

* * *

Литература есть мера интеллектуализации общества, с одной стороны; с другой — в определенном смысле *vox populi**. Даже без осторожных оговорок можно сказать: до Гоголя русская литература была сугубо дворянской. Уже не говоря о старинном Тредиаковском, масонах Новикове, Радищеве и так далее, включая Фонвизина, Грибоедова, Карамзина, но и у Александра Сергеевича ведь этого *vox populi*, увы, нет. Даже в описании пугачевского восстания; даже в самом названии «бунт» Пушкин оценивает события крестьянской войны, что называется, «со стороны» дворянской. При всем нашем почитании первого гения русской литературы.

Итак и непредвзято: до Гоголя — и даже одновременно с ним — персонажами произведений отечественной литературы были дворяне и пейзане, как фон. Поэтому можно было говорить о самоосознании только «со стороны» привилегированного класса. Последнее слово употребляем в единственном числе, ибо в отличие от Европы низовое русское духовенство и весь его причт мало чем отличался от массового народа.

---

* Глас народа (лат.).

И только у Гоголя народ становится главным действующим лицом. Причем не только в «Тарасе Бульбе» и во всем малороссийском цикле его произведений, но и в «Мертвых душах», «Ревизоре», «Петербургских повестях». Естественно, значительная часть персонажей и здесь формально из верхнего сословия, но разве это рафинированная аристократия, разве они близко стояли с Онегиным, Чацким, Печориным? Худородые питерские и уездные чиновники, мелкие помещики, не выезжающие из своих деревень, предтеча Остапа Бендера (и современных «предпринимателей» тож) жуликоватый Чичиков...— дворяне лишь «по паспорту», тогдашний «средний класс»; опять же аналогия с новейшими российскими реалиями. Итак, это уже не господствующий класс де-факто, а массовая социальная группа, неотделимая от народа. Во всяком случае знаменитая фраза «страшно далеки они от народа» к гоголевским Акакиям Акакиевичам, «мертводушникам» и ссорящимся деревенским помещикам никак не относится. По крайней мере в том ракурсе, который избрал Гоголь для создания широкой панорамы показа тогдашней русской жизни: от Диканьки до Петербурга.

И самоосознание русской нации через эту группу есть уже не чисто дворянское самосознание, как то было в литературе до Гоголя, но де-факто народное. И великий наш писатель, несмотря на специфику своего характера и мировосприятия, здесь палку не перегнул. Ведь кто бы ему поверил, вздумай он самоосознание это «поручить» только крепостным крестьянам или уездным мещанам? Он верно и провидчески почувствовал: именно «средний класс» в любом социуме является базовым для самоосознания нации как исторической и/или текущей самостности.

Опять же параллель с современной Россией: даже в этом вопросе, если задуматься и проанализировать, видно: при кажущейся, почти декларативной хаотичности движение социума в последние двадцать лет его очень тонко, выверено и запрограммированно направляют. Куда? — Об этом знают только вполне реальные творцы сегодняшнего мира. Мира глобализма, а может и чего другого. Но для пресловутого *пипла* условной целью ставят капитализм. И чтобы дебилизованный СМИ народ наш самоосознал себя строителем его, хотя бы в нарушении всех законов последовательности

смены общественно-экономических формаций, для этого и потребовалось срочно создать этот средний класс. И это не просто уже набившие оскомину «песни о среднем классе» от радио и ТВ, но его вполне реальное формирование; естественно, за счет остального, без того не жирующего народа. Итак, чрезмерно раздутое чиновничество плюс положенное число среднеклассников от торговли и финансовых спекуляций, да с учетом их ближайших родственников-компатриотов и дают те 10—15 процентов населения, которые и решат требуемую задачу. Кстати, это мы говорим совершенно безотносительно, без «правого» или «левого» уклонов. Просто мы объективны и не задаемся вопросом: кому это нужно?

...Вот это-то гениально понял Гоголь, к творчеству которого мы и возвращаемся, совершив необходимый экскурс в наши времена.

* * *

Определимся с самим понятием самоосознания нации, особо не апеллируя к классикам историко-философской науки. И отмененной ныне политэкономии. Тем более, что читают ныне «толстые» литературные журналы люди поколений, получивших образование в советское время (более молодые генерации читают только кроссворды и собственную чековую книжку...), то есть прекрасно помнящие эти классические определения нации. И заключительным аккордом, торжествующим крещендо формирования ее является процесс самоосознания.

Здесь имеется одна тонкость: самоосознание молодых, динамично растущих наций, обладающих обширной территорией и многочисленным населением; и тот же процесс для малых наций, почти весь исторический период не имевших своей государственности. Последние не следует путать с некоторыми недавно самоопределившимися государствами (не нациями! Не народами!), вовсе ранее не угнетенными, но составными, равноправными частями более крупных государств. Увы, это реалии нашего смутного времени; здесь наличествуют и большие политические игры, и искусственно раздуваемый национализм. Отсюда самостийность, незалежность, великие ханства; словом, перефразируя: «у нас, несоветских, особая

гордость...». Наконец, есть специфические национальные черты, но современная политкорректность и декларированная толерантность накладывает на эту тему табу. Тема увлекательна и конспиративна, по вернемся к юбиляру.

...И опять Николай Васильевич здесь оказался великим провидцем. Речь идет о той любопытной закономерности, достаточно хорошо известной, которая относится к внешнему антуражу самоосознания больших и малых наций в данном выше определении. Если для последних это, по преимуществу, обретение чувства национальной гордости («гордый имярек», «свободолюбивый имярек», и так далее), не терпящий никакой иронии и вообще любого негатива. Даже добродушного юмора. Это все объяснимо; никакой вины такого народа здесь нет. Противоположный национальный характер, не совсем толерантно заметим мы, присущ большим народам (см. выше), с великим будущим. Декларированная гордость ему ни к чему; член такого социума уже априори горд принадлежностью к такому народу, но горд подспудно, без манифестации. Более того, он не стыдится признавать и негативные, исторически обусловленные черты национального характера. Резюме: малая нация самоосознает себя через гипертрофированный позитивизм, большая — допускает и признание негативных черт характера.

Вот здесь-то чудесным образом нашли друг друга специфика самоосознания большой, великой нации и меланхоличный, по-русски — желчный, характер Гоголя. Но это, конечно, не его вина, таким он появился на свет. И его талант писателя с возрастом все более приобретал адекватные личному характеру черты.

* * *

Итак, в произведениях Гоголя русская (включая, естественно, и Малороссию) нация самоосознает себя преимущественно со стороны «негатива». Как будто есть на белом свете нации, носительницы абсолютного позитива... Этакие ангелы во плоти!

Понятно, что в том же «Тарасе Бульбе» и в «Птице тройке», завершающей первый том «Мертвых душ», Николай Васильевич достигает таких высот в поэтизации цельного русского харак-

тера, до которых ох как далеко иным записным квасным ура-патриотам! Но все же явный перекос в похождениях Чичикова и Хлестакова в сторону критическую. Условно срединное положение занимают «Петербургские повести». Еще далеко было до «Братьев Карамазовых», где Достоевский как по полочкам разложил три доминанты русского характера. Труднее было Гоголю, как первым нащупывающему эту тропу. Но получилось ведь великолепно? И на все последующие века русской литературы Николай Васильевич дал «зеленый свет» самоосознанию через показ негероических характеров, но таких типичных!

Не говоря уже о кальке с Чичикова — Остапе Бендере одесских классиков, из Гоголя «вышел» каждый в своей ипостаси, если не каждый второй, то третий-четвертый русский писатель последующих ста лет. Затем был перерыв на соцреализм — при всех его немалых достоинствах и достижениях, но вот уже двадцать лет, как Николай Васильевич в его Чичикове и Хлеставкое, а равно и в других агероических персонажах отдыхает... Другое дело, что пока нет Николая Павловича с его знаменитым: «Высек всю Россию, а более всего меня»,— который бы заставил в приказном порядке всю чиновную братию заучить наизусть новых «Ревизоров» и принять к исполнению. А заодно и высечь их всех в околотках для твердости памяти. Нелишним будет заметить в данном контексте, что в истории России нашлось лишь два руководителя страны, истинных рачительных хозяев, которые простирали свой государственный интерес на все явления жизни, включая и литературу. И главное — делали оргвыводы для пользы этих интересов. Это Николай Первый и Иосиф Виссарионович. Если для царя такими авторитетами являлись Пушкин и Гоголь, то для генералиссимуса — два Михаила, Шолохов и Булгаков. Более того, здесь имела место и выраженная обратная связь. Прислушиваясь к словам художественной правды, оба «классика самодержавия» умело подправляли и направляли творцов этой правды. Несмотря на происки Александра Христофоровича Бенкендорфа и Пролеткульта, соответственно. Но — это к слову.

И еще одна *nota bene* в данном контексте. Сам Гоголь, как это видно хотя бы из «Выбранных мест», не считал себя выра-

женным «обличителем» негативных сторон тогдашней жизни страны. Вряд ли он даже задумывался об этом, как истинно талантливый писатель не дисциплинирует себя замыканием в той или иной «специализации». Ярлык же целенаправленного «обличителя существующего строя» ему последовательно навешивали демократические сочинители-разночинцы XIX века, пролеткультовцы с комиссией Луначарского — Крупской и окончательно затвердили учителя советской средней школы. Этот ярлык и по сей день остался. Опять же сработал принцип «без меня меня женили»...

В главе «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» — из книги «Выбранные места...» — говоря о Фонвизине, Гоголь пишет: «*Все в этой комедии кажется чудовищной карикатурой на русское. А между тем нет ничего в ней карикатурного: все взято живьем с природы и проверено знаньем души. Это те неотразимо-страшные идеалы огрубения, до которых может достигнуть только один человек русской земли, а не другого народа*».

Если бы эти слова кто сказал о Гоголе, то была бы еще бóльшая правда.

* * *

Итак, самоосознание нации через показ-подчеркивание негативных черт национального характера — это интуитивное использование Гоголем диалектического закона отрицания отрицания. Тем более, создатель диалектики Гегель как раз в годы творчества писателя входил в «философскую моду». Как человек с широким кругозором и интересующийся всеми новыми европейскими веяниями (зачастую, правда, несколько поверхностно), Гоголь наверняка был знаком и с философией Гегеля. Хотя в философии для него первенствующим — до начала активных духовно-религиозных исканий истины — являлся Кант. Но чтобы художественными средствами решить такую задачу, нужно быть гением. Только ему это удается сделать.

Действительно, все последующие попытки «повторить» похождения Чичикова такой сверхзадачи не решали, хотя для своего времени и имели определенный резонанс. Но и только. Выше мы

уже проводили параллель с Остапом Бендером. То же самое, но еще в меньшей степени можно сказать о «Москва — Петушки». Заодно вспомним, что моему мурманскому земляку (из города Апатиты) Венедикту Ерофееву недавно исполнилось бы 70 лет, а в самих Петушках на границе Московской и Владимирской областей, вообще-то известным широким массам едоков страны по относительно качественным консервам из речных сортов рыб, к этой дате открылась экспозиция, посвященная писателю.

И явно неспроста тот назвал свою повесть *поэмой*. Но поэма поэме рознь. И если бы не диссидентская, хотя бы и помимо воли и желания автора, предыстория, то Петушки так бы и ассоциировались с лещом и сазаном в томатном соусе... Хотя написана вещь замечательно, по-гоголевски, причем канва Чичикова весьма естественно развивается на фоне «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Проще говоря, *a la delirium tremens*, как художественный прием.

Но все дело-то в том и состоит, что, отправляя Чичикова в губернское путешествие, Гоголь создавал средствами литературы энциклопедию национальных характеров «от противного». Герои же Ильфа с соавтором и Ерофеева изначально заангажированы, лучше сказать — запрограммированы, на конкретную роль. Вот и вся разница, но она напрочь отсекает творческий метод Гоголя от возможных повторений и, тем более, подражаний и стилизаций.

Однако, пора и итоги подводить. Как-то тихо сошли с общественной сцены после ажиотажа 90-х годов и самого начала века нынешнего историки-гипермодернисты Фоменко и Носовский: это которые Куликовскую битву «перенесли» в сельцо Кулиши (ныне центр Москвы), самого Дмитрия Донского перекрестили в хана Тохтамыша, из одного Ивана Грозного сделали подряд царствующих целых шесть царей и так далее. Но при всех разночтениях, возражениях и недоумениях скорее всего заслуживает внимания их исходная посылка к пересмотру русской и вообще мировой истории: историческое время не есть эквивалент времени физического; оно неравномерно и по нашему, современному восприятию слишком отдалено вглубь веков и тысячелетий. Это парадокс психологии мышления человека: близкое лучше видится на расстоянии. На самом же деле, в реальности исторические события ближе к нам, чем

это кажется. Даже вопреки всевозможным артефактам давних времен. Включая, как метко замечают наши гипермодернисты, и регулярно, особенно при смене династий и общественных формаций, переписываемые летописи и другие памятники письменности.

...Это мы все к тому же: русская нация московского этноса очень молодая. Соответственно, и ее самоосознание относится не к Куликовской битве, не к стоянию на Угре, спустя сто лет, даже не к окончанию Смутного времени и воцарению Михаила Романова. И это самоосознание активно готовили его сын, царь Алексей Михайлович и Петр Первый. Не преминем упомянуть, конечно, и Ивана Грозного (шестерых Иванов по Фоменко и Носовскому...). Но точку в этом долгом процессе поставил 1812-й год. История предельно близка к нам; ведь еще и полных двух веков не минуло! Ведь 200-летие этого судьбоносного для оформления русской нации события мы только через три года будем отмечать — вместе с сочинским спортивно-политическим шоу...

И вовремя — не раньше и не позже — в России появился и проявился гений Гоголя, закрепивший в литературном самовыражении феномен самоосознания русской нации. Причем художественным приемом, который «***может достигнуть только один человек русской земли, а не другого народа***».

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ: ПРИМЕР ЛЬВА ТОЛСТОГО

В многочисленных эстетических трактатах Льва Толстого достаточное внимание уделено вопросам стиля и языка. Толстой исходил из обычного своего, окончательно сформировавшегося к началу 80-х годов мнения, что цель всякого искусства — быть полезным, нужным и заразительным (чувствами христианской добродетели и христианского гуманизма, которые вкладывает автор произведения для общения и единения с людьми посредством искусства), но не для элитарной или клановой частей человеческих сообществ, а для всех людей, уже обретших христианское мировоззрение, либо находящихся на пути к обретению его. Отсюда и требования к стилю и языку индивидуального автора произведения, укладывающегося в канву толстовской эстетики: народность, общедоступность, поучительность. Таков стиль и язык самого Толстого, таков стиль и язык крупнейших русских писателей.

Сам Толстой считал, что только два его произведения удовлетворяют всем требованиям его же эстетики: рассказы «Кавказский пленник» и «Бог правду видит, да не скоро скажет». Причем именно «Кавказский пленник» наиболее удовлетворителен в части стилевой, языковой. Это так, но трудно назвать любое из произведений Толстого, не удовлетворяющее канонам его эстетики и вообще любому, сколь угодно взыскательному читательскому вкусу. Даже теоретические трактаты Толстого, его сочинения по религии, философии, христианской этике читаются как вполне художественные произведения: например, «Исповедь», «В чем моя вера?», «Царство божие внутри Вас».

Толстой в области стилистики языка был яростным противником всех теорий эстетики как «красоты», красоты абстрагированной, самоцели. Поэтому современное ему состояние неоформленности эстетического учения он и видел в неправильном требовании искусства, как красоты, источника удовольствия. Из этого он и выводил упадочность современного искусства, его элитарность, антинародность.

Искусство, в данном случае язык художественных произведений, должно в той степени быть явлением красоты, в какой эта красота служит пользой для усвоения мысли и чувства автора произведения. А истинная красота языка — его правильность, разумная щедрость образных форм, правильная его грамматика, умеренное использование диалектизмов, неспецифических литературных форм, сочетание тысячелетнего опыта народного языка и его литературно-обработанной формы.

Стилевые каноны Толстого не висят в воздухе (или на собственном лишь творчестве и опыте Толстого). Это органическое обобщение стилевых концепций всей русской литературы, литературного русского языка. Оно прослеживается по всему развитию русской литературы: Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Гоголь, Баратынский, Некрасов, Герцен, Тургенев, Тютчев, Лесков, Фет, Достоевский, Чехов, Леонид Андреев, Куприн, Горький...

В продолжение темы предыдущего раздела, на примере эстетики Льва Толстого, попробуем определить психологическую необходимость художественного познания.

Имея в виду конечную цель настоящей работы, именно в эстетических воззрениях Толстого мы найдем наибольшее число эвристических моментов.

Укрупненно он полагал эту психологическую необходимость в «заражении» искусством:

«*Вызвать в себе раз испытанное чувство и, вызвав его в себе, посредством движений, линий, красок, звуков, образов, выраженных словами, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство,— в этом состоит деятельность искусства. Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их*».

Причем это «заражение» должно иметь одну конечную установку: быть полезной людям, как писал столь любимый Толстым Эпиктет:

«*Ты так зачитываешься полезными книжками, что жалеешь, когда люди отрывают тебя от этого занятия...— о, ка-*

кой я несчастный! Мне хотелось заняться чтением прекрасной и полезнейшей книги; и вот, вместо того, изволь исполнять просьбы этого докучливого человека.— А разве,— отвечу я тебе,— твоя обязанность в том и состоит, чтобы читать книги в то время, когда от тебя просят помощи?..

Не ударь же лицом в грязь; не сетуй на людей за то, что они прервали твое занятие: ведь если бы не было людей, то кому бы ты служил, и к чему было бы читать книжки о том, как лучше служить людям?».

Все статьи, трактаты, дневниковые записи, фразы в письмах у Льва Толстого, касающиеся проблемы сущности и назначения искусства, где явно, а где подстрочно отталкиваются от первовопроса, предваряющего мысли о роли искусства: зачем человеку нужно искусство? В современном литературоведении в решении этого глобального вопроса принято танцевать от **психологической необходимости искусства**. Эта необходимость определяется по-разному, вот одно из современных суждений:

«*Мир, представленный художественным произведением,— добровольный мир, рожденный человеческим произволом. Повторяет ли он нынешний мир, воссоздает ли прошлый или предвосхищает будущий,— он существует лишь как допущение нашей собственной воли. Реальный мир человеку задан и пребывает независимо от его воли, тогда как художественная действительность полностью обусловлена нашим желанием: в нашей воле создавать или не создавать (воспринимать или не воспринимать) ее. Этот факт сообщает чувство свободы от того, что создано не нами; больше того: ощущение власти над ним. Мы ощущаем себя «делателями» мира; по собственной воле мы создаем мир. Правда, это лишь фикция, иллюзия, но поскольку эта иллюзорная ситуация переживается, как известно, в качестве абсолютно реальной, развивается вполне реально и наша творческая активность, более раскованное, более активное, более критическое отношение к действительному миру*».

А вот что пишет Лев Толстой: «...*Говорят, что это делается для искусства, а что искусство есть очень важное дело. Но правда ли, что это искусство, и что искусство есть такое*

важное дело, что ему могут быть принесены такие жертвы? Вопрос этот особенно важен потому, что искусство, ради которого приносятся в жертву труды миллионов людей и самые жизни человеческие и, главное, любовь между людьми, это самое искусство становится в сознании людей все более и более чем-то неясным и неопределенным... Так что искусство, поглощающее огромные труды народа и жизней человеческих и нарушающее любовь между ними, не только не есть нечто ясное и твердо определенное, но понимается так разноречиво своими любителями, что трудно сказать, что вообще разумеется под искусством и в особенности хорошим, полезным искусством, таким, во имя которого могут быть принесены те жертвы, которые ему приносятся».

Как и во всех высказываниях Толстого относительно роли и сущности искусства, ответ на любой вопрос дается в контексте с основной мыслью писателя: христианское понимание пользы искусства, ее нравственно-этического идеала.

Из цитированного отрывка видно, что психологическая необходимость искусства несомненно существует, раз существует само искусство, тем более существует при таких затратах человеческой энергии, «самих человеческих жизней», громадных экономических ресурсов народа... Но важно ли это искусство (в подтексте: такова ли его психологическая необходимость, жизненная важность, что люди и государство идут на жертвы материальные, социальные, личностные?)? С другой стороны, вряд ли эта психологическая необходимость четко осознается людьми, если (в современном Толстому искусстве) «это самое искусство становится в сознании людей все более и более чем-то неясным и неопределенным...» Только «хорошее, полезное» искусство, по мысли Толстого, является морально, социально и этически оправданным. Тем самым, в выражении Толстого, психологическая потребность искусства суть удовлетворения следующих требований к нему:

а) искусство вообще — необходимое звено человеческой культуры и человеческого разумного существования;

б) искусство — феномен человеческой цивилизации, своего рода — патология потребности в искусстве, ибо разумно и однозначно

объяснить: для чего оно, чему служит, наконец, зачем оно мне?— невозможно. Но ведь потребность в нем есть, живет, не иссякает?!

в) искусство — явление «для каждого»; Толстой почти близок к определению, что искусство — явление классовое, но в силу философской систематики его он делит человечество не на системы, не на классы, а на группы индивидуумов по признакам их восприятия христианской морали, по отношению к лично-трудовой жизни; исповеданию руссоистских принципов чистой, нравственной и общественно-полезной жизни;

г) наконец, искусство не должно быть элитарным, ибо только в этом случае оно не требует жертвы одних (многих) ради других (меньшинства); то есть это настоятельное требование массовости искусства, его народности.

Вот при этих условиях Лев Толстой допускает существование психологической необходимости (и достаточности!) искусства. Это чисто христианская позиция, имеющая корни в Новом Завете, препарированная Толстым в его конкретных определениях сущности искусства для современной ему эпохи. Но не этот момент важнейший для Толстого. Еще раз подчеркиваем, что онтологический вопрос о психологических первоосновах необходимости творчества и восприятия искусства читается у него между строк. В силу своей натуры философа-проповедника, учителя жизни, его более всего волнуют вопросы более конкретного, жизненного характера: роль и обязанности искусства в современной ему жизни, а уже отсюда он идет к психологии творчества и восприятия искусства.

С какой целью мы так подробно исследуем этот вопрос? А цель тут явная и определенная однозначно: Толстого в определении сущности и назначения искусства прежде всего интересует соответствие творчества и его восприятия, причем восприятия не элитарного, не индивидуально-интеллектуального, не дифференцированного по группам интеллекта или образности художественного мышления, но соответствия общедоступного, общепонятного, гуманного, христианского, пацифистского искусства и массового его восприятия людьми. При этом искусство должно являться одним из методов самоусовершенствования. Проблема же психологической потребности искусства им не снимается, но растворяется в других,

более важных для выделения (по мнению Толстого) проблемах эстетики искусства.

...И второй предварительный момент. Раскрыв любой литературоведческий труд о Толстом, найдем обширнейший комментарий к творчеству Толстого в начале 80-х годов, суть которого сводится к констатации идейного, духовного, творческого перелома писателя. Об этом так много говорено и написано, что ограничимся одним мнением. Лев Шестов в статье «Отрицающий и созидающий миры» в сборнике «Великие кануны» доказывает существование трех переломов в художественном и нравственно этическом мировоззрении Толстого, причем каждый раз он полностью отрицал весь свой предыдущий путь и избирал новый: в этике, морали, философии и художественном творчестве. Нет сомнения, что и позиции современного литературоведения, и мнение Шестова, весьма аргументированные, имеют реальную почву. Действительно, психический тип Льва Толстого, как то присуще многим высокоодаренным художникам, относится к категории неуравновешенных, причем это длительно нарастающая неуравновешенность; по истечении определенного периода времени она завершается глубоким духовным кризисом, переоценкой всей жизни предшествующей... После чего начинается новое осмысление своего творчества, на более высоком уровне требований к себе, своему таланту, своим произведениям — уже ранее созданным и вновь создаваемым. Сам же кризис психофизиологически выражается в различных формах: черная меланхолия, взрывная и затяжная истерия, глубокая апатия, иногда особенно сильный кризис заканчивается необратимыми патологическими изменениями, потерей личности (шизофрения Гоголя, Мопассана). Еще чаще, если особенности организма не позволяют выйти из затянувшегося кризиса — самоубийство (примеры из-за их многочисленности не приводим). Вот подобные кризисы испытывал и Толстой. Первый, им сознательно зафиксированный и, пожалуй, наиболее страшный, глубокий, оставивший явственные следы на всю его жизнь, кризис молодой Толстой испытал в Арзамасе («арзамасский ужас», описанный в «Записках сумасшедшего»). Потом были другие кризисы, уже без особо заметной симптоматики; вся тяжесть их в пору художественной зрелости и философской мудрости пере-

носилась на душевные переживания, разлад обостренной совести и естественной природы человека. Был кризис после счастливейшей (по его собственным словам) поры жизни Толстого: женитьба, успешное хозяйствование в усадьбе, написание «Войны и мира». Был сильный кризис после периода «Анны Карениной». Но перелом 80-го года по силе своей заставляет думать о страданиях души, едва ли не подобных «арзамасскому ужасу». Лев Николаевич в своих писаниях многократно возвращался к описанию того состояния, подчеркивая весь ужас близости к самоубийству (предисловие к «Соединению, переводу и исследованию 4-х Евангелий»; «В чем моя вера?»; «Исповедь»; «Царство божие внутри Вас»* и во многих других статьях, трактатах, письмах и дневниковых записях).

Поэтому-то, очевидно, этот кризис и выделяют исследователи Толстого. Действительно, период начала 80-х годов характеризовался сильным послекризисным «отрицанием и созиданием» новых начал в мировоззрении Льва Николаевича, но акцентировать этот момент, приписывать этому периоду чуть ли не изменение всех жизненных принципов, всего отношения к собственной художественной деятельности — это, скорее всего, крайняя позиция.

Лично у меня выработалось твердое мнение, что в мировоззрении Льва Толстого не было никаких капитальных ломок, были кризисы, после которых он переходил на качественно более высокий круг миросозерцания. Анализируя все творчество Толстого, видишь удивительную последовательность развития всех сторон его таланта, всех принципов его философского, этического и художественного мышления. И только усиление той или иной грани таланта в отдельные периоды может дать основание судить о пресловутом «коренном переломе».

Вряд ли по существу можно найти контрдоводы; художественным творчеством Толстой занимался всю жизнь, даже в последние годы «отказа от художественного» он писал много и плодотворно, были такие всплески как «Воскресение» и «Хаджи-Мурат», «После бала».

С другой стороны, публицистика, философская работа, религи-

---

* Соответственно, тома 24, 23 и 28 Юбилейного ПСС в 90 томах.

озное морализирование, писание социальных этических трактатов — все это начинается отнюдь не с 80-х годов, но одновременно с написанием «Севастопольских рассказов», автобиографической трилогии*. Идея пацифизма вряд ли много изменилась в творчестве и мировоззрения Толстого после ее капитальной разработки в «Войне и мире». То же можно сказать и об очищении Толстым духа христианского учения, идее своего рода антигосударственности в системе воззрения писателя. Все шло последовательно, в полной преемственности, в расширении и глубине идеи, мысли.

Избегая многих слов, приведем структурную иллюстрацию вышесказанной мысли.

Данная схема не дает обрыва и инверсии в период 80-х годов. Все в преемственности и в поступательном движении и развитии.

Данное, несколько затянувшееся введение тем не менее представляется нам необходимым для пояснения позиций, с которых ниже и рассматривается этика и эстетика Толстого, его понимание сущности и назначения искусства.

Лев Толстой очень облегчил задачу исследования его эстетических воззрений: в 1897—98 гг. им был создан трактат «Что такое искусство?» — полный ответ на все могущие быть поставленными вопросы в части понимания писателем сущности и назначения искусства.

Также в 90-е годы Толстым был написан целый цикл статей по этой же тематике: «Предисловие к сочинениям Ги де Мопассана», «Письмо к Н. А. Александрову», «Об искусстве», «О том, что есть и что не есть искусство, и о том, когда искусство есть дело важное и когда оно есть дело пустое», «Об искусстве» (вторая статья под этим заголовком), «Наука и искусство», «О науке и искусстве», «О том, что называют искусством»** Эти работы можно рассматривать как варианты отдельных глав основополагающего трактата «Что такое искусство?». Сведение воедино еще более облегчает условие анализа эстетического наследия Толстого.

---

* См. неоконченные и черновые материалы в 1—5 томах Юбилейного ПСС в 90 томах.

** Все в 30 томе Юбилейного ПСС в 90 томах.

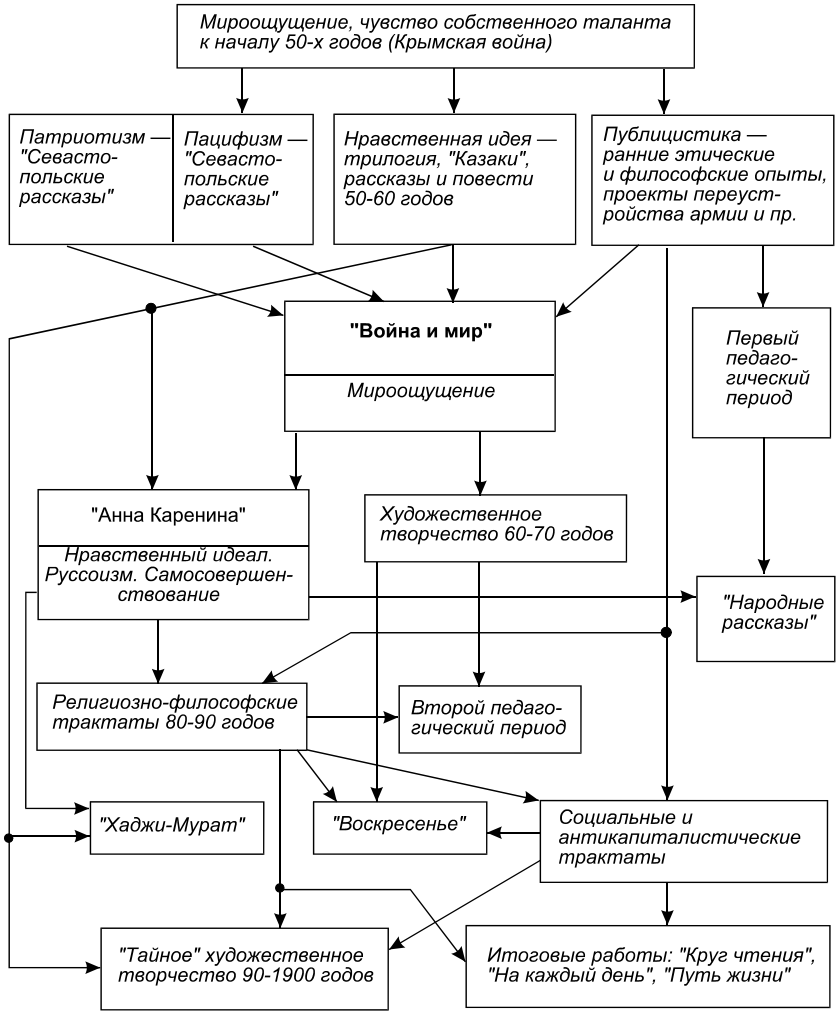
Кроме этих работ, мысли Толстого об искусстве, сущности и назначении его встречаются (иногда в большом объеме) во многих произведениях писателя: в художественных произведениях, статьях, трактатах, письмах, дневниковых записях, записных книжках. Немало суждений об искусстве включено Толстым в компилятивные произведения: «Мысли мудрых на каждый день», «Круг чтения», «На каждый день» и в итоговый религиозно-философский, социально-нравственный труд — «Путь жизни».*

Что такое искусство? Ведь это не фикция, не надуманность? — «*Возьмите какую бы то ни было газету нашего времени, и во всякой вы найдете отдел театра и музыки; почти в каждом номере вы найдете описание той или другой выставки или отдельной картины и в каждом найдете отчеты о появляющихся новых книгах художественного содержания, стихов, повестей и романов*»,— такими словами начинается трактат «Что такое искусство?». Толстого особенно возмущает то, с каким вниманием общественное мнение, пресса обсуждают внешнюю, атрибутивную сторону феномена искусства, а более всего его поражает обилие художественной продукции, совсем не пропорциональное ее социальной значимости. «*На поддержание искусства в России, где на народное образование тратится только одна сотая того, что нужно для доставления всему народу средств обучения, даются миллионные субсидии от правительства на академии, консерватории, театры*»). Современное ему искусство представляется Толстому одной из отраслей пропаганды государственной идеи (в данном случае — православия, ложного историзма, самодержавия). Чуткость Толстого позволила ему здесь предугадать специфическое явление будущего XX века — официозность, государственную монополию на искусство, как одно из средств тоталитарной пропаганды (вспомним искусство Третьего Рейха, то же самое и «демократический» модернизм).

Наконец, искусство совсем выворачивается наизнанку и становится своим антиподом, антигуманизмом самого изощренного толка:

---

* Соответственно, 40, 41—42, 43—44, 45 тома Юбилейного ПСС в 90 томах.



«Но мало того, что такие огромные труды тратятся на эту деятельность,— на нее, так же как на войну, тратятся прямо жизни человеческие!».

А самое главное — современное искусство антинародное, безнравственное (*«Балет же, в котором полуобнаженные женщины делают сладострастные движения, переплетаются в разные*

чувственные гирлянды, есть прямо развратное представление»), официозное, бессмысленное, рассчитанное либо на элитарный, либо на развращенный, либо на дешевый вкус. Более того, в самой среде деятелей, творцов современного искусства, в критике этого искусства идет сплошное отрицание друг друга».

Таково внешнее суждение Толстого о современном ему искусстве.

Искусство есть деятельность, ее результаты: архитектура, ваяние, живопись, музыка, поэзия. В каждой из этих деятельностей сочетается полезное и вычурное, уродливое, ненужное (или нужное элитарной группе ценителей и создателей извращенного). Поэтому необходимо прежде всего для понимания истинной сущности искусства разделить полезное искусство и излишнюю надстройку над полезным. Но каким образом это сделать? Неспециалист в области эстетики судит интуитивно, считая, что определение искусства дается ему (всем) *a priori*: то что красиво для вкуса, обоняния, осязания, слуха и зрения (Толстой цитирует эстетиков: Ренана, Кралика, Гюйо). «*Для среднего человека кажется ясным и понятным то, что искусство есть проявление красоты; и красотою объясняются для него все вопросы искусства*»).

Еще ступень — а что такое красота? Толстой пишет, что за 150 лет со времен основания эстетики (как науки) Баумгартеном так и не дано объективное определение красоты, хотя над этим думали великие мыслители: Спенсер, Грант-Аллен, Гюйо, Тэн, Баумгартен, Кант, Шеллинг, Шиллер, Фихте, Винкельман, Лессинг, Гегель, Шопенгауэр, Гартман, Кузен и многие другие.* Чернышевский, добавим мы.

(Толстой поясняет этимологию и значение русского слова «красивый», замечая, что это русское слово неидентично соответствующим словам в европейских языках. Поэтому далее слово «красивый» употребляется Толстым в смысле «прекрасный»).

Сколько людей, столько и мнений; Толстой иллюстрирует эту мысль в приложении к определению основного понятия эстети-

---

* См. ранее издаваемые серии «Памятники мировой эстетической и критической мысли» и «История эстетики в памятниках и документах».

ки — красоты двумя десятками страниц выписок из трудов вышеперечисленных философов, эстетиков.

«...*Выписанные здесь суждения о красоте и искусстве далеко не исчерпывают всего того, что написано об этом предмете. Кроме того, каждый день являются новые писатели об эстетике, и в суждениях этих новых писателей — та же странная заколдованная неясность и противоречивость в определении красоты*»).

Из всех теорий эстетики выводится двоякое определение красоты:

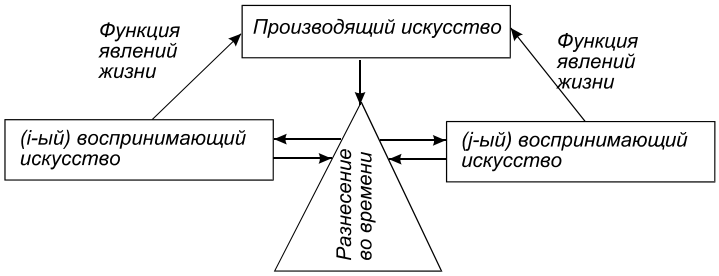
а) красота — нечто существующее само по себе, одно из проявлений абсолютно совершенного;

б) красота — субъективно получаемое удовольствие без целей личной выгоды.

А по времени существует тенденция перехода в понимании красоты от метафизического к физиологическому. Таков вывод Толстого из анализа мировых учений эстетики. Мнение же самого Толстого по этим выводам: объективного определения красоты нет, все сводится к субъективному понятию. А поэтому: «*так что теория искусства, основанная на красоте и изложенная в эстетиках и в смутных чертах исповедуемая публикой, есть не что иное, как признание хорошим того, что нравилось и нравится нам, т.е. известному кругу людей*»).

Любую человеческую деятельность можно понять, только осознав смысл, цель и значение ее. Причем осознав **объективно**. Любое субъективное осознание — ложно. «*Люди поймут смысл искусства только тогда, когда перестанут считать целью этой деятельности красоту, т.е. наслаждение*»). **Признание красоты целью искусства — причина отсутствия точного, объективного и однозначного определения искусства**.

Но и в отсутствие понятия красоты в существующих эстетиках все сводится к субъективным удовольствиям. «*Для того, чтобы точно определить искусство, надо прежде всего перестать смотреть на него, как на средство наслаждения, а рассматривать искусство, как одно из условий человеческой жизни*»).



Поэтому прежде всего искусство — средство общения людей между собой. Это связь замкнутая.

Если все остальные формы общения передают мысли, то искусство передает чувства. Происходит своего рода «заражение чувствами».

«*Искусство начинается тогда, когда человек с целью передать другим людям испытанное им чувство снова вызывает его в себе и известными внешними знаками выражает его*»).

Искусство — это не наслаждение, а именно нечто, необходимое для жизни человека, движение его (индивидуума) к благу, средство общения людей по принципу соединения в одинаковых чувствах. Не только официально оформленное искусство (в статуях, книгах, театрах), но «*вся жизнь человеческая наполнена произведениями искусства всякого рода, от колыбельной песни, шутки, передразнивания, украшения жилищ, одежд, утвари до церковных служб, торжественных шествий*»).

В древности роль искусства была подчинительная, его зачастую только терпели, а иногда и запрещали (ислам резко сократил область развития искусства, запретив изображение людей, потому-то арабское искусство свелось к арабескам и архитектуре). А в современную эпоху искусство признано, государством поощряется, стало необходимостью — и все это при условии, что оно приносит удовольствие.

Толстой исследует причинную связь этих явлений: «*Оценка достоинства искусства, т.е. чувств, которые оно передает, зависит от понимания людьми смысла жизни, от того, в чем они видят благо и в чем зло жизни. Определяются же благо и зло жизни тем, что называют религиями*»).

Религия дает идеал, приближение к идеалу — приближение к пониманию жизни, поэтому религия есть основание оценки чувств людей. Искусство передает чувства. Если оно передает согласные с религиозным сознанием чувства — это поощряемое искусство, несогласные — отрицаемое искусство. Анализ христианской религии и вытекающей из нее тенденции развития искусств, ориентированных исторически на христианские догматы, приводит Толстого к мысли, что формализация (к настоящему времени) христианства привела к потере в обществе религиозного мировоззрения, «*а не имея религиозного мировоззрения, люди эти не могли иметь никакого другого мерила расценки хорошего и дурного искусства, кроме личного наслаждения*»).

Отсюда — по Толстому — тезис современного искусства об обязательном соединении красоты и добра как первоосновы искусства, в то время как еще Сократ, Платон, Аристотель, а после — буддизм и христианство — указывали на различное содержание понятий красоты и добра.

Поэтому и теория основателя эстетики Баумгартена, основанная на классовом (буржуазном) толковании добра как красоты и наоборот — ложна; Толстой пишет, что она так же ложна, как и теория Мальтуса. В действительности же, «*чем больше мы отдаемся красоте, тем больше мы удаляемся от добра. Я знаю, что на это всегда говорят о том, что красота бывает нравственная и духовная, но это только игра слов, потому что под красотой духовной или нравственной разумеется не что иное, как добро. Духовная красота, или добро, большею частью не только не совпадает с тем, что обыкновенно разумеется под красотой, но противоположна ему*».

Но как же существовало искусство после потери истинного религиозного чувства?— спрашивает Толстой. Его ответ: «*искусство высших классов отделилось от искусства всего народа, и стало два искусства: искусство народное и искусство господское*»). Отсюда и все метаморфозы современного искусства. Отсюда и требование Толстого о сведении искусства к доступности всем, только тогда оно будет выполнять свою функцию пользы и необходимости.

Современное искусство — элитарное в своей основе и по сво-

ему содержанию: вычурно, неясно, безрелигиозно, обыденно. Главная причина этого — искусство перестало быть религиозным, то есть народным.

Сложность, вычурность, неясность — девиз современного искусства по Толстому (далее Лев Николаевич дает подробный анализ наиболее элитарных деятелей искусства: Бодлера, Брамса, Верлена, Вагнера, Метерлинка, Бёклина, Берлиоза, Малларме). В противовес им Толстой ценит народно-религиозное творчество: житейскую литературу, Гомера, Веды. «*Искусство тем-то и отличается от рассудочной деятельности, требующей подготовления... что искусство действует на людей независимо от их степени развития и образования*»).

Современное же элитарное искусство даже искусством престало быть, а заменило его суррогатом, подделкой; деятели же элитарного искусства выработали специальные приемы такой подделки: заимствование, подражательность, поразительность и занимательность. «*Во всех областях искусство производится по готовому, выработанному рецепту подделки под искусство, которое публика наших высших классов принимает за настоящее искусство*»).

А подобные подделки государственно и социально поощряются: вознаграждениями, лестью художественной критики, существованием и поддержкой художественных школ, в целом — *профессионализацией искусства*.

Люди элитарного круга полностью лишились способности воспринимать настоящее искусство, будучи воспитанными на подделках (Толстой поясняет это на примере творчества Рихарда Вагнера). Поэтому они и не заражаются искусством, ибо поддельное искусство не заразительно.

На страницах своего трактата, наряду с глубокими теоретическими положениями, Толстой подробнейшим образом проанализировал творчество всех крупнейших художников всех времен и народов. Оценка его очень жестка и бескомпромиссна, достаточно сказать, что о своем творчестве он пишет: «*Свои художественные произведения я причисляю к области дурного искусства, за исключением рассказа «Бог правду видит»...*»). И еще он выделяет «Кавказского пленника».

В исследованиях по эстетике Льва Толстого обычно отмечается прямолинейность суждений его, что-де Толстой за двумя полюсами: народное и элитарное,— не видел более ничего, всей сложности истории, путей, широты искусства. Что Толстой отверг Шекспира, Рафаэля, Микельанджело, почти всех современных ему художников кисти, пера и резца, что он отверг самого себя! Но все дело-то в том, что к оценке Толстого, его эстетических воззрений совершенно нельзя подходить так, как подходят к оценке эстетик даже таких знаменитостей, как Баумгартен, Винкельман, Лессинг, Гёте, Шефтсбери, Юм, Чернышевский и пр. То были *эстетики*, люди, профессионально (в смысле оценки основного направления развития своих творческих воззрений) подходивших к периодизации, классификации, аргументации *науки эстетики*. Как справедливо заметил в своем трактате по искусству Лев Толстой, что в основном эстетиками были немцы, и с немецкой педантичностью они расписали всю эстетику творчества по параграфам.

Лев же Толстой был прежде всего мыслителем, проповедником, творческой, глубоко одаренной натурой с комплексом родовой вины перед социально угнетенными классами, человеком, лишенным всякой сословной, творческой, художественной фальши. Его эстетические воззрения — почти итог жизненного пути (над трактатом «Что такое искусство?» он работал, в общей сложности, около 15 лет), плод полувековых раздумий писателя, философа, моралиста. Крайне неправы те, кто относит 80-е годы Толстого чуть ли не к творческой пассивности, сомнительному по результатам самопокаянию, заблуждениям писателя.

Мне кажется, что этот период — наиболее творческий, но не в смысле художественном, а в смысле философской, морально-этической оценки современного ему мира, оценки собственного творчества; это время перехода на новый, более высокий круг миропознания.

Эстетика Льва Толстого — органичное обобщение его творческих концепций, его отношения к искусству. Оно, безусловно, противоречиво в сравнении с общепринятыми эстетическими теориями, но весьма органично вытекает из мировоззрения и принципов творчества Толстого; то есть внутреннего противоречия в ней нет, а это говорит о ее целостности.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И РУССКИЙ КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

При разработке концепции современного русского критического реализма в литературе (см. «ПЗ» № 1, 2011) мы во многом отталкивались от взглядов основоположника отечественной литературной критики Виссариона Григорьевича Белинского (1(13).VI. 1811, г. Свеаборг — 26.V (7.VI). 1848, Петербург), 200-летие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. Наш журнал, естественно, не прошел мимо этой даты — см. содержание настоящего номера.

...Слава богу, что некоторые из моих студентов-медиков первого курса, то есть еще не забывших школьные уроки литературы, смутно помнят, отвечая на мой вопрос о персоналии Белинского, что-де был такой критик. Но интересно: сколько «толстых» литературных журналов сейчас вспомнили о Виссарионе Григорьевиче? Хочется процитировать одесских классиков в части реплики Остапа Бендера: «Сейчас многие не помнят имен героев; угар НЭПа...».

Более того, исключая, может быть, журналы «Знамя», «Приокские зори», все более утрачивается такая традиция русской литературной периодики, берущая начало с «Современника» А. С. Пушкина и того же «Современника» и «Отечественных записок» Н. А. Некрасова, как наличие в журналах разделов литературной критики и рецензий.

Кто-то из великих (Монтень или Декарт?) однажды опрометчиво высказался в том смысле, что критика есть бесстыдство ума, ничего своего не создающего, но придирчиво оценивающего созданное другими.. Что-то в этом смысле. Вне всякого сомнения, в литературном процессе участвуют и такие, с позволения сказать, отчаянные критики, которых в других сферах человеческой деятельности именуют более емким словом: критиканы.

...А вот наверняка наши читатели старшего поколения вспомнят популярный плакат 40—50-х гг., как-то попавшийся мне на глаза в качестве иллюстрации к одному из изданий: на плакате крестьянин в рубахе-распояске с размаху косит символические сорные травы различных асоциальных и пр. недостатков. Подпись же

гласит, что критика и самокритика — это острое оружие в борьбе со всем омертвевшим и тормозящим, с обскурантизмом и мракобесием. Пишу по памяти, поэтому эти слова И. В. Сталина не заковычиваю.

Это полярные определения критики, но предмет литературной критики в творческом методе критического реализма, ведущем в нашем журнале, по определению максимально приближен к определению Сталина, данному, правда, в несколько ином, социально-экономическом и политическом, контексте.

Исходя из опыта, то есть теории и практики, русской литературной критики XIX—XX веков, логически и фактологически непротиворечивым будет следующее определение.

Литературная критика в общем и в особенности в рамках творческого метода русского критического реализма является неотъемлемой составной частью литературного процесса, жанром литературно-художественного творчества в публицистически-очерковой форме самовыражения, неразрывно связанной с историей, сегодняшним днем и прогностикой развития национальной литературы с учетом ее парциального вклада в общемировую литературу. Исходя из общего определения, целью литературной критики является сочетание действенных функций «барометра», отражающего вектор общественного мнения и степень его отображения в литературе, и направляющего движения объективного литературного процесса. Данная цель реализуется постановкой и исполнением специфических задач, как-то: оценка произведений художественной литературы с позиций творческого метода критического реализма; обеспечение преемственности поколений писателей в неразрывности литературного процесса; пропаганда доступными литературной критике средствами талантливых произведений и их авторов; объективная оценка, но с акцентом на поддержку произведений подающих надежды авторов и так далее. В целом, литературная критика является институтом, инструментом, замыкающим в единую систему творческий литературный процесс в выбранном его творческом ареале: национальная, мировая, историческая, современная, условно-конфессиональная, моножанровая и пр. критика.

Данному определению в полной мере отвечает творчество

В. Г. Белинского, как основоположника русской литературной критики с доминантой творческого метода критического реализма. Здесь он прямо противостоит резкому Писареву и в определенном смысле Добролюбову.

...Первая половина XIX века — самое динамичное время для только что обретшей свое самосознание русской литературы. Это как первотолчок, подготовленный писателями, поэтами и драматургами века предыдущего: Ломоносов, Тредиаковский, Херасков, Фонвизин, Крылов и многие другие славные имена из предтеч отечественной литературы можно назвать. И, конечно, переходная фигура: «Старик Державин нас заметил, и в гроб сходя, благословил».

Но всякий первотолчок требует гениев и высоких талантов, которые сжигают себя в творческом огне. Отсюда и непродолжительность их физической (не творческой!) жизни: кого убивают на дуэли, а кто, как Белинский, умирает от чахотки. Почти как и Александр Сергеевич, прожил он недолго, скончавшись через шесть дней после исполнения ему тридцати семи лет... Но возраст физический этих гениев первой половины XIX века несоизмерим с их творческим наследием: 16 томов у Пушкина (академическое советское издание), 12 томов у Белинского (также академическое издание 1953—56 гг.). А это главное для характеристики их роли в том первотолчке, от которого пошла великая русская литература.

В советской историографии (при всем к ней уважении) литературного процесса в России XIX века акцент в оценке творчества Белинского ставили на словах В. И. Ленина о том, что великий критик явился «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении». Как следует понимать в контексте ленинской работы, подспудно это утверждение распространялось и на вытеснение дворянских писателей разночинцами. Это не совсем верно: просто в ряды писателей во второй трети XIX века влился мощный поток литераторов из разночинцев, преимущественно из клерикальной, церковной среды по рождению и начальному воспитанию. И в дальнейшем, окончательно объединившись в рамках метода критического реализма, писатели из дворян и из «колокольного дворянства» отнюдь не теснили друг

друга, но подготовили мировой феномен русской литературы второй половины XIX века.

Поэтому — в антитезу ленинскому утверждению — правильнее фактологически и справедливее по существу отвести Белинскому место в пантеоне истории русской литературы как провозвестнику, предтече объединения всех, прежде сословных и иных градаций, течений и направлений отечественной литературы под знаменем метода критического реализма с чисто русской спецификой, для понимания которой уместно вспомнить евангельские слова: «несть эллина, несть иудея». Речь идет, понятно, не о национальностях, а о том содержании, которое Христос иносказательно вложил в эти слова: совершенство духа и устремление к социальной справедливости и равенству не признает никаких границ между людьми: этнических, географических, а есть только вера с ее добром, в итоге побеждающая порок с его злом.

...И еще одно *nota bene*, прослеживающаяся в биографиях наших гениев первотолчка. Как юный Лермонтов был сослан на воющий Кавказ за сделавшее его имя знаменитым стихотворение на смерть Пушкина, так и Белинский был исключен из Московского университета за первое свое заметное произведение — драму «Дмитрий Калинин», проникнутую духом немаскируемого — по несоблюденным им правилам тогдашней «игры с цензурой» — антикрепостничества.

Приведенное выше определение критики, как жара литературного творчества, в полной мере коррелирует со взглядами В. Г. Белинского. Это уже видно из первой крупной его литературно-критической работы «Литературные мечтания», опубликованной в 1834 году в газете «Молва» — приложении к журналу «Телескоп», издаваемым Н. И. Надеждиным.

Далее Белинский фактически вел всю литературно-критическую часть таких известных русских журналов второй трети XIX века, как «Московский наблюдатель», возобновленный Н. А. Некрасовым пушкинский «Современник», где Виссарион Григорьевич очень скоро выдвинулся на роль, говоря современным языком, главного идеолога этого журнала. Именно через рупор «Современника» Белинский, что называется, методом смелых проб и неболь-

ших ошибок разрабатывал теорию и практику русского критического реализма. С «Современником» великий критик сотрудничал до самой своей кончины.

В своей творческой манере жанра литературной критики В. Г. Белинский выработал и закрепил, передав эстафету следующему поколению критиков XIX—XX вв., свое «оформление», точнее — форму, подачи материала. Во-первых, он ввел форму своего рода годичных обзоров публикаций отечественной — в соотнесении с европейской — литературы; это, в первую очередь, такие его статьи как «Взгляд на русскую литературу 1846 года», «Взгляд на русскую литературу 1847 года», чуть более раняя «Русская литература в 1845 году».

Во-вторых, идейно и тематически выделяются в его творчестве работы: «Мысли и заметки о русской литературе», «Петербургский сборник» и «Ответ «Москвитянину».

Но вот где проявились в полной мере талант и новаторство великого критика, так это в его «персоналиях», работах, посвященных гениям русской литературы А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, М. Ю. Лермонтову. К этой же форме подачи материала можно отнести статьи Белинского о творчестве Н. А. Полевого, А. И. Герцена, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова. Особняком стоит его большая, пронзительная статья о выдающемся народном поэте «О жизни и сочинениях Кольцова».

Понятно, что и европейская литература — в ее истории и современности — не прошли мимо его острого взгляда и творчески оценивающейся мысли: Жорж Санд, Беранже, Гейне и многие европейские современники.

...Редко кто из русских писателей XIX века не обращался к творчеству Шекспира; здесь достаточно упомянуть Льва Толстого с его — отличном от всех других — мнением о драмах Шекспира. Белинский же именно на примере Шекспира выступил в новой для него ипостаси театрального критика; это статьи «Мочалов в роли Гамлета», «О Гамлете». В более общем плане отметим работу 1845-го года «Александринский театр».

Но все же подлинными шедеврами критической мысли были и остаются работы В. Г. Белинского о Н. В. Гоголе («Похождения

Чичикова или Мертвые души», знаменитое «Письмо к Гоголю», «Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя») и — особенно! — его 550-страничная книга в одиннадцати статьях под общим заголовком «Сочинения Александра Пушкина».

Что здесь можно нового сказать? — А то, что при всей всероссийской известности во время жизни Белинского творчества Пушкина, которого и сам царь Николай Первый полагал первым же поэтом России, и Гоголя, представление «Ревизора» которого смотрел все тот же царь, именно Белинский в своих работах сделал их произведения всенародно узнаваемыми.

...Не следует думать, что в первой половине XIX века имена наших гениев Пушкина и Гоголя (к немногому числу таковых позже в русской и советской литературе «присоединились» Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и М. А. Шолохов) в массовом сознании пишущей и читающей публики воспринимались в ныне устоявшихся определениях навроде «солнца русской поэзии». В светских же окололитературных кругах, а именно они определяли тогда «общественное мнение», в отношении Пушкина его творчество перевешивал своего рода «бренд» скандальной дуэли с Дантесом, а имя Гоголя чаще ассоциировалось с высказыванием императора по поводу «Ревизора», что автор в нем выпорол всю Россию, а прежде всего самого царя.

Поэтому не будет преувеличением сказать, с учетом всех фактов и факторов отечественной литературной историографии, что Белинский в определенном смысле ускорил вхождение Пушкина и Гоголя в ранг основоположников русской литературы Новейшего времени (XIX—XXI вв. — по принятой в исторической науке градации).

В заключении отметим роль Белинского в практике современной русской критики, естественно, в рамках превалирующего и в нынешнем российском литературном процессе творческого метода критического реализма. Сейчас она, критика, поднимается из ничтожества своего 90-х годов прошедшего века, постепенно обретает свое лицо и присутствие в литературе как ее полноправный жанр.

Отрадно, что и здесь назрел момент собирания камней и очищения зерен от плевел, «толстые» журналы, а именно они традиционно являются провозвестниками и полем развития и существо-

вания литературной критики, обретают свое лицо в данном жанре. Не «растекаясь мыслию по древу», то есть не анализируя всероссийский литературный процесс в ареале критики, что требует более аргументированной и объемной работы, остановимся на родных пенатах, то есть на «Приокских зорях» и дружественном нам альманахе (де-факто журнале) «Московский Парнас».

В каждом из их номеров (выпусков) присутствует тематический критический раздел. Большой удачей для названных изданий является сотрудничество, а для «Московского Парнаса» и руководство, пожалуй, ведущего современного русского, российского (кому как привычнее...) литературного критика, в полной мере следующего традициям В. Г. Белинского, Леонида Ханбекова. Причем здесь мы имеем в виду не только его регулярные выступления на страницах обоих журналов, но и его четырехтомное собрание сочинений, а главное — продолжающуюся серию книг — очерков о творческих персоналиях, наиболее значимых современных писателях, прозаиках и поэтах, под логотипом «Созвездие России». Число таких книг уже измеряется двухзначной цифрой.

Весомый вклад вносит Ирина Кедрова, профессор, лауреат литературных премий, ведущая отделы критики в «Московском Парнасе» и в «Приокских зорях».

...Важно подчеркнуть, что «критика по Белинскому» по определению исключает элитарное выпячивание, самодовлеющий нарциссизм, «мэтровскую» снисходительность, политкорректную вальяжность, замкнутую кружковщину и местечковость, озлобленность на всех и вся, дурное и примитивно понятую идеологизацию.

Негоже серьезному критику принимать участие в запиаривании всякой окололитературной чуши и в кумовстве, быть демонстративно «верноподданным», помня, что в рамках творческого метода критического реализма писатель всегда находится в конструктивной оппозиции к власть и — особенно — деньги имущим.

Еще раз повторим евангельские слова: «несть эллина, несть иудея», что в преломлении к литературной критике означает: не лизоблюдствуй и не перехваливай писателей «с именем», но смотри в корень: в достоинства и недостатки их произведений. И поддержи ростки таланта у начинающего или по характеру робкого.

Настоящую колонку главного редактора, учитывая важность события, мы целиком посвятили памяти и творчеству Виссариона Григорьевича Белинского. Напомним, что на второй квартал этого года приходятся юбилеи таких выдающихся писателей, как 125-летие со дня рождения Николая Гумилева (1886—1921), 120-летие Михаила Булгакова (1891—1940), 125-летие Владислава Ходасевича (1886—1939) — кстати, не только поэта, но и заметного критика. Назовем еще Аполлона Майкова (1821—1897), со дня рождения которого 4-го июня сего года исполнилось 190 лет.

...И еще один момент. Учитывая, что в наше время еле-еле тлеющей духовности произведения В. Г. Белинского читают, скорее — просматривают, едва ли не одни студенты филологической специальности и сочиняющие диссертации на темы русской литературной критики, ниже публикуем первую статью Виссариона Григорьевича о творчестве А. С. Пушкина.

Nota bene огорчительного характера, совсем не в контексте юбилеев наших великих и выдающихся мастеров слова: ранее, хотя и предположительно, обещанное департаментом культуры администрации Тульской области включение в части финансирования нашего журнала в дополнительную Культурную программу на 2011 год, увы, не состоялось.

Это, как говорится, ложка дегтя в бочку меда. Видно, у больших культуртрегеров и заботы более значительные...

МЕЖДУ БУРЕЙ И «БУРЕВЕСТНИКОМ»: К ЮБИЛЕЮ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

В советское время имя Леонида Андреева являлось фигурой «полуумолчания», то есть сорок лет его вообще не издавали, только в 1957 году появился томик избранных (наверное, избранные Ф. М. Левиным, составителем книги) повестей и рассказов. И затем еще тридцать лет наш выдающийся писатель в отечественной печати оставался на «марочной диете»: ни тебе повторения семнадцатитомного прижизненного собрания сочинений (СПб., 1910—1916), ни сколь-либо тиражных центральных изданий. Редко-редко, явно для поправки финансовых дел, «добро» на печатание небольших по объему книжек давалось периферийным издательствам...

Почему так? — Тем более, что в знаменитые проскрипционные списки пролеткультовской Комиссии Луначарского — Крупской он попал ненароком, чисто случайно, как эмигрировавший после Октябрьской революции, да и в финской деревушке Нейвала — не в Париже же, не в Берлине? — он прожил менее двух лет, скончавшись в сентябре 1919 года.

И это при всем том, что в период «бури и натиска» русской реалистической литературы начала XX века его ближайшими соратниками и единомышленниками являлись Горький, Чехов, Серафимович, Вересаев, тот же Луначарский? То есть, логически рассуждая, с позиции официальной советской литературной историографии автор «Рассказа о семи повешенных» должен бы был занять свое достойное место, как мы озаглавили этот очерк, между бурей и «Буревестником», то есть между реалистическим, художественным восприятием предреволюционного состояния всего русского общества и собственно призывом к радикальному обновлению одряхлевшего государственного устройства России. Символом же такого призыва стал «Буревестник» Горького.

Но как раз Алексея Максимовича осторожное, сверхполиткорректное советское литературоведение почти что намеками и обозначает как полутайного инициатора забвения Леонида Андреева. Автору этих строк до определенного времени не давала покоя головоломка: да, «рука» Горького здесь прослеживается однозначно, но

что явилось причиной? — Ведь более близких товарищей по литературным и политическим убеждениям, по личной дружбе, нежели Горький и Андреев, в кругу русских писателей-реалистов 1900—1910-х годов и не было. И в творческом реноме, и в поведенческом плане они воспринимались почти как братья-близнецы.

...Кажется, из известных литературных воспоминаний Телешева такая мизансцена: Горький и Андреев одновременно появляются на некоем литературном журфиксе, где собрался весь цвет столичных писателей. По демократической моде тех времен оба пришли в косоворотках с поясками, широких брюках из «чертовой кожи», заправленных в высокие смазные сапоги. Собравшиеся в парадном зале богатого дворянского дома литераторы-либералы, все сплошь во фраках и смокингах, гасят на своих лицах невольные улыбки, а большой барин и эстет Иван Бунин с сарказмом обращается к вошедшим: «Господа! Вы-ы на охоту собрались?»

И так далее, и во всем. Опять же причину конфликта Горького и Андреева, точнее — причину «руки» первого в забвении творчества Андреева, то же политкорректное литературоведение видит единственно в известном «женском вопросе», возникшем в отношениях двух писателей. Но и это не складывается, ведь здесь проигравшей стороной, обидной для любого мужчины, оказался именно Андреев.

...Головоломка — по крайней мере для нас — разрешилась, когда, еще в студенческие годы, мне стало доступным Юбилейное полное собрание сочинений в 90 томах Льва Толстого. Прочитав тридцать томов дневников и писем, не раз встретил мнение Льва Николаевича в том смысле, то он ставит Леонида Андреева в творческом плане выше Горького. По-человечески это понятно: «Рассказ о семи повешенных» и «Жизнь Василия Фивейского» куда как ближе к нравственным исканиям позднего Толстого, нежели босяцкие рассказы и «Мать» Горького. Опять же Лев Николаевич известен своей неординарностью в индивидуальной и сравнительной оценке творчества канонических и современных ему художников слова. Достаточно вспомнить его негативное отношение к Шекспиру. В то же время он высоко ставил столь нелюбимых «передовой общественностью» 1900—1910-х годов писателей,

как Михаил Арцыбашев («У последней черты»), Федор Сологуб («Мелкий бес»), Дмитрий Мережковский («Христос и Антихрист»), хотя бы их писатели-демократы и клеймили порнографистами, мистиками и декадентами.

Но — слово сказано, а Алексей Михайлович, при всех его творческих и личностных достоинствах, как и всякий большой писатель, пришедший в большую же литературу «своими шагами», очень щепетильно относился к оценке своего творчества. И тем более в советский период его жизни, когда он практически ничего художественного не создал, исключая пьесу «Сомов и другие» — малоудачную и, как говорится, написанную не ко времени.

...И Горького здесь можно понять: слишком сильный разбег он взял в первую половину своей жизни, раньше времени «выложился» как художник слова. Такое часто бывает с писателями. Тот же гений русской, советской литературы Михаил Шолохов.

Конечно, здесь нельзя и недопустимо все упрощать: что-де обиженный отзывом Толстого Горький приказал «сбросить Андреева с корабля истории» — в духе идеологов Пролеткульта. Здесь ситуация намного тоньше и изощреннее; достаточно вспомнить реалии литературной жизни страны в 20—50-е годы, что так блестяще описал Михаил Булгаков* в «Мастере и Маргарите». Среди пестрого состава тогдашних столичных литераторов и окололитературных лиц, где наиболее напористыми являлись пролеткультовцы и «набежавшие классики одесской литературы», было немало подхалимов и вообще державших постоянно нос по ветру. Да тут еще Иосиф Виссарионович назначил Горького главным писателем страны, поручив в рамках созданного Союза писателей СССР разгребать авгиевы конюшни литературного пестроцветья 20—30-х годов... Эти-то подхалимы и прилипалы и оттеснили Леонида Андреева в «попутчики», памятуя тот самый отзыв Льва Толстого.

А дальше вплоть до 80-х годов все шло по накатанной, по главенствующей в советском литературоведении инерции. Даже после начала публикации книг Андреева в конце 50-х годов, в

---

* Кстати и по поводу: в мае этого года исполнилось 120 лет со дня рождения Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1940).

официальном мнении писатель относился к некоему третьему разряду. Так в первом томе Малой Советской Энциклопедии (1958-й год) Леониду Андрееву уделена треть колонки без фото и с обтекаемыми эпитетами: «содержит черты критического реализма», «творчество Андреева остается противоречивым» и так далее. Даже не упомянуто лучшее — это не только наше субъективное мнение — произведение Андреева — рассказ «Бездна».

...Написанное выше — не просто занимательный экскурс в «литературную кухню», но косвенное подтверждение того факта, что творчество Леонида Андреева при его жизни и в последующие девяносто лет, вплоть до наших дней, принадлежит, по словам Горького, «человеку редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественному в своих поисках истины».

Эти слова охотно подтвердит всякий читатель и почитатель русской литературы, тонко чувствующий художественное слово. Есть в литературном процессе такое понятие, как «дуновение свежего ветра». Растолковать его можно следующим сравнением. Как на человека, живущего на берегу моря и уже привыкшего к ровной штилевой погоде, стоящей не один день, в этой сонной размеренности вдруг налетает резковатый, йодистый ветерок — предвестник скорого шторма, так и на читателя действует «дуновение свежего ветра», когда при долгом чтении великолепных книг классики ему вдруг попадает в руки том нового для него писателя. Не только для него нового, но и для всей устоявшейся традиции литературы.

...Вот такое ощущение автор этого очерка и испытал, когда — опять же еще в студенческие годы — в тульской «Буккниге», богатой в семидесятые годы на староизданные раритеты, приобрел том Леонида Андреева «нивского» издания 1912-го года. Первым в этой книге стоял «Рассказ о семи повешенных». Еще там были «Жизнь Василия Фивейского», «Бездна», «Иуда Искариот» — то есть самые значимые произведения доселе неизвестного мне писателя.

Кстати говоря, такое же ощущение испытывал, впервые читая книги Федора Сологуба (не путать с автором знаменитого «Тарантаса» графом Владимиром Соллогубом), Дмитрия Мережковского и Михаила Арцыбашева, то есть всех тех писателей — а Соллогуба еще и великолепного поэта, — каждый из которых, как и Лео-

нид Андреев, ранний Горький, «свежего ветра», чей талант сравним, а в чем-то и превосходил, с признанными классиками русской литературы конца XIX — начала XX вв. Но им опять же «повезло» попасть в проскрипционные списки Комиссии Луначарского — Крупской, то есть до конца века минувшего их имена были изъяты из литературного процесса. Самое обидное, что были изъяты именно в тот (советский) период, когда наша страна была действительно самой читающей в мире. Такого феномена нигде больше не было, а теперь и не будет... Сейчас — читай не хочу их, но дорого яичко в пасхальный день. Время чтения в России ушло, читают на сон грядущий только свои чековые книжки. У кого они, конечно, имеются.

Не является целью и задачей настоящей «Колонки главного редактора» литературоведческий анализ творчества Леонида Андреева, но отметим, что «свежесть ветра» в его произведениях — это прежде всего новый для русской литературы показ художественными средствами динамики изменения, перевоплощения черт характера на стыке социального и биологического. Может поэтому некоторые литературоведы-модернисты и «сватают» Андреева к фрейдистам? Например, сравнивая его лучшие произведения с «Самопознанием Дзено» итальянца Итало Звево — классиком литературного фрейдизма? Но быть фрейдистом — это для Леонида Андреева слишком мелко и примитивно. Здесь надо копать глубже, прочтя прежде всего «Иуду Искариота», но особенно — «Бездну». Потому мы и публикуем ее ниже.

В этом, относительно небольшом по объему, рассказе Леонид Андреев мастерски показал как легко человек социальный скатывается до животного, биологического вида, «расчеловечивается» — термин новейшей социальной психологии. Как в единый момент рушится в человеке все, что дало ему не одно тысячелетие цивилизации и культуры. Какое же хрупкое создание природы есть человек? Как зыбки в его натуре границы между социальным и биологическим!

Многие большие и великие художники слова стремились обыграть эту зыбкость, показать, как человек деградирует по определяющим его человеческую, гуманитарную сущность объектам: куль-

тура, любовь, женщина, деньги, семья... Но, пожалуй, только Андрееву одной лишь, заключительной фразой рассказа удалось отобразить этот миг перехода хрупкой границы: «И с силой он прижался к ее губам, чувствуя, как зубы вдавливаются в тело, и в боли и крепости поцелуя теряя последние проблески мысли. Ему показалось, что губы девушки дрогнули. На один миг сверкающий огненный ужас озарил его мысли, открыв перед ним черную бездну. И черная бездна поглотила его».

...Человек, преданный своей родине, своей стране, Леонид Андреев, с легкостью отказавшийся от поста министра пропаганды в правительстве Юденича, за неделю до своей смети пишет в письме к Н. К. Рериху*: «Все мои несчастья сводятся к одному: нети дома. Был прежде маленький дом: дача в Финляндии... Был и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный мой дом — искусство-творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома — холодная, промерзлая, обворованная дача с выбитыми стеклами, а кругом — чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества...».

---

* Из вступительной статьи В. А. Богданова к книге: Леонид Андреев. Избранное.— М.: «Советская Россия», 1988.— С. 18.

НЕ ХВАТИТ ЛИ «СБРАСЫВАТЬ ПУШКИНА С КОРАБЛЯ ИСТОРИИ»?

(Что нам следует взять из русской литературы советского периода)

◆ Раскрыл поздненоябрьский номер «Литературной газеты» и поначалу усомнился: а достоверно ли сообщение о том, что некая «высокая» минвузовская комиссия признала Литературный институт имени А. М. Горького неэффективным, то есть приговорила к ликвидации кузницу писательских кадров, недавно отметившую свой солидный юбилей. Но комментарии там же известных писателей убедили: все достоверно.

Правда, кто-то, тоже «сверху», дал отбой столь поспешному решению. Пока Литинституту велено жить. Прозрачно читается и подоплека решения об «неэффективности»: какому-то лауреату журнала «Форбс», ошалевшему от изобилия денег и обеспеченной ими вседозволенности захотелось («Хочу быть царицей морскою!») для экзотики пожить в знаменитом Доме Герцена в самом что ни на есть культурно-историческом центре Москвы. Ни много ни мало. Вот и был сделан заказ.

При любом сюжете «неэффективности» случившееся — квинтэссенция современного состояния культуры в целом и литературы в частности особенности. Ее уничтожают в школах, опошляют в вузах, вытирают об нее ноги в многоликих СМИ... Точно кто-то тайноуправляющий нашим житьем-бытьем отдал приказ: некогда великую русскую и славную советскую литературу вычеркнуть из памяти людей средне-старших и просто старших поколений. А в головах вовсе уже не знающих ее молодых поколений поселить суррогат литературы: интернетовскую жвачку.— При полном отвращении к литерам на бумаге.

Как это технически, так сказать, делается? А очень просто: в отношении русской классики XIX — начала XX веков СМИ делают вид, что ее и вовсе не было, а русскую литературу советского периода всячески охаивать — по поводу и просто походя. Дескать, насквозь тоталитарная, как и весь режим советской власти, с лицемерием «поэзии рабочего удара», «Свинарки и пасту-

ха», а также «Кубанских казаков». Из всего обилия имен упоминаются только «дозволенные имена»: в части поэзии Ахматова, Цветаева и Пастернак; иногда добавляется Мандельштам или Осип Бродский. В прозе же, конечно, тот же Пастернак, автор «Судьбы и жизни» и несколько сомнительный Михаил Афанасьевич. Афанасьичи — они всегда сомнительны; по себе знаю... Упоминать-то эсмишники их упоминают, но читать как-то забывают. На всякий случай.

Вот и все, вот и славненько. И железобетонный аргумент на демократический десерт: Сталин одел советских писателей «в мундиры», а надзор поручил Горькому.

...К месту или не к месту, но вспоминается очень смешной анекдот диссидентских шестидесятых годов.

Вызывает Сталин Горького к себе в кабинет. Там же за краешком стола сидит Берия, какие-то свои бумаги подписывает, до Горького ему дела нет.

— Алексей Максимович, вы в свое время написали замечательный роман «Мать». Он нам очень помог в мобилизации масс в революцию девятьсот пятого года. Однако сейчас иное время. Мы почти построили социализм. Нужно и в части литературы мобилизовать народ на успешное завершение этой великой стройки. Не могли бы вы, Алексей Максимович, написать роман... например, под названием,— здесь Сталин нарочито засмущался, делая вид, что занялся своей трубкой,— ...под названием **«Отэц»**? Опешивший Горький забормотал:

— Ну-у, Иосиф Виссарионович, я подумаю, я — попытаюсь...

— Вот-вот, Алексей Максимович, попытайтесь. Ведь **попитка — это не питка**? Правильно я говорю, Лаврентий Павлович?

◆ Только что исполнилось шестьдесят лет со дня кончины Сталина. Такая дата — лишний повод задаться вопросом: почему отечественные СМИ, зомбирующие 90—95 % людей, так торопятся в очередной раз «сбросить Пушкина с корабля истории»? То есть внушить масс-медиа: не было никакой советской русской литературы, все это сталинский тоталитарный мираж и наваждение. И сопряженный с ним вопрос: что мы, самодостаточно мыслящие, должны взять из арсенала русской литературы советского периода?

Ответ на первый вопрос предельно прост: социальный заказ.— Навалился класс-гегемон... Раскрытие же содержания вопроса второго — тема настоящего очерка.

Академическое литературоведение советского периода в определенном смысле разделяло творческие методы классической русской литературы — критический реализм и советской литературы — соцреализм. Наше убеждение — соцреализм является дальнейшим развитием критического реализма — обосновано в «Манифесте нового русского критического реализма» и во многом подтверждено материалами всероссийской и международной дискуссии по «Манифесту» — все опубликовано в «Приокских зорях» год с небольшим назад. Заинтересованные читатели легко могут освежить это в памяти.

Содержание же нового русского критического реализма, то есть современного творческого метода, суть органическое слияние наиболее выигрышных сторон «классического» русского критического реализма и соцреализма. Если в критическом реализме антагонизм добра и зла художественно отображается, преимущественно, в системе психологии индивидуальности, то в соцреализме доминирует психология коллективизма.

Но как быть новому русскому критическому реализму, претендующему на ведущую литературно-методологическую роль, в современном социуме с его сложными коллизиями индивидуального и коллективного начал?

Во-первых, нельзя утверждать, что в последнюю четверть века коллективное начало полностью уничтожено. Нет, просто оно расслоилось по классам и более дифференцированным социальным группам. Нельзя за двадцать с небольшим лет даже при мощном директивном натиске-давлении напрочь уничтожить почти что генетическую общинность русского человека! Это не европы-америки, где за полтысячелетие господства торгово-протестантской идеологии понятие коллектива выродилось в абсолютный нуль.

Во-вторых, современный индивидуализм в русской среде суть эйфория эгоцентризма: люди дорвались до частнособственничества и накопительства. Но всякая эйфория есть болезнь «возраста». Человек, тем более русский, как отбившийся волк рано или поздно

вернется в свою стаю. Кому не нравится сравнение с волком (нам тоже не нравится...), подберите для себя более лабильных животных, обезьян, например. К сожалению, прекрасное во всех отношениях животное — кот является сугубым индивидуалистом...

Такой вот «паровой котел» получается: индивидуализм об руку с директивно осуждаемым коллективизмом, эйфория обнялась с первоначальным накоплением капитала. Словом, сочинитель пишет роман о бытии за окном, а на письменном столе его чинно сидит обезьянка и умывающийся лапкой кот.

А если шутки в сторону, то творческий метод нового русского критического реализма дает писателю обширный карт-бланш и бескрайнее поле вдохновения. Одно «но»: за писание сейчас ни копейки не платят, издавать книги не на что, главное — народ напрочь перестал читать. Как говорит мой сосед-электрик: «С когтями, но не птица; летит и матерится!».

◆ Так что? — Сталин угробил великую русскую литературу, или сохранил ее и развил? Наши СМИ при ответе садятся на пол, чтобы можно было всеми четырьмя конечностями голосовать за первую часть вопроса.

И еще момент: говоря — в части литературы — «Сталин», мы подразумеваем: «Горький». И наоборот. Здесь «править лыко» следует с оценки литературной жизни и издательской деятельности первых четырех-пяти послереволюционных лет.

...Нечто схожее мы воочию наблюдали в короткие девяностые годы после разрушения — силами мирового зла и отечественных агентов влияния — бывшей сверхдержавы СССР: дробление бывшего единого писательского сообщества, пишут все и все что хотят, а на уличных развалах книготорговцев соседствуют труды Суворова-Резуна и Проханова, «*Mein Kampf*» и «Цитатник» Сталина; тут же мемуары белогвардейских писателей, «Протоколы сионских мудрецов» и националистические издания всех толков: «Молот ведьм» и «Энциклопедия Третьего Рейха», «Беседы Вельзевула со своим внуком» Георгия Гурджиева — бывшего однокашника Сталина по духовной семинарии,— запрещенный на Западе «Еврейский вопрос» Дэвида Дюка, Библия и Коран, толстенные тома кришнаитских сочинений... Не хватает только...

впрочем — хватает: матерщина «Эдички» и толковые словари русского же мата.

Ситуация в послереволюционные годы наблюдалась еще более пестрая, но и более творческая: всевозможные «измы» соседствовали с оставшимися еще в России поэтами Серебряного века, мощно «работала» проза. С одной стороны, изощрялись имажинисты, те же Кусиков и Шершеневич, футуристы, дадаисты и пр., и пр. Но умами овладевали не они, а Блок с Маяковским и Николаем Гумилевым. Из дореволюционных «Северных сборников» и «Шиповника» выделялась горьковская группа: Гладков, Чапыгин, Шагинян, Панферов, взрослел Михаил Шолохов и многие будущие корифеи собственно советской русской литературы. В полный голос говорили Есенин и Клюев. Многие классики русской литературы оказались за пределами революционной России, но покинутые ими места не оставались пустыми.

В это же время происходили и другие события, уже настораживавшие классиков и новичков русской литературы, а Горький и вовсе предпочел «отсиживаться» на итальянском Капри, где еще до революции играл в шахматы с тем же Муссолини, тогда молодым социал-демократом... А события эти действительно были многозначительными: «философский пароход» Троцкого, комиссия Луначарского — Крупской, директивно решавшая что можно, и что нельзя читать и знать советскому человеку. Лубянка наводняла писательскую среду своими опекунами... Все дело шло к взятию молодым государством под свое крыло литературного процесса в России — СССР.

Пробным камнем стал РАПП — явно детище Иудушки Троцкого. Писать о нем, то есть о РАПП'е, не будем, только отметим его, пожалуй, единственное позитивное наследие: внесение в ранее разобщенную писательскую среду элементов коллективизма. Правда, в извращенной форме коллективной круговой поруки...

Именно в рапповских недрах появился эквивалентный более позднему соцреализму термин нового творческого метода — приснопамятная «борьба лучшего и еще более лучшего», который потом затаившиеся троцкисты и диссиденты приписали то ли Горькому, то ли Гладкову. Сущность же художественной идеологии

рапповцев конгениально в одной фразе определили одесские классики: «Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился» — из романа рапповского сочинителя из группы «Стальное вымя».

◆ Сталин являл собою настоящего хозяина СССР — в том именно смысле, что хозяин обладает стратегическим мышлением, но при этом стратегию подкрепляет умелой тактикой и оперативным искусством. В части художественной литературы он прекрасно понимал: что здесь досталось СССР от прежней России и что уже приобретено в советское время. Знал и о разномасштабности литературных дарований, не скрывая это перед страной и миром. Заезжему именитому французскому писателю на вопрос о не очень высокой художественности молодой советской литературы ответил прямо: «Других писателей у меня нет».

...А после этого отечественные ненавистники (по убеждению, чаще — по служебной инструкции) Сталина говорят, дескать, усатый тиран знакомил заезжих знаменитостей со страной по потемкинским деревням!

Не менее ясно Иосиф Виссарионович осознавал, что РАПП — не помощник хозяину страны в создании высокохудожественной литературы, достойной великого государства, впервые в мировой истории строящего бесклассовое, социально ориентированное общество. Требовалось не просто обновление, но коренная реконструкция советского литературного процесса.

Здесь требовался помощник; говоря официальным языком: зам. по литературе. Звезда таланта Шолохова еще не взошла, а многочисленные «демьяны — бедные — мужики вредные» на такое большое дело не тянули. Был вытребован с Капри Алексей Максимович. Он не то что стремился стать завлитом СССР, но сталинское предложение совпало с досадливым для великого писателя обстоятельством: на Западе он вышел из моды, как только в Европе после потрясений Мировой войны и революционной активации наступило бюргерское затишье. Пролетарский же писатель с практической нижегородской хваткой уже привык жить в относительно-роскошном удобстве, а главное — в номинации «первого писателя». Хотя бы он и действительно таковым был... Так Алек-

сей Максимович стал исполнителем сталинской реформы советского литературного процесса.

...К 130-летию со дня рождения Сталина было издано несколько книг*, в том числе и солидный — по размеру — трехтомник. Кстати, последний как раз и посвящен был взаимоотношению Иосифа Виссарионовича. Но здесь и в других работах о Сталине, где затрагивается тема литературы, речь идет исключительно о персоналиях. Дескать, имярек из писателей то-то сказал о Сталине, а Вождь тоже что-то сказал, правда, очень кратко, об имяреке... И ни полслова о роли Сталина в создании феномена русской советской литературы.

Опять же кстати: хотя автор трехтомника явный и не скрывающий этого антисталинист, но вывод для осилившего эти тома несколько иной полярности: Вождь почти что нянчился даже с самыми ершистыми сочинителями (?!). Действительно, написал один из кумиров нынешних СМИ: для Сталина «что ни казнь, то малина, и широкая грудь осетина», так ведь Вождь не расстрелял его, а похвалил талант поэта в своем кругу, посоветовав только обратить свой дар на более актуальные темы. Вот кураторы с Лубянки и порекомендовали поэту ненадолго поменять московскую квартиру на воронежскую.— Чтобы к народу ближе быть. А если его и расстреляли в годы энкэвэдешного психоза, то это дело перестаравшихся лакеев хозяина...

Или тот же «сомнительный» Афанасьич. Сочинял он высокохудожественные, правдивые романы и пьесы, мало надеясь на постановку последних. Ан возьми Сталин и прикажи поставить «Белую гвардию» в лучших театрах страны. Да еще сам и ходил, как на службу, регулярно на ее постановки.

Конечно, книги о персоналиях в соотнесении с фигурой Сталина не дают сколь-либо развернутого фона создания и развития советской литературы, но зато они фактологически подтверждают: Вождь

---

* И мы не лыком шиты: Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2010.— 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ценил талантливых писателей, даже если они стрезву или спьяну лезли бодаться с дубом. Слишком хорошо он понимал психологию «инженеров человеческих душ», чтобы не уметь отделить зерна от плевел. Как его учил отец Ираклий в духовной семинарии...

◆ Создание Союза писателей СССР — главная веха в реализации генерального плана Сталина — Горького по закладке фундамента советской литературы. Прежде всего — русской. Конечно, политкорректно был дан старт и национальным литераторам. Даже в Средней Азии, где за неимением других кадров начальниками республиканских писательских союзов ставили бывших писарей басмаческих курбанбаши, которые, в свою очередь, обменяли свои маузеры на партбилеты и должности республиканских и областных секретарей... Ничто не ново под луной. Удивляться в нашем мире нечему, разве только снижению цен? — Но в послевоенные сталинские времена и этому перестали изумляться: каждое первое апреля — без всяких дураков — цены снижались. Однако, вернемся к литературе.

Создание Союза писателей — вовсе не означало облачение литераторов в вицмундиры и намордники, как полагают нынешние демСМИ. Это организационно означало окончательный переход от литературного индивидуализма к советскому коллективизму. Конечно, это дисциплинировало писательское творчество, а ведь в душе своей каждый литератор в той или иной степени разгильдяй, лентяй и анархист с несколько повышенным самомнением. Так сказать, издержки творческой личности.

Но для не очень сытых тридцатых годов все это компенсировалось свалившимися, как манна небесная, финансово-бытовым устроением жизни писателей, освободив их время, нервы и души для творчества.

...Будучи правоверным коммунистом, Сталин был настоящим хозяином, который прекрасно понимает: добротную работу можно требовать только с сытого человека. Писатели здесь не являлись исключением. До сих пор вузовские преподаватели, как некую легенду, уже в котором поколении вспоминают 1953-й год, когда профессорам и доцентам в одночасье увеличили зарплату сразу в три раза (?!). Ответная реакция не заставила себя ждать: в счи-

танные годы советское высшее образование заняло ведущие позиции в мире.*

Наконец, с созданием Союза писателей, последние приобрели впервые в мире статус элитарности! А быть советской элитой — это не фунт изюма. Даже не владение, говоря о нынешних реалиях, нефтяными трубами, городскими кладбищами, сетью городских супермаркетов. Или свалок и опять же сетью городских сортиров...

◆ Как профессура сталинских вузов, так и советские писатели ответили госвласти адекватно, создав в 30—60-е годы советскую, прежде всего русскую, литературу соцреализма. Содержание и качество ее всесторонне рассмотрено в тысячах книг, диссертаций и пр. Не все они подхалимские, так что реальная картина выписывается. Это не тема настоящей передовицы литературного журнала. Нам предстоит ответить на вопрос: что нам следует взять из русской литературы советского периода?

Желательно, конечно, стотысячные тиражи издаваемых книг с гонорарами, на которые можно жить. И жить относительно неплохо. Увы, сейчас и в обозримом будущем это звучит издевкой...

Но нельзя и в очередной раз «сбрасывать Пушкина с корабля истории», как наши СМИ советуют поступить с русской литературой советского периода. То есть делать вид, что семьдесят лет в России — СССР таковой вообще не существовало, наличествовал этакий «художественный пробел». Оно же зеро-нуль.— Для тех, кто балуется преферансом.

Умный же человек, тем более служащий не за страх, а за совесть великой русской литературе, полагает совсем наоборот: мы не только все «вышли из гоголевской «Шинели», но и из шолоховского «Тихого Дона», книг Булгакова, Федина, Соболева, Фадеева, Лихоносова, стихов Маяковского, Есенина, Смелякова, обоих Рождественских, Рубцова. Как провидчески грустно писал послед-

---

* Для грустной аналогии: современный профессор в провинциальном ВУЗ'е имеет месячную зарплату в 15 тысяч (не подумайте «дурного» — рублей, не долларов) «чистыми». Столько же имеет и пишущий эти строки: активно работающий ученый-биофизик, хорошо известный в научном мире. К тому же — Заслуженный деятель науки РФ, двойной доктор наук, двойной профессор и пр., и пр...

ний: «Мне поставят памятник в городе или на селе, буду я и каменный — навеселе».

...И даже из «Цемента», «Гидроцентрали», «Четырех уроков у Ленина», «Журбиных» и «Бронепоезда 1469», ведь Гладков, Шагинян, Кочетов писали по велению души. Хотя и был соцзаказ, но он вовсе вне рамок приведенного выше диссидентского анекдота о романе **«Отэц»**.

Автор этих строк читал названные романы в свое время вовсе не следуя параграфам школьной программы. И сейчас бы читал их с неменьшим интересом. Хотя бы был и есть человеком вольномыслящим.— Даже в рецензии на дипломную работу в Литинституте маститый писатель «припечатал» нас: «Крайне левый деревенщик».— И спасибо ему.

Редактируя восьмой год журнал «Приокские зори», то есть знакомясь со множеством рукописей, присылаемых со всей России, из стран СНГ и Европы с Америкой авторами как «с именем», так (пока) и без оного, без всякой натяжки могу констатировать: даже очень молодые авторы следуют традициям классической русской и русской советской литературной школы.

...Не могу сказать «из чего вышли» немногочисленные современные запиаренные сочинители? — В «Приокские зори» они свои материалы не шлют, равно как и в любые другие журналы — гонорары сейчас в периодике не платят, или мало платят. А покупать их книги накладно — профессорская зарплата не позволяет (см. сноску выше).*

◆ Итак, резюмируем вышеизложенное, не удержавшись, пе-

---

* У кого что болит... Опять же вернемся к нашей славной профессуре. Еще некогда великий реформатор Ч., бывший доцент марксизма-ленинизма, заявил во всеуслышание: настоящий ученый тот, кто занимается и бизнесом.— В этом смысле сказал. А совсем недавно — ноябрь 2012 года — очень высокий чиновник по линии образования и науки тож всепублично заявил, что-де в России средняя зарплата профессора превышает 30 т. рублей, а кто получает меньше — тот... точного термина его не запомнил, кто получает меньше, вроде как неэффективный, самонедостаточный... словом — почти что идиот и бездельник.— Это к радости всех 80—90 % всех российских профессоров. Нет! Вспомнил: назвал он низкооплачиваемую профессуру никчемной...

рефразируя название книги Мариэтты Шагинян: четыре урока советской русской литературы.

Урок первый. Советская литература являлась интернациональной по определению, соцзаказу и внутренним убеждениям писателей. Таковой же она должна оставаться и сейчас, хотя это очень сложно в художественном выражении, учитывая реалии нашего бытия. Какие? Сами прекрасно знаете, уважаемый читатель. Пояснять не будем, только заметим: куда как легко быть ксенофобом, но намного сложнее разложить все по полочкам: кто виноват? И сверхзадача писателя-интернационалиста — не делать акцента на негативных сторонах современной межнациональной коллизии в России. Но не обходить этот болезненный момент, а понимать: кто и за что поставил всех нас, все сто с лишним национальностей в стране, в такую ситуацию. Главное — какие кукловоды, преимущественно со стороны «наших злейших друзей» из-за «бугра», дергают национальную ниточку. К тому же следует помнить: сейчас именно русские «остались на бобах»...

Урок второй. Советская литература — выраженно бесклассовая, ибо и классов де-факто в СССР не было; разделение на рабочих, крестьян и пресловутую «прослойку» — хорошая мина при хорошей игре. Сейчас наши (скорее «наши»...) СМИ радостно оповещают: наконец-то и у нас как у людей, Запада то есть,— сугубо классовое общество. Но в том-то все дело, что и сейчас у нас нет... никакой классовости. Поясним этот невероятный факт.

Классы создавались в буржуазных государствах столетиями. Столь почтенный возраст в определенном смысле сделал классовое деление легитимным. Это естественный процесс социально-экономической эволюции. В современной России все это нарушено, главное — антиэволюционно: неестественный возврат от более высокоорганизованной, социально ориентированной формации к эволюционно предшествующей — частнособственнической. Поэтому тщетно нас убеждают все те же СМИ о существовании в России классов: скороговоркой говорят об олигархическом классе, классе крупных «предпринимателей», сросшихся с госвластью, пресловутом, навязшем на зубах «среднем классе», классе неимоверно разросшегося — причем искусственно взращенного — чиновничества.

Такое обилие чиновников имелось только в Древнем Риме в период его стагнации и окончательного упадка. ...И подавляющее большинство населении более чем скромного достатка. Их СМИ стыдливо не именуют классом, предпочитая называть «рядовыми обывателями».

Итак, как в СССР, так сейчас, был и есть только **один** класс: тружеников. Все остальные — не классы, а группировки по роду деятельности, нелегитимизированные естественной социально-экономической эволюцией. В СССР эти группировки, по-преимуществу, являлись либо противозаконными, либо же по необходимости «терпимыми». В современной России эти группировки «держат шишку», говоря языком старинных волжских бурлаков.*

Таким образом, исходя из основного закона критического реализма, соцреализма в том числе, — художественное воплощение противостояния позитивного и негативного в рамках (христианской в своей основе) морали, данный творческий метод в принципе одинаково реализуется как для современной литературы, так же, как он «работал» в литературе соцреализма. В этом состоит второй урок русской литературы советского периода, который мы заимствуем.

Урок третий. Он относится к народности русской литературы и являлся превалирующим для периода соцреализма. Современная литература нового русского критического реализма если и жива сейчас, то только благодаря все тому же качеству народности. Пока, конечно, все наши потенциальные читатели не перешли — под водительством зомбирующих СМИ — в число потребителей пресловутой «компьютерной» литературы (см. в «Приокских зорях» дискуссию 2012-го года о соотношении «бумажной» и «компьютерной» литературы): комиксы, бессмысленные детективы в сплошных диалогах, маразматические «фэнтази», перепевы дурно понятых скоропишущими «авторами» модных западно-восточных попфилософий и прочая чушь, окончательно дебилизирующая бедного читателя.

---

* Шишка — утолщенный конец бурлацкого троса; за шишку тянул вожак бурлаков: самый сильный и хорошо знающий наиболее удобный путь вдоль берега реки.

Урок четвертый. Военная тематика в советской литературе была поднята на невероятную высоту, воспитывая в читателях, особенно молодых, чувства патриотизма и восприятия исторической правды. Сейчас — это болезненная тема: как для авторов, так и для читателей. Болезненная — опять же по вине современных СМИ. Они творят здесь чудовищное. Несомненно умный и самодостаточно мыслящий читатель «Приокских зорь» все это прекрасно слышит — видит и понимает.

Помня этот урок русской литературы советского периода, современные писатели должны, обязаны продолжать военно-историческую тематику, держа в памяти слова Леонардо да Винчи: «Истина была единственной дочерью времени».

...Хотел красиво завершить настоящую «Колонку суждением великого итальянца, но вот вернулся с квартального собрания Тульской писательской организации Союза писателей России, где, что называется «в кулуарах», задал нескольким писателям — равного физического и творческого возраста, отчасти различающихся по убеждениям и пр. — два вопроса: а) что нам можно и нужно взять в свою практику от русской советской литературы? б) какое основное достижение советской литературы в общеплановом масштабе?

Ответ получил (усреднено) одинаковым: взять все! Ибо впервые в истории русской литературы она заставила своих читателей — а это была тогда вся страна — осознать себя человеком.

Вот теперь можно **point sur les "i"**.*

И еще: поздравляем авторов и читателей «Приокских зорь» с небольшим юбилеем: этот номер журнала тридцатый по счету. «Поздравляем» и жителей Тулы: только что закрылся последний книжный магазин; теперь в части литературы, да и всего остального, Тула — «город зеро» — вспомните известный одноименный фильм с Леонидом Филатовым...

---

* Поставить точку над «i» (фр.).

ПОСТЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ОПТИМИСТЫ И ПЕССИМИСТЫ

Приступая к теме* настоящей «Колонки главного редактора», по ассоциации с подзаголовком ее названия тотчас вспомнил двух антагонистов, то есть оптимиста и пессимиста, причем оба — «холодные» адепты своих качеств. «Холодные» — в смысле не эмоционально увлекающихся, но сугубо логически мыслящих, системных, как сейчас принято говорить... Пессимиста уже четверть века знает весь интеллектуальный мир, а оптимиста я некогда знал лично.

«Холодный» пессимист — это японо-американский философ Фукуяма, сформировавший и обосновавший концепцию постисторического этапа человеческой цивилизации. То есть Фукуяма фактически предрек, опережая время, грядущий глобализм. Тогда, на рубеже 70—80-х годов философия его показалась настолько мрачной, безысходной — по обе стороны «железного занавеса», что Фукуяма был отнесен к пессимистам.

«Холодным» же оптимистом являлся в те же годы Юрий Селезнев, пожалуй, наиболее яркий литературный критик в СССР той поры. Его лекции я слушал, будучи студентом Литературного института имени А. М. Горького. И совсем не удивительно, что на его занятия исправно являлись даже самые загульные, исключая экзаменационные дни и вовсе не покидавшие свои месячные, круглосуточные застолья в уютном литинститутовском общежитии рядом с телебашней в Останкино...

Это о многом говорит тем, кто заочно учился в писательской *alma mater*. Попутно замечу, что таким же успехом пользовались и лекции Константина Кедрова, с которым мы сейчас иногда переписываемся по «электронке», а его стихи мы опубликовали в предыдущем номере «Приокских зорь».

Образные и убедительные слова Юрия Селезнева, его блестящий анализ современной русской, советской литературы имели вы-

---

* Очерк тематически продолжает предыдущие публикации в «Приокских зорях», цель которых в их совокупности — разработка основ современного русского литературного процесса.

раженную доминанту: ожидание скорого взлета ее, рождение нового феномена русской литературы, по мощи, силе почти что равноценной нашей классике второй половины XIX — начала XX века...

Увы, Селезнев непозволительно рано ушел из жизни. Но он и не увидел, что вместо оптимистичного феномена русской литературы к смене веков и тысячелетий она просто-напросто развалилась как некогда единый творческий процесс. А сейчас и вовсе стремится к квазинулевой асимптоте.

А вот пессимист Фукуяма дождался торжества своей философской парадигмы: глобализм стал реальностью и уже почти никого не пугает.

И мы в настоящем очерке по аналогии же с постисторией назовем сегодняшнее состояние словесности как постлитературный период жизни человечества. Также определимся с оптимистами и пессимистами в данном контексте. Конечно, проще всего поддаться эмоциям навроде: дескать, в Туле перед новым, 2013-м годом закрылся последний в более чем полумиллионном городе, рядом со столицей, книжный магазин. Тем более символично, что был это магазин учебной и детской литературы! Так что, господа-товарищи, о каком литературном процессе сейчас и говорить-то можно!

Коль скоро выше упомянуто о глобализме (см. также наш материал «Глобализм как ноосферный процесс» в одном из предыдущих номеров «Приокских зорь»), то зададимся умозрительным вопросом: предусмотрено ли место, или, как выражаются словесным штампом — «экологическая ниша», для литературы в глобализованном всемирном обществе? Понятно, что под литературой понимаем творческое самовыражение, а не вид словоблудия... Но об этом позже.

Моделировать будущее — сомнительная экстраполяция. И хотя прошлое редко кого и чему учит, но все же дает повод для размышлений. Литература, как и любой другой вид творчества, есть неизменный спутник человека в его эволюции. Чтобы не погрязнуть в перечислении имен классиков мысли, исследовавших природу творческого самовыражения, упомянем только Фридриха Ницше и его работы «Происхождение трагедии...» и «Рихард Вагнер в

Байрейте»*. Но упоминанием и ограничимся, соблюдая правила жанра «Колонки...».

Полагая, мы не принизим предмет литературы, равно как и любого вида художественного творчества, если определим его роль в эволюции человека как потребность в идеализированном умозрительном исправлении реальности. Отсюда, кстати, никем не отрицаемый тезис: художник всегда в той или иной степени оппозиции — ко всему и всея. И, как ни странно, здесь правота протестантской этики утилитаризма — от Витгенштейна до Джорджа Мура: умозрительное исправление одинаково относится как к негативному, так и позитивному в реальной жизни (см. также знаменитую диссертацию Чернышевского).

В данном определении из всех видов творчества литература есть наиболее гибкий и информативный. Точно также, как музыка блестяще определена Шопенгауэром в «Мире как воле и представлении» высшей творческой гармонией... (Далее речь ведем исключительно о литературном творчестве).

Исходим ob ovo**: для чего законами биоэволюции человека, как общественного животного, в числе бесконечно многого предусмотрена творческая идеализация явлений реального бытия? Ответ — без литературоведческих ссылок на авторитетные имена — чрезвычайно прост: это заложенная природой в программу человеческой эволюции система аутотренинга, в фено- и генотипическом продолжении в череде поколений развивающая образное, абстрактное мышление вида *homo sapiens*. То есть, это не примитивное «писатель пописывает, читатель почитывает», не глубокомысленные диссертации от Чернышевского тож до современных «лепилок» за умеренную плату, но достаточно сложная система развития образного, творческого мышления, в которой необходимо соблюдается баланс спроса-предложения.

Все другие моменты литературного творчества, как-то использование его в своих целях властью, религией, литературными шко-

---

* Фонетика немецкого языка тоже меняется во времени; так и средневерхненемецкий Байрейт сейчас звучит как Байройт...

** От яйца (лат.), то есть от первооснов.

лами и течениями, просто «общаком групповщины» (извините за термин из современного новояза...) и так далее — это все вторично. И все это прекрасно понимают: пишущие, читающие, власть имеющие... Ведь даже в воспаленном воображении советских партидеологов «Тихий Дон» и стихи Николая Рубцова бесконечно далеко дистанцировались от дежурных опусов на злободневные темы, почерпнутые из передовиц «Правды» — при всем уважении к этой газете, недавно отметившей 100-летний юбилей,— и «датской» поэзии. Вот во время оно и «второй Ильич», получая из рук Подгорного знак лауреата Ленинской премии за целинно-малоземельскую трилогию, сказал, как человек в общем-то совестливый, явно не за себя, а за «того парня», что состряпал эту трилогию (имя его теперь хорошо известно): «Я, товарищи, хм-м, не писатель, я — журналист».

Словом, если товар подлежит продаже, то он и продается.

Но что же случилось буквально на наших глазах с литературой, причем не только в России и ее самостийных ныне окраинах, но еще в большей степени на Западе-Востоке, говоря словами Гёте*? Почему мы столь уверенно называем наше время постлитературным, как бы это ностальгически-печально не звучало?

Прежде чем однозначно ответить на такой сакраментальный вопрос, вспомним имена писателей, размышлявших на эту же тему. Прежде всего, это Рей Брэдбери с его знаменитым «451 градус по Фаренгейту» и «1984» Джорджа Оруэлла.— Они ясно предвидели весьма скорое время — Оруэлл даже поторопился — ненужности и даже вредности самого фактора существования творчества, литературного в первую очередь.

И еще одно имя, вернее — коллективное имя, в особенности следует вспомнить. Причем не в сугубом контексте литературы, как у Брэдбери, но в своеобразном художественном осмыслении исторического движения человеческого сообщества. ...В самом конце 80-х годов, под конец горбачевщины, в одночасье рухнула система партидеологического контроля над книгоизданием. Понятно, что не сама по себе рухнула, как и вся соцсистема в СССР, а в результате реа-

* «Западно-восточный диван»,— название книги Гёте.

лизации с помощью многочисленных внутренних агентов влияния программы Третьей (холодной, информационной) мировой войны, просчитанной на мегакомпьютерах наших нынешних заклятых друзей. Партнеров по борьбе с мировым терроризмом тож...

Но это не тема настоящего очерка. Главное — ликвидация партидеологического контроля за печатью привело к выбросу на читательский «рынок» огромного числа ранее малодоступных произведений: от попавших в проскрипционные списки знаменитой комиссии Луначарского — Крупской до книг авторов, живших-здравствовавших в горбачевщину, но до поры, до времени лежавших в рукописях в запасных ящиках рабочих столов.

Наиболее оперативно сработали «толстые» литературные журналы; опять же от столичных до провинциальных. Один за другим в них начали печататься и романы знаменитых братьев-фантастов, явно из запасных ящиков. Конкретно о литературе в них речь не идет, зато четко выстраивается своеобразная программа эволюции человечества, что называется, чередованием «из пламени да в полымя». И конца этим чередованиям-испытаниям не видится.

Что сразу вспоминается? — Конечно, содержание одной из древнейших книг человечества — Ветхого завета: египетское пленение и победы древнего Израиля, законы Моисея и крушение их, первородный грех и древо познания. И так далее. Ничего с ветхозаветных времен и посейчас не изменилось: действует все та же программа. Чтобы далеко не ходить, проанализируйте наши отечественные реалии за последние 25...30 лет. И найдите подтверждение сказанному выше. Даже в части анекдотичных тем: «борьба» с пьянством, с табакокурением, с мздоимством и так далее.

Точно также до сих пор обстояло дело с литературным творчеством. Имеем в виду запрограммированность этого процесса в исторической эволюции человечества. И в мировом масштабе, и в национальных литературах периоды взлета чередовались с упадком. Такая вот зацикленность. Для иллюстрации возьмем опять же русскую литературу: «золотой» век поэзии пушкинской поры далее уступает место мировому феномену русского романа второй половины XIX века. За ним следует «серебряный» век поэзии конца XIX — начала XX веков. И так далее.

В этот же период яркой звездой взошла, хотя и не надолго, норвежская литература — до взлета и после его окончания вообще в литературном мире незнаемая. В европейском масштабе подобную цикличность литературного процесса гениально описал Ромен Роллан в своих «Великих творческих процессах».

Все так и шло почти до нашего времени и вдруг — этакий литературный коллапс: практически исчезновение самого фактора литературного творчества — по всему миру.

«Ты заставил меня взглянуть на мир с края отрыва...» — написал мне, прочитав упоминавшийся выше «Глобализм как ноосферный процесс», мой давний однокашник по учебе на радиотехническом факультете Тульского политехнического института, ныне живущий в Москве и четверть века возглавляющий одно из крупнейших объединений оборонной промышленности. Так что его житейскому опыту можно доверять.

Итак, предвидения Бредбери, Оруэлла и отечественных философских фантастов сбылись. Прервалась связь времен... Постлитературный период истории человечества свершился-таки. Значит ли это, что программа тренировки — развития творческого мышления эволюцией человека завершена и прошла последняя команда «Останов»? Пессимист скажет уверенное «да»; оптимист — осторожное «нет». Рассмотрим аргументы этих альтернативных сторон.

Доводы пессимиста. Эпохе начавшегося глобализма творческое мышление не нужно. Причем для любого вида творчества: от пластических искусств до изобретательского творчества. *Homo noospheres non invents* — человек ноосферный — не изобретательный. Эта формула была предложена и обоснована нами в девятитомной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы» (Москва, издательство URSS, 2007—2012 гг.). Возражений в ученом мире на нее за прошедшие годы не последовало... Молчание же, как говорится, знак согласия.

Человек ноосферный суть квалифицированный потребитель, но не творец. Понятно, что речь идет о статистически преобладающей массе. Ибо остается меньшая часть, которая создает трудом живых роботов рынок потребления. В современной России это обслуживающие сырьедобывающие отрасли и первичная переработка сырья,

а также вредные химические производства. В Западной Европе и в США, отчасти в Японии и Южной Корее — это подготовка высоких и средних технологий для тиражирования их в Китае — нынешней мастерской мира; как в XIX веке ею была Англия. За одним исключением: промышленность вооружений в названных странах сохраняется в полном цикле: от разработки до серийного производства. Третий мир находится в стадии подготовки к поглощению мировой системой глобализма.

Но квалифицированным потребителю и трудовому роботу литература уже без надобности, ибо у них нет идеалов, что ранее являлось стимулом творческого процесса. Итак, мы живем в постлитературном мире. А то, что печатается на бумаге или появляется на экранах мониторов компьютеров, подключенных к Интернету — это не литература, а информационный шум. Преобладающие же малотиражные издания, то есть самиздат всего лишь отголосок литературных эпох, не столь уж и давних, память и дань прошлому у людей, которые еще никак не могут, или не хотят, заглушить данный им от рождения и прежнего воспитания творческий импульс. На том и стоит современный пессимист.

Доводы оптимиста. Да, конечно, за последние двадцать лет Россия, некогда самая читающая в мире страна (и это правда истинная!), скатилась в части потребности в литературном творчестве где-то на 60—70-е место в том же мире. Как, впрочем, и во всех остальных отраслях, исключая лидерство в добыче и перекачке на Запад-Восток природных углеводородов, а также в коррупции чиновничества. Да, еще наша страна занимает почетное десятое место в мире по числу ежегодных оперных постановок...

Да, система книгоиздательства и книгореализации в стране полностью развалена. И таких горестных «да» оптимист оговорит множество. Более того, как человек честный сам перед собой, он не станет петь набившие оскомину заунывные песни о временных трудностях переходного периода (какого перехода: с обрыва в пропасть, что ли?) и прочая, прочая... Стыдливо промолчит об огромных творческих перспективах открывшейся после окончания тоталитаризма свободы слова и прочих благоглупостях. Даже признает, что мягкая советская цензура — пишите, что хотите, только с

джентльменским соглашением: партию и правительство не трогайте! — сменилась строжайшей самоцензурой. А вот на более искушенном в политкорректности Западе уже полтора столетия действует все и всея устраивающий «принцип Бисмарка»: говорите и пишите что хотите, только слушайтесь!

Но ведь книги-то издаются, порой даже очень высокого творческого класса! Жаль, конечно, что их тираж редко превышает сто экземпляров — это по сравнению со стотысячными тиражами советского времени. Пожалуй, здесь оптимист рассмеется, хлопнет себя по лбу тыльной стороной правой (левша — левой) ладони: эк тебя, милейший, куда занесло? — Целых сто экземпляров!

Нам же достается роль третейского судии. Каковы реалии постлитературного периода? А они таковы. Ограничимся отечественной «постлитературой».

Конечно, и в постлитературный период книги останутся: «компьютерные» детективы и комиксы для толпы, а изящно, роскошно изданные — для элиты. Может даже и для чтения. Например, для находящихся под домашним арестом, если хапнул сверх меры, а главное — не поделился. То есть литература, равно как и другие искусства, следуют правилам эпохи позднего Древнего Рима; вино, женщины и искусства принадлежат избранным.

Оно к этому и идет; если четверть века назад любой московский студент мог, особо не задумываясь, купить билет в Большой театр, то сейчас цена ему слишком хорошо известна. Другое дело, зачем эти высокие искусства пресыщенным всем и всея «верхним» классам?

...В школьные годы среди прочих литератур открыл для себя латышских писателей (хотя и жил не в Риге, а в мурманском Заполярье): от первых романистов братьев Каудзит до исторического писателя, классика Андрея Упита и, конечно, Виллиса Лациса, кстати, после войны долгое время являвшегося председателем президиума Латвийской ССР. Но не менее четырех-пяти раз перечитывал его замечательный роман «Пятиэтажный город». Действие происходит в буржуазной Латвии. Главный герой книги, ищущий свое место в неуютной жизни, стремящийся к образованию — все своими силами и умом, попадает на концерт знамени-

того скрипача, занесенного в глухую провинцию Европы — лимитрофную Ригу.

Слушая виртуозную игру скрипача, герой книги одновременно рассматривает публику в зале — собрался на «имя» весь истеблишмент прибалтийской столицы. В сопровождении своих жен и любовниц в вечерних платьях от модного французского портного, на концерт пришли воротилы делового мира: тройные подбородки, квадратные лысины, припухшие глаза... Неужели им что-то говорит Вивальди и Гайдн? Вряд ли. Ибо под этими массивными лысыми черепами бешено крутятся цифры: тонны удачно проданной салаки, тысячи кубометров латгальской древесины, суммы фрахта судов рижского порта... Цифры, цифры, прибыль, дебет-кредит. Нет, салака и шпроты не дадут пробиться музыке Вивальди под лысые черепа, а Гайдн и латгальский лес не под одним скрипичным ключом. Примерно так рассуждает герой книги Лациса, хотя и другими словами.

...В суждениях наших, отечественных оптимистов и пессимистов постлитературного периода есть своя правда и неправда, но меж ними чисто русский перекос.— Все от стремительности перемен, в части литературы тоже. Дело в том, что на Западе постлитературный период начался давно, коллапс литературного творчества и потеря читателя подошли плавно, неакцентированно. Как и все на Западе, где сам капитализм созревал не одну сотню лет.

У нас же, то есть в СССР, до самой горбачевщины, даже до ее середины, а и вовсе до ее бесславного конца на периферии, взращенная в советский период, а предтеча — конец XIX — начало XX веков, фигура человека-творца, созидателя еще не уступила место массовому квалифицированному потребителю. Соответственно, литературный процесс был востребован. И вдруг в одночасье все развернулось на сто восемьдесят градусов: с космической скоростью фигура творца была дезавуирована, смята, злоопухолью разрослась мелкобуржуазная биомасса того самого квалифицированного потребителя. Литературный процесс оказался ненужным. Тоже в одночасье, также в един миг. Это и дало перекос правды и неправды как пессимиста, так и оптимиста.

Как гласит наш фольклор, быстрота потребна лишь при ловле

блох. И еще в государственных переворотах всех времен и народов. В отличие, например, от ползучей контрреволюции. В текущее время — это «оранжевые революции», робкую, скорее кем-то санкционированную, попытку которой мы недавно наблюдали и в Москве. Это опять же не тема настоящей «Колонки», но ведь именно быстрота смены ориентиров страны в конце 80-х — начале 90-х голов и вызвала этот перекос пессимизма-оптимизма, что в полной мере ощущается и посейчас.

Ниже охарактеризуем этот перекос, в оценке которого, как ни странно, пессимисты и оптимисты — по одну сторону (словесных) баррикад.

Рекомендуем читателям этих строк не забывать: «Колонка...», хотя и имеет конкретного автора, но является отражением коллективного мнения членов редколлегии журнала; также мы внимательно прислушиваемся к рекомендациям и пожеланиям «ядра» авторского коллектива. Так что строфа из поэмы Маяковского «сижу я в Туле в стуле» в данном случае не должна пониматься как символ субъективности содержания «Колонки...».

Первым и наиболее серьезным свидетельством перехода России в постлитературный период явился фактический распад Союза писателей СССР. Здесь наиболее зловещим симптомом явилось не столько отпадение от прежде единой писательской организации национальных литератур теперь уже самостийных государств (мина, заложенная, вопреки усилиям Сталина, троцкистским подпольем в «бухаринскую» конституцию 1936-го года...), сколько отчасти удавшийся раскол базового, российского Союза «апрелевцами» во главе с амбициозным поэтом. Тот, правда, скоро убыл на ПМЖ в хлебную Америку, но раскол в русской литературе оставил. Как тот же Троцкий — «Иудушка» по известному ленинскому определению. Правда, к недавнему своему юбилею приезжал в Москву, где получил запоздалый диплом об окончании Литературного института им. А. М. Горького.

Именно с этого раскола, когда для численности в «апрелевцы» принимали по рукописям едва не на улицах Москвы, началось организованное дробление русской литературы. Возобладала понимаемая в широком смысле групповщина.

Сам этот термин в отечественной литературе весьма давнишний и во многом принципиально отличен от схожих понятий в других сферах жизни: фракций в политических партиях, классов в общественно-экономическом устройстве государства и так далее вплоть до шаек и банд в уголовно-разбойном мире. Кстати, и в данном вопросе очень гибкий и ассоциативный русский язык может озадачить кого хочешь. Если, например, в архангельской или вологодской деревушке услышишь от восьмидесятилетней бабки, указывающей на группку парней, тянущихся поутру в сельмаг за опохмелительным пивом: «Вот опять в мага́зин партия пошла!» — То не ищи в словах старо́й политической подоплеки. Просто это закрепившаяся в местной речи память о 20—30-х годах, когда по дорогам Русского Севера прогоняли под охраной партии арестантов, обычных уголовников и жертв троцкистско-ленинского СЛОН'а* и ежовского безумия тридцать седьмого года...

Сказанное выше — сугубо для понимания той роли, которую имеет терминологическая чистота и определенность.

Групповщину в нынешнем отечественном литературном мире, или в постлитературном — кому как ближе, следует понимать как организационную, идейно-литературную, идейно-политическую, этическую, эстетическую и пр. разобщенность писателей, выражающуюся в отъединении друг от друга, а значит и от групп читателей, причем каждая группа явно, а чаще неявно — в рамках тенденциозности, заявляет свою литплатформу, следование программе которой для участников группы строго обязательно по понятию (это не термин воровской фени!).

...Как писали братья-фантасты, упоминавшиеся выше, история нашей страны суть циклическое повторение уже бывшего ранее — то есть действие гегелевской спирали развития. Так и нынешняя ситуация групповщины есть почти «дословное» повторение литературной разобщенности 1910—20-х годов, но которая завершилась — правда, тогда оптимистично-переверзевским РАПП'ом и, наконец, горьковско-сталинским Союзом писателей СССР. Кстати, не ассоциируйте рапповского Переверзева (У Ильфа и Петрова:

* Соловецкий лагерь особого назначения.

«Долой переверзевщину!») с Переверзевым нынешним, героем многочисленных гневных статей в «Литгазете» по поводу раздела писательского имущества — об этом ниже. Возможно, они даже и не родственники... Хотя символично даже совпадение имен фигурантов.

Когда-то Сталин сказал, если не ошибаюсь, Анри Барбюсу: «Других писателей у меня нет!» И мы можем повториться, что сейчас, в период разбухания мелкобуржуазной биомассы, других писателей тоже нет. В том смысле, что писатели не только отображают действительность, но и сами есть порождение ее. Поэтому в групповщине сейчас не малую роль играет матримониальный фактор: естественно, от «Москвы до самых до окраин».

В столице, где все внутри внешней кольцевой автомагистрали пропитано духом меркантильности — от мелочной до гигантской, почти что сравнимой с госбюджетом, групповщина приобрела выраженный коммерческий стержень: дележ остатков бывшей, советской писательской собственности — с Переделкино в эпицентре. Конечно, львиная доля недвижимости СП СССР отошла к государствам СНГ, а внутри России ее прибрали к рукам в лихие девяностые, годы рейдера — молодцы: от бандитов до официальных структур. Но настолько велика была собственность Союза писателей, что и оставшиеся крохи ее достаточно соблазнительны.

Со столицей все понятно, но и на периферии (провинции по-нынешнему, уничижительному) нищенствующие литераторы порой делятся на группировки, соревнующиеся друг с другом по части получения крох, падающих со столов администраций различных уровней. Очень малых крох, ибо отечественные чиновники подобрались из тех ценителей русской словесности, что в своей жизни прочитали только две книги: «Тимур и его команда» Гайдара-деда в детстве и личную чековую книжку, что читают на ночь. Чтобы сны привиделись радужные...

Ярко выраженной групповщиной отдают и нынешние литературные премии и лауреатства. Их расплодилось множество, но все они делятся на две группы: «денежные» и «безденежные». Что называется *honoris causa**. Первые — исключительный атрибут

* Чести (почести) для (лат.).

Москвы, и столица вовсю старается не выпустить их за пределы упомянутого МКАД'а, а то и вовсе Садового кольца. Для получения ее всенепременно следует быть членом группы и проживать в пределах... см. выше.

Пишущий эти строки по натуре сугубый эмпирик — вспомните «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина,— поэтому все стараюсь извлекать из личного опыта, а потому принципиально участвую уже лет пять-шесть в премиальных конкурсах, в том числе и в безнадежных «денежных» премиях-лауреатствах. Не потому, что деньго- и лавролюбов, что противоречит моему староверческому происхождению и военно-морскому воспитанию, а по сказанной выше причине: приязнь к эмпириокритицизму, за которую Вождь мирового пролетариата в своем основном философском труде так обиделся на своего коллегу — до 1917-го года — А. А. Богданова (Малиновского). Кстати, не американец Норберт Винер, а русак Богданов заложил основы науки кибернетики... Но это к слову.

Результат участия — нулевой. Даже в наиболее честной престижной Бунинской премии: дважды я становился ее финалистом, но на том дело и заканчивалось. Не обижаюсь: может и «не дотягиваю» до нее, но — подождем, пока Тула, как недавно часть соседней области, не войдет в состав *New Moscow*. Куда более честные премии, в положении о которых прямо записано: «Присуждается только членам <далее идет имя классика в соответствующем падеже> общества».

Периферийные литпремии все сплошь «безденежные», но пресловутая *honoris causa* и здесь явно отдает провинциальной, местечковой групповщиной. По определению это не относится к лауреатствам, привязанным, опять же с указанием в положении о премии, к конкретному месту проживания претендентов: республике, краю, области или городу. Может даже и к селу... Как писал Николай Рубцов: «Мне поставят памятник в городе или на селе. Буду я и каменный — навеселе».

Но вот с периферийными премиями, объявляющими себя всероссийскими, общенациональными и даже международными, не все комильфо. Сильно отдает групповщиной. Как, например, с несколькими премиями, объявляемыми в городах, где стоят памятни-

ки нашим традиционным и новым классикам. Премия всероссийская, а лауреатами почему-то становятся сплошь местные письменники. Так, мол, получилось; хотели как лучше... Хотя и наивная, но — групповщина. Это ведь не столичные «литературные монетные дворы», где штампуют направо-налево писательские ордена и медали.— См. нашумевшую статью в одной из московских литературных газет Сергея Соколкина; кстати, автора «Приокских зорь».

...Как говорят медики, а ваш покорный слуга все же профессор медицинского института, нельзя «показывать на себе». Но мы рассуждаем о литературе, поэтому все же обратим внимание читателя на всероссийскую литературную премию «Левша» имени Н. С. Лескова, уже пятый сезон присуждаемую в четырех номинациях за лучшие публикации текущего года в «Приокских зорях», а с прошлого года и за издание авторских книг в серии «Приложение к журналу «Приокские зори».

Здесь нет и намека на местечковость — это не похвала себе, то есть редколлегии журнала, а объективная реальность. Среди лауреатов — эмигрант, ныне живущий в германском Бремене, известный поэт из воронежского Борисоглебска, монахиня из монастырского села Владимирской области, соотечественник «на заработках» в африканском Мозамбике, московские профессора, поэт, работающий на химкомбинате в Тольятти и так далее в разнообразии географии. Всех лауреатов объединяет одно: литературный талант.

А если в числе лауреатов появляются авторы из Тулы и городов Тульской области, то значит они достойны того. Кстати, уже два года подряд мы не присуждаем «Левшу» в жанре литературоведения: так получилось, что все более или менее достойные публикации здесь принадлежат авторам — членам редколлегии «Приокских зорь», которым по Положению премия не положена...

Схожий подход и у жюри всероссийской литературной премии «Белуха» имени Г. Д. Гребенщиква, учрежденной Союзом писателей России и журналом (альманахом) «Бийский Вестник» (главный редактор и председатель жюри В. В. Буланичев).

Но все это скорее исключения, нежели правило. Увы. Завершим же аспект современной литературной групповщины и вовсе пессимистически: группировки занимаются чем угодно, но только

не развитием литературного процесса. Дважды, увы, отвечая только за себя, стараюсь разрабатывать теорию современного литературного процесса в структуре Академии российской литературы, где являюсь членом Правления, ответственным за литидеологию. Как это получается? — Вам, уважаемый читатель, судить.

Свобода слова и самоцензура — здесь перекос явно на руку пессимистам. Вспомним не столь давнее: что не устраивало в литературном процессе советского периода явных и скрытых диссидентов, столичный окололитературный бомонд, обиженных судьбою и книгоиздательствами литераторов? — Конечно, якобы отсутствие свободы слова в СССР. При этом все они напрочь забывали, или отродясь не знали, диалектическое, гегелевское определение свободы как осознанной необходимости. Этим все сказано как припечатано.

Повторение — мать учения, поэтому считаю нужным еще раз повториться (см. предыдущие «Колонки...» в «Приокских зорях»): начиная с 60-х годов, никаких покушений на реальную свободу слова уже не было — при соблюдении автором трех необходимых для него условий: а) не употреблять нецензурных слов и умерять эротические фантазии; б) обладать способностями к литературному творчеству, то есть не являться графоманом; в) соблюдать правила игры с власть предержащими — сродни великолепному английскому правилу: джентльмены присутствующих не имеют в виду. Так и здесь: «не трогать за вымя» партию (тогда единственную) и правительство и, тем более, лично... понятно кого.

И это была «неистовая тоталитарная цензура». А то, что негатив к власти приходилось выражать иносказательно, то это только совершенствовало художественное мастерство автора. Для справки — для тех кто не издавал авторские книги в советское время (у меня такой опыт имеется): по скучно-обязательным оговоркам современных СМИ и запиаренно-коммерческих литераторов получается, что любую книгу перед ее изданием дотошный тоталитарный цензор вычитывал вдоль и поперек, с конца и по диагонали, всю ее исчеркивал и возвращал через издательство автору для коренной правки. Смею разочаровать: к цензору, то есть в пресловутый «лит» книга попадала уже изданной, а «литовца» интересовали вовсе не особенности композиции, даже не пункты а), б), в) пер-

воочередно, но соответствие изданной книги инструкции о сохранении гостайн.

...Но вот на не очень продолжительное время в 90-х годах «объявили» полную свободу печатного слова. Действительно, на любом книжном развале в самом центре города рядом лежали «Архипелаг ГУЛАГ», «Эдичка» Лимонова, «*Mein Kampf*», Библия и многотомные сочинения кришнаитов. Но разве в тот период объявился сонм талантливых писателей, или качественно повысился литературный изыск читательских масс? — Все с точностью до наоборот: читателям в те голодно-волчьи годы стало не до книг. Впрочем, и сочинителям таковых тоже.

В итоге в постлитературный нынешний период отечественная литература пришла в состояние броуновского движения: огромное число издаваемых в полукустарных типографиях-маломерках за собственный счет книг с «краеугольным» сотенным тиражом — все сплошь в категории «самиздата». Число пишущих и читающих сравнялось, явив миру, которому в общем-то на нас наплевать, «супернорвежский феномен», ибо просто «норвежский феномен» — это упоминавшийся выше короткий во времени взлет литературы на датско-норвежском языке (датский и норвежский — это один и тот же язык) в конце XIX — начале XX веков, когда в северном королевстве, изрезанном фиордами, самом нищем в Европе — тогда нефть на шельфе Северной Скандинавии не качали — на каждые триста жителей приходился свой писатель... Правда, сейчас кто-то слабо припомнит «Голод» Гамсуна, да еще литературоведы, что называется по профессии, знают о драматурге Бьерстерне Бьернсоне и «Снах и яви леди Градивы» модерниста Йенсена.

Норвежский феномен таки у нас переплюнули в сотни раз, а может и в тысячи, с учетом полного отсутствия читателей современной литературы, но что ведь уже два десятка лет издается? — Графомания на 90 % в поэзии и на 75—80 % в прозе. Все-таки последнюю труднее сочинять, опять же книги по объему больше, дороже в издании, так что приходится задуматься: издавать ли библейской толщины роман-эпопею «А паразиты никогда» (По Ильфу — Петрову), или ограничиться брошюрой с рассказами-зарисовками.

Полное же уничтожение института редакторов, корректоров и профессиональных верстальщиков делает же современные книги антиэстетическим продуктом невзыскательного творчества. Еще один существенный негативный момент в современной постлитературе: вместо объективной литературной критики, которая сейчас полностью отсутствует, появился «жанр» этакой снисходительной опеки: дескать, не совсем талантливо пишут ребята, но хоть кто-то пишет! Так поддержим и пр., и пр. А потом удивляются, когда из таких сирот-опекаемых вырастают самодовольные графоманы-хамы, что, прикупив на «литературном монетном дворе» (опять ссылки на статью Сергея Соколкина) с полдюжины самопальных орденов и медалей, начинают: как писать и о чем писать!

...С пресловутой свободой слова тесно связано понятие самоцензуры. В расширенном понимании — это авторское редактирование своих произведений, чем знаменит был Лев Николаевич Толстой. А вот Федор Михайлович этим напрочь манкировал: Не до того, Федя, не до того — рулеточные долги надо срочно отдавать — в печать!

Так что самоцензура — это не нечто официозное, цинково-суконное, но необходимая стадия творческого процесса. И во все времена, далеко не только в советские, самоцензура «держала в уме» пресловутые джентльменские пункты а), б), в): от античных времен до нынешних.

Один лишь пример. Думаете, Николай Михайлович Карамзин писал свою многотомную и обессмертившую его имя (что вряд ли бы сделали «Бедная Лиза» и «Записки русского путешественника») «Историю государства российского, оставляя втуне самоцензуру? — Еще как не оставлял, да так не оставлял, что все достижения русского государства «преподнес» всего лишь двухсотлетней династии Романовых, задвинув в глубь веков почти семьсот лет правления Рюриков!

«*Во всем виноват Сталин*» — уже пятьдесят с лихвой лет этот девиз не сходит со знамен различных оттенков, в том числе и с прежде бывшего красного знамени с серпом и молотом... Чего только на Сталина не навешивают? — Только что убийства Пушкина и Лермонтова на дуэлях. Конечно, «по-сталински»: подсад-

ным стрелком из-за Черной речки и с вершины Эльбруса. Тем более — в части советизации и тоталитаризации отечественной литературы. Вот здесь-то и возникает крайне актуальная для нынешней постлитературы тема: писатель постлитературной поры и чиновник.

«Как,— воскликнет и хлопнет от возбуждения эмоциональный читатель этих строк,— какая связь Сталина с нынешним постлитературным процессом? Глупости все это, зарапортовался профессор!»

Связь же прямая. Будучи этническим полуосетином-полугрузином, Иосиф Виссарионович не до конца понимал одну специфическую черту русского характера, феногенотипически воспитанную в нем — нет, не самим Сталиным и советской властью — на протяжении веков, особенно — со времен Петра Первого, на всю жизнь восхитившегося немецкой дисциплиной — от частого гостевания в московской Немецкой слободе у Лефорта: боязнь чиновника и органическое нежелание с ним как-либо связываться по «принципу Савельича»: поцелуй, дескать, барин ручку злодею да сплюнь! И другой наш классик пишет, что приставу вовсе и не надо на деревенский беспорядок самому ехать — достаточно фуражку свою прислать.

«Российская империя есть государство, по-преимуществу, военное»,— этими словами начинались гимназические учебники истории и географии. Это являлось полуправдой, ибо во внутреннем, невоенном своем устройстве Россия была, есть и еще долгое время будет государством, по-преимуществу, чиновничье-бюрократическим. Это как наследственность в хромосомах, никуда от нее не денешься.

Причем чиновник в России, в отличие от европейских, сугубо особенный: он стремится не столько исполнить спущенный сверху циркуляр, но, как телега перед лошадью, опередить его «инициативой на местах», тем самым создавая в глазах нечиновных людей уверенность во всемогуществе и самодурстве самого ничтожного носителя кокарды на фуражке. «Коллежский регистратор — почтовой станции диктатор». В таком непонимании особенностей русского характера Сталиным, что сразу подметили «шестерки»,

«шныри»* и, конечно, замаскировавшиеся троцкисты — низовая основа формирующегося наспех бюрократического аппарата советской власти, его (невольная) вина. Отсюда и доносительство в размере эпидемии, подставление вместо себя честных людей и так далее. В нужный момент эти «шныри» все свалили на Сталина.

После такой преамбулы вернемся к современной постлитературе, держа в памяти свободу слова и самоцензуру.— Тему, близкую к развиваемой ниже.

Правильно понимаемая бюрократия, как то ведется в Европе со времен Древнего Рима, есть системно-структурная основа любой государственной власти. Здесь только князь Кропоткин и Нестор Иванович Махно, красный командарм, запротестуют... Да еще Прудон из глубины веков. Поэтому выстраивание вертикали власти в современной России после окончания смуты 90-х годов можно рассматривать как важный элемент госстроительства. Но ведь чиновник-то, отношение к нему и органическая боязнь его «фуражки» остались прежними! Более того, «естественный отбор» девяностых годов придал российскому чиновничеству новые качества: низкую квалификацию как чиновника-специалиста и невероятную коррумпированность.

Как это сказалось на литературном процессе, пусть даже и усеченном до постлитературы? — Прямым образом и все по тому же принципу отечественных «кокардистов»: запрягать телегу впереди лошади.

Госвласти сейчас не до тонкостей литературного процесса. Достаточно сказать, что уже двадцать лет всевозможные проекты законов о культуре, творческих организациях и пр. не дошли даже до постановки в очередь на обсуждение. По-человечески это понятно: на повестке дня стоят жизненно важные вопросы сохранения целостности государства и вытягивания его из пропасти девяностых годов.

Но этим в числе прочего активно пользуется чиновничество, идеология которого такова: минимум общеполезной деятельности,

---

* На фене, которая здесь очень подходит, шнырь — подметальщик, уборщик за всеми.

максимум личного обогащения, главное — создание видимости кипучей деятельности, чтобы показать свою нужность: если не перед Страшным судом, то хотя бы перед вышестоящими инстанциями. Широкое распространение сейчас получил метод «выхватывания из толпы» <Далее фактический материал взят из «Литературной газеты», читать которую писателям надо обязательно, несмотря на ее колебания «влево-вправо» и все возрастающую розничную стоимость...>.

Обобщенно говоря, писатель избирает сюжеты и героев из трех эпох: историческое прошлое, настоящее время и фантазии на тему будущего. Настоящее настолько буднично серо и неоптимистично, что о нем почти никто не пишет. Зачем? — И так все перед глазами. Куршавель же, крейсерские яхты и жизнь престарелых певцов-танцоров на столичной эстраде — тема для фоток глянцевых журнальчиков.

На рубеже веков и тысячелетий массово было ринулись письменники в социально-политическую фантазию, но здесь-то чиновники словили свой первый куш. Пару-тройку лет назад «Литгазета» из номера в номер почти в детективном жанре печатала сообщения о судебном преследовании одним из столичных судов писателя-фантаста, вознамерившего дать абрис Москвы где-то через тридцать-сорок лет. Литератору инкриминировали грозные статьи о терроризме, разжигании национальной розни, ксенофобии и антитолерантности. Вроде как дело «развалилось», говоря суконным языком. Да еще в то же время кто-то из руководителей государства по сходному делу афористично сказал, что-де заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет...

Но сигнал-то был дан! А наш писатель очень понятлив насчет чиновничьей немилости-инициативы. Все, прекратились фантазии.

Итак, фантазировать нельзя, о действительности писать скучно, остается — конечно, остается история! Вот где разгуляться! Но не очень-то разгуляешься, как оказывается. Советский период старшим поколениям он и без того известен досконально — ничем не удивишь читателей. Спроса не будет. А поколениям, как сейчас принято обозначать <<–35>>, СМИ за прошедшие четверть века привили такое стойкое неприятие, что эти <<–35>> и в

руки такие книги не возьмут. Вероятно, как и все остальные. Эти поколения не читают вовсе.

Интересен XIX век, но он весь описан-переписан. Разве что жития императоров и выдающихся царедворцев? — Но это на любителя. Век восемнадцатый весь в художественной форме отображен Валентином Пикулем. Да и хлопот много — первоисточники ворошить. Куда как хорошо сочинять о временах столь стародавних, что и фактологию проверить нельзя, и политориентацию к делу не пришьешь: кто знает, что готовили боярин Матвей и стрелец Кузьма: победу мирового пролетариата или торжество демократии на рубеже тысячелетий?

Политкорректность как заноза — тема, продолжающая предыдущую. Заноза только с виду крохотная, но мучений с ней предостаточно. Если же под ноготь попадет, то и до панариция недалеко, что вообще хлопотно с излечением. Такой занозой в постлитературе и является политкорректность. В советской литературе 60—80-х годов она ограничивалась только джентльменским пунктом в). А сейчас потому она и заноза, что постоянно держит автора под неусыпным контролем.

Пишет он слово «негр» — без малейшего намека на негатив, и аж в пот бросает бедолагу: а как это поймут? И вот он, наслушавшись-насмотревшись СМИ, вздохнув, зачеркивает «негра» и пишет «афроамериканец», хотя бы по сюжету это чернокожий из Гвинеи, служащий барменом в Москве и ни разу не бывавший в Америке. «Афрорусский» пока не прижился. Но приживется и этот веселый парень с рекламными белоснежными зубами...

О «в Украине», Флóриде, Таллине с двойным «эн» и многом прочем мы уже писали в предыдущих «Колонках...». Не знаю, как сейчас издают в русском переводе Ницше, умудрившегося обидно обозвать все национальности, в особенности же родную немецкую. Как быть с поименованием нетрадиционных чувственных удовольствий, ныне легализованных и юридически уравненных..? Здесь прямо как в старом анекдоте: «Вер-р, как поживает твой муж-сифилитик?» — «Ф-ыу, Маш-ш! Не сифилитик, а филателист».

Заноза она и есть заноза.

О переходе с бумажного на электронный носитель, об Интер-

нете мы даже не то что писали в «Колонке...», но и вовсе только завершили всероссийскую и международную дискуссию на эту тему на страницах «Приокских зорь».

Традиции литературы в постлитературе должны были бы одобрить приунывшего оптимиста. Но так ли это? Всякая традиция живет, если ее постоянно развивают, продолжают, совершенствуют. Но если о традиции только всуе говорят, монотонно талдычат, а следовать ей мало кто собирается, то это становится нонсенсом. Пересохла на крутом изгибе истории русская литература, не может уже «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов земля российская рождать».

А оптимист все не унывает: «Жив курилка!» Пессимист урезонивает: вот тебе дадут покурить и прикурить в общественном месте! Тут тебе и очередная антиалкогольная кампания на носу; будешь отмечать с друзьями-литераторами выход очередной стоэкземплярной книжки не в кабаке, но на собственной кухне при погашенных свечах и плотно зашторенном окне. Чокаться — только тыльными сторонами ладони, судорожно обхватившими запотевшие от потожировых (новое модное слово в бандитско-милицейских сериалах) стопки.

...Пусть первый бросит камень, если это всего лишь фантазия. Тем более, фантазии сейчас сочинять архиопасно.

Невесело это, господа-товарищи, они же потенциальные граждане, жить-поживать писателю в постлитературную эпоху. Которая, увы, только началась. Совсем зрим облик надвигающегося «грядущего хама» (по Д. С. Мережковскому). Здесь слово «хам» употреблено не в оскорбительном смысле, но, так сказать, в социокультурном: когда все социальное вырождается в священность частной собственности и безудержную власть дензнаков, а культура — в свой примитивный антипод. Носитель этих качеств и есть грядущий хам.— Но только в определении взгляда и предыдущей истории. Сам же торжествующий хам — к счастью для него — себя таковым не осознает. Как кладбищенский могильщик не видит ничего предосудительного в своей работе. Или представители первой и второй древнейших профессий.

Просто этот персонифицированный грядущий хам другого

*modus vivendi** не знает, потому что знать не желает и ничему не учился. Такова установка общества квалифицированных потребителей.

Хотите вы, уважаемые писатели и поэты, тратить свои усилия головы, души и физического здоровья для «интеллектуального обслуживания» такого персонажа современной жизни? — Думаю, что здесь оптимист и пессимист сойдутся в едином мнении: ни-за-что! Но даже горячиться здесь не стоит. Ибо этот хам и сам не возьмет в руки вашу книгу, брезгливо отвернув от нее свою цинковую или суконную... ну-у то, что прежде называли одухотворенным лицом.

Так для кого, или чего, писать постлитературу? — Впереди по времени грядущий хам, позади — последние из могикан читающих. Остается только... самоутверждение? Может быть и так. Бывали ситуации в истории цивилизации, когда этот принцип доминировал.

Профессионал и дилетант в постлитературный период, а особенно их противопоставление — тема сугубо спекулятивная. И вот почему. Почти 99 % ныне пишущих непритязательно, ведь выше дарованной природой головы не прыгнешь, втихую завидующие более талантливым собратьям по перу находят железобетонное себе оправдание: «Писучий ты, брат Никодим! И где только время берешь? А мне вот денно-нощно надо о хлебе насущном думать, на двух-трех работах корпеть, чтобы хоть раз в два года машину себе менять, да квартирку очередную для подросшего мальца прикупить. Иначе бы и я так развернулся, что тома шестисотстраничные так бы и отскакивали от письменного стола!»

...Что-то это мне напоминает из классики? Ага, как даже знаменитые писатели некогда апеллировали в части Льва Толстого. Мало что начинающий Михаил Афанасьевич Булгаков в «Записках юного врача» писал от лица своего автогероя, что-де хорошо было Льву Толстому в тепле и тиши Ясной Поляны сочинять свои романы, а мне, земскому врачу, в мороз и вьюгу приходится тащиться к умирающему больному на край волости... так и Федор

* Образ жизни (лат.).

Михайлович, когда его упрекали в небрежной отделке своих (великих) произведений, то же говорил, что хорошо Толстому (см. выше), а мне надо за три месяца выдать на гора книгу — оплатить долги за проигрыш в рулетку.

И вообще противопоставление профессии и дилетантизма в литературе — величайшая глупость, если только не одно самооправдание. Можно по пальцам в мировой литературе пересчитать писателей, что занимались исключительно сочинительством, с которого и жили-здравствовали. Да, был Бальзак и Диккенс, «фабрика» папы Дюма. Посчитайте сами, только из выдающихся литераторов, и пальцев рук и ног на всех не хватит. Кто писал евангелия и другие книги Нового Завета? — Профессиональные, так сказать, проповедники Христова учения, а до того и вовсе имевшие профессии рыбака, плотника и даже мытаря-налоговика в высоком этом полицейском звании.

Кем был великий писатель и философ Фрэнсис Бэкон, которому уже не одно столетие вполне мотивированно приписывают еще и анонимное авторство «всего Шекспира»? — Был он всю сознательную жизнь первым лордом, то есть канцлером, Британии. Это не хухры-мухры... А его соотечественник Дизраэли, он же лорд Биконсфильд, автор «Танкреда» и еще двух десятков «бестселлеров» своего времени? — Блестящий премьер-министр уже гигантской Британской империи, над которой, говоря словами Киплинга, никогда не заходит солнце... Гёте не только был пожизненно Веймарским премьер-министром и автором десяти томов (в нынешнем издании) прозы и поэзии, создателем гениального «Фауста», но и выдающимся естествоиспытателем, ученым-морфологом. А трактат о свете и его цветах до сих пор цитируется в многоумных диссертациях.

Что сказать про отечественных классиков? — То же самое, если не в большей степени. Упрекаемый Достоевским и Булгаковым Лев Толстой сочинил свои 90 томов (в Юбилейном издании 1928—1961 гг.) вовсе не в отстраненности от мирских дел. Служил — профессионально — в армии, участвовал в Крымской войне, а если пройтись низом центрального в Туле проспекта Ленина, то на глаза попадется мемориальная табличка: здесь-де трудился

канцелярским служащим Толстой. А в Ясной поляне? — Ведь он самолично управлял огромным имением с шестью тысячами десятин, что сравнимо с хлопотливой должностью председателя большого колхоза. Подчеркнем: управлял лично, только под самый конец поставив на хозяйство Софью Андреевну...

А на том же тульском проспекте Ленина, через дорогу, напротив дома, где служил Толстой,— здание коммунально-строительного техникума. И тоже с табличкой, извещающей, что здесь в генеральской должности председателя губернского казначейства служил М. Е. Салтыков-Щедрин. В другие годы был он вице-губернатором в других городах и весях.

Добрый гений наших «Приокских зорь» Гаврила Романович Державин и вовсе являлся Олонецким (Петрозаводск — Карелия) губернатором, а затем министром Екатерины Второй. Автор «Фрегата Паллады» не только был три года штатным этнографом на этом знаменитом корабле, но затем являлся главным цензором империи.

Другой гений журнала — Николай Алексеевич Некрасов, пробедствовав всю свою молодость, затем стал в одночасье «наследником всех своих родных», да еще наловчился так играть в карты, что запросто мог за одно утро положить в карман 40...60 тысяч целковых. Вот ему в тиши и покое теперь пристало бы сочинять стихи о горькой доле и нищете народа... так нет, взвалил на себя бремя главного редактора «Современника», а затем и «Отечественных записок», через которые «сделал» всю русскую литературу второй половины XIX века.

Остается вроде бы барин Тургенев, пишущий в свое удовольствие, отвлекаясь только на охоту и ухаживание за французской актрисой — заодно полностью содержал ее и супруга. Но и здесь одно «но»: вполне достоверная служба полковника внешней разведки резидентом во Франции и всей Западной Европы...

Остановимся на этом увлекательном перечислении, чтобы «Колонка...» не заняла весь объем журнала.

Не может среди серьезно, талантливо пишущих людей, тем более в постлитературный период, иметь место разделение на профессионалов пера и дилетантов-любителей, этаких по Гоголю Хле-

стаковых, любящих побаловаться гусиным пером на досуге: «Ну, что, брат Пушкин?» — «Да так, брат Хлестаков!»

У человека *homo sapiens* два полушария головного мозга: левое отвечает за логику мышления в реальной жизни, а правое — за творческое воображение. И если правое полушарие развито до степени творческого самовыражения, то учись писать профессионально! Этого же можно достичь только годами и еще раз годами упорного, почти что каждодневного труда; как говорится, *nulla dies sine linea**. И не важно, чем ты добываешь хлеб насущный: кочегаром, профессором, мытарем или инженером. А нет устремления к литературному профессионализму, которое сейчас никого не кормит, а наоборот, требует личных материальных затрат,— лучше совсем не пиши или корреспондируй в учрежденческую стенгазету. Сочинять и издавать, хотя бы сотенным тиражом, глубоко посредственные книжки «для души» — значит плевать в лицо высокому искусству литературы. Хотя бы и с приставкой «пост».

Отсутствие понятия авторитета, в смысле авторитета писателя как в своей цеховой среде, так и в глазах общественности, людей, в постлитературный период — несравненно тягостный момент. Удивляться нечему: сейчас вовсе нет авторитетов, кроме как в уголовной среде, ни в какой среде деятельности. Это понятие заменено понятием «на какой капитал тянет барин». И даже родители ругают детей за проступки: «Ты что, бездельник! Хочешь профессором (учителем, инженером и пр.) стать и всю жизнь в нищете прозябать?»

Здесь уже ничего не поделаешь. Но отсутствие авторитетов в цеховой среде прерывает преемственность талантов и поколений в литературе.

Еще остался для рассмотрения такой важный аспект, как литературная периодика постлитературной эпохи. Но тема эта настолько важная, актуальная и самостоятельная что мы, скорее всего, посвятим ей отдельную «Колонку...».

На этом и аминь!

---

* Ни дня без строчки (лат.).

Примечание: просим рассматривать изложенное выше как дополнительный исходный материал к дискуссии, объявленной в предыдущем номере «Приокских зорь»: «Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории?». Кстати, просим поторопиться потенциальных участников злободневной дискуссии. Ее материалы планируется поместить в третьем или четвертом номерах «Приокских зорь» за этот год, а итоги дискуссии — традиционно уже в первом номере следующего года.

«ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ»

Заголовок заключен в кавычки, ибо это название очень популярного в 70-х годах зарубежного фильма, шедшего большим экраном и в СССР. Он запомнился не только сюжетом, но и характерной фамилией режиссера — Деникин; правда, в оригинале ударение на первом слоге, но у нас он тотчас проассоциировался с фамилией Антона Ивановича, главного белогвардейца Гражданской войны, в советских учебниках истории даже затмившего адмирала Колчака...

Сюжет же фильма, стандартный уже тогда для западного кинозрителя, для советских людей был новым, необычным: поиски исторических артефактов присутствия внеземных цивилизаций на нашей планете, «заглядывание» в будущее, когда земляне, возможно, снова столкнутся с братьями по разуму и так далее. Общий лейтмотив: ничто не ново под луной; даже в короткой по астрономическим меркам эпохе цивилизации и культуры на Земле возможны повторяющиеся циклы. Как вечно возрождающийся Осирис в древнеегипетской религии. Как птица Феникс...

К чему такая ностальгическая преамбула? А к тому, что мечтать о будущем, вспоминая славное прошлое русской и советской литературы XIX—XX веков, вовсе не вредно. И сразу оговоримся: одно из назначений настоящего очерка — снять некоторое внутреннее напряжение, что возникло у читателей «Приокских зорь», судя по их откликам, от содержания «Колонки главного редактора» предыдущего номера журнала. Так сказать, холодо-тепловая шоковая терапия, используемая в восстановительной медицине, а проще — русская баня с «вылетом» для окунания в сугроб...

А если серьезно говорить, то переживаемый не только нами, но и всем миром, постлитературный период цивилизации — не окончательный приговор, но лишь очередное звено «цикла Осириса». К сожалению для нас, современников, огорчительное звено, имманентное развертывающемуся сейчас процессу глобализации; см. наш очерк «Глобализация как ноосферный процесс» в одном из предыдущих номеров журнала. В единстве и незыблемости законов природы все это сродни температурным циклам в атмосфере Зем-

ли. Еще не утихли панические вопли в мировых СМИ по поводу «необратимого глобального потепления», как уже на глазах «плюс» стал меняться на «минус», а серьезный научный прогноз свидетельствует: уже в конце XXII века нас ожидает очередной малый ледниковый период; предыдущий имел место быть в XIV веке — посмотрите в музее или в альбомах картины «старых голландцев», на которых типичный сюжет: те самые голландцы «рубятся» в хоккей на промерзших искусственных водоемах...

Сметливый читатель уже понял: далее речь пойдет о грядущем новом литературном периоде: если не человечества, то нашего отечества. Ну-у, примерно так. Но здесь снова говоримся, опять же вспомнив упомянутого в предыдущей, «постлитературной» «Колонке» критика Юрия Селезнева и нашего современника Александра Проханова. Особенно Селезнева, лекции которого в Литературном институте слушал в свое время предельно внимательно.

Был Селезнев выдающимся литературным критиком и постоянно говорил нам о скором творческом взлете русской, советской словесности. Нам, только постигающим азы писательства, казалось: что-то нашему наставнику известно в прогностическом плане, раз он так уверен в грядущем позитиве, но что он полагает пока излишним озвучивать — в смысле говорить изустно и в своих публикациях об онтологии, первооснове ожидаемого творческого импульса...

Сейчас же, спустя треть столетия после тех лекций, думаю, не ошибусь, если попробую «проникнуть» в творческую лабораторию нашего замечательного учителя. Скорее всего, Юрий Иванович в своих убеждениях исходил, как говорят в математике, «от обратного», ибо потребность в прогнозе-идеале обычно возникает у творческого человека из-за неудовлетворенности настоящим. Это и есть движущий мотив. По всей видимости давила ситуация в советской литературе семидесятых голов: бал правили «шестидесятники» и «деревенщики». Не зная подспудных мыслей выдающегося критика, далее говорю только «от себя»: как я думал тогда, причем к сегодняшнему дню мнения не изменил.

Кстати, один из маститых рецензентов на мою дипломную работу по окончании Литинститута, позже изданную книгой «На остро-

вах», резюмировал: «...Алексей Яшин является типичным представителем крайне левых «деревенщиков». Ни много, ни мало.

...Это только кажется — и сейчас, и тогда, что «шестидесятники» и «деревенщики», обычно же эти течения объективировались, сливались в конкретных громких «именах» тогдашнего литературного процесса, являлись выразителями дум и чаяний читающего народа. Поскольку же в 60—70-е годы читали массово, то речь идет, вообще говоря, о всем советском социуме: от сугубой интеллигенции до рабочих «от станка» и сельской молодежи. Причем под советским социумом понимается не только его русский, русскоязычный ареал, но в определенном смысле и интеллигенция, молодые поколения союзных республик. На русских, на Москву тогда равнялись...

Действительно, шестидесятники-деревенщики (давайте, объединим и раскавычим эти термины) появились в нужное время и в нужном месте. Но сначала приведем биографическую справку из книги В. В. Огрызко*: «Селезнев Юрий Иванович (1939—1985) вечный борец, в 1977 году на конференции «Классика и мы» он заявил, будто в литературе уже давно идет третья мировая война, тогда же его приставили первым заместителем к Сергею Викулову в журнал «Наш современник»**, но начальник при поддержке Юрия Бондарева все сделал, чтобы отчаянного критика вскоре с работы убрали (официально Селезнева выгнали за то, что он проморгал в какой-то статье слово «русофобия»)» (С. 515).

...Для полноты характеристики натуры Юрия Селезнева приведем еще одну ремарку из замечательно-содержательной книги В. В. Огрызко: «Его интересовали искания современной прозы, творчество Белова, Лихоносова, Распутина... Но главной своей работой он считал книгу о Достоевском для молодежи» (С. 37).

И еще заместим, что Селезнев, будучи зав. редакцией серии «ЖЗЛ», сделал ее явлением русского, советского литературного процесса. Все же его невзгоды начались после того, как он в № 11,

---

* Огрызко В. В. Против течения. Статьи и заметки о современной литературе / Вст. ст. Ивана Гобзева.— М.: Литературная Россия, 2010.— 544 с.

** Первым главным редактором «Нашего современника» был Борис Михайлович Зубавин — мой учитель, то есть руководитель семинара прозы, по Литинституту.

1981 года «Нашего современника» напечатал повесть В. Крупина «Сороковой день», вызвавшую гнев партайгеноссе на Старой площади...

Теперь читатель живо представит себе личность Юрия Ивановича, его творческое реноме и одиозность его нестандартной натуры на фоне тогдашней, по-преимуществу, серой писательской биомассы...

Теперь же вернемся к шестидесятникам-деревенщикам, появившимся в нужное время и в нужном месте: в 60—70-е годы «золотой» советской эпохи тех лет... Еще раз извиняемся, еще раз *nota bene*. Внимательный читатель «колонок» нашего журнала уже отметил: ваш покорный слуга никогда не употребляет имен собственных, ведь речь о современных литераторах. Во-первых, их имена и так «просвечивают» из контекста, то есть человек литературно просвещенный без труда угадывает персоналии, а неофиту их и знать не интересно. Во-вторых и в главных: у нас — имеется в виду весь социум, окормляемый СМИ и чиновниками всех рангов — все более и более крепнет позиция обезьянничества с Запада (вспоминайте хрестоматийного «аршавского портного»). Самое паскудное, извините за «мягкую» степень грубости, что с той же Америки берут не лучшее, что у них имеется, но что явно не вписывается в русские традиции.

...Мы уже не говорим о холерической мировой кампании «борьбы» с курением и употреблением виски-джина-водки. Всякому самодостаточно мыслящему человеку уже давно понятно: вся эта «борьба» лоббируется на планетарном уровне некими заинтересованными силами... Но вот юридический американизм: пресловутая ювенальная юстиция, все возрастающая роль адвокатского крючкотворства... Особенно последнее. Вспомните, уважаемый читатель: что вы слышали об адвокатах в советское время? — Да почти ничего. А сейчас мы вплотную приблизились к американской ситуации, когда рядовой янки-дудль без адвоката, извините за легкое преувеличение, опасается зайти в туалет или сходить «налево» к любовнице.

Вот поэтому мы и стараемся не упоминать имен собственных: недохвалишь, а то и вовсе неодобрительно отзовешься — жди по-

вестку и адвоката стороны обвинения. Не сам обиженный литератор «вчинит иск», так сонм вечно голодных наследников набежит...

Так все же — появление шестидесятников-деревенщиков в «золотую» советскую эпоху. Они оказались читающей страной, то есть тогда *всей* страной, архивостребованы после долгого периода необходимо-номенклатурной литературы. Как расслабляющий теплый душ по-домашнему после изнурительного трудодня в жаре-пекло, а для служащих еще и в галстуке и пиджачной паре.

Сталин — вот истинно притча во языцех! — здесь был ни при чем. Потому и пишем сложносочиненно: «необходимо-номенклатурная». Шолохов, Федин, Гладков, Фадеев, Мариэтта Шагинян, Всеволод Кочетов и все другие — писатели «горьковского призыва» — тоже пришли в свое время и в нужное место. А время-место, как в квантовой механике, у всех их было единым и трудным, ибо приходилось во имя поставленной цели порой «наступать на горло собственной песне»,— это построение великой советской страны: империи по мощи и государственным амбициям, общества — по социальной гармонии, где впервые в мировой истории каждый осознал себя Человеком!

Но подошла пора и для теплого душа: мировая система социализма создана, народ накормлен телесно, а международный авторитет страны настолько высок, что даже ООН с подачи СССР дала щелчок по носу мировой финансово-олигархической системе империализма, приняв резолюцию, осуждающую воинственную идеологию сионизма.*

Недостаточно накормить народ пищей телесной, потребовался и деликатес для духовно созревшего советского человека, в том числе, конечно, и литературный. Так и был дан зеленый свет шестидесятникам-деревенщикам, самим людям грамотным, с большим жизненным опытом, если и не фронтовикам, то детям войны и послевоенных трудных лет.

---

* Для современной масс-медиа наши СМИ, кося известно под кого, именуют сионизмом стремление потомков ветхозаветного народа к переселению на историческую родину... Последнее даже в самом Израиле имеет свое название: алия.

Несомненно, что некоторую роль в их созревании, особенно у фронтовиков, играл и «комплекс 1812-го года»: повидали мир с брони танков, «пол-Европы прошагали», расширили кругозор. Конечно, даже в мыслях у них не было стремления к «декабризму»; упаси Господь! Но мир-то повидали, хотя бы через прицел мосинской винтовки...

Хрущевская «оттепель», хотя бы в пику ненавистному ему Сталину, сменившее ее брежневское благодушие и стали тем полем, на котором разыгрывался сценарий литературного процесса 60—80-х годов. Чем он характеризовался? С одной стороны, несомненный талант истинно русских, советских писателей (поэтов и драматургов, конечно же), требующий безудержного развертывания. Тем более, что огромная аудитория страны духовно подготовлена к «теплому душу», высокограмотна и благожелательна.

Неплохо и со второй стороны: негласный договор с ведомством товарища Суслова со Старой площади. Суть его хорошо интерпретируется английским кодексом самовыражения: при беседе на самые щекотливые темы джентльмены не имеют в виду присутствующих. Плюс девиз железного канцлера Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайтесь».

Так и здесь: говорите и пишите что народ с интересом воспринимает, но «не трогайте за вымя» партию и правительство, не забывая к месту вставить и доброе, ненавязчивое слово о них. Насчет советской власти даже конкордат не требовался: для шестидесятников-деревенщиков она мать родная. А партия-правительство в тоге непогрешимости римского папы гарантирует литераторам необходимо-достаточную свободу творчества, для дисциплинирования и острастки планово поощряемую образцовой поркой. Это как в «Капитанской дочке» супруга коменданта крепости направляет судебное действо в отношении подравшихся в бане из-за шайки воды: разобраться да обоих и наказать!

Так и появились в произведениях 60—80-х годов отрицательные персонажи чином не выше заведующих райкомхозами. Как товарищ Саахов в «Кавказской пленнице». Даже без акцентации на их членстве в «нашей партии».

Будем предельно справедливы в оценке творчества шестиде-

сятников-деревенщиков: они с честью выполнили возложенную на них Историей культуртрегерскую миссию, обогатив изредка русскую и советскую в особенности литературу, доведя до совершенства метод социалистического реализма, как дальнейшего развития традиционного русского критического реализма.

При такой солидной методологической базе последняя в определенном смысле оказалась клеткой-западней для литературного творчества. Все дело в закостеневшей к 60-м годам идеологии. Как и предупреждал Генералиссимус* в начале пятидесятых годов — знаменитая дискуссия о насущном создании политэкономии социализма, которую Маркс не создал, да и не мог по определению создать,— догматизация марксизма-ленинизма в условиях построенного в СССР социализма есть ситуация тупиковая. Что спустя три десятилетия увы, подтвердилось самым горестным для страны образом...

Выше головы не прыгнешь (исключая Брумеля), раз приняли наши писатели правила игры, то и сами оказались в позиции пата. Осознание этого приходит только сейчас, но, скорее всего, как раз Селезнев-то это прекрасно понимал. Отсюда и его неизбывная мечта о грядущем творческом импульсе, который когда-то пронзит русскую словесность. Понятно, что даже в раскованной атмосфере и аудитории Литинститута Юрий Иванович не мог говорить открытым текстом. Это было бы почище его «третьей мировой войны в литературе» и достопамятной «русофобии» (см. выше).

Мы «заявили» в контексте настоящего очерка два имени: Юрия Селезнева и Александра Проханова. В смысле их оптимизма о будущем русской литературы. Что касается второго из названных, то главный редактор «Завтра» как раз и является неизбывным оптимистом. Читайте его передовицы к каждому номеру «газеты государства Российского».

...И мы задумаемся о грядущем новом литературном периоде: грядет ли он, вообще вероятен ли, каковы его ожидаемые черты?

---

* Автор «Колонки» ни в коей мере не навязывает своего мнения, но все же рекомендует ознакомиться с книгой: Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление.— М.: «Московский Парнас», 2010.

Вопросов много — были бы аргументированы ответы в рамках «воспоминания о будущем».

Опять-таки *nota bene*. Автор этих строк, являясь не только литератором, но и ученым в области эволюционной биологии и биофизики, биоинформатики тож, в настоящее время работает над десятой книгой своей многотомной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы», имеющей характерное название: «Аналоговое и цифровое мышление». Суть развиваемой в книге концепции в том, что процессы мышления каждого человека характеризуются двойственностью представления и обработки биологической информации. То есть речь идет о сочетании аналогового и цифрового, значит, дискретного мышления. В процессе эволюции человека, особенно в исторический период цивилизации и культуры, соотношение между «весом» аналогового и цифрового мышления постоянно изменялось. В настоящее время, когда мы воочию наблюдаем переход биосферного этапа эволюции в ноосферный (по В. И. Вернадскому), наметилась четкая и однозначная тенденция угнетения аналогового, творческого мышления цифровым, компьютерным. Как это отражается на литературном процессе — см. «Колонки» в двух предыдущих номерах «Приокских зорь». Это мы напоминаем читателю.

Компьютерно-цифровое мышление явно не внушает оптимизма в части нашего литературного ренессанса. На чем же зиждется наша робкая надежда на восстановление *status quo* в отечественной словесности? Можно назвать следующие факторы «реабилитации».

Взятие *Интернета под контроль* государством, но реальнее — «содружеством» глобализованных государств, то есть мировой контроль. Такие попытки уже стали притчей во языцех. Уже реальный, с угрозами отключения сайтов, контроль над содержанием «Википедии» — свободной виртуальной энциклопедией, одним из немногих полезных творений Интернета.

Другой скандал разгорелся в начале июня сего года. Когда достоянием гласности стало предоставление крупнейшими (а они почти все американские) интернет-компаниями доступа ЦРУ ко всем своим сайтам, то есть глобальный шпионаж в виртуальном мире. Много и других примеров, из которых однозначно следует тенденция.

Но читатель спросит несколько ошарашено: «Но причем тут литература, литературный процесс?» — В точку попал уважаемый читатель. Интернетовская, компьютерная литература — главный противник и перехватчик аудитории, особенно молодой, литературы *творческой*, то есть духовно-словесной, на возрождение которой в новом довлеющем импульсе мы и уповаем.

...Только сугубый идеалист или фарисей полагает, что люди тянутся к Интернету дабы научно или духовно обогатиться. Ученый и без того знает свой предмет, чтобы тратить время на поиски чего-то в 100 %-м информационном шуме «мировой паутины». А читатели художественных произведений с сайтов Интернета? Здесь дело несколько иное. Если ученый сквозь информационный шум отыскивает крупицу знания, то потребитель компьютерной литературы суть потребитель... информационного шума, каковым и является эта литература.

Еще раз напомним читателю, что под компьютерной литературой понимается нечто иное, нежели, например, чтение того же Толстого или Чехова на экране. Опять же отсылаем за уточнением к предыдущим двум «Колонкам» журнала. Здесь разница, как тот же Антон Павлович писал, все одно что плотник супротив столяра. А говоря языком церковно-славянским, есмь чин ангельский и чин диавольский...

То есть компьютерная литература потребляется в качестве некоторого, причем неосновного блюда в виртуальном обеде: что-то навроде закуски у водочного столика или сыра перед десертом. Во всяком случае, это не черепаший супчик, не бифштекс с кровью... даже не заливной осетр или кулебяка в сложном ранжире меню трактира Тестова... извиняемся, «инженера Gogol'a».

Прикованный виртуальными кандалами к «компу» потребитель пробегает свой ежедневный (ежевечерний) обед: поднадоевшие «Одноклассники», губернский якобы оппозиционный сайт (в Туле — «Пряник.ру»), новости, так сказать, интима физиологического и внутри- и внешнеполитического и так далее. Где-то он попадает на литературный сайт, где пробегает глазами окончание фантастического романа об особенностях морфологии межгалактических ящеров.

Теперь представьте себе, что наиболее «забойные» сайты законодательно прикрыты, а после принятия «антиколумбовского» закона о табакокурении и целой кучи законоуложений с угрозой миллионных штрафов сомневаться в таковом сложно, самые посещаемые социальные сети «*zagnat w butilka*» (см. Ильфа — Петрова) — и что получим? — Получим то, чего и добьется государство, а скорее — глобализованное сообщество: выхолощенный от всяких «свобод» Интернет, к которому мигом все его бывшие адепты теряют интерес. А это уже мощный стимул к возвращению к истинной художественной литературе, ибо, согласно Лейбницу, «природа не терпит пустоты». ...Если, конечно, к этому гипотетическому «взятию под контроль» времени усилиями того Интернета не произойдет полное *расчеловечивание* (термин А. А. Зиновьева). Но здесь уже и никакая литература не будет нужна:

А то — умрет предмет литературы
И станет чем-то вроде лигатуры —
*Отживший тлен — предбывшие таланты...**

Так что вполне возможный вариант, главное, соблюдаются два известных русских принципа: а) нет худа без добра; б) «вот приедет барин, барин нас рассудит».

«*Вино, женщины и искусства принадлежат избранным*». Это хорошо апробированный историей — ближней и дальней — способ качественного подъема художественной литературы. Даже как-то неудобно хара́ктерные примеры приводить; ведь все-таки «толстые» журналы сейчас читают исключительно люди образованные, в смысле, получившие добротное, массово-лучшее в мире советское воспитание-образование, а не купившие диплом экономиста-юриста на интернет-торгах в Харцепетовском филиале Заозерской высшей академии бизнеса и менеджмента.

Кстати, просьба не ассоциировать этот (возможный) путь с концепцией «литературы для литературы». То — другое совсем и по другому поводу...

---

* Яшин А. А. Видение на Патмосе: Роман-предвидение / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2011.— С. 256.

Поскольку, как мы выше оговорились, читатели «Приокских зорь» есть люди с добротным образованием, то они прекрасно поймут и музыкальное сравнение «литературы для избранных» и «литературы для литературы». Сейчас все околоцерковное в моде, потому и пример возьмем из православных распевов а'капелла.

Православное пение есть сочетание собственно а'капелла хора, обычно женского, и «дьяконских» басов-профундистов; от латинского *profundis* — глубина. Если басы исполняют свою партию в контроктаве на фоне энергичного пиано хора — это аналог литературы для широкого читателя; или «избранного», но все равно читателя. Но вот если на фоне тишайшего, нежнейшего пиано хора басы контр-октависты спускаются вплоть до ноты соль контр-октавы, почти до инфразвука — это «литература для литературы». Высокое, понятно, искусство, но им в полной мере наслаждаются сами исполнители. Или очень тонкие ценители, что то же самое.

...Все же вспомним и историю. Собственно, любая литература развивалась и достигала вершин, далее уже не превосходимых, именно в статусе «для избранных». Так было в Древнем Риме, когда эстеты и «эстеты» навроде Калигулы наслаждались высоким слогом античной поэзии и драмы, а свободным гражданам — о рабах и вовсе не говорим — всю эту духовную пищу заменяли страсти на боях гладиаторов: хлеба и зрелищ! До боли знакомая ситуация нашего сегодняшнего бытия: только сейчас избранные — немногие почитатели словесности из «старых кадров», а ничего не ведающий и, главное, не желающий и слышать о «предмете литературы» (см. стихотворные строчки выше), современный а'ля Древний Рим плебс — это довольствующиеся нынешним гладиаторским театром: «комп» для молодых, городские рынки и супермаркеты для женщин, для имеющих власть и/или деньги. Аналогия полнейшая.

А разве «девушки-красавицы» распевали за жнивьем или прядением при лучине «Воспоминания» и «Мой дядя честных правил...»? Потому и знаменитое хождение в народ в 60—70-х годах позапрошлого века во многом не удалось из-за попыток бывших семинаристов апеллировать в описаниях жестокости помещиков и чиновников ссылкой на литературные образы...

Теперь в данном аспекте о возможном будущем. Эпоха глобализма неизбежна; см. наш очерк «глобализация как ноосферный процесс» в «ПЗ», № 3, 2009, С. 228—242. На первых порах, которые уже стомильными шагами наступают, это будет мировой олигархат, в России с нацспецификой: чиновничье-финансовый. Ведь в конце концов нахапают эти чиновники-олигархи и кормящаяся с их рук челядь мешки денег, наедятся от пуза от «советского голода», перевозят в куршавели вагонами всех московских проституток высшего разряда... а там и дети-внуки подрастут, получив образование-воспитание в лондóнах и нью-йорках, усвоив, что «элита» должна демонстрировать себя в оперных театрах и при беседах упоминать литературные имена. Вот и потянет их в театры и к чтению изящно написанного.

Ну, с театрами-то для избранных у нас вопрос уже решен посредством стоимости билетов в престижные обиталища Мельпомены и Полигимнии от ста тысяч рублей и выше. Но потребуется и эта самая изящная литература, а не безграмотные творения «компьютерщиков». А им: здрассьте, мы туточки, хотите — сотворим рашен-вариант «В поисках утраченного времени», а пожелаете себе для выработки адреналина пощекотать нервишки, так мы и ремейк «Фомы Гордеева» сработаем!

Нравится это вам, уважаемые авторы «Приокских зорь»? Едва ли, да и ждать долго, да все одно опередят; как говорят в Одессе: классики мигом набегут!

...Можно классификацию будущего отечественной словесности продолжить: варианты один ядренее другого получатся, но все какие-то диковинные. Вредное это дело — воспоминать о будущем; все одно пальцем в небо попадешь. Да и сама цель написания настоящей «Колонки» не есть рецептура и успокоение, но напротив — подстегнуть авторов и читателей «Приокских зорь» к размышлениям о современном состоянии отечественной словесности. Все же, как представляется, сейчас остается нам, еще пекущимся о поддержании и дальнейшем развитии русского литературного процесса один, своеобразный, но столь родной путь, указанный Львом Николаевичем Толстым: самосовершенствование. Все остальное приложится. Было бы к чему прилагать.

Позвольте же завершить настоящую «Колонку» строчками из уже упоминавшегося выше «Видения на Патмосе»:

О днях утех и месяцах трудов
Играючи мурлычет киска-муза
И не желает признавать союза
Меж ними, а вопрос не так уж нов.

Нельзя разъединять участки мозга:
Тот бьет кувалдой, этот — домино.
Опасно раздвоенье, как вино;
Кто позабыл — соленая тем розга!

В единстве тесном мысли и души
Вопросы и сомненья разреши:
Ведь бытие не терпит отчужденья.

Жить бездуховно — значит и не жить,
А «не гореть» — синоним слову «гнить»,
И между ними нету примиренья.

* * *

Пускай порою слог наш и суров,
Готов серьезно с вами объясниться:
Писать слащаво — лишь о стенку биться
И все равно не избежать пинков.

«Глаголом жечь сердца...»,— сказал Поэт,
Не мне чета,— Поэт большебуквéнный!
И длится бой с успехом переменным
Уже с тех пор почти две сотни лет.

Ворвусь с кнутом в бездушье канцелярий,
Где плесенью покрылся лапидарий
И гнилью растекается округ.

Брожу я бледной, нездоровой тенью,
На сердце боль и горечь, ночь ли, день ли:
Где ты, за мерзостью злотенья, друг?

...Вроде как к месту?

«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В ОЦИФРОВАННОМ ЧЕЛОВЕЙНИКЕ

То ли год уходящий на чертову дюжину заканчивается, а скорее всего «допекло» в размышлениях о современном литературном процессе, но все «Колонки» 2013-го получились мрачноватыми. Не исключением будет и эта. «Такова жизнь»,— в переводе с французского...

Речь пойдет о реально наблюдаемом, разумом и душой, едва ли не поджилками, ощущаемом процессе всемирного управления «переходом от слов к цифре». Понятно, почему в кавычках: из повседневной телерекламы. Более научное название процесса: переход от аналогового к цифровому (компьютерному) мышлению как безликой масс-медиа, так и, увы, людей мыслящих, тем паче — художественно творящих, литераторов в первую очередь.

Казалось бы, какая связь между «героем нашего времени» (кавычки — от Лермонтова, но далее их опускаем, понимая, о чем идет речь), в частности литературным интегро-дифференцированным героем современности, и оцифровыванием человейника. Напомним даже многознающему читателю, что «человейник» — великолепный термин нашего выдающегося ученого А. А. Зиновьева: по грамматической аналогии с пчельником, муравейником, термитником. Ибо в эпоху активно-агрессивного развертывающегося ныне глобализма человек оттесняется от роли личности и становится безликой составляющей биомассы человейника. Увы, такова действительность эпохи глобализма. С определения его сущности и начнем.

Глобализм как оцифрованный человейник. Мы уже не раз давали развернутое определение глобализма, как, увы, неизбежного этапа в период действия эволюционного перехода от человечества биосферы к человечеству ноосферы (по В. И. Вернадскому). История человечества, то есть тот относительно короткий временной интервал эволюции в период цивилизации и культуры, творится по общим законам мироздания, действие которых, особенно в части прогностики, человеку знать не дано... и никогда не будет дано. Мы лишь в действительности и в ретроспективе наблюдаем, анализирует их действие.

Законы истории, как и всей эволюции жизни, овеществляются методом проб и ошибок, выявления правильных и тупиковых ходов (Дарвин, Ламарк, Тейяр де Шарден, Шмальгаузен, В. И. Вернадский и многие другие авторитеты эволюционной науки). Коль скоро грядущая и уверенно наступающая на рубеже веков и тысячелетий новая, ноосферная биогеохимическая живая оболочка Земли, в прошедшем веке проверила возможные варианты создания социально ориентированного мирового сообщества, а это концептуальный тезис ноосферы по В. И. Вернадскому, то выбор новой стратегии истории был «объявлен» в 1990-х годах: глобализм.

Да-да, не удивляйтесь: именно через жесткий, даже жестокий глобализм (*Per aspera ad astra* — через тернии к звездам — на латыни) история избрала наиболее действенный путь перехода человечества в единое ноосферное земное сообщество. В XX веке были апробированы три варианта социалистического перехода — предтечи ноосферы: интернациональный советский социализм СССР, национал-социализм Третьего Рейха (нацизм) и фашизм Италии времени Муссолини, особенно в 1920-е годы и в короткий период 1943—45 гг.— Социальная Республика Сало на Севере Италии. Но нацизм по определению не вписывался в концепцию всемирного ноосферизма, а итальянский фашизм, равно как фалангизм Испании и гвардизм капитана Корнелиу Зеля Кодряну в Румынии, настолько скомпрометировали себя «вагончиками за германским паровозом», что история быстро их похоронила...

Устоял только советизм-интернационализм СССР, но, во-первых, наиболее адекватная качествам ноосферы социальная ориентация нашей страны, что называется, опередила свое время; во-вторых, Сталину так и не позволили сделать две жизненно важные для системы социализма вещи: «мягкое» отделение КПСС от администрирования и создание новой концепции политэкономии социализма*; наконец, мировой империализм к рубежу веков и тысячеле-

* «Одна из особенностей политической экономии состоит в том, что ее законы, в отличие от законов естествознания, недолговечны, что они... действуют в течение определенного исторического периода, после чего они уступают место новым законам» (И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР.— М.: Госполитиздат, 1952.— С. 15).

тий еще не исчерпал своей системной мощи и сумел через агентов влияния разрушить СССР и всю мировую систему социализма.

Но уже самое начало периода перехода биосферы в ноосферу, а это наше текущее бытие, показало: время империализма-капитализма исчерпано, социалистический рывок в общепланетарное социалистические сообщество оказался преждевременным, но ход истории ведь не остановишь? Так определилась историческая миссия глобализма: переделка *homo sapiens*, человека биосферного, в homo noospheres — человека ноосферного, то есть внегосударственного, вненационального и пр. Словом, как говорил герой «Поднятой целины» М. А. Шолохова: будут при всеобщем коммунизме все одинаковые, смугленькие такие...

Увы, как и все русские философы-космисты, В. И. Вернадский является «неисправимым» гуманистом. Как это все по-русски! И вряд ли грядущая, реальная ноосфера будет похожа на прогнозированную нашим великим ученым, а именно: ноосфера суть биосфера Земли, измененная научной мыслью и организованным трудом и преобразованная для удовлетворения всех потребностей численно растущего человечества.— Это несколько трансформированная цитата из «Философии мыслей натуралиста» В. И. Вернадского... Впрочем, для человека ноосферного, в отличие от нас, все еще биосферных, ничего такого страшного не будет: ввиду постоянности перехода все стерпится и даже слюбится.

По разным прогнозам период глобализации продлится от восьмидесяти до полутораста лет; здесь сдерживающим фактором выступают «исламская дуга» и Восточно-Тихоокеанский регион, в первую очередь — Китай. Скорее всего, в своем победном пике глобализм будет являть собой мировую «власть ста семей»... или двухсот. То есть ныне тайное Мировое правительство. Вряд ли здесь конспирологи-аналитики ошибаются.

А жесткость, скорее жестокость глобализма мы наблюдаем сейчас уже в полной мере. Пример тому — строки эти пишутся в самом конце августа 2013-го года — подготовка нападения США на Сирию. Понятно, что здесь главное — политическая экспансия, нефть и пр. Но те же СМИ бесстрастно сообщают: правительство США наиболее активно подталкивает лобби военно-промышлен-

ного комплекса. Все дело в том, то сейчас у американской армии на вооружении и на складах находится более 10 000 «томагавков» — основного оружия локальных, оперативно-тактических войн. Даже при серийном производстве эти ракеты весьма дорогостоящие. И как бы их ВМС США щедро ни расходовали, обстреливая в свое время Белград и азиатско-африканское побережье Средиземного моря, но все равно процент «томагавков» с истекающим сроком гарантийной боеспособности неумолимо растет. «Экономика должна быть экономной»,— этот лозунг, в свое время издевательски подброшенный дряхлевшему «Второму Ильичу», является доминирующим на Западе, тем более в США, где скрупулезно подсчитали: выпустить сотню, другую, третью... просроченных «томагавков» по Дамаску и его окрестностям намного дешевле, чем их утилизировать... К их (американскому) сожалению вариант «утилизации» посредством пугающей регулярности самовозгорания оружейных складов не подходит: на территории США шалить с огнем не принято. Выборы там всякие и прочие демократические штучки.

Но главное — действует железобетонный закон марксовой политэкономии капитализма: (...товар → деньги → товар → ...) → ∑ прибавочная стоимость. То есть заводы по производству «томагавков» не должны простаивать, а давать «твердую» прибавочную стоимость... И навалился ВПК США на Обаму, а куда тому деваться? Ведь все дело в цифрах! Так мы и подошли к вопросу: но **почему глобализм является оцифрованным человейником**? А потому, что опять же все сейчас сводится к цифре. Везде и во всем, отнюдь не только в поднадоевшей рекламе на ТВ: «От слов к цифре!» Уже сейчас до 90 % людей — мы пишем не только о нашей действительности — отринули аналоговое, творческое в своей основе, мышление и перешли к утилитарному, цифровому. Чтобы не «растекаться мыслию по древу», рассмотрим это на примере литературы, как отрасли человеческого бытия, более или менее всем знаемой.

«Герой нашего времени» или О ком сейчас писать романы. Исходим из того, что в ретроспективе русская литература оформилась как самодостаточная отрасль человеческой деятельности к началу XIX века, поотстав от Европы на 100—150 лет. Нам не привы-

кать как отставать, так и догонять... и даже перегонять. Это чисто русский феномен. Весь XIX век и начало XX-го преобладающим художественным методом являлся критический реализм, далее принявший форму социалистического реализма. Об их преемственности и самой апологии такой трансформации мы уже достаточно говорили. Сейчас, по нашему аргументированному мнению, бывший соцреализм трансформировался в новый русский критический реализм.*

Зададимся вопросом: кто был типичным героем литературы критического реализма и соцреализма? Все это в головах людей, получивших образование в советской школе, а нынешним молодым генерациям и знать ни к чему. Поэтому перечислять по пунктам о героях и антигероях от «времен очаковских и покорения Крыма» до «делавших ракеты и перекрывших Енисей» не будем. Куда существеннее обратиться к временам нынешним. Кого современная литература поместит на страницах рукописей, книг и в память компьютера сейчас?

Картина оцифрованного человейника получается удручающей. Не о ком писать! Не случайно же молодые литераторы напрочь ушли в извращенно-вымышленный, сугубо утилитарно-цифровой (то есть компьютерный) мир «фэнтези», исследуя, например, морфологию фантастических ящеров, а прежние писатели-реалисты тоже ушли в вольнолюбивую фантазию, только историческую, разделившись на два лагеря. Первые, из числа более или менее именитых, заполняют нишу, оставленную Валентином Пикулем из XVIII и XIX веков: «рыцарь самодержавия» Николай Первый, при всем нашем к нему уважении, бывший вешатель Столыпин, оболганный Тыняновым и другими Павел Первый... И из начала XX века набираются: Колчак с Деникиным, Ленин, Иудушка Троцкий. Разрешено «трогать за вымя» Сталина и его «железных наркомов».

Но это именитые... или почти именитые, многие из которых привыкли не только чиркать пером или стучать по клавишам, но и более-менее знакомиться с исторической фактологией. Второй же лагерь, в основном из пришедших в писатели из стана любителей

---

* Яшин А. А. Манифест нового русского критического реализма (Проект для обсуждения) // Приокские зори.— 2011.— № 1.— С. 7—10.

«что-нибудь этакое посочинять на досуге», опыта и желания копаться в анналах истории не имеют, да и торопятся поскорее выдать на гора́. Потому и сочиняют о временах столь древних, что в «Повесть временных лет» не вошли. Поди фактологию проверь?

...Сразу оговоримся: человек цифрового мышления, как в литературе, так и в обыденной жизни — от офисных «креветок» и «манагеров» до лауреатов журнала «Форбс», политиков и всех остальных, тем более школяров и студиозусов — не обязательно только оперирующий цифрами. Вовсе не так просто, ибо цифровое, то есть компьютерное мышление (так правильнее будет) намного чаще выражается в многословии, своего рода «словесном поносе», говоря по-научному: информационный шум. Здесь налицо **существеннейший** признак (качество, черта, доминанта и так далее) цифрового, компьютерного мышления: функциональная безграмотность. То есть «переход от слов к цифре» суть утрата функциональной основы речи и мышления, что особенно заметно в «компьютерной литература», о чем мы уже неоднократно говорили.

То есть разница между творческим аналоговым мышлением и отождествляющей его речью или письмом и компьютерным, цифровым мышлением — равносильна разнице между текстом книги русской классики и ... кроссворда. Здесь нет никакого преувеличения. А раз вспомнили русскую классику, то грех и не припомнить одного из проходных персонажей этой самой классики XIX века, что, услужив делами барину, уважал на досуге «почитать» книжицу. Читать же он умел только буквы: аз, буки, веди, глаголь, добро... но складывать их в слова обучен не был. Но его и не интересовало вовсе содержания книги, что бы он не держал на роздыхе в руках: псалтырь, кухаркин календарь или забытый барином в пролетке толстый литературный журнал. Ему нравился сам процесс вычитывания отдельных букв!

Вот вам и пример компьютерно-цифровой функциональной безграмотности, описанный нашим классиком весьма задолго до появления предтечи оцифрованного человейника...

Так каков он, герой нашего времени (уже без лермонтовских кавычек), о котором, следуя многовековой традиции, до́лжно писать нынешним словесникам-сочинителям, ибо это есть традиция

художественного отражения современности, не убегая в фэнтези и исторические фантазии? Знак вопроса поставлен. Дело за аргументированным ответом, помня: переход от аналогового к компьютерно-цифровому мышлению изменяет не только собственно мышление, но и психику человека, его поведенческие нормы. Это уже другой человек. Особенно это заметно сейчас, в наше время, когда процесс оцифровывания человейника находится на своем пике, сосуществуют рядом как оцифрованные, так и носители традиционного, аналогового мышления.

Итак, кто входил в традиционную же «обойму» литературных героев, как есть набор хара́ктерных ролей в театре, в русской классике критического реализма и в советской литературе соцреализме? Человек самодостаточно мыслящий и сам знает, но таких только 8 % от масс-медиа, поэтому обойму расцехуем. Кстати говоря, пусть остальные 92 % не обижаются: это закон природы, просто биологии и биологии социальной. Против них не пойдешь, тем более, что такая априорная «сегрегация» никого не возвеличивает и, тем более, не унижает. И те и другие одинаково могут быть гениями и талантами, но и людьми маловыразительными. Более того, в современном оцифровывании человейника как раз «шишку будут держать»* эти самодостаточно мыслящие восьмипроцентники! Как у библейских гадаринских свиней: вожак может вывести стадо и на кормовое поле, и к обрыву в пучину бушующего моря... Как ход истории (это уже про людей) распорядится.

В русской классике, исповедовавшей критический реализм, уже начиная с Фонвизина и Радищева, статус положительного, отрицательного и «безличного» героев определялся автором и читающей публикой, исходя из канонов этого творческого метода: а) литератор по определению всегда в той или иной степени оппозиционен власти... даже если он и сам во власти, как Салтыков-Щедрин, Гончаров — «цензор всея России», да и Александр Сергеевич

---

* Чтобы иной (на злобу дня, то есть игривой рекламы) не заухмылялся, поясним: это выражение из бурлацкого сленга; вожак бурлацкой артели, как знающий путь и самый сильный, шел впереди, закинув за плечо конец каната, завязанный (чтобы не размахрился) узлом-шишкой.

имел придворный чин; б) симпатии писателя на стороне нонконформистов к власти; в) презумпция христианских добродетелей, если даже писатель-атеист, нигилист, анархист и прочий «ист»; г) сострадание к «униженным и оскорбленным», причем очень редко это есть самолюбование собственной добродетели и «сусальное золото»; д) достаточный вес политизации, ибо русский человек по своей натуре — активно публичный, общественный, правильнее — общинный; е) особенно усилен момент п. (в): органическое неприятие частнособственничества, накопительства («скорее верблюд пройдет в игольное ушко...») и того что мы сейчас называем потребительством.

Еще можно дописать несколько пунктов, но не будем по-немецки пунктуальными: «Колонка» — не диссертация, особенно нынешняя, когда ВАК (Высшая аттестационная комиссия), напуганный недавней перетряской своей верхушки, что в духе российского чиновничества (см. М. Е. Салтыкова-Щедрина) переложил штурвал с курса «норд-ост» на «зюйд-вест», то есть на 180°, в результате чего сейчас стало важным не само содержание диссертации, а сугубая цифирь: число публикаций в нужных изданиях, число нужных изданий, численные значения различных «забугорных» индексов: Хирша (хотя, он может и приличный у них, на Западе, человек), некоего *WebofScience*, *Scopus*, *PubMed*... и еще с десяток штук. «Нужность» же изданий журналов и издательств книг, как можно легко догадаться «без подсказки зала» состоит в платности (немалой) услуг* изданий и издательств. Подсчет такой «нужности» также читается легко... Опять все упирается в цифирь. Распоясавшийся в административном восторге, чиновники не то что ВАК'а, но и самого Минобразования уже заявляют, что публикации монографий в известном немецком научном издательстве LAP LAMBERT *Academic Publishing* (г. Саарбрюккен) не считаются, по их мнению, научными публикациями (!?). А как бы отнеслась к этому Ангела Меркель?

---

* Недавно одна из солидных общероссийских газет опубликовала письмо доцента педагогики из Тулы, где та подсчитала необходимые расходы для грядущей защиты своей докторской диссертации. Получилось ~ 1200000, к счастью — рублей, не $, евро... но и не монгольских тугриков.

Чем же разгневало почтенное германское научное издательство наших обрчиновников (образовательных то есть)? А тем, что LAP LAMBERT, во-первых, не в ведении Минобра и ВАК; во-вторых, денег с авторов не берет и даже выплачивает им гонорары при соответствующем спросе. «Уж тем ты виноват, что хочется мне кушать!»

...Извините, отвлекся, на любимый мозоль наступили. Теперь мне еще одна докука: обучать своих аспирантов-докторантов диссертационной цифири. А с героями русской классики и так все ясно.

Советская литература, трансформировав критический реализм в соцреализм, вообще говоря, оставила тот же абрис героев и антигероев, усилив некоторые моменты, например, неприятие частнособственничества и накопительства, почти один к одному переписав христианские заповеди в моральный кодекс строителя коммунизма и так далее, но некоторые же другие заменив на новые реалии. Главное — с ликвидацией классовости в советском обществе диалектические законы единства и борьбы противоположностей и отрицания отрицания (Г. В. Ф. Гегель и К. Маркс) в литературной персонификации героев и антигероев приобрели иную интерпретацию по сравнению с их действенностью в методе критического реализма. Исчезло за ненадобностью прямое противопоставление «добро-зло» в описании личностей, их характеров и поступков, движущих сил и общественно значимых последствий. На первое же место выступила творческая личность, ибо СССР уверенно, впервые в мировой истории, стал страной созидателей, творцов. Это не из политрекламы; это было действительностью, которую мы прекрасно помним и стараемся придерживаться ее, проживая уже в стране квалифицированного потребителя — если не для общества, которому глубоко плевать на эти наши «пережитки совка», то хотя бы для себя. По принципу: мне не важно, что думают обо мне, главное то, что я думаю о себе сам. То есть человек хочет сохранить свое достоинство даже в оцифрованном человейнике.

Соответственно, нишу (иначе здесь не скажешь) «антигероя» заняли персонажи, не являющиеся созидателями и личностями — в их общественной оценке, да к тому же прегрешающие против заповедей — морального кодекса. Здесь типичные герои-антигерои, например, в «Битве в пути», «Далеко от Москвы», «Мы, ниже-

подписавшиеся...» и вся, вся советская литература: от гениальных или самобытных произведений до номенклатурных ро́манов и «датской» поэзии. Во всем ее величии и подхалимской халтуре.

...Как говорится: горячее, еще горячее, то есть переходим к современности с ее базовым творческим методом — новым русским критическим реализмом (см. выше ссылку на «Манифест...»).

Кто здесь герой и антигерой? Все перепуталось в известном доме. Выпали «в осадок», введены в полное ничтожество — от моральных ценностей — герои литературы былой, русской и советской: ученые и конструкторы-изобретатели, сталинские наркомы и руководители ведомств 50—80-х годов, создававшие целые отрасли промышленности, науки и жизнеобеспечения, земские и советские врачи (без УЗИ и томографов...), военные, инженеры, рабочие, крестьяне и так далее. Даже хронически не любимая русским человеком милиция, еще издевательские переиначенная в... даже слова этого не хочется употреблять.

Явно не тянут на героев нашего времени в литературе нового русского критического реализма искусственно взращенная олигархия, чиновничество в его многоликости и многочисленности, пресловутый «средний класс», то есть 100 %-но многомиллионная армия торгашей (многие — от безысходности), слегка разбавленная кустарями-одиночками...

Так что же? — С позиции хотя и нового, но все же критического реализма в современной литературе вовсе не должно быть позитивных персонажей, один негатив? Ведь на одном умилительно-сострадательном описании чудаков, бомжей, архетипных бессребреников, остатков принципиальных советских людей и так далее далеко не уедешь.

Но литература, построенная на одних отрицательных и безличных героях-персонажах есть нонсенс. Тем не менее мы провозглашаем в «Манифесте...» реальность и насущность словесности нового русского критического реализма. Как связать концы с концами в нашей ситуации все более и более оцифрованного человейника? Полагаем, что ответ на этот сакраментальный вопрос вытекает из summa summarum содержания «Манифеста...», а именно:

Главное содержание современной литературы нового рус-

ского критического реализма, соответственно и типизация ее героев и антигероев, есть художественное отображение, осмысление процесса всемирного (пока конспирологического, тайного) управления на стадии глобализации переходом к оцифрованному человейнику, то есть в рамках замены биосферы Земли ноосферы переходом *homo sapiens*, мыслящего по преимуществу аналогово-творчески, в следующую эволюционную ипостась: *homo noospheres*, мыслящего по преимуществу утилитарно-оцифрованно, своего рода являющегося придатком компьютерно-телекоммуникационных сетей и квалифицированным потребителем.

Возникает при таком определении вопрос, точнее — два извечных русских вопроса: «Что делать?» и «Кто виноват?». И добавочный: художественная литература есть по ее определению формой борьбы, сопротивления общественному негативу, поэтому какова в таком аспекте роль и задача метода нового русского критического реализма?

Ответ на все эти вопросы в их совокупности следующий. «Виноваты» фундаментальные законы мироздания в части (разворачивании матрицы) эволюции человека и вообще эволюции жизни на Земле. С них особо-то и не спросишь. А что делать и какова форма (литературного) сопротивления? — Отстаивать в своих литературных произведениях, увы, в перспективе, даже не столь далекой, наше безнадежное дело: оттягивать «до последнего» окончательное оцифровывание человейника, бороться за право человека оставаться личностью, желательно творчески, то есть аналогово мыслящей.* Но для этого нужно хорошо знать движущие силы всемирного управления оцифровыванием человейника. Переходим к этому разделу.

---

* Чтобы читателю не показалась фантастикой доминирующая тема настоящей «Колонки», укажем, что она развивается в русле концепции В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, над которой сейчас работает большая группа ученых из Ноосферной общественной академии наук, а автор настоящего очерка сейчас завершает работу над десятой книгой многотомной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы», посвященной аналоговому и цифровому мышлению.

Всемирное управление: конспирология и реальность. Оцифровывание человейника суть одна из стратегических линий глобализации — неизбежного, достаточного жесткого, даже жестокого, этапа на пике перехода биосферы в ноосферу. Как и суммарный глобализм, собственно переход человека от преимущественно творческого (аналогового) к утилитарному (компьютерному, цифровому) мышлению подчиняется, вне всякого сомнения, законам эволюции. Но эти законы овеществляются, как любые движущие законы истории, посредством деятельности человека, внешне хаотичной, методом проб, ошибок и тупиковых путей, но в итоге — целенаправленной.

Но здесь имеется существенное отличие. Если в предшествующей истории человечества, примерно до середины XVIII века, ход истории преимущественно был экстенсивно-эволюционный, то есть характеризовался почти что «продиранием» законов диалектики в обилии проб, ошибок и тупиковых ходов, то, начиная с указанного времени, все более стало ощущаться некое целеуказующее управление. Почему оно истории-эволюции понадобилось? — Ответ простой и вызывающий мало возражений: главное действующее временно́е правило эволюции, тем более эволюции человека, есть ее ускорение по экспоненциальному закону с параметром времени — физического, эволюционного, биологического...

Но человек — особая, единственная отличная статья в эволюции; но неведомым нам законам мироздания, которые, кстати, человеку не дано и никогда не будет дано знать, эволюция человека во времени характеризуется не просто экспонентой, но, образно говоря, «экспонентой в квадрате». Нобелевский лауреат, создатель науки этологии Конрад Лоренц доказал, что человек обогнал (опередил) биологическую эволюцию на ее социальном этапе.— Со всеми вытекающими последствиями. А раз он эволюцию, естественную биологическую, обогнал, то теперь не эволюция управляет человеком, а он ею. Поэтому, хотя бы и в рамках общих законов мироздания, в рамках законов диалектики Гегеля — Маркса человечеству потребовалось некое всемирное управление, причем постоянно и во все возрастающем темпе ускоряющего ход истории. В сказанном выше нет ни доли, ни промилле (это бонус гаишни-

кам...) сакральности, философской спекулятивности, фэнтези-фантазии и пр. Да что тут говорить, прочитайте любую серьёзную газету, а лучше зайдите в книжный магазин, если таковые в вашем городе ещё сохранились, где сразу обнаружите на полках с полдесятка публицистических книг авторов, чьи имена на слуху, посвящённых рассматриваемой теме.

Итак, знаковым событием (пока постепенного) перехода к всемирному управлению-ускорению эволюции, а значит и оцифровывания мышления человека, стала Великая Французская революция 1789-го года, идейно подготовленная за предыдущие полвека французскими же философами-энциклопедистами (Дени Дидро и др.). Именно с Французской революции началось действие невидимого управления по направлению ликвидации европейских монархических правлений. И еще — сакральным символом проявившегося мирового управления-ускорения стал республиканский триколор, далее вошедший в общеевропейскую либерализованную символику*. ...И еще масонский в своей основе девиз: "*Liberté, Égalité, Fraternité*". Перевод, полагаем, не требуется.

В анализе всемирного управления аналитики, публицисты и пр. (см выше отсылку к книготорговле) обычно рассматривают его с двух позиций: конспирологический аспект и реально наблюдаемые проявления. Конспирология зиждется на существовании Тайного мирового правительства, уже сейчас являющегося действенным мировым. Исторические корни его конспирологи относят к европейскому масонству и еще далее в глубь веков к розенкрейцам, Мальтийскому ордену и к другим религиозно-политическим сообществам. Подчеркивается и роль банкирских династий, особенно Ротшильдов. Литература по этому вопросу обширна и

---

* Российский триколор исторически к этому процессу отношения, конечно, не имеет. Царь Алексей Михайлович ввел его на торговых судах по той простой причине, что у России тогда государственного флага не имелось, а торговля велась только с Европой (морская), где триколор был узнаваем. Петр Первый закрепил его в качестве торгового же флага явно из-за своей симпатии к Голландии, только перевернув цвета. До 1917-го года основным государственным флагом считался императорский черно-желтый (золотой), введенный в XVIII веке (после Петра) в знак симпатии царей и цариц к Пруссии...

доступна. Любой интересующийся найдет ее, что называется, «в шаговой доступности». Там же предположительные органы этого правительства, так сказать, «для связи с общественностью»: Бильдербергский и Римский клубы и так далее вплоть до различных всемирных банков и крупнейших международных организаций. Дело тонкое, нарочито запутанное, в любых официальных СМИ не обсуждаемое... словом, конспирология.

Вообще говоря, мало кто из самодостаточно мыслящих людей сомневается в существовании такого управляющего сегодняшним миром органа, как бы он ни именовался. Но мы перейдем к сугубой реальности всемирного управления оцифровыванием человейника.

Мы уже выше определили аналоговое мышление как преимущественно творческие, функционально грамотное, а цифровое (компьютерное) — утилитарное, потребительское с резким падением функциональной грамотности. Особенно печально наблюдать этот процесс перехода к оцифровыванию в сфере художественной литературы и публицистики. Характерный пример: в одной из дискуссий, объявленных ранее журналом «Приокские зори», многие авторы и читатели поняли тему ее — соотношение между «бумажной» и компьютерной литературой — дословно, то есть кто как пишет-сочиняет: на бумаге или стуча по клавишам компьютера. Но ведь и без всякого подтекста из «забойного» дискуссионного очерка, даже без подтекста, было ясно: речь идет о совершенно другом, о принципиальном различии аналогового и цифрового (компьютерного) мышления, овеществляемого в конкретных произведениях авторов. Вот это-то и есть определенная утрата функциональности мышления: понимать смысл (этимологию) отдельных слов, но не вдумываться в сущность связующей их мысли.

Порой, если не вслушиваться, не вчитываться, не присматриваться и так далее, не всегда просто отличить еще не оцифрованного от уже затронутого этим «вирусом мышления» человека. Это как в анекдоте, который я люблю приводить своим студентам-медикам в подтверждение того известного факта, что классический, то есть социально адаптированный, шизофреник ничем не отличается в мыслительно-поведенческом плане от здорового человека кроме одного: своей болезни.

Итак, на комиссию по выписке (из Кащенки, тульского Маслова, калужской Бушмановки, лондонского Бедлама и пр.) является излеченный пациент. На все вопросы отвечает вразумительно, лицо живое, поведение благопристойное. Врачи поздравляют его и друг друга с успешным излечением, но один комиссионер замечает, что пациент держит руку за спиной, подходит и видит галошу на бечевке. На понятный вопрос следует ответ, что-де это его собачка Жучка (Beetle — в Бедламе). Белохалатники хватаются за головы и прописывают дополнительный трехмесячный курс, по прошествии которых любитель животных вновь является. Уже без галоши на веревочке. Ответив на все вопросы, получает на руки обнадеживающий эпикриз-выписку и пропуск на выход из медучреждения. Собирает в палате свои вещи, а напоследок вынимает из-под подушки галошу и радостно сообщает ей: «А здорово мы, Жучка, всех обманули!»

...Точно так же человек, уже перешедший «от слов к цифре», может сходу решить сложнейший кроссворд на любую тему, но бессилен в десяти-пятнадцати словах сформулировать сущность ее. Кстати, именно с повального увлечения кроссвордами в 90-х годах, как все мы хорошо помним, и началось вроде как невинное на первый взгляд оцифровывание российской масс-медиа.

Еще один характерный пример управляемых СМИ, которые сами кем-то тайно управляются. Оцифровывание — это, во-первых, собственно вброс в речевую практику масс-медиа огромного числа слов из американского диалекта английского языка; во-вторых, возрождение отмеченной литературными классиками XIX века «смеси французского с нижегородским», то есть яростная унификация-американизация русского языка в плане морфологическим; такие новоязовские слова как «банкинг», «паркинг» уже стали привычными, на очереди «мэринг», «губернаторинг» и так далее. Более всего меня восхитило слово «прицепинг» — из почти часовой передачи общероссийского радио, где, очевидно, за неимением других насущных тем, горячо обсуждалось увлечение современных подростков катанием на трамвайной «колбасе»; соответственно, термин «прицепинг» — от слова «прицепился»... И мы в

розовые свои годы катались на «колбасе», не ведая, каким высокоученым словом это называется!

Спросите: а какое это имеет, собственно говоря, отношение к оцифровыванию? — Даем вам карт-бланш самим сообразиться.

Мощнейшим средством утилизации (оцифровывания, компьютеризации) мышления является профессиональный спорт; кстати, собственно любительского спорта и не осталось. И современные олимпийские игры 100 %-но состязание профессионалов. И уже как-то дико (вот она — инверсия мышлений!) смотреть сейчас знаменитый фильм Лени Рифеншталь «Олимпия», посвященный Берлинской олимпиаде 1936-го года, где в конных соревнованиях участвуют сплошь офицеры-кавалеристы, в формах, из боевых частей армий стран-участниц. И голос за кадром: поручик такой-то, Польша; лейтенант такой-то, Германия, и так далее.

Оцифровывание мышления посредством все возрастающего навязывания СМИ масс-меди профспорта даже не столько в бухгалтерской идиотизации сотых, даже тысячных долей секунды победителя (сразу вспоминается чеховское: «Слухи о моей смерти несколько преувеличены»), даже не в скрупулезном подсчете-соревновании: кто сколько тысяч или миллионов «заработал»... Нет, здесь страшнее другое. Профессиональный спорт исподволь «отнимает» у людской массы обычную, оздоровительную, полезную для современного (гиподинамического) человека физкультуру. Замечательно метко и точно сказал об этом Муаммар Каддафи*, сам — кровавая жертва тоталитаризма: «Тысячи аплодирующих и смеющихся зрителей, заполняющих трибуны стадионов,— это тысячи введенных в заблуждение людей, которые, не имея возможности заниматься спортом (то есть физкультурой — А. Я.) лично, праздно сидят на трибунах и аплодируют чемпионам, которые перехватили у них инициативу, оттеснили их и монополизировали спорт, используя в своих (коммерческих — А. Я.) интересах возможность, предоставленные им массами... Творцам жизни не пристало следить за тем, как актеры на сцене изображают жизнь».

---

* Муаммар Каддафи. Зеленая книга: Пер. с арабск.— М.: Росс.-арабск. торгово-эконом. совет, 2000.— 127 с.

Опять спросите: какая связь с предметом наших рассуждений? — Еще более прямая: отнимая у масс оздоровительную, личную физкультуру, всемирное управление привязывает массы к продолжению телевизора — к амфитеатрам стадионов и собственно к телеэкрану, транслирующему шоу профспорта. А это весомый «вклад» во все усиливающееся потребительство, которое, в свою очередь, отвращает человека от творческого, аналогового мышления и трансформирует его в утилитарное, компьютерно-цифровое.

Но, вне всякого сомнения, главную роль в оцифровывании человейника играет компьютер и глобальные телекоммуникационные сети, то есть Интернет. Здесь пояснений не требуется. А всемирное управление здесь наиболее четко сорганизовано: а) беспощадная реклама в СМИ; б) поддержка «невидимым фронтом» транснациональных корпораций, все более и более наращивающих через «мастерские мира» (Китай, Филиппины, Тайвань, Таиланд и пр.) тиражирование всех этих компьютерных и телекоммуникационных причиндалов; в) поддержание и развитие сети Интернет; г) действенность основного торгового закона капитализма: навязывание избыточно ненужных товаров; д) капсоревнование государств по скорейшему переводу всего уклада жизни населения, включая межличностное общение в виртуальный, компьютерный мир: от уплаты «жировки» за электроэнергию через компьютер до электронных, на дому, выборов всех ветвей власти.

...Но главное — это идиотизация и сокращение населения. К этому мы вернемся в заключении настоящей темы.

Но во всемирном управлении, по всей видимости, еще до конца не отработаны механизмы оцифровывания художественного творчества, литературы в первую очередь. Вот мы и дошли до интересующего нас примера. Однако в реальности такие «проводки» мы наблюдаем. Начнем с почти анекдотичного примера наивного оцифровывания, играющего на тщеславии слабосильных литераторов, граничащем с *mania grandiose*. Один мой знакомый, так скажем,— писатель, сочинивший и издавший (деньги водились) четырехтомную — как он ее с гордостью именует — эпопею, при встречах поднимает одну и ту же тему: доказывает, что объем его «эпопеи» на 1,28 авторских листа превышает четырехтомную же

«Войну и мир» нашего великого земляка*. При этом он, чистый гуманитарий, в уме перемножает четырех и пятизначные цифры, оперируя числом строк и букв в строке в его творении под названием «Я и Вселенная» в избранном им для сравнения конкретном издании «Войны и мира». Переведя, также в уме, содержание обоих творений в миллионные цифры итогового числа букв и пробелов, делает вычитание, результат которого переводит обратно в посрамляющий Льва Николаевича результат...

Смешно? Но именно дичайшая зависть — один против всех — подавляющего числа современных сочинителей производит в их головах затягивание творческой доминанты в «цифирь»: на сколько у меня больше издано книг нежели у литератора *N*., сколько «мелкопоместных» премий, лауреатств и благодарственных грамот от ЖЭУ № 14 у него и у того *N*. Чем же тогда отличается такой писатель от рядового торговца бананами? — Да ничем. Только бананы покупают, а книги современных сочинителей... увы!

Исчезло понятие творческого авторитета, художественного образования и самообразования, провинциальные отделения писательских союзов сведены к полному ничтожеству, а в столице «литературные генералы», поделившись, как в детской игре на наших и не наших, яростно, с судами и почти мордобитиями все делят и делят крохотные остатки собственности бывшего Союза писателей СССР. Какое здесь творчество — сплошной утилитаризм! А каковы писатели, таковы и создаваемые ими герои нашего времени...

Для чего нужно оцифровывание? Полагая, что здесь речь идет в первую очередь о литературе, ответим однозначно: глобализму, как историческому процессу. Собственно художественная литература не нужна по определению, как антитеза преобладающему утилитарному мышлению. Для остатков потребности в самовыражении будет допущена только компьютерная литература — в

---

* Сразу вспоминается нечто схожее, в свое время облетевшее весь СССР: выступая с докладом на очередном Съезде КПСС, первый секретарь Тульского обкома Иван Харитонович Юнак, кстати сделавший город и область флагманом промышленности, сказал, говоря о культуре: дескать, до революции в Туле был один писатель — Лев Толстой, а сейчас их в областной писательской организации аж двадцать! *No comments*, как сейчас говорят.

смысле определенной выше. Все это происходит у нас на глазах. На Западе литературы в ее классическом понятии уже давно нет. Россия — из-за существования СССР — здесь несколько «припозднилась», но и у нас этот процесс близок к завершению.

Итак, слово, даже избыточная масса слов, остается, но при реализуемом условии функциональной неграмотности сумма этих слов дает всего лишь информационный шум.

Картина печальная, но, как уже сказано выше, пока у нас есть литература нового русского критического реализма, есть ее цели и задачи, а значит, должны быть ее герои и антигерои. Приглашая авторов и читателей «Приокских зорь» к участию в очередной, уже ставшей традицией журнала, дискуссии, мы надеемся на палитру мнений, суждений, критических возражений, а главное — ответа на вопрос вопросов: кто же он, литературный герой нашего времени.

ОПЯТЬ ОСЕНЬ: ЧИНОВНИК, ЛИТЕРАТОР И НАРОД

Ибо для дерева есть надежда,
Что, и будучи срублено, снова вырастет,
И отрасль от него не прекратится;
Хоть и состарится в земле его корень...

Книга Иова*, гл. 14, ст. 7—8

◆ Воспоминание конца восьмидесятых годов: на дворе горбачевщина в самый расцвет провокационной антиалкогольной кампании. Кстати, совершенно неверно в народе ее называли идиотизмом. Нет, это был один из ходов разрушения СССР, умело просчитанный на суперкомпьютерах западных спецслужб: сначала до предела ожесточить народ километровыми очередями на морозе за «талонной» водярой, а затем в момент полной сдачи верхами — агентами влияния всех государственных позиций до отказа опустить вожжи, вусмерть напоить народ пойлом из разведенного турецкого и польского спирта, тем самым лишить его бдительности...

Но это в качестве интермеццо исторического характера. Воспоминание же иного плана. Довелось в эти самые годы пару недель провести в Ленинграде — в сухой и достаточно теплый октябрь месяц. По рекомендации коллег-инженеров, опытных командированных, снял однокомнатную квартирку по приемлемой цене около станции метро «Академическая», а по вечерам, после окончания дневных дел отправлялся поближе к центру, к Неве, гулял по ее набережным, тем более, что Северная столица не была мне чужим городом: в мурманское детство и юность семья наша ездила в отпуск на калужскую отцову родину то через Москву, а то и через Ленинград. Потом и вовсе довелось учиться на матмехе ЛГУ. Так что было что вспомнить, прогуливаясь по набережным.

...И опять дело-то не в этом, хотя с некоторым огорчением от-

---

* Текст библейской книги в переводе автора исследования: Рижский М. И. Книга Иова: Из истории библейского текста.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.— С. 46—47.

метил в первый же день ленинградской поездки: с началом ранних осенних сумерек даже в центре улицы быстро пустели, чего не было в мои студенческие годы. Даже на Невском некоторую степень оживленности придавали, в основном, яркое освещение улицы и витрин, а также группки прогуливающихся от ресторана до другого турмалайненов в модных тогда в Европе длинных плащах, то есть финнов, приехавших на выходные через Выборг от души попьянствовать. Но и краснолицые лесорубы выглядели не очень веселыми: водку можно взять только в кабаках и в «Березке» за валюту — дорого, однако!

В один из ранних вечеров, гуляя в окрестностях Финляндского вокзала, забрел на набережную у Крестов. И охватило тоскливое чувство полного одиночества на белом свете. Дорога, опоясывающая плавный изгиб Невы, с одной стороны свинцовая вода, с другой — тюремная кирпичная стена. Поднявшийся, а скорее — всегда присутствующий в этой «аэродинамической трубе» (работал тогда инженером на «оборонке», мыслил технически) колючий ветерок-поземка метет по стрежню дороги хрустящую на зубах пыль... И ни звука, ни души, сколько видно на расстоянии в наступающих сумерках! А ведь — центр города, нерабочая суббота и время даже не совсем вечернее?

Такая вот и жизнь у нас наступила, размышлял горестно, минуя казематные стены. Скука, серость во всем мире, люди по норам своим сидят, коротают день перед телевизором, на экране которого каиново-пятнистый генсек все талдычит да талдычит с южнорусским говором про перестройку, консенсус и социализм с человеческим лицом. И это в столичном городе? А у нас, в Туле, и того тоскливее: три фонарных столба на квартал, непролазная грязь. Тогда заводы еще работали, разминутся у проходных первая и вторая смены, разъедутся работяги по домам — и пустота на улицах растеряевых... Словом, «сижу я в Туле в стуле» — по Маяковскому.

◆ Но тогда, исключая внедренный Западом в своих целях горбачевский водочный зажим, СССР был сверхдержавой с мощнейшей промышленностью, океанским военно-морским флотом, а авиация и танковые армии были в полной готовности к «обратному блицкригу» — до Лиссабона включительно. Хотя мы и мирные

люди... Но самое существенное, что наступившая в горбачевщину внешняя скука и серость с лихвой компенсировалась еще не расплесканной на частнособственничество энергией народа-созидателя, конструктора больших и малых идей но далеко еще не квалифицированного потребителя и обитателя-обывателя сырьевого придатка мирового империализма... Заводы работали в две-три смены, окна громадных зданий научно-исследовательских и конструкторских предприятий и учреждений светились допоздна. Но не только их стены были «перегреты» мощным напряжением интеллекта. Музы Эрато, Евтерпа, Каллиопа, Мельпомена, Полигимния, Терпсихора и Талия, покровительницы изящного творчества, литературы и искусства, как мы говорим, воодушевленно парили над театрами и концертными залами, мастерскими художников и скульпторов.

А если говорить о предмете нашего интереса — литературы, то сень муз простиралась не только и не столько над полуноменклатурным Переделкиным и территорией, огражденной Садовым кольцом и несколько шире — МКАДом, но над всей территорией 1/6 части земной суши: от Бреста и Калининграда до островов Курильской гряды, если смотреть по горизонтали карты СССР, и от Земли Франца-Иосифа* до Кушки — по вертикали. А на литературных страницах многотиражных военных журналов и газет печатались очерки, рассказы и стихи наших друзей литературы, друзей — потому что они еще не стали настоящими писателями (это как тонко подмечено Пушкиным: «...И друг степей калмык» — в том смысле, что калмыки-то пришли совсем недавно с алтайских гор...), с советских военных баз во Вьетнаме, на Кубе, в Сирии и Ливии. Уже не говорим о полнокомплектных советских армиях в ГДР, Венгрии и Польше.

Подрастали до писательского уровня шахтеры треста «Арктикуголь» на Шпицбергене. Писали стихи в перерыве между боями в огненном Афганистане. Тогда молодой и неутомимый (впрочем, энергии его позавидуешь и сейчас), Александр Проханов слал в

* Там в советское время базировалась дивизия первого удара по натовским базам в Исландии.

газеты и журналы свои очерки из всех горячих точек планеты. И на полукилометровой глубине всех земных океанов между вахтами на боевых постах затаившихся атомных подводных лодок, стратегических и ударных, склонялись головы матросов, старшин и офицеров над заветными тетрадками рукописей*...

...Имперская держава, огромная страна, соединившая в себе половину Европы и тож половину Азии, требовала художественного отображения своей кипучей жизни, но и предъявляла не менее высокие требования к мастерству профессиональных и (пока еще) самодеятельных литераторов. Метод соцреализма как дальнейшее развитие классического русского критического реализма давал широчайший простор для художественного самовыражения и оттачивания мастерства, что есть главный критерий перехода от ремесленничества к профессиональному писательству. Никакая пресловутая «литовская» цензура, если, конечно, не именуешь маразматиками членов Политбюро и не расписываешь тактико-технические данные новейшей крылатой ракеты или водородной бомб «Кузькина мать»**, не лютовала, как сейчас расписывают бывшие диссиденты. И вообще забывают, что книга сдавалась издательством в обллит уже после выхода ее тиража...

Так что писатель и в лицо знать не знал «грозного советского цензора». А это были обычные грамотные женщины-служащие, что по утвержденной инструкции, явно скучая, читали книгу и ставили одобрительную подпись в бланке, не найдя названных выше двух пунктов. Знавал одну такую служащую — мать однокурсницы. Милейшая женщина, домашняя хлопотунья и изумительно готовила.

Другое дело, что не надо никогда — в исторической ретроспективе или перспективе — забывать об одном качестве доброго

---

* См. в «Приокских зорях» повести, рассказы, стихи бывших моряков-подводников.

** Поначалу предполагали взорвать на Новой Земле «Кузькину мать» мощностью 50 мегатонн, но в самый последний момент снизили до 30 мегатонн, ибо, как сказал Хрущев, как бы свои стекла не побить... Я тогда жил в мурманском Заполярье, рядом с Новой Землей, прекрасно помню, как в тихий безветренный день трижды с интервалом угрожающе звенели стекла нашего маячного дома...

нашего народа: этнических русских и за многие века прикипевших к ним душой русскоязычных. Качество это именуется сквалыжничеством, что укрупненно включает в себя неиссякаемую зависть, среднюю степень *maniae grandiosae*, страсть к доносительству и абсолютное неприятие выделения из толпы, то есть выраженных талантов. Впрочем, все это вы, читатель, прекрасно знаете, или узнаете, из булгаковской «Мастера и Маргариты», а о более близких к нашему времени реалиях окололитературной жизни из недавно изданной книги Вячеслава Огрызко «Против течения» (М.: Литературная Россия, 2010). Имею подаренный автором экземпляр последней и с удовольствием перечитываю эту энциклопедию современного литературного процесса...

Самое удивительное, что качество это, в равной или даже большей степени присущее писателям иноземного Запада-Востока, в русском варианте вовсе не сопровождается каким-либо корыстолюбием, чиноискательством и прочими атрибутами, о которых исчерпывающе поет Мефистофель: «Сатана там правит бал, люди гибнут за металл».

...Так сказать, искусство для искусства. Потому мы особо-то не озлобляемся и в исторической ретроспективе с доброй улыбкой вспоминаем про ссоры иванов ивановичей с иванами никифоровичами. И точно также наши потомки будут дóбро вспоминать нынешнее остервенение в дележе остатков писательского имущества от СП СССР по принципу: дело не в деньгах, которых нет и не будет, а в принципе: если не мне, то и никому! — см. противостояние двух «литературных газет».

Однако, вернемся в основной теме «Колонки».

◆ Мне, как во внелитературной сфере специалисту, а может даже и ученому (не очень люблю это слово; это как в юмореске Михаила Задорнова о хатуль мадане — коте ученом на иврите) в области эволюционной биологии и биофизики, предельно ясно: вся наша эволюция, в том числе социальная, зиждется на цикличности, то есть на гегелевской спирали развития. Вспомните свои годы учения в советских школах и вузах. Чему сейчас там учат — пусть министр образования по телеящику объясняет. Каждый должен отрабатывать свой оклад содержания и прочую манну небесную.

Так и в нашей новейшей истории XX и начала XXI веков. Веселый наш народ привык определять начало осеннего цикла наступления периода скукороженной, суконно-цинковой и вицмундирной жизни страны по ... притеснительным новациям в части водочной торговли. Избави бог вас подумать, что только «веселие Руси есть в питии» (приписывается князю Владимиру-Крестителю)! Даже наши антирусские СМИ порой проговариваются, что в иных, так называемых цивилизованных царствах-государствах, пьют поболее нашего. Просто там занимаются этим дома по вечерам, плотно занавесив окна, а наша широкая православная душа уважает гульбу на людях, да с плясками, да с песнями, а лучше всего — в рабочее время, совмещая приятное с полезным. Так, наверное, Перун с Даждьбогом, а опосля князь Владимир приучили...

Тем не менее, это так: осенний цикл предельно точно барометрируется по государственному уничтожению вольности-баловства со злодейкой с зеленой наклейкой. Самое существенное, что это прерогатива новейшего времени, ибо за всю предыдущую тысячелетнюю историю Руси Гостомыслы, Рюрики и Романовы на эту народную отдушину не покушались: себе дороже обойдется!

Первая осень грянула с началом Империалистической войны: Николай Кровавый, ныне святой, объявил на все военное время сухой закон. Символично, но это во многом способствовало протрезвлению народа и ликвидации самодержавия. Вместе с последним русским царем. Попутно это вызвало к жизни невиданный разгул самогоноварения, искусство которого было доведено до совершенства. Поскольку по матери ваш покорный слуга из шотландцев, то невольно здесь вспоминаются слова Роберта Бёрнса: «Каждый шотландец умеет гнать виски, еще находясь в утробе матери». Так или примерно так было в России десять лет — до появления акцизной тридцатиградусной «рыковки». Вспомните пренебрежительный отзыв о малом ее градусе Филиппа Филипповича из «Собачьего сердца»...

Вторая осень с «питейным» символом случилась уже на нашей зрелой памяти: приснопамятная горбачевщина с вырубкой реликтовых виноградников и «талонной» водовкой. Опять воспрянуло высокое искусство самогоноварения, появились сорта «томатовка», «кар-

тофельные выморозки» и так далее — для запивки акцизной талонной в таре поллитровок, чекушек и «раисок» (это бутылки емкостью 0,33 литра из-под пепси-колы). Относительно продуманности этой кампании уже написано выше. А вот опять-таки символично в антиалкогольном угаре агенты влияния ликвидировали советский социализм. Причем, в отличие от первой, царской осени, госотрезвление сыграло здесь немалую роль. Опять же смотрите начало настоящей «Колонки».

Наступила разгульная весна и лето девяностых и начала двухтысячных. Почти «Весна священная» с языческими плясками, донельзя очертенившими народ. А под шумок этих питий-плясок и братковской стрельбы средь бела дня разрушили до основания страну победившего социализма, все разворовали и распродали, даже стратегический запас оружейного плутония, наработанного почти за полстолетия, Ельцин почти задаром отдал США. Восторжествовало частнособственничество, потребительство, олигархат и тут же полунищета подавляющей части населения страны, разбитой на пятнадцать больших и малых осколков: разделяй и властвуй. Заводы продали на металлолом Западу-Востоку. Туда же ушел советский океанский военный флот, армия свернулась, как шагреневая кожа. Ее заменили на внутренних фронтах неимоверно разбухшие внутренние войска.

...Символическое разоружение перед всем миром состоялось буквально на днях: из северодвинского капремонта вышел последний советский авианосец, проданный Индии. Оно, конечно, советский (теперь российский) слон друг индийскому слону, но зачем же так откровенно? И с экранов телевизоров, которых теперь у нас не фабрикуют, ответственный за «военку» госчиновник что-то скороговоркой пояснил: дескать, корабли такого класса нам пока не нужны, может быть потом, нескоро понадобятся... и так далее. Народ все со скорбью понял.

И вот пришла она, третья осень. Как уже стало традицией, начало ее ознаменовалось водочным ужесточением, да еще впридачу курильщикам (жив еще, курилка! — по Ромену Роллану) дали по губам, матерно изъясняться запретили, а чтобы народ больше трех не собирался, то ввели полумиллионные штрафы за всякие

там «болотные междусобойчики». Оно, может, и правильно, имея под боком, да еще без госграницы, вакханалию Евромайдана — с твердой оплатой в общечеловеческой ценности, то есть в долла́рах.

К этой осени страна подошла хотя и разоруженная, лишенная промышленности, олигархическая, очиновненная, с угробленной наукой и «болонизированным» ущербным образованием, живущая исключительно на нефтегазодоллары, но зато со всеми внешними атрибутами социальной стабильности и, вообще говоря, довольным народом: нам, мол, не привыкать, лишь бы не было войны! Ох, загадочная славянская душа...

А все признаки субординированной, казенной, суконно-цинковой осени налицо: пустые не то что по вечерам, а и днем улицы городов, скука и безнадега по всем. Намеренно ли осень «устроили» в преддверии очередного социально-эволюционного скачка, либо все так стихийно сложилось, говоря словами уральского казака Черномырдина: «Хотели как лучше...»? — Кто знает. Тем и загадочна эволюция человека, что нам не дано знать даже ближайшее свое будущее, а любые прогнозы вилами известно, на чем писаны.

А сейчас, проанализировав эффекты осени и добравшись до дней текущих, обратимся к волнующей нас триаде «чиновник, литератор, народ». Под последним, естественно, полагаем читающий еще пока народ.

◆ Совершенно неверно некоторые представители как левой, так и правой «болотной» оппозиции называют современную Россию полицейским государством, даже если при предыдущем президенте милицию переименовали издевательски в полицию — издевательски над всеми участниками Великой Отечественной войны и, особенно, над гражданским населением, оказавшимся в немецкой оккупации.* Хочется думать — и в СМИ уже появились наме-

* Отличительная черта нынешних СМИ — скакать впереди лошади. При этом они напрочь забывают присказку авторитетного для них Солженицына («Один день Ивана Денисовича»): «Тебя не пользуют, ты не подмахивай»... Так и на праздновании 9 Мая в Туле, еще и милицию в полицию не переименовали официально, корреспондентка радио верноподданнически объявила в микрофон: «Не только бойцы армии, но и многие полицейские не вернулись с фронтов»... No comment.

ки,— что госвласти все же восстановят *status quo* и сделают обратное переименование...

Нет и еще раз нет, ни при князьях, ни при царях и генсеках, ни сейчас Россия не являлась и не является полицейским государством. Даже если население страны поделят ровно надвое и одну из половин обмундируют в милицейско-полицейских, то ничего не изменится. Все дело в том, что народ по натуре не бунтовщик и законопослушен. Правда, если все же его довести — то взбунтуется, а русский бунт... вспоминайте определение его Александром Сергеевичем. А законопослушен все по тому же меткому пушкинскому определению словами Савельича из «Капитанской дочки»: поцелуй, мол, барин, ручку злодею, да сплюнь опосля! И милицаи-полицаи это прекрасно понимают, те же русские люди. А поскольку не пущать и разгонять некого, то от скуки своей служивой жизни умеренно или неумеренно пьянствуют, пользуют бесплатно проституток на «субботниках», почти по «совести» мздоимствуют, а более всего уважают холодные зимние сутки проводить в своих жарко натопленных участках, мечтая о выходе на пенсию и дальнейшем трудоустройстве в ЧОП'ы. А сейчас им жалованье резко прибавили, так и смысл рисковать собой «на выезде» смысла нет: подстрелят, так и повышенная зарплата гикнется.

Нет, Россия не полицейское, но чиновничье государство. И всякая очередная социальная осень — праздник души для чиновников всех рангов. И если после первого выхода на экран «Семнадцати мгновений весны» молодые офицеры на Лубянке дурашливо приветствовали друг друга «Хайль Гитлер!», то теперь чиновники младших рангов, правда, оглянувшись, тоже дурачатся: «Здорово, Егор! Как борьба с коррупцией?» — «И ты будь здрав, боярин!.. Боремся, не покладая рук — чем больше боремся, тем больше куш!»

Но главная отрада чиновников — это короткие приступы бурной деятельности — говорильни, перемежаемые долгим отдыхом от трудов праведных: в уютном кабинете, с кофейком да с прелестницей-секретуткой. А надоест костлявая неумеха, интересующаяся только деньгами в форме повышенной зарплаты, так можно и серьезную, опытную в постельных делах тридцатипятилетнюю под-

чиненную приблизить «к делам». Со времен Фрейда известно всем, что у женщин бальзаковского возраста на сидячей работе кровь неумеренно приливает к тазовой области, оттого они неутомимы в любви... Впрочем, тоже по расчету.

Всем жизнь чиновника хороша, вот только в галстуке надо постоянно находиться*, уметь кланяться вышестоящим и постоянно опасаться смены губернатора или градоначальника: каждый новый приходит со своей командой.

◆ Второй из триады — литератор; он же писатель или поэт, он же сочинитель, он же «инженер человеческих душ». Ничтожнее в социально-экономическом плане и в так называемом общественном мнении и в реальном мнении широких народных масс такой профессии сейчас и не сыскать. А в среде молодых поколенных генераций разве что Бетховен более уничижен: «Кто такой Бетховен?» — «А это чел, который позывные для мобильников сочиняет».

...Впрочем, о современном писателе и продукте его творчества мы столько много писали в «Колонках» предыдущих номеров «Приокских зорь», что уже и неудобно надоедать нашему читателю, получается эффект полета шмеля или кукушкиных зазывов. Куда интереснее о заключающем триаду народе покумекать-потолковать.

Вне всякого сомнения, советский народ является самым читающим в мире — без натяжек и эвфемизмов можно говорить. Сейчас народ тоже в массе своей почитывает на сон грядущий: денежные — свои чековые книжки, или как там это сейчас называется; безденежные — почитывают-подсчитывают чужие деньги и люто завидуют их обладателям. Еще в конце каждого месяца все озабоченно, до дыр зачитывают приходящие по почте квитанции на квартплату, газ и электричество. Скоро, наверное, введут налог на домашних собак и котов.** Так что круг чтения все увеличивается

---

* При вступлении на должность тульского губернатора всенародно любимого Василия Александровича Стародубцева пишущего эти строки «сватали» на должность председателя комитета по науке. Но на вопрос его первого зама: «Почему без галстука?» — последовал мой ответ: «Я из старообрядцев, а у них галстук называется иудиной петлей...».

** См.: Яшин А. А. Лицензия на отлов мышей // Приокские зори.— 2013.— № 2.

и увеличивается, чтобы там наши СМИ ни говорили об угасании тяги к чтению...

Зададимся сакраментальным вопросом: зачем вообще современному (не только в России) человеку, а в массе своей и всему народу, читать? — Получается, что незачем. Баловство все это, пережиток совка, да и зрение надо беречь для телевизора: вдруг там что интересное скажут-покажут, например, голосистых пуссирайтских девок в Большом театре на премьере «Орлеанской девственницы», или фигуристая теледикторша радостно оповестит о трехпроцентной индексации базовой составляющей пенсии... Наконец, могут «закрыть» всех волнующую тему о тайне исчезновения бриллиантов покойной Людмилы Зыкиной — мол, завещала на освоение Марса.

А если серьезно говорить?.. впрочем, все то же получится. Главное, если не столько читающие, сколько уважающие книгу люди еще сохранились: не как артефакт или сугубый раритет, но все же числом они пока превышают население, например, Монголии или Исландии. Насчет Ирландии сомнительно.

...На днях, идучи со службы домой, заметил людское оживление около помойки нашего квартала. Оказалось, что в соседнем доме выморочная квартира досталась молодым наследникам, начавшим тотчас евроремонт. Как абсолютно ненужный хлам вынесли к помойке, хорошо хоть не побросали в нее, а аккуратно разложили связками на трубах теплотрассы любовно собранную прежними хозяевами квартиры достаточно солидную библиотеку. Наличествовали прежние советские раритеты — книги Сартра, Камю, Кафки, скупо тогда издаваемые и стоившие на черном книжном рынке каждая под месячную зарплату инженера или учителя. По характерным переплетам угадывались дореволюционные «нивские» и «а-эф-марксовские» издания. Все это великолепие памятников творчества завершала двухсоттомная «Библиотека всемирной литературы» — самое роскошное и объемное издание советской поры.

И что вы думаете? Проходя рано утром из дома на службу, порадовался: народ все книги разобрал за един вечер. Остались только единичные книжки: потрепанные дешевые издания «Школьной библиотеки» и толстенный том «Правда кузнеца Игнотаса»

литовского советского писателя Гудайтиса-Гузавичюса. Кстати, эту книгу я с большим интересом читал еще в школьные годы.

◆ Итак, к началу нынешней осени — в совокупности социальной, эволюционной, политической, культурной и так далее — в интересующей нас триаде сложился следующий «нелюбовный треугольник» (термин Н. А. Мыха-Степняка, автора «Приокских зорь»). Народу писатели глубоко безразличны. Многие вообще считают, что литераторы-сочинители книг жили где-то в XIX веке, максимум — «при Советах». Почти все остальные полагают писателями авторш современных детективов и нескольких запиаренных авторов мужского пола. Условная — до тридцати пяти лет — молодежь ничего не читает из художественного, а по компьютеру общается с приятелем из соседней квартиры.

Взаимоотношение народа и чиновничества чисто виртуальное. Чиновникам народ иногда досаждает, мешает их покою, потому они стараются с живыми людьми нечиновного звания не общаться. И, за исключением сверхкрайней нужды, чиновники для народа — пустое место, правда, хорошо оплачиваемое. При этом народ-то и чиновники «держат в уме», даже не читая Салтыкова-Щедрина, что мужики генералов кормят, а не наоборот. Поэтому при всем полнейшем безразличии чиновников к народу они все же не заинтересованы, как того хотела Маргарет Тэтчер, в уменьшении численности населения до 15—30 миллионов.

Писатель для чиновника — сущая абстракция: как в ретроспективе, так — и тем более! — в сезоне настоящей осени. Сам он в жизни держал в руках только две книжки: «Тимур и его команда» Гайдара-деда в детстве, а сейчас (см. выше) личную чековую книжку. И дома у него никто не читает: супружница весь день занимается алчным шопингом, редко, потому что толстая — тем же с заменой первой буквы на другую, а детки бессмысленно сидят перед монитором «компа».

Но писателю — ему единственному, нужны и народ, и чиновники. Первый дает ему образы и характеры для вдохновенного письма, а в отношении вторых у него неиссякаемо теплится (напрасная) надежда: вот, дескать, от всеобщей осенней скуки и серости распорядятся сверху обратить внимание на отечественную сло-

весность, объявить ударный месячник опеки над инженерами человеческих душ — глядишь, удастся и ему втиснуться в число обласканных месячным вниманием сочинителей и — верх мечтаний — пообещают (правда, все одно не дадут) деньжонок на двухсотенный тираж издания его романа о житии Колчака или Столыпина! Вот и лелеет неизбывную надежду...

Тем более что только что ушедший год дал определенные намеки. Высшая власть и раньше раз в пятилетку встречалась в узком кругу с литераторами некогда звонких имен, обещала то и другое, например, поддержку «толстым» журналам, но все это знали только немногочисленные читатели литературных столичных газет.

Но вот в ноябре прошедшего года случилось нечто более знаковое в части возможного сближения чиновника и литератора: встреча высшей власти с писателями в полном зале средней вместительности. Как их отбирали — то широким литераторским массам невдомек. О примерном составе можно судить только по вышедшему сразу после встречи номеру «Литературной газеты», где были опубликованы многочисленные резюме выступлений приглашенных. И хотя в материалах представительного собрания ни полслова не говорилось о какой-либо будущей заорганизованности омундиренных, избранных литераторов, но любое выступление завершалось уверением *NN* или *MM* в том, что он с удовольствием примет самое активное участие в чем-то сакральном, своим именем умолчания не называемом. Может, чтобы не сглазить, тьфу-тьфу?

...Вот и моя однокурсница по Литературному институту, которая ранее писала в ханбековском справочнике «На пороге XXI века», что время ее читателей ушло, писать вроде как зареклась, тоже в своем выступлении ободрилась. Мол, с удовольствием, примет участие и так далее.

Зато Интернет и литературно-газетная периодика прямо-таки взорвались: прошедшая встреча именуется не иначе как повторением горьковского I Съезда Союза советских писателей, ныне, значит, российских, а новый Союз, разогнав все ныне существующие, как некогда СП СССР, разогнала все РАППовские объединения, провозгласил конкордат власти, то есть чиновников, с «правильными» сочинителями-воспевателями идеалов нынешней власти и жизни.

Естественно, и имя организатора той встречи, более громкое (по родословной), чем Горький, уже называют будущим главным литератором страны.

...Пусть их пишут: может «месячник» пройдет, и все забудется. А если все же «избранную тысячу» литераторов омундирят, дадут статус писательских чиновников, то нам, опять же, не привыкать. Как писали, так и дальше будем поддерживать, в чем-то и развивать русскую словесность. Главное, чтобы воображаемый новый Союз не сделали филиалом мирового ПЕН-клуба. Тогда русская литература в угоду глобализации и вовсе иссякнет.

А глобализация суть всеобъемлющий процесс, просчитанный загодя на мегакомпьютерах. И в каком-то, правда, третьестепенном файле просчитанных рекомендаций явно нашлось место для глобализованной литературы: «И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри» (Откров. Св. Иоанна Богослова, 6, ст. 1).

...А зримые черты тени глобализации над многострадальной русской литературой уже видны невооруженным глазом. Действуют в самой России «пеновские» агенты влияния, поучая молодых литераторов как «правильно писать». За рубежом обосновались многочисленные русскоязычные литературные общества, проявляющие большой интерес к еще неокрепшей разумом и талантом пишущей молодежи. И более зрелых стараются по мере возможности «перековать» в духе глобализации.

...Вот пишет мне известная сибирская писательница, давний друг «Приокских зорь», что только что вернулась с курсов в Хорватии, где «нас учили писать» (!?). Дожили! Хорваты, тем более католики (уже не говорю об их «особом» отношении к нашим братьям-сербам), крохотный в литературном мире народ, учат писать русских литераторов! Даже если они и были всего лишь организаторами таких курсов.

Будьте, собратья по перу, бдительны. Ибо интернационализм в литературе — это одно — взаимополезное и глубоко гуманное, но глобализация в ней — это сакрально непредсказуемое, в любом случае гарантирующее отрыв от питающей русскую литературу поч-

вы. Пусть эти Юлиуса Фучека слова о бдительности, хотя и сказанные по другому поводу, будут оберегом русского писателя. Не допускайте, чтобы нас поделили на сардукеев, ессеев и фарисеев.

◆ Цель написания настоящего очерка — несколько расширить содержание «Колонки главного редактора» в № 4, 2013 «Приокских зорь», открывшей очередную, ставшую уже традиционной всероссийскую и международную дискуссию по теме «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике». Поскольку в исходном для дискуссии тексте, а также в настоящей «Колонке» присутствуют упоминания о ноосферном будущем человечества и переживаемом нами сейчас процессе глобализации как начальном ноосферном процессе, считаем полезным для тех читателей «Приокских зорь», которые пока не имеют четко осознанного представления о категориях ноосферы и глобалиазции, ознакомиться к приводимым ниже Меморандумом. Он написан, вообще говоря, для специалистов-ноосферологов, но понятийный его язык вполне доступен самодостаточно мыслящим гуманитариям-литераторам.

МЕМОРАНДУМ
(о принципах развития науки ноосферологии на период до 2020-го года)

1. *В изложении настоящего* материала из трех основных значений слова «меморандум» (от лат. *memorandum* — то, что нужно помнить) используется следующее: тезисы (записка), в которых представлены вопросы, выдвигаемые на обсуждение.

2. *На обсуждение* научной общественности, то есть ученых, специалистов и всех интересующихся актуальными вопросами современного естествознания, преимущественно в отраслях эволюционной и социальной биологии, научной феноменологии, физики живого и биофизики (это разные понятия), космологии и квантовых теорий, формальной и комплексной логики, социологии и политологии, политэкономии и макроэкономики, общей и прикладной философии, актуальной педагогики и методологии образования, научной эвристики, социопсихологии и эвропатологии, кибернетки и синер-

гетики, информатики, технотроники и так далее представляются сформулированные в рамках работы Тульской научной школы биофизики полей и излучений и биоинформатики (научн. рук. проф. А. А. Яшин) принципы развития науки ноосферологии на период до 2020-го года.

3. *Целью* и реализующими ее задачами сформулированных принципов развития науки ноосферологии являются: а) формализованное и понятийно-содержательное уточнение определения науки ноосферологии; б) анализ в контексте содержания предыдущего пункта Декларации о вернадскианской революции (А. И. Субетто); в) анализ summa summarum тенденций и полученных научных результатов в рамках ноосферологических исследований за предшествующий период (середина 1980-х голов — начало 2010-х годов); г) классификация разделов и направлений ноосферологии и выделение приоритетов исследований; д) другие существенные общие и частные принципы развития ноосферологии.

Нижеследующее содержание меморандума раскрывает в минимальнодостаточной концептуальной полноте содержание п. 3 без строгой привязки к конкретной рубрикации а) ... д).

4. *В Меморандуме* означенная периодизация — до 2020-го года — акцентирована следующими соображениями: а) среднесрочным прогнозом ноосферизации, то есть перехода биосферы Земли в ноосферу $(B \to N)$; б) таковым же прогнозом научного становления ноосферологии; в) отсутствием сколь-либо достаточной научной базы для прогностики свыше среднесрочного прогноза, что объясняется: ц) малым сроком (не более 25...30 лет) реально ощутимого начала $(B \to N)$; β) эффектом «стремительности» наступления периода $(B \to N)$; γ) конспирологическим характером (пока) тайного всемирного управления процессом $(B \to N)$.

В силу сказанного реальным представляется период анализа до 2020-го года.

5. *Определение ноосферологии*. Ноосферологией терминологически обобщенно называется комплексная системная наука, идущая от парадигмы В. И. Вернадского о переходе биосферы Земли в иное биогеохимическое качество — ноосферу (термин принадлежит

Тейяру де Шардену и Е. Леруа (*E. le Roy*) — под впечатлением прослушанных ими в 1922—23 гг. в Сорбонне лекций В. И. Вернадского по биогеохимии), оперирующая понятиями и логическими терминами всех естественных и гуманитарных дисциплин, а также частных (специализированных) научных направлений в пространственно-временно́м ареале от микро- до макромира, включая космопланетарные масштабы, и подчиняющаяся в полной мере фундаментальным законам Мироздания, а в плане философском — законам диалектики Г. В. Ф. Гегеля — К. Маркса; в части виртуализации мышления — воззрениям кантовской философии (Кант, Шопенгауэр, неокантианцы).

6. *К настоящему времени* наука ноосферология «легитимна» и развивается исключительно в России, отчасти на Украине. На Западе-Востоке (термин И. В. Гёте — «Западно-восточный диван») само концептуальное учение В. И. Вернадского не признается, как не сулящее утилитарно-прагматического применения. Соответственно, не ведутся целенаправленные исследования, относящиеся к науке ноосферологии. Скорее всего, здесь действует фактор конспирологического (пока) мирового управления процессом $(B \to N)$: управлять тайно. А поскольку на Западе, вопреки декларативному утверждению о «частной инициативе» исследований, последние в стратегических направлениях науки являются сугубо государственно контролируемыми, направляемыми и поддерживаемыми, то таковая конспирология выдерживается строго и неукоснительно. Благо, грантовая система финансирования исследований (у нас система грантов суть фикция и казнокрадство) на Западе, как превалирующая, позволяет «направлять курс» или «сушить весла» элементарно просто и высокоэффективно...

Сказанное необходимо постоянно «держать в голове» при научных контактах с Западом-Востоком, ибо это тот «мальчик, что очень любит брать, но не любит что-либо отдавать». Это протестантская модель утилитаризма. А у нас широкие православные души... Вот и получается, говоря на злобу дня: мы вам готовенькую науку нософерологию, вы нам — «голубую» толерантность и «болонизацию» образования.

7. *Предложенную* и разработанную президентом Ноосферной общественной академии наук (НОАН) Александром Ивановичем Субетто* концепцию вернадскианской революции — из анализа ее содержания — следует понимать в контексте *relata refero* (рассказываю рассказанное — лат.) как действенность на рубеже веков и тысячелетий диалектического закона перехода количества в качество прежде всего. Данный закон из гегелевской триады суть апология и собственно определение процесса революции на фоне непрерывающейся эволюции. Вернадскианская революция есть начало процесса $(B \to N)$, как одного из составляющих эволюции биоорганического мира Земли, но акцентированного на научном и социальном факторах.

Как и всякая революция (социально-политическая, научная, технико-экономическая и пр.), вернадскианская подчиняется — начинается, действует и заканчивается — абсолютно независимо от человека, в смысле человечества, но исключительно под действием диалектических законов эволюции.

8. *В силу сказанного* в п. 7 в период ноосферизации Земли $(B \to N)$ наука ноосферология является, по-преимуществу, анализирующей процесс $(B \to N)$ в части предтечи ноосферы на биосферном, проходящем (уходящем) этапе эволюции живого вещества и интеллекта на планете Земля (терминология В. П. Казначеева) и современного состояния процесса $(B \to N)$, а также синтезирующей в части среднесрочной (до 2020-го года) прогностики названного процесса. То есть наука ноосферология является, по преимуществу, *констатирующей*, но не конструирующей. Здесь человек — точка наблюдения, как в стандартных моделях общей теории относительности Эйнштейна — Пуанкаре — Фридмана, например, конструктивными могут являться только умозрительные модели процесса $(B \to N)$.

---

* По решению редколлегии всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» А. И. Субетто удостоен звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за опубликованный в 2013 г. в журнале очерк о ноосферно-социалистической миссии XXI века.

9. *В ноосферологии*, таким образом, не допускаются эволюционными законами диалектики «вольнолюбивые построения» по корректировке реального процесса $(B \to N)$; только констатация, учет происходящего и более-менее достоверный прогноз. Особенно это относится к таким разделам науки ноосферологии как философия, экономика и образование, хотя именно в названных субдисциплинах в отечественной ноосферологии (повторимся: а другой во всем мире более и нет), судя по публикациям в изданиях НОАН, проявляется наибольшее оживление. В основном, к сожалению, на описательном уровне.

Поясним сказанное. Философия, экономика и педагогика в период $(B \to N)$, с одной стороны, подчиняются в полной мере тем же философским, экономическим и образовательным законам, что и в предшествующий, биосферный период; с другой стороны, исключая философию, как универсальную и самодостаточную отрасль человеческого мышления и знания, экономика и педагогика в настоящий, начальный период $(B \to N)$ подчиняется процессуальности *глобализма* (или глобализации), который по эволюционным законам неизбежно и неумолимо предшествует развертыванию ноосферы. Увы, но История, она же эволюция, избрала этот путь.

10. *Резюме* (как говорили наши деды и отцы: десятым сталинским ударом...). Исходя из реального положения дел и вещей, можно объективно сформулировать базовые принципы развития науки ноосферологии на период до 2020-го года, а именно:

— к настоящему времени ноосферология как научная, системная дисциплина еще не сложилась, но методом проб, ошибок и отсечения ложных ходов (это методология любого эволюционного процесса) сформирована ее предтеча;

— ноосферология является исключительным приоритетом и прерогативой СССР, а ныне — России, отчасти и современной Украины; на прагматичном Западе — Востоке концепция В. И. Вернадского о $(B \to N)$, а значит и современная ноосферология, что называется «молча», не опровергается, но и не развивается;

— вернадскианская революция на рубеже веков и тысячелетий в образной терминологии обозначает бифуркационный процесс на-

чала этапа $(B \to N)$ на фоне непрерывающейся эволюции живого мира на Земле;

— начальный период $(B \to N)$ длительностью — по разным оценкам — от полусотни до полутора сотен лет является эволюционным этапом жесткой, всемирно тоталитарной социализации в мировом масштабе с полным уничтожением в итоге капиталистической социально-экономической формации, получившей (уже устоявшееся) название периода глобализации;

— поскольку в своем историческом генезисе человек опередил эволюцию (по Конраду Лоренцу) и потому стал ее движителем, то процесс $(B \to N)$, в особенности же глобализация, характеризуется фактором всемирного управления, на начальном этапе глобализации (до 2020-го года) — конспирологическим, условно называемым Тайным мировым правительством;

— по определению в период $(B \to N)$, особенно на этапе глобализации, наука ноосферология является констатирующей и синтезирующей, но не управляющей, из чего вытекают ее принципы организации, деятельности, поставленные цели и задачи, а также прогнозируемый научный результат;

— в наибольшей степени констатирующими разделами науки ноосферологии в период глобализма являются философия, экономика, педагогика и образование, социология и социобиология — в целом весь комплекс гуманитарных дисциплин, ибо все построения (теории, концепции, парадигмы и пр.), не отвечающие «генеральной линии» глобализации здесь являются умозрительными, отсекаемыми от практических приложений; однако, научные изыскания в названных отраслях ноосферологии несомненно приветствуются («Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет жизни древо» — «Фауст» Гёте), поскольку в своей совокупности позволяют «отслеживать», в определенной степени прогнозировать развитие модели и практики глобализации; это актуально важно особенно на начальном, конспирологическом этапе глобализации в процессе $(B \to N)$;

— конструктивными в науке ноосферологии являются отрасли и дисциплины, занимающиеся исследованиями и разработками моделей

процесса $(B \to N)$, а именно: космофизических, математических, логических, биофизических, кибернетических и синергетических, отчасти — социополитических и социобиологических, поскольку названные исследования и модели, как и констатирующие (см. выше), хотя и не могут являться управляющими в процессе $(B \to N)$ в период глобализации, но с достаточной степенью научной достоверности: а) описывают ob ovo процесс $(B \to N)$, что является собственно апологией любой науки; б) позволяют создать научно же обоснованную прогностическую модель исследуемого эволюционного процесса.

...Итак, ничего личного — только поиск научной истины.

ПУШКИН И ТОЛСТОЙ: ГОСУДАРСТВЕННИК И ПРОРОК

В прошедшем и нынешнем годах мы отмечали два «некруглых» юбилея: 185-летие со дня рождения Л. Н. Толстого и 215-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Соответствующие рубрики, посвященные юбилярам,— в предыдущем и настоящем номерах «Приокских зорь». Даже такие даты, тем не менее, заслуживают присутствия на страницах нашего русского классического журнала. А здесь и тема «Колонки» прямо-таки обрисовалась, сгустилась по причине взволновавших весь русский, российский мир событий на Украине, бывшей Малороссии. Мы снова, говоря словами русского классика, вернулись к «временам очаковским и покорения Крыма». С заменой, понятно, предпоследнего слова на «обретения»... То есть других тем в СМИ, исключая злосчастный куалалумпурский «боинг», вовсе и не осталось. И явно доминирует тема государственности и патриотизма.

Понятно, что в окрепшую уже нынешнюю эпоху глобализма, когда непричастный к высокой политике народ видит только самую верхушку айсберга, а поведение его подводного массива загодя просчитывается на мегакомпьютерах соответствующих штаб-квартир и центров, понятия государственности и патриотизма заметно смещены от традиционного их смысла. Самодостаточно мыслящий человек сам до всего своим умом дойдет, а для масс-медиа (это не о СМИ, а о народе) достаточно восторга и хоть какого-то отвлечения от серых будней. Но ведь и это свежий ветер! И это хорошо! И это дает нам полное право означенную тему рассмотреть в ретроспективе идеологии творчества двух гениев русской литературы.

Поэт-государственник (произведение, которое не изучают в школе). Казалось бы, что в школе — за нынешнюю не ручаюсь, но в советской самоочевидно — творчество Пушкина изучали основательно во все времена и эпохи, за исключением коротких лет управления образованием А. В. Луначарского с его РАПП'ом (то есть во времена Троцкого), когда Пушкина «сбросили с корабля истории». Стихи, поэмы, проза, художественная публицистика — все это нам давали в школе в достаточной степени полноты; даже

шутейно-антиклерикальную «Гаврилиаду» любознательные старшеклассники читали. Не в школьной хрестоматии, конечно. Понятно, определенная тенденциозность наблюдалась, точнее — соблюдалась. Памятуя партийно-педагогические методики преподавания литературы, учителя-словесники как-то невнятно объясняли смысл патриотических стихов Александра Сергеевича:

Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас?
Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?

Упор все более делался на интернационализм, а по Пушкину выходило, как назло, что врагами России, русской государственной идеи в XIX веке являлись нации и народности, ныне (речь идет, понятно, о советском периоде истории) образующие государства соцлагеря и братскую семью советских народов...

Не дай, Бог, осуждать ранее и сейчас наших добрых учителей за их следование партийно-педагогическим методикам. Сами эти методики были выверены и соотнесены с гибкой политикой руководства СССР, требовавшей сочетания в воспитании советских людей традиций государственности и идеи интернационализма. Правда, последняя трактовалась по троцкистскому образу, ибо в своей многотрудной деятельности великий И. В. Сталин так и не успел, точнее — ему не дали успеть, привести эту идею в соподчинение и соответствие базовой, стержневой идеи доминирующей государственности. И, хотя не это явилось основной причиной разрушения русско-советской империи, но очень и очень способствовало трагедии страны, превращению ее в краткий срок в... понятно, что. Но вернемся к А. С. Пушкину.

Единственным произведением Пушкина, если не замалчиваемым, то уж во всяком случае «умалчиваемым» и ранее, и ныне, и

присно, является «Путешествие из Москвы в Петербург» с приложением очерка «Александр Радищев», написанное им незадолго (в апреле 1836 г.) до гибели. Написанный как художественно-публицистическая антитеза радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву», очерк Пушкина представляет отображение гражданской позиции поэта. Но почему эта небольшая по размеру прозаическая вещь, повествующая о поездке некоего путешественника, живущего безвыездно в Москве, не бывавшего в Петербурге лет пятнадцать и решившего-таки навестить северную столицу, стоит как бы особняком в официальном пушкиноведении? Более того, при не столь частой публикации «Путешествия», например, в книге «Избранное» А. Пушкина в серии «Библиотека русской художественной публицистики» (М., «Советская Россия», 1980), в «идеологическом» предисловии обязательно развивается мотив, что-де «социальные и нравственные идеи в «Путешествии из Москвы в Петербург» значительны и во многих случаях близки радищевским»; «...эта мистификация понадобилась для того, чтобы ввести нелестные для Радищева замечания, без которых нельзя было рассчитывать на публикацию очерка, и в то же время дать понять читателю, что подлинный автор так не думает» и пр.

Что здесь правда, а что есть идеологическое лукавство и литературный эвфемизм? Попробуем ответить.

В соответствии все с той же гибкой политикой идеологии в СССР, отображение последней в литературе, равно как в искусстве и культуре вообще, выражалось в некоторой, достаточно строго выдерживаемой «табели о рангах». Опять же, подчеркнем это, при некоторой искусственности, прямолинейности и исторической неправомерности такой подход был объективно полезен и гармонировал с государственной сверхзадачей.

Согласно этой табели, фигура А. Н. Радищева трактовалась как прогрессивная, предтеча декабристов, которые разбудили... далее хорошо известно. А его «Путешествие из Петербурга в Москву» однозначно признавалось произведением великим, литературно высококачественным, идейно опередившим свое время на многие десятилетия вперед. Понятно, что все эти оценки были ориентированы на либерализм и революционный демократизм, как прогрес-

сирующую доминанту в историческом развитии России, начиная едва ли не со времен Золотой Орды... Поэтому пушкинское «Путешествие» в обратную по отношению к радищевскому (и по направлению пути следования, и по оценкам российского бытия) сторону никак не вписывалось в уложения табеля. Более того, щекотливость ситуации усугублялась и положением самого Пушкина в этой табели: как величайшего русского поэта, известного вольнодумца, почти декабриста и пр. Поэтому диалектический подход — отрицание отрицания — здесь явно не подходил. Соломоново же решение — сделать вид, что «Путешествие» Пушкина, конечно, произведение прогрессивное, но популяризировать его ни к чему — устраивало всех. На том *point sur les «i»* и была поставлена.

В чем же публицистическая, идеологическая разница между двумя «Путешествиями»? Полагаем, что основной контингент наших читателей учился в советской школе и содержание книги А. Н. Радищева помнит если не текстуально, то по нравственно-этической и политической направленности. Дабы не превращать эссе в литературоведческий трактат, ограничимся несколькими, наиболее сопоставительными тезисами (А. Н. Радищев) и антитезисами (А. С. Пушкин).

С самого начала очерка Пушкин отмечает, что некогда нашумевшая книга «потеряла свою заманчивость», прошумела скоро и была забыта; говоря современным языком, уподобилась диссидентскому бестселлеру...

Сопоставляя две российские столицы, Пушкин отмечает те значительные изменения, что произошли с ними со времен радищевских. Памятуя о том, что Радищев как прочитал в юные годы рассудочную философию Гельвеция, так и остался на всю жизнь ее поклонником-неофитом, Пушкин пишет в данном контексте: «Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее, влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествующего поколения!» (Здесь явная указка на декабристов).

Радищев заканчивает свою книгу словом о Ломоносове. Пушкин отмечает, что слово это по намерениям не совсем похвально: «Оно писано слогом надутым и тяжелым. Радищев имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе росского Пиндара. Достойно замечания и то, что Радищев тщательно прикрыл это намерение уловками уважения и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властью, на которую напал с такой безумной дерзостию». Радищев все внимание (а это 30 страниц текста!) сосредоточил на Ломоносове-поэте, риторе и грамматике, то есть на тех сферах деятельности русского гения, где, говоря словами Пушкина, «его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается...» и т.п. А Пушкин, проводя в тексте очерка пространные выписки из рапорта Ломоносова графу Шувалову за 1751—56 гг., доказывает, что Ломоносов есть, прежде всего, естественник, подвижник науки и государственник в области отечественного просвещения. Этого-то «не заметил» Радищев.

Особенно резко возражает поэт Радищеву в части пресловутого и ныне питающего отечественных и зарубежных ненавистников России вопроса о «рабском начале» русского характера, о «невыносимых» условиях жизни и труда русского простолюдина — вечно живая тема диссидентствующих! Пушкин сравнивает положение русского крестьянина и ремесленника с землепашцами французскими и рабочими английских мануфактур далеко не в пользу последних. А что касается «рабского начала», то: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его сметливости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны... В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища... Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности». И так далее.

Серьезные возражения Пушкин обосновывает и в главах «Слепой», «Рекрутство», «О цензуре», «Этикет» и «Шлюзы». Заканчивая очерк кратким описанием жизни Радищева, поэт резюмирует свое мнение: «Какую цель имел Радищев? Чего именно желал он? На сии вопросы вряд ли бы мог он сам отвечать удов-

летворительно. Влияние его было ничтожно. Все прочли его книгу и забыли ее, несмотря на то, что в ней есть несколько благоразумных мыслей, несколько благонамеренных предположений, которые не имели никакой нужды быть облечены в бранчивые и напыщенные выражения и незаконно тиснуты в станках тайной типографии, с примесью пошлого и преступного пустословия. Они принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностию и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви».

Такими проникновенными и гениальными в своей краткости словами заканчивает Пушкин свой очерк. Сказать, что Радищев — западник, а Пушкин более тяготеет к отстаиванию самобытности пути России в сонме европейских народов и государств, значит мало чего сказать. Символично, что «путешествия» их антипараллельны; Радищев едет в истинную, историческую русскую столицу из столицы-призрака, олицетворяющей западническое начало в новейшей жизни государства. Это не подходит под само определение путешествия; путешествуют — это когда из дома на время уезжают в чужие края... А вот Пушкин истинно путешествует: из «домашней» столицы во временную.

И так во всем у них разнится. Радищева с полным правом можно уподобить иному диссидентствующему советских времен, который (как Радищев в Германии со чтением случайного Гельвеция) побывал в «европах», упал в обморок при виде 3000 сортов колбасы — теперь мы знаем, что она синтетическая,— а вернувшись в «эту страну», начал хулить ее с надеждой получить выездную визу... Радищев, представленный своим «Путешествием», есть духовный предтеча и прообраз масонов-западников-декабристов.

Конечно, молодой Пушкин — на то и молодость, чтобы следовать порыву сердца, но не ума! — мог произнести приписываемые ему слова ответа на вопрос Николая I о его возможном участии в мятеже. Но мудрый царь уже тогда видел в поэте государственника и не ошибся в нем, как и вообще редко ошибался в людях и делах (лишь подлость Европы не оценил).

И напрасно наше каноническое литературоведение винит Николая Павловича в гибели поэта, годовщину которого мы отмечаем

каждый год. Пушкина, поэта-государственника, для которого не было истины без любви, погубили те, для которых Россия была очередной страной пребывания (где лучше, там и родина!). Не существенно, что погиб поэт от руки этнического чужестранца — «не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал!» Не он, так другой, из своих, числом всегда многих, прилепившихся к трону... Главное — кто и за что наводил казнящую неправую руку. Казнили подло, не открытым судом, но спровоцированной дуэлью величайшего русского поэта, который своей музой служил государству, служил и царю, но не как персонифицированной личности, а именно как воплощению государственной, национальной идее.

Вот и получается, что небольшой очерк, который не изучают в школе, относимый литературоведами-пушкинистами к второстепенным упражнениям поэта в публицистическом жанре, не так-то и прост. Это серьезная полемика, как ни в каких других, намного более известных произведениях Пушкина, открывающая в нем человека государственного мышления и души патриота.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

А. С. Пушкин

...Будем всегда помнить Радищева. Но еще более — Пушкина.

...Ваш покорный слуга и ранее писал об «антитезе» Пушкина — Радищева. Даже появлялись неодобрительные отзывы на сей счет. Но вот что самое интересное: антитеза-то здесь вовсе и не требовалась, ибо авторы откликов и нашего очерка практически с одинаковых позиций трактуют роль Радищева в русской литературной и политической истории, одинаково подчеркивают повышенное и постоянное внимание нашего великого поэта к великому же свободолюбцу. Замечания автора, что-де в очерке ругаются советские школьные методики преподавания литературы и вовсе не

выдерживают критики: в очерке как раз утверждается, что эти методики были совершенны для своего времени и своей страны, то есть СССР.

Может быть поэтому, чувствуя, что пресловутая антитеза как-то вяло гаснет, опытные в своем деле журналисты сразу же после вступления переходят, анализируя дилемму Пушкин — Радищев, к более общим категориям, вовсе и не имеющим отношения к содержанию нашего очерка, то есть рассматривают современный «бандитизм в литературе», заказную — от власть имущих — критику и литературоведение и дают прочие, очень правильные, определения нынешнему развалу в литературе, синхронном общему развалу страны, государственности, этики и пр.

На этом примирительном тоне реплику «постфактум» можно было бы и закончить, но позвольте и мне еще раз коснуться темы Пушкина и Радищева, вскрыв некоторые лейтмотивы, побудившие авторов очерка и статей все же с несколько различных позиций — не идейных, конечно, но профессиональных, так сказать — подойти к столь важному для истории русской литературы вопросу.

Скажет — чем занялись? — наш читатель, поотвыкший в бедламе нынешней жизни и вообще-то читать что-либо, а об очередном вторнике — падении курса рубля, смене «по понедельникам» (при Ельцине) правительства и — без привязки к дням недели — бомбардировке американцами очередной же, еще не продавшейся им страны, узнающий из рупора дьявола — телеящика.

— Писали бы лучше о трагедии Югославии, что называется, на злобу дня!

С одной стороны верно, но вот как быть с Юбилеем Александра Сергеевича? Нас-то пока не бомбят, поэтому изустно и печатно надо вспомнить о юбилеях, а то неудобно как-то. Будут, будут и снова кого-то бомбить, не задержится. И вины Пушкина, автора «Песен южных славян», здесь не будет, а вот Радищев...

Вот здесь и выступают на первый план эти самые профессиональные позиции авторов: журналиста и писателя. Ведь не зря же, при некоторой внешней схожести занятий, им и названия дали разные, общаются с собратьями по профессии в разных творческих союзах, даже квалификацию они получают (хотя дело это очень

условное) в разных вузах: на журфаках университетов и в Литинституте, соответственно. Но это все внешняя сторона, антураж. Различны же их творческие подходы. Журналист экспрессивен, профчутьем находит интересную для масс-медиа тему и емко, выразительными средствами (аргументом и фактом, так сказать) отображает и развивает ее для органа оперативной информации. А от торопливости повседневной спешки анализ зачастую уступает место эмоциям. Это нравится широкой читательской среде. Писатель же все больше «бьет» на анализ, сводит тезы с антитезами, идет от частного к общему, формулирует в художественной форме выводы (не оргвыводы!). То есть различие между ними укладываются в написанные десяток строк, но они почти что *фундаментальны*.

Вот и в образовавшейся дискуссии об отношении Пушкина к Радищеву четко это вырисовывается. Не только в науке, но и в литературном творчестве любой объект или процесс можно рассматривать как в статике, так и в динамике. Первое есть срез события в какой-то временно́й момент; динамика же предполагает учет связи времен, в частности, отображение давно имевшего место на текущее время. «Журналистский» способ мышления — описание в статике; писательский же анализ заключается в учете многофакторной динамики. И этим все сказано.

Наши уважаемые оппоненты совершенно правильно для своего метода исследования пишут о роли Радищева для *своего*, то есть *конкретного* времени; роль его, как провозвестника антикрепостничества, трибуна свободы человека личной, исключительно велика. Благие намерения всегда похвальны. Это и привлекало Пушкина, самого́ свободолюбца; отсюда и его восторженное отношение к автору «Путешествия», однако... с одним, но все решающим уточнением, которое обходит в рамках своего метода наш журналист: это отношение характерно для молодого Пушкина, хотя в наше время как-то непривычно выделять период молодости в отношении человека, не прожившего и сорока лет... Зрелый же Пушкин, прошедший путь от либерального стихотворца, за злые эпиграммы и байронические, вольнолюбивые стихи ссылавшийся в Новортссию, до поэта-государственника («Клеветникам России»), оценивает роль Радищева именно с позиций наличия или отсутствия факторов

гражданственности, патриотизма. Поэтому и появляется его «Путешествие», которое, учитывая сказанное выше, все же следует рассматривать уже как антитезу радищевской книге. То есть он не то чтобы поменял свое личное отношение, нет, до конца дней своих чтил первого русского бунтаря духа — нельзя не уважать человека безудержного риска! — но, и в этом отличие гения и провидца, он понимал, что любая свобода есть осознанная необходимость. По той же причине Пушкин столь быстро отошел от масонства, осознав его угрожающую миру опасность.

И Екатериной, сурово наказавшей вольнодумца, владели не столько оскорбленные чувства «первой помещицы России», но более государственные соображения. Она четко осознавала, что Радищев опасен не как критик крепостничества, но как вольный или невольный апологет масонства. Она тоже прошла путь от либеральной переписки с Вольтером до осознания грядущей из Франции опасности и де-факто запрещения масонских лож в России. Резюме: государственные умы, в отличие от остальных, пусть даже прекрасных душой людей, видят и оценивают последствия того или иного явления.

Более того, Пушкин в русской литературе далеко не одинок в эволюции от бунтаря до охранителя государственных устоев. Стоит только назвать имена Достоевского, Некрасова, Тургенева и все станет ясно. Ведь именно приговоренный к повешению молодой петрашевец Достоевский в своих «Дневниках писателя», которые — также — не «проходили» в школе ранее, а теперь и вовсе замалчивают, впервые обосновал геополитическую имперскую стратегию России и за сто двадцать лет наперед объяснил причину и движущие мотивы наблюдаемой ныне гибели империи. Поэтому не зря в литературном мире упорно ходят слухи о том, что названные выше три писателя в зрелом — творчески и политически — возрасте имели полковничьи чины по линии внешней (не внутренней!) разведки... «И вы, мундиры голубые». Вот вам и мундиры; кстати, а где хранил Федор Михайлович свой голубой мундир полковника жандармерии?— Ведь тогда разведка шла по ее линии. И платил ли Тургенев долги мужа посредственной певички-француженки из личных или казенных денег? — Вот где настоящее золотое дно для журналистских расследований!

Так виноват ли Радищев в реальном наступлении эры Мирового правительства сил зла, сил Антихриста, виноват ли, говоря языком обывательским, в уже давней бомбардировке нашего последнего и естественного союзника — героической Сербии? Лично, как человек, чья жизнь отдалена от этих событий двумя веками, конечно, нет; это абсурд. Но как некоторая абстрактная единица, в совокупности со многими другими подрывавшая в литературной форме борьбы устои империи — безусловно да! Я уже зримо ощущаю трепетное перо уважаемого журналиста, который пишет очередную статью в развитие дискуссии под заголовком: «Радищев развязал войну на Балканах!..». Ибо империя, страна, этнос есть динамически развивающийся, самоорганизующийся механизм, который либо существует, либо не существует. А существует он положенные столетия или тысячелетия независимо от того, кто олицетворяет организующую государственность: поставленные ли ханским ярлыком князья, цари и императоры, красные вожди, генсеки или президенты. Основной же целью мирового масонства являлось, теперь уже сбылось, разрушение основных империй, тем более самодостаточных, автаркических, какой была Русская империя в зените ее могущества, то есть в период сталинского и послесталинского СССР. А бесконечные бомбежки Ирака, а теперь и европейского государства, означают одно: дело, которому, не осознавая этого в исторической перспективе, служил Радищев и другие — имя им легион — победило, наступил час торжества Антихриста. Поэтому-то вслед за империями пришла горестная очередь и последней твердыни христианства — православию. Но не надо плохо думать о Радищеве-человеке, ибо не знал и не мог знать, что творил. Не дано было ему обрести ум государственника. Таких людей жалко: жизнь не сложилась, и хлопоты-то были по неправому делу. Как Радищев не понадобился уже либеральному (опять-таки поначалу) Александру I, так и наш современник, протестант духа и разрушитель на литературном фронте, тоже человек искренний, не понадобился в наши дни людям и идее, которым он невольно служил, помогая ломать хребет советской империи. Понятно о ком речь идет... Бедные они, бедные,— беднее нас всех, нищих — но только кошельком.

Поэтому, дорогой мой оппонент-журналист, мы всегда будем помнить прекрасного душой человека, сердце которого сжималось от боли за ближнего своего, отчего в слепой благородной ярости начинал он грызть свое государство, но еще более мы помним Пушкина, рано повзрослевший ум которого осознал диалектическую категорию свободы как осознанной необходимости.— По Гегелю.

Цензуре долг свой заплачу
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам...

«Евгений Онегин», гл. 1

Журналистская муза поэта. «Цель художества есть идеал, а не нравоучение»,— незадолго до своей смерти написал Пушкин, имея в виду художественное творчество, не очерченное только строгими рамками поэзии, драматургии и художественной прозы. Такое расширительное толкование, его справедливость и правомочность поэт подтвердил всей своей творческой жизнью, начиная от чистой поэтической лирики, продолжая ее прозой, драматургией, публицистикой и журналистской деятельностью, восходя в «Маленьких трагедиях» до философских обобщений, в публицистике — до исторических умозаключений и глубокого, но художественного осознания глобальных закономерностей нравственности, этики, социальной морали.

Талантливый человек талантлив во всем, а в приложении к художнику слова это ассоциируется с полижанровостью его творчества. Пушкин здесь не то чтобы исключение, но наоборот — ярчайший пример. Конечно, определенную роль здесь играет основной, изначальный жанр, в котором работает художник; это уже особенности как самого психологического типа творца, так и проявление некоторых общих закономерностей. В отношении последнего можно с определенной утвердительностью сказать, что лучшую прозу пишут поэты, но худшие стихи, или, по крайней мере, посредственные, сочиняют прозаики...

Столь же закономерен и тот реально наблюдаемый и подтвер-

ждаемый всей историей литературы факт, что редкий поэт в самом творческом своем расцвете не обращает свое перо к иным, «более прозаическим» формам художественного самовыражения. Так и Пушкин, в нашем понятии еще человек молодого возраста, то ли шутливо, но, скорее, и серьезно замечал, что-де стареет, к прозе тянет...

Был он в этом замечании искренен и последователен. Не чета многим и многим другим, явно рисующимся, посредственным талантам, но на многое претендующим... У всех нас еще на памяти былой кумир «шестидесятников», что, явно подражая Пушкину, повсеградно и повсеэкранно скандировал: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам кромешный после тридцати!» Увы, и стихи он как-то скоро писать перестал, а к прозе (несколько посредственных киносценариев не в счет) так и не приступал; внеся посильный, но весомый вклад в разрушение вскормившей его страны и литературы, убыл на «ПМЖ» в «жаркие страны», где гарантирован ему честно заработанный кусок хлеба... то бишь гамбургер с чисбургером за 5 USD штука; а цена самому бывшему волнителю умов всего лишь в 6 с небольшим раз больше. Но — то другое, по Сеньке и шапка.

Вернемся к Пушкину, о коем стократ приятнее писать, нежели о рядовом ренегате, начавшем за здравие (Иосифа Виссарионовича), а кончившем за упокой Великой державы, созданной тем же Сталиным.

Не отстраняясь от высокой, но становящейся все более гражданственной, философской лирики, поэт создает свой цикл трагедий от «Бориса Годунова» до «Сцен из рыцарских времен». Почти одновременно появляются образцы и поныне лучшей русской прозы, среди которых драгоценным соцветием выделяются «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Как бы предчувствуя конец малых отпущенных ему лет, рука его торопится означить хотя бы начало многого задуманного: история, публицистика, жизнеописания, дневники... И именно в эти последние годы жизни поэта появляется и еще одна сторона энергичного его творчества; да, поэта посетила и журналистская муза, причем явилась она к нему не как нечто дополняющая, но как развивающая талант и *гражданские* устремления Александра Сергеевича.

«Мы все учились понемногу», а потому можем составить для себя мнение о роли журналистской работы для талантливого и разностороннего художника-гражданина. С позиций всеобщей испорченности нашего времени, однако, можно сходу насчитать с десяток прагматических «обоснований» такой роли, главные из которых суть самореклама, политическая или денежная выгода. Действительно, посмотрите на 99 % нынешних газет, еженедельников, пресловутых «толстушек», журналов? — Оптовый торговец подчинил себе лавочную сеть города, прошел в местную думу, так как же ему не основать свой орган печати — «Голос среднего класса»; конечно, патриотический и независимый... Группа, а может и единоличная пишущая сущность, берут под свой контроль журнал или газету и так далее. Глядишь и телевизионный бандит Вован откроет свою «Новую патриотическую». Но, повторимся, это наши времена и люди... тем более, бесталанные.

История же русской журналистики наглядно повествует об ином подходе наших великих писателей, поэтов, гуманитариев и ученых, встававших во главе учрежденных ими изданий. Пожалуй, это чисто русская литературная традиция, когда известный и талантливый писатель в пору своей художественной зрелости начинал издавать журнал, и, как правило, издания эти становились для своего времени событием литературной жизни и преследовали цель именно художественного, гражданского *идеала*, но не *нравоучения*, вновь возвращаясь к словам Пушкина. Здесь и «Почта духов» с произведениями Крылова, журналы Достоевского и Некрасова, «Голоса из России» и другие лондонские издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева; многое другое. Да и «Библиотека для чтения» Осипа Сенковского, как бы ее ни третировали радикалы разных времен и толков, кроме пользы ничего и не привнесла в отечественную литературную жизнь, действительно став общедоступной библиотекой России. И, конечно же, «Современник» Пушкина, ставший первым истинным литературным журналом в стране.

Роль Пушкина в становлении русской литературной периодики отмечена и символами последней: как в русском флоте существует традиция преемственности названий боевых кораблей, так и основанные Пушкиным «Литературная газета» и «Современник» имели

и ныне имеют свои продолжения; другое дело, что позиции «ЛГ» и «Нашего современника» столь резко разошлись по самым животрепещущим вопросам, как литературного процесса, так и по гражданским позициям... но это уже не вина светоча русской поэзии. Хоть это-то на него не навешаешь, а то получится как в слышанном некогда автором этих строк (на дворе год разгула демократии 90-ый) монологе своего сотрудника, человека пожившего и мыслящего здраво: «Купил вчера «Литературку», открыл, а на весь разворот заголовок: «Кто убил Пушкина?» Плюнул и читать не стал, понятно, кто убил — Сталин!»

Ну, это к слову, к нашей славной действительности и окололитературной поденщине.

Еще в 1825 году в письме к П. А. Вяземскому Пушкин писал: «Когда-то мы возьмемся за журнал! Мочи нет хочется...» Только через пять лет он вместе с А. А. Дельвигом начал издавать «Литературную газету», которая незамедлительно стала, как сейчас говорят, писательским рупором литераторов пушкинского круга. Выходила она чуть больше года и прекратилась со смертью Дельвига, основного организатора столь хлопотного дела как регулярная газета.

Последующие пять лет Пушкина не оставляла мысль, что «литература не может не согреться» (из письма П. А. Плетневу), если начать издание альманаха, журнала или газеты с выраженной литературно-нравственной и *гражданской* позицией. В беседах и переписке с П. А. Плетневым и В. Ф. Одоевским Пушкин отрабатывал структуру и направление грядущего издания, которые предугадывались в различных вариантах названия: «Арион», «Летописец», «Современный летописец политики, наук и литературы».

В самом начале 1836 года по отношению Бенкендорфа на письмо Пушкина журнал «Современник» был разрешен к изданию, но — как чисто литературный, то есть отвечал только литературно-критической установке пушкинской программы журнала.

Пушкин успел издать четыре тома журнала; остались материалы, которые он готовил для последующего тома уже в январе 1837 года. Какими же именами представлены изданные тома? — Это Гоголь с его знаменитой статьей «О движении журнальной литера-

туры» с критикой «торгово-промышленного» направления в литературе и журналистике; с критическими статьями печатались Одоевский и Вяземский; этот же раздел «Современника» во многом поддерживал подготовкой критического материала сам Пушкин.

В поэтическом разделе журнала наиболее полно представлен пушкинский круг: Жуковский, Языков, Вяземский, Тютчев, Баратынский, Денис Давыдов. Самим Пушкиным впервые опубликованы его «Пир Петра Первого», «Скупой рыцарь», «Полководец» и пр. Художественная проза вышедших томов «Современника» по преимуществу принадлежала Гоголю и Пушкину; так здесь была опубликована «Капитанская дочка». Листая страницы «Современника», находим «Записки» кавалерист-девицы Н. А. Дуровой, очерки о войне 1812-го года Дениса Давыдова, этнографические очерки М. П. Погодина и Султана Казы-Гирея.

Вот почему, архивы роя,
Я разбирал в досужий час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ,—

этими строками из опубликованной в третьем томе «Родословной моего героя» можно охарактеризовать ту атмосферу, публицистическую направленность, которую с первого тома поддерживал в журнале Пушкин, используя много и охотно документальные материалы; это же позволяло ему оттенять *гражданскую* позицию журнала, его общественно-политическую, патриотическую направленность. «Я думаю пуститься в политическую прозу» (Из письма Вяземскому). Выше мы уже писали о Пушкине-публицисте в сопоставлении его с Радищевым. Так вот, статья «Александр Радищев» также была опубликована в «Современнике».

В организации и поддержании присущей «Современнику» позиции Пушкин сочетал, казалось бы, несовместимые вещи: своего рода «литературный аристократизм» (в чем его упрекали современные ему радикалы), глубокий *патриотизм* и подлинный демократизм. Тем не менее, это так, если учесть реалии эпохи, а еще в бóльшей степени учесть, что это был Пушкин последнего периода

своей жизни и творчества. Реалии же эпохи таковы, что на подходе были сороковые годы, то есть годы раннего наступления капитализма на Россию. В литературе предвестником его явилось ложное «одемокрачивание», сопровождаемое натиском чуждых русскому самосознанию веяний прагматичного Запада. На пороге стояли и отечественные разночинцы. То есть в литературу *хлынула толпа*, привнося неуют, характерный для любого «перестроечного» времени. А куда от того деваться, но зрелый Пушкин был аристократ — в смысле аристократ духа, но еще более был он *патриотическим государственником* (это не тавтология, но наиболее верное определение сути его мироощущения и мировоззрения). Надо постараться это понять, скорее — не умом, но душой прочувствовать, и тогда ясной станет позиция его «Современника». И совсем уж ясно, что дай Бог Пушкину еще десять-двадцать лет жизни, как пить дать, литературоведы радикального толка уже полтора столетия обличали бы «Современник» как верноподданническое, черносотенное, антидемократическое и пр. и пр. издание...

В этом смысле можно провести прямую параллель между пушкинским «Современником» в его эпоху, и правнуком его — «Нашим современником» в эпоху нынешнюю, когда в литературу вновь хлынула толпа: чужеродная, голодная, всепродажная, безликая и бесталанная. В очередной раз раздался клич сбросить Пушкина с парохода истории...

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнее блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит и Фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей,
Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава,
Что геральдического льва
Демократическим копытом

Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!»

«Родословная моего героя»

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

А. С. Пушкин «Воспоминание»

Самое загадочное стихотворение Пушкина. Признаемся себе: непривычно читать у Пушкина строки, выдержанные в такой мрачной экспрессии; не то чтобы Александр Сергеевич ассоциируется с этаким «веселым» поэтом навроде любимого им Парни, но обычный слог его, при всей информационной и эмоциональной емкости, независимо от фабулы стихотворения и идейной направленности, неизменно оптимистичен.

Немалое число наиболее известных литературоведов и исследователей творчества и жизни поэта дружно выделяют это стихотворение, ставят его почти что обособленно от всего остального поэтического наследия Пушкина. Вместе с тем «Воспоминание» общепризнанно как самое великолепное творение, философское обобщение, лирическое откровение зрелого поэта. Однако его содержание, ассоциативные связи, причины, побудившие Пушкина к написанию этой исповеди души, вызывают много вопросов как у поклонников его творчества, а это все грамотные по-русски люди, так и у ученых-филологов. Автор этих строк в разговоре с одним из известнейших советских литературоведов, к сожалению, ушедшим из жизни в относительно молодом возрасте, Юрием Селезневым предложил свое понимание «Воспоминания» как мирового образца законченности формы художественной мысли и нашел позитивный отклик. Думаю, что в контексте данной «Колонки» нелишним будет поделиться с литературно-взыскательным кругом читателей своими соображениями.

При анализе законченности формы первоочередным является ответ на вопрос: каков «масштаб» отношения художественного выражения к породившей его художественной мысли, то есть соотно-

шение интуитивного, художественного и логического в творческом познании?

Прежде всего, поражает большой объем черновых вариантов стихотворения (ПСС в 16 тт.; Т. III (Кн. 1), 1948); для примера переработки приведем строки первого варианта:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, в гоненьи и в степях
Мои утраченные годы.

Еще более усложняет загадку стихотворения история публикации. Датированное пометой Пушкина 19 мая 1828 года, только первая его часть была напечатана Пушкиным как *самостоятельное* произведение в «Северных цветах» за 1829 год:

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный разворачивает свиток...

(Окончание — см. эпиграф к очерку)

В этом виде стихотворение и известно широкому кругу читателей. Вторая же часть (строки 17—36) была впервые опубликована Анненковым в 1858 году в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» и обычно не включается в массовые издания произведений Пушкина. Отсюда и вопрос о целостности стихотворения. И третий момент — конкретность образов во второй части стихотворения. В любом случае следует постоянно держать в уме, что сам Пушкин опубликовал только первую часть (!).

По вопросу «разъятия» стихотворения на две половины, по-

видимому, прав Б. В. Томашевский: «Ведь если Пушкин и отбросил этот конец по интимности, то эта интимность помешала ему ее доработать. Кроме того, еще неизвестно, насколько основательна эта догадка об «интимности» как решающем поводе. Быть может, здесь играли роль и мотивы чисто эстетические: придание стихотворению большей сжатости, выразительности и общности путем устранения перечня личных воспоминаний».

Как бы там ни было, но центральным в толковании и восприятии «Воспоминания» является вопрос об авторской идее. В стихотворении явно ощущается душевная угнетенность поэта; ее толкуют по-разному: первый биограф Пушкина Анненков трактует ее последекабрьской реакцией, разъединенностью поэта со столичным окружением; у В. В. Вересаева — это «тоска олимпийского бога», изгнанного за какую-то вину на землю грешную и пр. На наш взгляд, более всего истины в словах Толстого, многократно обращавшегося к стихотворению: «Во время моей вынужденной праздности — болезни — мысль моя все время обращалась к воспоминаниям, и эти воспоминания были ужасны. Я с величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в своем стихотворении «Воспоминание».

Это весьма примечательные слова, которые с полным основанием можно отнести с известным периодом в жизни самого Толстого; речь идет об известной «Арзамасской тоске» (1876 г.) — периоде, хотя и краткосрочном, но повлекшим за собой многие кардинальные изменения в характере и творчестве Льва Николаевича. Этот, описанный самим Толстым, психологический перелом, сопровождавшийся глубокой депрессией, проявлением сумеречных состояний, ощущением патологического страха смерти, проявлением наследственной отягченности, достаточно точно определил хронологические рамки рубежа двух основных этапов в жизни и творчестве писателя. Если до «Арзамасской тоски» Толстой, по преимуществу, писатель-беллетрист, то во втором его жизненном периоде с нарастающей динамикой прогрессирует художественно-творческое угасание, возобладает морализаторская, проповедническая, религиозная и обличительная тенденции.

Проводя допустимые аналогии, можно хотя и осторожно, но говорить о периоде написания Пушкиным «Воспоминания» как

некотором рубеже. Действительно, если внимательно посмотреть на творческую хронологию поэта, то становится очевидным: именно в 1827—29 гг. в его творчестве наблюдается переход в высшую, *граждански* зрелую сферу литературной деятельности. Никакой речи и идти не может, что ослабело его лирико-поэтическое дарование, но все бóльшую роль приобретает драматургия, проза, во всей своей видимой «простоте» достигающая вершин философских обобщений, опыты в исторических изысканиях, то есть жанры, относящиеся к высшим литературным формам.

Причем, если у Толстого, равно как и большинства великих художников слова, коренной, рубежный перелом в творческой жизни — будем объективны и искренны — неизменно приводил к определенному снижению того качества, что принято называть творческим тонусом, и явлению, известному из психологии как «сдвиг мотива на цель», то в отношении Пушкина все наоборот. И этот рубеж можно с полным правом назвать как наступление периода высшей творческой зрелости. Может, это потому, что рубеж этот поэт встретил, еще не будучи тридцатилетним? — Возможно, но возможно и иное.

Есть такая наука *эвропатология* (бывшая «лженаука»), помещаемая где-то на стыке психологии творчества, гуманитарной и медицинской психологии, отчасти — психоанализа, основателем и наиболее значимым теоретиком и практиком которой полагается Г. В. Сегалин, издававший в 1925—30 гг. в Свердловске журнал «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)». Основная идея этой науки суть утверждение о том, что гениальность есть в определенном смысле патология, то есть выход за нормальные для (среднего) человека рамки, но — в отношении качеств творческого самовыражения; как и в медицине, патология суть отклонение организма от характеристик нормального функционирования. Это диковато звучит для уха рядового читателя, но ведь в обыденной жизни мы одинаково хорошо относимся к коллегам по работе Ивану Ивановичу и Петру Петровичу, хотя второй имеет явный «недостаток»: он непереученный левша и свободно пишет служебные записки и отношения как правой, так и левой рукой... Скорее, наоборот.

Понятно, что придуманная свердловским врачом эвропатология не имеет строгой методологической базы (а разве ее имеет хоть одна из отраслей психологической науки?), но закрыли журнал Г. В. Сегалина, скорее, потому, что он пошел дальше и на примере творческих и жизненных биографий многих гениев и талантов доказал, что практически всегда эвропатология личности дополняется и определенной патологией личности, психики чаще всего. Увы, это закон природы по принципу: где прибудет, а рядом убудет. В науке это называется расплатой за гедонизм. Сегалин здесь далеко не одинок: авторитеты Ломброзо, Ясперса, Фрейда, многих отечественных психиатров (Ганнушкин, Гиляровский) многое значат.

Так вот, по этим самым авторитетным мнениям Пушкин в числе тех немногих гениальных творцов, для которых, исключая объясняемую у Александра Сергеевича африканским темпераментом вспыльчивость, эвропатология не сопровождалась патологией личности! Поэтому-то и укоренилось за Пушкиным определение: «*чистый гений*».

Однако никому не дано обойти законы природы, в данном случае законы развития психической конституции творчески одаренной личности. Для каждого художника неизбежен переломный этап, как неизбежна ломка голоса в переходный от отрочества к юности возраст. Не будем даже «на пальцах» касаться биомедицинских механизмов этого перелома или перехода: специалисты знают, а другим ни к чему голову забивать. Одно несомненно: даже у абсолютно душевно здоровых творческих личностей этот переломный переход сопровождается своей «Арзамасской тоской». Симптомы ее мы находим одинаково в дневниках Толстого и в тексте «Воспоминания» Пушкина: душевная неустроенность, неуверенность в будущем, а более всего в настоящем, доходящее в апофеозе почти что до отрицания наличия смысла в предыдущей жизни, постоянные гипертрофированные укоры совести за прошлые грехи, словом, то, что по-русски называется маета. Это своего рода самоочищающая душу переоценка ценностей, за которой следует полная творческая зрелость художника и новый расцвет его таланта.

Художник же слова не был бы писателем или поэтом, если бы просто запил, загулял, как более простодушные люди во время

маеты и хандры, нет, он обязательно изложит свои метанья на бумаге. Толстой это делал в дневниковых записях, а впоследствии отображал свое состояние в период кризиса на героев своих произведений; у Пушкина же это вылилось, а точнее выкристаллизовалось, в самом его загадочном стихотворении.

Осталось еще уяснить причину двухчастности стихотворения, на чем ломают копья полтора с лишком века маститые литературоведы. Очевидно, автор «Воспоминания» — осознанно ли, в подсознательном ли акте творения? — оказался гораздо «холоднее рассудком», нежели все его позднейшие комментаторы, разделив задуманное стихотворение на два самостоятельных, хотя очень близко стоящих друг к другу, стихотворения: «Воспоминание», состоящее из первых шестнадцати строк — лирико-философское размышление, и второе, относительно самостоятельное произведение (17—36 строки текста) — лирическая жалоба — воспоминание о тяготах жизни полуопального поэта, о былых в его жизни «ангелах-заступниках».

Заметим, что в литературоведении принято сопоставлять «Воспоминание» с «Думой» Лермонтова, написанной десятью годами позднее. Так вот, сопоставлять-то можно как раз — и только — первую часть.

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Много вашими устами
Пил я меду и вина;
Вдохновенными стихами
Пел я ваши имена!
И в удалом хоре звуков
Целы, радостны они
Будут жить у дальних внуков,
Прославляя наши дни...

Н. Языков

Пушкинский памятник Дельвигу. Продолжая тему Пушкина-публициста и журналиста, предварим настоящий раздел необходимым пояснением: почему именно такая тема нами выбрана? Выбрана, понятно, не случайно, благо многогранное творчество поэта дает множество степеней выбора.

Выбор темы во многом диктуется характером и значением самого конкретного издания печати. Газета, в классическом ее понятии, есть орган оперативной информации, дополняемой малыми жанрами публицистики, прозы и поэзии. Такими были ведущие русские газеты прошлого века, в том числе и основанная с участием А. С. Пушкина «Литературная газета»; эту же традицию продолжила советская пресса. Всех их характеризовало оптимальное сочетание хроники, аналитических обобщений, обзоров различных сторон текущей жизни страны и зарубежья, разножанровой публицитики, произведений «малой» литературы. Сюда же следует добавить высокий уровень грамотности публикуемого материала; далее — цензура, а вообще-то говоря — строгая и оправданная самоцензура в отношении политической, нравственной, этической сторон содержания газеты. Кстати, учитывая сегодняшнюю повальную, вопиющую безграмотность изданий периодики, напомним, как ответственно и квалифицированно к оформлению печати относились еще в недавние времена... В бытность своей учебы в Литературном институте слышал рассказ на эту тему преподавателя по курсу практической грамматики; тот уже тридцать с лишком лет совмещал преподавание со штатной работой в «Правде», где в его обязанности единственно входило раз в месяц выполнять подробнейший грамматический и стилистический анализ произвольно выбранного номера газеты. Отчет этот шел в соответствующий отдел ЦК КПСС, откуда и спускались, по мере необходимости, соответствующие директивные указания в редакцию центрального органа... Именно поэтому рассмотрим публицистическую, журналистскую сторону творчества А. С. Пушкина (в дополнении к сказанному).

Однако вернемся после пространного, но необходимого вступления к теме о Пушкине-журналисте и Пушкине-друге. Обилие мемуаров и литературных жизнеописаний, посвященных Пушкину и изданных более чем за полутораста лет со дня гибели поэта, дает

вполне исчерпывающий ответ на вопрос о друзьях Пушкина. Имея представление о натуре и характере поэта, его окружении и других ситуационных и событийных сторонах его жизни, не приходится удивляться, ставить под сомнение сформировавшееся мнение, что число друзей было очень и очень ограничено; ограничено — несопоставимо с общественной и литературной значимостью Александра Сергеевича. Исключая дружественных к поэту женщин, но это совсем иной круг общения, число это очень мало, в основном — сохранившиеся друзья от лицейских лет и кружковцы «Арзамаса»: Дельвиг, Вяземский, Кюхельбекер, Жуковский, Баратынский, Пущин.

Несомненно, что первым и наиболее искренним другом поэта был Дельвиг; со школьных лет помним мы пушкинские строки, посвященные ему. Через призму времени сложно однозначно, вербально так сказать, определить истоки и движущую силу этой дружбы. Не претендуя на истину в последней инстанции, все же полагаем далеко не последней причиной эту-то присущую Пушкину и Дельвигу черту характера, определяющую в человеке все — от образа мыслей до черт поведенческих — которую емко и кратко называют *патриотизмом и гражданственностью*.

Казалось бы, не потомку эфиопских князей Пушкину и остзейскому барону Дельвигу выпячивать эти черты, но они их вовсе не выпячивали, а были изначально, имманентно пронизаны ими. Для России это не парадокс, но чисто русская норма; как спустя столетие величайшим выразителем русского духа, его воли, характера и величия стал грузин Джугашвили-Сталин со сподвижниками, тоже далеко не всегда этническими русскими... Кстати об остзейских немцах. Две мировые войны, в которых силы Мирового зла столкнули — против их воли и разума — в смертельной схватке русскую и германскую нации, наложили в нашей литературе, пропаганде, образе мышления печать негативизма на роль этнических немцев в новейшей, то есть послепетровской истории России. Так и остались в ней только бироновщина, немецкое засилье в только что созданной Академии, где их лупил по мордасам Михайла Ломоносов, да лесковские персонажи глуповатых карлов с «железным характером».

На этом, правда, вполне объяснимом исторически негативном фоне напрочь забыта, отринута та положительная и весьма немалая по своему вкладу роль остзейских немцев в становление Российской империи, в состав которой они вошли с присоединением Петром к России ее исторических прибалтийских земель: Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. Приняв русское подданство — не народу русскому, но государю-императору, остзейцы вписали немало ярких страниц в историю империи: открыватель Антарктиды Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, филолог Фасмер, математик Эйлер... перечислять можно долго и обоснованно. Да и одиозная фигура Бенкендорфа, если отбросить эмоции, в своей государственной пользе позитивна. Уже и не говорим о русских императорах: полунемцах, а то и вовсе немцах. Да и российский флот в XIX и начале XX вв. своей выправкой, дисциплиной и боевым искусством обязан остзейским немцам, поколениями дававшими ему офицерский состав. Вот из таких — не гастролеров «на ловлю счастья и чинов», но верных государственных подданных — немцев и происходил барон Дельвиг, что так много значил в жизни Пушкина, к кому так часто обращался поэт в своих стихах.

14 января 1831 года умер Дельвиг, которого с Пушкиным связывала не только личная дружба, но и его журналистская деятельность, к которой поэт все активнее стремился с конца двадцатых годов. «Литературная газета» и «Северные цветы», которые мы привыкли ассоциировать с именем Пушкина, были основаны и издавались Дельвигом. «Литературная газета» просуществовала недолго, но и она, и альманах «Северные цветы» пережили своего создателя. Об активном участии Пушкина в альманахе, выходившем с 1825 по 1832 год, свидетельствуют опубликованные в нем произведения: отрывки из «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», «Моцарт и Сальери», «Граф Нулин», «Бесы», «Анчар», «Воспоминание», «19 октября». Перечисление пушкинских шедевров можно продолжать и продолжать.

Выпуск альманаха за 1832 год был последним и недаром его называют пушкинским памятником Дельвигу. Сама мысль издания посмертного выпуска была инициирована Плетневым в пользу отнюдь не богатой семьи Дельвига и была словом, а главное делом

поддержана Пушкиным: «Бедный Дельвиг! помянем его «Северными цветами»... Однако денежные дела никак не превалируют над основной мыслью: увековечить изданием альманаха память друга и поэта.

Исходя из такого намерения, Пушкин и отбирал произведения постоянных авторов альманаха — соратников и спутников Дельвига. Поэтому наиболее значимым стал отдел поэзии; кроме пяти стихотворений самого Дельвига («К Морфею», «Сонет» и др.), в нем были помещены поэтические произведения, посвященные Дельвигу Баратынским, Языковым, Деларю. Подвел Пушкина Плетнев, поначалу обещавший для выпуска «Северных цветов» заказную, как бы сейчас сказали, статью о жизни и творчестве умершего поэта и издателя. Последнее очень огорчило Пушкина, проявлявшего отнюдь не вольнолюбиво-поэтическую твердость в делах, касающихся дружбы, памяти и обязательств.

Кроме указанных произведений, в поэтический раздел вошли стихи самого Пушкина: «Анфологические эпиграммы», «Эхо», «Дорожные жалобы», «Делибаш», «Анчар», «Бесы». Центральным же в разделе поэзии был «Моцарт и Сальери». Остальные из 82-х стихотворных произведений альманаха были представлены именами В. А. Жуковского, Н. М. Языкова, П. А. Вяземского, Е. А. Баратынского, Ф. Н. Глинки, М. Д. Деларю и менее известными ныне поэтами пушкинского круга: Е. Ф. Розен, Д. Ю. Струйский, Л. А. Якубович, сестры Тепловы и др.

Отдел прозы был выдержан в традициях «Северных цветов», то есть наряду с художественной прозой («Предслава и Добрыня» К. Н. Батюшкова, «Страшный суд» И. И. Лажечникова и др.) здесь был представен этнографический очерк Н. Я. Бичурина «Байкал», «О жизни растений» М. А. Максимовича, «Нечто о науке» М. П. Погодина. Но все же жемчужиной памятного выпуска, как ни крути, оказался поэтический раздел, оно и понятно — составлял-то альманах Поэт! И здесь же вослед литературоведам, многократно обращавшимся к «Северным цветам» за 1832-ой год, отметим бросающееся в глаза при прочтении (это доступно всем, учитывая, что в 1980 году издательство «Наука» в серии «Литературные памятники» переиздало этот выпуск альма-

наха): даже на фоне имен — цвета тогдашней русской поэзии бросается в глаза определенная неадекватность творений Пушкина и поэтов его времени и круга. Как пишет литературовед-пушкинист Л. Г. Фризман: «Трудно сказать, в какой мере современники отдавали себе отчет в несоизмеримости пушкинских произведений с самыми несомненными творческими достижениями его поэтических спутников, но мы видим ее ясно... Может быть, «Северным цветам» за 1832 год не довелось стать памятником Дельвигу в той мере, в какой к этому стремился Пушкин. Но они стали несомненным памятником поэзии пушкинской эпохи. Конечно, они не заменят нам сборников стихов отдельных поэтов. Но и эти сборники не подарят читателю тех чувств, которые он испытывает, перелистывая знаменитый альманах. Он сберег для человечества нетленную частицу художественного мира, к которому оно будет тянуться, может быть, не одно столетие».

Внемли же ныне, тень поэта,
Певцу, чью лиру он любил,
Кому щедроты бога света
Он в добрый час предвозвестил.
Я счастлив ими! Вдохновенья
Уж стали жизнию моей!
Прими сей глас благодаренья!
О! пусть мои стихотворенья
Из милой памяти людей
Уйдут в несносный мрак забвенья
Все, все!.. Но лучшее, одно
Да не погибнет: вот оно!

Н. Языков «А. А. Дельвигу»

Разные бывают памятники: кому его «родная» страна, разоренная при его деятельном участии, но людям светлой души и помысла, как правило, это нерукотворный памятник.

Пророки в отечестве своем. И. Бунин в своей книги «Освобождение Толстого» цитирует Льва Николаевича: «Люди, ненавидящие существующий строй и правительство, представляют себе

какой-то другой порядок вещей и даже никакого себе не представляют и всеми безбожными, бесчеловечными средствами — пожарами, грабежами, убийствами — разрушают этот строй... Но дело не в перемене правительств.

Разве жизнь станет лучше, если вместо Николая II будет царствовать Петрункевич?»

Кстати, знаменательное совпадение с пророческими словами Толстого с астрономической точностью: не так уж давно в Санкт-Петербурге Ленинградской области прошли ритуальные похороны останков, предполагаемых людьми заинтересованными как кости Николая II и его семьи. А хоронили их исключительно петрункевичи, «жадною толпой стоящие у трона» тогдашнего... Все в наши дни символическое, сакральное, на грани овеществленной мистики: и похороны, и ураган, сломавший зубцы кремлевской стены, и обещание генерала Рохлина вывести на столичную площадь новых декабристов...

Итак, пророчество в Отечестве своем. Народная мудрость гласит, что таких пророчеств и их носителей-пророков нет. Позволим себе усомниться, ибо очень часто неверно трактуют смысл пророчества, а он прост изначально: тот, кто приоткрывает картину будущего, опираясь на всесторонний анализ настоящего и прошлого. Логическим, даже сверхорганизованным умом этого сделать нельзя; это доступно только человеку с преобладающей подсознательной компонентой мышления; обычно это есть художественные натуры, потому и большинство пророков из их числа, начиная от собственно пророков ветхозаветных, от Будды и Магомета и все далее и далее по направлению исторической цивилизации. В отношении судеб России за последние 100—120 лет таких пророков нам явилось два: Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой.

Главное, что пророк *никогда* не разрушает свое государство. Принято считать, что Толстой это делал своим поздним философско-публицистическим творчеством. Это совершенно не так; видя сложность и опасность исторической ситуации, в которую попала Россия на рубеже веков, да еще при самом из бездарных царей за всю тысячелетнюю историю государства, Толстой, заранее обреченный на неуспех, со своей яснополянской трибуны пытался предупре-

дить людей о страшном грядущем, наставить их на путь истинный, при этом любя их, связывая свою судьбу с их жизнью. Так мать воспитывает ребенка в опасном его переломном возрасте: то хвалит, то ворчит, приласкает и тут же даст предупредительную оплеуху...

На совершенном контрасте предстает в новейшей истории СССР-России Вермонтский отшельник, которого иные еще недавно пытались представить русским пророком XX века. Увы, вся его энергия ушла на разрушение государства, движимая гипертрофированной личной обидой. На созидательную деятельность ее уже не хватило, потому и участь его печальна: не понадобился он ни прежним, ни новым, словом, полное забвение. (Опять же понятно — о ком идет речь.)

Второе непременное качество пророка — патриотизм — прямо-таки вытекает из сказанного выше. Хотя поздний Толстой и любил цитировать слова космополита XIX века доктора Джонсона, что-де патриотизм есть последний довод негодяя, но это адресовалось к людям в маске патриота, типа нынешних «пэров и мэров», не говоря уже о губернской мелочи, ищущих политическую конъюнктуру.

Причем патриотизм этот обязательно включает и личное служение государству. Толстой стоял под англо-французскими пушками в Севастополе, служил чиновником в Туле, в позднем возрасте работал в земстве, а этнограф (и полковник опять же внешней разведки) Миклухо-Маклай по заданию Генштаба создавал разведывательную сеть в Океании — планировавшийся объект российской экспансии...

Вот в этом-то они и отличаются от лжепророков-разрушителей: не таят обиду на свой народ и свое государство. Ведь и Достоевский на каторге был, стоял на эшафоте, и Толстого государственная церковь объявила *временно отпавшим* от нее (отнюдь не отлученным, тем более — преданным анафеме, как принято почему-то считать!). Редко дети на мать обижаются до степени непризнания и мщения.

Итак, вернемся к пророчеству Толстого, сбывающемуся в наши архиокаянные дни. «Но дело не в перемене правительств». Это надо понимать именно так, как думал Толстой, оценивая реальную

ситуацию в России столетней давности. А ситуация опять-таки во многом схожа с нынешней; прямо-таки установившийся 100-летний цикл, подобный циклам солнечным, планетарным.

В то время Россия путем неимоверных усилий, лишений и жертв сумела переломить ситуацию, подавить в своем теле бациллы индивидуализма, космополитической пустоты, заразы торгашества. Быть может, во многом и потому, что еще не успели истлеть идеи и мысли только недавно почивших великих русских Учителей и Пророков.

К новому наступлению сил мирового зла мы их обрести не успели, слишком страшным выдался отпущенный век. И это отсутствие пророков нынешних скажется.

Закончим это краткое эссе пространной цитатой из статьи Толстого «К рабочему народу» (1902 г.) и подумаем над этими словами:

«Мы говорим: рабочий народ порабощен правительством. Богатыми. Но кто же эти люди, составляющие правительство и богатые классы? Что это — богатыри, из которых каждый может победить десятки и сотни рабочего народа? Или их очень много, а рабочего народа очень мало? Или только эти люди, правители и богатые, одни умеют работать все нужное и производить все, чем живут люди? Ни то, ни другое, ни третье: люди эти не богатыри, а, напротив, расслабленные. Бессильные люди... И все, чем живут люди, производится не ими, а рабочими, они же и не умеют и не хотят ничего делать, а только пожирают то, что делают рабочие. Так отчего же эта маленькая кучка слабых, праздных, ничего не умеющих и не хотящих делать людей властвует над миллионами рабочих? Ответ есть только один: происходит это оттого, что рабочие руководятся в своей жизни теми же самыми правилами и законами, которыми руководятся и их угнетатели. Если рабочие работают и не пользуются в такой степени трудами бедных и слабых, как неработающие правители и богатые, то это происходит не оттого, что они считают это нехорошим, но оттого, что не могут и не умеют этого делать, как делают это правители и богатые, более ловкие и хитрые, чем остальные. **Правители и богатые властвуют над рабочими только потому, что рабочие желают точно так же**

и теми же способами властвовать над своим же братом рабочим (Выд. нами — А. Я.)».

Толстой и Сталин: теория и практика восстановления общинной идеи на Руси. В предисловии к первому тому Юбилейного полного собрания сочинений Льва Толстого в 90 томах (1928—1964 гг.) редакционная коллегия издания (В. Г. Чертков и др.) уведомляла читателей, что предпринятое собрание является полным, исключая неразобранные слова, слова «неудобные для печати», а также высказывания о лицах, которые ныне живы и которых это может уязвить. То есть речь идет о рукописях пресловутого «зеленого сундука». Вряд ли там есть хоть слово о И. В. Сталине, еще не попавшем в первом десятилетии века в большую политическую орбиту. Скорее, речь идет о фигурах масштаба (на тот момент времени) бóльшего.

Определенная сдержанность в отношении Толстого присутствует и в опубликованных работах и высказываниях Сталина, даже учитывая предельную лаконичность в оценках и характеристиках Вождя. Здесь важнее *дело*, а не слова, проявившееся во всяческой поддержке издания 90-томника; напомним, что большинство томов было издано в период 1937—53 гг., обычно относимых историографами к «вершине власти» Сталина. Для сравнения: издававшееся в 70—80-е гг. 30-томное собрание сочинений Ф. М. Достоевского бесконечно тормозилось в части издания «Дневников писателя», как следует понимать, из-за мощного давления отечественной и мировой сионисткой закулисы. А нынешние бойкие перья без конца плачутся, что-де эти годы были периодом «государственного антисемитизма»?!

Сказанное выше следует понимать в том смысле, что отношения Толстого и Сталина суть ситуация разделенных во времени, в роде основной деятельности, в классовой, то есть общественно-социальной, принадлежности отношений *Старшего и Младшего*; в литературно-философской аранжировке это соответствует диспозиции «автор — читатель».

...И второй, уточняющей тему настоящего очерка, вводный момент из недавнего прошлого. В преддверии 170-летнего юбилея

Льва Толстого в стране и в мире был проведен ряд научных мероприятий — конференций, симпозиумов и пр.,— литературной и философско-этической направленности, где одним из основных обсуждаемых был вопрос: «Почему Россия не пошла путем, указанным Толстым?» Что тут сказать. Многое, но все говоримое речелюбивыми гуманитариями, а это стопроцентный состав участников всех этих мероприятий, укладывается в два исходных тезиса: а) заработать долларовую подачку вершителя дум современной науки России венгерского уроженца Сороса; б) удержаться, дотянуть до пенсии на своей доцентско-профессорской должности столь переимчивых ныне гуманитарных кафедр ВУЗов, число которых по программе Бжезинского-МВФ должно быть в России сокращено с 500 до 50 (?!).

Бедные они, бедные, даже беднее чем вся наша уничтожаемая и унижаемая страна. Сразу вспоминаю своих коллег, преподавателей кафедр общественных наук; как они, морщась, по воскресеньям напиваясь, чтобы притушить ощущение собственного, но вынужденного (семью-то кормить надо!) ренегатства, готовят и читают студентам лекции, по содержанию антиподные тем, что читали с исторических аспирантских времен своей молодости: где было белое — ставить черное, коллективизм советского общества — поменять на благонесущий волчий индивидуализм «нового русского» и пр.

Также непросто и вроде бы ныне находящимся в фаворе экономистам-профессорам. Лихорадочно перелистывая на старости лет толстенные переводные тома пресловутой «Экономикс», изданные под эгидой того же Сороса и «Горбачев-фонда», они выискивают критерии экономического благосостояния современного общества: то им рекомендуют критерий «количество энергоносителей», то критерий «денежной массы». А они, забывшие, что есть и будет наука политэкономия, не понимают, что критерием современной мировой экономики есть число авианосцев у преуспевающей державы, и чем их больше, тем больше тонн ничем не обеспеченных долларов можно напечатать и расплачиваться этими, равными по цене туалетным, бумажками с 90 % населения Земли...

Но эта тема может увести нас далеко, поэтому вернемся, уточнив предмет нашего размышления, к существу декларированного в заголовке.

В том-то все и дело, что Россия в государственной форме Союза Советских Социалистических Республик пошла путем Толстого; естественно не директивно указанным яснополянским мудрецом, но созвучным духу его учения. И то, что Россия пошла этим, изначально адекватным русской национальной идее, путем, позволило, с одной стороны, еще на 70 лет продлить существование Русской империи меча и духа, причем не просто продлить, но впервые в ее тысячелетней истории вывести в сверхдержаву и сделать провозвестником будущего социального и экономического устройства мира, то есть на новом витке диалектической спирали повторить итоги Великой Французской революции. С другой и, увы, печальной стороны, столь резким прорывом в будущее и реализацией национальной идеи Россия подписала себе смертный приговор, де-факто исполненный в результате проигрыша силам Мирового зла Третьей мировой («холодной») войны.

А теперь сформулируем базовый тезис. В упрощенном, завуалированном, во многом вульгарном философско-литературоведческом подходе, что называется «для домохозяек», учение Толстого-проповедника в последние 30 лет его жизни сводится к самосовершенствованию личности, как онтологической первооснове этического прогресса человечества. Это есть движущий принцип ведической философии и практика буддизма. Я приношу извинение читателям, что приходится для массового прочтения подыскивать «житейские» синонимы строгим научным определениям. Во многом этому способствовал и сам Толстой, включая, причем обильно, ведические и буддийские жизнеописания, афоризмы и максимы в свои философско-просветительские работы: «Путь жизни», «На каждый день», «Круг чтения» и др.

Именно потому, что Толстой терминологически акцентировал слово «личность» в своем морально-этическом учении, дало, а ныне и тем более дает, повод к полному извращению философии Толстого и причислению его к апологетам западно-восточного индивидуализма. В этом и вторая, после «яснополянского ухода», трагедия Толстого и его учения.

Воистину, человек видит в любых явлениях жизни, в поступках и деяниях то, что он видеть хочет. Какой же, эквивалентный

ныне господствующему в мире индивидуализму, в основе своей западноевропейской протестантской, кальвинистской модели, самодовлеющий момент можно найти в творчестве Толстого: от грандиозной эпопеи «Война и мир» до малоизвестного рассказа «Суратская кофейня», в публицистике поздних лет, наконец, во всей личной и общественной жизни и деятельности Льва Николаевича?

В том-то и дело, что в основе этики самосовершенствования лежит общинная идея, а это является выкристаллизованной движущейся силой исторического этногенеза русской нации. Действительно, в мире западно-восточного индивидуализма самосовершенствование личности есть вредный анахронизм, как полностью отвергающий вседовлеющую власть денег, накопительства, что является сутью Европы, «американской мечты», конфуцианской морали, прагматизма Востока — не мусульманского, а скороспело «цивилизующегося» азиатско-тихоокеанского Востока. Ибо самосовершенствование есть высшая ступень осознанного подчинения личности коллективной идее национальной, духовной государственности. Сравни: свобода есть осознанная необходимость. Этой-то идее, более того — философско-этической парадигме, подчинено все творчество Льва Толстого, его воззрения и собственный жизненный образец.

Второй существенный момент: русская общинная идея есть глубоко интернациональная, что почти что продекларировано Толстым в «Суратской кофейне», а в историческом этногенезе Руси это наглядно выявилось в создании уникальных и единственных в новейшей истории многонациональных государственных образований: Российской империи и Советского Союза.

В то же время существование и развитие сверхдержавы, движущей силой которого являлась *интернациональная* общинная идея, было одним из немногих (второе основное — исламское сообщество), но наиболее могущественных факторов на пути мирового господства идеи *наднациональной*, которую характеризуют поразному: Мировое правительство, мондиализм, атлантизм и пр. А еще точнее и конкретнее эту противоборствующую идею лучше называть сатанизмом. На сегодняшний день, когда разрушен главный форпост евразийской общинности, сатанизму противостоят только исламский и китайский факторы противодействия.

Попыток уничтожения общинной по духу Руси история насчитывает несколько: Хазарский каганат, тевтонский натиск XIII века, католическая экспансия начала XVII века, восстание масонов-декабристов, череда революций 1905—17 гг. И только нынешний достиг своей цели. Если Толстой был наиболее выдающимся теоретиком общинной идеи предреволюционной поры, то гениальным ее практиком стал в XX веке Иосиф Виссарионович Сталин.

Сквозь оголтелую, оболванивающую ложь масс-медиа и мегатонны псевдонаучной макулатуры, выплескиваемой уже свыше сорока лет — с перерывом на время руководства страной «поздним Брежневым», трудно обычному человеку безоговорочно принять такую роль Сталина, особенно в сопоставлении с учением Толстого, но это именно так.

Возрожденная и многажды усиленная Иосифом Виссарионовичем русская империя духа — СССР имела своим основанием глубочайше понятый и воплощенный коллективизм (синоним общинности); последний прочно стоял на двух «китах»: самосовершенствовании личности и подлинный интернационализм.

Вопрос о приоритете всестороннего развития личности в становлении общинной идеи в практике построения социализма в СССР зачастую сводят к декларированному в Моральном кодексе строителя коммунизма, то есть осовремененным по терминологии основным заповедям христианства, хотя и это уже немало. Однако сталинская система воспитания, выработки мировоззрения, поддержания мироощущения, наконец, есть структурно система намного более сложная и динамичная, поскольку она вырабатывалась в самом процессе становления Советской империи духа и неослабевающего противодействия сатанизма.

Отринув извечный масонский девиз «Свобода, равенство, братство», сформулированный в XVII веке братством розенкрейцеров, великий практик самосовершенствования и общинности сформулировал и претворил в жизнь людей 1/6 части планеты следующие, обоснованные еще Толстым, идеи.

Свобода, как осознанная необходимость, предполагает неограниченное саморазвитие личности, включая духовное и этическое, образовательное, конечной целью которого является наиболее полное служение *государственной* идее общинности.

ПЕСНЯ СОЛЬВЕЙГ И БРИГАНТИНСКОЕ СКАЗАНИЕ: КНУТ ГАМСУН И ФЕНОМЕН НОРВЕЖСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РУБЕЖА XIX И XX ВЕКОВ

...Хотя некоторые маститые литературные критики и упрекают автора этих строк, что-де «Колонка...» литературного журнала должна быть не столь пространной, отстраненной от личностных взглядов главного редактора... и так далее, но мы ответим прямо, по военно-морскому: кораблем управляет капитан; на то он и назначен командиром, чтобы выбирать наиболее правильный курс. Мы уже убедились за девять лет издания «Приокских зорь», что наш курс абсолютно верный. У нас не спутаешь норд-ост с норд-вестом, ибо журнал — сугубо русский классический, следующий заветам Пушкина с его «Современником» и «Отечественными записками» Некрасова. На том и стоим.

Это все к слову. Но читатели «Приокских зорь» все же несколько удивятся заглавию настоящей «Колонки...». Оно и верно; мы впервые обращаемся к зарубежной литературе, тем более — норвежской рубежа XIX и XX веков. Во-первых, далеко нелишним будет сказать (напомнить для литературно просвещенных читателей) о феномене этой литературы. Ведь вся читающая Россия в то далекое время, что, говоря словами Поэта, «от Перми до Тавриды, от финских хладных скал до пламенной Колхиды», с нетерпением ждала очередной номер подписной «Нивы» с приложением «тетрадей»* нескольких полных собраний сочинений классикой русской и зарубежной литературы, в том числе Гамсуна.

Во-вторых, наш журнал является не только всероссийским, но де-факто и международным. Поэтому должны уделять внимание и писателям русского Зарубежья, творящим не «стыке» русской и иностранной литератур. Итак, феномен скандинавской, особенно

---

* В то время массовая литература издавалась в «тетрадях», то есть сброшюрованных нескольких печатных листов (п.л. — типографский термин) во временной бумажной обложке, неразрезанных (отсюда и такое архаичное сейчас понятие, как нож для резки бумаги). Все это потом переплеталось по вкусу (и деньгам) читателей.

норвежской литературы, во временно́м ареале охватывающий примерно последнюю четверть XIX века и столько же начала XX века. И не только литературы, но и музыки, и всей общей культуры. В определенном смысле и, конечно, масштабировании феномен скандинавской литературы иногда сравнивают с великим подъемом русской литературы, музыки и общей же культуры, начавшейся в первой трети XIX века, перешедшей в веке двадцатом в советскую культуру. Не менее, но, скорее, и более великую.

Подчеркиваем слово «*масштабирование*», ибо даже по численности населения на рубеже веков Российская Империя превосходила ту же Норвегию в 70 раз (!). Не говоря уже об историческом и культурном «долголетии» нашей страны...

Итак, песня Сольвейг из «Пер Гюнта» Эдварда Грига по произведению Генрика Ибсена и драма Кнута Гамсуна с подзаголовком «Бригантинское сказание» — вот апофеоз короткого, но столь значимого и яркого периода феномена норвежской литературы, музыки и общей культуры. Почему именно акцентируются эти два имени: Григ и Гамсун? Ведь не меньшими талантами были в то время финский — по национальности швед — композитор Ян Сибелиус и многие норвежские и датско-норвежские писатели: основоположник собственно норвежской литературы Бьёрнстьерне Бьёрнсон, тот же Генрик Ибсен, Неруп, критик Георг Ибсен... А петербургские символисты горячо обсуждали «Сны и явь леди Градивы». И сейчас не только литературоведам знакомы имена: К. Колет, А. Кьелланд, Ю. Ли, А. Скрам, С. Унсет и многие другие.

Одно пояснение к сказанному в предыдущем абзаце. Это о датско-норвежском языке. Напомним, что к собственно скандинавским, исторически сложившимся государствам относятся Норвегия, Швеция (уже без Финляндии, в 1807 году «подаренной» Наполеоном России — по итогам Тильзитского мира...), Дания и Исландия. Да еще малочисленное — потомки викингов — пришлое население Гренландии. Еще заметим, что архипелаг Шпицберген до 1920-го года де-факто являлся русским со времен Новгородской республики. Языки всех скандинавских народов относятся к северной ветви германских и достаточно близки друг другу.

Древненорвежский язык происходит от исландского, но со

времен норманнов-викингов норвежский язык очень сблизился с датским, как следствие, в числе прочего, тесного соседства (взгляните на географическую карту!). Более того, до начала последней трети XIX века датский язык являлся общепризнанным *литературным* языком Норвегии.* И на титульных листах выходивших в России до конца этой трети века книг норвежских писателей стояла чаще всего: «Перевод с датско-норвежского...».

...И все же Григ и Гамсун стали музыкально-литературной вершиной норвежского феномена рубежа веков. «В мелодиях Грига такая нега...» — это лейтмотив одной из поэз Игоря Северянина, но мы вернемся к главному предмету нашего рассмотрения феномена: литературе окраинной европейской страны, в то время не имевшей никакой промышленности и кормившейся исключительно селедкой и вяленой треской-ворванью. А, так сказать, количественная сторона феномена просто потрясает: на рубеже веков в Норвегии на триста жителей приходился «свой» писатель! Конечно, среди них были и буквально «свои», так сказать, уездной известности, но ведь были и названные выше, с всеевропейской известностью, был и нобелевский лауреат (1920 год) Кнут Гамсун?

В том-то все и дело, что сама природа тогдашней патриархальной Норвегии, недавно отъединившейся от Швеции и обретшей национальную самоиндефикацию, довлела над характером социума, малочисленно разбросанного по большой территории, во многом сохранявшего хотя бы и внешние, но традиции «страны королей в каждом фиорде» норманнских времени VIII—XI веков.

...О специфической природе Норвегии, особенно северной, откуда родом Гамсун и где происходит действие основных его произведений, природе, которая, если так можно сказать, при всей ее дикости и скудности властвует над человеком, мы судим не умо-

---

* «Отделившись» от датского, к концу XIX века современный литературный норвежский язык существует в двух формах: риксмол (букмол) — результат смешения датского языка и говора столицы Осло (ранее — Христиания) и лансмол (новонорвежский) — искусственный язык из синтеза различных норвежских диалектов... Это как нынешний «украинский» (государственный) язык, то есть галицийское наречие (язык Грушевского) — польского и немецкого (австрийского) языков.

зрительно, ибо автор этих строк родился и вырос совсем недалеко от селения Гамсунд, откуда родом Кнут Педерсен, впоследствии взявший имя Гамсун, «потеряв» последнюю букву названия своей малой родины. Естественно — по другую сторону советско-норвежской границы, в маячных окрестностях города воинской славы Полярного.

Но вырос на тех же голых, обросших лишь лишайником, скалах на берегу выходящего в Баренцево море фиорда Кольский залив. И вообще говоря, географически Кольский полуостров суть восточное окончание Скандинавии. И коренное население нашего кольского Севера и Норвегии одно и то же: малочисленные лопари — финское племя саамов. И так же как герои романов Гамсуна, выходили мы, пацаны, на шлюпке на стрежень Кольского залива ловить «на поддев», подгребая-увертываясь от проходящих крейсеров, эсминцев и подводных лодок, идущих на плаву, а также от стай кувыркающихся касаток. Потом эту треску, только обезглавленную и ошкуренную, вялили на щедром летнем, незаходящем солнце, как белье, развесив на веревках, пристегнутую к ним прищепками... А на селедку ставили неводы артели из прибрежных рыбхозов. Так что, исключая крейсера, эсминцы и подводные лодки, картина окружающего нас была такой же, как ее видели герои романов Гамсуна без малого сотню лет назад.— И чуть западнее от наших мест. И за Полярным кругом: «ребята семидесятой широты».

Книги его в СССР не печатались до 1970 года, когда стотысячным тиражом был издан двухтомник лучших романов норвежского классика, написанных им на рубеже веков, а том числе знаменитые «Голод» и «Пан». Поэтому Гамсуна для себя открыл по переезду с севера в Тулу в начале второй половины 60-х годов.— Благодаря местной «Буккниге», очень богатой в те годы на староизданные раритеты. В изобилии имелись и нивские «тетради» дореволюционного пятитомного полного собрания сочинений Гамсуна (Издательство А. Ф. Маркса 1910 года). На сине-сахарной бумаге обложек присутствовал один и тот же рисунок: викинг пристально смотрит вдаль, опираясь на скалу и держась за ветвь дерева.

Я не поэт, никогда им не был и не стремился стать... но в юности все мы помаленьку отдавали незрелую дань музе Каллиопе.

Так и у вашего покорного слуги выразилось описание этой обложечной иллюстрации:

До горизонта тянется фиорд
И ломаная цепь нагих березок,
Скрученная в бореях и морозах.
Тяжёло дышит стужей синий норд.

Над фьордом, над пучиною седой,
Вцепившися в березы ствол крученый,
Куда-то смотрим викинг, удрученный:
Невзятою добычей иль бедой?

Могучий стан, а волосы в косу.
Бедна одежда, но несет красу
Узор рубахи ромбом у норманна.

Лихою славой он овеян был;
Приник к скале и навсегда застыл.
Он и скала. Два гордых великана.

...Помнится, все хотел вставить строку с «бригантинским сказанием» — подзаголовком к гамсуновой драме «Мункен Вендт», но не получалось: не позволяла невесть почему выбранная сонетная форма стиха, очень строгая к «архитектурному излишеству». А в школе на уроках литературы Гамсуна называли не иначе как носителем идеи антисоциального индивидуализма. Но к этому мы еще вернемся. Заметим только, что родной (это пишем без всякой «ухмылки») советский Агитпроп, делая в целом полезную работу, слишком резковат был. Прямо-таки по-маяковски. И здесь понять можно: несомненно, Гамсуна можно смело характеризовать как сугубого художника-индивидуалиста. Опять же над Агитпропом висел дамоклов меч — опозоренная старость великого мастера слова... Им же самим опозоренная.

Но вот в период расцвета таланта Гамсуна на рубеже веков его слава в России — и особенно в России, где тогда вотум «ан-

тисоциального индивидуализма» категорически отрицался, полагалась бесспорной. Достаточно перечислить имена переводчиков на русский язык его романов, пьес и стихов, более чем известных наших литераторов: Александр Блок, Ю. К. Балтрушайтис, Осип Дымов, К. М. Жихарева, Константин Бальмонт, Сергей Городецкий. И. И. Ясинский, Л. Василевский. Пожалуй, только один Лев Николаевич не одобрял творчество Гамсуна, но — попутно заметим — он Шекспира более не одобрял... А под конец долгой жизни и все собственное творчество, исключая две-три свои притчи и небольшой рассказ «Сурайская кофейня». А его «Хаджи Мурат» — апофеоз все того же «антисоциального индивидуализма» (?!).

Чтобы закончить воспоминания о первом знакомстве с произведениями Гамсуна, остановимся на горькой ноте. Это уже традиционное современное «нечитательство». Когда сорок с небольшим лет назад вышел первый советский двухтомник Гамсуна, это было воспринято *явлением* литературной жизни, а на черном книжном рынке спекулянты, предтечи нынешнего «предпринимательства», спрашивали за него месячную зарплату инженера... правда, рядового, не главного. А пару месяцев тому назад зашел во всю ту же тульскую «Буккнигу» и приобрел пятитомник все того же «нивского» издания Полного собрания сочинений 1910-го года норвежского классика, причем добротного переплета и в золотом тиснении — и всего-то за одну кредитку с видами города Ярославля. Причем продавщица по своей инициативе еще и скидку сделал: «билет в Большой театр». Дескать, залежались у нас эти книги... Дабы не повторяться, по этому поводу отсылаем читателя к «Колонкам» журнала за 2012—2014 гг.

Как у всякого большого таланта, жизненный путь Гамсуна был более чем нелегким. Принесший ему мировую славу первый роман «Голод», во многом автобиографический, тому подтверждение. Приведем характерные купюры из критико-биографического очерка А. А. Измайлова, открывающего «нивский» пятитомник, рисующие начало творческой жизни Гамсуна.

«Родина Кнута Гамсуна — м. Лоэн, в Гудбрандстане, в северном департаменте Норвегии, дикая местность, лесистая и горная... Это бедное местечко, где крона — большие деньги, где жители

едят мясо только по праздникам. Во времена детства Гамсуна здесь, случалось, голодала вся община. Ей приходилось плохо, если промышленник не соглашался дать муки и соли в счет охоты и улова... Маленький Кнут, проживший детские годы на Лофотенских островах, был мальчиком у сапожника в Бодё, ходил одновременно в школу учиться и к сапожнику обучаться ремеслу. «Пожалуй, и теперь я был бы недурным мастером», — сказал он однажды интервьюеру.

Это было еще ничто в сравнении с тем, что пришлось ему пережить позже. Сбежав от сапожника, он много мытарствовал и, как высший пост в жизни, занимал должность писца у деревенского констебля.

Здесь-то, «будучи на государственной службе, в качестве ближайшего помощника сельской власти», он начал писать.

Произведения свои Гамсун долго прятал от нескромных глаз и от заслуженных насмешек.

В этой выдержке была своя хорошая сторона. Всякое тайное занятие разжигает творца. Если б Гамсун тогда же получил поощрение, быть может, оно погубило бы его. Но тайное писание, дрожание ночью над бумагой, рой мыслей, робкие начинания — все это, по его словам, заставляло думать и... любить тот «порок», которому предавался... Лишившись службы в волости. Гамсун сделался каменщиком. «Таскать булыжники и мостить улицы,— подлинные слова писателя: «Совсем уже не плохое занятие... По крайней мере, честное. Но руки грубеют от работы, невозможно держать перо в руках».

А бросить это перо он не хотел ни за что, видя в этом свое назначение. Не без препятствий Педерсен разыскал Бьёрнстьерне Бьёрнсона. Знаменитый писатель, узнав, что молодой человек собирается в Америку, дал ему рекомендательное письмо к капитану Моэстуэ» (окончание цитирования).

И так далее — начались странствия Гамсуна по свету: нелегкая трудовая жизнь в Америке: Эльрое, Миннеаполис. Чикаго, Техас. Именно здесь он пережил многое из того, что описано им в «Голоде». И тема сугубого одиночества — все это от американской жизни. Непосильный, тяжелый физический труд и постоянный голод

привели Гамсуна в 1885 году к тяжелой болезни; излечила его только родина, с трудом смог добраться до Норвегии. Через год он снова в Америке, но уже в качестве фельетониста от детской газеты «*Verdensgaang*». Далее жизнь в Копенгагене; а в Америку его больше не пустили (и тогда уже в США существовала «система санкций»!) за злосатирические очерки «Духовная жизнь Америки». В Копенгагене вышел «Голод», сделавший Гамсуна мировой литературной знаменитостью. Еще один отрывок из очерка А. А. Измайлова: «...Переведен он на четырнадцать языков. Известность его должна быть признана мировою. В России первая восторженная статья (по поводу «Пана») появилась в «Сев. Вестнике» и принадлежит поэту К. Льдову.

В настоящее время Гамсун живет в скромном, занесенном снегами, горном местечке, в 5-ти милях (55-ти верстах) от Христиании. Он женат. Имя его маленькой дочери — Виктория.

Популярность его огромна у себя и заграницей. Многие едут в Норвегию только для того, чтобы побывать на родине Гамсуна. Особенно любят его русские.

...Любопытную характеристику его, как человека, дает одна русская переводчица автора «Голода». «Существует,— пишет она,— собственно два Гамсуна. Один — всецело поглощенный тем своим произведением, которое он в данное время задумывает и пишет, крайне нелюдимый, живущий где-нибудь на чердаке, так, чтобы его невозможно было отыскать, и строго-настрого запрещающий своему издателю сообщать кому бы то ни было его адрес.

Другой Гамсун — по окончании работы — таков, каким он изобразил себя в повести «Под осенними звездами», пьющий вино, виски, — много виски.

В это время Гамсуна можно встретить во всех ресторанах в компании местной художественной и литературной богемы.

Ни тот, ни другой Гамсун не может быть доступным и общительным собеседником, тем больше для иностранной публики, так как он говорит почти исключительно на норвежском языке».

...Однако, достаточно о биографии норвежского классика. Внешне она маловпечатлительная, да и не в ней суть нашего рассмотрения.

Согласно концепции Льва Гумилева, феномен в этногенезе, в частных его проявлениях, в той же общей культуре, искусстве, литературе есть проявление пассионарности нации. С этим можно, даже нужно согласиться. Но (далеко) не всегда. Да, был у скандинавов, прежде всего норвежцев, исландцев и датчан период высочайшей военно-грабительской пассионарности — викинги VIII—X веков. И кто сейчас, спустя тысячу с лишним лет, узнает в тишайших народах Европы — норвежцах и датчанах, не говоря уже о забытой всеми, кроме НАТО, Исландии,* викингов, некогда наводивших страх и ужас на всех живущих от северных морей и до моря Средиземного?** И литература соответствовала тому пассионарному взрыву: прежде всего исландские саги.

Нет, конечно, в нищей и полуголодной Норвегии на рубеже веков никакого, кроме как культурного, всплеска пассинарности и быть не могло. Просто система всеобщего школьного образования, сложившаяся ко второй половине XIX века в северном тихом королевстве, а главное — дикая, но такая чарующая природа Скандинавии, в практическом отсутствии культурного общения с бурлящей Европой и призвала к жизни всем доступный способ самосознания и самовыражения: литературное творчество.

И еще позволим себе сказать, избегая модного сейчас обвинения в «русском имперском мышлении», что норвежский феномен, равно как возникновение и становление в конце XIX века национальных литератур входящих в Российскую империю Финляндии, Латвии и Эстонии, во многом обязан русской литературе. Как и в музыке: не зря же музыку Эдварда Грига, но особенно — Яна Сибелиуса музыковеды ассоциируют с творчеством Чайковского и Римского-Корсакова?

---

* В советское время на Земле Франца-Иосифа располагалась усиленная дивизия воздушного и морского десанта — дивизия первого удара по НАТО'вским базам в Исландии, которая далее рассматривалась как атлантический плацдарм наступления на Западную Европу «с морей».

** Тот же Л. Н. Гумилев, умевший порой находить простейшие разгадки вроде необъяснимых коллизий мировой истории, очень просто объяснял неистовую ярость и безумную храбрость норманнов в сражениях: они жевали перед битвой сушеный мухомор — сильнейший галлюциноген. То есть «сто граммов перед атакой».

Читая внимательно романы и повести (сам он их не «распределял» по жанрам) Гамсуна, постоянно натыкаемся на имена русских классиков XIX века: пасторская дочь читает Достоевского; захворавшему никудышному трудяге-мужичку приносят почитать тургеневского «Рудина», а на именинах у местного торговца небольшого села тамошний «бомонд» горячо спорит «на десерт стола» о Льве Толстом. Это при том, что во всех произведениях Гамсуна другие европейские писатели почти не упоминаются...

Благо, что в то время действовала очень активная система взаимных переводов датской (датско-норвежской) и русской литературы, у истоков которой стоял датский европейски известный литературный критик и литературовед Георг Брандес. В 1910-е годы в России вышло его 20-томное собрание сочинений. Имена знаменитых русских переводчиков уже были названы выше.

Кнут Гамсун стал классиком норвежской литературы, «возглавив» на многие десятилетия ее феномен. При всем том, что за ним не числилось ни литературных скандалов, ни чьего-либо высокого покровительства... ничего кроме данного природой безудержного таланта, весьма своеобразного, сугубо индивидуального и, еще непременно добавим, той дикой, величественной, внешне спокойной природы Северной Скандинавии. И жизненные мытарства детства, юности и взросления писателя не следует сбрасывать со счетов.

Но все же именно роман «Голод» дал миру известного писателя Гамсуна, доселе никем не знаемого — кроме редакций малотиражных газет, пыльные пороги которых обивал будущий нобелевский лауреат.

Голод — он и в Африке, и в Норвегии конца XIX века голод. Точнее — в столице ее Христиании, затем ставшей Осло. Собственно роман и начинается словами: «Это было в те дни, когда я бродил голодный по Христиании, этому удивительному городу, который навсегда накладывает на человека свою печать... Временами, когда везло, мне удавалось получить пять крон за статейку в какой-нибудь газете».

И так далее весь полуторастастраничный роман. Возможно, каждый из нас (речь, конечно, не идет об исключительных временах навроде военного лихолетья...) в силу тех или иных обстоя-

тельств испытывал чувство голода. Опять же мы не о сиюминутном ощущении, что называется, «между обедом и поздним ужином». Тот же студенческий, экспедиционный — туристический экстраординарный пустой желудок. Но постоянный голод, как в романе Гамсуна, это нечто другое. Здесь голод становится «царем-голодом», и вся сущность человека — от бродяги до героя Гамсуна, пишущего для газет статьи об искусстве Возрождения, тонкостях мастерства кисти Корреджо или Бруннелески — меняется полностью: даже соблюдая внешние приличия и подобие человеческого достоинства, постоянно голодающий превращается в животное, того самого «антисоциального индивидуалиста», к каковой категории относили Гамсуна-писателя официальные советские литературоведы агитпроповского толка...

Даже женщины для голодного не существуют: «— Вы, конечно, идете к другой,— сказало она.— Нет,— ответил я. Ах, у меня не было никакой охоты к этому, девицы стали для меня почти все равно что мужчины, нужда иссушила меня. Но я чувствовал, как жалок я в глазах этой странной девицы...».

То ли в голодном полубреду, а может и наяву герой Гамсуна создает себе все же образ-облик вечной незнакомки, которую нарекает звучащим именем *Илаяли*. То ли в бреду, то ли наяву он встречается постоянно с ней, но, как и все другие люди — женщины, прежде знакомые мужчины, видя его пошатывающимся, дескать, старина, опять засиделся в «Гранде»,* тотчас оставляют его же, узнав, что он просто-напросто голодает.

Так разве Гамсун и его герои антисоциальны, если мир вокруг таков, что выпивший человек стоит на две-три ступени выше, нежели просто голодный? Нет, Кнут Гамсун был не антисоциальным, но просто ненавидел надвигающееся на его родную Норвегию мурло капитализма-империализма с его — в том числе — социальным лицемерием.

После принесшего Гамсуну всеевропейскую славу «Голода» один за дргим появляются его романы «Мистерии», «Пан», «Виктория», «Под осеней звездой», «Странник играет под сурдинку»,

* Самый престижный ресторан в тогдашней Христиании (Осло).

пьесы, рассказы, стихи. Место действия большинства романов и пьес — родная его Северная Норвегия, многие их герои — переходящие из произведения в произведение: с первых ролей на вторые-третьи и наоборот. Как в романах «Бенони» и «Роза», как Мункен Вендт — то упоминаемый в других произведениях, то выходящий на главную роль в стихотворной драме «Мункен Вендт. Бригантинское сказание в восьми действиях». Так на протяжении десятилетий создается своеобразный «мир Гамсуна», сущность и содержание которого можно передать его стихотворением «Юность» (в современной орфографии):

Как здесь, у пьанино, повеяло вдруг
Цветущей, далекой весною!..
То запах от девственной кожи твоей,
Кода ты клонишься головкой своей,
Встает ароматной волною.

Плывет золотистый туман предо мной,
С мелодией нежной сливаясь.
Не знаю,— уйти ли, остаться ли мне?
Весенняя молодость манит к себе,—
Стоял я пред нею, смущаясь.

О, вечная молодость, твой я слуга,
Твой раб за одно позволенье
Коснуться губами ботинки твоей!..
И вдруг из-под розово-бледных ногтей
Смолкает струн тихое пенье...

Ну, что же теперь? Дверь открылась за ней,—
Так просьба моя испугала.
Но странно устроено сердце мое:
Я всем остальным предпочел бы — ее,
Которая мне отказала...

(Пер. Г. Галиной; Т. 5 «нивского» издания Собр. соч. Гамсуна).

Любовь в произведениях Гамсуна, как правило, мучительная взаимно, без всяких «хэппи-эндов», обычно трагически завершаю-

щаяся, разделяет «первую скрипку» с полной подчиненностью человека природе. Вершиной такого слияния является роман «Пан» — в образах лейтенанта Глана и Эдварды — одной из переходящих героинь в романах Гамсуна; она же появляется в «Бенони» и других произведениях уже вдовой финского барона. Кстати, отметим, что любовь у Гамсуна покрыта ореолом таинственности, никакого даже намека на натурализм. Единственная сцена, хоть как-то намекающая на него — это в «Бенони» купание вдовой баронессы Эдварды с лопарем Гильбертом ночью, голыми при луне в лесном озере у капища древних язычников...

Но вернемся к «Пану»: «Эдварда глянула на меня, и я на нее. Тут сердце мое дрогнуло, как от нежного привета. Это все весна, все яркий день, мне запомнилась та минута. И потом у Эдварды были такие восхитительные, дугами выгнутые брови».

Едва успев завязаться, взаимная приязнь разрушается по непонятной обоим причине. Эдварда в бешенстве бросает Глану гневные слова: «Нет, нет, он не ничтожество! — кричит она, и голос ее срывается от гнева. — Он совсем не такой, как ты воображаешь, лесной дикарь! Вот погоди, он еще с тобой потолкует, я попрошу его! Ты думаешь, я не люблю его, так ты скоро увидишь, что ошибся. Я пойду за него замуж, я день и ночь буду думать о нем. Запомни, что я сказала: я люблю его. Пускай приходит твоя Ева, ох, господи, пускай ее приходит, до чего же мне это все равно. Мне бы только поскорей уйти отсюда...— Она пошла прочь от сторожки, сделала несколько быстрых шажков, обернулась белая, как полотно, и простонала:

— И не смей попадаться мне на глаза».

Казалось бы, вечная любовная коллизия: уже опытный в жизни Глан, совсем юная Эдварда — непонимание возрастов в таком тонком, чувственном деле, невольная ревность и поддразнивание... но не это есть главная сюжетная линия романа. Языческий бог природного устройства Пан довлеет над всем живым и косным в этом северном мирке, еще не захваченном Молохом нивелирующей души людей капиталистической «цивилизации».

«ЛЮБЛЮ ОТЧИЗНУ Я, НО СТРАННОЮ ЛЮБОВЬЮ!» ЛЕРМОНТОВ И ИСТОКИ НОНКОНФОРМИЗМА В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

...Как-то у нас в нынешнее время, естественно, с подачи СМИ и демонического Интернета, русский язык обратился в этакий полуамериканский, даже некогда дарованная Петром Первым народу милость зваться по имени — отчеству мигом исчезла, даже самых что ни на есть первых лиц государства в печати и радиотелевидении, в обыденной речи лишили отчества (!?). Как говорится, в одночасье лишили всех нас и отчества, и отечества, которыми издавна привыкли гордиться... А ведь до появления ренегатов «первого призыва» — каиновопятнистых и иже с ними — без отчеств принято было называть несовершеннолетних и, но уже в качестве почести, деятелей искусства и литературы. Да еще во всех православных храмах пропевали анафему Стеньке Разину, Емельке Пугачеву, Ивашке Мазепе и другим татям и госизменникам — тоже без отчеств да еще с уничижительными именами. Сейчас же, по американской мове, все стали вроде как несовершеннолетними и анафематовыми... Но при этом не стали так же массово культуртрегерами в области искусства и литературы.

Это мы все к разъяснению сути подзаголовка настоящей «Колонки», посвященной 200-летию Михаила Юрьевича Лермонтова. Охотно воспринимая и даже несколько щеголяя американизмами «проблема», «вау!» с «ваучером» и пр. и пр., добрый наш народ в то же время с недоверием относится к словам с греко-латинскими корнями, вошедшими в русскую речь сотни лет тому назад. Так и при слове «нонконформист» морщатся как при произнесенной вслух непристойности, в лучшем случае — мысленно подыскивают синоним (фонетический) из числа американизмов-жаргонизмов. Все смешалось в доме Облонских, словом...

В советской средней, равно как и в высшей, школе учили добротно, без американизмов, русскому языку в том числе. И в нашей школе им. М. А. Погодина города Полярного, тогдашней «столицы» Краснознаменского Северного флота, где каждый директор

чем-нибудь да был знаменит — один даже гимн КСФ «Прощайте, скалистые горы» написал,— говорили правильно и умно. И учительницы, сплошь ленинградки, прибывшие в Заполярье с мужьями офицерами — подводниками, и ученики — это почти все дети флотских офицеров.

Когда же автор этих строк в старшеклассном сочинении по заданной теме об образе Печорина поименовал Михаила Юрьевича «певцом нонконформизма», то строгая, но умнейшая наша учительница — словесница на последующем в классе разборе сочинений, дойдя, вернее, начав с моего, во-первых, предостерегала от излишней категоричности в употреблении греко-латинской терминологии; во-вторых, высказалась в том смысле, что быть тебе писателем...

Ну, писателем не писателем, сочинителем не сочинителем, но то, что Лермонтов стал первым и гениальным нонконформистом в русской поэзии, то есть певцом «потерянного поколения», что литературно благозвучнее, крепко запало в память. Уже и не выпадет. Отдаленным синонимом это же латинского (*non* — нет + *conformis* — сходный) слова является народная присказка: все не в ногу идут, только я в ногу! Здесь, ради бога, не подумайте! — ничего обидного для нашего великого поэта нет, и даже подспудного намека. Тем более что от нонконформизма мы напрочь отсекаем религиозную и политическую трактовки этого термина, а оставляем в нашем контексте только и исключительно черту характера, завладевшую творческим самовыражением, тем более, давшим России и миру великую и самобытную поэзию. Прозу и драматургию тоже.

Еще несколько поясняющих *intermezzo*, касающихся отображения характера (психологического) писателя на его творчество и национального характера в его отображении на творческую доминанту.

В наше время, в которое в силу только что введенного в российский обиход закона об исключении непечатных выражений все приходится облекать в слова «удобные для печати», как говорили в XIX веке, так вот в это время СМИ всех видов технических носителей в ситуации «писатель пишет, читатель почитывает» все перевернули с головы на ноги. Если в тех же XIX—XX веках читатель и почитатель литературы, меломан, страстный театрал,

любитель кино, даже обычный вечерний телезритель *читали, слушали, смотрели собственно* произведения литературы и искусства, особо, но обычно — и вовсе, не задумываясь о личности и личностном, бытовом так сказать, характере автора, исполнителя, актера и пр., то теперь СМИ и воспитанная им масс-медиа, электорат потребителей, так сказать, во главу ставит личностную жизнь автора произведения. Чего здесь растекаться мыслью по древу.— Включите телеящик вроде как на «интеллектуальнейшей» программе «Культура»: кто с кем спит в Голливуде, кто украл бриллианты Зыкиной, сколько бутылок водки (виски, джина, китайского «пейцзю» и «баландзю»*) в сутки выпивает писатель *N*... И все в этом роде: мужском, женском и среднем — ныне трансвеститском в стиле «Кончиты Европы». Мигом приходит на память знаменитый «Закат Европы» Освальда Шпенглера...

Понятно, что современные культуртрегеры от СМИ и Лермонтова не минуют, благо характер-то Михаила Юрьевича не из сахарно-медовых был. Понятно, что он не мог не отразиться на чертах героев его произведений, особенно прозаических. Это азы, так сказать, диалектики психофизиологии личностного характера. Но избави вас бог, впадать в детство и сколь-либо полно отождествлять характеры, психологический тип по Карлу Густаву Юнгу, писателя и героев его произведений! Да не только героев, но и вообще идеологию, композицию и колорит произведений: нравственный, морально-этический и пр. Часто, слишком часто, они суть сама противоположность: мрачный ипохондрик Александр Грин, создавший самые светлые образы в литературе; плеяда знаменитых французских писателей, вылепивших великолепные образы щедрых и бескорыстных героев, самих же бывшими предельными скупердяями, готовыми за сантим удавиться... Продолжение до бесконечности. Впрочем, здесь достаточно.

О втором *intermezzo*, об отображении *национального характера* писателя на его творчество сейчас и писать-то страшновато в век навязываемой всему миру пресловутой «толерантности» — ве-

---

* Пиво и коньяк (кит.)

ликого идеологического оружия Тайного (пока) мирового правительства по превращению человека мыслящего, некогда гордого своей индивидуальностью, в винтик безликой биомассы. В данном аспекте национальность — враг номер один. Ладно, Америка, в смысле США, «перегонный куб», где понятие национальности с самого начала этой страны утрачено, но Европа-то? — с ее-то истовым историческим шовинизмом, само слово французское, идиомой (это не от слова «идиот»...) национальной германской исключительности, «белокурой бестии» и *Uebermensch·a*, британским консерватизмом?

...И к нам все подбираются и подпираются втихую. Вот и в паспортах приснопамятную «пятую графу» без особого на то пояснения убрали. Правда, в части остальных, так сказать, мочеполовых, «оттенков толерантности» наши власти пока что твердо стоят на позициях традиционных ценностей. Это хоть радует.

Если — в контексте темы настоящей «Колонки» — манкировать понятием национальной самоидентификации, то почти на всем творчестве Лермонтова, на истоках его нонконформизма, особенностях личностного характера (см. выше), чего, вообще-то говоря, литературоведение, даже осторожное советское, никогда не отрицало, можно смело ставить жирный знак (?!), который означает в переводе на понятийный язык недоумение, не имеющие логического разрешения.

А вот и «контекст»: два величайших русских поэта в полной мере ощущали на себе, на своем творчестве эту национальную самоидентификацию: потомок эфиопских князей Пушкин и потомок же достаточно знатного рода Лерма́ (по другой версии — Лермо́нт) из Шотландии. Переселившиеся в новое свое отечество шотландцы дали многое русской литературе, особенно — ведь Шотландия страна бардов, говоря словами Роберта Бернса — ее поэзии: потомки Лермонтов, Рылентов, Бальмонтов; последний и вовсе фамилию предков сохранил. И все они, тут же заметим, бунтари — конформисты. Также в науке и промышленности России они сыграли существенную роль. ... Выдающийся ученый Марр, тоже из шотландцев, создатель яфетической школы языкознания,

даже «удостоился» критики самого Сталина в специально написанной Вождем работе «Марксизм и вопросы языкознания».*

Сам Михаил Юрьевич прямо соотносил себя, свое творчество с принадлежностью к потомкам шотландцев. С его картины «Предок Лерма» (масло, 1833, ИРЛИ) на нас смотрит воображаемый родоначальник Лерма́ — Лермо́нтов: шотландский дворянин в средневековой одежде с воротником — жабо, поверх которого рыцарская цепь; тот тип бороды, что мы сейчас называем «шотландкой», а глаза предка М. Ю. Лермонтов соотнес со своими, родовыми, тревожно-грустными:

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?

(1831-го Июня 11 дня)

Вся история Шотландии от Средневековья и едва ли не до наших дней** — суть беспрестанная борьба и изгнание, отсюда и генофенотипически сложившийся национальный характер резкого неприятия почти что всего окружающего, что и есть нонконформизм. При населении в 10 % от общебританского, только в XIX — первой половине XX вв. свыше двух миллионов шотландцев вынуждены были уехать в США и в британские доминионы: Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Но никем не сосчитано число покинувших родину, в основном, по религиозным соображениям и массовой нищете в века предшествующие.

И русская историография здесь явно хромает, ибо даже искушенный в истории России, русской науки, литературы и искусства

---

* Помните из диссидентского фольклора: «Товарищ Сталин, вы большой ученый, в языкознании, безусловно, корифей...» Можно различно относиться как к теории Марра, так и к степени компетенции Иосифа Виссарионовича, но лучше эту работу прочитать, например, в № 4, 2007 «Приокских зорь».

** Вспомните совсем недавний референдум за отделение Шотландии от Англии: всего 5 % голосов не хватило.

человек на вопрос о времени и причинах появления в нашей стране шотландцев 100 %-но ответит: Петр Первый вместе с голландцами и немцами «выписал». А иной остроумный, забыв, что Лермонтов из шотландцев, даже его же и процитирует:

И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока...

И такое бывает. Навряд ли Михаил Юрьевич смог бы так написать, если бы его предки были «выписаны» в Россию в качестве гастарбайтеров того, петровского времени... Нелюбопытны мы в своей истории, сказал Поэт, нелюбопытны. Не единицы, подавляемые числом немцев и голландцев, шотландцев приехали в Россию при Петре и в «женский» императорский XVIII век, но десять тысяч их были переселены в нашу страну в веке XVII указом царя Алексея Михайловича; Тишайшего — по вошедшему в историю прозвищу-характеристике.

Заодно напомним, родства не помнящим, что долгое правление второго царя романовской династии сделало Россию истинным Третьим Римом, «...а четвертому не бывать!». Полностью отгородившись от Запада границей завоеваний (и поражений!) Ивана Васильевича Грозного, закрывши Муравский шлях от набегов крымской татарвы тульскими, рязанскими, коломенскими и другими крепостями-кремлями и засеками, занявшись вплотную продвижением страны Сибирью до Тихого океана, Русское православное царство стало самодостаточным, автаркическим (это как СССР при Сталине), ни от кого не зависящим и ни в ком не нуждающимся. Как Первый и Второй Рим, то есть Древний Рим и Византия.

...Именно во времена царствования царя Алексея Михайловича в Шотландии кипение этнополитических и религиозных страстей дошло до предела. Всего через три десятка лет после объединения с Англией личной унией — после вступления на английский престол шотландской династии Стюартов — в Шотландии началось восстание против Англии. Истоки их противостояния, начиная с

XI века, во-первых, этническая: англо-саксы и шотландцы, потомки ирландских кельтов и древних пиктов и гэлов; во-вторых, а скорее всего — в главных, сложное сочетание и борьба в самой Шотландии католичества и кальвинистской реформации в форме пресвитерианства. И, наконец, в XVII веке — пик буржуазной революции, где главным жертвами первоначального накопления в англо-шотландском королевстве стали именно потомки кельтов.

Все это вылилось в ситуацию, когда массовая эмиграция шотландцев оказалась единственным выходом из сложившейся громокипящей обстановки. Главной страной в Европе, заинтересованной в большом притоке переселенцев для заполнения «нескандальными», работящими людьми в XVII—XIX вв. своих огромных и пустоватых земель являлась Россия. Как веком позднее Екатерина переселила на Волгу религиозную общину немецких гернгутеров, а еще веком без малого позднее русские императоры заселяли пустынную доселе завоеванную Новороссию — из-под турок — балканскими народами, так и Алексей Михайлович инициировал переселение в Архангельскую губернию, в основном, в Каргопольский уезд, водным путем по Норвежскому, Баренцеву и Белому морям порядка десяти тысяч шотландцев: в массе своей крестьян и мастеровых, но наличествовали среди них и дворянские ряды.

Как повелось на Руси со времен распадающейся уже Золотой Орды, когда татарский «уездный князь» выходил из Орды и шел под руку московского государя, то ему давали «на прокормление» русский город — в основном за счет всегда подозрительного Москве Рязанского княжества. Именно там расположены два города с полутатарским до сих пор населением: Касимов и Кадом, данные Москвой двум братьям — Касыму и Кадыму, «вовремя» ушедшими из Орды... от греха подальше.

...Так и с переселившимися шотландцами поступили. Основная масса новоприбывших поселилась в Поморье, никогда не знавшем ни татарского нашествия, ни «родного» крепостного права, а знати, тем же Лермонтам, Рылентам и Бальмонтам, выделяли поместья — наделы между Москвой и Уралом, в основном, В Нижегородской и Пензенской губерниях, зачислив их в ряд служилого русского дворянства. Как, мол, потопаешь, так и полопаешь!

Из новонародившегося русско-шотландского дворянства вышло в дальнейшем много талантливых поэтов, военачальников, ученых, о чем говорилось выше, а какова судьба основной массы архангельских переселенцев? — а замечательная судьба...

Помню, в совсем уж детские заполярные, маячные годы, только-только научившись читать, закреплял — по совету отца — эти навыки ежеутренне, отрывая очередной листочек настенного календаря. Великая кладезь необходимых знаний содержалась тогда на оборотных сторонах этих листочков: от способа приготовки щей и плова до высокой поэзии и знаменитых событий античного мира! Эта «энциклопедия» так и осталась для нынешних средне — и старших поколений базисом знания о вещах обыденных и не только...

К сожалению, память взрослого человека* о своих детских годах более эмоционально-абрисная, нежели конкретно-словесная, потому и не могу вспомнить ни автора, ни связного содержания оборота одного такого листка из отрывного календаря, содержавшего стихотворение об истории архангельских шотландцев-переселенцев. Кажется, один из двух известных советских поэтов Марковых, даже возможно Сергей Марков. А может и Александр Яшин — оба из шотланских потомков. Но ведь это самое содержание — абрис хранится в подсознательной памяти, а суть его: прибыли из-за моря шотландцы, расселились по городам, деревням и погостам** Каргополья и Онеги, очень быстро растворились в русской среде, ассимилировались, как мы сейчас говорим, и уже ничем от коренного населения во втором — третьем поколениях не отличались. Даже религию свою, из-за которой покинули Шотландию, скоренько забыли, приняв православие:

---

* См. книгу: Герасимов И. Г., Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Память, или воспоминание о будущем. Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 11 / Предисл. В. П. Казначеева, В. Г. Зилова, А. И. Субетто: РАЕН, ПАНИ, НОАН.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2014.— 450 с.

** Погост (новгородск.) в архангельском Поморье — это вовсе не кладбище, но очень распространенное название маленькой деревушки, хутора об нескольких избах...

... Молились в Ивана — шири
На Пасху и в Рождество....
Четвериками и гарнцами мерили серебро.

(Заранее извиняюсь за неточный текст строфы). Россия всех принимает и ненавязчиво делает русскими, в первую очередь, по душе и общинному образу жизни. Тем более, что шотландцы, потомки кельтов, этнически близки славянству — из одной группы индоевропейского корня, а по национальному типу характера — и вовсе братья-близнецы.

...Пусть не морщатся наши думцы, занявшиеся — в очередной раз в совсем не давней русской истории — «истовой» борьбой с винопитием, но, поскольку основная зерновая культура и в Шотландии, и в нашем Поморье суть ячмень, то переселенцы очень скоро научили местных гнать высококачественную «ячменную», в этом деле непревзойденными мастерами. Как сказал «самый шотландский» поэт Роберт Бернс: «Каждый шотландец умеет гнать виски, еще находясь в утробе матери». Но более всего переселенцы, знатных родов и тягловых крестьян, дали в своих потомках выдающихся русских поэтов. Часть имен уже была названа выше.

...И мать моя, все из тех же архангелоградских потомков переселенцев, вспоминала свою каргопольскую жизнь. Запомнилось из ее рассказов о *local color* тех мест: некоторые деревни звались в обиходных разговорах «кофейными» исстари; это в старой-то русской глубинке народ охоч был не до чая, но до кофе? А что поделаешь, как и виски,— тоже национальный шотландский напиток, правда, из того же ячменя. Помните из советских времен пачки с таким «кофе»: «Ячменный», «Народный» и еще что-то в этом роде. А производить такие крайне полезные, заметим, для здоровья напитки в фабричном масштабе начали в XIX веке купцы, все те же потомки переселившихся в Россию шотландцев.— Что бы там не злопыхали советские и нынешние диссиденты о народе (до которого им никакого дела не было и нет!), «измученном суррогатом».

Еще мать рассказывала в том ключе, что как только в их деревне и окрест кругом ребята вырастали и омужичивались, отпускали бороды, так все смотрелись под одну гребенку: на голове во-

лосы обычные русые, а бородищи лопатой* и ярко-красные... именно красные, не рыжие! — Это все от давешних шотландцев... Что ж, были и мы рысаками, носили лет двадцать такую роскошную бороду. К сожалению, даже у далеких кельтских потомков она быстро седеет.**

...Пусть читатель извинит нас за столь подробное *intermezzo*, но, во-первых, это по разряду исторического просвещения; во-вторых, все имеет самое полное отношение к отображению национального характера на творчество. А шотландские корни Лермонтова, как уже было сказано, в немалой степени способствовали развитию и поддержанию в его стихах и прозе, драматургии тоже, выраженного качества нонконформизма.

Несомненно, Лермонтов однозначно полагал о своем шотландском происхождении. Это не только его картина «Предок Лерма». Если читать письма его, то многие из них, не только семейственным тетушкам и кузинам, знакомым молодым женщинам и девушкам, но и хорошим друзьям навроде С. А. Раевского, подписаны кириллицей или латиницей: М. Лерма, M. Lerma.

Таким образом, уже генофенотипически (извините за научную терминологию) Лермонтов являлся выраженным протестантом-нонконформистом. Не в том, понятно, смысле, что он «один идет в ногу», но протестная черта его творчества доминирует над нейтрально-описательской, эстетической словесной и так далее. Очень часто преобладает, что называется, «с перехлестом».

Возьмем его «Смерть поэта», с которого собственно и стал Лермонтов всероссийски известным, с которого и личная, творческая судьба изменилась. Мощнейшая экспрессия небольшого по размерам стихотворения — ибо погиб его непререкаемый учитель в поэзии, прозе, драматургии, сочетанная с чувствами русского патриота... И вместе с тем именно этим великим произведением он

---

* Генофенотипически именно цвет и, так сказать, вся фактура мужской (видите, уже приходится оговариваться в эпоху «Кончиты Европы»...) бороды являются наиболее устойчивым и неизменяемыми в чреде многих и многих поколений.

** Раннее поседение — это, говоря языком биологии, генетический фактор всех народов, основной пищей которых исторически являлась морская рыба.

заявил о своем полном неприятии всего и всея в окружающей его героев среде.

Конечно, строки:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..

— величайший в русской, да и мировой, поэзии приговор почти *любой* власти, опирающейся на избранный круг своих клевретов. Это ведь вам не мандельштамовские «...У него что ни казнь, то малина, и широкая грудь осетина». Сам Сталин посмеялся и порекомендовал — через наркомвнудела — автору пожить пару лет в Воронеже, пообщаться с народом... Но — это к слову.

Но в целом, объективно оценивая это, повторимся, гениальное стихотворение Лермонтова, сразу отмечаем: здесь преобладает гнев, экспрессия, обличительство «надменных потомков» и «заброшенных к нам по воле рока», но в целом-то? — А в целом центральным местом являются строки:

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

То есть, подспудно, но в поэтических строках — явно, Лермонтов все страстное обличение, как бы точнее сказать — нивелирует до личностных причин гибели Поэта: доверчивость, вольнолюбие и неукротимый наследственный африканский темперамент и вспыльчивость.— О последней — первая строфа стихотворения.

А обличение «жадною толпой, стоящих у трона», «восстания против мнений свята» и так далее? Да, Пушкин понимал свой талант, гений, но зачем он в запальчивости своей был столь неосторожен, зачем осыпал злыми эпиграммами всех и вся? — Чего же он должен был ожидать от вечно завидующих талантливому человеку посредственных людишек, имя которым — легион? Да еще взбешенных явным и нескрываемым покровительством императора Николая Первого Пушкину, как поэту — государственнику и патриоту*, автору «Клеветникам России», кстати, сейчас для России в очередной раз в ее непростой истории архиактуальному...

И еще неизвестно, чем больше Пушкин раздражал и бесил своих недругов — людишек: признанием Пушкина первым поэтом России, своими эпиграммами и заметной поэтической и личностной вседозволенностью или царской милостью — опекой? Понятно, что как и всех, «жадною толпой стоящих у трона», более бесило недругов поэта как раз последнее — но неупомянутое даже полунамеком Лермонтовым в «Смерти поэта»... На этом-то они и сыграли свою смертную для поэта игру. Беспроигрышную.

Таким образом, Лермонтов с созданием «Смерти поэта» и последовавшей ссылкой на Кавказ вступил в фазу второго после Пушкина поэта России ярко выраженным экспрессивным нонконформистом, что и дальше явно прослеживается во всем его творчестве.

Прочитаем первые строки раннего, 1829 — го года, стихотворения Лермонтова «Посвящение *N. N.*»:

Вот, друг, плоды моей небрежной музы!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...

А не ранний ли это Пушкин? — совершенно верно. Даже самый неискушенный в литературоведении человек по этому и другим (многочисленным) стихам юного и уже взрослеющего поэта

* См. «Колонку главного редактора» в № 2, 2014 «Приокских зорь»: «Пушкин и Толстой: государственник и пророк».

почувствует подражательный Пушкину их характер. Это азбука и серьезного лермонтоведения (Б. М. Эйхенбаум и др.). Поэтому в массовых изданиях собраний сочинений Лермонтова, в отличие от общепринятого, распределение текстов идет не в хронологическом порядке, но двухчастное в каждом томе: первая часть — наиболее значимые произведения 1837—1841 гг., вторая — юношеские, подражательные Пушкину, эпиграммы и неоконченные произведения, которых у него много как в поэтическом, так и в прозаических жанрах. И сам Лермонтов, прекрасно оценивая неравнозначность созданного им, при составлении первого и единственного прижизненного (1840 г.) сборника своих произведений включил в него всего двадцать шесть стихотворений и две поэмы.— Это из более чем трехсот написанных стихотворений и двадцати двух поэм.

Опять же из пяти драм он отдал для постановки только «Маскарад», а из прозы опубликовал лишь «Героя нашего времени».

...Это мы к тому сообщаем хорошо известное, что обилие в творчестве Лермонтова незаконченного, так сказать, недоработанного, подражательного Пушкину, массы планов, набросков, отрывков, заставляет вполне обоснованно полагать: слишком мало отпущено было ему жизни вообще и, в особенности, жизни творческой. Конечно, и Пушкин очень рано ушел из этого мира, но его стихийный гений-талант и генотип африканца, что называется, торопящий человека жить и творить, сделали свое дело: Александр Сергеевич почти все успел, к чему был назначен судьбой. Особенно, конечно, в поэзии: здесь он успел все свершить. Да и сам уже стал приговаривать в том смысле, что, дескать, староват стал для стихов, на прозу тянет... Что и начал преломлять в своем творчестве на четвертом десятке жизненных лет.

Вот этих-то десяти лет, как у Пушкина, не хватило Лермонтову, да еще не южанину по предкам, совсем наоборот, потомку почти северных народов, чтобы «устояться» как истинно великому поэту, прозаику и драматургу. А кто знает — чему бы он отдал в распоряжение свое перо на этом самом «пушкинском четвертом десятке»? Тем более, даже произвольно трактуя известную истину, что талантливый человек талантлив во всем, определенный вопрос вызывает одновременная работа Лермонтова «по трем фронтам»:

та же поэзия, проза и драматургия. Даже при явной доминанте поэзии.

Здесь житейское определение «разбрасывался» явно не годится. Может, действительно торопился, предчувствуя малый отпущенный ему срок — это не только склонные к мистицизму литературоведы говорят, но и вариант пробы на уровне мастерства в избрании жанра заслуживает внимания. Но, скорее всего, здесь все проще и понятнее, учитывая, что Пушкин для него являлся непререкаемым кумиром и авторитетом. Лермонтов пришел в литературу серьезно, то есть, пройдя уже этап «юнкерских поэм», когда Александр Сергеевич уже покорил «трехглавую верхушку» русской литературы: поэзию, прозу и драму. К этому он пришел в известной последовательности и, что называется, методом проб и отсечения неверных ходов. Но для Лермонтова-то эта «трехглавая вершина» являлась не только кавказскими видами, но живым и видимым уже в триединой целостности творчества своего Учителя! Впрочем, данная литературоведческая пролегомена (это по Канту) требует отдельного и аргументированного рассмотрения...

Итак, мало жил, но творчески развился высоко... но не хватило десяти «пушкинских лет». Отсюда вытекает и второй, кроме национальной предрасположенности, исток нонконформизма в творчестве Лермонтова: годы молодости с ее прямолинейной нетерпимостью всего негативного не успели перейти в лета объективной рассудочной мудрости, подавляющей фонтанирующие всплески эмоций. Что было характерно для Лермонтова при всей его, отмечавшейся его окружением, внешней холодности и той же внешней рассудительности.— Это проявление типичного «северного» характера.

Вот эту внешнюю холодность и безэмоциональность, явные черты нонконформизма, при внутреннем «кипении», что являлись доминантой характера Лермонтова, он в полной мере воплотил в главном своем прозаическом герое — Печорине, во многом *alter ego** автора.

«Герой нашего времени» — это литературный мостик, связующий пушкинского Онегина с последующими героями всех рус-

* Второе Я (лат).

ских писателей второй половины XIX века, прежде всего — с героями Тургенева:

И в нем души запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

(«Эпитафия», 1830)

...Со школьных лет мы помним неукоснительно, что Печорин — байронический типаж. Как и Онегин, как и герои Тургенева *etc*.* Сам Лермонтов пишет в своих заметках: «1830. *Замечание* (выд. М. Ю. Лермонтовым — Авт.). Когда я начал марать стихи в 1828 году [в пансионе], я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня. Ныне я прочел в жизни Байрона, что он делал то же,— это сходство меня поразило!»

Из всех европейских и вообще мировых литератур Байрон оказал мощнейшее влияние именно на русскую словесность: поэзию и прозу. Семя пало на благодатную для его роста и созревания почву. Само формирование русского критического реализма в XIX веке во многом ориентировалось на байронизм, но в совершенно оригинальной русской «упаковке».

...В той же советской школе нас учили: Печорин — это Онегин в прозе, что несомненно и в русле мощнейшего «пушкинского следа» в творчестве Лермонтова. Здесь, впрочем, интересно сопоставить мнения о «Евгении Онегине» и «Герое нашего времени» очень хорошего знатока русской словесности, постоянно державшегося в курсе литературных новинок... императора Николая Первого (в чем они очень схожи со Сталиным). Если о пушкинском Онегине он отзывался, скажем так, нейтрально-положительно, то о «Герое нашего времени», как свидетельствуют литературоведческие источники, император высказался очень даже неодобрительно...

Хотя тема произведений и характеры Онегина и Печорина исполнены, что называется, в едином сюжетно-художественном и смы-

* И так далее (лат).

словом ключе, но большой знаток литературы и человеческих душ император Николай почувствовал в романе Лермонтова чуждый ему, как «рыцарю самодержавия» — название книги нынешнего ректора Литературного института им. А. М. Горького, писателя Б. Н. Тарасова,— протестный дух байронического нонконформизма (надеемся, читатель уже привык к этому термину...), что и сам Михаил Юрьевич не преминул четко обозначить в предисловии:

«Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастию, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!»

Этим сам Лермонтов все и сказал. А имена Григория Александровича Печорина, Максим Максимовича, Грушницкого, Бэлы, Казбича, Азамата, таманских контрабандистов у всех в памяти со школьных лет, так что и разбирать подробно «Героя нашего времени» в интересующем нас аспекте вовсе не требуется. Два других более-менее крупных, но не завершенных, прозаических произведений — «Вадим» и «Княгиня Лиговская» во многом дополняют «Героя нашего времени», но и только. Особняком стоят «Кавказец» и «Ашик-Кериб» — короткие зарисовки ориентально-кавказской этнографии, но не *color local*, а опять же характеров.

Проза Лермонтова уникальна своей точностью (и краткостью) обрисовки характеров с их специфической чертой отстраненности от традиционного быта и межличностных взаимоотношений. Очень верно, опять же емко, сказал А. Н. Толстой, сам выдающийся мастер обрисовки характеров: «Лермонтов-прозаик — это чудо, это то, к чему мы сейчас, через сто лет, должны стремиться... Читаешь и чувствуешь: здесь все: — не больше и не меньше того, что нужно и как можно сказать. Это глубоко и человечно. Эту прозу мог создать только русский язык, вызванный гением к высшему творчеству. Из этой прозы — и Тургенев, и Гончаров, и Достоевский, и Лев Толстой, и Чехов. Вся великая река русского романа растекается из этого прозрачного источника».*

Имея в виду традиционный футуристический вопрос, обычно адресуемый к двум нашим великим поэтам: а что бы было, проживи они дольше своих немногих лет? — в отношении Лермонтова-прозаика литературоведы обычно указывают на слова Белинского: незадолго до своей гибели Михаил Юрьевич предполагал написать трилогию — из трех знаковых периодов жизни страны и ее, уже консолидирующегося общества: из времен Екатерины, Отечественной войны 1812 года — от Петербурга до Венского конгресса, и из кавказской жизни при Ермолове — до гибели Грибоедова.

Все три романа предполагались связанными как, отчасти, действующими персонажами, так — и особенно — идейно-литературной направленностью. Но — человек полагает, а Бог располагает...

Последние четыре года жизни Лермонтова — от его всероссийского признания и до гибели — неразрывно связаны, прежде всего, в творчестве, с Кавказом. Это тот удачный для него фон, что позволил — прежде всего, поэту — самовыразиться как сугубо индивидуальному характеру со своим местом в русской литературе, как неприемлющему существующие нормы быта и отношения людей в так называемом «обществе». — Все тот же нонконформизм, так характерный для кавказской (северокавказской) жизни.

---

* А. Н. Толстой, ПСС, Т. 13.— М., 1949, С. 428. Цит по книге: М. Ю. Лермонтов. Собр. Соч. в 4-х тт. Т. 4.— М.: ГИХЛ, 1958.— С 477.

Словом, нашла коса на камень... Или из того же фольклора: рыбак рыбака видит издалека.

...Кавказ есть самое чудесное и чудно́е место,— что-то навроде этого сказал посетивший его Дюма-отец. И классик норвежской литературы Кнут Гамсун завершил свой очерк «В сказочной стране»* о путешествии по Кавказу многозначительными словами: «День склоняется к вечеру. Я сижу у открытого окна и смотрю на голых людей, которые сидят верхом на лошадях и купают их в Черном море. Их темные тела выделяются на фоне синей воды. А солнце все еще озаряет своими последними лучами развалины замка Тамары, который возвышается над густым темным лесом.

Завтра мы опять едем в Баку, а оттуда дальше на Восток. И так, мы скоро покидаем этот край. Но я всегда буду тосковать по нему и стремиться сюда. Ибо я пил воду из реки Куры».

Не буду, уважаемый читатель, агитировать вас, как раньше говорили, за советскую власть. Ибо сами хорошо знаете специфику Кавказа и его обитателей. И исторические истоки формирования кавказского характера. В том числе и своеобразное сочетание национальной родоплеменной общинности и замкнутости внутри этих общин — по отношению к соседним народностям и племенам. А внутри — межродовая кровная месть? Вряд ли кто усомнится, что в XIX веке Сибирь заселялась в равных пропорциях потомками сосланных в каторгу и на поселение русских разбойников и преступников, кавказских «кровников» и многих тысяч поляков, отправленных за Уральские горы после очередного варшавского восстания против царя...

Из первых, многократно описанных в литературе, это толстовская Катюша Маслова и бунинский гвардейский офицер, застрелившийиз ревности свою содержанку («В темном море»), и многие, многие другие. Из вторых, конечно, великолепная фигура Ибрагима-оглы из шишковской «Угрюм-реки». А вот из третьих — и ходить далеко не надо: член нашей редколлегии, старейшая писательница

---

* Кнут Гамсун. В сказочной стране. Переживания и мечты во время путешествия по Кавказу / ПСС, Т. 3.— СПб: Издание Т-ва А. Ф. Маркс. 1910.— С. 450—606.

России, недавно отметившая свое 90-летие (см. № 2, 2014 «ПЗ»), Наталия Диомидовна Парыгина — потомок сосланного в Сибирь за участие в восстании польского дворянина Конопко.

Итак, мягко говоря, презрение к цареву закону, коль скоро тот противоречит положениям родового адата, неиссякаемое вольнолюбие и ... подозрительность, причина которой — постоянное ожидание врага внешнего; приведем отрывок из «Спора» Лермонтова:

...Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Веют белые султаны,
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамена,
В барабаны бьют;
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно медленны, как тучи,
Прямо на восток...

Это о ермоловском покорении Северного Кавказа («генерал седой»). А вот за христианское Закавказье русские полки с седы-

ми генералами долго и кровопролитно сражались с внешним врагом. Россия воевала, и неоднократно, учитывая и советский период, с Японией, тем более с европейскими странами: Польша, Германия, Франция, Англия, Швеция, Италия, Венгрия... даже Королевство Сардиния (это в Крымскую кампанию)! Но по числу войн России доминируют двенадцать войн с Турцией и пять войн с Персией, причем последние исключительно в защиту Грузии. В итоге Георгиевский трактат позволил ей благоденствовать «за гранью дружеских штыков». Настали, однако, новые времена и Грузия отплатила России недавней «пятидневной войной». Правда, при этом потеряла два своих клыка...

Истинно говорил самый русский (этнический немец) царь Александр-миротворец, что у России в мире только два союзника: ее армия и флот. Увы, сейчас, когда весь мировой империализм с примкнувшими к нему шавками ополчился на Россию, эти ее два союзника не в очень хорошем состоянии: нет сталинских танковых армад и господствующей в небе авиации, нет могучего океанского флота 60—80-х годов. Постарались многие — внешние враги и агенты внутреннего влияния. «Пиджачные» министры обороны и «болотные» горлопаны — это только верхушка айсберга...

Однако вернемся от скорбной нашей действительности к кавказской жизни и произведениям Лермонтова. Так сказать, поэт русского нонконформизма в соответствующей этому же среде Кавказа времен его покорения.

...Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалося и нам...

(«Валерик», 1840)

«Валерик» — это далеко (и не только) военная «этнография», как почему-то принято думать. В литературоведении в том числе.

Это достаточно глубокое самовыражение Лермонтова-поэта; Кавказ здесь, хотя и сильный, колоритный, но все же фон. Из того же «Валерика»:

...Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За все я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переношу...

Но своего рода лермонтовским катехизисом кавказского этапа его творчества является, вне всякого сомнения, поэма «Мцыри»:

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

* * *

«И возвратится вновь к тому...» — То есть к началу настоящей «Колонки»: суть подзаголовка к ее названию. В ранее опубликованном в «Приокских зорях» проекте Манифеста нового рус-

ского критического реализма (№ 1, 2011), кстати, перепечатанного рядом российских периодических изданий, мы утверждаем о непрерываемом, последовательном развитии принципа русского критического реализма, включающего в себя реализм литературы XIX — начала XX вв. социалистический реализм советского периода истории страны, нарождающийся новый русский критический реализм.

В свою очередь, у истоков русского реализма стояли, а далее развивались и сейчас развиваются в неотъемлемом единстве, три составные его части: широко понимаемая народность литературы, общекритический, нигилистический ее аспект и конструктивная критика. Последняя суть преобладающе развитая в социалистическом реализме и вытекает из принципа: в той или иной степени содержанием и самой апологией существования литературы является ее определенная оппозиционность к любой форме власти, но высшим развитием этого принципа является конструктивная оппозиция, что мы и наблюдаем в творчестве классиков советской литературы. Того же стараются придерживаться и серьезные (не из пиарщиков!) современные литераторы.

Даже не обсуждаем: у истоков широко понимаемой моей народности стоит Пушкин. А вот Михаилу Юрьевичу, великому ученику Поэта, было суждено в названном триединстве дать источник сугубо критической составляющий русского критического реализма, то есть нонконформизма в творчестве:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья...

* * *

По уже установившейся, надеемся — доброй, традиции «Колонка главного редактора» заключительного номера журнала текущего года задает тему дискуссии на страницах «Приокских зорь»

года последующего. То есть приглашаем всех читателей и авторов нашего журнала принять самое *активное* участие в дискуссии 2015-го года по теме: «Лермонтов и истоки русского критического реализма: К 200-летию великого поэта».

...Еще раз призываем к активности. Мы вступили уже в третье десятилетие всеобщей апатии и литературного «разброда», но кто как не мы, подвижники отечественной словесности, можем преодолеть их? Собственно, сам факт регулярного проведения литературных дискуссий в «Приокских зорях» и был вызван к жизни данным насущным вопросом.

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ ПО ПРОЕКТУ «МАНИФЕСТА НОВОГО РУССКОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА»*

Проект «Манифеста нового русского критического реализма» (далее «Манифест») был опубликован в № 1, 2011 «Приокских зорь», а также в № 17 (2011 г.) красноярского журнала «Истоки» и в альманахе «НЛО» (г. Новомосковск Тульской области). Учитывая, что журнал «Приокские зори» публикуется в электронной форме на сайте ***www.pz.tula.ru***, содержание «Манифеста» было доведено до всех читающих по-русски. Приглашение к участию в дискуссии содержалось как в самом тексте документа, так и доводилось до сведения всех лиц и организаций, не чуждых дальнейшему поддержанию и развитию русского литературного процесса.

Поясним: понятие «русский» в названии «Манифеста» — это не этнический термин, но обозначение принадлежности авторов, читателей, общественных и иных организаций к великой русской литературе, ее продолжению в лучших произведениях русской, интернациональной советской литературы, современной русской, российской реалистической литературы.

---

* См. также в № 4, 2011 «ПЗ» интервью с В. В. Жириновским, где затронуты некоторые положения «Манифеста нового русского критического реализма».

Редколлегия нашего журнала, как орагнизатор дискуссии, была приятно удивлена активностью ее участников, неформальным, выверенным подходом к сущности положений «Манифеста». Это очень приятно и даже символично на общем фоне современного культурного угасания — не только в России, но и во всем так называемом «цивилизованном мире»,— очень напоминающем вялотекущую морально-этическую и нравственно-культурную шизофрению... Другого слова не подыщешь, если под современной литературой понимать глянцевые журнальчики, примитивнейшие детективы с женскими псевдонимами и коммерческие, запиаренные издания.

Вполне естественно, что наиболее активное участие приняли в дискуссии постоянные, новые и потенциальные авторы «Приокских зорь». Символично и симптоматично, что прислали свои отзывы, комментарии и предложения наши авторы и читатели из других стран: США, Великобритании, Германии. Это тем более ценно, что мы имеем «взгляд издалека». А со стороны и издалека — по аналогии со зрением — все видится укрупненно, в несколько ином ракурсе.

Правда, оказались и зарубежные респонденты, ответившие в том смысле, что этот «Манифест» не для них, поскольку они уже давно не живут в России (а ранее в СССР). Что здесь сказать... Даже — представим умозрительно — что вы проживаете, как полковник разведки генштаба Российской империи Миклухо-Маклай, на глухом берегу Папуа — Новой Гвинеи, либо же который сезон полярничаете в Антарктиде на станции «Скотт-Амундсен», но пишете по-русски, активно печатаетесь в российских литжурналах, получаете престижные российские литературные премии, в статуте которых значится «активное участие в современном русском литературном процессе», то почему же «Манифест» не для вас? Впрочем, свободу выбора и мнений никто директивно не отменял...

Далее. За исключением членов редколлегии, в дискуссии вовсе не приняли участие тульские литераторы, в том числе многочисленные авторы «Приокских зорь». Все в строгом соответствии с пословицей: сапожник без сапог.

Понятно неучастие и руководителей, функционеров различных писательских союзов, творческих клубов, литературных объедине-

ний.— Им не до того, сохранить бы в полном безденежье и отсутствии госпризрения, хотя бы формально, свои организации. Редколлегия журнала прекрасно это понимает и не ропщет на невнимание к «Манифесту».

Не менее понятен и этакий снобизм кузницы писательских кадров — Литературного института им. А. М. Горького. Кстати, имеющего в «Приокских зорях» свою постоянную рубрику. Учившиеся в Литинституте на рубеже 70—80-х гг., когда в воздухе уже витал запашок будущего либерализма, вспоминают, как молодые тогда их наставники, ассистенты и старшие преподаватели, на занятиях, заговорщицки приглушив голос, говорили о необходимости обновления и дополнения базовых положений соцреализма и реализма вообще.

...Прошли годы. Ассистенты и старшие преподаватели Литинститута стали докторами филологических наук, профессорами, заведующими кафедрами, проректорами... Надо полагать, что для себя они нашли эти приемы обновления и дополнения, но поделиться ими в рамках дискуссии не торопятся... Но выпускники Литинститута указанных городов благодарны им. Они, как и Герцен, памятник которому стоит во дворе Литинститута, зажгли в своих воспитанниках искру творчества... и методологии этого творчества.

Но вот непонятно упорное молчание наших авторов-сибиряков. Они не первый год имеют в «Приокских зорях» свою обширную рубрику. Они так стремятся печататься в изданиях Европейской России... и никакой реакции на «Манифест».

Но мы, как люди доброжелательные, и этому факту найдем объяснение. Как люди прямодушные и уважающие мнения корифеев русской литературы, они не менее прямо следуют завету гения нашей поэзии: «*Во глубине сибирских руд храните...*». И так далее.

На этом и закончим преамбулу и перейдем собственно к материалам дискуссии.

...Все же пришла и весточка из «сибирских руд», от ***Сергея Прохорова***, главного редактора литературного журнала «Истоки», дружественного «Приокским зорям». Журнал этот уникален даже и потому, что издается в поселке Нижний Ингаш на самом восто-

ке Красноярского края. Тем не менее известен и в России, и за ее пределами.

...А насчет обсуждения «Манифеста» даже не знаю. Умные мысли как-то не приходят. А, может, я просто слегка в стороне от реализма вообще, не говоря уже о критическом. Хотя где-то иногда и проскальзывает что-то в своем творчестве. Но это так мелко. Пример надо брать у литературных зубров. И если, по мнению А. М. Горького, последним критическим реалистом XIX века был А. П. Чехов, то по моему мнению, последним жестким реалистом второй половины минувшего и начала нынешнего веков был наш сибирский писатель Виктор Петрович Астафьев, волею судьбы он — мой крестный, при жизни благословивший меня на правдивое слово в творчестве. Я, конечно, понимаю суть и цель Манифеста критического реализма, может, как-то по-своему, как и каждый, прочитавший его (в зависимости от своего сегодняшнего взгляда на современную литературу), тоже понимает это по-своему. Единственное, с чем мы должны быть единомышленниками — литературное слово не должно искажать ни нравственность, ни сущность характера героя, ни тем более истории места, края, государства. И нести в себе положительные флюиды в строительстве нашего земного социального сосуществования. И в малом, и в глобальном масштабах. Вот куда меня понесло! Простите меня, но, ей-богу, не знаю, как организовать отклик на Манифест.

Сергей Тимофеевич пишет искренне, не завуалировано. Но он сосредоточился только на «жестком реализме», а это всего лишь только одна из многих ипостасей широко понимаемого критического реализма. Тем более нового.

Также дружественный «Приокским зорям» Творческий клуб «Московский Парнас» (основатель и руководитель ведущий современный русский критик Леонид Васильевич Ханбеков) не остался в стороне от обсуждения «Манифеста».

Обстоятельный отзыв написала ***Ирина Кедрова***, профессор из Москвы, академик Академии российской литературы, лауреат литературных премий, писатель-прозаик, критик и публицист, заве-

дующая отделами критики в журналах «Приокские зори» и «Московский Парнас»; член Союза писателей России.

Размышляя о Манифесте нового критического реализма

По привычке обращаться к значению слов, чтобы разобраться в сути сказанного, заглядываю в словарь.

Манифест — обращение общественной организации с изложением взглядов, программ и предложений.

Итак, общественная организация — Академия российской литературы — обращается к читателям с провозглашением идей, на которых объединяется большая группа современных писателей, стоящих на позиции главенства творческого метода, называемого критическим реализмом.

Известно, что этот метод, как и одноименное литературное направление, берет начало в России в XVIII веке, проявляясь значимыми элементами в творчестве А. Д. Кантемира, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина и Н. И. Новикова. Однако силу он набирает в XIX веке, и, как отмечают историки литературы, проходит от этапа дворянского (К. Ф. Рылеев, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь) к буржуазно-демократическому (Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов), а затем и к социалистическому, создателем которого явился А. М. Горький.

От перечисленных имен, начиная с А. Д. Кантемира и заканчивая А. М. Горьким, дух захватывает. Кто из современных писателей не хотел бы встать рядом с ними? Кто откажет им в умении проникнуть в глубину человеческого характера, неминуемо связанного с социальными обстоятельствами и с жизненными условиями, как на этапе формирования, так и затем — в проявлении? Разве не предназначена художественная литература для того, чтобы вскрывать типическое и высвечивать уникальное? Чтобы специфическими средствами, а именно: словом, словосочетанием, замыслом, сюжетом, фабулой, литературной формой правдиво отразить реальную действительность? Да разве не находим мы в произведениях, написанных методом критического реализма, отражение нынешней действительности?

Кто из вас, дорогие читатели, отринет современность слов Д. И. Фонвизина, написанных им еще в 60-е годы XVIII столетия?

...Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга — господа, а знатные бояре
Нередко обмануть хотят и государя...
За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца!..

По данным Счетной палаты РФ ежегодно уходит на сторону один триллион рублей из суммы, выделенной бюджетом страны на госзакупки. Куда эти деньги уходят? Председатель Счетной палаты С. В. Степашин заметил в декабре прошлого года: «Из 6 триллионов рублей, направляемых в год на госзакупки, около триллиона рублей оседает в карманах жуликов и проходимцев». Эти средства могли бы значительно улучшить социальную сферу, повысить пенсии, зарплаты учителям и врачам. «За деньги... готовы обмануть».

Вряд ли мы откажем Г. Р. Державину в остром и весьма современном взгляде, который, например, обнаружился в такой характеристике:

«Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами...

(«Вельможа», 1794)

К сожалению, и в наши дни «осел останется ослом...», какое бы значимое место в обществе он ни занимал.

Живая разговорная речь утверждалась в русской литературе XVIII века, хотя еще сильны были каноны риторического выражения мысли, однако введение разговорного русского языка явилось одним из проявлений реалистичного отображения жизни.

А в XIX веке реалистический стиль изложения характеризуется активным внедрением живого разговорного языка в текст, как в авторский, так и в речь персонажей произведений. И эта речь становится дополнительной характеристикой персонажа, доказательством его принадлежности конкретному социальному слою.

Вместе с тем происходил двусторонний процесс, в котором реальная жизнь проникала в произведение через разговорную речь, но и художественная литература влияла на речевое развитие общества. Создавались нормы языковой культуры, и в этом состояло величайшее значение литературного отображения жизни.

Вот и сейчас, не раз и не два мы, в минуту грустную, в обстоятельствах неясных или, наоборот, весьма прозрачных, вспоминаем строки А. С. Грибоедова:

«Блажен, кто верует, тепло ему на свете!»;
«Что за тузы в Москве живут и умирают!»;
«Служить бы рад, прислуживаться тошно»;
«Свежо предание, а верится с трудом»;
«Чины людьми даются,
А люди могут обмануться».

Современный литературный процесс идет разными путями. Некоторым не нравится выражение «литературный процесс». Но слово «процесс», означающее последовательную смену состояний, единство закономерно следующих друг за другом стадий развития, составляющих непрерывное движение, наилучшим образом отражает обсуждаемую нами тему.

В недрах классицистической литературы зародилось романтизированное отражение действительности, всегда возвышенное, находящееся в непрерывном поиске героя. Существует точка зрения, что романтизм и реализм — противоположны друг другу. Мы же убеждены в том, что романтизм нередко проникает в реалистический метод изображения действительности и делает это изображение ярче и привлекательнее.

Логичным развитием литературного процесса является возникновение критического реализма, главная задача которого состоит в том, чтобы исследовать социальную действительность, общественные отношения и процессы развития личности в этой действительности и в характерных для общества отношениях.

Критический реализм отражает происходящие в обществе изменения, да и сам в них отражается. Активное участие в войне 1812 года народных масс, выдержавших на себе ее тяготы, спасших Россию от французских захватчиков, привело к новому взгляду на действительность. Усиливались свободолюбивые настроения, появилось неприятие крепостничества, развился интерес к простому человеку — не к великому государственному деятелю, не к бесстрашному герою, а к тому, кто тяжким трудом ежедневно создает «богатство» России, кто способен ее защитить в трудный час, кто чувствует, любит, страдает, и кто достоин изображения в литературном произведении.

Так, например, А. И. Полежаев создал в поэме «Сашка» образ свободолюбивого студента, у которого «свобода в мыслях и поступках». Характеру полежаевского героя свойственно:

Не знать судьею никого,
Ни подчиненности трусливой,
Ни лицемерия ханжей,
Но жажду вольности строптивой
И необузданность страстей» (1825).

Поэма, проникнутая вольнолюбием, послужила причиной ареста А. И. Полежаева и отправки в военную службу.

Народ описан во многих произведениях послевоенного времени. Назовем произведения, известные со школьной скамьи: «Капитанская дочка» А. С. Пушкина,«Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Сорока-воровка» А. И. Герцена, «Записки охотника» И. С. Тургенева и др.

Связь с народом, глубокое осмысление его роли и потенциала в общественном развитии, становится одной из ведущих черт критического реализма.

Критика существующего строя, государственной власти, несправедливости общественных порядков — эта нескончаемая тема литературно-художественного исследования оказалась необходимой в поиске путей развития России.

Эта тема возвела литераторов на новый этап критического реализма, связанный с развитием революционно-демократических идей. Произведения Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Г. Чернышевского вскрывали мощь и силу народных масс, способных взорвать социальный порядок. В творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова раскрывалась личность, способная мир перевернуть и себя преобразить.

Каждый из названных авторов делал это особым, ему присущим, способом. Так А. П. Чехов, придерживаясь метода критического реализма, внес в него авторское отношение, наполненное легкой усмешки и грустного юмора.

Когда же на политическую арену вступил пролетариат, не желавший жить в прежних порядках, критический реализм пережил новое состояние, которое назвали реализмом социалистическим.

Мы можем спорить о нужности, важности и сути социалистического реализма, можем его отрицать, но он существовал без нашего на то соизволения. Этот метод поставил на первое место человека рабочего труда, революционно добивавшегося своих прав, начавшего строительство государственного строя, который, по утверждению мыслителей прошлого, мог дать ему свободу и лидерство в общественном развитии. Критическое отношение к общественным отношениям, построенным на эксплуатации человека, усиливалось и становилось определяющим, хотя сама эта эксплуатация рассматривалась ограниченно, лишь в рамках отношений «хозяин собственности и работник, преумножающий эту собственность».

Что произошло? Стал ли рабочий хозяином слова, страны, вершителем судеб? Да и был ли у него потенциал для руководящей силы в созидании? Устранил ли он эксплуатацию человека человеком? Эти вопросы находятся вне нашего обсужде-

ния. А литература, отстаивавшая новые — социалистические — идеи, отразила свое время и вырастила своих авторов.

Итак, литературный процесс, непрерывно развиваясь, не только отражает реальную действительность, но и связан с условиями жизни общества.

Однако обратимся к современной литературе. Реалистична ли она?

Надо ли сегодня раскрывать роль народа, вскрывать недостатки существующего общества, прослеживать путь созидания в человеке личности, связанный с общественным развитием?

Для нас ответ на этот вопрос утвердителен. Впрочем, современный реализм, как и реализм прежних времен, не может быть представлен в «чистом» виде.

Раскрытие правды, овеянной критическим отношением, нередко переплетается с содержанием, в котором в реальных обстоятельствах действуют, на первый взгляд, нереальные силы. И можно говорить о литературе фантастической, сюрреалистической, психоаналитической, эзотерической и т.д., и т.п. Главное здесь заключается в том, что автор ищет свой путь, свою форму, свой метод литературного исследования действительности.

В большинстве своем он стремится к зарисовке той жизни, которую видит, и она ему представляется, нередко, более реалистично, чем тому, кто, выступая за новый критический реализм, и только за него, понимает в нем лишь строгое следование реальному событию и описание такое, чтоб «как в жизни».

Но будет ли такое описание литературой? Художественной? Или это будут дневниковые записи событий жизни конкретного человека, не всегда, кстати, самого автора?

Убеждена: критический реализм в новых условиях остается ведущим методом, который, безусловно, отражает действительность, вскрывает недостатки жизни общества, видит теснейшую связь между обществом, условиями жизни и личностным содержанием, опирается на народную силу. Без народности невозможно. Справедливо отмечал В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года»: «...народ-

ность суть личность человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения». И еще он там же подметил: «Великий человек всегда национален, как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собой свой народ».

Опора на народность проявляется, прежде всего, в богатстве, сочности, точности родного языка, используемого авторами для выражения мысли, для описания событий и характеристики персонажей — от героя до легко зарисованного персонажа, который, казалось бы, незначителен, а на самом деле вносит нужный колорит в изложение событий, явлений.

Народность проявляется и в том, что в круг внимания писателя включена жизнь разных слоев населения — сельские и городские жители, из столицы и из глубинки, рабочие, крестьяне, интеллигенция, простые граждане, на которых держится Россия, и высокопоставленные лица. В каждой группе людей есть свои радости-горести, бедствия-удачи. Выявить типическое, уловить единичное, вскрыть общественные нарывы, показать возможные пути развития человечества — в этом назначение современного писателя, которому не обойтись без метода критического реализма.

Не менее важен и такой вопрос: имеет ли право писатель, проявляя свою самость, создавая свой, уникальный, стиль письма, выбирать темы, которые ему кажутся наиболее значимыми и интересными, и способы раскрытия этих тем? Пренебрегать ожиданиями, потребностями и интересами читателя? Отказывать читателю в его, особом, восприятии произведения? Навязывать ему как единственно верную свою точку зрения? Быть много впереди читательского запроса?

Думается, что ответ на эти вопросы не может быть однозначным, однако задавать их себе необходимо, хотя бы для того, чтобы те, ради кого создаются произведения, не оказались вне современной отечественной литературы.

Новый критический реализм — это новый этап развития метода, который зародился в России в XVIII веке, стал определяющим в XIX веке, несколько изменился в XX веке и с но-

вой силой, в современных условиях жизни, проявляется в современной литературе.

...Здесь и добавить нечего. Пишет профессионал: писатель и критик. За небольшими разночтениями Ирина Кедрова поддерживает основные положения проекта «Манифеста». Особенно ценны ее строки, посвященные сущности соцреализма, как неотъемлемой части, этапа развития русского критического реализма, причем его специфика созвучна имевшей быть место исторической эпохе в развитии СССР — России. Да и не только нашей страны.

Здесь надо различать идеологизированную прямолинейность соцреализма 20—30-х гг. с сохранившейся «пролеткультовской закваской» и соцреализма второй половины XX века. Если для первой характерен схематизм романов Федора Гладкова и Мариэтты Шагинян, то уже по-другому мы воспринимаем произведения второй ипостаси соцреализма. «Цемент» и «Гидроцентраль», нужные в свое время, достаточно скоро «сошли» со сцены читательского внимания, но «Журбины» Кочетова — это уже классический реалистический роман.

Конкретизирует некоторые положения «Манифеста» другой член Творческого клуба «Московский Парнас», также академик Академии российской литературы, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011-й год, постоянный автор «Приокских зорь» ***Наталья Квасникова*** из Москвы; член Союза писателей России.

Критический реализм, в моем понимании, предполагает руководящую роль литературы в воспитании общества. Слово действительно воздействует на личность и социум иначе, нежели другие, наглядные виды искусства, следовательно, оно имеет особые права и обязанности. Считаю, что произведение любого литературного жанра и направления должно нести смысловую нагрузку, не разрушающую и не развращающую читательскую аудиторию. Именно данный пункт я предлагаю внести в формирование содержания Манифеста. Несколько нижеследующих умозаключений послужат, надеюсь, к пояснению этой формулировки.

Современная литературная атмосфера пронизана тлетвор-

ным одурманивающим туманом легковесного и лишенного всякого смысла чтива. Книжный рынок утопает в низкопробной детективщине, псевдолюбовной, а на деле развращающей бульварщине, агрессивно-бессмысленной мистике и т.п. Сегодняшняя поэзия представлена по большей части двумя категориями авторов: во-первых, теми, которые приобрели известность в нелитературной области, обладают определенной начитанностью и на этом основании считают необходимым публиковать свои сентиментальные стихи любительского уровня, поскольку наличие известного имени, а в некоторых случаях, вероятно, и денег открывает им двери в крупные издательства и магазины; во-вторых, люди, пишущие на жаргонно-идиоматическом наречии мрачные, человеконенавистнические по сути и настроению вирши, часто с натуралистическим пошлым окрасом — или откровенно бессмысленные во всех отношениях.

Вот примеры такого ультрасовременного стиля (Узлова О.):

И словно катая тяжелые шарики ртути,
Сливаю усталые буквы в пустые слова.
И держит кольцо, как живую деталь парашюта,
С трудом уцелевший желающий спрыгнуть с ума.

Или еще образец (автор тот же):

Память тела. На кончиках пальцев гнездятся эмоции —
Вместе с ногтями остригла остатки прикосновений.
Небо как раз пеленало недоношенное солнце
После ежеутреннего кесарева сеченья.

Будучи очень опытным читателем с огромным стажем, возлюбившим огромное разнообразие стилей и ритмов, в том числе современных, не могу воспринимать подобной литературной отрыжки на публику — именно такое впечатление на меня производят данные творения.

Замечаю одну интересную закономерность: если излить все это на обычную зрительскую массу любителей поэзии, она ред-

ко вытерпит все эти нудные анатомические сравнения дольше десяти минут слушания. Не зря множество «толстых» литературных журналов, лет двадцать пять назад являвшихся законодателями литературной моды, сейчас залеживаются на складах чуть не целыми тиражами. Распространено мнение, будто поэзия в наше время малоинтересна читателю — мой собственный опыт показывает, что это не так. По-видимому, дело в навязываемом типе стихотворчества, который преподносится как «новое слово» в литературе, однако опыты подобного рода производились в разные периоды истории еще с догомеровских времен, большой всплеск поисковых работ на данной почве был на рубеже XIX—XX веков, но уцелели единицы, причем, заметьте,— максимально приближенные к традиционно возвышенному образцу. Язык нашей поэзии должен быть современным, несомненно, но не утробным словесным испражнением, что нам навязчиво преподносят как эталон.

В отношении прозы могу сказать о тенденции детектива к вырождению в детективообразную фантастику с элементами триллера. К примеру, одна из лучших, на мой взгляд, мастериц современности в данном жанре Александра Маринина после нескольких сильных работ («Стилист» и некоторые другие) съехала в несоответствующее жанру и портящее его фантазерство на тему антенн, вызывающих агрессию, облучений, формирующих человека с определенными интеллектуальными или рабочими качествами и т.п. Об эротическом вздорно-любовном романе говорить просто неинтересно — жвачка от скуки, не в обиду будь сказано читателю, утомленному трудностями переходного периода существования.

Вывод: учитывая приведенные примеры, считаю критический реализм, неуклонно сочетаемый в современной литературе с формирующим социально приемлемую и высокоорганизованную человеческую личность традиционализмом наиболее необходимым направлением развития.

В целом Наталья Валентиновна подчеркивает эстетическую, художественную ипостась расширенно понимаемого метода критического реализма. Особо удачны ее примеры в части поэзии. Дей-

ствительно, многие современные поэты — молодые и не очень* — из кожи вон лезут, якобы создавая новые стихи, формы и поэтические тропы. Наивные! Они явно не читали поэтов-модернистов рубежа XIX—XX вв., о которых выше говорит Наталья Валентиновна. Маяковский, Шершеневич, Кусиков, Андрей Белый, молодой Асеев, Давид Бурлюк и многие другие.— Какие (и сейчас не забытые) имена, какие таланты! При всем их гипермодернизме, который и не снился нынешним корежителям рифм, ритмов и понятийных образов. Но те-то имели огромный поэтический дар. Более того, все они, футуристы, имажинисты, кубисты, дадаисты и прочие «ничивоки» не просто писали с невыразимой ныне экспрессией:

Соломону — первому имажинисту,
Одевшему любовь Песней Песней пестро
От меня, на паровозе дней машиниста,
Верстовые столбы этих строк.

(Вадим Шершеневич «Песня Песней»)

...Не только писали, скандировали и горлопанили, но создавали идеологии своих поэтических школ. Что стоят только теоретические работы Андрея Белого («Ритм и «Медный всадник» и др.)?

А наши футуристы в теории и в практике стихосложения на две головы опередили родоначальников этого жанра в поэзии — итальянцев во главе с их захваленным Маринетти...

Итого, как говорят скрупулезные бухгалтеры и счетоводы: критический реализм, тем более новый, понимаемый расширенно, не есть железобетонная догма, но он приветствует любые формы самовыражения (кроме нецензурных, к чему время от времени призывают нынешние модернизаторы русского языка); если они осмысленны, не оторваны от реальной жизни, а главное — не выходят за рамки тысячелетних — от античных времен — традиций.

---

* Понятие молодости в поэзии весьма растяжимо. Вот к примеру кумир поэтической молодежи 60-х гг. некогда скандировал в переполненном зале Политехнического музея: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам кромешный после тридцати!» Сейчас, в канун своего 80-летия (с чем мы его поздравляем), в том же зале он читает свои новые стихи...

Об этом же говорит и наш постоянный автор, писатель-прозаик и эссеист, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2010-й год ***Наум Ципис*** из немецкого Бремена.

Извиняясь за невозможность более активного участия в дискуссии, вызванной личными обстоятельствами, Наум Эфроимович пишет:

Теперь о дискуссии. Я за два месяца неизвестности и послегриппозного состояния тоже еще не совсем пришел в себя. А дискуссия, судя по Манифесту, должна, обязана по определению, быть сереьзной. И уж во всяком случае, требует от участников солидной историко-литературоведческой подготовки. И это кроме заряженности внутренней, называемой спортсменами куражом. Ничем из перечисленного на данный момент я не обладаю. И даже если бы позволил себе что-то сказать по столь серьезному предмету — только с эстетической точки зрения, то и этого не смогу: постоянное чувство тревоги не дает даже толком прочесть текст среднего уровня. Прошу извинить мне мою неготовность к этой редкой, но современной и нужной дискуссии. Желаю участникам плодотворно поспорить об инструментах современной и будущей русской литературы.

Еще одну ипостась нового русского критического реализма, досадно «пропущенную» в проекте «Манифеста», а именно профессионализм в своеобразной манере затрагивает наш новый автор *Камелия Санрин* из английского городка Роял Танбридж Велс («Королевские колодцы у моста через Тан» — по-русски) — ближнего пригорода Лондона. Камелия пишет:

А я вот думала-думала о чем... о профессионализме. Как человек не насыщается, обладая вещами — и как гордится своими знаниями и умениями. Я много чего умею делать руками, что сегодня не очень-то нужно кому... но здесь меня уважают, когда узнают, что я умею и шить, и вязать, и готовить — обычные для русской женщины умения, в общем-то. И мне пришло в голову, что вот такую гордость умельца я узнаю ныне в программистах и дизайнерах — новые профессии, новые навыки — но человек все тот же. И написала я длинный

стих на эту тему... а вы же знаете, как поэтам не терпится свои стихи всем читать и показывать? Вот только боюсь, кто-нибудь может привязать меня к политике, а я политики (и политиков) опасаюсь и не доверяю им, политикам.

Прохожему, обдумывающему житье

Слушай! Слушай сюда, прохожий!
Продемонстрируй рабочий ум —
всею своей пролетарской рожей
отобрази многотрудность дум!

Вспомни, товарищ, труд Стаханова,
вспомни родной заводской гудок.
Вспомни обгон пятилетки плановой,
славу труда из газетных строк!

Гордость свою пролетарскую вспомни,
тысячи ждущих рабочих мест.
Звоном набат революционный:
«Кто не работает — тот не ест!»

Умерли фабрики. Стали заводы.
Плакаты забыли славу труду.
Думаешь, кончатся смутные годы
в две тыщи семнадцатом году?

Нечем гордиться в век потреблений,
вместо труда — гордись мишурой!
Гордость рабочая — на колени.
Новое время — новый герой —

с экранов, в журналах — лобковою вошью,
куда ни посмотришь — плодится и ест.
А ты на алтарь потребления брошен —
тебе ни станков, ни рабочих мест,

ни строек гигантских тебе не доверено.
И впору поверить в правдивость лжи.
Ты выпал, товарищ, из нового времени,
из светлого завтра. Новая жизнь

к тебе обернулась оскалом ранящим —
не жди, мол, уже никаких побед...
Не верь, дорогой пролетарский товарищ
мой! В криках журнальных истины нет.

Просто, пока ты трудился над будущим,
строил его трудовою рукой —
вошь захватила прессы орудище —
и стала вопить, что весь мир такой,

каким его видят сплетники вшивые:
«сношаться и жрать — значит, радостно жить»!
Им невдомек, что за всякой наживой
радость труда в основаньи лежит.

Вот и не надо, в печали скукожась,
вшивые ценности в горсть собирать!
Нам пролетарская совесть поможет
новое время вновь создавать.

Дадим основание новым ремеслам,
знаний осиливая капитал!
И на борьбу с невежеством бросим
знания, труд и бойцовский запал!

...Политика — дело стремное. Искренности и чувств в ней 0,00... %. С поэзией она совместима лишь тогда, когда эта самая политика приобретает некие, почти романтические черты, понятно, что при этом она четко преследует свои цели... Тогда и только тогда она привлекает внимание поэтов. Это и Маяковский, восхищенный бурными событиями молодой Советской страны, или тот же Редь-

ярд Киплинг, воспевавший, причем совершенно искренне, мощь и величие Британской империи, над которой не заходит солнце: «Запад есть Запад, Восток есть Восток // И вместе им не быть...».

Нет, мы «привязываем» стихи Камелии Санрин исключительно к теме профессионализма, которую Вы несколько иносказательно — в соотношении с темой дискуссии — так образно раскрыли в своем стихотворении, первые читатели которого — это раскрывшие настоящий номер «Приокских зорь».

Да, без профессионализма, без постоянного стремления к нему нет литературы, литературного творчества по определению. И профессионализм — это еще одна, пожалуй, наиболее существенная составляющая метода нового русского критического реализма. Здесь нам есть на кого равняться: великая русская литература XIX века и ее продолжение в лучших образцах литературы советского периода нашей истории.

...И Камелии Санрин нельзя не верить, ибо она — прирожденный провидец, то есть человек тонко анализирующий и делающий логически непротиворечивые выводы. Один пример нас убедил в этом. Еще в середине июля она писала, что в Англии, в Лондоне тож, необычная жара, а сама столица Королевства как-то в одночасье приобрела сходство с теми же итальянскими городами: чопорные британцы вдруг засуетились, покрылись средиземноморским загаром, на улицах все бурлит, водители машин орут на пешеходов, а те проклинают всех и вся, взывая к справедливости и ликвидации классового неравенства... Так, мол, и назревают революции.

И что ж вы думаете? Прошла неделя-другая, а мы видим (эти строки пишутся в первой декаде августа м-ца) на экранах ТВ «революционные» грабежи, пожары и битвы с полицией в Лондоне, Ливерпуле, Манчестере и пр. И как нас ни убеждают наши СМИ — уже хвалящие не советскую власть, а капиталистическую: что поделаешь, «вторая древнейшая»,— что это всего лишь хулиганство подростков из бедноты, но это есть самый настоящий классовый взрыв. То, что мы совсем недавно наблюдали в странах арабского Средиземноморья.

...Однако, вернемся от этой увлекательной темы к материалам дискуссии.

Нам пишет постоянный автор «Приокских зорь», лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова за это год, ***Рудольф Артамонов***:

Подходит срок реакции на Ваш Манифест, а все оттягиваю время ответа, потому что боюсь Вас огорчить тем, что хочу сказать. Мой бог в литературе — Чехов. Я боюсь всяких «направлений» в литературе и искусстве. Реализм, акмеизм, модернизм, постмодернизм и т.д. Не знаю, что такое реализм, а тем более критический. Придерживаюсь той точки зрения, что реализм вообще невозможен. Каждый из нас отображает действительность по-своему, так, как видит. Так, как видит только сам. Каждый за письменным столом создает свой, только им увиденный мир. А то, как читатель воспримет написанное, так же, как автор, или по-другому, это его, читателя, личное дело. Церковь обвиняет авторов в том, что они претендуют на роль бога, создавая иной, чем созданный Богом мир. Я православный христианин и считаю, что Господь не возбраняет познавать описанием созданный Им мир. Он как отец, который построил дом и вводит в него своего сына и хочет, чтобы он знакомился с вверенным ему домом, походил, заглянул во все уголки и узнал, и понял, что же отец ему дал.

...Решаюсь еще раз высказаться по поводу Манифеста. Не прогневайтесь, пожалуйста.

Как говорили в свое время большевики, сейчас нет «революционной ситуации». Верхи себе правят, как хотят, низы терпят. Поэтому ничего удивительного, что желающих высказаться по поводу критического реализма немного. Критиковать есть за что, только чего и как надо, никто толком не знает. Потому и помалкивают.

Известно, что Горький называл Чехова реалистом. Только эта оценка еще раз утверждает меня во мнении, что у каждого свой реализм. У Горького Челкаш, Сатин, Клим Самгин, у Чехова Мисюсь, Ванька Жуков, что пишет «на деревню дедушке», дядя Ваня. Унтер Пришибеев и Хамелеон, скорее, исключение, да и критикой это назвать трудно. Это усмешка никого и ничего не осуждающего человека.

Вы, Ваш журнал «ПЗ» делаете большое дело для русской

словесности. Горы рождаются на всхолмии, среди взгорья. Их не бывает среди голой равнины. Журнал создает литературное взгорье, а дальше: «Нам не дано предугадать, Как наше слово отзовется, И нам признание дается, Как нам дается благодать». И в этом деле не должно быть «наших» и «ненаших». Вы создаете сообщество людей, любящих русский язык, русскую литературу, желающих сказать свое слово. И слава Богу. Дай Вам Бог здоровья и силы продолжать это дело.

В словах Рудольфа Георгиевича «не знаю, что такое реализм, а тем более критический» — великолепное подтверждение той истины, что метод критического реализма суть не догма, а самодовлеющая методология. То есть писатель вовсе и не обязан, не должен знать всякие там каноны, законы, манифесты и пр., описывающие законы критического реализма, но, тем не менее, он интуитивно им следует, будучи воспитан на русской и советской классической литературе.

Так случилось и с Рудольфом Артамоновым. Премии «Левша» им. Н. С. Лескова он был удостоен за замечательную, глубоко реалистическую «Повесть о русской Сольвейг» (см. «Приокские зори» №№ 1—3/2011).

Что же касается акцента нашего автора во второй части сообщения на слове «критика», то выражаясь в терминах психологии творчества и восприятия (тем более, что Рудольф Георгиевич сам ученый в области медицины, он нас прекрасно поймет), здесь обычное для нашего мышления сочетание эффектов сдвига мотива на цель и фрустрации. То есть человек читает или слышит о критическом реализме и мысленно разделяет это единое понятие на два автономных: критика и реализм. Но ведь критический реализм — это не сугубая критика. Это критическое отношение к реальному миру вещей, понятий, отношений. Критическое не в смысле: критиковать зло, апеллируя к добру. Вовсе нет, здесь критическое отношение суть философская «бритва Оккама»: разделять добро и зло, но в то же время прекрасно понимать, что одно без другого не существует. Это почти как в утилитарной этике Дж. Мура, Бертрана Рассела и Людвига Витгенштейна — столпов этики ведущей философии современного буржуазного общества — неопозитивизма.

Но современный, новый русский критический реализм не приемлет этики неопозитивизма. Признавая онтологическую необходимость сосуществования добра и зла, метод критического реализма, особенно в его русской интерпретации, учит не беззубо *критиковать зло*, а доступными писателю, вообще художнику, средствами *преодолевать это зло*. Такова этимология словосочетания «критический реализм». Спасибо большое Рудольфу Георгиевичу, «подкинувшему» нам тему такой стороны дискуссии.

А вот понятие реализма хорошо определила ***Людмила Авдеева*** из Москвы, наш постоянный автор, член Союза писателей России. В качестве внештатного корреспондента она представляет интересы «Приокских зорь» в Госдуме ФС РФ. Она пишет:

Многомерность реализма

Разработка «Манифеста нового русского критического реализма» своевременна и необходима для поиска выхода из кризиса, поразившего современное гуманистическое сознание, для сохранения исконной духовности русской культуры. Документально оформленный творческий метод должен стать направляющим в раскрытии стилевых возможностей современной литературы, выявлении коллективной индивидуальности литературного направления, наиболее адекватного задачам словесности в условиях мировой глобализации. Причем главной задачей нового русского критического реализма, должно быть не только усиление «критичности», а утверждение подлинных духовных ценностей. Не надо забывать и о необходимости принципиально высоких требований к художественной ценности самих произведений. Литературное направление обязано сохранить лучшие традиции классической отечественной словесности, основные принципы объективного художественного отражения действительности, то есть «достоверное отображение типичных характеров в типичных обстоятельствах». Понятие «реализм» не надо ограничивать социально-бытовым, а необходимо включить в него всю многомерность, объемность жизни, и, при этом, неплохо бы новому критическому реализму взять лучшее и в романтизме, а именно, интерес к внутреннему миру человека как личности и некий идеализм, эмоциональность, без кото-

рых произведения литературы сухи и схематичны. Тем более и в романтизме прошлого была критическая струя в отношении буржуазной цивилизации. Произведения нового критического реализма должны нести идеалы справедливости, добра, свободы, любви... Читатель ждет от литературы не столько «сна золотого», сколько поддержки, указания пути для выхода из социально-общественного и нравственно-этического тупика. Литература во все времена была государственным делом. Писатель обязан быть гражданином, общественно ориентированной личностью. В «Манифесте» очень точно отражена оппозиционность писателя к властным структурам с учетом смены объектов критики, и, безусловно, «Манифест» объединит людей, для которых Слово Правды — основное оружие возрождения духовно-нравственных основ русского общества и сохранения величия русской литературы на мировой культурной арене.

...Сказанное Людмилой Евгеньевной существенно дополняет и разъясняет значение — понятийное и терминологическое — словосочетания «критический реализм».

Наш постоянный автор из Тольятти, инженер по образованию и работающий по специальности, ***Сергей Лебедев*** видит в обновленном критическом реализме мощное оружие в борьбе-противостоянии бездуховности, поглотившей нынешнюю Россию. В частности, он пишет:

Прочитав проект Манифеста, главное, что я понял — основная мысль Манифеста — сохранить лучшие духовные традиции нашего Отечества. И в первую очередь, русской литературы. А значит сохранить базовый фундамент русской культуры, который развивался в условиях существования многонационального государства. Задачи Манифеста отстоять русскую цивилизацию, которая была заложена русской литературой не только в 19—20 веках, но еще со времен принятия православия на Руси. Этого истока русской духовной культуры.

И сейчас, когда за двадцать лет существования русской компрадорской буржуазии, разрушены многие духовные ценности, памятники культуры, на поверхность всплыли прогнившие принципы нового русского капитализма.

Как никогда, здравомыслящим людям становится понятным, что материальное благополучие, которое пропагандируется насильно, не может быть мерилом счастливой жизни людей. Это путь в бездуховность, а значит в общество людей-истуканов.

Всеми способами идет осознанная пропаганда под контролем русских капиталистов вседозволенности, бездуховности. Ставится, невидимый пока, запрет на образование. Но наступит день, когда образование будет получать только кучка детей магнатов. Уже сейчас воспитано поколение бездуховной, маргинальной молодежи. Они порой не могут назвать имен русских поэтов и писателей, а значит, в 18—20 лет никогда не читали книг Гоголя, Достоевского, Толстого. Нельзя допустить нравственной гибели нашего Отечества. К этому и призывает Манифест.

Приведем пространную выдержку из отзыва ***Якова Шафрана*** (г. Тула), сопредседателя Тульского литературного объединения православных писателей «Ковчег»:

Процессы, происходящие в мире, влекущие за собой и все более усиливающие бездуховность, безнравственность, отсутствие сострадания и милосердия, нелюбовь, частнособственнические инстинкты, стяжательство, накопительство, потребительский дух, обездушенность, механистичность, приоритет силы, практику двойных стандартов, презумцию виновности и другие — эти процессы ведут к деградации человечества, к превращению его во что-то противоположное. Этому нужно противостоять. Многое в этом плане может сделать литература и ее действенный механизм — критический реализм. Созданная на его основе великая русская и советская литература всегда помогала людям действенно противостоять и произволу властьимущих, и всем негативным, антисоциальным общественным явлениям, и недостаткам государственного устройства, и недостаткам идеологическим.

Совершенно верно сказано, что сейчас мы живем в переходный период. Предыдущий период истории заканчивается, а вместе с ним постепенно уходят и старые методы работы во всех

сферах жизнедеятельности. Исчерпал себя и классический критический реализм.

Но позволю себе не согласиться с автором проекта, когда говорится о полной тупиковости предыдущих экспериментов, а также о жестком и даже жестоком процессе глобализации, как о единственном и предопределенном механизме «одновременности перехода всего земного сообщества к единому, социально ориентированному, мировому государственному образованию».

Библия говорит о том, что «Бог творит все новое». Да, это так. Но Библия говорит и то, что Бог ничего не делает без человека. Поэтому от того, какой человек будет делать, каково его сегодняшнее состояние, и зависит, что он сделает в итоге, каким будет наше завтрашнее устроение. В этом плане и предыдущие эксперименты могли идти несколько иными путями. Тем не менее, их неоценимый опыт может пригодиться для будущего строительства. Что касается возможного объединения человечества, то и здесь также есть варианты — будет ли проходить глобализация и далее под управлением «трех толстяков» (что мы наблюдаем в действительности), или она будет проходить под управлением духовно-, нравственно- и социально ориентированной ответственной общественности всех стран, независимо от их экономического уровня развития (здесь также возможны варианты в зависимости от степени наличия или отсутствия перечисленных параметров такой общественности в тех или иных странах). И, безусловно, Россия будет участвовать в этом процессе как страна с великим, неразрывным и разумным прошлым, а не с фрагментарной, бессвязной и нелепой историей, какую нам пытаются навязать.

Очень верна мысль автора проекта, являющаяся программной, являющаяся, собственно, Манифестом — «Поскольку в эпоху глобализации отсутствует, по определению, «сравнительная база» национальных литератур, то объектом критики, в том числе конструктивной, становится не геополитика, социальные и экологические коллизии, но во главу угла ставится объект расчеловеченья человека ноосферного (homo noospheres). Сама методология нового критического реализма в

указанном аспекте зиждется на сохранении в реальном временно́м процессе формирования человека ноосферного средствами литературы — художественной и публицистической — тех черт человека личного, общественного и творческого, которые противостоят расчеловеченью, то есть превращению человека в нивелированный винтик глобального механизма ноосферы Земли». Здесь бы еще добавить — и способствуют лучшему устроению цивилизации.

Ради этой великой цели, ради того, чтобы наши дети и внуки жили в человечном мире, под Манифестом нового критического реализма подпишутся все сознательные литераторы и люди, неравнодушные к литературе.

Но если сценарий глобализации и тип будущей цивилизации предрешены, и расчеловеченье неотвратимо, а задача литературы и творчества состоит только в том, чтобы максимально длительно противостоять, то это мало кого вдохновит.

...Что ж, единственный туляк, принявший участие в дискуссии, оправдал пословицу: мал золотник да дорог. В том смысле, что Яков Наумович четко почувствовал по содержанию «Манифеста» — чем же коренным отличается традиционный критической реализм от его новой ипостаси? А отличие в том, что все мы живем сейчас в эпоху глобализации. Соответственно, смещаются и акценты творческого самовыражения, литературы в первую очередь.

Отрадно, что в дискуссии приняли участие не только отдельные ученые, писатели, литераторы, но и литературные общества. Ниже приведем коллективный отклик сразу двух ***литературных объединений из Москвы: «Вдохновение» и «Орфей»***.

Сохранить все лучшее

Обсуждение «Манифеста нового русского критического реализма» прошло в литературных московских студиях «Вдохновение» и «Орфей», а так же в студии «Русич» (подмосковный город Пушкино), в котором приняли участие поэты и прозаики. «Манифест», как четко изложенная декларация современного творческого литературного метода, был встречен с интересом. Отмечалось, что классический критический реализм, как в европейской, так и в русской литературе, на протяжении веков

был действенным и основным творческим методом, благодаря которому созданы произведения мирового значения. К сожалению, сегодня мы стали свидетелями разрушения отечественной культуры и, в частности, русской литературы. Классические формы критического реализма практически исчерпаны. Появились литературные течения, группы и объединения модернистского толка, не имеющие четкой творческой платформы, методологических программных документов, теоретических обоснований. Только истинная русская литература хранит еще дух народа, дух независимости, стремления к идеалу. «Манифест» призван очистить кладовые российской литературы от течений и групп, противостоящих исконной духовности русской культуры. В период глобализации цель литературы противостоять разрушительным процессам, для чего необходимо единение всех творческих сил на базе программного документа, каковым и может стать «Манифест нового русского критического реализма». Но сохранение преемственности традиций для перспективного развития отечественной литературы необходимо. Нельзя сбрасывать «с корабля современности» завоевания русской литературы, которые принесли ей мировую славу. Новый критический русский реализм должен взять все лучшее, проверенное из великой русской классической и советской литературы. Могла бы обогатить палитру современной поэзии и прозы и аура романтизма (достаточно вспомнить лучшие образцы романтизма, например, «Алые паруса» Грина или «Кавказского пленника» А. Пушкина). Как правильно отмечено в «Манифесте», время меняет идеалы и не надо доводить их до абсурда, но основные морально-этические нормы жизни продолжают жить в человеке, не отказавшемся от идеалов справедливости, борьбы со стяжательством, цинизмом, за лучший мудрый мир. Полное согласие вызвали положения «Манифеста» о гражданской позиции писателя и необходимости средствами литературы подвергать критике негативные явления в общественной жизни, чему и способствует творческий метод нового русского критического реализма. Среди высказанных замечаний — совет при доработке документа помнить, что он станет достоянием

не только интеллектуалов, но и читателей, среди которых люди, не всегда знакомые с научной терминологией. Сложность речевых оборотов, научных терминов может затруднить восприятие текста в целом. А основы новой творческой методологии, ее теоретическую базу необходимо донести не только до пишущих, но и до широкого читателя. Но в целом «Манифест» актуален, необходим, своевременен и открывает реальные перспективы для переосмысления современного состояния российской литературы в эпоху надвигающейся глобализации.

В качестве послесловия к высказанному:

Модернистам

Не пытайтесь, словно ластиком,
Все стирать, что в жизни было.
Не расправиться вам с классиком.
Он силен и за могилой.
Рассыпаются все изыски,
Словно домики песочные.
Ваши строчки только призраки,
Только слабые подстрочники.
Называйтесь хоть течением,
Направлением, модерном...
Вы плывете по течению
Щепкой брошенною, тленной.
Сколько было всяких измов,
Тех, что гениев душили.
Но с рассветом тает призрак.
Набирает Правда силы.

Рядом с Правдой — реалисты.
Сквозь века — перо, бумаги...
Помнить будут даже сфинксы
Строки веры и отваги.

(Л. Е. Авдеева)

Завершим подборку материалов дискуссии по-американски обстоятельным, систематизированным материалом нашего постоянного автора *Сергея Горы* из города Линкольна (шт. Калифорния, США), филолога-лингвиста, получившего ученую степень в Ленинградском университете, нострифицированную, то есть подтвержденную, в США. Сергей Александрович известен и как поэт, и как один из первых постсоветских менеджеров транснациональных корпораций и ведущих телевизионных шоу.

Мы не будем особо комментировать пространный и логически выверенный отзыв Сергея Горы на «Манифест» (ссылки автора на страницы и абзацы «Манифеста» — по его тексту в «ПЗ» № 1, 2011), ибо сам Сергей Александрович комментирует свои исходные посылки. А комментировать комментарии — это, на наш взгляд, есть некое «архитектурное излишество». Словом, перед вами, уважаемый читатель, отзыв поэта, ученого-филолога, эрудированного человека, настоящего современного русского американца.

Единственное наше *nota bene* — в отношении фразы Сергея Горы, что «высококультурные американцы... ничего не слышали о В. И. Вернадском и его теориях». Имеется в виду теория ноосферы* и ее современное развитие — см. 9-томную монографию.**

Что здесь сказать, чтобы и *status quo* сохранить, и высококультурных граждан США не обидеть? Поэтому не будем апеллировать к мнению последних. Заметим только, что одно из величайших предвидений XX века — концепция нашего выдающегося ученого Владимира Ивановича Вернадского о переходе биосферы Земли в ноосферу, то есть «сферу разума», на рубеже XX и XXI вв. начала с поразительной скоростью сбываться. О Вернад-

---

* Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / Предисл. Р.К. Баландина.— М.: Айрис-пресс, 2004.— 576 с. (Библиотека истории и культуры).

** Яшин А. А. Информационная виртуальная реальность (Тула, 2003); Яшин А. А. Живая материя: В 3-х тт. (Москва, Изд-во ЛКИ/URSS, 2007, 2-ое издание в 2010); Яшин А. А. Предтеча ноосферы: В 2-х тт. (Москва, Изд-во ЛКИ/URSS, 2010); Яшин А. А. Развертывание ноосферы: В 2-х тт. (Москва — Тверь, Изд-во «Триада», 2011); Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Заключительные главы и прогностика (Москва — Тверь, Изд-во «Триада», 2011).

ском и его теории (теперь уже практике) ноосферы знает каждый образованный человек России, Европы и так далее.

Вместе с тем, чтобы при чтении «Манифеста» читатель не акцентировал свое внимание на термине «Ноосфера», мы полагаем нужным в окончательном варианте этого документа воспользоваться его более привычным синонимом...

Однако — слово Сергею Александровичу:

Примите в приложении пять моих предложений по Манифесту, которые строятся по следующему принципу:

номер ремарки (предложения) →

«философствование»-обоснование →

конкретные примеры, где желтым обведены строчки, рекомендуемые к обработке.

Главное примечание по Манифесту: Не стоит ограничивать (сужать) метод нового критического реализма ссылками на конкретных лиц, явления и теории. Любой «Манифест» — это призыв-контур теории, а отнюдь не ее детали. Это грубый штрих, если хотите,— не Ван Дейк и Рембрандт, а Модильяни и карандашный Матисс. Это грубый стих Маяковского, а не финтифлюшки сентименталистов... Вспомните, например, что Маркс в 1848 году в своем манифесте не уточнял, откуда именно и какие именно польются блага при коммунизме, и каковым именно будет соответствующий поток...

Хочу особо отметить, что мои примечания не всегда соответствуют моему собственному мировоззрению — просто, я хочу представить себе реакцию Ваших потенциальных писателей, читателей, попечителей и меценатов, которые однажды прочтут Манифест как документ, объединяющий ряд издательств, журналов и т.д., чтобы решить, вносить свои таланты, силы и средства в данное предприятие или нет.

Например, представьте, что «завтра» появится (и объявится) великий критический реалист, которого мы условно назовем «Иван Петров», подразумевая при этом, что он может быть родом из Тулы, из Москвы, из Австралии и т.д.

И вот этот самый «Иван Петров» узнает, что «Приок-

ские Зори» следуют методу «нового критического реализма», который подразумевает:

(1) Ссылку на авторитет Карла Маркса;

(2) Следование В. Вернадскому и его теории о ноосфере;

(3) Духовную опору в византийском православии; и, наконец,

(4) Равнение на СССР.

И «Иван Петров» вдруг начнет рассуждать следующим образом:

(1) Маркса я не люблю. Уж больно бородат! К тому же его теория оказалась пшиком на 1/3 земного шара! В Гвинее и то при социализме кончились бананы...

(2) Что такое ноосфера — я просто не в курсе (кстати, все мною опрошенные высококультурные американцы [знающие по 3—4 иностранных языка в совершенстве] ничего не слышали о В. Вернадском и его теориях);

(3) Я недавно читал книги о Византии: какой там был кошмар; они ведь выкалывали друг другу глаза; жены императоров были просто проститутками; патриархи были в основном подхалимами и лизоблюдами;

(4) СССР вдруг развалили... Чего же это люди не поспешили заступиться за столь социально ориентированное государство? За Ливию, вон, и то заступаются.

...И «Иван Петров» делает вывод: Критический реализм — не мой метод, а «Приокские Зори» — не мой журнал!

Хотите Вы этого, Алексей Афанасьевич? Навряд ли!

В то же время отсутствие конкретных ссылок вовсе не означает «ограничение критического реализма» для тех, кто верит в Маркса, следует за Вернадским и питается исключительно византийским православием. Просто, дверь рекомендуется держать открытой пошире, чтобы талантливые желающие могли в нее войти, невзирая на свои философско-политические привязанности.

Комментарии прилагаются.

С уважением, Сергей Гора

Выражая искреннее уважение авторам манифеста, сразу же подчеркну, что мои примечания ни в коей мере не должны рас-

сматриваться как настойчивые, и, как говорится, только Вам, основателям и вдохновителям журнала, судить, что следует учесть, а без чего вполне можно обойтись.

Позвольте, однако (как говорят чукчи в анекдотах), сделать несколько комментариев.

1. Разложив перед собой энциклопедические толкования критического реализма, я бы хотел подчеркнуть двойную природу основополагающего понятия: реализм состоит из двух противоположных начал (как Вы справедливо заметили со ссылкой на Гегеля), где борются демонические и божественные силы с целью уничтожить (т.е. «расчеловечить») или усовершенствовать человека. В этой связи задачей критического реализма может являться борьба с теми явлениями, которые уничтожают человеческую природу, равно как и восхваление (в качестве сравнительного фона) тех полезных качеств и привычек, которые ведут к укреплению духовности, в частности, и личности, в целом. Рассуждая на данную тему, хочу подчеркнуть, что духовные качества человека всегда оставались незыблемыми на протяжении всех известных нам веков и цивилизаций: страх, любовь, совесть, чувство долга, желание отомстить, похоть, и т.д. являлись одним и тем же ощущением на протяжении тысячелетий, невзирая на материальный прогресс. Человек убегал от мамонта так же стремительно, как от танка или от взрывной волны атомной бомбы, причем с той же скоростью, т.е. максимально возможной, забывая при этом начисто о своей культурно-национальной идентичности. Поэтому с этой точки зрения российская литература критического реализма не может не отражать той общецивилизационной всевременной и общекультурной (если хотите) гуманистической преемственности, которая, грубо говоря, передавалась по исторической эстафете от Гомера Аристофану, потом Шекспиру, Пушкину и далее Тагору, Горькому и прочим современным Хемингуэям с Прилепиными и Улицкими. В то же время я готов полностью с Вами согласится относительно прибавления слова «новый» к словосочетанию «критический реализм». Дело в том, что, во-первых, термин критический реализм настолько

был укоренен в советской литературоведческой пропаганде, что волей-неволей просится соответствующее определение со словом «новый»; во-вторых, учитывая такое толкование понятия ***новый критический реализм****, предлагаю внести следующие коррективы в текст манифеста:*

1.1 (третий ромбик, 17-я — 21-я строчки сверху на стр. 7.)

Онтологическая сущность метода критического реализма заключается в социобиологически обусловленном устремлении человека разумного... к социально ориентированному сообществу, ***потенциально способствующему усовершенствованию его личности (как совокупности духовных и физических качеств)****: от семьи до государства...*

1.2. Полностью убрать тезисы, следующие под четвертым и пятым «ромбиками» (Данное устремление... и Из всех видов...) 22-я — 28-я и 29-я — 33-я строчки сверху на стр. 7.

Примечание: *Это очень хорошие фразы сами по себе, но какое отношение все это имеет именно к критическому реализму, а не, скажем, к экзистенциализму или научной фантастике?*

1.3. (Скорее вопрос, а не комментарий) За следующим ромбиком, Вы пишете: ***...русской литературе*** *[а не российской литературе] (14-я строчка снизу на стр. 7), а далее следует ссылка на Византийское православие (8-я строчка снизу на стр. 7). Тогда позвольте: С чем соотносить специфику Украинской, Белорусской, Грузинской, Армянской и Восточно-Молдавской литератур, которые тоже исповедовали Византийское православие и были при этом частями Российской империи, а позже — СССР? Речь здесь, прежде всего, о том, что само понятие «специфика» подразумевает уникальность принадлежности того или иного явления, иными словами, если это присуще только России, то этого нет и не может быть у Украины, Грузии, и т.д. Например, в чем специфика тигриной шкуры? Говоря о ее полосах, мы ведь подсознательно предполагаем уникальность тигриного окраса, не похожего на шкуру других кошачьих (львов, пантер и т.д.)*

2. Продолжая комментировать данный пункт, замечу, что если у Вас хватит терпения дочитать мои философствования

до конца, то Вы увидите, каким именно я вижу «ромбик» ***о специфике русского критического реализма*** *(10-я — 3-я строчки снизу на стр. 7). А философствования эти, как и упомянутый окончательный вывод к ним, связаны со следующими четырьмя понятиями: (1) Византийское православие, (2) Идолопоклонство (3) Общинность, и (4) Социальная ориентация СССР. Итак, по порядку. Уникальность и, если хотите, специфика России (а не Бельгии и Франции, скажем) заключается как раз в том, что христианство здесь не только не вытравило идолопоклонства, а, наоборот, сосуществовало с таковым параллельно, явно уступая последнему в сердцах людей. В этой связи позвольте порекомендовать Вам обратиться к ведущим фольклористам России (например к д-ру Михаилу Алексеевскому), которые расскажут Вам, сколько неприкрытого язычества присутствует до сих пор в нашей повседневной жизни; от рассадки членов семьи на кухне до троекратного сплевывания при виде черной кошки. А разве в той же русской литературе не упоминались лешие и кикиморы, и разве наши классики не писали о домовых, заговорах болезней и т.п. Вспомним Пушкина, который (аж в XIX-м веке!!! т.е. почти через 10 веков после принятия православия) писал: «Татьяна верила преданьям простонародной старины... таинственно ей все предметы провозглашали что-нибудь, предчувствия теснили грудь...» Что сделали россияне (как говаривал царь Борис) в 22-м? Вместо «идола-Богородицы» в красном углу повесили портрет Ленина и назвали красный угол красным уголком. Общинность — это, если пристально взглянуть, и есть лучшая почва для идолопоклонства. Ведь кто такой идол? Это незаслуженно обожествленное лицо или явление, возвышающееся над определенным сообществом людей и, якобы, покровительствующее ему. Итак, если Вы — член общины, значит Вы вынуждены быть ее частью (из-за климата, суровых условий, целей коллективной обороны), и это значит, что Вы равный среди тех, над кем есть идол-начальник (староста, смотрящий, воевода, целовальник, атаман, барин, помещик, комиссар, вор в законеи т.п.), которого Вы обязаны превозносить и постоянно беспрекословно слушаться, иначе не выживите. С*

подобным общинно-идолопоклонческим устройством и боролся русский классический критический реализм. Переходя напоследок к собственно Византийскому православию (с его явно неправославными арианством, несторианством, монофизитством, монофилитством и иконоборчеством), оставлю в стороне ряд напрашивающихся негативных ссылок на беспримерную жестокость византийцев (изобретение многих орудий пыток), распущенность нравов (взять хотя бы Евдокию, которая трижды изгоняла патриарха Иоанна Златоуста), повальный алкоголизм и интриганство, а приведу лишь один пример: когда Мехмет II захватил Константинополь в 1453 году, он собрал местных олигархов и спросил: господа, что же вы на ваши несметные сокровища не наняли наемников, чтобы преградить мне путь в Ваш город? — А мы берегли все наши деньги для тебя — ответили «православные» олигархи. Тогда Мехмет II приказал всем им отрубить головы... Уверен, что вышеприведенный пример «византийского православия», мягко говоря, несродни ни русскому классическому, ни новому критическому реализму (как-то не вяжется вышесказанное ни с творчеством Ф. Достоевского, ни с «Поднятой целиной» М. Шолохова). И последнее: категорически не соглашусь с мнением о социальной ориентации СССР. И дело здесь не столько в ГУЛАГЕ и Сталине, сколько в объективных статистических данных, однозначно свидетельствующих о деградации и вымирании общества (т.е. социума). Одним словам, идеологическая декларация отнюдь не трансформировалась в реальность.

Заключая вышесказанное, следует признать, что новый критический реализм как раз и призван бороться, с одной стороны, со стадным инстинктом, идолопоклонством, и с другой стороны, с византийской чванливостью, псевдотеологической демагогией, интриганством, коварством и жестокостью, которые в разное время были привнесены в русскую жизнь и явно до сих пор прямо или косвенно способствуют деградации русской личности. Возвращаясь к специфике русского критического реализма предлагаю следующий «ромбик» (10-я — 3-я строчки снизу на стр. 7):

2.1. Спецификой русской [... оставляем все как есть...*] отечественной литературы, традицией [*убираем слово: общинной*] мироустройства русской жизни, является выявление, описание и обличение* ***общественных и личных пороков, включая*** *неприятие стяжательства и накопительства,* ***а также любого*** *частнособственничества,* ***направленного исключительно на личное обогащение и карьеризм****, примат коллективизма, вера народа в верховную власть* ***при ярко выражаемом недоверии к низшим и средним звеньям*** *власти исполнительной.*

Примечание: *предлагаю также* ***убрать*** *ссылки на (1)* ***«грамоту царя-батюшки и... бояр»*** *(Во многих произведениях русского классического критического реализма этого мотива просто нет). (2)* ***«абсолютное неприятие частнособственничества»*** *(любой иностранный дока-литературовед скажет Вам, что ни в классической, ни в современной русской литературе нет прямого неприятия самого института частной собственности. Другое дело, что критикуются пороки определенных частных собственников, но отнюдь не сама экономическая категория. Кстати почти все представители классического критического реализма России XIX — начала XX веков были ярко выраженными частными собственниками, чем отнюдь не гнушались. (3) Сейчас, а также в различные периоды прошлого (хотя и не во все), высшие звенья исполнительной и законодательной власти представляли собой по сути одно и то же. Поэтому и внесено соответствующее указание на* ***низшие и средние звенья исполнительной власти****, а не на всю исполнительную власть вообще.*

2.2. Третий «ромбик» на стр. 8 (26-я — 33-я строчки сверху на стр. 8)

Предлагаю убрать: «..., учитывая социальную ориентированность СССР» по причине, указанной выше.

3. Невзирая на достаточно часто встречающуюся в российских СМИ полемику относительно терминов разрушение, развал и распад (СССР), хочу отметить неразрывное семантическое сходство этих понятий. Ведь, распасться может только то, что (1) разрушали (неважно изнутри или снаружи) или (2) само по себе разрушалось. То есть процесс разрушения —

это физическая причина распада, а распад — это, в любом случае, результат процесса разрушения в той или иной его форме. Короче, «что в лоб, что по лбу» — эффект одинаковый. Если в Манифесте будет употреблено только одно (любое!) из этих слов, то документ будет выглядеть глаже, без явно ощутимого заочного спора с кем-то тайно несогласным с предлагаемыми доводами. Предлагаю:

3.1. Третий «ромбик» сверху (18-я — 21-я строчки сверху на стр. 9)

...с момента разрушения [или распада — все равно] в русской... методов. [точка!]

Примечание: *Предлагаю убрать строчки относительно неконструктивного критического реализма. Согласитесь, что это звучит слишком оценочно и эмоционально. К тому же литературоведческое определение критического реализма (а значит и нового критического реализма) не подразумевает какой-либо особенной (точно измеряемой) степени конструктивности.*

4. Не вдаваясь в политическую, а тем более в научно-теоретическую полемику относительно прозорливости Карла Маркса и Владимира Вернадского, отмечу только то, что широко известно даже неучам: мозг самого талантливого человека развит максимум на 10—12 % своего потенциала. Поэтому не стоит слишком доверять глобальным прогнозам философов и ученых (не сочтите за обиду, Алексей Афанасьевич). Ведь смотрите, что всегда и всюду происходило: теория признаваемая конечной и единственно верной вдруг в одночасье становилась изжитой и ненужной. Великой, например, считалась теория эволюции Дарвина... до открытия ДНК Уотсоном, а открытие последнего вдруг поблекло после обнаружения волнового генома. А разве примеры открытий Исаака Ньютона и Карла Линнея не свидетельствуют в пользу того же? Сотни ученых и философов XIX—XX-го веков считали, что вселенная неизменна, а Хаббл вдруг доказал, что она расширяется. (Кстати, А. Эйнштейн потом говорил, что он тоже так же думал, но боялся объявить, ибо все вокруг были материалистами.) Ученые и философы имеют дело, как правило, с материальным,

которое постоянно изменяется в сознании под напором новых открытий и более окрепших мозгов. В то же время искусство и литература отражают вечное и неименное — сиречь духовный мир — и потому, по определению, не могут обусловливаться какими бы то ни было научно-философскими теориями, политическими приоритетами и/или симпатиями, и прочими конкретными материальными явлениями, ощущаемыми в определенный период времени. Поэтому:

4.1. Пятый (Исчерпанность на рубеже... 25-я — 31-я строчки на стр. 9) и шестой (На нынешнем, активно... 32-я — 37-я строчки снизу на стр. 9) «ромбики» предлагаю убрать.

5. Любое явление, обозначаемое термином, оканчивающимся на «изм» и «ция» требует дополнительного уточнения (например, в СССР для членов Политбюро был полный и настоящий коммунизм, где все мыслимые и немыслимые блага лились полным потоком, а простой народ жил при самом настоящем рабовладельческом строе, где любого человека можно было заставить трудиться бесплатно, психологически сломать и, наконец, попросту убить (ссылки на описание ГУЛАГа у Солженицына, Шаламова, Аксенова, и т.д.). При этом взаимоотношения федеральных и региональных властей были чисто феодальными, а теневая экономика являла собой яркий пример дикого капитализма. Поверьте, я это знаю не только по книгам...

Аналогичная логика применима и к термину ***«глобализация»****. Говоря проще, имеет место быть как «глобализация добрых начал», так и «разрушительная глобализация». Тут дела обстоят так же, как с Интернетом: хочешь отождествляй его с порнографией, хочешь — с доступом ко всем новостям, а хочешь — с вебсайтами про святых мучеников и той же высокой литературой. В силу вышесказанного, задачей современного российского критического реализма должна являться не борьба против глобализации вообще (т.е. как таковой) или же потакание ей как одному целому, а критика разрушительных явлений глобализации при отстаивании ее добрых начал. Ну, кому, скажите на милость, будет претить глобализация немецкой аккуратности, японского патриотизма, славянского гостепри-*

имства или английского дружелюбия; и кто дерзнет защитить глобализацию пол-потовской жестокости, африканской распущенности и всепроникающей пост-советской коррупции?

Добавляя к сему пожелание отказаться от излишней категоричности, предлагаю:

5.1. (13-я строчка снизу, на стр. 9 журнала): ... критического реализма являются ***те разрушительные*** *процессы глобализации,* ***которые наносят ущерб*** *национальной специфике* ***отдельных культур****.*

5.2. (10-я строчка снизу на стр. 9 журнала): Поскольку в эпоху глобализации ***может*** *отсутствовать «сравнительная база» национальных литератур...*

5.3. (4-я — 5-я строчка снизу на стр. 9 журнала): ...сохранении тех черт человека... (пропуская несколько слов).

Примечание: предлагаю ***убрать*** *ссылки на (1)* ***«ноосферного человека»*** *(Мол, кто это, извините за невежество? К тому же, кто может с уверенностью предвосхитить сколь-нибудь существенные изменения в духовном мире ноосферного человека будущего?); (2)* ***«реальный временной процесс»*** *(любой жизненный процесс происходит в реальном времени); и (3)* ***«литературу и публицистику»*** *(Понятно, что речь идет не о сельском хозяйстве или космонавтике).*

Итак, уважаемый читатель «Приокских зорь», пришло время подвести итоги дискуссии. Но прежде всего извинимся перед теми многочисленными авторами полученных нами откликов, тексты которых не вошли в приведенную выше подборку. Мы им глубоко признательны, но... объем настоящей рубрики журнала ограничен, а мы старались отобрать для опубликования наиболее характерные, порой и полярные, мнения. Другой момент: многие отклики, что называется, «синхронны в мыслях». Это, кстати говоря, есть и свидетельство важности и верности основных положений проекта «Манифеста».

Наконец, в первых двух номерах «Приокских зорь» за следующий год мы планируем — по мере поступления в редакцию — продолжение печатания отдельных, наиболее содержательных материалов-откликов на «Манифест».

А итоги дискуссии достаточно оптимистичны. Главное, современные русские писатели и литераторы, их читатели понимают: без четко выверенной методологии дальнейший литературный процесс уподобится блужданию во тьме. «Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет жизни древо»,— это из «Фауста» Гёте. Вернее и образнее не скажешь.

Разумеется, это вовсе не означает, что литератор сочиняет свои романы, поэмы и драмы, поминутно справляясь с неким методологическим пособием. Просто, становясь и развиваясь как художник слова — а процесс этот длительный, иной раз длиной в жизнь,— писатель впитывает эту методологию почти что непроизвольно: из чтения, из бесед с коллегами, просто из услышанного и увиденного. Знание реальной жизни людей — вот лучшая методология!

Другой существеннейший результат дискуссии: большинство современных писателей, прежде всего из России, согласны с тем, что основное — исторически и ныне действенно — направление русской литературы было, есть и будет критический реализм. Об этимологии этого понятия и незацикливании на слове «критика» мы уже писали выше в наших комментариях. Самое главное — это то, что данный творческий метод ни в коем случае не должен, а по определению и не может, быть привязан к каким-либо жанрам. Под его расширенную методологию в равной мере подпадают социальный и политический роман, любовная лирика и сентиментальное повествование, автобиографическое произведение и литературно-исторический труд. Даже фантастика (но не пресловутая «компьютерная фэнтази!), популярная ныне «альтернативная история» (то есть: что бы было, если бы...), даже умная и прочувствованная поэзия, в своих тропах отличающаяся от привычных «ямбов и хореев»...— все это предметы и объекты действенности критического реализма.

Собственно говоря, критическому реализму в литературе можно противопоставить только творчество адептов сугубой виртуальной реальности, болезненную эротику и порнографию или других клинических проявлений, а также столь многочисленную словесную бессмыслицу, именующую себя литературой, заполонившую в последние десять лет Интернет и многие его сетевые журналы.— Это не литература, а переписка по компьютеру двух соседей, раз-

деленных межквартирной стеной, но не узнающих друг друга при случайной встрече на улице...

Наконец, почему в названии «Манифеста» мы акцентируем слова «русская литература»? — Потому, что русская литература — это мировой феномен, длящийся уже третье столетие. Да, имели место достаточно длительные феномены английской и французской литературы XIX — начала XX вв. На рубеже этих же веков яркой кометой явился изумленной Европе феномен норвежской литературы — от Бьернеторне Бьернсона до Кнута Гамсуна. Феномен латиноамериканской литературы 50—70-х гг. прошлого века... Вспомним и литературу США времен Ирвина Стоуна, Уильяма Фолкнера и многих других. Но разве все это сравнится с феноменом великой русской литературы?

Мы не квасные, шапкозакидательские «патриоты», но что есть, то и есть. Поэтому это и есть «Манифест нового русского критического реализма».

...Оргкомитет дискуссии планирует, учитывая *все* поступившие (и вновь поступающие) отклики, мнения и предложения, к середине следующего года подготовить окончательный, рабочий вариант текста «Манифеста» и представить его руководству Академии российской литературы, Союза писателей России и другим общественным литературным организациям с рекомендацией принятия «Манифеста» в качестве программного документа.

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «БУМАЖНАЯ» И «КОМПЬЮТЕРНАЯ» ЛИТЕРАТУРА В СВЕТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ (АНАЛОГОВОЕ И ЦИФРОВОЕ МЫШЛЕНИЕ)»

От редакции: Исходный материал для дискуссии был опубликован в «ПЗ» № 2/2012 в рубрике «Колонка главного редактора» под названием «Что написано пером...». Кроме того, этот текст еще до выхода № 2/2012 был циркулярно разослан всем авторам «Приокских зорь».

Редакция журнала рекомендует читателям «ПЗ» перед ознакомлением с материалами дискуссии освежить в памяти содержание исходной статьи, а также ***обязательно*** *прочесть «Колонку главного редактора» в настоящем номере журнала в части, относящейся к дискуссии.*

Итоги дискуссии будут опубликованы в «ПЗ» № 1/2013 в статье зав. отделом публицистики и литературоведения Натальи Квасниковой. В этом же номере журнала будет продолжена публикация материалов дискуссии, которые будут поступать в редакцию после 01.08.2012 (время формирования № 4/2012 «ПЗ»).

В следующем году мы планируем провести всероссийскую и международную дискуссию по теме «Колонки главного редакто-

ра» в «ПЗ» № 3/2012 под названием «Очередное повреждение русского языка». О начале дискуссии было объявлено циркулярным письмом.

* * *

Уважаемая редакция «Приоских зорь»!

Спасибо. С наслаждением читал Вашу «Колонку». Она отвлекла меня от невеселых мыслей о госпитале, куда направляют через три дня. Если по сути, а не по форме, то после такой статьи уже и дискуссия не нужна...

Ваши соображения коснулись и моей последней для «ПЗ» «посылки» — машинально отослал электронной почтой. Вырвусь от врачей — исправлюсь.

Все Вам доброго!

Наум Ципис, г. Бремен, Германия,
лауреат премии «Левша»
имени Н. С. Лескова

* * *

Любое произведение, написанное гением, на каком бы носителе оно не создавалось,— останется гениальным. И, наоборот,— если «писатель» посредственный, как бы он не подгонял себя к классически-традиционному письму (хоть обложись гусиными перьями, чернильницами, и облачись во фрак времен Пушкина) — гениального не создаст.

Конечно, компьютерный гедонизм все больше расслабляет, и может сделать из таланта — посредственность. Но это проблемы этого самого бывшего таланта. Он сам не пожелал развиваться, а положился на вседоступность всемирной паутины.

Может быть, все как раз, наоборот, к лучшему. Подобная ситуация с расширением компьютерных технологий ведет к естественному отбору настоящего интеллекта. Не смог, не захотел развиваться — выбыл с дистанции. Всегда все почему-то сводится к образу пирамиды.

Олеся Янгол, г. Юрмала, Латвия

* * *

Доброе утро, дорогая редакция «Приокских зорь»!

Поздравляю Вас от чистого сердца со Всемирным днем Поэзии, который отмечается литературной общественностью 21 марта!!!

Желаю Вам огромного человеческого счастья, здоровья, долгой романтической молодости и, конечно, новых литературных наград и премий за Ваши прекрасные произведения и необычные творческие проекты! А журналу «Приокские зори» и его талантливым авторам — дальнейшего процветания и успехов в творчестве!

И в качестве материала для дискуссии шлю Вам стихотворение «Секрет ремесла!» С уважением к Вам и с надежной на дальнейшую творческую дружбу.

СЕКРЕТ РЕМЕСЛА

Светлой памяти замечательного русского поэта
Владимира Ивановича Фирсова

Где мне взять эти краски?.. На чем приготовить?
Чтоб стихи зацвели спелым колосом ржи.
И коровы, бредущие в дальним стоговьям,
На рогах к горизонту несли миражи...

Чтобы каждый мой стих, днем родившись весенним,
Вызревал златозвонным, как в поле хлеба,
Чтоб от строк моих пахло грибами и сеном,
Пахло солнцем и потом крестьянских рубах.

...В чем секрет ремесла?.. Мне он мало известен.
Но искусству учусь у больших мастеров,—
Постигая секреты бессмертия песен,—
Набиваю мозоли на ладонях стихов.

Владимир Корнилов, г. Братск

ЛИТЕРАТУРА И СЕТЕРАТУРА: КТО КОГО?

Алексей Яшин — писатель, ученый и главный редактор литературного ежеквартального альманаха «Приокские зори» предложил авторам журнала включиться в дискуссию о соотношении традиционной и интернетной литературы. Статья, которую А. Яшин подготовил по этой теме и разослал коллегам, довольно объемная. Цитировать ее не буду, поскольку все желающие смогут познакомиться с ее содержанием во втором номере журнала за текущий год, а также на сайте Тульского госуниверситета.

Я же коснулась лишь некоторых вопросов в предложенном обсуждении, изложив собственные наблюдения в виде обыкновенных заметок по ходу чтения статьи Алексея Яшина.

1

«Аутентичная семантика» алфавитной письменности становится спорной, особенно для владеющих несколькими языками. Трудности, с которыми сталкиваются переводчики текстов художественной литературы, являются тому примером. В прежние времена полиглотов было меньше. Расскажу о ситуации, случившейся со мной недавно. Написала приятелю, живущему в другом городе и в другой стране, о том, что один из цветущих кустарников у нас называется «лобдоружа». Мой собеседник предположил, что название происходит от слов «лоб» и «рожа». Пришлось объяснить, что на самом деле — от венгерского «лобда» (мяч) и русинского «ружа» (роза, пион, цветок). Но это совершенно нейтральный пример, а случаются и переводческие казусы, когда, например, русинское «быв» (был) записывают как украинское «бив», то есть русское «бил». Конечно, я привожу лишь те примеры, о которых знаю, с которыми сталкивалась. Наверное, есть и другие. Семантика алфавита — это, как я понимаю, смысл, вкладываемый в звук, отображенный буквой. В том, что звуки имеют смысловое наполнение, нисколько не сомневаюсь. Меньше об этом задумываются авторы, пишущие прозу, а вот поэты, талантливые поэты, всегда пытаются следовать некому звуковому ряду, который, как им кажется, придает стихам

определенную тональность, точно так же, как это происходит в музыке. Для жизнеутверждающих стихотворений годится звонкий насыщенный звуковой фон, для камерных стихов более подходящим является приглушенный фонемный акомпанемент.

В русинском языке существует несколько дифтонгов. Например, ОЫ, ОУ, ЮИ (тЮИв дівці — той девушке). Очень часто встречается почти не различимый, по звучанию, звук, который может быть обозначен в украинском языке как «е» или «и» (скорее «вирьх», нежели «верх» или «верьх»). Плохо сейчас помню нюансы кириллицы, не уверена, что в кирилличном алфавите имеются буквы, отображающие перечисленные мною звуки. Хотя, наверное, могут ими быть старославянские литеры, обозначающие носовые заднего и переднего ряда, глухие редуцированные среднего и переднего ряда. Однако многочисленные энтузиасты, пытающиеся создать русинскую грамматику, чаще все же используют для обозначения таких звуков буквы с надстрочными знаками и буквы-пары, и буквы из латиницы. Хотя, по моему мнению, было бы проще ввести именно старославянские литеры и сообща решить, какие именно звуки каждая из них будет обозначать.

2

Действительно, современный писатель — гедонист во всех смыслах. Хотя бы и потому, что практически все пишущие люди сейчас используют многофункциональный компьютер, который сегодня уже не является усовершенствованной пишущей машинкой. Это в умелых руках — почти полный цикл издательского производства. От набора, корректирования и редактирования текста, до его верстки, художественного оформления и распечатывания на той же бумаге (можно — и на вечном пластике) с помощью приставки-принтера.

В компьютерных программах для набора проще цитировать, например, скопировав соответствующее предложение из первоисточника. Проще править написанное, воспользовавшись словарями, встроенными в компьютерные программы. Гораздо проще придать уже набранному произведению тот вид, который удовлетворяет эстетические потребности автора. Но именно поэтому большинство

произведений приобретают скучное единообразие — унифицированные шрифты, которыми ты можешь пользоваться так же, как и твой коллега, унифицируют и мышление. Писать роман ручкой (пусть даже авторучкой) — это иметь возможность снова и снова возвращаться к уже зачеркнутому, отбракованному, то есть возвращаться к тому месту, от которого мысль потекла в новом русле. Не всегда зачеркнутое является ошибочным, зачастую слова, фраза могут быть использованы в другом контексте, где способны сыграть даже роль катализатора новой мысли. Впрочем, в компьютерном наборе также можно воспользоваться функцией зачеркивания, дабы не терять некоторых ориентиров на пути обдумывания сюжета, создания образов и т.п.

3

Интернет-писательство в самом деле заставляет писать быстрее, поскольку сетевой автор часто ориентируется на плодовитость коллег по литературному сайту, выдающих на-гора новые и новые тексты. Здесь роль играет что-то вроде состязательности. Но эти соревнования на скорость и объем очень утомляют, и приходит время, когда сетевой писатель просто не в состоянии родить что-то путевое. Творческие кризисы у интернет-литераторов случаются чаще, и они более продолжительные, нежели у авторов, пишущих традиционные книги традиционным способом,— сидя за письменным столом и выписывая каждое слово вручную на писчей бумаге. Не компьютер виноват в том, что многие авторы работают на вал, а именно возможность посредством Интернета наблюдать за скоростью творческого процесса коллег. Компьютер же позволяет точно так же, как и письмо вручную с обмакиванием пера в чернильницу, размышлять над каждым словом создаваемого текста, прочитывать фразы, дабы не впустить в их мелодику звуки, которых в них быть не должно, оттенки смыслов, которые допускать в них нельзя.

4

Дискретный характер мышления развивается в большей степени не от влияния на процесс думания такого действа, как стучание

по клавишам механической пишущей машинки или компьютерной клавиатуры. Кратковременное изменение мышления может наблюдаться у людей, еще не имеющих навыков набора текстов на этих устройствах, поскольку они отвлекаются на поиск нужной клавиши, функции и т.п., из-за чего мысль становится прерывистой, вплоть до исчезновения того, что мы привычно называем вдохновением. Впрочем, даже хорошо освоив набор на компьютере, имея приличную скорость печатания, предпочитаю стихи писать авторучкой, точно так же и художественные рассказы. Так получается быстрее и качественнее. Создается впечатление, что мысль берет разбег и не останавливается до тех пор, пока не достигнет финиша. Но все же ручка — это, скорее, отработанный до мелочей ритуал, нежели необходимость. И если бы не было в доме авторучки, но появилась потребность изложить свои мысли, конечно, записала бы их с помощью компьютера. Отдаю предпочтение авторучке, видимо, потому что навыки письма у людей моего и более старших поколений все же превалируют над умением печатать. Кроме того, если рукопись объемна, то очень часто приходится возвращаться к уже написанному, дабы удержаться в русле логики повествования, сохранить его последовательность. Конечно же, в таком случае удобнее перелистать бумагу, нежели с помощью курсора и «мышки» «бегать» по массиву компьютерного текста. Именно поэтому «большую» прозу всегда пишу ручкой. Но этап письма вручную обязательно переходит в этап набора и редактирования на компьютере. И в процессе перечитывания и печатания текста происходит его огранка. Именно печатный текст позволяет увидеть многие стилевые погрешности. Происходит что-то вроде сравнивания собственного текста с неким эталоном в виде воображаемой готовой книги.

Мнемоника, не как научная дисциплина, а как искусство запоминания или технология запоминания, наверное, у каждого человека формируются индивидуально. О себе я могу сообщить следующее: умышленно избегаю запоминания большого количества всевозможной информации, которую легко найти в справочниках, сборниках, записных книжках, в конце концов, задав поиск в Интернете. Мне кажется, форсированное запоминание чего-либо «на заданную тему» засоряет в наибольшей степени подсознание, ибо

если в ближайшем будущем тебе не понадобится информация о «морфологии динозавров», но ты попытался ее запомнить, то она обязательно осядет в подкорке и может о себе напомнить самым неожиданным способом. Письмо вручную, осознанное чтение (но не механистическая «пробежка» по текстам или, что еще хуже, по ссылкам, всплывающим на мониторе компьютера и «вплывающим» в подсознание) — это действительно наиболее подходящая методика развить способности к запоминанию того, что способствует творчеству, мышлению как таковому.

Авторы сетературы зачастую напоминают мне одного знакомого, у которого от неумеренного потребления спиртных напитков, ускоренными темпами развивалась деградация личности. В «трезвое» время суток он был хмур, раздражен и очень плохо соображал. Но, когда выпивал очередную дозу «стимулятора», становился оживленным и блистал эрудицией. Все бы ничего, но на самом деле блистал он остатками эрудиции — читал своим слушателям стихи, которые заучил назубок еще в школе. При этом с течением времени и усилением деградационных явлений в высшей нервной деятельности моего знакомого он все чаще сбивался, путался, в конце концов, его «эрудиция» дошла до декларирования единственной связной фразы, оставшейся в его сознании (а может быть, уже подсознании) подобием тлеющего уголька: «Плакала Саша, как лес вырубали». И сейчас, когда этого человека уже нет в живых, любой житель нашего небольшого городка помнит эту фразу как имя собственное.

Видя пьянчужку, алкоголика, мы частенько задумываемся: что же привело человека к такому состоянию? Что случилось в его жизни? Что оказалось тем переломным моментом, после которого человек уже не смог вернуться к нормальному образу жизни? Как правило, ответ на поверхности: привычка — вторая натура. Но всегда ли этот ответ правильный? Некую грань многие ведь переходят, даже не осознавая, что переступили ее. Но всегда есть начало движения к грани. И выявить это начало можно, если это кажется важным. Думаю, той личности, которая чувствует в себе призвание к литературному труду, необходимо заблаговременно предвидеть появление этой грани и не стремиться преодолеть упо-

минаемый условный Рубикон. Особенно при том состоянии дел, которое имеется в современной издательской сфере, во взаимоотношениях пишущих и издателей.

Да, в нынешнее время трудно даже весьма талантливому автору попасть со своими произведениями в издательские планы. Поскольку большинство издателей, как это ни парадоксально, отдают предпочтение не собственно качественной художественной литературе (о научной и познавательно-просветительской у меня нет данных), а скорее — «выгодным» креативным именам в литературе. (Об идеологических предпочтениях издателей не говорим, поскольку это отдельная тема). И получается так, что сейчас весьма условным становится разделение на интернетных и традиционных писателей, на сетературу и собственно литературу. Ведь креатив «традиционных» писателей создается повсеместно с помощью тех же интернет-ресурсов. Стоит лишь задать поиск в сети имени автора — и сразу же по количеству и смыслу ссылок можно определить, какой вес имеет писатель имярек у книжных издателей. Писатель, которого популяризуют его же издатели, представлен в Интернете на порядок-два-три чаще, нежели его собрат, обитающий исключительно в Интернете. На портале Проза.ру, к примеру, зарегистрированы авторы, имеющие в своем активе десятки изданных книг, но все же не вполне удовлетворенные читательским вниманием и поэтому ищущие, привлекающие новых читателей, жаждущие обратной связи с читающей публикой. Как правило, такие авторы публикуют в Интернете преимущественно небольшие эссе и статьи, отрывки из давно написанных произведений. Свежие тексты в Интернете они лишь анонсируют, делая ставку на подогревание интереса к своему творчеству. Очень часто используют такой прием, как многократную публикацию одного и того же произведения в рамках одного и того же ресурса. Не является секретом и то, что писатели «традиционные» черпают идеи и даже занимаются откровенным плагиатом, используя рядовое воровство и последующую компиляцию из опубликованных в сети текстов, авторами которых являются их менее удачливые коллеги, не прошедшие «конкурс красоты» у издателей бумажной литературы.

И вот тут-то, наблюдая подобное, не нашедший себя в «изда-

тельских планах» автор способен впасть в состояние отчаяния и безысходности от невостребованности, от кажущейся непробиваемости издательских стен и дверей. Многие перестают писать. Многие сбиваются на конъюнктурные темы. Многие ищут поддержку (и могут найти) в Интернете среди себе подобных. Но слишком это трудоемкое и времяпожирающее занятие — находить близких тебе по духу людей. Да и убедиться в том, что приобрел единомышленника, искренне желающего и способного помочь (пусть для начала морально), можно все равно лишь после личного знакомства с человеком, который положительно оценил твое творчество. Впрочем, не всегда и личное знакомство оправдывает ожидания ищущего признания и интереса к собственному творчеству.

Времяпрепровождение в Интернете очень часто способно взрастить в сознании человека повальное недоверие к собеседникам, находящимся по ту сторону монитора. Блуждания в Интернете и склонность к заблуждениям становятся почти синонимами. Общение в сети, с одной стороны, способно оказать стимулирующее воздействие на творчество и мировоззрение автора, не имеющего возможности быть изданным (а причиной отсутствия издательских перспектив может оказаться возрастная немобильность пишущего, отсутствие средств на поездки к издателям, оплату издательских услуг). С другой стороны, внимание к твоему творчеству в сети требует практически ежедневного, по нескольку часов, просиживания у монитора, поскольку читатель интернета рассчитывает получить ответ на собственный положительный или иного рода отзыв. Таким образом, Интернет привязывает автора к дисплею и к эрзац-общению. Кто-то отвечает машинально, кто-то — выкладывается на пределе эмоциональных сил, видя в виртуальном собеседнике живую душу. В результате — эмоций не остается для творчества. О законе сохранения энергии и перераспределении ее необходимо всегда помнить, если в запасниках остаются нереализованные планы и замыслы.

Максимального общения с читателями требуют и современные издатели литературы на бумаге. Пробежаться хотя бы вскользь по интернет-ссылкам, указующим на передвижения интересующего тебя «традиционного» писателя,— и можно сделать вывод о том,

что Сизифовым трудом оборачивается для него участие во всяческих пиар-акциях, марш-бросках по читающим городам и весям. И это, очевидно, та же необходимость поддерживать популярность, которая продиктована отсутствием максимально разветвленной и рационально организованной сферы книжной торговли и распространения книг по библиотечным коллекторам. А посему ждать от таких «вечно командированных» литераторов качественных текстов не приходится. Эта тенденция переросла уже в явление. «Звездочки» бумажной литературы после издания первой более-менее удачной книги все чаще и чаще разочаровывают читателей последующими наспех состряпанными текстами, сработанными без души и даже без видимых интеллектуальных усилий.

За почти три года, проведенные на портале Проза.ру и одновременно в более или менее активном общении с местными коллегами, у меня накопилось множество наблюдений и с той, и с обратной стороны «зеркала». Вряд ли можно говорить о том, что авторы интернета и авторы «традиционной» литературы слишком уж отличаются друг от друга. Но можно говорить о том, что именно в Интернете сейчас находится та грань, которая отделяет одних от других. И грань эта укладывается в формулировку следующего толка: «кто быстрее и надежнее закрепится в Интернет-пространстве». Очень многие пытаются в нем закрепиться собственным присутствием, забывая о том, что когда-то оно закончится так же, как заканчивается жизнь любого смертного. А вспомнят ли тебя по прошествии множества лет,— зависит вовсе не от того, сколь активно ты осваивал Интернет или издательства.

Ирина Мадрига, г. Свалява, Закарпатье, Украина

* * *

Вот мой ответ журналу «Российский писатель» № 8 — 2012 на вопрос: «Ваш прогноз относительно будущего печатной литературы. Не убьет ли электронная книга книгу бумажную?»

Ефим Гаммер: Когда я, будучи солдатом-резервистом, охранял

от террористов в Шхеме-Наблусе священную гробницу Иосифа, великого пророка, предсказавшего Египту «семь тучных и семь тощих лет», каким-то чудесным образом он дал мне понять, что с похожим вопросом обращался к нему и фараон. Клиента строящейся на века пирамиды интересовало, сохранятся ли в будущем папирусы с его жизнеописанием, или появится какая-то новая печатная продукция, которая сметет все устаревшее. Иосиф сказал: и папирусы останутся в МУЗЕЕ, и несуществующие еще ныне книги на бумаге вместе с их собратьями — электронными. На смену всему этому придет телепатия. Не будет нужна типография, откажутся от компьютера, а вся информация будет вноситься в голову благодаря какой-то мельчайшей мозговой клеточке, которая существует в человеке с момента Сотворения, но еще не задействована. Правда, произойдет это с теми людьми, у кого на плечах голова, а не кочан капусты.

Более деловой ответ выглядит несколько по-иному. И тут я могу сослаться на Елену Шмыгину, выпускницу математического факультета МГУ, писательницу и веб-мастера, главного редактора электронного журнала «Детки — 74» из Челябинска, сделавшую более десятка моих электронных книг: «Ефим,— пишет она,— насчет бумажной литературы вопрос уже давно перевалил за невозвратную метку. Будущего у бумаги нет. Останутся только презентационные тиражи для встреч с читателями и подарков. Остальное уйдет в электронный вид. И не только потому, что электронное интереснее и удобнее во многих планах. Перестают в принципе читать. Сегодня, 23 мая, объявили, что 15 крупных зарубежных библиотек объединились в сообщество для взаимопомощи в выживании. Вот такие дела. Не очень позитивные, но все вот так. Бумагу может спасти только тотальное отключение электричества. Тогда исчезнет интернет, и людям придется осваивать и возрождать кустарные производства, и книгоиздание в том числе».

P.S. К этому могу добавить, что в тех страницах, где любовь к чтению традиционна, останется еще на долгое время и любовь к книге. Мне трудно представить, что, например, в России, книгу повсеместно вытеснят диски и компьютер. То же самое в Израиле. Положим, здесь компьютеров на душу населения больше, чем в

России, но все равно «народ книги» не распростится с книгой. В частности, с религиозной. Тысячи лет здесь переписывают Тору, ее свиток за все эти годы не претерпел изменений. Кто-то может себе представить, что его при любом развитии техники и печатного дела сменит что-либо другое? Так что те ценности, которыми мы дорожим, останутся с нами и в будущем. Только не надо забывать, что тяга к чтению с неба не падает, ее воспитывают в человеке с детства. Это ведь не телевизор смотреть! Не забывайте об этом, пожалуйста, и все образуется.

Полностью интервью см.:
http://www.yefim-gammer.com/showtopicpressa.php?line=152).

Ефим Гаммер, г. Иерусалим, Израиль

* * *

Много лишнего, теряется смысл статьи... Люди в деревне за лето так уставали, приходилось спать не больше двух часов в сутки, что зимой отсыпались. Но если хорошо знать деревенский быт, то и зимой особенно спать было некогда, зимой мужики заготовляли дрова, женщины ткали, шили, вышивали, плели, пряли, вязали. Сейчас в наше время есть на Енисее поселение, недавно с мужем смотрели документальный фильм, у них до сих пор вся жизнь по дням расписана, опоздаешь, останешься голодным на весь год...

Лично я, когда пишу стихи, не люблю пользоваться ноутбуком, лучшее средство — это ручка и тетрадь, дело в том, что приходится отрабатывать написанное, иногда получается, что первый вариант самый удачный.

Простите, посещать заседания ЛиТО у меня нет возможности, на Стихи.ру я участвую в конкурсах, не везде берут мои творения. Но вот самый последний пример: стих «Дождик шлепает по лужам». Отправляю три стиха, ведущая отвечает: замысел хорош, но сам текст... Три дня отрабатываю, из этого стиха осталась лишь вторая строчка, результат — 3 место. Вы считаете, зря создали сайт? Я так не считаю.

В районную газету свои творения я отправляю сообщением, т.к. рукописные тексты кому-то нужно набирать и тратить время... То, что плагиатом пользуются многие с приходом интернета, да, есть, обидно. О мобильном телефоне: мечтала в 90-е годы прошлого столетия, когда муж работал на лесовозе, приходил в 4 утра, а я мечтала о такой трубке-рации, чтобы он мог сказать, где находится. Сейчас он опять на лесовозе работает, выезжает на трассу (в лесу сеть не ловит...) и докладывает...

Нина Гаврикова, г. Сокол, Волгоградской обл.

* * *

Наконец-то прочел полностью Вашу редакторскую колонку — материал о противопоставлении традиционной, «бумажной» и «интернетовской» литературы. Сразу с благодарностью скажу, что почерпнул для себя достаточно много неизвестных ранее фактов, как, например, об особенностях начертания различных алфавитов, или о том, что кириллица наиболее проста по части изображения букв, в том числе и шипящих. Тут сразу вспомнился давний случай: когда-то мой отец, выпускник исторического факультета Воронежского пединститута, работая преподавателем сельхозтехникума, пытался сдать кандидатский минимум. В том числе и по инязу — немецкому языку. И, переводя какую-то передовицу в немецкой газете, наткнулся на фамилию, которую никак не мог прочесть. Начало-то ясно: Хру..., а вот что потом? А потом выяснилось, что там из пяти разных букв формируется буква «щ», а фамилия — Хрущев.

Ваши размышления о гедонизме и лени мне тоже близки. Вот мой сын, которому в июне исполнится 25, окончил колледж и в дальнейшем однопрофильный вуз: специалист по металлам и сплавам, из которых изготавливаются внутренности для телевизоров, музцентров, компьютеров и т.д., отслужил срочную и на данный момент зарабатывает на жизнь электромонтажником. Он в интернет лазает лишь, чтобы скачать новый фильм и узнать стоимость какого-то товара по городу Ростову. Книг не читает абсолютно

никаких. Разве инструкции, как пользоваться тем или иным товаром. Сейчас. В студвремена, правда, порой интересовался то какими-то (закрытыми когда-то) лекциями для сотрудников ФСБ или — почему-то? — теорией личности Фрейда. А на домашнюю библиотеку в три тысячи томов даже не смотрит. Теперь — ближе к теме. Я на пенсии подрабатываю тем, что скупаю у населения художественную литературу, которая пользуется еще хотя бы каким-то спросом, а потом пытаюсь ее перепродать. Занимаюсь этим порядка десяти лет и уверенно утверждаю: за эти годы спрос на книги значительно упал, особенно на классику. Невозможно продать, например, произведения Горького, Маяковского, Симонова, а уж тем паче — третьеразрядных советских классиков: Островского, Фадеева, Федина, Гладкова, Шагинян, прославляющих советский строй. Из Льва Толстого берут лишь «Войну и мир» — раз в год, когда проходят в школе. Из Шолохова — аналогично, раз в год «Судьбу человека», но «Тихий Дон» до сей поры, независимо от времени, пользуется определенным спросом, а «Поднятая целина» — абсолютно нулевым. Ушли в прошлое времена приключенческой литературы: Купера, Майн Рида, Хаггарда, Буссенара, Эмара, Сальгари, Дюма — за которыми еще лет пятнадцать назад гонялись. Равно как и за эпопеей «Анжелики», которую нашлепали массовыми тиражами все, кому не лень, а нынче она невостребована. Мертво лежат произведения Золя, Гюго, Бальзака, Мопассана, Драйзера, Диккенса. Кое-как еще идет Джек Лондон. Из Гашека — «Швейк», из Достоевского — «Бесы», «Идиот» и «Игрок», а вот попробуйте-ка реализовать «Записки из мертвого дома», либо «Униженные и оскорбленные». Перестали интересоваться Карнеги. Подолгу лежит «Декамерон», а вот на «Божественную комедию» клиенты есть. Что вообще пользуется повышенным спросом: из зарубежных авторов — Шекспир, Шелдон, экзистенциалисты Камю, Сартр и Кафка; из наших — романы Пикуля и братьев Стругацких, ряд исторических романов: трилогия Яна, «Каменный пояс» Федорова, «Иван Третий, государь всея Руси» Язвицкого, «Иван Четвертый, Грозный» Коростылева — и подобные по тематике вещи о старой, лучше — допетровской еще Руси. Уход в прошлое от проблем настоящего? Традиционно поку-

паема детская литература: приключения Чипполлино, Незнайки, Буратино, Петрушки; Карлсон, Вини-Пух, обе Алисы, цикл повестей-сказок Волкова, начиная с «Волшебника Изумрудного города». Сказки Афанасьева, Андерсена, братьев Гримм, Перро,— а вот того же Гауфа или «Мумми-тролли» Янсена — в гораздо меньшей степени. Разумеется, все это можно скачать из интернета, однако бабушки (не все, конечно) предпочитают учить внуков по детской классике и желательно изданной в подарочном исполнении. Подарочные «Сказки Пушкина», например, — на белой бумаге, с яркими иллюстрациями, большого формата — уходят в лет. А обычная книга, с картонным переплетом, из серии «Школьная библиотека», практически непродажна. Зато в большом ходу дамские детективы (Донцова, Шилова, Устинова, Маринина, Полякова) и дамские же любовные романы (Смол, Браун, Линдсей, Макнот, Карлтланд). И тут требования совсем другие. Дайте малого формата, в тонкой обложке — так называемую одноразовую. Ее удобно читать в автобусе и на работе, прятать в сумочку или в полуоткрытый ящик (от начальства). Детективы братьев Вайнеров, Леонова, Словина, Адамовых и прочих авторов, получивших известность еще до перестройки, сошли на нет. Но покупаем тот же наш ростовский Корецкий. В большом ходу всякие едовые книги — особенно «Книга о вкусной и здоровой пище». Причем с автографом Сталина (изданная до 1952 года включительно) ценится больше всего, хотя и вся разница-то именно в этом одном предложении. Это — «Сталинка». Потом пошла «Хрущевка» — в ней еще сохранена цветная вкладка с видами красной и черной икры. При Брежневе эту вкладку убрали. И цена книги издания семидесятых, и далее — до 1989-го (позднейшие издания мне не попадались) еще меньше. Ну, это я уже увлекся деталями. Книги покупает в основном старшее поколение, и больше женщины. Среди молодежи клиенты на классику редки, как правило, это студенты филологического отделения. Но иные берут, как уже упоминал, дамские детективы, любовные романы (опять же преимущественно с разворотом действий в далеком прошлом; например, есть такая специализирующаяся на сюжетах из давних времен серия «Шарм»). Короче, люди хотят отдохнуть, читая, а не напрягать

мозги и не переживать. Прочел — забыл — выбросил. Одноразовая, не жалко. В Москве зачастую на последних станциях линий метро по несколько таких книг в вагонах оставляют, даже домой не берут: чтобы место в квартире не занимать. С другой стороны, у меня сейчас несколько клиентов ждут «Капитал». Почему-то востребован и именно за последние годы, стал. И еще деталь: не все можно найти в интернете. Скажем, произведение Маркеса «Пир во время чумы» одна моя клиентка так и не разыскала вообще ни в каком виде — ни бумажном, ни электронном. И на закуску анекдотично-печальная ситуация из моей жизни. Летом подходит к моему книжному развалу мама с сыном лет 10—11. И говорит: мол, давай, я тебе какую-то книгу куплю. Сынуля в крик: «Не надо! Не хочу! Не нужна!» Мама: «Нет, купим!» Выбрала какие-то сказки. Протягивает сыну. Тот руки за спину спрятал: «Не хочу!» Мама разозлилась: «Держи, я тебе сказала!» Всунула силком ему, а сама за кошельком полезла. Сынуля же ее сбежал и мне книгу чуть не в нос тычет: «На! На! Возьми! Забери! Не нужна она мне!» Ну, я как-то автоматически взял, пацан поскорее в сторону отпрыгнул. «Почему, говорю, не нужна?» А он зверскую рожу скорчил и с рычаньем: «А ее чита-ать на-адо!» Мама ахнула, охнула и кошелек спрятала. Такие-то они, литературно-продажные дела.

И по поводу мнемонической памяти... Я свой последний рассказ «Часовой с липовым стволом» почти весь написал вечерами и ночами, когда уходил сторожить виллу одного нового русского (четыре этажа с полуподвалом). Там ни компа, ни телевизора. Только и возможностей, что читать или писать. И знаете, полагаю, в итоге неплохая вещь получилась. Опять-таки на сменах я ее много раз редактировал. Напечатаю на компе очередной вариант — и с собой, на дежурство. А уж там вдоволь поисчеркаю. Ну, самые последние абзацы уже чисто на компе вводил-дополнял. И еще насчет того, что его пишущий только как машинку использует — отнюдь. Лично я еще и по части словарей всяких и справок тоже эксплуатирую. Особенно часто пользуюсь для подборки синонимов,— порой удачный сразу находится и становится как лыко в строку. Отчасти тоже гедонизм? Впрочем, мог бы, конечно, и в печатные словари глядеть, но в компьютере удобнее, и он сразу в

нескольких значениях слов показывает. Вот, в общем, так. Хотя и мои рассуждения получились несколько не впрямую по вашей дискуссионной статье. Не взыщете строго.

С уважением и наилучшими пожеланиями.

Федор Ошевнев, г. Ростов-на-Дону

ЛИТЕРАТУРА — БУМАЖНАЯ ИЛИ ЭЛЕКТРОННАЯ?

В поставленной проблеме нам видится три вопроса.

1. Как создавать литературные произведения — с помощью ручки с чернилами или ручки шариковой. Либо печатать на машинке или на компьютере?

2. Как издавать книги — в бумажном виде или в электронном?

3. Как книги читать — традиционную книгу, с бумажными листами и переплетом, или книгу, помещенную в Интернете?

Приведем несколько примеров, сразу пришедших на ум.

Когда-то хозяин тщательно обрабатывал бревна, подгонял их по размеру, долго строил добротный дом. Сейчас дом можно поставить, при помощи современной техники, в два дня. Как будем дом возводить — как прежде или как сейчас? Вы скажете, тогда дома строились на века. Однако при сегодняшней быстротечности времени нужно ли, чтобы дом стоял века?

Можно выпить чай из тонкой фарфоровой чашки, наслаждаясь при этом изяществом линии ручки и уникальностью материала, из которого она изготовлена. Можно пить, удобно касаясь губами тонких стен чашки, а можно взять деревянную большую кружку, какие были в ходу давным-давно. Толстые стенки кружки, толстая ручка, громоздкий сосуд для питья. Из чего пить приятнее и удобнее? Вы скажете: зато дух чая в деревянной кружке будет особым, аромат другой — деревянный (вот и слово придумано). Ну что ж, почему бы иной раз не побаловать себя таким чаем?

В давние времена книга была рукописной — громоздкой, с

деревянным переплетом, большими и ломкими листами, с трудночитаемым текстом. К тому же книг было мало, стоили они дорого, и не всякий мог купить и прочесть. Сейчас книги печатаются большими тиражами. Чтобы книга пришла к читателю, над ней работают специалисты — корректоры, редакторы, иллюстраторы, типографщики. Она легка на вес и удобно умещается в руках. Какую книгу мы будем читать? Конечно, с благоговением откроем рукописную книгу, погладим, может быть, листы, понюхаем воздух вокруг такой книги, рассмотрим иллюстрации, даже текст попытаемся осилить. Однако это чтение интересно лишь профессионалам — историкам, книжных дел мастерам. А читать мы станем книги современного издания.

Не секрет: чтобы книга написалась, над ней надо много работать — думать, изучать, искать, планировать, отрабатывать текст, не забывая в то же время родной язык.

Пишешь ручкой (с чернилами или самопишущей) и при этом думаешь, тщательно подбираешь слова, проглядываешь смысл написанного. Идет медленный процесс создания текста. Однако нередко зачеркиваешь-перечеркиваешь, и наступает момент, когда трудно прочесть то, что создалось на листе: одни каракули и штриховка.

На печатной машинке получается быстрее и чище. Кстати, в печатном варианте легче видится орфография. Вы скажете — глаз «замыливается». Верно, и все же он не менее замыливается в прочтении рукописи.

Компьютер — его полезность отмечают те, кому приходится много работать над созданием текста, например, научного. Кто работал над диссертацией и тысячу раз ее правил, подыскивая слово, менял фрагменты местами, тот, по большей части, скажет: как хорошо, что у меня есть или была, возможность работать на компьютере.

Вы скажете: это научный текст, а художественный — иное дело. Работа над художественным текстом требует еще большей тщательности. Есть возможность сохранить разные варианты текста, затем сравнить и выбрать тот, который точнее раскрывает идею произведения. Есть возможность поискать нужное слово, по-

работать, когда надо, над эмоциональным изложением или строго логическим, кратким или развернутым.

Есть возможность написать сначала ручкой на бумаге, а потом перенести в компьютер. Тоже нужный этап работы. Иной раз записал на листе и доволен: хорошо получилось. А придет время укладывать в компьютерный текст, видишь: здесь неточно, здесь расплывчато, здесь выбился из основного содержания. И сам себя правишь.

Можно же, точнее — необходимо, править свой компьютерный текст, минуя рукописный этап.

Главное не в том, как создавать художественное произведение. У каждого свои приемы. Главное — что создавать. Художественность, т.е. образность и глубина содержания важны, а еще — знание того, о чем пишешь, а еще — интерес читателя и его готовность понять и принять то, что тобою создано.

Замечательно издавать художественное произведение в бумажном виде. Книга — одно из лучших творений человека. В ней все просматривается, т.е. не только содержание, которое вложил автор, но и писательское умение автора, его эрудиция, его отношение к жизни. Он весь — «на ладони» у внимательного читателя.

Возникает удивительное сообщество автора и читателя: я написал, в книгу собрал, тебе подарил; я книгу взял, открыл, прочел и обдумываю. Первый дал второму одно, а второй, взяв это, понял и увидел что-то свое. Получилось новое видение и, возможно, автор и читатель обменяются взглядами. Это бывает редко, но бывает.

Мы убеждены: книга, созданная одним, обогащается мыслями и чувствами другого, пусть только для него одного и, может быть, для его сотоварищей, с которыми он ту книгу обсуждал.

Однако книга сегодня — это 500 экземпляров (к сожалению, многие авторы выпускают произведения за свой счет и не имеют возможности выпустить, а затем и распространить, в большем количестве). Повезет — будет тираж в 3 тысячи или в 10 тысяч.

Пусти книгу в Интернет. Сколько возможных читателей у нее появится? Причем, будут сметены государственные границы, континентальные препятствия, и даже временные.

Не мешает электронная книга бумажной. Недаром сегодня из-

дательства предлагают авторам, помимо бумажной версии, и электронную — на сайтах Интернета, на дисках. А современные литературные журналы предусмотрительно заводят свои сайты. Расширяется читательская аудитория до безграничных размеров.

Как читать? Что за вопрос? Конечно, есть особое состояние души, когда держишь в руках книгу, перелистываешь страницы, одну за другой, не спеша, наслаждаясь слогом, сюжетом, умением писателя выстроить ситуацию и красочно ее описать. Можно забежать вперед, можно вернуться к первым страницам. Сегодня прочесть главу, завтра другую, или прочесть все разом, забыв о делах, о пище, о сне.

Наверное, с давних времен, когда книга представлялась великой редкостью, сохранилось в нас уважение к ней, поклонение ей.

Однако бывают разные ситуации. Нет в поселке книжного магазина и библиотеки, а Интернет сейчас пробивает дорогу в самые укромные уголки. Вышла книга в другом городе, в другой стране, а у Интернета нет границ. Не смог купить дорогое издание, купи дешевле интернетовский вариант.

На дисках можно не только читать книгу, но и слушать. И если ее озвучивает мастер «чтецкого дела», то получишь удовольствие, слушая его, а также приобретешь еще один взгляд. Тогда восприятие книги станет богаче.

И ничто не мешает тебе, познакомившись с электронным вариантом, приобрести понравившуюся книгу в бумажном виде, в богатом переплете, с прекрасными иллюстрациями.

Есть, конечно, опасность публикации в электронной версии «чего ни попадя», однако такая опасность есть сегодня и в публикации традиционной. Плати издательству, и тебя напечатают, не обращая внимания ни на содержание, ни на форму подачи.

Словом, традиционная бумажная книга была, есть и будет достоянием человечества. Однако прогресс на то и существует, чтобы отыскивать новые формы воздействия художественной литературы на сердца человеческие.

Ирина Кедрова, г. Москва

ПОЗНАЙ, ГДЕ СВЕТ, ПОЙМЕШЬ, ГДЕ ТЬМА

Эти строчки Данте, которыми я озаглавила свои размышления о соотношении «бумажной» и интернетовской художественной литературы в современном творческом процессе весьма актуальны, так же как и высказывание писателя Евгения Замятина, что «*у русской литературы осталось одно будущее — это ее прошлое*».

«*Человек узнается по делам его*»,— написано в Библии.

Хорошая литература, которую хотелось бы определить, как русская словесность, узнается по содержательности, по безупречной форме и стилю, по колоритному, живому, полному экспрессии великому русскому языку. Думаю, что говорить о конкуренции между теми авторами, кто серьезно, профессионально относится к литературному творчеству и пишет действительно хорошо и интересно, не приходится, независимо от того, издается ли книга обычным традиционным «бумажным» типографским способом или же она помещена в Интернет.

Но, к сожалению, сегодня многое из духовного опыта великой русской классической литературы утрачено, и интересных по содержанию, по форме, по богатству языка произведений не так уж и много, как среди художественной литературы, изданной в типографии, так и в электронном варианте. И те и другие авторы все реже радуют читателей, не успевших за период перехода к рыночным отношениям испортить свой художественный, эстетический вкус. Такое ощущение, что, как писал Давид Самойлов: «*Смежили очи гении. Нету их и все разрешено*».

Можно много говорить об Интернете, как о прогрессивном открытии, произведшем своеобразную революцию и в книгоиздании, но, при всех плюсах, это привело к тому, что открылась свободная, широкая дорога в литературу дилетантам, графоманам, литературным поденщикам, просто безграмотным и даже невежественным людям.

Легкость публикации в Интернете (как и в бумажном варианте при наличии финансов), искушение стать известным, «оставить след» толкают в литературу не только людей способных к творчеству, но и далеких от него, не понимающих, что писательство — это титанический труд, требующий глубоких знаний и жизненного

опыта. Сегодня в литературе немало тех, кто не знает элементарных правил и традиций литературного процесса, норм этики, не способных к самоцензуре, допускающих неряшливое отношение к языку, не соблюдающих элементарных правил орфографии и пунктуации. Один за другим открываются сотни сайтов и блогов, в которых новоявленные «литературные гении» размещают все, что придет в голову, не задумываясь, «как слово наше отзовется». Отсюда и угроза того, что словарь ненормативной лексики уже скоро достигнет размеров энциклопедии. Агрессивное невежество и интеллектуальное бессилие соседствуют в многочисленных худосочных произведениях поэзии и прозы, лишенных сложности и многоцветности жизни.

Для создания настоящего художественного произведения нужна длительная работа ума и сердца. А. С. Пушкин писал Евгения Онегина 7 лет 4 месяца 17 дней. Виртуальные писатели создают на своих сайтах в Интернете бессюжетные поэмы и вялые повести за несколько часов.

А сколько коммерческих предложений в Интернете, приглашающих участвовать в литературных проектах. Правда, не меньше их и среди тех, кто предлагает за определенную немалую мзду перевести на любой язык «бумажное» творение и распространить его за рубежом. Предлагают «устроить рецензию», «найти рынок сбыта», «организовать диплом, юбилейную медаль, престижную премию».

Когда-то Юрий Визбор пел: «*Все на продажу понеслось. И что продать, увы, нашлось*». Те, для кого строки Пастернака «*Цель творчества самоотдача, а не шумиха, не успех*» только слова, а главное быть «*притчей на устах у всех*», видно, не понимают, что доброе имя, талант и любовь не для продажи. Но эти люди, непохожие друг на друга и своей манерой письма, и своими идеями, самоорганизуются, создают свои сайтовые сообщества, вступают в переписку и организуют свои издания, причем уже бумажные, то есть издают традиционные книги и сборники, разрабатывают и предлагают свои проекты. Сегодня книжная культура осваивается в новом контексте. В формате Интернета проходят дискуссии, работают книжные Интернет-магазины, Ассоциация электронных издателей. В процессе участвуют литераторы из различных городов

России и Зарубежья, так как это проще, доступнее, дешевле, чем издание за свой счет полноценной традиционной авторской книги. В Интернете читателем может стать каждый пользователь, то есть миллионы людей, в то время как издать собственную книгу при скудных средствах издающего и безмерных аппетитах издателей доступно небольшим тиражом, которого только и хватит для родных, близких, друзей, да, может, несколько экземпляров купят на творческом вечере.

Поэтому и пользуются спросом эти коммерческие проекты, хотя в них отсутствует главное — истинная Любовь к отечественной художественной Литературе, уважение к литературному Слову и к читателю.

Жизнь невозможна без духовной составляющей. У Андрея Вознесенского есть строчка: «*Ностальгия по-настоящему*». Сегодня мы ностальгируем о настоящем искусстве, о настоящих талантливых литературных прозаических произведениях, о полнокровной поэзии, об авторах, достойных представлять современную великую русскую литературу на мировой арене, где по-прежнему зарубежные читатели с уважением произносят имена Льва Толстого, Антона Чехова, Федора Достоевского...

Лично мне ближе и дороже бумажные издания хорошей интересной литературы и даже собственные тоненькие книжечки милее «опубликованных» подборок в виртуальных интернетовских журналах.

Признаюсь, что не могу пройти мимо выброшенных книг, и среди «спасенных» немало по-настоящему ценных и редких изданий, уникальных художественных произведений. Начитавшись вдоволь на ночь, убираешь книгу под подушку и, засыпая, слышишь живые интонации персонажей.

И поэтому, хотя Интернет и стал неотъемлемой частью нашей жизни во всех ее проявлениях, в том числе и частью литературного процесса, теплое, живое слово на пожелтевшем от времени бумажном листке, он не победит. Недаром же растет число книжных ярмарок и фестивалей. Прошедший недавно 7-й Международный открытый книжный фестиваль, показал, что активные, думающие читатели не желают быть только потребителями виртуальной ин-

формации в Интернете, а хотят сами участвовать в литературных дискуссиях, круглых столах, встречах с авторами, хотят, чтобы услышали и их голос, их требования к современной литературе. На фестивале было организовано 150 мероприятий, посвященных литературному процессу в рамках книжного форума, где были представлены книги разных жанров, благодаря которым формируется собственный взгляд на современное культурное пространство, на отечественную литературу, которая учит сопереживать и сострадать, пробуждает добрые чувства.

Творчество — это процесс счастливый, но сложный и временами мучительный, о чем известно не только из собственного опыта, но и из признаний действительно гениальных писателей.

Публикации в Интернете сеют иллюзии, что творчество доступно всем. При таком подходе мы можем оказаться перед угрозой утраты подлинной культуры, прийти к интеллектуальной, духовной опустошенности.

В Интернете, да и в традиционной литературе, наблюдается пестрая мозаика литературных нравов и оптимистической риторикой не скрыть драматизма положения. За яркими обложками скрывается серость и убогость мысли, содержания, формы. Публикации зачастую зависят не от таланта, актуальности темы, интеллектуального культурного богатства, а от коммерческой составляющей. Ремесленничество, не осененное талантом, всегда было врагом любого искусства.

Когда-то Владислав Ходасевич, ныне забытый поэт, считавший себя учеником А. С. Пушкина, написал: «*Всему живущему идти путем зерна*».

Зерна от плевел отделить бывает трудно, но делать это необходимо, чтобы русская литература прорастала злаками, а не сорняками, сохраняла свое прошлое величие и умножала новые заслуги, оставалась бы той литературой, к которой во всем мире продолжают относиться с любовью, интересом и уважением. И я позволю себе закончить свои размышления стихами, которые сложились в ходе этой дискуссии, тем более, что Валерий Брюсов называл «язык поэзии наиболее совершенной формой речи».

В защиту языка родного,
Что был опорой нам века,
В защиту пламенного слова,
Что будоражило сердца,

В защиту ручки и бумаги,
И книжных трепетных страниц,
За книгу, что подобно браге,
Строкой восторженной пьянит,

В защиту пишущей машинки,
В защиту чистого листа,
Когда жемчужиной ложится
За строчкой новая строка,

Я голосую. С Интернетом
Пришел прогресс. Здесь спора нет.
Но в руки книгу взять поэта,
Когда в окне мелькнет рассвет,

Взять теплую, из-под подушки
И, ощутив ее тепло,
Понять, Шекспир, Мольер и Пушкин
Душе приносят торжество.

Подобно буйству океана,
Живою кажется строка,
Нам с книгой расставаться рано.
В ней мысли, чувства. В ней душа.

Спор ни к чему. Не надо крика.
Пусть процветает Интернет.
Стоять на полке будет Книга
И через много-много лет.

Зерно среди плевел отыщет
Читатель, чтоб суметь понять,

Что не бывает Книга лишней.
Как карандаш, перо, тетрадь.

Людмила Авдеева, г. Москва

* * *

В отношение сетевой и печатной литературы скажу следующее. Как читатель, я «консерватор» — то есть предпочитаю книгу печатную. Как человек пишущий, могу лишь радоваться достижениям Интернета, дающего куда больший охват аудитории, чем ничтожные тиражи. Уровень сетевой словесности, по большей части, удручает. Но, объективно говоря, уровень печатной удручает нисколько не меньше. А, пожалуй, и больше — потому как печать еще кто-то и финансирует. В море графомании тонут крупицы настоящих талантов. Можно ли винить в этом сеть? НЕ уверена. Потому что тем крупицам, большей частью, оказываются закрыты печатные издания, и без Интернета их участь была бы — писать в стол.

Елена Семенова,
редактор журнала «Голос эпохи», г. Москва

* * *

С огромным интересом прочла размышления неравнодушного к судьбе российской литературы (и литературы вообще!) автора Алексея Яшина. Для меня это чтение было не только увлекательным, но очень полезным и образовательным. С удовольствием освежила свои, увы, немногие знания в области образования древней письменности, с вниманием проследила тенденции ее развития вплоть до наших дней. Обогатилась — несомненно! Для меня, человека, не задумывающегося столь глубоко над влиянием компьютерных технологий и коммуникаций на нашу жизнь, быт, тонкости человеческого сообщения, литературного самовыражения, статья явилась открытием. Она заставила меня остановиться на многих любопытных моментах, соразмерить с авторскими свои собствен-

ные ощущения в процессе общения с компьютером. Прогресс неизбежно внедряет в работу литераторов современные инновации, и результат этого внедрения (согласна!) необходимо всесторонне изучать! Рада столкнуться со столь серьезными исследованиями языка, литературы и духовности человечества. Спасибо за затронутую здесь важнейшую тему!

P.S. Мне лестно участие в таком интересном проекте в Вашем Журнале. Жаль, что для серьезных дебатов я не имею столь широких познаний в нужной области, но все-таки хочу добавить, что давно замечаю разницу восприятия текста на бумаге и на экране... Например, с книгой могу «просидеть» до утра, но даже с самым любимым произведением в компе через час засыпаю.

А еще, лучшие стихи чаще записываются на карандаш, на клавишах же — стихосложение зачастую теряет свой вкус.

Тамара Соловьева, г. Псков

* * *

Прочитала, очень понравилось. Согласна с позицией автора. Умная вещь. После прочтения задумалась над реальностью. Но, как ни крути, колесо истории не остановить. Надо, конечно, стараться сохранить самое ценное — ОБЩЕНИЕ друг с другом ВЖИВУЮ, Доброту и Любовь. Тогда Мир обретет живые краски в мышлении и действиях.

Валентина Белевская, г. Тула

* * *

Тема, предложенная главным реактором «ПЗ» для дискуссии, интересна и своевременна: «бумажная» и «компьютерная» литература. Но сначала договоримся о терминах. Текст, набранный на компьютере, может быть представлен читателю на бумаге. «Бумажная» литература пишется гусиным или железным пером. Или на пишущей машинке. Но сразу на бумагу. Текст отсылается в

издательство и там печатается в виде книги, брошюры — и там же осуществляется компьютерный набор и на компьютере — изготовление оригинал-макета. Грань в этом, технологическом плане между двумя литературами стирается.

Из контекста «Циркулярного письма», позвавшего к дискуссии, следует, что под «компьютерной» литературой разумеется та, которая создается на этом современном электронном «орудии» писательского труда и остается в электронном виде и посылается в мир в этом же самом виде.

Таким образом, если так понимать предложенный А. А. Яшиным термин «компьютерная» литература, тогда разница ощутима и заслуживает обсуждения.

Мне кажется, что дело не в способе написания текста: от руки или набор его на компьютере. Кому-то нравится водить скрипучим пером по бумаге. Несомненно, процесс медленный, мысль, наносимая на бумагу, созревает лучше. О вдумчивом, нередко трудном процессе создания текста свидетельствует изгрызенное перо и многочисленные правки на бумаге. Над черновиками склоняются исследователи и воссоздают, и анализируют творческий процесс. При компьютерном письме черновика нет, и не может быть. Еще одна ощутимая разница. Как теперь будут литературоведы и текстологи постигать и анализировать творческий процесс компьтерного автора, никому пока неведомо. Но, уважаемые современные читатели, надобно знать, что рукопись от руки автор относит (относил) к издателю, там переписчики переписывали текст набело, а потом он шел в типографию, где наборщики набирали текст свинцовыми буквами, страдая через десятки лет тяжкого труда от отравления свинцом. При компьютерных технологиях этой беды не будет.

Может ли назваться гедонизмом труд современного автора, пользующегося компьютером при создании текста? Если да, тогда все, что происходило и происходит в сфере создания материальных и духовных продуктов — от способа добывания хлеба насущного, строительства удобного человеческого жилья, новых видов передвижения в пространстве, создания зрительных образов, передачи мысли на расстоянии и т.д. и т.п., надобно будет назвать неизбывным стремлением человечества к гедонизму. Можно по-разному к

этому неудержимому стремлению человечества относиться, но оно никогда не откажется от удобств существования, повышения производительности труда, от облегчения и ускорения творческого процесса в любой сфере.

Согласится ли современный автор выбивать на камне свои письмена, брать в руки стило и водить им по непросохшей глиняной табличке, кисточкой писать по рисовой бумаге, изобретенной трудоголиком-китайцем? Вряд ли. Есть более удобные и скоростные способы это сделать.

Пользование автором авторучкой, пишущей машинкой, наконец, компьютером вряд ли можно отнести к порицаемому уважаемым Алексеем Афанасьевичем гедонизму. Создание текста труд, порой тяжелый и мучительный, и любые способы его написания не делают его легче. Речь, конечно, о подлинно творческих текстах. Правда, были и есть авторы, у которых этот процесс легок и стремителен. Но даже у гигантов литературы, у Л. Толстого, например, он был трудным и кропотливым.

Можно говорить о гедонизме самих авторов. Это было. И, кажется, есть сейчас. Например, А. Дюма-отец, Ги де Мопассан, Оскар Уайльд. У американцев — Скот Фицджеральд, Эрнест Хемингуэй. У немцев — Э.-М. Ремарк. У нас — Н. Некрасов, может быть, И. Северянин. Русские авторы менее склонны быть гедонистами, ибо всегда полагали свое творчество и жизнь, как служение возвышенной идее, сопереживание униженным и оскорбленным. Гедонизм по жизни, да. Но о гедонизме за письменным столом вряд ли можно говорить.

Чем отличается процесс создания текста за компьютером от такого же процесса старыми, «дедовскими» способами? Не скоростью только. Это маловажное отличие. Отличается искушением собственного впечатления о тексте, высветившимся на экране, как уже готовом, завершенном. Выглядит красиво, как уже напечатанный в книге. Все исправления тут же можно сделать, все помарки и ошибки стереть, сидя за клавиатурой. Текст, как конфетка, залюбуешься. Потирая руки, так и хочет автор воскликнуть: «Ай, да Пушкин (в смысле имярек), ай, да сукин сын!» Против этого искушения устоять трудно. Не устоишь, текст получается легковес-

ным, слабым, как недоношенный ребенок. Опытный тесктолог без труда догадается, каким способом письма пользовался автор.

Мне трудно судить, рассылают ли «компьютерные» авторы свой текст «веером», сразу по нескольким адресам. Привержен «ПЗ». Строго соблюдаю требование редакции присылать CD и распечатанный бумажный вариант материала для публикации. Всегда хочется видеть свой текст напечатанным на бумаге. Пишу на компьютере, не вижу в этом греха. Но из-за слабости зрения распечатываю первоначальный вариант, правлю по бумаге, и снова возвращаюсь к компьютеру. Иногда не один раз. Что получается, судить не мне.

Самая большая и не в пользу компьютера разница между текстами — бумажным и компьютерным — это зрительное впечатление. Иногда в метро заглядываю через плечо пассажира, читающего электронную книгу. Не знаю, что читает, что написано. Речь о другом: никакого эстетического удовольствия — сероватый фон и черные мелкие, густо поставленные буквы — официальный документ, да и только. От него веет скукой и однообразием. Книга — это произведение искусства. Завлекает эстетика оформления, расположение текста на странице, разнообразие шрифта. Даже с научным текстом книгу приятно держать в руках.

Никогда не читал тексты с компьютера, с электронной книги. Судить трудно, сколько в них «дискретного (цифрового) мышления» и «гедонизма авторов», сколько в них фантазерства и отражения виртуальной, а не реальной, настоящей жизни. Каждый пишет, как дышит. Чем «дышат» компьютерные авторы, не знаю.

Упрек, брошенный современным авторам в «обесцвечивании образности» (понимай, описательности) и в «обилии диалогов» (голливудские сценарии) в их текстах заслуживает подробного рассмотрения, и может стать предметом следующего раунда дискуссии на страницах «ПЗ». Слишком сложная и неоднозначная тема, чтобы без глубокого продумывания присовокуплять ее к предмету обсуждаемого «Циркулярного письма».

Практику подбрасывания авторам и читателям тем для дискуссии, начатую по инициативе главного редактора журнала, считаю интересной и полезной, заслуживающей продолжения.

P.S. Интересно, уважаемый Алексей Афанасьевич текст «Циркулярного письма» набирал на компьютере или сначала писал пером на бумаге?

Рудольф Артамонов, лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова, г. Москва

От главного редактора: *Уважаемый Рудольф Георгиевич! Сразу отвечаю на Ваш постскриптум. Мы с Вами — научные коллеги в области биомедицины: встречались и беседовали в Туле. Я также под Вашим кураторством уже не один год публикую в «Медицинской газете» продолжающийся цикл очерков о воздействии слабых электромагнитных излучений на организм человека.*

Являясь руководителем Тульской научной школы «Биофизика полей и излучений и биоинформатика», слишком много знаю о негативных последствиях «общения» человека с компьютером, сотовыми телефонами и прочими «гэджиками».

Все, что я пишу,— а это очень большой объем: от журнальных статей до художественных и научных книг,— только «от руки».

Что же касается компьютерного набора моих рукописей, то на своей кафедре в университете и в редакции «Приокских зорь» в штате имеются технические работники для этого дела, сами выбравшие эту профессию.

...Словом, обычное разделение труда: см. первый том «Капитала» Карла Маркса о разделении труда при переходе к мануфактурному производству.

ЧТО ЖЕ ВЫБРАТЬ: КНИГУ ИЛИ КОМПЬЮТЕР? ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ЦЕЛИ, КОТОРУЮ СТАВИТ ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД СОБОЙ

Моя внучка любит слушать перед сном сказки. И устроивши голову на подушке, натянув теплое одеяло, с требовательной надеждой просит: «Дедушка, почитай». А если ребенок просит почитать, тут уж надо отложить все свои дела, таковы правила жизни в нашей семье. Слушает она внимательно, не перебивая. Лишь порой, если вдруг незнакомое слово, просит пояснить, что оно обозначает. Сейчас она уже достаточно взрослая, седьмой год, читает бойко сама, но слушать, когда я читаю, любит по-прежнему.

Читаем мы с ней толстую книгу — это сказки братьев Гримм.

Но когда были поменьше и дети, и внуки — читали книги Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Сергея Михалкова, других детских поэтов и писателей. «Незнайку» Николая Носова читали «до дыр». Книги эти, как всегда, красочно оформлены, в основном, с иллюстрациями, и читали их не только на «сон грядущий».

А сейчас, когда приходят старшие внуки, а им уже 11 и 13 лет, то первое, что они говорят, еще от порога: «А можно нам компьютер включить?». И хотя компьютер я использую, в основном, для своих литературных упражнений, разрешаю им устанавливать на нем игры. Без компьютера нынешние детки не представляют для себя существования.

И как тут однозначно ответить — книга или компьютер?

К постели внучки я не принесу компьютер, хотя этого сейчас и не требуется, многие чудеса техники умещаются в ладони. А как же шуршащая страница или иллюстрации? На которых можно делать своей детской рукой поправки во внешности героев книги. Например, нарисовать очки Иванушке дурачку, или пририсовать рожки Мальчишу-плохишу? Это, конечно, шутка.

Но книга или компьютер? И не мыслю я себя, человек довольно взрослый, немного с отсталым мышлением, сформированным бытом и учителями прошлого века, без компьютера. Но читать предпочитаю книгу, держа ее в руках, когда через осязание чувствуется биение жизни в ней. А может, это только мое — устаревшее, основанное на классическом, ушедшем обучении — мнение?

Ведь в далеких 50-х и 60-х годах пошлого столетия и помыслить себе было невозможно — чтение книги на экране телевизора. Книги кочевали из рук в руки, были потрепаны, а это — основной признак их популярности и читаемости. Часами я мог ходить между стеллажей библиотеки, хотелось читать и эту книгу, и вот эту... Выбрать было трудно, а теперь совсем не надо никуда ходить... Все, как говорится, под боком.

Наступает эра разобщенности, равнодушия, неосознанного эгоизма. Жизнь в Интернете, где нет места грамотности, уважения (ведь можно говорить, что хочешь своему собеседнику, не глядя ему в глаза). А можно и вообще не обращать внимания на его слова, отмахнуться и нахамить.

Компьютер или книга? Не мудрствуя лукаво, набираю слова в поисковике, одним щелчком выхожу в какой-то сетевой журнал, где сейчас обсуждается этот вопрос. Читаю ответы респондентов за множеством псевдонимов. Так это принято в сети, люди стесняются, что ли высказывать открыто свои мнения? Из 76 ответов, 72 человека отдали свое предпочтение книге. Вот!

Для меня книга — живой организм. Я ощущаю в руках присутствие живого существа, которое доверяет мне свои тайны, и я порой прижимаю книгу к себе. Конечно, это чисто субъективное восприятие, воспитанное в годы советского реализма, когда книга была духовным наставником и другом, учителем и просветителем. Когда одиночество не могло быть одиночеством. Она научила нас не чувствовать одиночества, а главное, не бояться его; человек думающий никогда не может быть одинок.

Чтение — это важнейшее составляющее развития духовности, интеллекта, культуры отдельного человека, а значит и нации. Была наша страна когда-то самой читающей... Теперь плееры в транспорте заменили книгу, общение. Чтение — это не только интересно, а прежде всего, это труд: интересный, доставляющий удовольствие, радость, но труд! Труд, вложенный в самого себя.

Нет у меня однозначного ответа. Главное — читать! Нынешняя молодежь выбирает современную и гибкую информационную систему. Как выбирать? А это уже зависит от учителей, воспитателей, наставников в семье, в школе.

Ведь и книга, и компьютер — имеют свои преимущества и неповторимы по-своему. Книгу читаешь и осмысливаешь наедине с собой, а используя компьютер, можешь тут же вступить в дискуссию о прочитанном.

Сам я столкнулся с огромным информационным потоком в сети, когда взялся за работу над повестью о своем отце. Разве мог я в библиотеке отыскать журнальные и газетные статьи довоенного и военного времени? Более пятисот различных документов прочитал и использовал для информирования себя.

Книга должна остаться другом, а компьютер — очень нужная современная техника.

Сергей Лебедев, г. Тольятти

В заключение от редакции. *Полагаем, что представленные материалы позволяют сказать, что дискуссия состоялась на достаточно широком представительском уровне. Материалов могло бы быть и больше, но «пик» дискуссии пришелся на жаркое лето со всеми его последствиями.*

Как всегда и уже традиционно промолчали — за единичным исключением — Тула (истинно: сапожник без сапог), где издается журнал, и Сибирь («Во глубине сибирских руд храните...» — например, молчание), имеющая в «Приокских зорях» свою постоянную рубрику.

Обращаемся к главе тульских писателей, первому зам. главного редактора «ПЗ» Виктору Федоровичу Пахомову и к зам. главного редактора «ПЗ» по сибирским регионам Тамаре Анатольевне Булевич с настоятельной просьбой «расшевелить» своих подопечных литераторов к началу следующей дискуссии. А всем принявшим участие в настоящей дискуссии — большое спасибо!

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «БУМАЖНАЯ» И «КОМПЬЮТЕРНАЯ» ЛИТЕРАТУРА В СВЕТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ (АНАЛОГОВОЕ И ЦИФРОВОЕ МЫШЛЕНИЕ)»

Счастливы будут те, кто услышит слова мертвых, ведь они будут читать хорошие произведения и следовать тому, что наказывали их предки...

Леонардо да Винчи

В момент Большого взрыва, предполагаемого наукой, возникло время. Как утверждается, оно сначала было дискретным, по-нашему, цифровым: интервал существования — промежуток отсутствия, и т.д. Чередование прекратилось, едва время, набрав силу, вышло на уровень непрерывности, протянув до наших дней аналоговую ось четвертого измерения. Не думаю, что человечество могло бы существовать в условиях дискретного времени, если б развитие Вселенной происходило по цифровому сценарию. Сразу оговорюсь (и прошу прощения) — данная статья создана человеком преимущественно с аналоговым мышлением для себе подобных, поскольку люди иного типа могут не воспринять ее.

Обдумывая эту статью, я не только изучила материалы, присланные в редакцию по вопросу противоречий «бумажной» и «компьютерной» литературы, но и обобщила свой педагогический опыт последних лет, придя к не слишком оптимистическим выводам.

К примеру, письмо Федора Ошевнева из Ростова-на-Дону, продавца книг. Сетует он, что практически не продаваемы нынче не только советские классики, но и зарубежные титаны масштаба Гюго, Бальзака, Золя. Однако, я сама в метро время от времени встречаю совсем молодых девушек и — правда, реже,— парней, погруженных в «Отца Горио» или «Страницу любви». Недавно ехал подросток лет пятнадцати и запойно читал «Трех мушкетеров». Женщину, под тридцать, «поймала» с Драйзером.

Думаю, дело еще и в том, что такие книги передаются по наследству и давно имеются в библиотеках большинства читающего

контингента. У меня целые собрания сочинений этих авторов, естественно, я пройду мимо них в магазине или на ярмарке.

Далее цитирую: «*Летом подходит к моему книжному развалу мама с сыном лет 10—11. И говорит, мол, давай, я тебе какую-то книгу куплю. Сынуля в крик: «Не надо! Не хочу! Не нужна!» Мама: «Нет, купим!» Выбрала какие-то сказки. Протягивает сыну. Тот руки за спину спрятал: «Не хочу!» Мама разозлилась: «Держи, я тебе сказала!» Всунула силком ему, а сама за кошельком полезла. Сынуля же ее обежал и мне книгу чуть не в нос тычет: «На! На! Возьми! Забери! Не нужна она мне!» Ну, я как-то автоматически взял, пацан поскорее в сторону отпрыгнул. «Почему — говорю — не нужна?» А он зверскую рожу скорчил и с рычаньем: «А ее чита-ать надо!*» (Ф. Ошевнев, г. Ростов-на-Дону).

Другая картинка, из собственной практики: веду урок, готовлю к экзамену второкурсников политехнического колледжа (я преподаю физику). Вдруг вопрос утомившегося студента к старосте группы: — А какой следующий урок?

Ответ: — Обществознание!

Раздается стон: — Опять эта ненормальная со своим Гарри Поттером!

Сразу понимаю,— коллега пытается использовать популярную сказку, чтобы удержать внимание учеников. Интересуюсь,— мол, чем же вам бедный Гарри не угодил?

Слышу (заметьте!): — Она нам рассказывала об отношениях людей в обществе и примеры из этой книги приводила! Причем тут книга «фэнтэзи»— и жизнь?

Это ж никак не связано!

У читающего с детства человека формируется сложное причинно-следственное, логическое, абстрактно-ассоциативное мышление, отсюда воображение и способность к творческой деятельности. Вспомним-ка,— во всех книгах действие развивается в определенной последовательности, а если, как в хорошем детективе, есть какая-то загадочная завязка, то в результате она оказывается вполне объяснимой; случается, даже недоумеваешь,— все очевидно, почему сразу в голову не пришло?

Если кто-то изначально пользуется только наглядными видами информационных источников (телевидение, компьютер и т.п.), то у такого индивида будет складываться «сценарное» мышление. Пример: детективный фильм.

Сцена 1: у себя дома мило разговаривают молодые супруги. Целуются, и — сразу сцена 2: в лесу двое неизвестных убивают третьего. Никаких рассуждений в промежутке, ни одного связующего звена. Только пото-о-ом высвечивается некая связь, и не просмотренных эпизодов, а персонажей и событий. Скажем,— убит был троюродный брат молодого мужа из первой сцены, которого тот ни разу не видел, хоть и знал о его существовании. Эпизод, еще эпизод, и еще, а вместе фильм. Какое мышление формируется? Безассоциативное, конкретно-наглядное, логически-личностное. Особенно,— если на досуге только фильмы, да и те не Тарковский.

В результате:

Студент: — Отпустите меня, мне срочно нужно на радиорынок, не работает плеер.

Преподаватель (в шоке): — Нет. Поедешь после уроков.

Студент: — Вы что, не понимаете, мне НУЖНО на радиорынок!

Преподаватель: — Закончатся уроки, езжай, куда хочешь. Твоя обязанность — прежде всего учиться (и т.п.)

Студент (совершенно искренне и не желая обидеть): — Что вы такой тупой-то? Как вы не можете понять — МНЕ НУЖНО на радиорынок! Я ж завтра приду! Я каждый день хожу в колледж! Не прогуливаю!

Имейте в виду: в его глазах эти доводы *абсолютно логичны и неотразимы*.

Подобные диалоги довольно часты, разговор идет вовсе не на разных языках, гораздо хуже — между жителями далеких друг от друга миров. Естественно, каждый отстаивает и считает наиболее правильным собственный уровень мышления.

В Интернете встречаются мнения обеих сторон, причем нечитающая молодежь выдвигает довольно шаткий аргумент в свою пользу — по смыслу (так как четкие формулировки даются им с трудом) он сводится к тому, что новое поколение автоматически

прогрессивно, а предыдущие, соответственно, отсталые, следовательно, цифровое мышление лучше аналогового. Несмотря на софистику подобного вывода, он, кстати, делается по зачаточным принципам аналогичности, как ни крути.

Общеизвестно, что в истории человечества случались периоды взлета и упадка той или иной культуры, когда молодость несла регресс и деградацию в сравнении с уходящими поколениями. Любимые поговорки моих учеников на протяжении ближайших двадцати с гаком лет: «Мне что, больше всех надо?» и еще «А почему — я?». Это ли не явный признак регресса? Молодежи по определению ДОЛЖНО БЫТЬ «больше всех надо», только тогда цивилизация идет вперед.

Вернемся к дискуссионным материалам. Посмотрим, что говорят их авторы:

«...чтобы книга написалась, над ней надо много работать — думать, изучать, искать, планировать, отрабатывать текст, не забывая в то же время родной язык... Не мешает электронная книга бумажной... На дисках можно не только читать книгу, но и слушать...» (Ирина Кедрова, г. Москва).

Бесспорно. От прогресса не уйти, кроме того, цифровые записи более долговечны, что немаловажно.

«...Публикации в Интернете сеют иллюзии, что творчество доступно всем. При таком подходе мы можем оказаться перед угрозой утраты подлинной культуры, прийти к интеллектуальной, духовной опустошенности...» (Людмила Авдеева, г. Москва).

Не совсем согласна. Иллюзия,— как посеялась, так и рассеется, если она не подтверждена талантом и знанием. Дело не в носителе информации, а в ее содержании.

«Любое произведение, написанное гением, на каком бы носителе оно не создавалось,— останется гениальным. И, наоборот,— если «писатель» посредственный, как бы он не подгонял себя к классически-традиционному письму (хоть обложись гусиными перьями, чернильницами и облачись во фрак времен Пушкина) — гениального не создаст» (Олеся Янгол, г. Юрмала, Латвия).

На мой взгляд, несомненно.

Кстати, одно из важнейших условий сотворения хорошего текста точно и образно очертил в стихотворной форме поэт Владимир Корнилов из г. Братска:

«Постигая секреты бессмертия песен,—
Набиваю мозоли на ладонях стихов».

Отсюда, обвинить в гедонизме (о чем также говорилось в статье нашего уважаемого главного редактора) нынешнего трудолюбивого и ответственного автора я не рискнула бы даже при изменившихся технических возможностях нашего времени. Голова все равно должна работать по полной программе. Без нее не напишешь.

При этом небезызвестно, что *«...в нынешнее время трудно, даже весьма талантливому автору, попасть со своими произведениями в издательские планы. Поскольку большинство издателей, как это ни парадоксально, отдают предпочтение не собственно качественной художественной литературе (о научной и познавательно-просветительской у меня нет данных), а скорее — «выгодным» креативным именам в литературе. (Об идеологических предпочтениях издателей не говорим, поскольку это отдельная тема.)* (Ирина Мадрига, г. Свалява, Украина*)*.

По поводу идеологических предпочтений могу заметить — нет у наших издателей, в большинстве их, никакой сколько-нибудь выраженной идеологии. Как и множество однодневных СМИ, публикуют только жареное, гламурное или кровавое, могут — пустую и бездумную развлекушку. Почему-то им в головы (по поводу той же выгоды) даже не является мысль о том, что это надоело давно, и есть немало желающих найти и приобрести *современную* неглупую, грамотно написанную книгу. Спасибо, хоть классиков печатают еще.

«Чем отличается процесс создания текста за компьютером от такого же процесса старыми, «дедовскими» способами? Не скоростью только. Это маловажное отличие. Отличается искушением собственного впечатления о тексте, высветившемся на экране, как уже готовом, завершенном... Против этого искушения устоять трудно. Не устоишь, текст получается

легковесным, слабым, как недоношенный ребенок. Опытный текстолог без труда догадается, каким способом письма пользовался автор...» (Рудольф Артамонов, г. Москва).

Явное преувеличение. Если автор не владеет словом, несущественно, строчит он на компьютере или на бумаге. Итог известен.

«Интересно, уважаемый Алексей Афанасьевич текст «Циркулярного письма» набирал на компьютере или сначала писал пером на бумаге?»

Почему же уважаемый Рудольф Георгиевич не догадался об этом «без труда»? Или под «опытным текстологом» он подразумевал не себя?

Кстати, лично я пишу преимущественно на компьютере, особенно прозу, более того, у меня, на мой взгляд, «вручную» хуже и тяжелее получается. Авторучка, что ли, не вдохновляет... Гусиным пером, правда, не пробовала, кто знает?..

Речь, однако, не об этом. Бессмысленно пытаться остановить технический прогресс, человечество всерьез не пересядет с космического корабля и реактивного самолета опять на «лошадку мохноногую» и не откажется от компьютера ради чернильницы, но предотвратить дальнейшую «оцифровку» человеческого мышления можно и необходимо. Возникает вопрос — зачем? А если как раз в этом и есть «великая сермяжная правда»? Обидно чувствовать себя отживающим элементом, но следует ли сохранять старое в ущерб *любой* новизне?

Прежде чем попробовать ответить на эти вопросы, я задам еще один. Какой предмет сейчас наиболее нелюбим в общеобразовательном процессе?

Литература.

Это я вам, как преподаватель, говорю.

Ученик, в отвлеченном разговоре, может согласиться, что нужна математика, нужны естественные науки и, пожалуй, родной язык — чтобы грамотно составить заявление в суд или на работу, со скрипом и неохотно признает (относительную!) нужность истории и географии, но никак не хочет добровольно признать необходимость литературы.

В чем же дело?

В ассоциативном мышлении, точнее, в его планомерном разрушении при увлечении телевидением и компьютером.

Вспомним эпизод с дубом в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

Ассоциация 1: «*...он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны...*».

В состоянии депрессии, как мы теперь называем подобное настроение, князь Андрей воплотил в нем собственные разочарование, горечь, чувство вины перед покойной женой.

Ассоциация 2: «*...Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца...*».

При ином расположении духа и дуб в глазах человека преобразился. «*Нет, жизнь не кончена в тридцать один год...*» — в результате решает князь Андрей.

Что произойдет в случае утраты человечеством способности к ассоциативному мышлению? Компьютерные дети, если мне будет позволено такое сравнение, уже сейчас проявляют этот недостаток мыслительной деятельности и, очевидно, по этой причине плохо воспринимают наиболее яркие произведения литературы и искусства, в основе которых лежит именно ассоциативное восприятие мира.

Все искусство построено на ассоциациях. Таким образом, переходя на цифровой вариант интеллекта, люди практически теряют потребность в искусстве, кроме самых наглядных и упрощенных его видов — рекламы, песенок и фильмов с элементарным поверхностным смыслом (поскольку глубокие смыслы, безусловно, создаются за счет ассоциаций), картинок, не содержащих ничего большего, чем на них намалевано (*дырки на обоях прикрывать*,— как сказано в нашем известном мультфильме).

Допустим, по словам тех же нынешних студентов и их единомышленников, оно и не нужно, то есть как бы необязательно. Забыты Толстой, Пушкин, Томас Манн, Рабле, Сервантес, Левитан и Сислей, Моцарт и Бетховен. До примитивизма упростился язык — глаголы да существительные, как представлял себе будущее Уэллс. В одном он ошибся,— при этом условии мысли

тоже станут короткими и насущными. Следовательно, исчезнет восторг перед прекрасным закатом, могучим водопадом, нежным цветком. Звездное небо и утренний туман будут интересны только с метеорологической точки зрения. Дальше — эмоциональная холодность, равнодушие друг к другу, тем более к природе. Число подобных индивидов и сейчас заметно увеличилось.

Уже неуютно, не так ли?

Однако это не все. Наука, не только теоретическая, но и практическая, экспериментальная, зиждется, прежде всего, на ассоциативном мышлении. Она начнет погибать следом за искусством, причем почти параллельно ему, и ненамного переживет его. Итог очевиден: при таком развитии событий цивилизации конец.

Цифровая техника имеет свои преимущества, но человек намного сложнее,— как бы ни пытались внушить нам упрощенное, примитивизированное представление о нас некоторые ультрасовременные философы, вещающие в малоразборчивых СМИ. Однако если даже представить мозг в виде суперкомпьютера, то и при этом он, несомненно, содержит аналоговые и цифровые связи, с преобладанием первых.

Заметим,— дискретность мышления давала себя знать при начальных этапах развития нашей цивилизации. Доказательство — существование космогонических теорий плоской Земли, по принципу «мой мир есть то, что я могу наблюдать непосредственно». Затем, при некотором напряжении развивающегося интеллекта, модель Вселенной Птолемея, далее — Коперника, и т.п. Человечество долгое время постепенно двигалось в сторону аналогового восприятия мира, но это достижение мы в данный исторический момент стремительно утрачиваем. Наглядность начинает превалировать над мыслью, и одной из причин является отказ от систематического чтения. Как же быть? Главное,— «*...не надо забывать, что тяга к чтению с неба не падает, ее воспитывают в человеке с детства*» (Ефим Гаммер, г. Иерусалим, Израиль).

Помнится, на заре семейной жизни я обитала в коммунальной квартире. Наши соседи были читающими людьми. Однако их способы воспитания дочери часто вызывали улыбку и некоторый шок.

К примеру, когда девочка училась в первом классе и упрямилась, не желая в ноябре для прогулки слишком утепляться, мать кричала:

— Сейчас же надевай рейтузы, а то читать заставлю!

Немного погодя родители искренне удивлялись, почему книги не вызывают энтузиазма у ребенка.

Не правда ли, крайне сомнительный способ развития интереса к чему бы то ни было?

В процессе воспитания любви к таким непростым видам интеллектуальной деятельности, как чтение и обучение, основную роль играют два необходимых условия:

1. Пример искреннего интереса самого педагога к данному занятию.

2. Создание атмосферы удовольствия в момент обучения на начальных стадиях.

А если пугать им, то отношение обучаемого будет соответствующим.

Большая работа проделана за последние двадцать два года по отвращению народа от чтения. Помню, некоторые наши известные артисты (не стану уточнять имена, кто смотрел, тот знает) в телепрограммах девяностых годов с презрительными и, сказать по правде, не слишком умными насмешливыми замечаниями, рассказывали, как в школьном возрасте старались выкрутиться и не прочитать «скучный» роман Толстого «Война и мир», другие изучаемые произведения, хвалясь этим, словно подвигом (хотя, скорее всего, в угоду моде кривили душой, ведь когда они учились, требования к знаниям были гораздо серьезнее, нежели теперь). Радиопередачи, где выступали некие профессора филологии, пропагандирующие безграмотность, «лишь бы было понятно, что за слово». Ко многим известным личностям я тогда утратила всяческое уважение. Впрочем, немало нашлось людей, в том числе и не самых молодых, которые впитали эту недостойную агитацию.

Итак, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

1. Носитель информации не является существенным для настоящего читателя. Выбор зависит от возможностей здоровья (некоторые люди не способны долго читать за компьютером в силу

элементарной усталости глаз, экран, в отличие от книги, имеет дополнительные факторы вредного воздействия на наши органы зрения), а также от желания самого человека.

2. Важно содержание объекта чтения, причем оно вполне может оказаться достойным в электронном варианте или убогим и примитивным, даже откровенно вредным для психики и воспитания на самой лучшей мелованной бумаге.

3. Способ создания литературного произведения не имеет значения при условии таланта и качественного труда автора. Во времена Ломоносова, затем Пушкина гусиным пером создано более чем достаточное количество халтуры, бездарного вздора и малограмотных доносов в том числе.

4. Не интересоваться чтением, практически полностью заменив его наглядными способами получения информации,— означает утратить существенную часть интеллектуальных возможностей человека, дарованных ему Создателем и природой, а именно сложное ассоциативно-логическое мышление, следовательно, в результате потерять способность к творчеству, как художественному, так и научному.

5. «Оцифрованность» (дискретность) восприятия мира, лишая массы людей глубины и широты мысли, имеет все шансы привести нас к сравнительно быстрому угасанию разума, увеличению агрессивности индивидов и социума и, в конечном счете, гибели цивилизации. Подобные проявления, нечастые прежде, в наш исторический момент наблюдаются в изобилии.

Несмотря на столь неутешительные итоги, повод для оптимизма имеется.

В прошлые века любой социум содержал очень ограниченное количество образованных личностей. Преимущественно среди них, за незначительным процентом самородков типа кулибиных и ломоносовых, рождались таланты в науке и искусстве. Они пронесли имена и открытия через годы и тысячелетия. Народ, неграмотный и униженный, существовал как бы отдельно, ничего не зная об этом, создавая свое собственное искусство в виде песен, баллад и сказок, дошедших до нас за счет устной памяти, а затем — благодаря энтузиастам-чудакам из образованного сословия, которые ис-

кали и записывали фольклор. Вы думаете, при жизни Пушкина о нем было известно крепостным крестьянам или фабричным рабочим, которые являлись абсолютным большинством в России? Да ничего подобного. Не зря Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» отметил:

Придет ли времечко
(Приди, приди, желанное!),
Когда народ не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет...

Такое время в нашей истории было, только недолго — всего около семидесяти лет. Именно оттуда, нравится кому-то данный исторический факт или нет, нам известно творчество большинства тех, кто создавал искусство, литературу и науку во все века. Это единственный период, когда народ В МАССЕ своей читал, получал НАСТОЯЩЕЕ образование и резко продвинул вперед всю нашу цивилизацию, открыл новые пути и возможности. Тогда достижения человечества сделались общедоступными.

В прочие времена знание и искусство были достоянием ограниченных групп людей, а при некоторых формациях, к примеру, при феодализме, ими владело катастрофическое меньшинство. Тем не менее знание и искусство сохранились,— следовательно, есть шанс и у нас. Шанс, что лучшее из сказанного и сделанного нами достигнет следующего Золотого века Интеллекта и Здравого Смысла.

Так не будем сетовать на компьютеры, подождем Вечного Вдумчивого Читателя, какой бы информационный носитель он ни выбрал.

Главное,— не переставать для него трудиться.

Наталья Квасникова (Москва)

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «НЕ ХВАТИТ ЛИ «СБРАСЫВАТЬ ПУШКИНА С КОРАБЛЯ ИСТОРИИ»? (ЧТО НАМ СЛЕДУЕТ ВЗЯТЬ ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА)»

От редакции: Тема очередной, уже ставшей традицией нашего журнала, всероссийской и международной дискуссии вынесенная выше в заголовок, была объявлена «забойной» «Колонкой главного редактора» в № 1/2013 «Приокских зорь». Кроме того, этот текст еще до выхода № 1/2013 был циркулярно разослан всем авторам журнала.

Редакция «Приокских зорь» рекомендует читателям перед ознакомлением с материалами настоящей дискуссии освежить в памяти содержание исходной статьи, а также **обязательно** прочесть «Колонки главного редактора» в №№ 2—4/2013 «ПЗ» в части, имеющей прямое отношение к дискуссии.

Итоги дискуссии будут опубликованы в «ПЗ» № 1/2014 в статье зав. отделом публицистики и литературоведения Натальи Квасниковой. Это тоже уже стало традицией. В этом же номере журнала будет предложена публикация материалов дискуссии, поступивших в редакцию после 01.09.2013 (время формирования № 4/2013 «ПЗ»).

В следующем году мы планируем провести всероссийскую и международную дискуссию по теме «Колонки главного редактора» в настоящем номере журнала под названием «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике». О начале дискуссии будет дополнительно объявлено в циркулярном письме, но уже сейчас редакция начала прием материалов.

О, СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ ГОТОВИТ ПРОСВЯЩЕНЬЯ ДУХ!

Статья профессора Алексея Яшина «Не хватит ли сбрасывать Пушкина с корабля истории? или Что нам следует взять из русской литературы советского периода» всколыхнул мои прежние, да и сегодняшние размышления о состоянии русской (российской) литературы. Со многими пунктами статьи согласен всецело, хотя я бы так категорично не ставил во главу заслуг перед отечественной литературой только одного из великих руководителей страны Советов И. В. Сталина. Правда, как хозяин страны, а Сталин был таковым, он умел по-царски и казнить, и миловать таланты. И большинство литераторов жили в так называемом тоталитарном режиме, как у царя за пазухой.

В сравнение с ним нынешние руководители просто-напросто литературой не интересуются. Им ближе не духовное, а физическое здоровье нации: спорт, армия. Это, конечно неплохо. Русский человек должен уметь постоять за себя, при необходимости нокаутировать противника. А чем мы можем «нокаутировать» при случае в интеллектуальном споре с иностранным собеседником. Он тебе про Шекспира, Гёте, Эмиля Золя, а ты даже Пушкина подзабыл, не говоря уже о Тургеневе, Тютчеве, Салтыкове-Щедрине, Брюсове...

За последние десятилетия преданы забвению в народных массах десятки имён, прославивших в свое время Россию в литературных трудах. Спроси сегодня у современного молодого человека: «Кто таков Фёдор Николаевич Глинка?» Вряд ли вразумительно ответит. И слов знаменитой «Тройки»: «Вот мчится тройка удалая// //Вдоль по дороге столбовой» не вспомнит. Но зато вспомнит звёзд телеэкрана поэтессу Ларису Рубальскую, писа-

тельницу детективов Дарью Масунову, поэта Илью Резника... Хвала им и честь. Но для разнообразия можно было на голубом экране (и не только) вспомянуть, изредка хотя бы, наше достойное прошлое.

Конец позапрошлого и начало прошлого веков высветили в России много литературных имен. Но если видны пока еще имена Ивана Бунина, Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Александра Блока, Осипа Мандельштама, Пастернака..., то Спиридон Дрожжин, Константин Бальмонт, Иван Суриков, Фёдор Сологуб, Иннокентий Анненский, Демьян Бедный, Михаил Светлов и много-много других уже давно в тени. А если даже и зазвучит в песне или поговорке их оброненное в народ слово, то имени автора и не вспомнят. А ведь когда-то их Слово звало на подвиг, согревало в трудные минуты душу верой в лучшее. Да и продолжает греть. Старики еще помнят знаменитую светловскую «Гренаду» и «Каховку», еще иногда в деревенском застолье затянут грустно-минорную суриковскую «Рябину»...

Мы, часто оправдывая негативные явления жизни, ссылаемся на время. Дескать, оно жестоко в своей необратимости. Но, как порой и мы убеждались в этом не раз, это жестокое время всё ставило на свои места. А полузабытое прошлое вновь становилось эталоном в независимости от моды и самих модозаконодателей, потому что уже в своем потенциале было талантливо, гениально, если хотите.

Однако вернемся к Александру Сергеевичу: «О, сколько нам открытий чудных// //Готовит просвещенья дух// //И опыт — сын ошибок трудных// //И Гений — парадоксов друг». Трудно, да и невозможно представить ни сегодня, ни завтра русскую литературу без Пушкина, как Англию без Шекспира, Германию без Гёте. Хотя, я думаю, обесцветить имя Гения невозможно и жалкие попытки сделать это ни к чему не привели и не приведут. Да и Литинститут, прозванный пушкинским царскосельским лицеем, верю, будет жить, так как нет ему пока аналогов ни в России, ни Мире.

А вот что нам взять из литературы советского периода? И на этот вопрос напрашивается один ответ — все настоящее, талантли-

вое, независимое от политических взглядов и вероисповедания. И его — настоящего — очень много. Просто Россия, земля русская плодородна на таланты. Не дать только запятнать их, предать забвению, заменить суррогатом. И Александр Блок останется Блоком, Сергей Есенин — Есениным, Владимир Маяковский — Маяковским, Михаил Шолохов — Шолоховым...

Перечислять достойные имена можно и дальше. Учиться Слову у этих мастеров, нести это Слово в массы, чтобы на чистом, ухоженном литературном поле не вызревали сорняки, так сегодня заполонившие плодородную русскую писательскую ниву.

Сергей Прохоров, главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Истоки», Нижний Ингаш, Красноярский край

БАСНИ С НУЖНЫМ ПОДТЕКСТОМ НА СОЛНЕЧНОЙ ПОЛЯНКЕ

На солнечной полянке на лугу лесном,
Играя с ветерком,
Цвели жарки, саранки, колокольчики, ромашки,
Меж ними медуницы и соцветья кашки;
На луг слетались пчёлы и паслись букашки,—
Тут всякий набирался дара,
Питался сам и уносил в семью полезного нектара.
Особенно тот дар лугов
Полезен был им для питания мозгов,
Для памяти, для умственной смекалки,
И потому не забывали пчелы той лужайки.
И все, благодаря заботе Солнышка, его вниманью
Звучали некогда там щебет и жужжанье...
Когда душа над прозой жизни песней вьётся,
Тогда и радуги цветут, и родничок смеётся.
Но вот, на Солнце набежала тень:
Луна ль его собой загородила?

А, может быть, свет-ясны-очи буря замутила?..
Пришёл ненастный день.
Затмение нашло, парализовал недуг,
И то тепло, каким питался луг
(Сам дар свой отдавая),
Остыло. Луг пожух. Стал тленом зарастать,
И вместо пчёл-трудяг, уродов стая
Теперь снуют, не зная,
Как, чем себя занять?
Сознанье, память, интеллект — над ними не довлеют.
Сочувствием и состраданием — они не заболеют.
И все лишь потому, что на лугу цветущем
Тепла не стало. Отцвели там пущи.

* * *

Пока отдельные мужи играют в экономику с культурой:
На музыке, библиотеках экономят, на литературе —
Пустив на выживанье их, на самотёк,
Гадать не надо тут:
какое завтра поколение подрастёт?..

ЧЕРВЬ, КРОТ И СВИНЬЯ

Там, где качались в рощах мощные дубы
И где шептались с ними белые берёзки,
Росли меж ними баловни судьбы —
Их нежные подростки.
Менялись поколения, столетий череда...
За счёт опавших листьев и стволов поникших
Обогащалась у подножий их среда,
Богаче почва становилась, выше.
Но вот в ту почву Черви стали заползать,
За ними, чуя пласт там благодатный,
Кроты повадились её взрыхлять.
А там Кабан. За ним другой, а там и пятый...

И через десять-двадцать лет такое накопали там,
Такое напахали там,
Устроили такое там болото,
Что даже старым деревам
Жить стало в роще неохота.
А что уж говорить про молодь, про кусты,
Взошедшие средь этой пахоты?
Ведь многие из них понятья не имели,
Какие были здесь аллеи,
Какие здесь леса шумели,
Какие были рощи
На этой самой почве,
Несчастье, на которой они теперь имеют жить?
Не ведая, не зная, чем можно дорожить...
Все исказилось в их сознанье
От свинского тлетворного влиянья.

* * *

Вот заведётся где-нибудь
какой-нибудь историк-червячок,
Который сам профан иль новичок,
А как копать возьмутся Кабаны,
То опаскудят всю Историю страны.
Так опошлят и искорёжат факты,
Что Родиной своей начнут пренебрегать инфанты.

ШКОЛА ЧУДЕС

«Мы все учились понемногу
Чему-нибудь да как-нибудь...»
Теперь мы рассуждаем много
И познаем ученья суть.

На что-то можем возмущаться,
О чём-то будем говорить,

Чему-то будем поклоняться
И что-то искренне любить.

Но мы учились, слава Богу,
С четверками, с пятёрками и без...
Но школа, ведь была как школа...
Теперь же — «поле, блин, чудес»!

Александр Миронов, пос. Товарково
Калужской области

ТРИ ИСТОЧНИКА, ТРИ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

(не совсем по теме, но... на тему дискуссии)

Переход к постлитературному обществу?.. Кажется, всё в нашей душе протестует против подобной перспективы, однако многоопытный и многомудрый главный редактор «Приокских зорь», инициировавший подобную дискуссию, не стал бы понапрасну бить в набат. Если трезво взглянуть в лицо суровой действительности, то отчётливо понимаешь, насколько обоснованы тревоги людей, болеющих душой за русскую культуру, за будущее нашего народа, принудительно лишаемого этой культуры. Но при всём цинизме современных рыночных варваров вряд ли оказалось бы возможным единым махом смести в мусорное ведро отечественную литературу. Потребовался переходный этап. Потребовалось продемонстрировать нечто, не имеющее ни художественной, ни интеллектуальной ценности, нечто такое, что и выбросить было бы не жалко. В качестве такого суррогата литературы было выбрано одно из течений в беллетристике: постмодернизм. Согласитесь, своя логика в этом есть: к постлитературе через постмодернизм. И вот он бережно лелеется псевдолитературным сообществом, щедро накачивается финансами, назойливо выставляется напоказ в СМИ. С сожалением следует отметить, что многие литераторы, как говорит молодёжь, «повелись» на эту уловку. А что? Писать постмодернистские тексты несложно, зато известность (а за ней иногда и денеж-

ки) приходит быстро. И вот по всей стране, в том числе и в нашей литературной провинции, раздались более или менее громкие камлания жрецов «современного искусства».

Безусловно, имеются у нас, в «замкадье», звери и пострашнее «актуального» искусства. Под нескончаемым метеоритным дождём неудовлетворённых амбиций, разнообразнейших комплексов и фобий бродят по литературным окраинам страны мастодонты графомании, вытаптывая едва пробивающиеся ростки здравого смысла; равнодушные ко всему, кроме собственного желудка, чиновные шерстистые носороги медленно пережёвывают остатки региональных изданий и творческих союзов. Однако и саблезубые шакалы постмодернизма уже мелькают в этом доисторическом (постисторическом?) ландшафте.

Постмодернизм, который завёлся у нас на периферии (от сырости, что ли?) интересен, прежде всего, тем, что своей обезьяньей пародийностью обнажает суть «актуального искусства» как явления. Вдалеке от издательств и журналов федерального значения, в сторонке от нескончаемого тусовочного праздника выставок-презентаций-премий местечковый «авангард» предстаёт в лабораторной чистоте, без примесей.

Рассмотрим под микроскопом провинциального постмодерниста. Вот он бредёт по родному городу, ковыляя среди колдобин разбитых тротуаров, потягивает пиво из жестянки, поминутно поправляет на плече зачехлённую гитару, символизирующую его неувядающую молодость и нерастраченный творческий потенциал, несёт в подарок знакомому книжечку своих стихов. Перевернём пинцетиком несколько страниц этого издания, рассмотрим морфологию «актуальных текстов» на примере почти анонимного, безвестного литератора, дабы не задеть самолюбия увенчанных лаврами модных писателей. Кстати, соблюдая научную объективность, отметим: наш подопытный юродствует в постмодернизме бескорыстно, без какой-либо надежды быть чем-либо увенчанным, что выгодно отличает его от алчных и тщеславных особей, чей ареал обитания приближен к мегаполисам. К тому же постмодернист провинциальный не настолько нежен и раним, как постмодернисты центровые, избалованные вниманием прессы, считающие прогулку

по Бульварному кольцу в сопровождении специально проинструктированного полицейского эскорта высшим проявлением воли и гражданского мужества. Мы, провинциалы, не наделены столь деликатным душесложением. Мы привыкли сразу получать по мордасам и от хулиганья, и от полиции, и от московского начальства, искренне не понимающего, почему мы, бестолковые, никак не заживём в достатке под сенью гражданских свобод и благ цивилизации, и от представителей либеральной оппозиции, разъезжающих по просторам родной страны с лекциями о том, как нерасторопным обитателям медвежьих углов испытать, наконец, драйв и кайф бытия. Получим, стало быть, мы своё, потрём лапой ушибленное место и чапаем дальше по тем же разбитым тротуарам, заливая горюшко тем же пивом. Словом, ничто ему, писателю из глубинки,— «да он же привык...»

Впрочем, пора уже отрыть имя субъекта, столь коварно и жестоко обречённого нами на вивисекцию. Ну, не имя... Погоняло постмодернистское. Зовут его Иван Бадхи, книга же, которой он одарил современников и которую завещает потомкам, называется «Жажда». Издана она, надо полагать, на средства самого автора со всей вопиющей провинциальной безалаберностью. Тут вам и «рваные» строки — результат небрежности наборщика, и неожиданно, самопроизвольно меняющиеся шрифты, и невозможность определить, где, когда, кем и в каком количестве выпущена сия библиографическая редкость. Постмодернизм в абсолюте!

Что ж... Тем легче будет разложить «актуальное искусство» на составляющие, а нам того и надо. Хотя заниматься этим омерзительно, ибо с первых же страниц обнаруживается, что постмодернист черпает вдохновение... из канализационных стоков. Иван Бадхи считает нужным рассказать нам о том, как писает с балкона на крыши соседних домов, как нравится ему разглядывать мир «сквозь щели туалетной двери» и т.д. и т.п. Видимо, психиатры владеют терминологией для описания выявленной патологии, но мы-то должны говорить не о диагнозе, а о творческих интенциях претендента на звание поэта! А как, скажите на милость, сохранить собственное психическое здоровье, столкнувшись с таким, мягко говоря, неожиданным образом лирического героя:

Закрывшись на щеколду утром,
Он наслаждается собой.
Духовную или другую пищу
Он исторгает из себя.
Одну в трубу, другую в книгу...

Эта обезоруживающая откровенность исчерпывающе характеризует автора. Нам же остаётся зафиксировать в журнале по проведению эксперимента: «Подопытный имеет наглость предположить, что вопиющее неуважение к читателю не только позволительно, но и востребовано». Данный промежуточный вывод ставит перед экспериментатором новые вопросы: почему ныне считается возможным подобное отношение к некогда святому печатному слову? Отчего миазмы помрачённого сознания всегда находят отклик в среде, именующей себя творческой?

А пока мы недоумеваем по поводу результатов анализа (так!) литературных испражнений Ивана Бадхи, тот окатывает нас ещё одним мерзким потоком — потоком площадной брани. Очередное свинство постмодерниста нас уже не слишком удивляет: перенесение слов, накарябанных на стене общественного туалета, в книгу, видимо, считается нормой серди «актуальных поэтов» (особенно пикантно, что и «поэтессы» стараются пропищать свою партию в хоре матерщинников)!

Другой бы на этом прервал эксперимент, выбросив книжку Ивана Бадхи на помойку, но мы проявляем свойственную учёным самоотверженность, тем более что исход опыта недалёк и предсказуем. Автор сборника «Жажда», дабы никто не усомнился в его преданности идеалам «современного искусства», спешит зычно провозгласить:

Что уж тут скорбеть?
Нажраться водки, песни петь.

Подзадорив себя этим девизом, Иван Бадхи обливает читателя третьим валом постмодернистской мути — потоком спиртосодержащих жидкостей. Как ни смешно, но создатели «актуальных текстов» искренне считают, что любая их пьяная выходка настолько

забавна и уникальна, что о ней непременно следует проинформировать читателя. Так подростки, отравившиеся бормотухой, потом долго с упоением смакуют малейшие подробности своих похождений, доказывая себе, что отныне они стали взрослыми крутыми мужиками... Старый литературный анекдот гласит, что плести вирши всё же лучше, чем водку пить. Теперь не так! Я, грешный человек, первый скажу: пусть совсем сопьются с круга иные новоявленные версификаторы, лишь бы не теребили многострадальные рифмы да белые стихи.

И, говоря это, я снимаю резиновые перчатки лаборанта-практика и выбрасываю их в мусорный бак. Эксперимент завершился ожидаемым результатом: Иван Бадхи безуспешно пытался утолить духовную жажду читателя потоками нечистот, сквернословия и дури. Вот это и есть источники постмодернизма, то, чем живёт и питается одно из направлений современной русской литературы.

Грустно и обидно... Имей мы дело с креативными потугами отдельно взятого ущербного индивидуума, не стоило бы горевать: не тронь дёготь — не замажешься... К сожалению, всё обстоит гораздо серьёзнее. То, что мы называем постмодернизмом, не есть проявление душевной нечистоплотности какого-то писаки или же литературной группы. Тут не только желание с радостным похрюкиванием плюхнуться в лужу, но и явный расчёт замарать читателя гадкой жижей. В этом задача постмодернизма. Если вместо чистого источника вам предлагают приникнуть к стоячей в копытце воде, вы легко догадаетесь — хотят, чтобы вы козлёночком стали, хотят, чтобы вы поверили: все вокруг — козлы. А для козлов нет более подходящего пойла, чем «Жажда» Ивана Бадхи. Вот и лакайте.

Мне возразят: постмодернизм использует эпатаж, давно уже опробованный художественный приём, задача которого пробудить спящую духовность читателя. Не соглашусь. Эпатаж нужен для выявления и заострения смысла. Постмодернизм же, заранее объявляющий, что смысла ни в чём нет и быть не может, занят не эпатажем, а профанацией.

Забвение человеческого образа, помрачение ума, добровольное сладострастное самоуничижение, постоянное расчёсывание своих болячек, потрава всего, о чём можно было бы сказать звенящим

нравственной высотой русским языком, — это и есть постмодернизм. И это именно то, чего сегодня многие ждут не столько от русского писателя, сколько от читателя. Такую модель поведения навязывают всему народу, ловко подталкивают его на путь перманентного житейского постмодернизма, подпитывая финансами псевдотворчество и упрямо высвечивая псевдосовременность прожекторами, софитами, рампой... Так восприятие «актуального искусства» переходит из эстетической плоскости в разряд этических проблем.

Действительно, существуют у нас целые министерства, возглавляемые «актуалистами», умеющими настолько артистично воровать вверенные им средства, что разум отказывается вместить масштабы расхищенного. Редкий писатель-постмодернист сумеет так поразить и сбить с толку, так убедительно представить бессмысленное наполненным смыслом, как удаётся сделать это высокопоставленным взяточникам, которым впору присудить премию (деньги к деньгам!) за выдающиеся художественные достижения, заставляющие современников всерьёз задуматься: нужна ли одинокому человеку квартира с дюжиной комнат? сколько пальцев у обладательницы десятков тысяч колец и перстней? что можно рассматривать при свете хрустальной люстры в туалете?

Постмодернисты от космической отрасли, дабы скрыть факт хищения казённых миллиардов, запускают игрушечную ракету, которая креативно шлёпается в воды Мирового океана. Да такой акционизм и не снился никому ни в Вене, ни в любой другой арт-столице! Дорожно-строительные постмодернисты возводят одноразовые шоссе, размокающие при первом же сильном дожде. Попробуйте придумать что-либо более концептуалистское! Постмодернисты-военные оставили себе всего один погон, да и тот разместили чуть ли не на причинном месте. Вот это биение творческой мысли!

А насколько высокохудожественно пытают наши полицейские попавших в застенок сограждан! А разве совращение несовершеннолетних посредством ЕГЭ — это не постмодернизм? А что может быть ближе постмодернистскому сознанию, чем полумёртвый от опьянения автомобилист, гоняющий по городским улицам? Можно ли представить себе лучший перфоманс, чем разлетающиеся от удара капотом трупы?

Потому, обличая постмодернизм, мы должны обличать три составные его части: лень, безответственность и хамство. Общая наша беда в том, что в общественном сознании эти черты национального характера, так самозабвенно и полномасштабно выраженные в творчестве постмодернистов (в соответствии с концепцией реализма, кстати сказать), перестали восприниматься как постыдные. Наша общая задача — развенчать самодовольно-ограниченную личность, привыкшую пренебрегать обязанностями и прятаться от труда за ширмой рассуждений о правах человека, свободе творчества, толерантности и проч.

Заявим прямо: права человека важны. Свобода творчества необходима. Толерантности придерживаться желательно. И те, кто считает эти ценности первостепенно важными, должны (хотя бы ради популяризации своих идей) обязательно позаботиться о том, чтобы не нарушались наши права на чистоту родного языка, чтобы желание прилюдно гадить назвалось не свободой, а скотством, чтобы соблюдалась толерантность по отношению к людям, не считающим матерщину нормой речи.

Однако сторонники постмодернизма озабочены совсем другим: нащупыванием «новых путей в искусстве», артикуляцией «нового слова». А бытующее в среде «неактуальной» творческой интеллигенции мнение, что сказать постмодернистам, на самом деле, нечего по причине лености и дурного воспитания удобнее всего игнорировать, поскольку такая точка зрения не получила освещения в СМИ, а для любителей «современного искусства» существует лишь то, о чём сообщили по телевизору.

Так начинавший с элитаризма постмодернизм стремится к своему логическому концу через дискредитацию себя посредством массовой культуры. Было время, если помните, когда курящая дама воспринималась носительницей некой богемности и фрондёрства. Сейчас дымит любая базарная торговка, а уважающая себя женщина вряд ли потянется к сигарете. Нечто подобное происходит с постмодернизмом, уже потерявшим привлекательность новизны, но продолжающим нагло бравировать маргинальностью.

А мы, готовясь к наступлению эпохи, когда творчество и свободу духа вновь станут связывать с высокой культурой, будем

твёрдо помнить: писатель не иначе вернёт себе права властителя дум и учителя общества, как обратившись к неукоснительному соблюдению своих обязанностей. Обязанности же его известны: стремление к прекрасному и постоянная, тяжкая, мучительная работа над словом, над образом, над собой.

Игорь Карлов, г. Мапуту, Мозамбик, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

УРОК ЧЕТВЁРТЫЙ. О ВОЕННОЙ ТЕМАТИКЕ

Президент нашего многострадального государства и его неизменный спутник, премьер, шибко озабочены: что же им взять для основания национальной идеи?

И пока они вынашивают неоплодотворённую идею, со своими идеями приходят кривые зеркала, актеры всевозможных рангов, возомнившие себя оракулами, писатели и кинорежиссёры с фальшивками о прошлом нашей страны. Они-то и учат нас, как надо правильно жить, как готовить еду, как одеваться и разговаривать, забыть о героическом прошлом...

Рядом с глубоко задумавшимся президентом и премьером, в основе национальной идеи становятся люди, которые всю жизнь, как попугаи, произносили чужие, вымученные ими слова, измученные роскошью поп-дивы или дозволенный ими же молодежный стандарт с дешевыми попевками.

Зачем это я говорю? Вроде тема нашей дискуссии другая? Но все разговоры, какой бы темы они ни касались, сводятся к одному — куда мы идем, и кто нас ведет. И есть ли мессия?

Передо мной на столе лежит немного потрепанная, но в довольно сносном виде, книга рассказов для детей, выпущенная издательством «Детгиз» в 1958 году для начальной и средней школы. Небольшая книга, всего на двести страниц, называется «Солдатский подвиг».

Это одна из первых моих книжек, которую я прочитал само-

стоятельно, учась во втором классе. И вот, уже на протяжении более чем пятидесяти лет, книга рассказов для детей рядом со мной. Теперь её читают мои внуки.

Книга «Солдатский подвиг» составлена из рассказов советских писателей «...о незабываемых подвигах наших отважных воинов-патриотов. Все эти рассказы говорят о воле, мужестве и находчивости, о взаимной выручке, опыте, об отваге советских людей и их пламенной любви к Родине».

В далёком 1958 году, в пору счастливого детства, я не мог знать, что такое — «национальная идея», я просто с упоением и огромным интересом зачитывался рассказами советских писателей. Они, вместе с героями своих рассказов учили меня любить Родину.

С «Батальоном четверых» отважных моряков-черноморцев Леонида Соболева, я участвовал в ночном десанте. С отважной женщиной-штурманом спасал летчика и партизанский отряд в тылу у гитлеровцев в рассказе Михаила Водопьянова «Штурман Фрося». С шофером, героем рассказа Николая Тихонова «Руки», вёз на Ленинградский фронт горючее и в жестокий мороз, обжигая и обмораживая руки, несколько раз по дороге чеканил лопнувший шов цистерны.

Простое перечисление имен и фамилий авторов сборника рассказов «Солдатский подвиг» говорит о качестве и о серьёзности, с которой подходил союз писателей СССР к литературе для детей и юношества. Борис Полевой, Константин Федин, Валентин Катаев, Борис Лавренев, Яков Тайц, Лев Кассиль, Гавриил Троепольский, Николай Чуковский и другие.

В те годы, в силу своего несмышленого возраста, я не знал и даже не мог предполагать, в какой атмосфере создавали свои произведения советские писатели. Может быть, в те годы и принуждали авторов к осмотрительности, им приходилось идти на неизбежные уступки, но это уже было и время общественного духовного подъёма после XX съезда, когда писатели поверили в возможность прямого и честного творчества. И мне, мальчишке не было дела до того, кто из авторов сборника подписывал письма в ЦК с недоброжелательными отзывами на кого-то из своих коллег, я читал рассказы и верил в слова писателей, переживал и воевал с гитлеровцами вместе с

героями. И, самое главное, они учили меня любить Родину, в которой я родился и живу.

Об отношении советской литературы к воспитанию подрастающего поколения очень правильно в 1943 году написал известный всему миру писатель А. Н. Толстой в статье «Книга для детей».

Вот эти слова. «Книга должна углублять в ребёнке любовь к Родине, она должна питать и развивать все наши национальные особенности. Ребенок должен впитывать в себя порами благословенный воздух Родины. Наши дети будут ходить по миру с гордо поднятой головой».

И ещё. «Я обращаюсь к советским, в первую голову, русским писателям — помогите нашим детям стать гордыми, культурными и сильными людьми».

Вот она национальная идея, вот то, что мы должны непременно взять из литературы советского периода — детская литература должна учить детей и юношество пламенной любви к Родине. И особенно, не забывать подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, великую и выстраданную Победу в крепком единстве всех народов нашей многонациональной Родины.

Вполне уместно напомнить в связи с этим и слова Роберта Рождественского:

Только не забыть бы это,
Лишь бы не забыть.
Эта память — верьте, люди,—
Всей земле нужна.
Если мы войну забудем,
Вновь придет война.

Нынешнее время называет и своих героев. Немало наших соотечественников полегло в боях локальных войн в последние десятилетия демократического периода. И молодежи есть, у кого учиться проявлению воли, взаимной выручке и любви к Родине.

А пример, как писать, тоже есть — это литература советских писателей о Великой Отечественной войне, которую можно поставить одним из краеугольных камней фундамента национальной идеи — пламенной любви к Родине.

Взял я себе за правило, читать о войне книги только советских писателей или авторов, которые пишут о войне не с чужих слов, а прошедшие все муки ада Отечественной.

Как пример, книга «Штрафбат в бою» (прошу не путать с телевизионной фальшивкой Э. Володарского и Н. Досталя «Штрафбат»), автор которой А. В. Пыльцын прошел по дорогам войны от Белоруссии до Берлина командиром взвода и роты в 8-м Отдельном штрафном офицерском батальоне. Почему я выделил именно эту книгу? Приведу лишь слова автора из вступления, чтобы всё сразу стало ясно, как и зачем она написана.

«Только правильное освещение прошлого необходимо сегодня потому, что в наши дни речь идет не просто о просвещении людей. Время диктует крайнюю необходимость идеологической борьбы со всеми, кто стремится опорочить, запачкать, очернить всю идеологическую, воспитательную работу, проведенную за годы советской власти, и которая привела народы Советского Союза к Великой Победе».

Но, к сожалению, пока наши дети учатся жизни на «Вредных советах» Г. Остера, а юношество на непонятных переводах книг о Гарри Поттере и на другой мистической литературе о вампирах и вурдалаках. В основном зарубежных писателей.

Специально просмотрел раздел журнала «Книжный мир» за 2012 год, в котором предлагается подписка детской литературы, поскольку являюсь членом Книжного клуба этого журнала. О многих хороших книгах для детей рассказывается в каждом номере журнала, но ни одной книги за год не предложено нашими издательствами с военной или патриотической тематикой.

В заключение моих рассуждений о том, что же следует взять из русской литературы советского периода для воспитания наших детей в патриотическом духе, хочу привести стихотворение замечательного современного русского поэта Николая Александровича Зиновьева, которое так и называется «Из детства».

Воды и солнца тут без меры,
А сколько песен под баян
Здесь спето нами, пионерами,—

Детьми рабочих и крестьян.
Поем о Родине могучей,
О добрых, доблестных делах.
И развивается над кручей
Родной с рожденья красный флаг.

Сергей Лебедев, г. Тольятти, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

СОВЛИТ

Приступая к обсуждению уроков советской русской литературы, предложенному редакцией журнала «Приокские зори», сразу хочу обозначиться, что не являюсь ни литературоведом, ни, в силу занятости исполнением другой профессии, усердным потребителем художественной литературы. Вполне обыкновенный читатель, имеющий собственный избирательный вкус и предпочтения.

В силу возраста, довольно преклонного, читал книжки, в том числе и писателей советского периода, исправно выполнял указания по прочтению книг, предусмотренных школьной программой первого послевоенного десятилетия.

Всегда любил и люблю русскую литературу. Мой бог в литературе Чехов. Совершенно «безыдейный» писатель (см. воспоминания художника К. Коровина о нем). Люблю Бунина за потрясающую точность и образность слова. Достоевского за глубокий психологизм, позволяющий ему сочетать несочетаемое в человеке. Из писателей советского периода Ю. Нагибина, А. Солженицына (художественные вещи), М. Шолохова (рассказы и «Тихий Дон»), К. Симонова (произведения о войне), М. Булгакова, В. Аксенова...

Писателей «лихих» 90-х и «нулевых» годов кого-либо хотя бы с минимальной симпатией назвать не могу. Разве что Л. Улицкую (за хороший русский язык).

Вот таков вкратце мой читательский «багаж», имея который,

могу высказать свое мнение о «четырех уроках советской русской литературы».

Если под советской литературой понимать сугубо таковую, выполнявшую идеологический заказ, она не велика по объему в сравнении с той, которая в то время писалась на русском языке. В ней поучаствовали и те, кто был истинным мастером русского языка, не создавшие, тем не менее, шедевров, выполняя заказ (например, стихи о Сталине А. Ахматовой). Судить о языковых и художественных достоинствах «заказной» литературы не могу, потому что не читал — С. Бабаевского, В. Кочетова — имена слышал. Потому что, как поклонник Чехова, отдавал предпочтение «безыдейным» писателям. Писатель, мое глубокое убеждение, должен быть безыдейным. Тогда у него есть шанс остаться надолго в памяти читающей публики. Достаточно вспомнить читательскую судьбу идейных писателей. Умерла идея, вместе с ней умирают идейные творения.

Для меня советская русская литература — перечисленные выше писатели, которые жили и писали в советский отрезок отечественной истории.

Урок первый — «советская литература была интернациональной». Любая высокохудожественная литература — интернациональна. Принадлежит всем нациям. Читаема всеми народами. Советская власть сыграла большую положительную роль сначала в приобщении народов, населявших окраины СССР, к культуре, грамотности. А потом к литературе. Из тех, кого знаю, читал — Ч. Айтматов, О. Сулейменов.

Урок второй — «советская литература выраженно бесклассовая». Извините. Рабочий класс признавался и был гегемоном в тогдашнем обществе. Главенствовал как герой в советской русской литературе. «Дни Турбиных» (правда, знаю только по одноименному кинофильму. Не читал, о художественных достоинствах судить не могу). Читал о творческих командировках писателей на заводы и фабрики, дабы художественно отобразить будни рабочего класса. Меньше было литературы о крестьянах — колхозных, почитаемый класс. Прорывались к читателю редкие произведения об интеллигенции — В. Дудинцев, И. Грекова... Но то были едини-

цы, печатались лишь в журналах и отдельной книгой, кажется, в те времена не выходили.

Урок третий — «народность русской литературы». Умышленно или нет — пропущено слово советской. Будем считать, что случайно. Здесь невозможно не согласиться. Вот где преемство русской классической и советской литератур выразилось в полной мере. Начиная с «Записок ружейного охотника» И. С. Тургенева, народ, простой русский человек становится героем русской литературы. И далее — он главный ее герой. Советская русская литература не исключение. Лучшие ее «безыдейные» образцы высоко художественны. Мне почему-то кажется, что деление на советскую русскую и просто русскую литературу несколько искусственно и предвзято. Может быть, лучше — партийная и беспартийная русская литература. Партийная — уходит вместе с уходом партий. Беспартийная — остается навсегда. (Кто сейчас, кроме филологов и литературоведов, читает «партийные» стихи такого гениального поэта, как В. Маяковский? Идеологии нет, и качество их ниже среднего). Наш главный редактор «Приокских зорь» прав, когда пишет, что литература 90-х и нулевых находится в глубоком моральном кризисе. Уместна цитата — «страшно далека она от народа». Кому нужна такая литература? Кому-то нужна.

Урок четвертый — «военная тематика в советской литературе была поднята на невероятную высоту». Не могу достоверно судить о зарубежной литературе, но мне кажется, что ни одна другая, кроме русской, не создала величайших произведений — не только литературы, но и музыки, поэзии, кино. Были созданы шедевры. Так и хочется сказать: «Вы, нынешние,— ну-тка?» Как глубоко были прочувствованы трагедия и беда народа, необходимость единения и взаимопомощи, геройства и самопожертвования. С каким высочайшим искусством все это было воплощено. Теперь этого нет. И повторить это невозможно. Когда думаю об этом величайшем периоде в истории народа, в истории литературы и искусства, на память приходит житейский опыт, пережитый в молодости. Помню, какое глубокое «чувство локтя» было в туристских походах. Почти «по-д'артаньяновски» — один за всех и все за одного. Какие песни пели у костра! А дальше, по окончании похода —

как поется у Визбора — «наденем фраки и закружимся в судьбе». Сейчас во фраках и без, в телогрейках, каждый сам по себе. И в это время великих произведений о великих эмоциях, чувствах, страстях, подвигах — ждать не приходится. Другие времена, другие песни. Найдут ли писатели о чем писать, чтобы взять «за сердце» читателя? Чтоб «чувства добрые лирой пробуждать»? Есть вечные темы — любовь, страх, зависть, вероломство — далее по списку. Как они «реализуются» современным человеком — индивидуалистом, карьеристом, растяпой, мизантропом — далее по списку. Писать всегда есть о чем. Все зависит от таланта писателя. Дай Бог ему, талантливому писателю, удачи.

Дополнение к сказанному выше...

После предложения обсудить «что нам взять из русской литературы советского периода» появление в колонке главного редактора № 4, 2012 г. «ПЗ» новой темы для дискуссии «постлитературный период жизни человечества» показалось несколько неожиданным. «Постлитературный период (тем более) человечества», согласитесь, уважаемый Алексей Афанасьевич, звучит несколько апокалипсически — типа (как говорит современная молодежь) литература кончилась, приказала долго жить. Тем не менее, богатое содержание колонки дает возможность поразмышлять о некоторых высказанных ее автором соображениях.

Обозначу сразу свою позицию — дилетант в литературе и оптимист во взгляде на ее будущее. Вы порицаете групповщину в литературе как тормоз в развитии литературы последних десятилетий. Она, групповщина, всегда была. В XIX веке тоже. Кто-то группировался вокруг пушкинского «Современника». Кто-то (позднее) вокруг Булгарина, Суворина и др. Потом были Андрей Белый, акмеисты, имажинисты и т.д.

Что сейчас? Толстые литературные журналы, которые не пускают в свои недра «не своих». Приходилось слышать и не от одной редакции — «не подходит» (по тексту замечаний не было). Препятствует это развитию литературного процесса? Думаю, да. Однако примеров много тому. Наиболее уверенные в себе (или настырные, или талантливые), переходя от одной редакции к другой, все-таки выходили в большую литературу.

Думаю, что появление такого журнала, как «Приокские зори», закономерное и символическое явление. Альтернатива «толстякам», которые все больше «жиреют», ходят по кругу, водя за собой только «своих».

Ваш журнал дал шанс дилетантам. Как жаль, что в Ваш список «дилетантов» — Толстой, Салтыков-Щедрин, Гончаров, наш «небесный покровитель» Гавриил Державин... не включили Вы обожаемого мною Чехова. Вот истинный «дилетант». Рано получивший признание в литературе, он не бросал медицину. Скорее готов был бросить литературу. Достаточно вспомнить, как активно он включился в борьбу с эпидемией холеры в лопасневском уезде. «Пока я служу в земстве (как врач — Р.А.) не считайте меня литератором»,— пишет он своему издателю Суворину. Только туберкулез заставил его прекратить врачевание в последний период его жизни.

На мой взгляд, очевидное явление, когда за перо берутся и ищут выход к читателю дилетанты. В своей среде лично знаю с пяток профессоров медицины, активно пишущих и порой печатающихся в различных литературных изданиях — маломасштабных, с сотенными тиражами, которых стало довольно много. Один из них создал интернет-издание, где печатается сам и создал вокруг него обширный круг пишущих.

В чем некоторое преимущество сих «дилетантов»? У них есть кусок хлеба, на который они зарабатывают исполнением своей основной профессии, что делает мало зависимыми от литературного заработка. А стало быть, от «политики» главреда. Это своеобразные «дворяне», которые имели досуг и финансовую независимость, позволявшую им без заботы о хлебе насущном предаваться литературному творчеству. Как им — писателям-дворянам — завидовал белой завистью Чехов, говоря, что им, «безлошадным» разночинным писателям, лучшие годы, которые бы могли быть отданы творчеству, пришлось потратить на обретение мало-мальски приемлемого существования.

Итак, дилетанты — истинные и «условные», согласитесь, уважаемый Алексей Афанасьевич, создали великую русскую литературу.

Может быть, и теперешние дилетанты не дадут ей, великой, русской — кануть в Лету, не наступит постлитературный период.

Рудольф Артамонов, г. Москва, профессор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С.Лескова

«ВСЕ ЭТО БЫЛО БЫ СМЕШНО, КОГДА БЫ...»

Казалось бы, ну о чем тут вообще говорить? Ведь любому мало-мальски разумному человеку и так все ясно! Ан нет. Получается, что далеко не любому и отнюдь не ясно. И ежели с упорством, достойным лучшего применения, на всех углах оспаривать очевидное, возводя при этом в ранг истины заведомый абсурд, непременно отыщется благодарная аудитория, и соратники верные обязательно появятся. Примеров тому достаточно. И в прошлом, и в настоящем. Оттого разговор наш непраздный и весьма серьезный.

Лет пять тому назад, будучи в отпуске, я оказался в одном из райцентров ленинградской области, куда заехал ненадолго навестить родственников и друзей. Проходя как-то мимо газетного киоска я увидел на прилавке номер «Литературки», узнав, что он свежий, приобрел, ну и отправился восвояси знакомиться с его содержанием. Примерно через неделю, следуя тем же маршрутом, я попытался вновь купить эту всегда интересную для меня газету, к которой в далекие 70-е приобщил меня отец, бывший её постоянным читателем. Продавщица в ответ посмотрела на меня несколько непонимающе, но через мгновение в двух словах растолковала, что я был единственным, кто за последние полгода приобрел номер этой газеты, и, что менеджеры местного агентства по распространению печатных изданий перестали её заказывать. Вот так.

Примечательно, что аналогичная ситуация сложилась и у нас в Мончегорске. С той лишь разницей, что несколько номеров, поступающих в продажу, киоскеры даже на прилавок не выставляли, придерживая их для постоянных покупателей. Комментарии, сами понимаете, излишни. За прошедшие годы ситуация только усугу-

билась. И уж если мобильная по сути своей печатная периодика уступила информационное пространство электронным СМИ и масс-медиа, то о традиционных литературных изданиях и говорить не приходится. Объяснений этому найдется немало, но главное — очень уж легко и просто вещать в электронном виде. Сам себе редактор, издатель и прочая. Вышел в интернет и поливай! И аудитория-то неограниченная! А с традиционной книгой возни не оберешься, и с изданием, и с продажей.

Оно бы и ладно. Мы же не противники технического прогресса. Беда только в том, что современные информационные системы пока не столько помогают пользователю (а это, прежде всего, человек молодой и даже очень молодой), знакомиться с лучшими произведениями отечественной и мировой литературы, сколько уводят его в противоположную сторону, в мир литературных поделок, более походящих на комиксы, инспирированных буйной фантазией полуграмотных авторов. Такого рода чтиво всегда в выигрыше перед серьезной литературой — думать не надо, а думать — всегда трудно и не всегда для некоторых благодарно. К тому же появляется несчетное количество демагогов, чуть что — затевающих бесконечные споры на тему «что есть литература серьезная, а что — нет?» И где они, критерии и т.д. и т.п.

Данная ситуация наиболее угрожающа, если не гибельна, для классической литературы, и вообще для литературы реализма. Во-первых, классика — и русская XIX—XX вв., и советского периода (да и вообще — любая) — ни при каких обстоятельствах не относится к явлениям массовой культуры и поэтому не может быть использована для достижения коммерческой выгоды т.е. финансового успеха. И шоу особенного на такую тему не устроишь. Если так, то зачем вообще о ней толковать? Есть нынче такое модное понятие «не формат». Объясняет все, что угодно, в смысле — понимай как знаешь. Да и не интересует инициаторов разговоров о советской литературе, ежели таковые все-таки находятся, исследование сути явления. Большинству требуется взбудоражить аудиторию, устроить скандальчик, повысить собственный рейтинг, а следовательно — доход. Все просто в мире капитала. Во-вторых, жизненные коллизии, художественно раскрытые в классических

произведениях инвариантны для любой эпохи, а значит, и в наше время эти произведения актуальности своей не утрачивают. И с ними приходиться считаться, а это раздражает, ибо нужно либо создавать нечто с классикой сравнимое по уровню либо искать свои пути, свой стиль, почерк, либо «заткнуть фонтан», как предлагал Козьма Прутков. А как хочется быть властителем дум!!! Кстати, исследовать классику в качестве критика и литературоведа тоже очень кропотливое, трудоемкое и не приносящее прибыли в денежном выражении занятие. Проще сделать по-иному: объявив классику замшелым анахронизмом, углубиться, как вариант, в постмодернистские красивости, пересыпая их матерком, и прослыть экстравагантным эпатажным гением. И ведь сей процесс не вхолостую идет, он «поставлен на широкую ногу капиталистического гешефта». А именно — деньги капают регулярно. А вы, батенька, о какой-то там классике! Ну и, в-третьих, не перевелись еще в странах «цивилизованных» богатыри мысли и духа, коим русская самобытная культура, и литература в частности — бельмо на глазу. И духовный "*Drang nach Osten*" идет непрерывно. В свете перечисленного (перечень далеко не полон, упаси Бог!) прежде всего под удар попадает именно русская литература советского периода. Уж больно она с виду уязвима и по статусу и по цвету, да и далеко ходить не надо. Вот она, на расстоянии вытянутой руки. Бери с полки и кромсай. А еще лучше, не вдаваясь в подробности, объявить, мол, на помойку ее! Все, дескать, по партийной указке делалось и под контролем известных органов. Чего там обсуждать, за редкими исключениями, только подтверждающими наши закономерные выводы. И тишина.

Начнем с того, что русская литература советского периода совершенно не нуждается в идеализации. Как всякое глобальное культурное явление она очень сложна, неоднозначна и неоднородна. Однако откровенное её шельмование, объявление сплошь «заказной» и подконтрольной официальной власти и, следовательно, не играющей в культурогенезе какой бы то ни было существенной роли, не выдерживает критики. Достаточно назвать трех нобелевских лауреатов и созданные ими произведения, что бы разом покончить с подобными рассуждениями. Ведь Пастернак, Шолохов и

Солженицын не возникли из воздуха средь литературной пустыни. Отрицать их принадлежность к русской литературе советского периода не возьмется даже самый оголтелый новатор. К тому же, с учетом Бунина и Бродского, достижения отечественной литературы еще более весомы. И как после этого возможно рассуждать о незначительности русской классической и советской литературы? Я намеренно использовал в аргументации только нобелевские достижения наших писателей и поэтов, поскольку они и для зарубежных оппонентов бесспорны, и своих демагогов-софистов лишают возможности очередного «ниспровержения». Все! Русская литература советского периода — явление мирового масштаба, объективно состоявшееся и не подвергаемое сомнению. Значит «сбросить Пушкина с корабля истории» не удастся никому, сколь ни старайся. Иное дело, насколько русская советская литература будет интересна «поколению младому, незнакомому»? Ведь разговоры разговорами, но самые убедительные аргументы в любом споре на заданную тему произведения, созданные советскими писателями и поэтами. Будут их читать? Да и вообще знать о них, хоть понаслышке? Прав уважаемый главный редактор, когда говорит об избирательном упоминании в СМИ «дозволенных имен», А остальные, они что, не настоящие? Или не стоят нашего внимания и внимания потомков Артем Веселый, Леонид Леонов, Николай Клюев, Павел Васильев, Юрий Кузнецов, Ольга Фокина, Анатолий Передреев, Юрий Казаков, Борис Примеров, Мария Петровых, Всеволод Иванов, Всеволод Кочетов, Константин Федин, Алексей Прасолов, Владимир Соколов, Леонид Губанов, Виктор Некрасов, Федор Абрамов, Василий Белов, Сергей Залыгин, Виктор Астафьев, Петр Проскурин, Виталий Маслов и многие, многие, многие замечательные писатели и поэты советской поры? Мощнейшие по масштабу дарования и созданным произведениям. И ведь что примечательно, когда начинаешь всерьез, ближе и подробнее знакомится с творчеством того или иного представителя советской литературы, идеологическая составляющая (а таковая несомненно присутствует, никуда не деться от общества в котором живешь) постепенно становится незначительной и отходит на второй план. А на первый выходят чисто литературные достоинства и

недостатки конкретного произведения. И ты шаг за шагом изучаешь творческую эволюцию автора, рост его профессионального мастерства, смену, может быть, неких жизненных ориентиров, корректировку приоритетов. А это на самом деле интересно. Я, помнится, был поражен, когда после «Журбиных» и «Братьев Ершовых», написанных Всеволодом Кочетовым живо и увлекательно, прочел его последний роман «Чего же ты хочешь?», книгу в начале 80-х довольно редкую. Если честно я не узнал автора совершенно, почувствовав его усталость и, если хотите, разочарование, возможно, в том, что он делал доселе. А идеология? В конце концов, именно к советской литературе как нельзя лучше относятся строки Глеба Горбовского: «...Все перемелется, Энгельс и Маркс, Черчилль и Рузвельт, останется Русь». Обидно, если наши дети так никогда и не узнают, какая она была, «Россия, кровью умытая»? И что за чудо «Осень в дубовых лесах»? Не почувствуют эпического трагизма «Соляного бунта» и «Канунов», не поймут, не ощутят каково приходилось их дедам и прадедам «В окопах Сталинграда». Не оценят «Крутую дресву» и «Разлом». Вот именно это и станет настоящей трагедией. К сожалению одними техническими средствами подобные проблемы не решаются. Электронные библиотеки это очень здорово, но ведь интерес читательский, неподдельный они не создают. Преемственность культурной традиции необходима. Тут требуется отдельный разговор, выходящий за рамки нашего сегодняшнего.

Ну, а сегодня — что дальше-то? А дальше следует заметить, что мы приблизились к вопросу о том, что нам взять на вооружение «из арсенала русской литературы советского периода»? Абсурдность данного вопроса очевидна. Только начни мы отделять «злаки от плевел», как тут же и закончим, точнее — запутаемся и погрязнем в собственных бесплодных выкрутасах. Поскольку при всей сложности и неоднозначности, и даже, если угодно, при всей разнонаправленности советской литературы, хирургическое вмешательство при её изучении не принесет ничего, кроме вреда. Только постижение явления во всем многообразии может дать нам представление о его сути, поможет оценить масштаб и значение для современников и будущих поколений. Да и как вести отбор? И кто

возьмет на себя сию напрасную миссию? Как определить систему отбора, сиречь — критерии? Ладно, предположим, что и критерии мы определили. Но тогда неизбежно придется, ничтоже сумняшеся, препарировать не только советскую литературу в целом, но и творчество каждого писателя, делая невозможным целостное восприятие его творчества. Ну, например, у Шолохова пришлось бы «Донские рассказы» в одну корзину определить, «Тихий Дон», понятное дело, особая статья. А для «Поднятой целины» еще одну емкость подыскать. И остальное растасовать в три группы. (А еще пронзительное шолоховское слово о Великой нашей войне!!!) И определить — вот это достойно внимания будущих поколений, а вот это — следует похерить и забыть навсегда. На выходе получаем неопределенной формы обрубок, не дающий никакого понятия о сути явления, в данном случае о творчестве писателя. Нонсенс. Ибо, повторяю, при анализе произведений советской литературы, идеологию необходимо отнести к вторичным признакам, на первое место выдвинув их художественные достоинства, актуальность темы, степень её раскрытия, особенности стиля, языка. Демагогия так называемых «антисталинистов» и всех иже с ними, кричащих о заказном характере советской литературы, о полной подконтрольности партийным органам литераторов той поры, «загнанных» в строй Союза писателей СССР, уводит нас от темы собственно литературы. Равно как и некритичное восхваление и возведение в абсолют, дескать, вот только тогда и было настоящее творчество, а сейчас... Вынужден еще раз сказать, русская литература советского периода не нуждается в идеализации, ведущей к превращению её в некую незыблемость, лишенную в конечном итоге права на жизнь. Вся прелесть этой литературы в сложности и многообразии, требующих по-настоящему научного аналитического подхода, серьезного и постоянного литературоведческого исследования, взвешенного и объективного. Просто это? Нет, это совсем непросто! Ведь серьезная критика и литературоведение также испытывают жесткий системный кризис. Но сие не означает, что мы должны нарвать из советской литературы нужных нам лоскутов и выбросить остатки на помойку. Итак, берем с собой все. Изучаем, разбираемся, оцениваем. И, помилуй Господи, просто-напросто читаем, не лишая

себя собственной истории. Непозволительная это роскошь, точнее дурь, страшнее иной смертельной ошибки. И еще хотелось бы заметить, что пресловутый троцкистско-авербаховский РАПП был упразднен по инициативе того же Сталина. И очень вовремя. Этот шаг диктатора, кстати, вызвал живейшее одобрение не только в литературных, но и в театральных кругах. Например, во МХАТе, по свидетельству очевидца, «...все обнимались и поздравляли друг друга...» Доставалось, видимо, и очень жестоко доставалось писателям тех лет от рапповцев, коим даже Михаил Пришвин казался вредным и опасным. А создание такого творческого объединения, как Союз писателей СССР, и призвание из-за рубежа Алексея Максимовича Горького, шаг вполне понятный и по всем статьям для Сталина логичный. Подконтрольность творчества? Конечно. Но прежде всего в плане информативности, ибо знать, что творится в среде творческой, Сталину было просто необходимо. Это же единоличный хозяин всей страны, творец империи. Оттого-то и учреждение Союза писателей — шаг все-таки в целом созидательный, а никак не деструктивный. Особенно в сравнении с такими формированиями как РАПП и ЛЕФ.

К сожалению или к счастью, но публичные (и не столь уж частые) споры о судьбах отечественной литературы, в том числе советского периода, не «опускаются», за редчайшими исключениями, до таких тонкостей как обсуждение творческих методов создания литературных произведений. У нас ведь в определённом смысле и здесь анархия. Мне приходилось слышать залихватские сентенции, мол, да какие там методы? Не столь они важны! Главное, чтобы читатель клюнул!! А реализм или модернизм или другой возможный «...изм» — несущественно. Подобное безграмотное неуважение к творческому методу тоже явление времени. Не столь уж невинное явление. Важно ведь не только «что писать», точнее «о чем писать», но и «как писать». Конечно, большинству читателей нет никакого дела до творческого метода, оно и понятно. Но для нас-то данная тема, ох, как не безразлична! Тем более разговор о социалистическом реализме, являющийся по мнению уважаемого главного редактора, «дальнейшим развитием критического реализма», присущего классической русской литературе.

А ведь это вопрос! Я бы не взял на себя смелость, делать подобные заявления. Отчего? Да оттого, что считаю соцреализм, возникший, несомненно, на базе критического, творческим методом, не всегда и не вполне эту самую реальность отражающим. Или отражающим в искаженном свете, под нужным углом, а также, что, кстати, характерно и для советской историографии, помогающим и дающим право авторам говорить не всю правду, а давать её дозировано, все недосказанное превращая либо в мифологему, либо в несуществующее. И тут уже без партийной идеологии не обойдешься. Не упоминать о ней нельзя! Но так ли это? Возможно, я ошибаюсь? Предлагаю опереться не на теоретические выкладки, а на конкретные примеры. Их, конечно, тьма тьмущая, но конкретика нагляднее.

Самого беглого взгляда достаточно, дабы понять, что соцреализм в нашей литературе возобладал не сразу. Да и не все авторы им пользовались искренне и полностью. Тот же «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова отнести к соцреализму, по-моему, еще нельзя. Это очень самобытная повесть молодого тогда автора, прошедшего Гражданскую войну и передавшего в оригинальной, я бы даже сказал, уникальной, хоть и довольно смятенной, манере свои ощущения и свою память о той жуткой, но для него, несомненно, и прекрасной поре. По прочтении книги остается ощущения, что автор сам пока не очень-то отчетливо представляет характер произошедшего, ибо в повествовании эмоции являются инструментом передачи содержания самих событий. И «Ташкент — город хлебный» Александра Неверова едва ли вполне сложившийся соцреализм. А вот «Железный поток», где, по словам Серафимовича, он стремился отразить «...правду не фотографическую, а синтетическую, обобщённую», уже к означенному методу гораздо ближе. И правда там односторонняя, ибо нет в романе цельной картины трагедии всего русского народа и в том числе казачества, независимо от принадлежности к «белым», «красным», и быть не может. А есть весьма разношерстное по составу, практически люмпенизированное, деморализованное жуткими трудностями и лишениями войны околовоинское формирование, в реальности именовавшееся Таманской армией, и предводитель Кожух, наполовину

красный генерал Гош, наполовину Ксенофонт того же цвета, носитель единственно верного знания, что нужно делать. Безусловно, Таманской армии и оставалось только «иттить». Но кто сказал, что её анабазис описан правдиво? Сам Серафимович был, с позволения сказать, чрезмерно «прогрессивен» смолоду, да и сын его — комиссар Красной Армии в Гражданскую. Новой власти нужны были, как воздух, новые герои, и они были миру предъявлены. Вот и получается — «Старый мир из жизни вырос, развевайте мертвое в дым!» — непреложное правило тех лет, коснувшееся и литературного творчества, и прочно в литературе на долгие годы обосновавшееся. Опять-таки «кто не с нами, тот против нас». И третьего не дано. Но вспомним, что даже у витязя на распутье было на выбор три пути. А в соцреализме, указывающем, как нас учили, конструктивный способ и средства разрешения описываемых в произведении коллизий, только два, причем второй всегда неправильный и вредный. А разве не так? А разве «Тихий Дон» Шолохова при всех его бесспорных и гениальных литературных достоинствах, по большому счету правдив и объективен? И близко не было. Да, это глобальное повествование, созданное талантливейшим писателем на реальной исторической канве. Ну, а в конкретике читателю откровенно навязана большевистская псевдогероика и воплощающие её в жизнь Штокманы, Бунчуки, Кошевые, и прочая, и прочая, и на вершине — Подтелков и Кривошлыков, готовые лить кровь народную до полной победы революции, готовые на любое злодеяние и погибшие довольно бесславно. Вопрос: почему читатель должен этому верить? Если на самом деле история протекала с точностью до наоборот? А самым большим «подвигом» ничтожества, именующегося Мишкой Кошевым, являются убийство деда Гришаки и «казнь» Петра Мелехова. Но как отвратителен автору полярный персонаж — Митька Коршунов, ставший олицетворением всего «белого» казачества, воплощенном в одной фразе: «Давай, я стрельну...» Кстати, судьба Григория Мелехова тоже отнюдь не во всем показательна. Ибо по окончании гражданской войны бывшие «красные казаки» стали поднимать восстания против советской власти, окончательно замордовавшей жителей Дона, и не только продразверсткой и прочими зверствами. Я уже не говорю о том,

что крестьянские восстания начались раньше и полыхали дольше. Одна русская Вандея — Тамбовская губерния чего стоила. Конечно, личная трагедия главных героев эпопеи показана не просто мастерски, а действительно гениально! Но ведь трагедия как «тихого Дона», так и всей России этим не исчерпывалась! Идеологическая же окраска произведения сомнений не вызывает. А вершина шолоховского соцреализма, несомненно,— «Поднятая целина». И вновь оговорюсь — у романа немало чисто литературных достоинств: от описаний природы до характерных типажей, подобных деду Щукарю, и жанровых сцен. Но мы сейчас о другом. О трагедии русского народа. О геноциде русских в процессе раскулачивания и коллективизации. О жутком преступлении коммунистической власти в отношении России. А разве роман в этом смысле объективен? Ничуть не бывало. Давыдов, Нагульнов, Разметнов — богатыри духа, хоть порой с перехлестами и недостатками; Половцев, Островнов, Тимоха Рваный, Лятьевский — отрепье и ничтожество, мешающее народу строить «новую» жизнь, и сметаемое с лица земли самим ходом истории. И «никаких гвоздей»! Только так и никак иначе! Тем не менее, читать роман интересно! Язык живой! Вот где скрыта громаднейшая трагедия таланта Михаила Шолохова! Трагедия всей жизни этого выдающегося художника, кстати, в письмах Сталину живописавшего порой совсем другие, нежели в «Поднятой целине», подробности «новой» жизни. Да и какая «целина» оказалась «поднятой» на самом деле? Сплошь и рядом истребление народа, уничтожение не кулаков, а всего крестьянства, настоящего, трудового — истинной элиты российской. Я не собирался и не собираюсь ставить под сомнение ни гений Шолохова, ни масштабность и значимость его творений. Но вместе с тем я глубоко убежден в следующем: изучение творчества любого большого художника должно быть всесторонним и нелицеприятным. Человеку свойственно ошибаться. И гению тоже. Другое дело, что ошибки гения могут быть тоже гениальны.

А теперь давайте обратим взор на совершенно иные произведения. На «Кануны» Василия Белова, например. Можно ли называть этот великолепный роман, как, впрочем, и все творчество мастера, социалистическим реализмом? А произведения Виктора Астафьева,

начиная с «Кражи»? А «Пряслины» Федора Абрамова? А все, созданное Валентином Распутиным? Я уже не говорю о Шаламове и раннем Солженицыне. И, если это тоже соцреализм, то определение сие никоим образом не функционально, ибо трактуется слишком широко. Нельзя же определить, что соцреализм — это все написанное в эпоху СССР! Сами авторы порой ухитрялись в одном произведении быть абсолютно разными, являя читателю то истинную заботу о будущем родной земли, то потрясающие примеры мракобесия. Яркий пример — «Память» Владимира Чивилихина. Когда автор повествует о сохранении русского исторического наследия, как то храм Параскевы Пятницы в Чернигове или малоизвестные страницы судеб декабристов, находившихся в ссылке от Михаила Лунина до Павла Выгодовского — это действительно впечатляет. Опять-таки именно из «Памяти», прочтенной в юности, я узнал об Александре Полежаеве и Владимире Соколовском, наглухо забытых в XX веке. Но когда начинается откровенное шельмование и довольно безграмотное, огульное оплевывание Льва Гумилева и его теории этногенеза, от возникшей было симпатии к автору и даже уважения не остается и следа. Во гневе праведном обличитель, будучи дилетантом в истории, обвиняет оппонента в лженаучной ереси, исходящей из «географического детерминизма» Монтескье; по всей видимости, не прочитав толком ни одной книги Гумилева-сына. Даже в те далекие годы при первом знакомстве с романом читать эту отповедь было очень неприятно. А уж познакомившись с трудами и жизнью Льва Николаевича, я тем более считаю клевету Чивилихина абсолютно неприемлемой и в человеческом, и в литературном аспекте. Но в целом, если вдуматься, для самого автора все очень логично. Гумилев никоим образом не вписывался в советскую действительность, вот его и следовало охаять. Это ведь тоже черта соцреализма — этакий объективный, якобы, подход. Показаны и положительные, и отрицательные явления жизни, во всем их многообразии и взаимосвязи. Замешан где-то божий дар с яичницей? Не беда. Сойдет. Главное — верную линию соблюсти. К счастью, подобным образом рассуждать и писать могли далеко не все. Вот и получалось изначально, что как творческий метод, соцреализм весьма сложен, неоднозначен, а для многих

мастеров слова просто инструмент обхода цензуры. Спорно? Конечно же, спорно! Так ведь у нас же дискуссионное обсуждение. И я ни в коем случае не хочу что-либо и кого бы то ни было ниспровергать. И абсолютно согласен с автором очерка, когда он говорит, что Гладков, Кочетов, Шагинян и многие другие советские писатели и поэты творили по велению души. И вообще, что было — было. Давайте относиться к прошлому внимательно и с пониманием. Однако с пониманием и подразумевает разностороннюю оценку. А не пустое прославление или полное отрицание вне исторического контекста.

В этой связи очень интересными мне показались обобщения в виде «четырех уроков советской литературы». Хочу кратко на них остановиться.

Относительно первого урока, а именно интернационального характера советской литературы «по определению, соцзаказу и внутренним убеждениям писателей» возражений нет и быть не может. Но от использования терминологии советской поры в наше время я бы воздержался. Уважаемый главный редактор выражает вполне понятную мысль, противопоставляя определение «писатель-интернационалист» всевозможным проявлениям ксенофобии в литературе, и, конечно же, в общественной жизни страны. А разве ксенофобия когда-нибудь являлась чертой русского характера? По-моему, наоборот, русскому народу ксенофобия во всех её видах была абсолютно чуждой! Именно поэтому Россия никогда не была колониальной державой, освоив громадные территории за Уралом вплоть до Аляски и Калифорнии без кровопролития и геноцида народов, их населяющих. Уж если кто на ниве ксенофобии и преуспел, так в первую очередь романо-германский суперэтнос, о чем и сказал впрямую Шпенглер в «Закате Европы». Понятие же «интернационалиста» со времен Гражданской войны оставило о себе России жуткую и кровавую память, ибо именно интернациональные отряды в ту пору действовали с особой жестокостью по отношению не только к «белогвардейцам», но и к мирному населению. И продолжали выполнять свои палаческие функции в начале 20-х годов в составе Частей особого назначения, сокращенно ЧОН, действия которых были направлены, прежде всего, против

русских, хоть и не только. Яркий пример — «чоновец» Аркадий Гайдар в Хакасии. Оттого-то и неприемлемо для меня определение «интернационалист». Вместе с тем считаю преступным любой розыгрыш «национальной карты», не приносящий народам ничего, кроме новых страданий и кровопролития. Повторяю — ксенофобия явление не русское!!! Но никто не лишит нас права гордиться тем, что ты русский, гордиться Россией.

Декларированная во втором уроке бесклассовость советской литературы также является очевидной. Особенно, если принять во внимание то беспримерное кровожадное упорство, с каким советская власть эти самые классы уничтожала до полного искоренения. И преуспела в этом. Какие уж тут могут быть классы. Согласен, что разделение на рабочих, крестьян и интеллигенцию — не более чем условность. И с утверждением об отсутствии классового разделения в современном российском обществе согласен. И с тем, что «крики» в СМИ о существовании пресловутого «среднего» и прочих классов России сегодня — просто очередная мифологема. Группы, группировки, социально-экономические, финансово-промышленные или какие-то еще, да, они есть. А классов нет и не может быть. Класс должен обладать кроме всего прочего поведенческими традициями, которые обусловлены общими принципами психологии и морали. А для их формирования необходимы, как минимум, историческое время и благоприятные условия. Но и при отсутствии сложившихся в обществе классов несомненно утверждение о «художественном воплощении позитивного и негативного в рамках (христианской в своей основе) морали» для современной литературы. Но ведь это урок-то классической русской литературы, а не собственно советской! В русской литературе советского периода данный творческий метод применялся широко, только не всегда искренне.

Третий урок — «о народности русской литературы периода соцреализма». Да, эта литература для народа и о народе. Народ — главный герой советской литературы. И вот здесь считаю любые «но» и «однако» неуместными. Точнее — третьестепенными. И лучшие произведения современной литературы ведь тоже обладают качеством «народности». Опасность негативного влияния на широ-

кие читательские круги «компьютерного чтива» от «фэнтэзи» из разряда «что хочу, то и ворочу», и бульварных детективчиков с мелодраматическими инспирациями до поверхностных «философических» компиляций, вполне понятно, существует. И все-таки есть надежда, что истинное художественное слово своего значения не потеряет. Ведь именно оно и является отражением нашей жизни, человеческой души, разума и даже безумия.

Четвертый урок о высочайшем уровне советской военной художественной литературы также бесспорен. Произведения авторов-фронтовиков сегодня, без преувеличения, бесценны.

Они во многом очень разные, но одинаковы в главном — в описании величайшей трагедии и величайшего подвига народа, уничтожившего фашизм, в рассказе о человеческих впечатлениях и ощущениях на войне, о чудовищной природе и злодеяниях войны, которая не должна повториться. Да, по прошествии времени все видится и воспринимается во многом иначе. Но разве могут и сегодня кого-то «не зацепить» такие, например, строки: «В красном сне, в красном сне, в красном сне бегут солдаты, те, с которыми когда-то был убит я на войне» или «Я убит подо Ржевом...»? Сейчас писать о войне невероятно трудно. Причин тому немало. Главная пожалуй состоит в сложности формирования исторически сбалансированного, объективного взгляда на Великую Отечественную войну, как, впрочем, и на любые иные войны и конфликты, в которых участвовал русский солдат. Но неизменным остается беспримерный народный героизм, не показной, не лубочный, сопряженный с великими жертвами и великой любовью к родной земле.

Непрофессиональные, как правило, попытки пересмотра результатов Великой Отечественной на руку именно «нашим злейшим друзьям», пытающимся навязать России западноевропейские стандарты жизни и мышления. Но это проявления извечного «*Drang nah Osten*» и наивно было бы ожидать от «мистеров и сэров» чего-то иного.

Итак, безоглядная хула, равно как и хвала, бесперспективны, ибо не дают возможности объективной оценки любого явления. А значит — не позволяют определить его значение в жизни отдельных людей, а также народа и страны в целом. И нам нельзя быть

столь беспечными и расточительными по отношению к русской советской литературе. О ней можно и нужно спорить, её необходимо изучать и просто читать, её обязательно нужно уважать и ценить. Иначе мы вновь наступим на канонические «грабли», отказавшись от значительной части своего же культурно-исторического наследия. И никакое это не «смелое новаторство» получится, а непоправимая ошибка, граничащая с преступлением против будущего. Вот это действительно страшно. Жаль только, не всем и не всегда понятно. Аберрация близости, знаете ли, штука коварная. И очень часто благодаря ей сиюминутное представляется вечным. Но разрушение никогда и никому не приносило пользы, не говоря уже о счастье.

И еще одна реплика. Попытку Минобрнауки объявить Литературный институт «неэффективным» считаю открытой диверсией, направленной против отечественной культуры. И не столь важно, что явилось причиной этого шага. Да что бы ни было, чиновное ли головотяпство, интерес ли некоего олигарха заполучить здание института в личную собственность или нечто иное! Вынесение подобного вердикта — конкретное зло, ибо среди творческих ВУЗов нашей страны Литинститут уникален. И в мире он аналогов не имеет. Это «школа литераторов», где им, прежде всего, прививают глубоко профессиональное отношение к творческому процессу, учат по-настоящему ответственно и вдумчиво работать со словом и отвечать за каждое свое слово. Любой здравомыслящий человек понимает, что значение литературы для жизни народа и страны невозможно выразить финансовым эквивалентом. А упразднение Литинститута направлено, прежде всего, против нашего с вами будущего. И требует немедленного противодействия, решительного и конкретного.

А вот насчет книжных магазинов могу даже похвастать — у нас в городе их аж целых два! Один более или менее стоящий. Поэтому закончить статью придется так же, как Хемингуэй «Фиесту»: «Да, этим можно утешаться, правда?»

Вадимир Трусов, г. Мончегорск
Мурманской области

К НОВОМУ «ЗОЛОТОМУ ВЕКУ»!

«Литература, как и любой другой вид творчества, есть неизменный спутник человека в его эволюции»*. И действительно, охватывая взглядом весь культурный период истории человечества, мы видим, что это так. Причем с давних лет и до наших дней были многочисленные периоды падения и взлета литературы в разных цивилизациях и странах, впрочем, как и культуры вообще.

Обратимся к нашей истории, в частности к периоду, последовавшему за активными петровскими и более мягкими екатерининскими реформами. Государство укрепилось, наступило время передышки, и открылись возможности для занятий иного рода, в том числе и литературой. В это время продолжала формироваться та корневая система русской культуры, которая и дала всходы и обильный урожай — взрыв творческих сил народа,— «золотой век искусства России» (конец XVIII и начало XIX в), связанный со славными именами М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя. В эту эпоху большое влияние имел классицизм — направление, опиравшееся на мифологию, искусство и литературу Древней Греции и Древнего Рима. Классицизм очень ярко выразился в архитектуре того времени. Здания имели пропорциональное и симметричное строение, гармонию между частью и целым. Подобные свойства наблюдались в живописи и литературе.

Пушкину и Гоголю воспоследовали соответственно: известные поэты пушкинского круга и Д. В. Григорович, А. И. Герцен и молодые И. С. Тургенев с Ф. М. Достоевским, которые, опираясь на достижения своих учителей, пошли каждый своим особым путем. Далее наступает время не менее «золотого» мирового феномена русской литературы второй половины XIX века и рубежа веков. Но в эти же годы происходит разделение в обществе и, естествен-

---

* Алексей Яшин. «Постлитературный период жизни человечества: оптимисты и пессимисты». (Просим рассматривать изложенное как дополнительный исходный материал к дискуссии, объявленной в предыдущем номере «Приокских зорь» (см. № 1, 2013 г.): «Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории?» — прим. А. Я.).

но, литературе на славянофилов и западников — от умеренных либералов до революционных демократов, и ощущается неустойчивость существующего положения вещей.

Другой период творческого взлета был в начале XX столетия, между двумя революциями, и назывался он «серебряным веком». В области литературы, безусловно, яркими звездами проявились многие литераторы, их имена на устах. Но если в ранее упомянутом нами периоде общий расцвет литературы шел в едином русле и на фоне стабильного — если не считать печальной истории краткого царствования Павла I и выступления декабристов — состояния государства и народа, то в период «серебряного века» ситуация была совсем иной. Атмосферу в обществе, а соответственно и в литературе, пропитало стремление к борьбе, бунту против всего и вся, даже против самого государства и его устоев: Православия и других традиционных религий, патриотизма, государственных институтов, народных традиций — против всего уклада жизни,— в том числе во многом и против критического реализма как такового в литературе. Каких направлений только не было в тот период! Как грибы после дождя, в литературе и искусстве появились акмеисты, футуристы, символисты, авангардисты, примитивисты, кубисты и пр. и пр. В «золотом веке» творческих людей объединяло, прежде всего, стремление к духовной свободе — к свободе «для чего» — и сострадание к народу, а в «серебряном» — преобладало сознательное, а чаще бессознательное, стремление к индивидуальной, эгоистической, сиюминутной свободе — свободе «от чего» — и спекуляция положением народа для своих целей, вплоть до обретения власти. В литературе, как, впрочем, и во всей культуре, это проявилось в тотальном разъединении, разброде, безыдейности и всеядности. Можно ли назвать в этом случае данный период творческим расцветом? — Думается, что нет. Это, скорее, период кризиса, упадка, ибо ему сопутствовало и далее все возрастало падение нравов и дисгармония во всей общественной и культурной — вплоть до государственной — жизни страны, что и привело к катастрофе. Чем все это закончилось для литературы, мы уже хорошо знаем — Пролеткультом и комиссией Луначарского—Крупской. Литературная жизнь 20-х гг. была сложной. Тогда

работало много талантливых прозаиков и поэтов, но лидировала, конечно, поэзия. И если по форме все во многом оставалось прежним — как в начале века тон задавали литературные кружки: символисты, футуристы, акмеисты и пр., а также действовали новые кружки и объединения,— то соперничество их между собой ныне часто имело политическое содержание. И так продолжалось до середины 30-х годов.

Что же произошло затем? Не вдаваясь в вопросы политики и идеологии, мы видим, что у писателей (у тех, кто остался в стране, естественно), принявших, в общем, идеологию или смирившихся с ней и с установками сверху, на фоне все более утверждающихся стабильности государственной и народной жизни, было то же стремление к внутренней духовной свободе и к хорошему деланью для народа. И еще одна параллель с «золотым веком» — архитектурный стиль, довлеющий к эпохе классицизма, в то время как в мире преобладала мода на функционализм, с его многоэтажной застройкой упрощенной формы, с отказом от уникальности и неповторимости архитектурного образа, если говорить об урбанистическом направлении, и дезурбанистическое — со строительством небольших городов-садов со свободной планировкой и с жилыми домами индивидуального плана.

Наличие ряда признаков того, прошлого «золотого века» имело место быть несомненно. И, главное, после «бунта», который был в начале века, и расцветшей вседозволенности 20-х гг., конечно, в рамках Пролеткульта и не на ночь будь упомянутой комиссии, все более или менее слились в едином порыве — построить великую, просвещенную, развитую, светлую и социально справедливую страну. И не секрет, к слову сказать, как И. В. Сталин буквально «возился» с писателями, порой спасая их от наказания. Это хорошо видно из истории с О. Мандельштамом, после написания и озвучивания им стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны...»*.

---

* Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009—2011. Т. 1. Стихотворения / Вступ. ст. Вяч. Вс. Иванова, подг. текста и комм. А. Г. Меца. 2009. 808 стр.

Для развития советской литературы как необходимого элемента в строительстве новой страны, литературы, основанной на классической русской, для развития соцреализма как части на этом этапе русского критического реализма был создан Союз писателей СССР. Стала восстанавливаться литературная среда, озабоченная не тем, о чем говорилось ранее в отношении «серебряного века», а другими целями — возрождением и дальнейшим созданием страны, культурным и социальным развитием народа.

И результат не замедлил сказаться — была создана советская литература как закономерная часть всей великой русской литературы. И мы гордимся теми, кто создал ее, и пришедшими вслед им. По праву можно назвать этот период **золотым советским веком** нашей литературы.

И, наконец, четвертый период, о котором хочется сказать,— это период, наступивший после крушения СССР. Когда происходившее в области литературы — декаданс, разброд, размывание культурных ценностей и бунт — в начале прошлого столетия, кажется просто игрой младенцев по сравнению с возобладавшим всеобщим освобождением от всего и вся, беспредельной вседозволенностью, что привело уже даже не к «**медному веку**», а практически к полному разрушению культуры — и литературы, в частности, как таковой. Ведь первое, что сделал затем рынок,— наложил на культуру «свою лапу», то есть определил новейшие правила, когда перспектива любого литературного произведения (раз уж мы говорим о литературе) зависит от того, быстро ли оно принесет наличную прибыль, независимо в какой валюте.

Таким образом, мы видим четыре периода в истории русской литературы на протяжении более чем двух столетий, сменяющих один другой по принципу чередования «**плюс-минус**». Поэтому если, основываясь на этом наблюдении, провести историческую аналогию, то вслед за нынешним состоянием литературы должен начаться ее подъем и дальнейший расцвет.

Похоже, в истории человечества, как и в жизни каждого человека, действуют две программы: одна, влекущая к духовному совершенству, и вторая — испытующая. Это данность, от которой не уйти. Посему никоим образом и никогда нельзя успокаиваться,

почивать на лаврах — это при хорошем положении дел. А уж тем более — при плохом.

«Полагаю, мы не принизим предмет литературы, равно как и любого вида художественного творчества, если определим его роль в эволюции человека как потребность в идеализированном умозрительном исправлении реальности»,— пишет главный редактор журнала «Приокские зори»*.

Человеческая жизнь коротка. Но если в детстве и подростковом возрасте она воспринимается протяженной далеко в будущее, то в зрелости — каждый год на счету. А периоды исторические — и взлеты и падения литературные в том числе, могут длиться и, как правило, длятся в течение времени, соизмеримого и гораздо большего, чем человеческая жизнь. Отсюда и кажется, что это — окончательно, бесповоротно, катастрофично, неисправимо и так далее. Тем более если это произошло, как у нас в стране, с «космической скоростью». А если это еще и явление глобальное, как и действительно сейчас происходит с литературой и культурой вообще во всем мире, то это глобальное крушение всего и вся, назвать можно постлитературным, посткультурным миром и так далее.

Да, это — упадок, провал, период девальвации большого числа ценностей, созданных веками Православия и более чем двумя веками развития великой русской литературы. Но думаю и верю, что это и период собирания новых сил, период накопления потенциала перед следующим — памятуя о диалектике спирального развития,— творческим витком на более высоком уровне сознания и самосознания и нашей истории с литературой, и всего, что произошло с нами, и нашего предназначения. Вопрос только в том, сколько времени этот последний негативный период продлится? Этого не знает никто. Но поскольку Бог ничего не делает без участия человека и без учета состояния наших душ, очень многое будет зависеть от каждого из нас — будем ли мы сидеть и бесконечно плакать «на реках Вавилонских», бессильно поругивая плохих людей, или же будем уже сейчас, невзирая на известные трудности и препятствия, ежедневно трудиться душою и разумом, со-

* А. Я. Cit. op. с. 4.

зидая по крупице будущий период великой русской литературы. Писатель постлитературной поры все же должен писать не «постлитературно», а так, как будто он живет в «золотом веке». Все зависит от каждого из нас. Да, «Нам не дано предугадать, // Как слово наше отзовется...» — сказал 1869-м году в своем стихотворении без названия Ф. И. Тютчев*. Но чем большего уровня писатель, тем больше его роль, тем больше его ответственность за каждое сказанное и написанное слово. Добавим — и дело. А дела, как известно, всегда должны соответствовать словам, и наоборот.

И еще, удивительно, что те, кто должен по идее объединяться, тем более, сейчас в постлитературный период со всеми его характеристиками, так профессионально точно изложенными в «Колонке главного редактора»**,— эти долженствующие разъединяются со своими единомышленниками и разъединяют всеми мыслимыми и немыслимыми способами их между собой. Здесь можно много говорить и о нетерпимости, неблагодарности и беспамятстве. Можно сколь угодно долго говорить: «Вкусно, вкусно!..», сидя перед пустой тарелкой, но от этого сыт не будешь. Разобщенность даже в среде литературных соратников и душевный голод никоим образом не способствуют преодолению кризиса, преодолению постлитературного периода и переходу в великолитературный.

Когда же начнется переход из постлитературного в великолитературный период? Только тогда, когда после принятия четкой государственной программы развития культуры и в частности литературы — по примеру конца 30-х годов века минувшего — и, как это ни парадоксально звучит, выстраивания четкой чиновничье-бюрократической структуры в этой сфере жизнедеятельности (без нее никак...), которая будет организовывать — тормозить и «бежать телегой перед лошадью», тем самым и мешая, и своеобразно помогая развитию этого процесса.

Что бы можно взять из литературы советского периода? Ли-

---

* Федор Тютчев. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, «Феникс», 1996.

** «Колонка главного редактора»: «Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории?». «Приокские зори», № 1, 2013 г.

тературу любого периода нужно брать, на мой взгляд, всю, во всей ее совокупности. И из советской — все: от М. Шолохова и А. Платонова до В. Белова, от А. Ахматовой и М. Булгакова до В. Распутина и В. Астафьева, от мастера пейзажа М. Пришвина до романтика К. Паустовского, от Н. Клюева и С. Есенина до О. Мандельштама и Б. Пастернака, от В. Маяковского до А. Вознесенского, от ранних наивных опровергателей веры в литературе до Л. Бородина и В. Крупина.

Нужно брать всю литературу. Почему? Давайте обратимся к Пушкину, и позвольте спросить, кто бы знал об Александре Сергеевиче, если бы совсем не было читающей публики. Полное отсутствие читателей — это гибель для литературы — пиши не пиши. Но писатель и обобщенный читатель — это два полюса литературной среды, а между ними большая градация писателей — людей, делающих свои небольшие опыты в области сочинительства, и более плодовитые, но не признанные, и признанные, но по уровню стоящие на различных ступеньках одаренности — ближе к гению или дальше от него. Вот благодаря всей этой читательско-писательской среде, в которой есть подвижники и организаторы литературной жизни, и видны гении и таланты. Ведь нельзя же с картины художника убрать все и оставить, например, только какое-нибудь одно лицо, купол храма или солнце, без утраты всей картины, как таковой.

* * *

А хорошему писателю, пусть даже и гениальному, негоже впадать в гордыню, ибо сие есть большой грех. И хорошо бы не забывать о личной ответственности за состояние этого самого литературного процесса по принципу — если не мы, то кто же? — на котором (и не на каком другом) стояла, стоит и будет стоять литература, ибо кому больше дано, с того больше и спрос. Как раз в советский период с литераторами занимались серьезно, и занимались именно мэтры от литературы, не в пример нынешнему времени.

Яков Шафран, г. Тула, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

ЧАСТНОЕ МНЕНИЕ ОПТИМИСТКИ

Давным-давно, то есть в советские времена, показателем социальной успешности являлись хрусталь, ковры и книги. Прилавки книжных магазинов, в отличие от продуктовых, не пустовали. Но книги, которые действительно можно было читать, распределялись по месту работы, чаще всего доставаясь начальству, обменивались на макулатуру, или приобретались по «блату», тут уже огромную роль имело наличие знакомого продавца. Наиболее удачливыми считались те граждане, кто смог подписаться на полное собрание сочинений, имя автора особого значения не играло, брали всё. В нагрузку к толстым художественным журналам выдавали подписку на газеты «Труд» или «Известия», то есть путь к обладанию самыми интересными книгами был довольно извилист.

В некотором плане спасали библиотеки — городские, школьные, областные, из которых я не вылезала, читая все подряд, пугая по выходным бедных библиотекарей требованием найти мне что-нибудь такое, с чем я еще не познакомилась.

Получив предложение поучаствовать в дискуссии, я с энтузиазмом, а кому не хочется вернуться в прошлое, пусть даже и в воспоминаниях, ринулась перебирать в памяти названия книг, составляя некое подобие списка. Перечень детских книг получился длинный, пестрый по жанрам и вполне интернациональный. Там и «Партизанка Лара», и «Четвертая высота», и стихи Маршака с Агнией Барто, и рассказы Гайдара, и «Большой оркестр» Бикчентаева...

Начитавшись всей этой гремучей смеси, я выросла иронично-романтичной барышней с типичной женской логикой, в результате чего оценивать литературный вклад советских авторов могу только эмоционально: нравится, не нравится.

Детские книжки тех лет, несмотря на однообразие тем, замешанных в противовес буржуазной морали на коммунистической идеологии, мне нравились практически все, жизнь в них казалась прозрачной, совсем не страшной и предсказуемой. Все разложено по полочкам. Но, как правило, преобладали две грани — черное и белое. Много позже выяснилось, что оттенков больше, а мир куда как красочней и сложней.

Благополучно перебравшись из детства во взрослую жизнь, своего пристрастия к книгам я не оставила, только отбор стал жестче, поэтому не все прочитанные авторы перебрались вместе со мной в современность.

Сегодня у меня в первых рядах, вперемежку с мировой и отечественной классикой, стоят на полках, тесно прижавшись друг к другу: Саша Черный, Михаил Булгаков, Виктор Конецкий, братья Стругацкие, Довлатов, Владимир Орлов, поэты Серебряного века, Аксенов. Евтушенко... Во втором ряду спрятались Рюрик Ивнев, Катаев, Михаил Веллер, Зощенко, Тэфи, Вадим Шефнер, Иван Ефремов и многие, многие другие.

Не берусь судить о литературных достоинствах или, возможно, недостатках любимых книжек, это удел критиков, скажу только одно — все они продолжают волновать меня и сейчас, сквозь их тексты по-прежнему проступает жизнь, приоткрывая все новые и новые грани.

А вот некоторые книги, не слишком актуальные, скучные и не имеющие оригинального творческого почерка, не пережили генеральной уборки, оказавшись давно на свалке. Их авторов называть не стану по одной простой причине: у всех читателей имеются свои личные пристрастия, и то, что мне показалось отжившим, недостаточно интересным, кого-то продолжает радовать.

Мне очень нравится современная проза. Несмотря на то, что сейчас господствует совсем другой литературный вкус, в котором, как, впрочем, и в советской литературе, при желании можно разглядеть идеологическую направленность, примитивный язык, упрощенную картину мира, я точно знаю, что есть авторы, чьи взгляды, знания и философия жизни мне близки, понятны, заставляют сопереживать.

Никогда раньше у меня не было такого запаса непрочитанных книг как сейчас, причем, на любую тему, и не обязательно в бумажном традиционном исполнении, есть и другие варианты.

Публицистика, фантастика, исторические романы, психология, многообразие прозы и поэзии — всё доступно. Понятно, конечно, что всё это разного качества и художественной ценности, но, вот что важно, у меня теперь есть выбор.

Отделив свои личные пристрастия как читателя, на вопрос «Что нам следует взять из русской литературы советского периода?» отвечу, наверное, так: «Всё и ничего».

Поясню парадоксальность своего ответа: как мне кажется, что четких критериев, по которым можно оценить достоинство той или иной книги нет. Иногда читаешь текст, вроде бы и грамотный, с правильно выстроенным сюжетом, точно выверенными фразами, а не цепляет. И наоборот, пара стилистических ошибок, некоторая нечеткость очертаний, да и тема не слишком актуальная, но не оторваться.

Мне кажется, что не стоит навешивать ярлыки: это — «литература», а вот это — «графоманская поделка». Право на существование имеет любой текст, за исключением совсем уж чернухи, главное, чтобы люди находили то, что им нужно в данный момент и не забывали читать, пусть даже комиксы, если они соответствуют их уровню восприятия.

На вопрос «Что нам следует взять из русской литературы советского периода?» можно ответить и по-другому, конкретизировав несколько понятий.

Если допустить, что под словом «что» скрыт интерес к конкретным книгам или авторам, ответ прост — каждый легко составит свой список предпочтений.

Если «что» — это вопрос о качестве литературы, как одном из видов искусства, то, наверное, можно поговорить о талантливости, правдивости, авторской манере или социальной значимости какого-то конкретного произведения, но любое мнение все равно будет субъективным.

Если «что» — это вопрос о технической стороне книгоиздания и обустройстве писательских союзов, то в отличие от советских времен сегодня большинство авторов предоставлены сами себе и решают (или не решают) проблемы издания своих произведений в соответствии с собственным вкусом и материальным положением.

То же самое можно сказать о местоимении «нам». Нам — это кому? Читателям, писателям, издателям, стране? Боюсь, что тема слишком сложна и обширна, чтобы уложить ее в несколько страничек.

Надеюсь, что современная книга, пройдя некоторую неизбежную трансформацию, выживет и сохранит лучшие традиции не только советского прошлого, но и добавит что-то новое, присущее только этой стремительно меняющейся эпохе.

Татьяна Рогожина, г. Тула

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА НЕ СТОИТ ОТКАЗЫВАТЬСЯ

В литературе России послереволюционного периода под толстым слоем идеологии и политики всё же сохранилось и живет вечное содержание...

И. А. Ильин — православный философ и писатель

Литература советского периода подвергается сегодня такой же ревизии и критике, какой в советское время подвергалась классическая. Вспомним хотя бы требование «сбросить Пушкина с парохода современности», прозвучавшее уже в первые советские годы! Всерьез обсуждался вопрос: нужны ли нам Толстой, Гоголь, Щедрин и другие классики? И только когда «сверху», из уст самого вождя, прозвучало: «Нужны!» — все стало ясно. Однако нужны оказались далеко не все. Не нужными, вредными для советских людей много лет числились: Бунин, Есенин, Андрей Белый, Александр Солженицын, Борис Пильняк и многие другие, не говоря уж о Зинаиде Гиппиус, Дмитрии Мережковском, Николае Бердяеве, Иване Ильине. Этих вообще иначе как «белогвардейцами» и «антисоветчиками» и не называли! Официозные литературоведы, увенчанные докторскими степенями и даже званиями академиков, бдительно стояли на страже нашей с вами идеологической чистоты и нравственности. Борис Леонидович Пастернак, которому тоже здорово от них доставалось и чьи произведения, особенно роман «Доктор Живаго», рьяно осуждались не только писателями, но и «всем советским народом», в большинстве своем этот роман и

не читавшим,— так вот Борис Леонидович с горькой иронией говорил об официозных критиках:

Не знал бы никто, может статься,
В почете ли Пушкин иль нет
Без докторских их диссертаций,
На все проливающих свет!

Сейчас ситуация перевернулась: в стране победившего (во всяком случае, изо всех сил пытающегося победить!) капитализма столь же придирчиво перетряхивают советскую литературу. Многие произведения ее исчезли из школьной программы без всякой надежды когда-нибудь туда вернуться. Зато того же «Доктора Живаго» изучают, по нему снимают фильмы и пишут докторские диссертации, «на все проливающие свет»! Дискуссия о том, что из советского литературного наследия стоит взять нам с собою, а что отвергнуть, достигла довольно высокого градуса. Критики советской литературы говорят о её излишней идеологизированности, политизированности, о прямолинейном, «лобовом» дидактизме многих произведений. Доля истины в таких суждениях присутствует. Однако в советской литературе есть не только Кочетов, Марков, Сафронов или Чаковский, там есть и другое — то, что выдающийся религиозный философ и писатель двадцатого века, наш соотечественник (кстати, изгнанный из СССР) Иван Александрович Ильин назвал «вечным содержанием». Что же это? Давайте посмотрим и попробуем найти это вечное в классических произведениях советской литературы.

Вячеслав Алтунин, г. Тула

ДОПОЛНЕНИЕ К МАТЕРИАЛАМ ДИСКУССИИ

От редакции: Мы получили материалы Ольги Шаховской-Пономаревой и Иосифа Руховича, по своему содержанию относящиеся к дискуссии 2012-го года. Однако мы сочли возможным их опубликовать в настоящем разделе, ибо обе дискуссии — прошедшая и нынешняя — во многом пересекаются.

Почему-то бумага, а я в этом уверена, располагает не только к большей откровенности, чем «железо», но и дисциплинирует авторов, способствует обстоятельному отношению к стихотворчеству или написанию прозы. «Рукописи не горят», и, как мне кажется, это заставляет многих авторов работать качественнее. И такая работа, как при цепной реакции, стимулирует ассоциативное мышление. Оно, в свою очередь, опираясь на память, индивидуальный опыт пишущего, на чужой опыт из ранее прочитанного, на опыт близких людей, подсказывает подчас литературные приемы, например, сравнения, метафоры и др., позволяющие точнее охарактеризовать героев, полнее раскрыть заявленную в произведении тему. Вводимые в повествование новые детали, образы дают возможность рассматривать описываемых героев и происходящие события в многомерном пространстве.

Кроме того, будь то поэт или прозаик, серьезно относящийся к творчеству «перед лицом чистого листа», благодаря знаниям, приобретенным в школе, следит за орфографией, начиная с черновиков, если, конечно, ему с детства привили любовь к родной речи, показали красоту и мощь русского Слова, подкрепляя примерами из классической отечественной литературы, или он сам пришел к этому в процессе личного самоусовершенствования.

Общение человека с машиной, думаю, происходит на ином потребительском уровне.

Что касается общественных литературных сайтов (имен не называю), большинство тамошних авторов появляются «в чести» с целью общения, дабы сгладить амплитуду внутренних переживаний, вызванную проблемами личного характера, потребностью устранить дефицит общения. Многие люди хронически безграмотны, о чем предупреждают на первой странице, заявляя, например, что к литературе отношения не имеют, получая как бы индульгенцию у читателя на право ошибаться. Некоторые из них даже гордятся, что является «заслугой» воспитания.

Порою откапываешь талантливые строки, чувствуешь, как в них трепещет душа... где отсутствуют прописные буквы и знаки препинания напрочь. Это новое западное веяние, чем только ни объясняют (а их немало): интимностью темы, дефицитом времени и ленью, наконец.

Я недоумеваю по поводу подобных стихийных нововведений, ибо иначе их не назовешь, так как в лоне родного языка правила в отношении вышеперечисленных «достижений» пока не менялись, поэтому не должно существовать двух языков: одного для Интернета, а другого «для членов Союза писателей».

Удивительно! Как будто можно продекламировать на одном дыхании стихотворение, где богатство эмоций отражается не только в словах, но и в интонации, указывающей надлежащее место каждому знаку препинания. Досада какая! Невдомек автору строк, что гармония творения в триединстве чувства, мысли и слова. И этому Слову, данному нам свыше, надлежит быть грамотным, правильно употребленным, ведь оно имеет огромное влияние на человеческие души — субстанции тонкие и чрезвычайно ранимые.

«От слов своих оправдаешься
От слов своих осудишься»

(Мф. 12, 37)

Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. С. Пушкин, В. Я. Брюсов, да многие, многие другие творцы отечественной литературы (нам есть у кого поучиться, слава богу!), разве они не писали на интимные темы. Писали, еще как! Но не припомню, чтобы они игнорировали правила грамматики и синтаксиса, любые черновики тому свидетельство. Уважение к русской словесности сидело у них в крови, поскольку она, та самая словесность, являлась и продолжает являться основополагающим элементом отечественной культуры.

Из-за торопливости авторов, погоней за дутыми рейтингами работа над осмыслением текстов, содержащих порой не тривиальную идею, — «наращивание мяса на скелет» — явление редкое. Детальную проработку темы может себе позволить человек не только талантливый, но и умеющий работать над словом, понимающий необходимость этой работы, отдающий себе отчет в том, что он делает и с какой целью. Ибо, если говорить о бумаге, то белый лист — безграничное поле ответственности автора перед собой, перед читателями, перед Богом. Такой писатель может пе-

ревернуть всю рукопись многократно в желании вставить одноединственное слово в нужное место для того, чтобы мысль заблестела и стала понятной каждому.

Ольга Шаховская-Пономарева, г. Москва

БУМАЖНАЯ ДУША, КОМПЬЮТЕРНОЕ ТЕЛО...

То, что я понял — превосходно. Думаю таково же и то, чего я не понял.

Сократ

В статье «Что написано пером...» («ПЗ» № 2, 2012) едва ли не впервые затронут вопрос о влиянии средств писательского труда на самого автора и результат. Вряд ли статью следует рассматривать как призыв вернуться к гусиному перу, но осознание потерь в условиях неумолимого технического прогресса совершенно необходимо и очень своевременно. Угроза потери личности и самобытности велика.

Уже в эпоху пишущих машинок, а затем компьютеров, практически все выдающиеся произведения всё-таки написаны пером, в крайнем случае, авторучкой. Особенно это касается лирической поэзии. И в XXI веке совершенно невозможно представить первую запись стихотворения на компьютере. Теряется что-то такое, что и писать не хочется. Под пером каждое слово получает индивидуальность и неповторимость почерка, смываемые обезличкой печати. Так исчезает на иллюстрациях мазок, и мы уже не можем почувствовать волнение, владевшее художником. Недаром поэты мечтают о факсимильных изданиях, даже не обладая каллиграфическим почерком. Какой трепет охватывает читателя при виде рукописей любимых произведений! Конечно, далеко не всякие стихи, особенно в наше время повального графоманства, достойны такого воплощения, но для самого автора ручная запись бесценна.

Ещё одна негативная сторона машинизации писательского труда — исчезают черновики. Пропадают порывистые и размеренно-продуманные замены, вставки, зачёркивания, а то и перечеркивания

целых страниц — следы и свидетельства работы создателя. Что будут делать будущие литературоведы, не имея возможности проследить извивы авторского замысла? Вспомним подвиг текстолога Мариэтты Чудаковой, восстановившей тексты Михаила Булгакова, и давшей мощный толчок булгаковедению.

Дело, конечно, не только в заботах об обеспечении работой будущих литературоведов. Надо думать, далеко не все нынешние произведения подвергнутся тщательному литературному анализу. Хотя, как знать... Будущая мощь компьютеров... Но для самого автора потеря возможности вернуться к началу размышлений грозит утратой замысла и сомнений — не выплеснут ли с водой и ребёнок? Не говоря уже о мнемонической памяти, очень точно отмеченной в статье А. А. Яшина.

Лев Толстой несколько раз переписывал «Войну и мир». К. Г. Паустовский описывает И. Бабеля с толстенной рукописью в писательской компании — наконец-то, вскричали писатели, Бабель написал роман! Нет, вздыхал Бабель, это двадцать два варианта «Любки-козак». Но черновики любовно сохраняли!

Да и читателю совсем не лишне прикоснуться к творческому процессу. Посмотреть, скажем, рисунки тонкого пера Пушкина на полях его божественных рукописей. Помнится Стефан Цвейг в речи «Смысл и красота рукописей» отметил: «Ибо из множества неразрешимых тайн мира самой глубокой и сокровенной остаётся тайна творчества». Наличие рукописи позволяет хотя бы прикоснуться к этой великой тайне.

Тем ни менее, компьютер, будь он неладен, существует! И очень прочно вошёл в нашу жизнь. Его никак не отнесёшь к «гедоническим гэджикам», хотя использоваться так может и, увы, используется обывателем, что называется, на всю катушку. Появление компьютера как технического средства, многократно усиливающего интеллектуальные возможности человека, практически перевернуло нашу жизнь и во многом, тут совершенно прав А. А. Яшин, с ног на голову. С такими переворотами следует бороться всеми возможными способами, но отодвинуть компьютер в сторону и в литературном процессе вряд ли удастся.

Увы, компьютер меняет мышление человека в сторону упроще-

ния и механизации гуманитарной составляющей. Приведенный в статье анекдот о программисте прекрасно иллюстрирует, до какого идиотизма в принципе можно дойти. И именно художественная литература призвана сохранять и развивать человеческое в человеке. И тут вопрос о бумажной и электронной литературе встаёт с огромной остротой.

Современный пользователь компьютера привык считывать с дисплея информацию, а при «потреблении» литературного произведения интересуется содержанием, то есть разбирается что написано, совершенно игнорируя основное — как, на что обращал внимание ещё Пушкин задолго до появления ускорителей письма. Проблема здесь не столько в компьютере, сколько в утрате умения читать художественные тексты, понимать художественный язык, несущий куда больше информации, чем естественный. И выход тут, на мой взгляд, единственный — учить читать, учить языку. И только вернув русскому читателю это умение, научив его получать наслаждение от художественного произведения, а не только удовольствие от развлекаловки, можно ожидать возврата к книге. К памяти рук и шороху страниц.

Что же касается использования компьютера при написании произведения (прежде всего прозы,— стихи, как уже было сказано выше, просто этому не поддаются), то тут всё далеко не однозначно. В любой новации что-то теряем, что-то находим, и следует аккуратно взвесить — не превышают ли потери приобретений. А. А. Яшин очень красочно, с тонкой иронией описал утраты на пути технического прогресса и с этим трудно не согласиться — потери велики. Но не следует забывать и о чисто физических преимуществах компьютера, прежде всего в такой тяжкой части литературного труда как правка. Имеется в виду не исправление грамматических и синтаксических ошибок, что компьютер делает автоматически, но выявление повторяемости, различных неточностей, неблагозвучных сочетаний, перестановка предложений и абзацев, замена слов и так далее. Соблазн удобств слишком велик и немногие могут устоять.

По поводу скорописи. Тут трудно согласиться с А. А. Яшиным. По собственному — и не только — опыту считаю, что ору-

дия писательского труда никак на скорость письма не влияют. А компьютер даже и замедляет. Быстрота сочинения определяется быстротой творческого мышления, почти всегда отстающего от возможностей средств записи. И как сотни лет назад писатель застывал с недонесённой до чернильницы ручкой, так и сейчас часами тупо смотрит на экран, не понимая, как язык повернулся такое написать и что делать дальше.

Речь, конечно же, не идёт о «федях с авторучками», о литературной подёнщине или, как сейчас принято говорить, коммерческой литературе — гнусный, кстати, оксюморон. Для таких «авторов» компьютер манна небесная, позволяющая перелицовывать сюжеты практически не меняя слов. Недавно один автор криминальных романов публично хвастался, что на зависть Сименону доведёт свою производительность до десяти страниц в день. Слава Богу, до таких откровений не дожил Гюстав Флобер, писавший не более семидесяти страниц в год, остающихся до сих пор эталоном французского литературного языка. Нет, речь не может идти о них в солидном литературном журнале, ибо если их считать писателями, то многие настоящие вынуждены будут отказаться от этого почётного звания.

Но и большие писатели в силу тех или иных обстоятельств задумывались и предпринимали шаги к ускорению труда. Классический пример — Ф. М. Достоевский. Великий русский писатель не раз прибегал к помощи стенографии. И Бог ему судья. Гениальность позволяла ему превращать свой мозг в литературное поле с великой жатвой. Сейчас же некоторые писатели, не обладая, очень мягко говоря, талантом Фёдора Михайловича, уже начинают заставлять компьютер печатать с голоса. А вот это уже опасно, ибо путается устная и письменная речь. Пишем, как говорим,— вот их кредо. Уж лучше бы молчали.

Ещё об одной теме, затронутой в статье А. А. Яшина — о «вреде» нанесенном России Н. М. Карамзиным.

По-моему А. А. Яшин первый заговорил о гениальности кириллицы. Думается, все русские писатели и читатели горячо и от всей души примут этот эпитет. И кириллица, и глаголица просто конгениальны нашему Великому и Могучему, доведенному Великой

Русской Литературой до заоблачных высот! Наш язык, начертанный кириллицей, огромное, ни с чем несравнимое богатство нашей Родины, которое требует особо бережного отношения. Боюсь, что мутный поток хлынувшего графоманства может нанести непоправимый урон. Речь даже не о засилии латиницы и американизмов — восприимчивый и чуткий русский язык всегда легко справлялся с заимствованиями, достаточно открыть словарь иностранных слов. Но язык и письменность определяют национальное мышление, и в этом смысле разница между Западом и Россией достаточно велика. И прекрасно! И слава Богу! Зачем же нам быть такими, как они? Тем не менее, опасность велика — в нашей литературе всё чаще появляются изложения, обороты, фразеологизмы, напоминающие перевод с английского. Посмотрите на заполнившие литературные страницы после перестройки верлибры! Какое они имеют отношение к русскому свободному стиху, да и вообще к русской поэзии?

Но мы отвлеклись. О Карамзине и букве «ё».

Да, надстрочные точки нарушают эстетику кириллицы и уникальную возможность написания слова без отрыва пера от бумаги. До введения ё нам не надо было «ставить точки над и». Что касается «й», то первоначально эта буква по большей части заканчивала слово, и надстрочный знак нисколько не нарушал красоту кириллицы, а может быть даже и добавлял. Не вина Кирилла и Мефодия, что с развитием живого организма русского языка эта буква оказалась и внутри слов.

Возможно, следовало вместо знака «ё» ввести новую букву, скажем «о» с чёрточкой внутри, что подчёркивало бы родственность звучаний. Звуки е и ё не имеют ничего общего ни фонетически, ни артикуляционно. Видимо, Николай Михайлович ориентировался на обращение евё при изменении формы слова и ударения — легко — лёгкий, весело — весёлый. Но, как бы там ни было, уже в те времена звук ё входил в русский язык, и Карамзин просто это обстоятельство зафиксировал.

В настоящее время ни русскую речь, ни русскую письменность без «ё» уже представить невозможно. Более того, обозначение этой фонемы через е может привести к недоразумениям и незапланированным двусмысленностям. Например, не слышавший слово

«пролётка» так и будет читать «пролетка», с чем автор уже сталкивался. А прочтя фразу «небо больного покрылось пупырышками», не сразу поймёт, что облачный свод здесь ни при чём.

Ныне ё полноправный член нашей азбуки. Кроме того, и это хотелось бы особо подчеркнуть, игнорирование в письме этой литеры, объединение в одном знаке двух совершенно разнородных звуков, противоречит самому духу кириллицы, подчёркнутому в статье А. А. Яшина,— одна буква — один звук. А то, чего доброго, придётся ввести совершенно ненужную нам транскрипцию.

И ещё об одном «вреде», нанесённом Н. М. Карамзиным — апологии династии Романовых в его великом историческом труде.

Да, «История государства Российского» не лишена недостатков, в том числе и приверженность автора монархической идее, что отмечали ещё первые читатели из числа демократов и либералов. Но согласиться с утверждением, что Н. М. Карамзин переписал и исказил русскую историю довольно трудно. Непреходящая заслуга Николая Михайловича, прежде всего, в том, что он написал русскую историю в смысле её систематизации и хронологизации. Это первый системный труд, и всё дальнейшее развитие истории как науки, так или иначе, на нём основывается, в том числе и на его критике.

Что же касается взглядов Н. М. Карамзина, довольно сильно окрасивших великолепный стиль изложения... А где вы видели труды по истории совершенно объективные, не несущие отпечаток личности автора? История всегда сопряжена с умонастроениями и ожиданиями общества, с идеологией, а то и просто политикой. И, безусловно, с явным или неявным заказчиком. Замечательный наш историк Л. Н. Гумилёв отмечал — даже в летописях, которые мы привыкли считать беспристрастным изложением событий, можно найти не только тенденциозное изложение, но и подделки, и позднейшие вставки, и сознательные искажения. Работая с источниками, Лев Николаевич использовал апробированный метод установления относительной истины — рассматривать совокупность свидетельств и размышлений. И в этом ряду прочно стоит труд Николая Михайловича Карамзина.

Можно было бы ещё поспорить с А. А. Яшиным по поводу

некоторых его размышлений и взглядов. Собственно, это процесс бесконечный. И разве не цель самобытной статьи на столь животрепещущую тему побудить читателя к собственным размышлениям? Редко полностью совпадающих с мнениями предложившего разговор.

Вопрос в другом. Какие цели и задачи поставлены в статье А. А. Яшина? И разделяем ли мы высказанные идеи?

Статья проникнута тревогой о сохранении литературных традиций — как писания, так и чтения. И думающие писатели и читатели глубоко разделяют эту благородную тревогу. То, что «компьютерная литература» в существующем виде заводит куда-то не туда, практически очевидно. Собственно, и вся наша жизнь катится куда-то не туда... Но искусство — размышления о человеке и для человека — идёт вперёд пусть и неизведанными, но человеческими тропами, и не дай Бог свернуть на звериные, даже с помощью самых современных технологий. Загнанная в компьютерное тело, да сохранит наша русская литература свою вечную бумажную душу!

А. А. Яшин совершенно справедливо утверждает, что нам не дано «знание наперёд». Можно лишь утверждать, что двигаться вперёд можно только с того места, где находишься. Однако забота о будущем у человека в крови. И попытки предвидения, куда ведёт та или иная дорога жизни и не заведёт ли чёрт знает куда, не только проявление тревоги перед неведомым, но и отсечение опасных поворотов. И эту функцию статья в полной мере выполняет, заставляя хотя бы задуматься.

Но что сохранять в условиях бурного и не совсем человеческого технического прогресса? Как уберечься от духовного регресса?

Вопрос сложный, ибо связан с оценкой исторически накопленного и пониманием постоянного и неизменного, не подлежащего деформации. В 20-х годах прошлого века французский физик и философ Анри Пуанкаре совершенно серьёзно сформулировал закон сохранения: «Есть нечто, остающееся постоянным. Смысл этого нечто интуитивно неясен». За прошедшие десятилетия наука немного разобралась с этой «интуитивной неясностью», но тут же поставила новые, пока нерешённые вопросы. Например, об очень «тёмных» массах и энергии.

Но дороги науки, даже при захождении в тупик, никогда не отрицают прошедшего пути и, так или иначе, нащупывают столбовую дорогу. Шатания же литературы, не имеющей твёрдой и общепринятой аксиоматики, бездумное отрицании традиций, куда опасней. И ничего не может быть полезней заранее эти опасности выявить. И тут развитая интуиция, основанная на чтении и знаниях, неоценима.

Вдохновляет пример Фёдора Ивановича Тютчева, воспринявшего новации Пушкина, но сохранившего и развившего традиции классицизма. И вся дальнейшая русская поэзия без Тютчева непредставима. И закончить статью хочется призывом А.А. Яшина:

«...Пока есть возможность, уважаемые авторы и читатели, сохраняйте и вы ценности традиционной художественной литературы».

(Далее помещаем материал того же автора)

НЕ-ЧТЕНИЕ — УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

«Наука и искусство так же тесно связаны между собой, как легкие и сердце, так что если один орган извращен, то и другой не может правильно действовать»

Л. Н. Толстой

При зарождении и развитии Культуры — Рим, Греция и намного раньше — её формула «добро — истина — красота» долго не расчленялась. Дошедшие до нас имена — Пифагор, Леонардо, Дюрер и до французских энциклопедистов — включали практически весь объём современной им культуры. Но с накоплением знаний, форм, ритуалов «добро» отошло религии, «истина» — науке, «красота» — искусству. Размежевание с диалектической неизбежностью привело к борьбе и даже войнам между частями единого целого за умы, души, а то и жизни.

Сейчас уже трудно представить серьёзную полемику между этими направлениями человеческой деятельности. Более того, религия и искусство обросли собственными, так называемыми «гуманитарными», то есть человечными науками, а негуманитарные — естественные и технические — любуются красотой собственных построений, формул, мыслей. Математика даже обзавелась живописью — фракталами. Меж дисциплинами перебрасываются мостики с уверениями во взаимном уважении (см., например, Вик Мэнсфилд «Тибетский буддизм и современная физика»).

Но борьба, в основном между наукой и искусством, тем не менее, продолжается. И в настоящее время перевес явно не на стороне искусства. Не читают, не смотрят, не слушают. И самое страшное — уже не умеют это делать. Имеется в виду ИСКУССТВО, а не коммерческая литература, не шоу-бизнес, не поп-арт и прочие, победившие, кажется, всех и вся. Следовало бы, конечно, определиться с терминами и размежеваться, но потребовалось бы слишком много времени и места. Остановимся на интуитивном уровне, присущем каждому образованному человеку.

Успехи науки очевидны. И чем дальше и глубже её продвижение, тем чаще возникают сомнения в необходимости искусства. Ещё лет двести назад Гегель пришёл к печальному выводу: «Вследствие своей формы искусство ограничено и определённым содержанием. Лишь определённый круг и определённая ступень истины могут найти своё воплощение в форме художественного произведения». И далее: «Своеобразный характер художественного творчества и создаваемых им произведений уже больше не дают полного удовлетворения нашей высшей потребности». Проще говоря — устарело, более не нужно и отомрёт.

Ю. М. Лотман в «Структурах художественного текста» со вздохом возражает: «Искусство является великолепно организованным генератором языков особого типа, которые оказывают человечеству незаменимую услугу, обслуживая одну из самых сложных и не до конца ещё ясных по своему механизму сторон человеческого знания».

Прав был великий диалектик или не совсем, во всяком случае, за прошедшие века искусство всё-таки не исчезло, но, похоже, в

чём-то предсказания сбываются. От искусства всё больше остаётся только одна функция — развлечение.

Что же до лотмановских «не до конца ясных по своему механизму» свойств искусства и какую сторону знания они обслуживают, то тут что-то начинает проясняться, и следует как можно скорее разобраться. Не то совсем заглохнут никому не нужные генераторы.

Привычно считать, что искусство — факультатив, непосредственно в производстве материальных благ не участвующий. А стало быть: хочу — читаю, хочу — нет. В школе, правда, чего-то заставляют, даже учить наизусть, но эта обязаловка как-то не слишком увлекает. И в самом деле — для того чтобы читать, нужно изучить художественный язык, выработанный этими генераторами особого типа, для чего затратить немало времени и сил. Довольно сильно умственно напрячься. Стоит ли? Пользы вроде бы никакой и денег явно не принесёт. Не лучше ли изучить какой-нибудь реальный язык, например английский, а в свободное время отдохнуть за зубодробительным боевиком или слезливым сериалом?

Ещё древние римляне выдвинули лозунг: «Хлеба и зрелищ!», ставя хлеб на первое место, и придавая союзу «и» разделительные функции. И вдоволь было у них и того, и другого, но Рим почему-то рухнул.

У образованных людей, впрочем, сомнений не возникает — искусство нужно, обязательно нужно. Оно делает людей людьми, воспитывает душу и так далее. Всё правильно. Но и у них частенько бытует мнение, что к «хлебу» «зрелища» особого отношения не имеют. Так ли? Действительно ли искусство непосредственно не влияет ни на производительные силы, ни на производственные отношения?

К этой проблеме можно подойти с разных сторон. Попробуем сначала с точки зрения науки о процессах мышления, состояние которой на современном этапе достаточно полно и доступно представлено в частности в книге А. Маркова «Теория эволюции. Обезьяны, нейроны и душа».

Между животным и человеком в интеллектуальной деятельности нет качественной разницы, но есть количественная. Как бы ни

возмущало это утверждение, сложившиеся веками стереотипы, ставящие нас на одну доску, это с уверенностью можно считать доказанным.

Количественно разница определяется кратковременной рабочей памятью (КРП), от объёма которой сильно зависят интеллектуальные способности.

КРП — та часть памяти, в которой хранится и обрабатывается информация, необходимая для работы в данный момент времени. Обращает внимание эпитет рабочая, ибо разнообразные сведения могут храниться где угодно. Объём КРП измеряется количеством идей, образов, концепций или, лучше сказать, мыслительных моделей, с которыми исполнительный орган работает одновременно, и эту важнейшую для интеллектуальной деятельности характеристику можно измерить и выразить в числах.

Так вот, показатель объёма КРП у животных составляет 1—2, у наиболее «гениальных» шимпанзе достигает 3. А у человека насчитывается целых 7. с существенной оговоркой: «...хотя некоторые исследователи склоняются к более осторожным оценкам и предпочитают говорить о величине 7±2».

Вот на этих ±2 хотелось бы остановиться.

Итак, от 5 до 9. Думается, что каждая единица в этом показателе целый порядок, если не несколько, интеллектуальных возможностей человека. Но вот вопрос — ёмкость КРП врождённое свойство или благоприобретённое? Рождается человек умным или становится? Развивается КРП в течение жизни или нет?

Скорее всего, интеллект человека определяют и генетика, и окружение, и условия существования, и множество других факторов, но обучение представляется решающим.

Шимпанзе весьма сознательно колют орехи. Ставят на естественную наковальню (скала, большой камень и т.п.) и бьют камнем. КРП = 2. А некоторые талантливые обезьяны ещё и сооружают наковальню из подручных небольших камней — КРП = 3. Причём действия не являются инстинктивными, но культурной традицией. Обезьяны обучаются примером и подражанием и овладевают процессом к трём-четырём годам. Наблюдения показывают — если до пяти лет шимпанзе не научается, то уже не научится никогда

и всю оставшуюся жизнь будет с завистью наблюдать за другими и даже махать кулаками, но камень взять так и не догадается — КРП = 1. То ли мозгов не хватило, то ли пролетел яркий попугай и отвлёк несчастную обезьянку в самый ответственный момент, но обучение не состоялось. Ничего человеческого не напоминает? Кто в школе теорему Пифагора так и не осилил, вряд ли её уже когда-нибудь поймёт, и геометрическая сторона мышления, восхитительные линейные и нелинейные фантазии, пройдут мимо него.

У человека детство значительно длиннее, можно даже полагать, что у хороших людей оно не заканчивается никогда, и какие-то коррективы в обучение могут и должны вноситься.

Биологи считают, что становление КРП заканчивается где-то к двенадцати годам. В это довольно трудно поверить — опыт показывает, что человек с годами и умнеет и тупеет. Последнее, к сожалению, чаще, но — главное — КРП меняется. Не закрываются же соответствующие синапсические щели?

Но даже если и согласиться с этим мнением, то двенадцать лет срок тоже немалый. Так как же и на чём следует обучать человека думать?

Вопрос сложный и многофакторный, но всё же представляется, что основной площадкой обучения и развития ума, особенно в детстве, является чтение художественных произведений — восприятие умной красоты. Чтение в широком смысле — как понимание литературы, живописи, музыки, овладение их художественными языками. И прежде всего — поэзии, ибо вначале всего было и остаётся Слово. При этом чтению человек учится — или должен учиться — всю жизнь. Стоит привести слова Гёте: «Эти наивные люди не знают, сколько требуется времени и усилий, чтобы научится читать. Мне понадобилось на это восемьдесят лет, а всё же я и сейчас не решусь сказать, что достиг цели». Трудно не согласиться с великим мыслителем и поэтом, а утверждать, что уже умеют читать, могут только люди с КРП не выше пяти. Или трёх.

«Искусство является великолепно организованным генератором языков». То есть над естественным языком текста возникает множество смыслов, образующихся взаимодействием частей и деталей. Вот это динамическое взаимодействие, зависящее не только от ав-

тора, но и от уровня читателя, или художественный язык, которому и надо учиться всю жизнь, доставляет не только эстетическое наслаждение, но обогащает и развивает. Только для этого надо читать, а не только интересоваться содержанием, или воспринимать сердцем, как считают ленящиеся взять соответствующие книги в руки. Без сердца в искусстве делать нечего, но без ума и знаний, знаете ли, тоже.

Основной особенностью художественного языка является сближение далёких понятий. «Мгновенное озарение», как считал Борис Пастернак. То есть для понимания, в работе над текстом, в КРП необходимо держать не только 7, но и куда больше мыслимых моделей. Тут и без долговременной рабочей памяти не обойтись.

Приведём пару не слишком сложных примеров.

Поэма Лермонтова «Мцыри». Считается, и совершенно справедливо, что если стихи можно пересказать прозой, то это не поэзия. Эпический характер поэмы, казалось бы, позволяет пересказ. Но никакого удовлетворения не доставляет. Что-то там, в стихах, очень важное остаётся непереводимым на язык прозы. Попробуем с помощью Бахтина, Тынянова, Лотмана хоть чуть-чуть проникнуть в тайны лермонтовского очарования.

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаяся шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И ныне видит пешеход...

В первых четырёх стихах соблюдается чёткий ритм, совпадающий с метром, с ударением на каждом слоге, кроме пиррихия во втором стихе. Не вдаваясь в подробности давно угасшей дискуссии о взаимоотношениях обозначаемого с обозначающим, скажем, что задача поэта убедить читателя в их полном единстве в данном тексте. И Лермонтов двумя ударениями в «сливаяся» достигает полного слияния (извините за тавтологию) слова с его смыслом.

В первых трёх стихах нет резких звуков, течение пока плавное.

Но вот они слились и врывается звук «эР» — рёв слияния слышится явственно.

Во всех приведенных стихах, кроме пятого, смысловое и синтаксическое членение строк совпадает. Но в стихе «Был монастырь. Из-за горы...» Лермонтов ломает единство, и нам неожиданно открывается вид, который и может быть только при подъёме на гору.

И это только в шести начальных строчках! А содержание? А увязка с пейзажами других частей поэмы? А со всем творчеством Лермонтова? А с характером Мцыри?

Сколько мыслимых моделей должно одновременно крутиться в КРП, взаимодействовать, «мгновенно озаряться», чтобы не только почувствовать, но и понять замысел автора! Какая школа!

Другой пример. Загадочная картина Веласкеса «Менины», споры о которой не утихают уже не одно столетие.

Сначала нас прельщает красота и оригинальность лиц, колорит картины, гармония частей.

Картина тянет и хочется разобраться, что же на ней изображено.

Куда смотрят персонажи? На зрителя? Но вот мы замечаем на стене небольшое зеркало, в котором невнятно отражаются король и королева, знакомые по картинам Веласкеса, висящими рядом на стенах Прадо. Значит на королевскую чету?

Но как на полотно попал сам художник, и что он, собственно, пишет? И пишет ли? Ведь зала темна, на потолке даже отсутствует люстра. И так ли уж нужна рыцарская символика на груди художника во время работы? Он что же, работает в парадном мундире? Правда, Фейхтвангер («Гойя или тяжкий путь познания») утверждает, что крест пририсовал Филипп IV спустя несколько лет... Тоже надо держать в КРП, взаимоотношения между королём и его придворным живописцем, видимо, были не простыми.

А почему по концам малой диагонали с невесёлым лицом художника перекликается понурая морда собаки?

А почему полотно названо «Менины»? Разве фрейлины главные действующие лица? Не на своё ли положение при дворе намекает Веласкес?

Может быть, картина не столько о семье и приближённых монарха, сколько о судьбе художника в современном ему мире?

Оставим читателю определять собственное мнение — пусть вглядывается. Или вчитывается. Важно, что нейроны пришли в возбуждение, аксоны задвигались, и многочисленные мыслительные модели начали взаимодействовать, сближая далёкие понятия. Не расширится ли при определённом напряжении мыслей и чувств объём КРП?

Можно привести куда более увлекательные и сложные примеры. Структура «Евгения Онегина». Совершеннейшая геометрия величайшей картины «Троица» Андрея Рублёва. Терцины и число три «Божественной комедии» Данте.

Кстати о числах. Математика всё больше и больше внедряется в понимание художественного произведения. С пределами и даже матрицами. С численным значением золотого сечения в лирике Пушкина. И современный образованный читатель, не вправе игнорировать математические модели пропорций, симметрии, гармоний, ритмов. Они уже тоже должны работать в КРП.

Сальвадор Дали в далёкой середине XX века, долго разгадывал волшебную силу необыкновенной, по его мнению, эстетической мощи «Кружевницы» Яна Вермеера, пока не разглядел в ней фрактальную розетку подсолнуха с центром на кончике иглы и формообразующий искусство — по Дали — рог носорога между витками спирали (см.: А. В. Волошинов «Математика и искусство»).

Придумало ли человечество за всю свою многотысячелетнюю историю лучший тренажёр (простите за вопиющий прозаизм) для ума и чувств? Особенно до двенадцати лет. Не компьютерные же игры, в которые никакой программист не решится вводить более двух-трёх, максимум пяти, моделей одновременно — потребитель не захочет, да и не сможет играть. Интересно, что в неволе обезьян не удаётся обучить колоть орехи. Зачем, если двуногие сами наколют и принесут на блюдечке. Не так ли и в неволе компьютеров? И неужели можно сопоставить эстетическое наслаждение от художественного произведения с удовольствием от «стрелялок»? Надо ли говорить о различии между наслаждением и удовольствием?

Эстетика, красота... Пока ещё вряд ли можно дать хоть

сколько-нибудь точную формулировку этим философским категориям, сталкиваясь с двойственной природой объективных и субъективных оценок. Как известно, на вкус и цвет... Но можно ли иметь тонкую, развитую чувственность не тренируя постоянно ум?

Однако, не слишком ли много внимания КРП? В конце концов, память не единственная, хотя и чрезвычайно важная, составляющая интеллекта. У природы есть масса дублирующих и компенсаторных механизмов. Есть движение, быстрота, глубина мысли, целеустремлённость, энергия... Да мало ли. И наверняка найдутся и другие способы обучения мыслить.

Хорошо, зайдём с другой стороны.

Советский Союз был, как известно, самой читающей страной мира. Слышу реплики — а что ещё было делать, если ничего другого не было? Границы закрыты, рестораны не по карману, казино где-то там, на диком Западе. Да и вообще ещё как-то обходились без компьютеров.

Так-то оно так, но вот что интересно — СССР был и самой изобретающей и рационализаторской страной. О достижениях науки нечего и говорить. Другое дело как использовались идеи и достижения, но речь не о достоинствах и недостатках рухнувших и действующих политических и экономических систем.

Не улавливаете связи?

А что, мы до открытия КРП не знали, что читающие умнее нечитающих? Даже если последние и обладают значительными объёмами нерабочей памяти. Как часто бесполезные знания, вернее сведения, не принимающие участия в работе, не только принимаются за образованность, но и за ум. Да, поразить цитатами из Плутарха или Пелевина можно, но прослушав очередное из бесчисленных ток-шоу, часто недоумеваешь — а о чём, собственно, был разговор? Нередко даже не определяется предмет. Обсуждают, например, реализм или классику, умело делая вид, будто знают что это такое.

Русский народ всегда отличался смекалкой. Ибо всегда был читающим, даже до всеобщей грамотности. Читал Великую Книгу Природы. Читал и сочинял сказки, былины, народные песни. Частушки, наконец. Выделывал топором чудеса резьбы и архитектуры. Не Арина ли Родионовна научила Пушкина читать! Не она ли

совместно с русской природой расширила КРП великого поэта до немыслимых пределов?

А не научившихся читать, как обезьянка колоть орехи, навсегда заклеймил Тютчев:

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнца, знать, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.
Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!
. . . . . .

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!

Точнее не скажешь — не умеешь видеть и слышать (читать) и не встревожится душа...

Не их вина... Простите Фёдор Иванович, но, может быть, всё-таки и их? Ведь вы же пытались расшевелить их задубевшие нейроны и какие-то зачатки сердца.

Читающие и нечитающие были, есть и будут, хотя в последнем начинают закрадываться сомнения. Меняется соотношение. И в настоящее время тяжёлый маятник, качнулся далеко за допустимые пределы. Можем констатировать почти поголовное нечтение. Особенно среди молодёжи. Особенно до двенадцати лет.

А как обстоят дела с наукой и изобретательством? Вряд ли статистики нас порадуют, и на глаз видно — от Советского Союза уже далеко. А что будет в ближайшем и отдалённом будущем?

Не слишком ли автор увлёкся? Чтение дело интимное — не проверишь, что-то же читают. И в коммерческой литературе что-то есть... И даже в шоу-бизнесе...

Но есть косвенные, весьма существенные показатели.

Например, речь.

Обратимся ещё раз к нашим ближайшим родственникам. Двух обезьян научили говорить с помощью знаков-слов. В основном они пользовались односложными высказываниями. Двусложными — в десять раз реже. Трёхсложными — в единичных случаях. Что поделаешь, объём КРП не выше 3. Ничего не напоминает? Преподаватели даже престижных вузов всё чаще жалуются на неумение студентов выразить самую простую мысль без помощи жестикуляции, мимики и ненормативной лексики. И пользуются весьма отрывистой речью. Наверное, всё-таки более многосложной, но не слишком.

Есть и обратная сторона — безудержная болтовня, пустословие. Но крайности, как известно, сходятся — всё то же неумение выразить мысль, бесконечные повторы, отчаянная жестикуляция, и всё та же лексика.

Кстати об этой пресловутой лексике. Почему нецензурщина расцвела ныне таким махровым цветом? Автор позволит себе сделать, может быть, слишком смелое предположение, но...

Мат, как и стихи, тоже инобытие языка. А свято место пусто не бывает. Не читаем стихи, потребность в выразительности замещается матом и искажением слов. Когда пришла к нам эта нынешняя оснащённость устной и письменной речи? Правильно, когда пришло нечтение. И прежде всего стихов. До этого Екатерина Великая, внедряя литературу, сумела очистить хотя бы письменный язык. И не надо говорить, что мат существовал всегда. Да, конечно, но в читательские времена употреблялся по назначению — как ругательства. И какие были мастера нашего многоэтажного! Просто поэты! Ныне же ненормативная лексика выродилась в сквернословие, «украшающая» как «поэзия» бесплодную речь. Вот вам ещё одно побочное действие нечтения.

Речь читающего человека отличают образность, метафоричность, сближение далёких понятий с мгновенными озарениями, лаконичность, да и просто красота. Правда, различить такую речь может только читающий...

Кстати, о болтливости. Говорят, у женщин центры речи и удовольствия располагаются совсем рядом. Кажется, в процессе феминисткой эволюции и у многих мужчин они здорово сблизились...

Ещё один деликатный аспект проблемы — любовь к Родине.

Любовь чувство интимное, не на показ, не на выспренние речи и клятвы. Но вряд ли генетики отыщут ген, отвечающий за патриотизм. Любовь к отечественным гробам не инстинкт, но воспитывается и развивается. И Культуре здесь — первостепенная роль. В самом деле, можно ли представить полноценную любовь к России без Ильи Муромца и Василисы Прекрасной? Без Пушкина, Есенина, Рубцова? Без дуба по дороге в Отрадное? Без круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями над Бежиным лугом? Без мещёрской стороны Константина Паустовского? Без осени в дубовых лесах Юрия Казакова? Без картин Саврасова и Сурикова? Без музыки Чайковского и Шостаковича?

Интеллигенция всегда недовольна существующим миропорядком, ибо далека действительность от золотого идеала. Но несогласие с идеологией, государственным устройством, правителями и прочим до сих пор не касалась самой России. Даже в письмах Чаадаева. Теперь же нередко, слава Богу, ещё не слишком часто, слышишь: «Я ненавижу эту страну! Как бы я хотела родиться где-нибудь в Голландии!» И то правильно — с томиком Гарри Поттера подмышкой. Что скажешь этим апатридам? Россия прекрасна? Читайте классику? Ничего вы им не скажете. Ибо, как писал Гоголь («В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность»): «...с умным человеком всё можно сделать и нетрудно обратить его к хорошему поведению, если сумеешь умно говорить с ним, но дурака трудно сделать умным, как ни говори с ним». Позволю себе развить мысль Великого Русского Писателя, подчеркнув различие и доведя, так сказать, до афористичности — умному можно объяснить, что он дурак, дураку — никогда.

Можно приводить ещё множество отличительных черт нечитающих. Юмор, например. Но стоит ли? Автор выбрал самые, на его взгляд, тревожные.

Обратимся, наконец, к заголовку статьи. Под национальной безопасностью обычно понимают целостность страны, способность противостоять военной угрозе, голод, болезням, нерождаемости и так далее. Всё правильно. Но вот в интеллектуальных способностях народа сомнений, особенно в парадных речах управителей, не

возникает. Великий Русский Народ воспринимается как данность, исторически присущая с пролонгацией на все грядущие века. Можно не заботиться о состоянии народного интеллекта и не поднимать тревогу. Слава Богу, проблем и так хватает.

Может быть, в тревоге автор и сгущает краски, но от сомнений избавиться не может. Не снижается ли наш объём КРП? Не тупеем ли?

Принято считать, что экономика впереди. Культура — потом. Откуда известный «остаточный принцип». Дескать, если есть нечего, то не до стихов. А не наоборот ли? Не сначала ли не читаем стихи, а потом и есть нечего?

Автор далёк от призыва забросить производство и заняться поэзией. Впитав диалектику со школьной парты, если не детского садика, воспринимает мир в его сложнейшем единстве и противоположности. Но горе, когда разрушается гармония частей!

Нет! Искусство не факультатив. Не музыка, которая «...после обеда усыпляет, а спать после обеда здорово: следовательно, я люблю музыку в медицинском отношении», как шокировал светскую даму Печорин. И если автор был достаточно убедителен — искусство, и прежде всего поэзия, суровая необходимость. Чтобы не докатиться до катастрофического снижения КРП русского народа забвением его Великой Культуры. Искусство требует не столько средств, хотя они, безусловно, нужны, сколько отношения к объединяющему началу, определяющего «мы» нашего народа, непохожего ни на какой другой.

Конечно, Россия никуда не денется, обширная территория не провалится в тартарары, люди будут жить и даже, может быть, более интенсивно размножаться. Но это будет уже не тот народ.

Варвары, разрушив Римскую империю, не умея читать, уничтожили античное искусство. И на тысячу лет ввергли Европу в «тесные века». Не повторить бы... Может быть, с помощью Пушкина, Толстого и остатков КРП спохватиться и не допустить?

Иосиф Рухович,
пос. Томилино Московской области,
академик Академии российской литературы

В заключение от редакции. Полагаем, что представленные материалы позволяют сказать: дискуссия состоялась на достаточно широком представительском уровне. Но что нас особенно порадовало и ободрило, так это совершенно иное, намного более высокое качество — по сравнению с предыдущими дискуссиями — полученных нами материалов. Если в 2011—2012 гг. преобладали «телеграфные» сообщения: одобряем-с, мол, то сейчас мы имеем дело исключительно с обстоятельными очерками, концептуальными, завершенными, информационно содержательными, написанными высоким художественно-публицистическим слогом. Штилем, как говорили в XIX веке, когда создавался сам феномен русской литературы.

Другой существенный момент: среди авторов публикуемых выше материалов достаточно хорошо представлены лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Значит, редколлегия и редакция «Приокских зорь» не ошиблись в выборе лауреатов, ибо присуждение премии ориентируется не только на (высокое) качество публикаций в журнале или в серии «Приложение к журналу «Приокские зори», но и на активное участие претендентов на звание лауреата в современном литературном процессе. Формой такового мы, прежде всего, полагаем участие в объявляемых «ПЗ» ежегодных дискуссиях.

...И в этом же аспекте — наши «стандартные» упреки и пожелания. Как всегда и уже традиционно — за единичными исключе-

ниями — промолчали Тула (истинно: сапожник без сапог), где издается журнал, и все огромное пространство «от Волги до Амура», хотя в журнале имеется постоянная рубрика с таким же названием. Повторим слова нашего классика: «Во глубине сибирских руд храните...» — например, гордое молчание. Не радует нас и Литературный институт им. А. М. Горького, хотя в «ПЗ» также имеется рублика «Тверской бульвар — 25 в «Приокских зорях». Увы.

Обращаемся к главе тульских писателей, заместителю главного редактора «ПЗ» Виктору Федоровичу Пахомову, зав. отделом литературы Сибири Сергею Прохорову и зав. отделом литературы Поволжья Сергею Лебедеву с настоятельной просьбой «расшевелить» своих подопечных литераторов к началу следующей дискуссии. А всем принявшим участие в настоящей дискуссии — большое спасибо!

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «НЕ ХВАТИТ ЛИ СБРАСЫВАТЬ ПУШКИНА С КОРАБЛЯ ИСТОРИИ»? (ЧТО НАМ СЛЕДУЕТ ВЗЯТЬ ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА)»

Наша историческая действительность в течение ближайших ста двадцати лет складывается таким образом, что мы с большим увлечением избавляемся от своего прошлого, в том числе недавнего. В Библии сказано: «Время разбрасывать камни...», и, хотя потери ощущаются уже не только душой, но и каждой клеточкой усталой плоти, никак не унимаемся. Не задумываясь, сносим исторические здания, на их месте возводим серый безликий бетон и радуемся — до тех пор, пока не ощущаем внезапно, какой холодной и промозглой становится наша жизнь. Вы не чувствуете порывов затхлого ветра из Средневековья? Лично я замечаю их все чаще. В странах Востока заметно усилились гонения на науку и достижения цивилизации, возросла дискриминация женщин, кое-где запрещено телевидение, музыка и даже шахматы. Задумалась,— чем же старинная индийская игра не ко двору пришлась? Размышления оказались недолгими,— развивает логику. Понятно,— там, где стремятся замутить чистые воды естественного развития человечества, способность здраво мыслить и рассуждать становится вредной крамолой.

У Запада свои крайности. Разрешено вроде бы все, но навязчивое выпячивание и реклама телесных радостей явно и демонстративно затмевает ценности культуры и духа, тем более что для восприятия последних требуется недюжинный подготовительный труд, а первые заложены в инстинктах и легкодоступны на самых разных уровнях материального благополучия. В мегаполисах типа Сан-Пауло вообще на досуге нечего делать, кроме как перебираться из бара в ресторан, а оттуда в ночной клуб,— и обратно.

И тот, и другой варианты представляют собой способы искусственной деградации интеллекта, торможения гуманитарной прогрессивной сферы. Оба бесчеловечны и в своем роде крайне жестоки. Зато, очевидно, кажутся очень удобными определенному кругу лиц, которые, к слову сказать, обладают прочным и узкоэгоистичным

софистическим мышлением, подобно малому ребенку, желающему завтракать, обедать и ужинать исключительно тортом и конфетами и не желающему есть суп. Не скоро, судя по всему, эти люди интеллектуально дотянут, в вопросе даже собственной настоящей пользы, хотя бы до младшего подросткового возраста лет двенадцати, не говоря уже о подлинной взрослости,— а, возможно, и никогда. Правда, в последнем случае, как говорил Буратино из известной сказки Алексея Толстого, я за продолжительность жизни разумного человечества «не дам и дохлой сухой мухи».

Впрочем, обратимся к России, к ее новейшей истории. В первом номере «Приокских зорь» за 2013 год Алексей Яшин каверзно «запустил» новую дискуссию о степени нужности для нас литературы советского периода. Вопрос этот, как нарыв, созревал уже давно, и теперь на его месте наблюдается отвратительный гнойный свищ, лечение которого может потребовать времени жизни не одного поколения.

В наш век Интернет до такой степени упрочил позиции, что на его просторах люди не только предаются роскоши обыденного общения, но и советуются друг с другом по различным житейским вопросам, в том числе о проблемах воспитания и приобщения своих чад к чтению. Недавно одна из мам в контакте спрашивала совета о том, какие русские и советские книги предложить ее тринадцатилетнему сыну. Тот ничего не желал читать до тех пор, пока неожиданно, по совету одноклассника (вкусы родителей не котируются) не ознакомился с романом Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (не приучены мы ценить свое, так и тянет на иностранщину). В ответ маме посыпались предложения дать мальчику «Доктора Живаго», «Собачье сердце», стихи Бродского, «Архипелаг Гулаг» и, слава Богу, «Тихий Дон». «Ни в коем случае» не позволять ему читать «Мальчиша-Кибальчиша», «Судьбу барабанщика» и вообще Аркадия Гайдара (?!), «Поднятую целину» и другие шолоховские произведения о Великой Отечественной войне! Особо агрессивные граждане, войдя в раж, требовали полного уничтожения данных ПРОПАГАНДИСТСКИХ книг.

То ли, перефразируя Ленина, народ нынче «страшно далек» от понимания собственной литературы и восприятия языка, то ли еще

имеются некие теневые причины, но у таких советчиков даже не возникает и мысли, насколько уникальна по слогу, ритмике и стилю гайдаровская революционная сказка — настоящее чудо, подлинное сокровище, вне зависимости от идеологической направленности. Кроме того, воспитание патриотизма и веры в человеческое достоинство отнюдь, на мой взгляд, не вредит воспитанию молодежи, особенно в противоречивые и смутные времена. Аркадий Гайдар — несомненно, великий советский писатель. Только одно его произведение вызывает у меня желание промолчать — внук, о котором — или ничего (исключительно из уважения к деду), или много чего, но с большим количеством нецензурных выражений — тот редкий, при моем трепетном отношении к родной речи, случай, когда они допустимы и даже желательны.

Давно хотела сказать несколько слов и о романе «Собачье сердце». Возможным рассерженным оппонентам сообщаю, что Булгакова люблю и ценю, но это не основание, по моему мнению, чтобы во всем безоговорочно соглашаться с любой фразой из его творческого арсенала. Прошу прощения,— имею привычку анализировать читаемое и просмотренное.

Напомню часть исторически своеобразного диалога из упомянутого произведения.

«...— Вам известно, что... моя квартира освобождена от каких бы то ни было уплотнений и переселений?

— Известно,— ответил Швондер,— но общее собрание, рассмотрев Ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и целом Вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живете в семи комнатах...»

Булгаковский Швондер — персонаж одиозный, смешной и словно бы презренный. То, что он говорит, автор заведомо выставляет анекдотом и глупостью. Но в наше время, как и в описываемое Михаилом Афанасьевичем, никто не застрахован от возможности оказаться за бортом и без жилья, в том числе и вы, если обитаете в России. О других странах говорить не могу, так как не имею точных сведений, но, по слухам и теленовостям, и там не лучше, а то и хуже. У нас множество людей, нежданно для них и негаданно, оказывается проданным вместе с домом частному вла-

дельцу, который назначает невозможные квартплаты в шестьдесят и более тысяч рублей в месяц за какие-нибудь однокомнатные 30 кв. метров, где живут пенсионеры или те, кто зарабатывает за указанный промежуток времени вдвое-втрое меньше. Суды разводят руками — дескать, у нас частная собственность.

Во времена Швондера — Преображенского стремились утвердить социальную справедливость, уничтожить нищету и дать всем крышу над головой — возможно, не всегда просторную и в высшей степени удобную. Неужели подлинная забота о людях настолько смешна? Тогда предлагаю осмеять и размещение эвакуированных в жилищах тыловых городов и деревень страны — пусть бы дохли в оккупации и под бомбами в прифронтовой зоне. Революционная ситуация не менее критична, чем война, значит, несмотря ни на что, явно одобряемый Булгаковым профессор Преображенский неправ.

«Почему,— возмущается образованный и высококультурный герой,— пролетарий не может оставить свои калоши внизу, а пачкает мрамор?»

Нелепый и, да простит меня общественность, не слишком умный вопрос для такого человека. Кто научил пролетария, кто его правильно и достойно воспитал, чтобы тот имел подобную привычку? Никто. Напротив, до обруганной и оплеванной революции 1917 года законы усердно препятствовали попыткам отдельно взятых самородков из рабочих или крестьян получить даже общее гимназическое образование. Я могу понять брезгливость и нелюбовь профессора Преображенского к пролетариату, но не то, что он всерьез может об этом спрашивать.

«...Я займусь исследованием мозга и докажу, что вся эта социальная кутерьма — просто-напросто больной бред...»

Конечно, если профессор лично в тепле и при академическом звании, один за счет МНОГИХ других людей, чей удел вычищать Авгиевы конюшни ради удобства НЕСКОЛЬКИХ, то любой протест или недовольство снизу, из помойки — возмутительное безумие, так как нарушает приятный уклад жизни наверху. И наглый беспардонный Полиграф Полиграфыч Шариков оказывается неисправим в силу именно социальных причин, а доктор Преоб-

раженский глубоко аморален в своих философских воззрениях на народ, хотя не притязает на тело Зины и не душит котов. Конечно, это не отменяет яркой, хотя порой софистической меткости булгаковских характеристик, необычайного своеобразия и остроты прозы Михаила Афанасьевича, художественной ценности его произведений.

Скажу несколько слов о творчестве Горького, Шолохова и Алексея Толстого. Учитывая величайший подвиг советского народа в Великой Отечественной войне и затем в скорейшем восстановлении разрушенного хозяйства огромной страны, стыдно, по-моему, в нынешние времена продолжать утверждать социальное неравенство человеческой общности, поскольку сама история доказала, что подобное разделение и безнравственно, и неверно. Пропаганда, говорите вы? Не буду спорить. Однако пропаганда такого рода ведет к воспитанию лучших и прекраснейших человеческих чувств, которые стимулируют созидание и взаимное уважение членов социума, а не примитивный животно-агрессивный эгоизм, отупляющий и разрушающий личность.

Взять один только рассказ А. Толстого «Русский характер»: героине даже не приходит в голову отвергнуть любимого человека из-за того, что его лицо, красивое до войны, обезображено в бою снарядом. Никогда не забуду острейшие эмоции, испытанные мной в школьном возрасте при прочтении. «Егор, я с Вами собралась жить навек...»

Какую горькую иронию ассоциативно вызвали во мне спустя много лет строки из турецкого (в целом неплохого) романа «Королек — птичка певчая» о том, что в такой ситуации молодому мужчине одна дорога — погибнуть в бою или отправиться на корм рыбам — ни одна, дескать, девушка его не полюбит. И в том, и в другом произведении пропаганда, разве нет? А результат прямо противоположный, соответственно смыслу. Выбор за вами.

Горький — еще один гигант нашей литературы и, хотя многие, свои и чужие, пробовали «бросить в него камень», убеждена — для тех, кто способен воспринимать русскую письменную литературную речь, он никогда не утратит своего значения.

Не то, чтобы я не видела недостатков эпохи социализма — то

есть того варианта его построения, который нам довелось наблюдать, но возмущает прежде всего омерзительная неразборчивость — не критики — примитивного огульного оплевывания любых отличительных черт данного исторического периода, вплоть до высочайших и уникальнейших достижений, до сих пор являющихся поддерживающим фундаментом нынешней российской действительности.

Настойчивые попытки подрыть и обрушить скалу по имени Михаил Шолохов тоже не дали — и не могли дать! — никакого весомого эффекта. Считаю, что в «Поднятой целине» не меньше, чем в «Тихом Доне», мастерство писателя очень точно отразило всю сложность изменений в психологии людей, живших в разгар событий начала XX века, и сравнивать, противопоставлять эти произведения — искусственная натяжка.

Теперь, когда я внесла и собственный вклад в обсуждение темы дискуссии, пора перейти рассмотрению присланных в редакцию материалов.

К сожалению, вынуждена согласиться с безрадостным для российского читающего и пишущего содружества выводом Сергея Прохорова, главного редактора журнала «Истоки», издаваемого в Красноярском крае: «нынешние руководители просто-напросто литературой не интересуются». С иной точки зрения невозможно объяснить бесконечные и безобразные эксперименты, проводимые над нею и русским языком, откровенно глумливые: сначала дичайшие для слуха нормального человека публичные предложения упразднить правила орфографии и рассуждения на эту тему, затем беспрестанные урезания часов изучения данных дисциплин в школах и прочих учебных заведениях, наконец, на фоне самого настоящего кривлянья по поводу объявления «года русского языка» назначается комиссия во главе с Ольгой Голодец, которая у нас, очевидно, «и швец, и жнец, и в дуду игрец», универсальная женщина, кандидат экономических наук. То ей поручают медицину и фармацевтику, то Пенсионный фонд, то цветные металлы и драгоценности, а нынче и восстановление статуса русского языка и литературы. Правда, всегда почему-то ненадолго. Похоже, главная суть этих назначений состоит отнюдь не в достижении публично объявленной цели, особенно — если первое, что предложено сде-

лать в указанном направлении — слить две дисциплины, литературу и русский язык, в одну. Поистине — гигантский шаг в сторону полного уничтожения российской культуры.

Знаете ли, я всерьез начинаю опасаться того, что подлинные ревнители и сберегатели наших с вами истинных ценностей — эмигранты, живущие за пределами страны. Игорь Карлов из Мозамбика больше тревожится о судьбах советских классиков, нежели те, кому это надлежит делать по определению.

«Если трезво взглянуть в лицо суровой действительности,— пишет он,— то отчетливо понимаешь, насколько обоснованны тревоги людей, болеющих душой за русскую культуру, за будущее нашего народа, принудительно лишаемого этой культуры. Но при всем цинизме современных рыночных варваров вряд ли оказалось бы возможным единым махом смести в мусорное ведро отечественную литературу. Потребовался переходный этап. Потребовалось продемонстрировать нечто, не имеющее ни художественной, ни интеллектуальной ценности, нечто такое, что и выбросить было бы не жалко. В качестве такого суррогата литературы было выбрано одно из течений в беллетристике: постмодернизм...»

Мы нынче потрясающе организовали свою жизнь, граждане! У нас везде суррогаты: в материнстве, в еде, в любви, в счастье и в семье, в труде, а в довершение всего — еще и в культуре. Невозможно понять всю глубину недальновидности и алогичности мышления тех, кто сегодня стоит у руля. Неужели им неясно, что праздник жизни на помойке кончается быстро и безрадостно? Детская надежда, загадив все здесь, уехать на Канары с украденными банковскими билетами — мыльный пузырь, не более. Протрите глаза, повертите головой хорошенько — любому здравомыслящему человеку уже понятно, что с тех пор, как разрушили российскую культуру, весь мир стал быстро погрязать в невежестве и бездуховности, стремительно разворачиваясь к Средневековью.

«Забвение человеческого образа, помрачение ума, добровольное сладострастное самоуничижение, постоянное расчесывание своих болячек, потрава всего, о чем можно было бы сказать звенящим нравственной высотой русским языком — это и есть постмодернизм».

Горький сказал: «Человек — это звучит гордо!» Плюнем в Горького презрительно-глупым словечком «совок» — и готово: замороченные люди, к сожалению, даже не только молодежь, обсмеют цитату. «Над чем смеетесь», несчастные? «Над собой смеетесь!» И побредет по мощеной или асфальтовой дороге очередной убогий постмодернист Иван Бадхи с раздолбанной гитаркой, вообразив себя поэтом:

«Закрывшись на щеколду утром,
Он наслаждается собой.
Духовную или другую пищу
Он исторгает из себя,
Одну в трубу, другую в книгу...»

А. Н. Толстой мечтал: «Наши дети будут ходить... с гордо поднятой головой». Эх, Алексей Николаевич, не получилось. В XXI веке они на родном языке не могут связать и 2—3 слов без запинки, если это не мат, а их кредо: «Мне что, больше всех надо?» Стремления не идут дальше материального благополучия и потребительства. Нечем гордиться, стыдно и больно. Дипломированные журналисты, редакторы пишут и говорят с телеэкранов с позорнейшими ошибками в языке. После стольких полетов в космос, постоянно озвучиваемых в СМИ, после эпохи Королева и Гагарина, наши девушки и парни неуверенно отвечают на соответствующий вопрос, что, наверно, все-таки Солнце вращается вокруг Земли. Если бы я оказалась в числе руководителей страны, то сгорела бы со стыда перед всем миром, когда бы у меня хоть один человек сказал с экрана телевизора что-нибудь подобное.

А наши правители — ничего, слышат и не краснеют.

«...К сожалению, пока наши дети учатся жизни на... непонятных переводах книг о Гарри Поттере и на другой мистической литературе о вампирах и вурдалаках. В основном зарубежных писателей...» — с горечью констатирует Сергей Лебедев из Тольятти.

Хочу добавить — хоть переводы делались бы на высокохудожественном уровне! Да вот беда — все наспех, не на русском, а на коекаковском языке...

«Всегда любил и люблю русскую литературу,— пишет московский профессор Рудольф Артамонов.— Мой бог в литературе Чехов. Совершенно «безыдейный» писатель».

Так ли это? Убеждена,— среди классиков нет безыдейных. Перечтем «Ваньку» или «Спать хочется», «Горе» или «Кошмар». Где же тут безыдейность? Вполне определенный протест по поводу социальной несправедливости. А в рассказе «Невеста» явственно проступает идея посвятить свою жизнь борьбе с этой самой социальной несправедливостью.

«Писатель, мое глубокое убеждение, должен быть безыдейным». Думаю, автор этих строк, несмотря на профессорское звание, очень однозначно понимает смысл слова «идея».

По-видимому, он связывает его с принадлежностью к какому-либо политическому течению или к партии. Но,— и это не моя мысль, хотя я с ней полностью согласна,— существуют идеи добра, прогресса цивилизации, идея любви к Родине, миротворчество, наконец, идея сохранения и развития русского языка и родной литературы, развиваемая и в статье А. Яшина «Не хватит ли сбрасывать Пушкина с корабля истории»? (Что нам следует взять из русской литературы советского периода)» Следовательно, Чехов, как ни крути, очень идейный писатель — именно поэтому он и остается в памяти мыслящего читателя. При всем том его никак не назовешь советским, хотя бы по времени жизни.

Рудольф Артамонов сам противоречит своему утверждению «безыдейности» великих писателей. «Любая высокохудожественная литература — интернациональна»,— пишет он. Разве это — не идея? Еще какая! — и очень близкая к коммунистическому направлению, против которого автор осторожно, в основном между строк, протестует. И, по-моему, напрасно. В том времени немало хорошего. Во всяком случае, побольше, чем в нашем.

О Маяковском — я люблю читать его партийные стихи, вполне понимаю чувство гордости за «серпастый, молоткастый». Моя дочь, 25 лет, восхищается этим стихотворением и знает его наизусть. Ей понятны гражданские эмоции поэта. ВСЕ величайшие достижения страны, хочет это признавать кто-то или нет, остались в советском прошлом. Чем вы, уважаемый профессор, предлагаете

гордиться сейчас? Ироническими детективами Донцовой? Утопленной в океане станцией «Мир»? Внедрением ЕГЭ? Или, быть может, грядущим в скором времени окончательным уничтожением бесплатной медицины?

Солженицына не люблю. Фамилию считаю говорящей саму за себя. Его «нобелевское лауреатство» — просто хорошо оплаченное своевременное предательство. В данном конкретном случае. В отличие от Бунина, который просто не принял революции, но остался великим русским писателем.

«Наш главный редактор «Приокских зорь» прав, когда пишет, что литература 90-х и нулевых находится в глубоком моральном кризисе»,— это единственное замечание, где я полностью согласна с Р. Артамоновым и, конечно, с А. Яшиным. Однако добавлю, что кризис не только в низком качестве книг, изобильно продаваемых книжными магазинами, но и в искусственно возводимых препятствиях на пути к читателю для талантливых авторов, действительно владеющих русским языком.

С большим интересом ознакомилась с мнением Владимира Трусова из г. Мончегорска Мурманской области. Не могу возразить против его выводов о том, что «...безоглядная хула, равно как и хвала, бесперспективны, ибо не дают возможности объективной оценки любого явления». А советская литература — мощнейшее явление в судьбе нашей страны, думаю, с этим никто не решится спорить. «...Нам нельзя быть столь беспечными и расточительными по отношению к русской советской литературе. О ней можно и нужно спорить, ее необходимо изучать и просто читать, ... уважать и ценить. Иначе мы вновь наступим на канонические «грабли», отказавшись от значительной части своего же культурного наследия... Разрушение никогда и никому не приносило пользы...» Здесь, пожалуй, поспорю — разрушение чужой культуры и чужого наследия может принести временную пользу не слишком умному и недальновидному врагу, не понимающему, что творение любой культуры суть наследие всего мира. Фашисты в Карелии так варварски вырубали ценную карельскую березу, вывозили ее в Германию на мебельные фабрики, что советским биологам пришлось восстанавливать полностью погубленный вид дерева клонированием.

Завоевателям и в голову не пришло поберечь ее хотя бы для собственных потомков,— если исходить из предположения, что карельские земли остались бы под властью немцев.

Конечно, когда не завоеватель, а сам народ рубит под корень свое же собственное достояние, то это преступление особого рода, что мы наблюдаем сейчас, так сказать, в текущий исторический период. В виде стремления уничтожить родной язык, сведя его к ничтожному минимуму, по возможности подменяя американизмами типа о`кей или уродующими слова вкраплениями латинских букв между русскими (магazин и прочее). В виде нападок на советскую литературу, подарившую нам богатейший спектр речевой палитры, а также обладающую мощнейшим положительным воспитательным эффектом. Именно последнее качество и вызывает у определенной прослойки социума столь большое желание ее уничтожить.

Ольга Пономарева-Шаховская кратко прошлась по историческим этапам развития российской литературы. «Золотому веку» наследовал «серебряный», а затем пришел черед литературы советского периода. Все это были времена качества, а не количества, и никак не погони за прибылями. «Детальную проработку темы может себе позволить человек не только талантливый, но и умеющий работать над словом, понимающий необходимость этой работы, отдающий себе отчет в том, что он делает и с какой целью.... Такой писатель может перевернуть всю рукопись многократно в желании вставить одно-единственное слово в нужное место для того, чтобы мысль заблестела и стала понятной каждому»,— справедливо пишет она.

Нельзя не согласиться с Ольгой в вопросе уважительного отношения автора к своему труду. Сейчас, взяв в руки известный толстый литературный журнал, нередко можно встретить стихи, не содержащие знаков препинания, не разделенные даже на отдельные предложения. При ближайшем рассмотрении обычно оказывается, что таким образом малограмотный автор обезопасил себя от неизбежных ошибок в пунктуации, громко заявив о своем якобы новаторстве в области стихосложения. «Казнить нельзя помиловать» — и вся недолга. Даже новая «философия» на этой почве, как плесень, завелась — называется «сотворчество поэта и читате-

ля». Дескать, каждый, прочтя, расставит запятые и точки по своему усмотрению (и степени грамотности, наверное). Так собственное невежество выворачивается наизнанку — вдруг сойдет? К сожалению, это безобразие поощряется редакторами. Наводит на мысль — может, они тоже... малограмотны? Или просто сознательные вредители? Но тогда и Сталин не был так уж неправ.

С автором следующих материалов, Иосифом Руховичем, я всласть поспорю — на правах давнего товарища. Впрочем, под заголовком его статьи «Нечтение — угроза национальной безопасности» готова подписаться обеими руками, хоть и не являюсь амбидекстером. В самом деле — буквально культивируемая ныне массовая безграмотность, невзирая на демонстрационную суету и звучные образовательные лозунги, приводит не только к усыханию и гнилостному речевому и моральному разложению, но и стремительному оглуплению людей. Подобная общность не способна на сознательный патриотизм и солидарность, на трудовые свершения, она может проявлять только темные инстинкты толпы. Ею легко управлять в самых грязных и агрессивных целях. Мне, правда, трудно понять, каким образом это может в чьих-либо глазах перевесить пользу и удобство существования разумной личности в просвещенном и творчески организованном социуме. «Привычно считать,— рассуждает И. Рухович,— что искусство — факультатив, непосредственно в производстве материальных благ не участвующее. А, стало быть, хочу — читаю, хочу — нет... И в самом деле для того, чтобы читать, нужно изучить художественный язык... затратить немало времени и сил. Довольно сильно умственно напрячься. Стоит ли? Пользы вроде бы никакой и денег явно не принесет...»

Ответить на такой стереотип мышления можно только одним: глубина мысли оформляется в слове, слово укрепляется только чтением, без чтения нет сознательного творчества, а без творчества не прогресса. Во всем вышесказанном я с И. Руховичем согласна вполне. Но следующие строки явно спорны. «Считается, и совершенно справедливо, что если стихи можно пересказать прозой, то это не поэзия».

Не все стихи легко пересказать прозой, но очень многие. «Ев-

гения Онегина», к примеру, запросто. Лично я читала очень поэтичное переложение в прозе «Слова о полку Игореве». Сказки Пушкина. При некотором умственном усилии и поэму «Мцыри», которую Рухович приводит в пример. Утверждение это не только не справедливо, но и такая же стандартная редакторская отговорка, как, например, «неформат». Никто, даже сам редактор не знает, что под этим подразумевается, зато звучит умно и категорично, бедному начинающему поэту как будто нечего и возразить.

Еще об одном речевом аспекте. Нецензурщина затопила наши улицы, дома и даже кино, театр, литературу, подобно содержимому лопнувшей канализационной трубы. Процитирую понравившиеся мне выводы И. Руховича по этому вопросу: «Мат, как и стихи, тоже инобытие языка. А свято место пусто не бывает. Не читаем стихи, потребность в выразительности замещается матом и искажением слов. Когда пришла к нам эта нынешняя оснащенность устной и письменной речи? Правильно, когда пришло нечтение. И прежде всего стихов. До этого Екатерина Великая, внедряя литературу, сумела очистить хотя бы письменный язык. И не надо говорить, что мат существовал всегда. Да, конечно, но в читательские времена употреблялся по назначению — как ругательства... Ныне же ненормативная лексика выродилась в сквернословие...»

К сказанному хочу добавить мое собственное маленькое исследование. Как-то раз мне в руки попал томик, содержащий стихи классиков с использованием ненормативной лексики, причем выбранные образцы буквально изобиловали этой самой лексикой. Сначала, открывая книгу, я подумала: «Неужели они смогли даже из такого мусора создать шедевры?» Могу сообщить сразу — чуда не получилось. Вирши, прочитанные мной, не несли ни малейших признаков не то, что гения,— самой простенькой незаурядности не проглянуло ни в одной из этих рифмованных строчек. Слезливые гитарные песенки зэков, сочиненные на нарах без применения мата, показались подлинной поэзией по сравнению с содержимым этого сборника.

Даже великие люди несвободны от пороков и недостатков, можно простить им грехи ради того прекрасного, что они создали в периоды настоящего вдохновения, но стоит ли хранить и распро-

странять грязь, которую им случилось выплеснуть не в лучшие моменты их жизни?

Однако вернемся к литературе советского периода. Мы уже выяснили ее несомненную ценность и необходимость не только в развитии российской культуры, но и в судьбе нашего народа. Вспоминали титанов — Шолохова, Горького, А. Н. Толстого. Я хочу дополнить список еще двумя именами, которые неотъемлемы от эпохи социализма.

Александр Грин, романтик, певец моря и любви, полностью лишенной эгоизма. «Этот совершенно чистый, как алая утренняя струя, полный благородного веселья и царственности цвет являлся именно тем гордым цветом, какой разыскивал Грэй. В нем не было смешанных оттенков огня, лепестков мака, игры фиолетовых или лиловых намеков; не было также ни синевы, ни тени — ничего, что вызывает сомнение. Он рдел, как улыбка, прелестью духовного отражения»...

Константин Паустовский, волшебник слова. «Каких цветов только тут не было!.. Поздняя иранская сирень. Там в каждой чашечке скрывалась маленькая, как песчинка, капля холодной влаги... Густая акация с отливающими серебром лепестками. Нежная синяя вероника, бегония и множество разноцветных анемон... Взволнованная Маргарита, еще ничего не понимая, быстро оделась. Она надела свое самое лучшее... платье... Потом она засмеялась, потом слезы появились у нее на глазах... Она догадывалась, что этот праздник устроен для нее...»

Печальная и горькая любовь Пиросмани. А «Кота Ворюгу» читала неоднократно, и ни разу глаза не оставались сухими.

Чудеса, сделанные своими руками...

Тот, кто рискнет сказать, что это безыдейные писатели или — что они не нужны современной России, пусть первый бросит в меня камень.

Наталья Квасникова (Москва)

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В ОЦИФРОВАННОМ ЧЕЛОВЕЙНИКЕ

От редакции: *Тема очередной, уже ставшей традиционной для нашего журнала, всероссийской и международной дискуссии, вынесенная выше в заголовок, была объявлена «Колонкой главного редактора» в № 4, 2013 «Приокских зорь». Кроме того, этот текст еще до выхода в печати № 4, 2013 был разослан всем постоянным авторам журнала циркулярным письмом.*

Редакция «Приокских зорь» рекомендует читателям перед ознакомлением с материалами настоящей дискуссии «полистать» ранее разосланную нашим постоянным авторам в электронном варианте книгу: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление.— Москва-Тверь-Тула: ООО «Изд-во «Триада», 2014.— 513с. (Книга вышла и в «бумажном» виде, но современная система распространения изданий...)

Итоги дискуссии, также традиционно, будут опубликованы в «ПЗ» № 1/2015 в статье зам. главного редактора Натальи Квасниковой.

В следующем году мы планируем провести всероссийскую и международную дискуссию по теме «Колонки главного редактора» в настоящем номере журнала; название дискуссии: «Лермонтов и истоки русского критического реализма: К 200-летию великого поэта». Как видите, тема дискуссии намного шире содержания названной «Колонки...». О начале дискуссии будет дополнительно объявлено в циркулярном письме, но уже сейчас редакция готова начать прием материалов.

О ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Откликаясь на призыв приобщиться к дискуссии известного ученого и писателя, главного редактора «Приокских зорь» Алексея Афанасьевича Яшина, на тему о «герое нашего времени», да еще в «оцифрованном человейнике».

Прежде чем писать о «герое нашего времени», наверное, надо осмыслить понятие «герой» и «наше время».

«Герой» — это человек, жертвующий собой ради продолжения жизни своего народа, жертвующий своей жизнью ради продолжения жизни другого. Герой — это человек подвига. «Подвиг» — очень русское слово. Совершить «подвиг» — «подвигнуть» себя на свершение какого-то дела, кажущегося невыполнимым в глазах других. Подвиги бывают воинские, но и бывают духовные. Поэтому и герои могут быть как героями мирного времени, героями труда, героями духа, так и героями, проявившими себя на войне. Не случайно в СССР были такие высшие государственные почести и награды соответственно, как «Герой Советского Союза» и «Герой Социалистического Труда», которые имели свои знаки отличия — «Звезду героя» (у Героя Социалистического Труда» был еще символ «Серпа и Молота») и «орден Ленина», который сопровождал награждение «Звездой героя».

Конечно, лермонтовский «Герой нашего времени» — это, во-первых, типичный литературный персонаж, не лишенный своих недостатков, в котором отразились какие-то критические «узлы» в логике развития того исторического времени, в котором живет такой герой, но и который обладает значительным числом положительных качеств, которые и позволяют его назвать «героем». Такими «героями нашего времени» были Чацкий в «Горе от ума» Грибоедова, Евгений Онегин в известном романе Пушкина, Печорин в «Герое нашего времени» Лермонтова.

Понятие «литературный герой» расширило понятие героя, появились и отрицательные герои; иными словами, «герой» в художественном произведении (или «герои»), то ли в романе, то ли в повести или поэме, это действующее лицо (действующие лица), судьба которого (судьба которых) связывает художественное произведение

в единое целое и определяет смысл, художественную идею, которые автор — писатель, поэт — хочет донести до читателя.

Поэтому когда А. А. Яшин ставит вопрос о «герое нашего времени», то в этом вопросе, как он его раскрыл, уже представлены два слоя бытия современности, к которым он сознательно или несознательно апеллирует: первый слой — социальный, в котором живут человек и общество, и развитие которого, с учетом его противоречий, несправедливостей, трагедий, ставит вопрос перед человеком в духе вопроса Гамлета «Быть или не быть?», а второй слой — литературно-художественный, отражающий так или иначе первый слой, но по-своему, причем или удачно, или неудачно, в зависимости от проницательности писателя, его художественного таланта, его образованности, философичности, даже научной ангажированности, с одной стороны, и его опыта, погруженности в саму «толщь» этого социального бытия, в саму практику жизни, человеческих трагедий и человеческих подвигов, с другой стороны.

В дальнейшем, чтобы быть правильно понятым я буду использовать слово «герой» в положительном смысле, в смысле человека, способного совершить подвиг ради жизни других, любви, при защите Отечества, в труде, в создании, в воспитании детей и т.д., и т.п., и главное — в смысле человека, готового к самопожертвованию, и «антигерой» — как нечто противоположное, как человек, который любит только «себя любимого», эгоист, как человек алчный, готовый предать любого, переступить ради наживы любой нравственный барьер, предать товарища, родину, семью, супружницу и т.п.

Теперь о «нашем времени», т.е. об исторической эпохе, которую переживает человечество, и, конечно., об «историческом времени», в котором живут Россия, русский народ и другие народы России, в котором совершается плохо или хорошо творчество, созидание, в котором живут русская литература и поэзия, русский язык, русская живопись и русская музыка. Дает ли «наше время» оптимизм человеку, дает ли основания для его прогресса, для возвышения человеческого в человеке, для утверждения добра, любви, духовности, оставляет ли место для подвига? Или нет? И на место личности приходит ли безликий представитель «биомассы человейника», как пишет А. А. Яшин, который, я добавлю, является про-

дуктом переработки Глобальной Капитал-Мегамашины*, или все ж таки, человек, личность живут, творят, созидают, становятся воинами, революционерами, воюют со злом, с нечестностью, с воровством, с несправедливостью, утверждают духовно-нравственную систему, делающую человека человеком, ведут научный поиск не просто ради любопытства, а ради прогресса человечности, гуманизма, ради очеловечивания жизни и через очеловечивание человеческой жизни привнесение добра, красоты, гармонии в Биосферу Земли, в пространство Космоса, с учетом, конечно, законов Гармонии, законов гомеостатических механизмов Биосферы, Земли, Солнечной системы, возможно — Галактики? И, вообще, наступил ли Конец человеку, а на его место придет технизированный, рационализированный «человек-капиталоробот» или «человек-деньги», манипуляционно управляемый мировыми властителями мирового финансового капиталовластия (мировой финансовой капиталократии), одним из «инструментов» которого является так называемое «мировое тайное правительство», МВФ, ВТО, Бильбербергский клуб, ФРС и т.д., и т.п.?

Отвечая на эти непростые вопросы, я опираюсь на свои теоретические достижения и открытия, на свою научную картину мира, которые, хотя и имеют «ноосферный вектор» внутри себя, все ж таки отличаются от представленной логики и картины мира А. А. Яшина, в том числе и А. А. Зиновьева, который создал метафору «человейника».

Попытаюсь охарактеризовать «наше время» в моем представлении по пунктам, в форме положений, вместе образующих определенную «систему», лежащую в основе моей научной картины мира.

Первое. Эпоха или «наше время», в котором оказалось человечество и, соответственно,— Россия, есть Эпоха Великого Эволюционного Перелома. Она определяется тем, что наступила первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы. Наступили Пределы прежним механизмам цивилизационного развития челове-

* Субетто А. И. Капиталократия. — СПб.: 2000.— 226с.

чества, в том числе институту частной капиталистической собственности, рынку, системам ценностей, «вращающихся» вокруг прибыли, наживы, частной формы присвоения капитала (богатства). *Задержка капитализма, частной собственности, рынка на Земле блокирует усилия по переходу человечества на «рельсы» устойчивого — ноосферного — развития и ускоряет процессы экологической гибели человечества в XXI веке.* Б. Коммонер еще в 1973 году в работе «Замыкающийся круг» вынес вердикт: технологии на базе частной собственности уничтожают самое главное богатство человечество — экосистемы. За прошедшие 40 лет этот «круг», а вернее — «петля» на системах жизнеобеспечения человечества (в которую входят почва, чистая пресная вода, кислород в атмосфере, леса, планктон в приматериковых водах мирового океана и т.д., и т.п.), еще больше сжались. Конференция ООН в Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию в 1992 году, затем саммиты глав правительств по проблеме устойчивого развития — в 2002 году (в Йоханнесбурге) и в 2012 году (в Рио-де-Жанейро), только продемонстрировали неспособность глав стран мира, из-за разрыва в экономических интересах между развитыми рыночно-капиталистическими странами (метрополия глобального империализма) и странами развивающимися, по сути являющимся мировым колониальным анклавом, решить проблему перехода на стратегию устойчивого развития.

Более того, *сложилась Глобальная Интеллектуальная Черная Дыра*, возможно — из-за своекорыстной слепоты интеллекта развитых стран, несмотря на то, что там — наиболее мощный научный и информационный потенциалы. Что собой означает это «Дыра»? *Она означает, что человечество в своем сознании и сознании политической элиты большинства стран мира не осознает эти процессы уже развивающейся Глобальной Экологической Катастрофы, не осознает, что переход «точки невозврата», когда экологическая гибель человечества станет уже неотвратимой, может произойти уже в 2030—2050 гг.*

Возник «императив выживаемости» человечества, требующий перехода к «Ноосфере Будущего» в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и

образовательного общества, на базе Ноосферного Экологического Духовного Социализма.

Второе. Эпоха Великого Эволюционного Перелома, таким образом, означает, что закончилась Стихийная История человечества, в которой доминирующими были закон конкуренции и механизм отбора. *Как бы не случилось, чтобы Конец Стихийной Истории не стал Концом жизни Человечества на Земле? Для этого нужно перейти к новой, Управляемой парадигме Истории, но в новом, более расширенном пространстве, а именно — как Управляемой — социоприродной или ноосферной — эволюции.*

Таким образом, императив выживаемости человечества есть ноосферный императив, в центре которого — императив управляемости, причем управляемости не только в социально-экономическом (в узком историческом) формате, что предвидел К. Маркс, связывая его с управляемой, «подлинной историей», которая устанавливается на Земле, и это он и назвал коммунизмом, но и в социоприродном (социо-биосферном) формате.

А. А. Яшин пишет якобы об управлении историческим процессом, имеющим место быть, и якобы реализуемым через процесс «глобализации», раскидывание «паутины управления» тайным мировым правительством над всемирным человейником. Это «иллюзия управления», потому что оно, такое «управление», игнорирует законы «метафизического коммунизма мироздания» (о нем писал С. Н. Булгаков в «Философии хозяйства» в 1912 году), т.е. законы гомеостатических механизмов Биосферы и Земли, возможно космических систем более высокого ранга как суперорганизмов, обладающих собственной гомеостатикой.

Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы — это уже приговор рынку и капитализму, стихийной истории, в том чисел приговор Анти-Разуму капиталократии, думающему, что «управляет» глобальными процессами.

Да, оно «управляет» с точки зрения сохранения строя эксплуатации, выкачивания ресурсов из недр на территориях своих экономических колоний; да, оно пытается с помощью стратегий «управления хаосом» и каскада локальных войн сократить на 4/5 население Земного Шара в течение XXI века, с учетом неомальтузиан-

ской империалистической идеологемы, но этот вид «управления» со стороны мировой капиталократии только «возгоняет» разрушительную энергию рыночно-капиталистического «хаоса» на «вершину» строя капиталократии, чтобы там произошел «взрыв» страшной силы, разносящей вдребезги «карточный домик» («принцип домино») такого строя.

В самом таком «взрыве», череда которых характеризует Эпоху Конца Рынка, Капитализма и Либерализма, начинает говорить на своем языке с человечеством Правда Истории или Онтологическая Правда, развенчивая онтологическую ложь капитализма, как своеобразную «мутацию истории», подлежащую искоренению.

Третье. За первой фазой Глобальной Экологической Катастрофы *скрывается растущая неадекватность человечества, или человека как рода, окружающему миру, которая обусловлена тем, о чем писал Н. А. Бердяев в 1918 году* («своекорыстие таит в себе безумие»), — *безумием своекорыстия. Я утверждаю: своекорыстие превращает Разум в Анти-Разум, т.е. в «разум», экологически самоуничтожающийся, а объективно необходимое ноосферное движение, связанное с переходом Биосферы в Ноосферу, по своей сути превращает в антиноосферное движение, т.е. препятствующее такому переходу.*

Философскую концепцию конфликта «Разума» и «Анти-Разума» в мире господства Капитала я раскрыл в монографии «Разум и Анти-Разум (Что день грядущий нам готовит?» (2003), а затем в монографиях, продолжающих эту тему: «Свобода». Книга первая. Критика «либерального разума» (2008) и «Критика экономического разума» (2008).

Чтобы осознать категорию разума и на ее основе — категорию ноосферы («нус» — по древнегречески «разум»), нужно ответить на вопрос, как он появляется в прогрессивной эволюции Космоса, в частности — на Земле? Мною предложена *теоретическая система универсального эволюционизма, обобщающая дарвиновскую парадигму* (автор — Ч. Дарвин; наследственность, изменчивость, отбор, доминирование закона конкуренции), *кропоткинскую парадигму* (автор — П. А. Кропоткин; домини-

рование сотрудничества, в моей оценке — закона кооперации) и *берговскую парадигму* (автор — Л. С. Берг; наличие законов эволюции, канализирующих ее или направляющих ее по определенному руслу). *В чем она состоит?*

В том, что любая прогрессивная эволюция (для нее подходит образ «сходящейся спирали» или «конуса», на поверхность которого навита такая сходящаяся спираль) — атомная, молекулярная, клеточная, эволюция многоклеточных организмов, антропная, социальная, этническая и т.д., в том числе и всей видимой Вселенной,— как эволюция, связанная с ростом сложности (кооперативности) структур эволюционирующих систем,— подчиняется *метазакону сдвига от доминанты закона конкуренции и механизма отбора к доминанте закона кооперации и механизма интеллекта*. Это означает, что *кооперация систем в виде новой, более сложной системы закрепляется в эволюции, если в ней происходит скачок в интеллекте системы, как механизма управления будущим*.

Иными словами, любая прогрессивная эволюция интеллектуализируется в том смысле, что наблюдается рост управления будущим со стороны все более и более сложных систем.

Разум — это высшая ступень интеллекта. *Закон интеллектуализации «конуса» любой прогрессивной эволюции позволяет говорить о законе «оразумления» Вселенной и о неслучайности появления человеческого Разума на Земле.*

Социальная эволюция или История также подчиняется этому метазакону. *Переживаемая Эпоха Великого Эволюционного Перелома означает, что наступили Роды действительного человеческого Разума.*

Вся социальная эволюция, по крайней мере — после неолитической революции, т.е. та История, которую мы связываем с последними 10-тью тысячами лет (100 веками) и которые мы изучаем так или иначе по учебникам истории, есть «перинатальный период» развития человеческого Разума в «утробе» Биосферы. «Рождение» человеческого Разума и Конец Стихийной Истории совпадают. *Наступила Эпоха Перехода от доминанты Закона Конкуренции и механизма отбора — к доминанте Закона Кооперации и механизма интеллекта, т.е. «управляющего разума»*.

Ноосфера — это новое состояние или качество Биосферы, в котором Человеческий Разум, встраиваясь в гомеостатические механизмы Биосферы, начинает управлять биосферной — ноосферной (а это и есть социоприродная) эволюцией, подчиняясь законам-ограничениям ее гомеостатики и гомеостатики планеты Земля, в будущем — Солнечной Системы, Галактики.

Но чтобы это произошло, должно произойти расширение пространства сознания человека до космопланетарного сознания, а в человеке должен восторжествовать альтруизм, принцип Альберта Швейцера — благоговения перед любой жизнью на Земле, чтобы Человек осознал себя Ответственным за сбережение, сохранение и прогрессивную эволюцию всего Живого на Земле, всего разнообразия форм жизни.

Неадекватность рыночно-капиталистического «разума», одержимого «безумием своекорыстия», и делает его «Анти-Разумом», ведущим человечество по пути экологического самоуничтожения.

Преодоление «неадекватности человека, а в этой характеристики есть и объективные причины в форме резко возросшей сложности мира, требует нового качества и науки, и образования, которое я склонен назвать ноосферным. Переход к этому новому, ноосферному качеству и составляет суть «вернадскианской революции» в научно-образовательном пространстве, анализу которой и была посвящена коллективная монография «Вернадскианская революция в научно-образовательном пространстве России», изданная по материалам докладов на одноименной конференции в сентябре 2013 года, проведенной в честь 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского.

Н. Н. Моисеев, размышляя о механизмах перехода к «эпохе ноосферы», назвал такую необходимую систему ноосферного образования «Системой Учитель».

Четвертое. А что же, на фоне такой общей оценки «нашего времени», происходит с Россией? Россия, в результате так называемых рыночных, а вернее — рыночно-капиталистических реформ, которые я склонен охарактеризовать как рыночно-капиталистическую контрреволюцию (почему я ввожу понятие «контрреволюция», потому что в моей понятийной системе «революция» дви-

гает историю вперед, а «контрреволюция» — направлена против нее и поэтому обречена на историческое поражение), вскочила в «поезд» капитализма, вернее — системы глобального империализма, мчащегося под откос, к своей экологической гибели, причем «на правах» не равноценного члена стран метрополии глобального империализма — стран США, Канады, Австралии, Великобритании, Западной Европы, Японии, а «экономической колонии», от которой требуется стабильный вывоз «на Запад» энергии и ресурсов. ***Россия переживает рыночногенную***, — *усугубленную строем олигархической колониальной капиталократии, выращенным на схеме приватизации по А. Чубайсу — Саксу и на почве «плоской», 13-процентной шкалы налогообложения, способствующей ускорению перехода национального богатства, концентрации капитала в руки «долларовых миллиардеров», по числу которых (более 130) Россия приблизилась к США,—* ***системную катастрофу***.

Поэтому императив выживаемости России все более приобретает содержание императива преодоления нынешнего состояния, через переход к планово-рыночной ноосферной экономике и к строю Ноосферного Экологического Духовного Социализма.

У России для этого есть все: опыт советской истории, ноосферное учение, русский космизм, опыт космического прорыва, и, наконец,— в целом опыт русской и российской истории, который показывает, что тупиков в истории не бывает, они бывают только в «головах» заблудившихся в «лесу» ложных ценностей людей.

А как же быть с «оцифрованным человейником»? Есть ли такая угроза? Как быть с «цифровым мышлением» и «цифровыми ценностями» по Дж. Соросу, о которых он как о необходимости писал в книге «Кризис мирового капитализма» (1999)?

Является ли глобализация и компьютерно-цифровой глобальный «концлагерь» необходимым этапом в истории человечества, и тем более необходимым, пусть и «темным» периодом, на пути трансформации Биосферы в Ноосферу, как следует из логики А. А. Яшина в его эссе (в «Колонке главного редактора») «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике»?

Нет, конечно, не является.

«Оцифрованный человейник» — это, конечно, не вся реальность, но некоторый аспект существующего «процесса — попытки», поскольку он не может завершиться победой, по созданию «Строя Денег» или «Цивилизации Рынка», о которых писал Жак Аттали еще в начале 90-х годов XX века. В этом «строе» предполагается, что человек есть компьютерно-оденьженный человек-неокочевник, привязанный компьютерными («цифровыми») деньгами к банковской системе, более того — «очипизированный» с момента рождения и находящийся под контролем «всевидящего Ока» в форме компьютерной системы слежки со стороны АНБ и ЦРУ США (которая подверглась разоблачениям со стороны Сноудена) и спутникового мониторинга за передвижениями такого «чипизированного неокочевника», призванного перемещаться туда, куда «зовут» мировые перемещения капитала в Глобальной Капитал-Мегамашине.

И такая тенденция в форме «монетарной» и «электронной» революции в мире бытия Капитала имеется, и она является частью становления глобального империализма мировой финансовой капиталократии. Фактически речь идет о становлении глобального технотронного фашизма, как формы установления диктатуры мировой финансовой капиталократии.

Но эта тенденция, этот идеал мировой финансовой капиталократии — утопичны, они терпят крах, «разбиваясь» как о законы развития Природы, порождая Глобальную Экологическую Катастрофу, так и о законы социальной Истории, законы становления человека в человеке, процесс которого не остановить. Вот почему появляются все новые и новые герои нашего времени, вступающие в борьбу с человеконенавистнической системой глобального империализма, какими бы красивыми словами о «демократии», «свободе», «правах человека», она ни прикрывалась, и сколько бы «антигероев» она бы ни рождала.

Немецко-фашистские «носители свободы», вероломно вторгшиеся в СССР 22 июня 1941 года, и которые были побиты в своем логове — фашистской Германии Гитлера в 1945 г., имели на ремневых пряжках слова «С нами бог». Таковой будет судьба и всей системы глобального империализма.

Мы живем в героическую эпоху, может быть в самую трагическую и в самую героическую эпоху во всей истории человечества. Происходят «Роды» человеческого Разума и действительного, ноосферного человека.

При этом Разум не есть редукция ума только до уровня рационального.

Речь идет о действительном Разуме, качество которого тестируется постоянно через качество управления будущим. А это требует синтеза Истины, Добра и Красоты, в котором Истина обретает свое необходимое этическое, духовно-нравственное основание, а Разум обретает смысл «Разума», когда он включает в себя духовно-нравственные основания и является тем Началом Бытия, которое продолжает развитие всего разнообразия Жизни на Земле по пути прогрессивной Эволюции (т.е. роста сложности).

Разум — тогда только разум, когда он «Разум управляющий», причем «управляющий» ради прогрессивного развития Биосферы, с учетом действующих законов ее эволюции.

Да, я согласен с Алексеем Афанасьевичем Яшиным, «оцифровывание» ума и мышления — это вытеснение аналогового, правополушарного мышления, но вытеснение как тенденция, которая не может окончиться полным вытеснением, хотя практика «церкви Сайентологии» показывает большие успехи в процессах элиминации правополушарного интеллекта, отвечающего за обмен «разнообразиями» с окружающей средой и наиболее связанного с «бессознательным» человека. В этом контексте «оцифровывание» мышления человека только усиливает его неадекватность миру и является одним из важных источников Глобальной Интеллектуальной Черной Дыры.

Что можно противопоставить этому? Культуру, творчество, тренаж интуиции, общение с природой и т.д., и т.п., в том числе и опыт педагогической системы Михаила Петровича Щетинина, которая дает новое направление в обучении и обеспечении становления гармоничного человека. На мой взгляд, и я об этом написал, его школа-лицей в поселке Текос Краснодарского края есть прообраз будущей ноосферной школы.

Героическая эпоха «нашего времени» уже рождает «героев нашего времени». Это и сам главный редактор «Приокских зорь»

Алексей Афанасьевич Яшин, чей творческий темперамент и русскую размашистость характера я чувствую на расстоянии, будучи знаком с ним заочно, это и академик РАО М. П. Щетинин, который создал действительно русскую инновационную педагогическую систему, выращивающую гениев-творцов, это и полковник В. В. Квачков, для которого честь и будущее Родины — России не пустые слова, это и православный мыслитель-патриот К. Душенов, это и патриарх Русской Православной Церкви Кирилл, это и генерал Л. Г. Ивашов, заботящийся о геополитической системе безопасности России, это и воины из Псковской воздушно-десантной дивизии, вставшие грудью на пути движения чеченских бандформирований в 2000 году, это и безвестные ученые, учителя, рабочие, крестьяне, офицеры, врачи, честно, каждый на своем месте выполняющие свой профессиональный долг,— и несть им числа. На них стоит Русь — России, их делами и подвигами укрепляется и противостоит «валу» «процветающих мерзавцев» в России, о котором предупреждал еще в XIX веке М. Е. Салтыков-Щедрин.

Писатель XXI века — это не только писатель, но и писатель-мыслитель, в каком-то смысле ученый. Данная характеристика приложима к любому деятелю искусства XXI века. В качестве примера, к которому стоило бы приблизиться, думая о писателе, деятеле искусства XXI века, я бы назвал Николая Константиновича Рериха.

Мы живем в сложное время. В Эпоху Великого Эволюционного Перелома, в Эпоху, обращенную к Онтологической Правде или Правде Истории.

Она имеет «ноосферный вектор». Мы живем в Эпоху Русского Возрождения, обращенную к космоноосферному Прорыву человека. А этот прорыв и требует ноосферного человека, в котором все богатство человеческого, в единении духовно-нравственного и интеллектуального начал, раскроется в полной мере.

Повторяю вослед А. А. Яшину слова: через тернии к звездам.

И звезды ждут от нас гуманистической Вести с Земли, — такой Вести, в которой сам разум Человеческий предстает перед ликом Космоса, как достойный его.

А это означает, что человек XXI века как бы итожит собою

всю человеческую историю, чтобы перейти в новое качество — ноосферное и социалистическое одновременно, чтобы подняться на уровень Человеческого Достоинства, измеряемого будущей ноосферной эволюцией, в гармонии социального и природного начал, с соблюдением экологических ограничений и правильного использования тех практически безграничных источников энергии, который таятся в тех фундаментальных основах бытия мира, которые называются поразному, и которые только-только мы начинаем познавать.

Александр Субетто, президент Ноосферной общественной академии наук, СПб

* * *

С наилучшими пожеланиями из Ростова-на-Дону — Ваш автор Федор Ошевнев. Благодарю за новую публикацию, журналы получил. Качество печати, как всегда, на высоте. Постараюсь побыстрее познакомиться с произведениями Ваших других авторов. Последнюю редакторскую колонку также получил, изучаю. Как всегда, много интересной информации, начиная от ранее мне неизвестного термина «человейник». Действительно, удачное и точное словообразование. А когда читал про человека ноосферного, вненационального, сразу вспомнилась Екатерина Фурцева, поощрявшая, по мере своих возможностей, смешанные браки в СССР и с личной колокольни полагавшая, что если всех женить именно так, то через ряд поколений (но точная цифра не называлась), все нации сольются в единую, наднациональную. Как-то так, в общем, в памяти отложилось. И насколько это неосуществимо на практике... Будучи в командировке в Ингушетии в 1993-м году и выполняя там обязанности «Цензора Республики», задал однажды сотрудникам телерадиостудии вопрос: насколько у них часты случаи, когда ингуш женится на русской. Да пожалуйста! Сосед напротив русскую жену имеет, и за углом сосед, и через улицу супружескую пару лично знаю... Ну а насколько ли часто бывает, чтобы русский был на ингушке женат? Общее молчание, потом чуть ли не крик: «Это по Корану не положено! А если какая-то девушка позорно к

русаку сбежит, и ее род найти не сможет, то отвергнет и из своего числа вычеркнет навечно!» И еще. После резни ингушей и осетин в ноябре 1992-го детей от смешанных браков ни одна нация не принимала за своих. Ингуши кричали: «Это дети осетинки! Значит — уже неверные!» То же самое говорили по поводу детей ингуша осетины: «Не нашего рода!» То есть, уже исходно дети врага... Такие вот поверхностные впечатления при изучении Вашей новой колонки возникали. И по армейским своим впечатлениям, когда взводным восемь лет был, утвердился в мысли, что всякая национальность себя все равно над остальными ставит. А чеченцы даже так говорили: мол, национальностей всего три. Чеченцы, русские и нерусские — все остальные... Всех благ и особенно творческих удач Вам лично и коллективу «ПЭ»

Федор Ошевнев, Ростов-на-Дону

К ДИСКУССИИ

Из всей истории человечества, из текстов Священного Писания, из произведений всемирной и отечественной литературы известно, что человек обладает свободой воли, вплоть до того, что и небесные, и юридические законы в момент совершения греха или уголовного преступления не действуют, а все начинается только после реализации задуманного. Это в высшей степени закономерно и справедливо, так как в противном случае не было бы личной ответственности за свои поступки, проще говоря, если все предопределено, то и не с кого спрашивать. Таким человек был создан и, судя по всему, останется, даже во время «*действия эволюционного перехода от человечества биосферы к человечеству ноосферы*» *(А. Яшин, «Колонка главного редактора «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике», «Приокские зори» №4, 2013 г.).*

Но если «грешный» человек обладает такой свободой, то не большей ли обладает Господь Бог или, говоря *научным языком*, Высший Космический Разум? Думается, на этот вопрос и отвечать не нужно...

Возвращаясь к человеку, следует сказать, что воля его проявляется и в неограниченном полете мысли, в частности, в создании теорий и планов. Сколько же их было за всю историю цивилизации! И что осталось от всего того, что противоречило Высшей воле? Поэтому верна поговорка «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи о своих планах».

Творец любит многообразие. Достаточно оторваться от своих дел и посмотреть на звездное небо или цветущую поляну, обратить внимание на флору и фауну Земли, на обилие расовых и национальных типов людей, этносов и культур.

После величайшей катастрофы XX века, когда рухнул СССР и на Земле утвердилась политическая и прочая монополия США, думаю, Господь Бог огорчился. Ну, представьте на миг, что у вас на даче вдруг везде стали расти одинаковые цветы, или уродилась только картошка, а все иные овощи и фрукты с ягодами погибли. Или ваш кот ежедневно, с утра до вечера, стал произносить «мяу» на одной и той же ноте, в той же тональности и с одинаковой интонацией,— без каких либо вариаций. Или, вообще, вся жизнь ваша изо дня в день стала серой лентой одних и тех же событий и действий...

Если же обратиться к теме конспирологии... то кто же сильнее Бога? И подумать смешно.

Давайте представим следующую ситуацию. Скучно Ему стало, и возьми Он, да и внеси сумятицу в стройные ряды тайных мировых правителей с тем, чтобы начались трения, а затем и противоборство, ну, например, между двумя самыми мощными финансовыми кланами. И раз один из них хочет жестко, и даже жестоко, глобализовать человечество, то другому станет выгодно противопоставить первому многополярный мир — ну, хотя бы только ради того, чтобы не дать другому установить свой глобальный деспотизм над всем и вся.

Возвращаясь к переходу *от человечества биосферы к человечеству ноосферы* и учитывая, что *«законы истории, как и всей эволюции жизни, овеществляются методом проб и ошибок, выявления правильных и тупиковых ходов»* и что *«новая, ноосферная биогеохимическая живая оболочка Земли, в прошедшем веке*

проверила возможные варианты создания социально ориентированного мирового сообщества» (*Cit. Or. А. Я.*), и в силу сказанного выше, вполне закономерны два вопроса: а) почему и пути перехода к ноосферному человечеству не будут выявляться также методом разных проб и ошибок? и б) может быть, и ноосферное человечество будет многополярным и многоэтническим?

И вот перед Россией, ее цивилизацией, наукой, культурой и, в частности, литературой появляется выбор — сложить крылья и безвольно склонить голову перед жестким глобализмом или все же воспользоваться свободой воли, Высшей предрасположенностью к многообразию и ситуацией поиска и «*выявления правильных и тупиковых ходов*» и встать на позиции многополярного мира? И хоть сказано: «паны ссорятся — у мужиков чубы трещат», в этом противостоянии мы, впрочем, как и другие страны и народы, даже те же американцы (практически полностью потерявшие свою независимость после убийства Д. Кеннеди), можем и свои выгоды обрести, например, в деле отстаивания своего традиционного, с учетом всего хорошего в разные периоды нашей истории, пути развития и своей культуры.

И если говорить о будущей ноосфере,— а о ней не говорить невозможно, так как каждому разумному и наблюдательному человеку очевидна истинность теории В. И. Вернадского, развитой далее современными учеными, в частности А. А. Яшиным, А. И. Субетто и другими,— то следует определиться, прежде всего, что же такое самое ноосфера будущего. Это «коммунизм» золотого миллиарда или, того хуже, кучки «золотых семей», или же это единый организм Земли, биосферы и сохраненного во всем его многообразии, но объединенного, человечества, где оно будет мозгом этого организма? Иначе говоря, если перейти на философские термины, бытие определяет сознание, или все же сознание — бытие? Если верно первое и все уже предопределено, то жесткая (вернее жестокая) глобализация сделает свое дело, создаст ноосферу для «золотых», а «остальные» перейдут в «виртуальную реальность». Потому «пей и гуляй», как говорится, «поигрывай в шашечки под водочку с селедочкой», потребляй наркотики и удовольствия — все одно пропадать, так как от нас, как бы мы ни напрягались в мысли

(а ведь дана человеку мысль, наверное, не только для того, чтобы констатировать?), ничего не зависит. А вот если верно второе, то наступает эпоха «живой», творческой истории, где роль человека неизмеримо качественно меняется, где роль каждого народа, каждой страны в мировом многоцветии стран и народов неизмеримо растет и где есть будущее у каждого человека и этноса.

Потому и перед писателем сейчас, как никогда, стоит вопрос — встать на позиции пессимизма, мол, все одно жестокий глобализм всех «причешет своей жесткой гребенкой», или рождать своим творчеством сострадание к нашим современным униженным и оскорбленным гражданам, показывать путь выхода, который, если мы истинно верующие (независимо от конфессии), состоит в Любви к людям, в превалировании совести над желаниями, в постоянной памяти о том, что цель и смысл жизни человека — постижение Божественной истины и следование ей, забота о ближних, то есть о других людях и человечестве, личное духовное совершенствование и помощь в этом другим. Думается, что писателю — приверженцу нового русского критического реализма,— как никому другому, ближе второе.

Отсюда и образы, которые он призван создавать в своих произведениях, в противовес вселяющим безграничный пессимизм, возбуждающим низменные инстинкты, являющимся прямо или косвенно некими *инсталляциями* и *перфомансами*, между которыми, перефразируя Н. С. Михалкова, разница только в том, *когда нагадить на площадке, — до звонка в квартиру или после*, образам, культивирующим в людях нелюбовь, раздражение, злобу и ненависть. Герои произведений писателя должны продолжать традиции оптимистического созидания лучшей жизни, Любви и Красоты, возрождать в людях доброту и сострадание к человеку, находящемуся в тяжелых жизненных обстоятельствах, но не прекращающему быть таковым.

Яков Шафран, член Союза писателей и переводчиков МГО СПР, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

НООСФЕРА В ПОНИМАНИИ ОДНОГО ПИСАТЕЛЯ

Ноосфера — слово это в моем сознании появилось давным-давно как нечто недосягаемое в понимании простого человека, с наукой не связанного, законами биологии не владеющего.

Тогда это слово вызывало во мне какие-то неясные предчувствия перемен в человеческом мире.

Теперь-то мне известно, что это волшебное, в молодости непонятое, слово связано с новым развитием человечества на основе разума, который, взаимодействуя с природой, даже первенствуя перед ней, вносит в жизнь общества мудрость, ум, смысл, силу и волю.

Профессор математики Эдуард Леруа, писавший о мыслящей оболочке, наполненной человеческим сознанием, и философ Тейяр де Шарден, поддержавший эту идею как прямую возможность слияния человека с Богом, развивали то, что сформировалось в 20-е годы прошлого столетия в учение Владимира Ивановича Вернадского.

Не вдаваясь в научные тонкости, отметим те позиции учения В. И. Вернадского, которые представляют, на наш взгляд, особый интерес.

— единая информационная система;

— единая форма контроля над человеком;

— новые источники энергии;

— подъем благосостояния людей;

— победа демократических сил общества;

— равенство всех людей перед законом (и не только перед ним);

— единое планетарное государство.

Удивительно, насколько быстро развивается в практическом преломлении научная теория. Сегодня, например, сложно любому педагогу строить свою деятельность, поскольку он оказался не единственным и не самым мощным источником знаний. Загляни в Интернет, и найдешь ответ на любой вопрос (или почти на любой). В таких условиях очень трудно быть для обучающихся (детей, подростков, студентов) первооткрывателем мира. Однако в этих условиях и быть человеком необразованным — стыдно. Есть

единая информационная система, благодаря которой тот, кто захочет, узнает и образует себя сам.

Трудно не только педагогам. Политикам почти невозможно скрыть от народа, от своих избирателей сведения о том, что происходит в мире, какие глобальные общественные проблемы захватывают его и надвигаются, как энергично требует народ исполнения обещаний народных избранников о создании общества великого благоденствия и расширения демократического участия в решении важнейших вопросов.

Человечество семимильными шагами движется к объединению в единую огромную структуру, несмотря на то, что существуют сегодня разные государства и национальности, что из-за религиозных различий и интересов не прекращаются в мире жестокие столкновения. Все это будоражит матушку-планету, однако формируются силы, стремящиеся к тому, чтобы объединить людей в подвластную себе массу исполнителей воли меньшинства. Причем не только слепых исполнителей чужой воли, а тех, кто желает такого развития, в котором одни действуют в интересах других.

В. И. Вернадский, одержимый возникшей в его голове идеей, ясно видел, как человечество превратится в скором будущем в мощную геологическую силу, преобразующую мыслью и трудом планету Земля.

Плохо ли? Нет. Человечество в своем развитии стремится к тому, чтобы жизнь двигалась дальше на основе разума, охватывая собой всю планету и энергично выходя за ее просторы.

Тогда почему ученый и писатель А. А. Яшин выступает в журнале «Приокские зори» с редакторской статьей, в которой каждое слово — предостережение надвигающейся угрозы?!

Для начала главный редактор разослал авторам журнала «Меморандум о принципах развития науки ноосферологии», тем самым вводя их в обозначенную проблему. В Меморандуме кратко освещены принципы развития ноосферологии, сформулированные в рамках работы Тульской научной школы биофизики полей и излучений, а также биоинформатики. Вместе с тем, там же отмечено, что наука эта развивается исключительно в России, частично на Украине, тогда как на Западе она не признается, поскольку не

способна, по мнению западного мира, приобрести прагматического значения.

Затем А. А. Яшин связал предложенную им на обсуждение научную проблему с развитием литературы и общества, осветив свой взгляд в редакторской статье «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике» [Приокские зори, 2013, № 4].

Не имея научно-специальной подготовки, мы не можем в достаточной степени провести анализ взглядов ученого А. А. Яшина и представить научную картину, однако попробуем взглянуть на проблему с точки зрения человека, который, хотел бы — нет ли, все же участвует в создании общества разума. Каждый писатель стремится показать новый взгляд на описываемые им события, подметить и раскрыть характерные для общества явления, художественно преобразить освоение существующего мира, тем самым действуя на развитие всемирного разума.

Не бывало ли с вами, дорогой читатель-писатель такое, когда, казалось бы, ниоткуда возникает в голове сюжет, формируются события и неожиданные повороты, укладываются характерные черты персонажей? Можно сказать, что все перечисленное берется писателем из жизненного опыта, из приобретенных знаний, из того, что он услышал и подсмотрел. Не станем спорить. Так и есть. Однако предложим и другой ответ, возможно, кем-то оцененный как «сказочный»: мозг творческого человека насыщается информацией, которая льется в него из информационного поля Земли. Не из Интернета, а из той оболочки знаний-взглядов-мыслей-надежд, что окружает планету и подпитывается человеческим разумом.

А бывало ли так, что описываешь событие прошлого и откуда-то знаешь, как оно происходило, более того, чувствуешь своего героя как себя, проживаешь его жизнь будто собственную? Не играет ли с нами информационная оболочка Земли? А может, и помогает? Дает писателю сведения и требует, чтобы тот передал эти сведения землянам.

Михаил Булгаков, Иван Ефремов, Аркадий и Борис Стругацкие не из этого ли источника обогащали творческие силы? Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь, Федор Дос-

тоевский, Лев Толстой, Антон Чехов и другие гении художественного слова не оттуда ли напитывались темами, сюжетами, образной палитрой и словесным самовыражением?

Однако мы увлеклись и значительно отступили от того, с чего начали очерк.

Впрочем, не отвлеклись. За все, и за творчество тоже, надо платить. И цена бывает порой неподъемной. Так информационное поле, питающее творческих людей любой сферы искусства и деятельности, требует величайшей отдачи.

Человейник, глобализм, интернетовское сообщество, усиливающийся со всех сторон контроль над личностью, расширение возможностей и вместе с тем невыносимо-жесткий, даже жестокий, ритм жизни, новые источники энергии и энергетическая сила, с которой зачастую невозможно справиться человеческому организму, объединение людей в общеземном масштабе, новые связи между континентами, странами, нациями и в то же время глобалистическая зависимость, в которой не каждый способен выстоять и сохранить собственную индивидуальность (личности, нации, расы, континента, земного шара).

Усиливается осознание уникальности и стремление ее сохранить, а наряду с этим усиливается стремление уничтожения уникальности, приведения всех в единую форму, к единым условиям существования, к единомыслию, которое способно уничтожить людское разнообразие.

Попытки человечества оцифровать происходящее — еще одна проблема, подходы к разрешению которой не могут быть однозначными. Цифры — предмет математики. Можно сказать, что математика — наука о цифрах. Однако математика — это наука о количественных отношениях и пространственных формах существующего мира. Потому, представляется нам, цифра, способная выразить в разных формах земные процессы, вносит в нашу жизнь новые условия. Это и точный расчет, и надэмоциональное конструирование, подчиненное логике.

А. А. Яшин отмечает: отринуто «аналоговое, творческое в своей основе, мышление», происходит переход к утилитарному, цифровому мышлению, молодые литераторы ушли в извращенно-

вымышленный, сугубо утилитарно-цифровой (то есть компьютерный) мир «фэнтези».

Тем не менее, в любом процессе всегда присутствует две стороны — позитивная и негативная. И если мы рассматриваем компьютер как предмет необразного «цифрового» мышления, то что нам мешает посмотреть на это мышление как на логично-оформленное, четкое и точное, без лишнего «растекания мыслью по древу»?

А заодно осознать, насколько в современном мире вырастает значение литературы, назначением которой является образно-художественное раскрытие человеческой жизни. При таком подходе можно обнаружить, что и в описании «морфологии фантастических ящеров» может быть заложено все то же раскрытие жизни человеческой, а «вольнолюбивые фантазии» являются попытками открытия нового знания о человеке.

Мы солидарны с глубочайшим переживанием автора редакторской статьи по поводу «функциональной безграмотности», охватившей современное общество и способной привести к удручающим последствиям. Однако учитывая, что создание глобальной сети и цифрового выражения земных явлений является новым этапом развития человечества, который вряд ли удастся повернуть вспять, надо потратить силы и умственный потенциал не на то, чтобы этот процесс остановить, а на то, чтобы извлечь пользу, чтобы выйти из нового явления с наименьшими потерями.

Какой путь избрать из возможных путей развития человечества, чтобы минимизировать негативные последствия ноосферного этапа — это задача нашего поколения, которая должна решаться человеческим сообществом. Она стоит и перед учеными, и перед преподавателями разного уровня и направления, перед врачами, психологами, социологами, правоведами, техническими работниками, перед деятелями культуры, словом — перед всеми творческими личностями. Эта задача стоит и перед творцами художественного слова. Так нам, по крайней мере, видится.

На наш взгляд, следует обратить внимание на следующие особенности современного развития человечества.

1. Все более мощно проявляется сила небольшого числа людей, которых нередко называют «мировым правительством», стремящаяся установить тотальный контроль над человечеством.

2. Тотальный контроль за обычным человеком выражается не только в том, что усиливаются слежка, прослушивание, фиксирование его действий на всевозможные видеокамеры. Происходит также ограничение роста народонаселения — любыми средствами. В ход идут организация войн, появление новых болезней, с которыми человечество еще не в силах справиться, рост межнациональной вражды, доходящей до открытых вооруженных столкновений и террористических актов, терпимость к однополым семейным союзам.

3. В любой стране происходит установление для человека узкофункциональных рамок. Он сам превращается в функцию и обязан, чтобы остаться на привычном уровне комфорта и достатка, выполнять только то, что ему предписано. Как говорится и даже демонстрируется ежедневно в телевизионной рекламе, человек становится «белкой в колесе».

4. Для современного общества характерны еще две важнейшие проблемы: профанация образования и профанация медицинского обслуживания.

Все более открыто заявляет о себе стремление заменить высококачественное образование народных масс узкопрофессиональными навыками. Приобретая ограниченные знания, необходимые для выполнения конкретно-узких операций, человек становится «винтиком» большой государственной машины. Мы бы отметили и так: не государство служит обществу и личности, а только личность обязана отдавать себя на потребу государства.

Под различными предлогами (дороговизна образования, нехватка специалистов, перевод на новую образовательную систему, которая представляется нам как более совершенная) уничтожается возможность формирования высокообразованных специалистов, обладающих широким спектром знаний в своей области и в пограничных с нею. Резко сокращается кругозор современного человека.

5. Профанация медицины проявляется в том, что, с одной стороны, появляется уникальное оборудование, на котором возможно лечение сложнейших, даже неизлечимых до недавнего времени, заболеваний, создаются новые виды лекарств. И, с другой стороны, у подавляющего большинства населения любой страны все меньше и меньше возможности использования уникальных медицинских технологий, лекарств, оборудования.

6. Растет быстрыми темпами разобщенность людей. Например, современные дети и подростки все чаще общаются друг с другом через компьютер и Интернет, что вызывает у них стремление жить «в своем коконе». Этот процесс приведет к тому, что общество в скором времени может превратиться в существование отдельных единиц, мало связанных между собою.

Несомненно, такое положение сразу скажется на возможности развития творческого «Я», ибо оно возможно, когда человек находится среди людей — гениев, талантов, специалистов, ремесленников, а также среди технарей и гуманитариев, среди тех, кто больше знает и меньше, кто предпочитает уединение или любит быть в окружении друзей, товарищей и коллег. Разнообразие общения, разность взглядов и интересов, различие условий жизни, национальных традиций создает то многообразие, в котором развиваются личность и общество.

А. А. Яшин своей статьей, в основе которой лежит творческо-научное видение современного развития человечества, а также необходимый критический анализ событий и явлений, происходящих как в российском обществе, так и на всем земном пространстве, справедливо «бьет тревогу», ибо от осознания людьми процессов современного развития зависит дальнейший путь человечества.

В настоящее время решается глобальный вопрос: каким человечеству быть через пятьдесят-восемьдесят лет.

Ирина Кедрова, прозаик и драматург,
член Союза писателей России,
Академии российской литературы, Москва

НРАВСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ (К ДИСКУССИИ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)

Пусть то, что я скажу, не так уж мудро,
Но мудрость друга — выслушать меня...

Расул Гамзатов

Новая дискуссия «Герой нашего времени или о чем писать романы», вызванная всемирным процессом перехода «от слов к цифре», заставила меня вспомнить великого Льва Николаевича Тол-

стого, который был одержим идеей «нравственной революции сознания».

Компьютерно-цифровое мышление, ворвавшееся в ноосферу нашей планеты, построенной изначально, по выражению того же Толстого, «на цепочке питания», пожирания друг друга, последовательно разрушает не только человеческую психику и нормы поведения, но и приводит к иному художественно — стилистическому литературному методу, меняя прежние нравственные мировоззренческие понятия и стереотипы. Соавторство с компьютером изменяет отношение к написанию текста, который становится многословным, маловыразительным, бессознательно уходит уважение к родному языку, речь становится небрежной, засоренной штампами, уличным жаргоном, искаженными на русский лад иностранными словами. Бесспорно, что мысль можно передать разными способами: знаками, картинками, цифрами. Зачастую мысль опережает ее изложение, да и не всегда возможно равнозначно перевести ее на бумагу. Но, несомненно, что только Слово — самый яркий носитель человеческой мысли.

Так какого же героя нашего времени ждать читателю «из-под компьютерного пера»? Да и отличается ли он от нынешних персонажей бумажной литературы. И каким будет литературный герой эпохи после повсеместного внедрения компьютера с искусственным интеллектом (искинта), о непредсказуемости которого столько споров. Среди технологических программ искусственного интеллекта, есть и возможность для любого пользователя создавать художественные произведения любого жанра, даже не обладая ни в малейшей мере знаниями о процессе творчества, так как окончательный выбор информационного материала, ситуаций, героев, манеры изложения будет за искусственным разумом, о «моральных принципах» которого в ходе эволюции компьютерной техники только приходится гадать.

Эксперты Института психологии РАН, оценив изменения психологического облика россиян за прошедшие годы, отмечают, что «*нация стала агрессивнее, злее, наглее*». Все это следствие морально-нравственного падения общества, почти античная трагедия, которая находит свое прямое отражение в современной культуре, и

особенно в современной литературе, в чем в немалой степени повинна и интернетовская паутина. Даже патриарх Кирилл в своем недавнем выступлении отметил, что погружение в компьютерные сети порабощает, как сознание, так и волю, искажая мышление и мировосприятие. А литературный герой любого времени «вырастает» из реалий действительности. Положительный герой формируется из сложной истории государства, из отечественной культуры, из родного языка, из атмосферы семьи, из созидательной обстановки в обществе, которая подкреплена достижениями страны, улучшением жизни народа. А сегодня в сознании стираются понятия сострадания, патриотизма, гуманности, и «воспитание» подрастающего поколения на произведениях с преобладанием сцен жестокости, насилия, грубости, цинизма дало свой результат. По данным ООН Россия в пятерке лидеров по детской жестокости!!!

Мы стали свидетелями того, как «порвалась связь времен», а литература, как и культура в целом, отреклись от традиций преемственности, а как следствие, не способны в полной мере раскрыть общечеловеческие проблемы, в том числе, нравственно-эстетические и социально-политические.

Аксиома, что каждое время имеет своих героев, тех которых заслужило общество. Есть две формулировки о необходимости героев. Согласно одной, счастлив народ, у которого есть герои. А по другой, несчастлив народ, который нуждается в героях.

Российская словесность всегда разделяла судьбу страны, впитывала и отражала социальные коллизии эпохи, духовный климат общества, заставляла мыслить. А такая «мыслящая литература» всегда современна, она не устаревает, как и ее герои.

Новый виток геополитических, исторических, экономических, социальных, идеологических катаклизм и противоречий резко поменял общекультурную ситуацию, привел к разрушению сложившейся мировоззренческой системы, к переоценке духовных, морально-нравственных ценностей, вторгся не только в человеческие судьбы, но и в человеческое сознание. Новая социально-культурная среда, обесценила наследие прошлого, разрушила целостный образ классической литературы, отправив огромную часть культурного наследия в архив Истории. Органического продолжения традиций клас-

сической литературы и литературы советского периода не произошло. Литература оказалась отлученной от больших идей и светлых идеалов, от нравственной ответственности писателя за написанное, перестала быть «учебником высшего духовного познания жизни».

Снова вспомню слова великого Л. Н. Толстого: «*Нет идеи, нет ценностей. Зачем писано*». Общеизвестно, что в своих героях писатель выражает собственную индивидуальность. Но когда борьба за чистоту идеи подменяется борьбой за чистоган, демократия превращается в демократизацию, озлобленность и духовное оцепенение ведут к духовной катастрофе. Живой ум тоскует, так как не может жить без нравственного сознания, без ярких мыслей и сомнений, без внутреннего зрения. Думающий читатель не забыл жанр интеллектуального романа, городской и деревенской прозы, предполагающие своих положительных героев, с кого «делать жизнь». Только высшие гуманистические идеалы и цели делают людей духовными единомышленниками.

Но сейчас часто говорят об отсутствии в обществе идеологии.

В книге известного философа А. Ф. Лосева «Работа духа» совершенно четко и правильно отмечено, что не только общества не существует без идеологии, но и отдельного человека. Даже совершенно не способный к последовательному мышлению человек — носитель определенной идеологии. Личность положительного литературного Героя определяет мировоззрение писателя, его идеологическое кредо, идеология интеллигентности, носитель которой не может не видеть всех «свинцовых мерзостей жизни», ее несовершенства. Понятие «культура» в переводе с латинского имеет несколько значений, среди которых и «возделывание», т. е. сознательная работа духа, направленная на совершенствование окружающего мира.

Сегодня же нас окружает идеология наживы, стяжательства, постоянный прессинг (так теперь говорят) телевидения, где сцены насилия, агрессии, распутства стали нормой. То же и в произведениях многих авторов нашего времени. И это при том, что каждого здравомыслящего человека по-прежнему волнуют вечные вопросы, сформулированные классической русской литературой, как «что делать» и «кто виноват». По-прежнему актуальны сомнения литературных ге-

роев советского периода, звучавшие у Шукшина, как «что с нами происходит», а у Распутина «почему мы такие».

Литература без положительного героя нонсенс.

На Востоке есть поговорка «Пожар кровью не заливают». Нельзя спасти и наш разрушенный дом бульварной литературой.

Я часто выступаю в библиотеках, в культурных центрах и вижу, что у подавляющего большинства читателей есть непреодолимое желание прочитать яркое современное произведение художественной литературы, масштабное по содержанию, увлекательное по изложению, герой которого не вымышленное или историческое лицо, а наш современник. Читатель ждет серьезных и увлекательных, глубоких произведений, в которых подняты в художественной форме острые социальные, общественные, нравственные проблемы. Читатель ждет произведений, в которых напряженные конфликтные ситуации, осуждены пороки и их причины, а герой, критически мыслящий, общественный человек, умный, духовно сильный, личность которого выписана точно, ярко, сочным русским языком. Но читателей обильно потчуют описаниями жизни олигархов, чиновников, банкиров, менеджеров, киллеров, куртизанок, торгашей, наркоманов. Они стали «героями» многотомной бульварной литературы, обильной «женской» прозы и прочих изданий, заполонивших полки книжных магазинов, уличные прилавки.

Не преувеличение, что настоящий герой любого времени явный или потенциальный борец за справедливость, так как в жизни и отдельного человека, и общества в целом не бывает постоянных мирных периодов и в обывательской ежедневной жизни всегда подстерегают тревоги, опасности, потери. И ведь такие люди есть, они реальны, они могут стать прототипами, стать положительными героями нашего времени. Это те же учителя и врачи, военные и рабочие, которые были героями стольких замечательных произведений русского критического и социалистического реализма. И они никуда из реальной жизни не исчезли.

Конечно, утверждать, что на нынешнем историческом витке глобализации литература приближается к своему гибельному финалу рано.

Но общение с читателями, убеждает, что пошатнулся авторитет

современного писателя, измельчала личность пишущего, ведь зачастую за перечисляемыми званиями, членствами читатель ощущает полное отсутствие истинной интеллигентности, интеллекта, широты эрудиции, чувствует, что «*званных много, да мало избранных*».

Положительный, а может, и идеальный герой нашего времени появится, когда писатели осознают свою ответственность за эпоху, за свое время, научатся уважать прошлую историю страны, любить не человечество в целом, а человека. Совесть писателя формируется мудростью веков и собственным жизненным опытом в любое время.

Среди современных писателей серьезные читатели, в основном среднего и старшего поколения, называют не более двух десятков имен тех, чьи произведения знают, ждут. Не буду перечислять эти имена. Их можно встретить в многочисленных шорт — листах всевозможных премий, но задам риторический вопрос. Неужели перевелись на русской земле талантливые писатели, владеющие пером не хуже своих предшественников — классиков русской и советской литературы, способные создать произведения, реальные герои которых — наши современники — способны совершить «нравственную революцию сознания» в наше смутное время и отвести человечество от пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь,

Уверена, что это под силу литературе нового критического реализма, которая призвана вернуть заблуждающихся, озлобленных, обманутых на путь добра. Будут ли это компьютерно-цифровые издания или бумажные, покажет время. Лишь бы не опоздать, чтобы не было «мучительно больно» потомкам.

Людмила Авдеева, член Союза писателей России, Международной федерации журналистов, Москва

* * *

Благодарю Вас за инициативу провести в Приокских зорях дискуссию на ВАЖНЕЙШУЮ тему в эпоху, когда нравственно-

гуманистическое понимание отечественного и поколенческого Героизма вытесняется суррогатами «звезд» общества потребления, сверхпотребления, тупиковой сексуальной революцией, выражающей глобальную этническую депопуляцию, духовное обнищание лидеров так называемой цивилизации. В ответ на Ваши инициативы я готовлю для Приоксих зорь — 2014 эссе с рабочим названием «Вызовы глобализации и ноосферный реализм XXI века».

Уже наметились части:

— Глобальные формационные конфликты и ценностный кризис жанра.

— Л. Н. Толстой и В. И. Вернадский: титаны ноосферного реализма.

— Перспективы жанра: поиск форм ноосферного реализма.

— Ноосферная цивилизация России: Кто он — Герой XXI века!?

Надеюсь, будет продолжение, потому что работаю над книгой «Ноосферная глобалистика и ноосферология гражданства», слайды которой я Вам выслал.

Вы правы: спасти человечество от его *оцифровывания*, превращение поколений в безмозглые объекты потребления человейника может только понимание, осознание Личностями-Героями собственной ноосферной природы, ноосферного статуса, ноосферной миссии в сферах жизни природы, общества, структур цивилизации.

В очерке приводится полемическое письмо В. И. Вернадского Толстому (1901), «подтолкнувшее» автора к научно-мировоззренческому поиску выхода из нравственного тупика, который так и не нашел *человечище* второй половины XIX, начала XX века. Вернадский этот выход нашел, предложил его человечеству.

Переход от понимания императивов «вернадскианской революции» к основам ноосферного мышления, ноосферным принципам политического, массового, научного, эстетического, иных форм сознания, целям деяний дорого, видимо, долгая. Но без героев мысли в образах литературы, освещающих путь поводырям общества, видимо, трудно выйти из тупиков заблуждений и слепого потребления.

В общем, уважаемый коллега, работа идет, что получится — Вы, надеюсь, узнаете первым. Я застал Вернадского живым.

Василий Василенко, доктор философских наук, главный редактор электронного журнала «Ноосфера XXI века», Волгоград

HOMO NOOSPHERES: РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Современная русская литература наполнена различными героями, включая самых аморальных и отрицательных, но если проанализировать наличие подобных героев в классической отечественной и мировой литературе, то, в общем, мало что изменится в представлении об «эволюции» Героя и закономерно прозвучит вопрос о том, кого же следует считать истинным героем, а кого — ложным, второстепенным, проходным и т.д. При этом также целесообразно обозначить проблему отсутствия вообще какого-либо «героя нашего времени» в литературных произведениях, исходя из значимости этого героя для человечества или хотя бы для отдельно взятой страны. В определенные эпохи время требовало своих лидеров, решений, событий, а следовательно, и литературных героев. Но если, например, сравнить Будду или Иисуса Христа по их влиянию на развитие цивилизации, то любой революционер, ярый ленинец, пахарь, бравый вояка или космонавт бесследно померкнут перед этими фигурами, хотя, по сути, в условиях древнеримского «фашизма» и кризиса древнегреческой демократии мысли и действия Христа были поистине революционными, а в рамках закона тех времен их можно было квалифицировать как вредные и преступные.

На протяжении двух тысячелетий миру не было явлено почти ни одной грандиозной личности по уровню влияния на сознание и духовность Человечества так, чтобы за ней, за этой личностью, пошли миллионы, а теперь — миллиарды людей. Выдающиеся лидеры были в истории XII—XX веков, но они противоречивы, а

кровавый след тянется за ними длиннее, чем рукава Млечного Пути, т. е. личности эти были глубоко сомнительные по духовному, моральному, интеллектуальному и пр. влиянию на «толпы» (Чингисхан, Наполеон, Ленин, Гитлер, Сталин и др.). Не рассматривая скачков в уровне научно-технического прогресса в связи с разработкой нового оружия, можно сказать, что тираны, завоеватели и попросту злодеи в качестве героев нашего (любого) времени не годятся. Подтверждением этому могут служить недавние теракты в Волгограде, но об этом следует говорить отдельно, касательно нашей страны и современной мировой политики...

Сразу же обозначу очерченную принципиальную проблему: на какой идеологии должен создаваться «герой нашего времени» и какие мысли он должен нести в массы, являясь или не являясь отражением событий, своего века или эпохи? А может, он должен быть универсальным — приемлемым для любых времен и народов. Если герой — гуманист, то каков он? В настоящее время можно предложить сложную классификацию гуманизма (религиозный, светский, научный, биологический, медицинский, радикальный и пр.), современный профессор В. Н. Финогентов предлагает в качестве основного *гуманизм трагический*, согласно которому человек и человечество, осознавая свою смертность, должны суметь оставаться человечными. К сожалению, на сегодняшний день (за исключением опыта Южной Америки) нет полноценной концепции универсального гуманизма, как будто не было ни трудов лауреата Нобелевской премии А. Швейцера и его универсальной этики, ни учения о ноосфере В. И. Вернадского, ни космической этики К. Э. Циолковского (список можно продолжить).

Нет универсального гуманизма и универсального героя нашего времени, во-первых, потому, что и без того в сложном и ежечасно усложняющемся мире нет единых рамок и законов для Человечества; а во-вторых, для того чтобы создать этого «героя» необходимо обладать огромным багажом знаний по литературе, социологии, политология, психологии, биологии, физике, не говоря уже об элементарных правилах знания родного языка и стилистики художественной речи, этики, эстетики, истории и т.п.

Сторонникам божественного происхождения Человека (на пла-

нете Земля) в тех интерпретациях, которые ныне существуют, следует обратить особое внимание на достижения современной генетики, а именно: человек не произошел от обезьяны, все гораздо сложнее или хуже, ибо до 50 % генов человека «унаследовано» от бактерий и червей (в том числе Нобелевской премии были удостоены исследования по зоопсихологии, в которых авторы доказали наличие одинаковых генов, отвечающих за обоняние, у человека и мышей). Вот это действительно трагично, но нет также смысла отрицать наличие жизни на других планетах и даже рукотворное происхождение Вселенной, ибо только в галактике Млечный Путь около 400 млрд. звезд, а масштаб Космоса настолько велик, что его нельзя представить человеческим умом. Возможно, существуют сверхмиры, способные запускать эволюцию вселенных, закладывая в неживую материю запрограммированный ход всего, что будет впоследствии наполнять галактики и их Разум. Отсюда возникает вопрос: если Бог создал Землю, то кто создал Вселенную?.. Ответ на этот вопрос лежит в той плоскости, если бы муравьи или мухи неожиданно открыли ДНК и разгадали бы тайну происхождения человека. К сожалению, даже мы сами пока не можем ответить на этот вопрос.

Из всего этого возникает вывод о том, что человечество, с одной стороны, по-прежнему утопает в крови локальных и крупномасштабных войн, а с другой — стремится к осознанию самого себя, к разгадке своей сущности, тайны происхождения, к открытию все более и более умопомрачительных, неземных (на первый взгляд) законов, за которыми скрывается разгадка всего мироздания. При этом с каждым годом технические возможности людей становятся все более и более необычными, не за горами те времена, когда человек будет жить полноценной жизнью в среднем на 20—30 лет дольше. Наряду с этим возрастает и конкуренция на планете, сконцентрированная в полярных цивилизациях (например, США, Китай, Россия, Европа). В случае наступления преждевременной «гармонии» исчезнет фактор противостояния, а следовательно, отбора и эволюции. В этой связи в продолжение к размышлениям главного редактора журнала «Приокские зори», профессора А. А. Яшина хочется добавить, что *глобализация*, пропо-

ведуемая США, скорее всего, будет обречена, и только после падения всемогущества США (а может быть, и третьей мировой войны) мир выйдет на полноценный путь развития как единый, т. е. вся планета станет этим центром, а не отдельное государство.

В этой связи, скорее всего, религии в действительности потеряют свои преимущества и будут нивелированы, а научно-моральное (научно-духовное) общество заменит их сводом общепринятых планетарных законов или правил, которые возьмет в качестве образца все человечество. Не исключено также, что в процессе длительной эволюции (сотни тысяч лет), в случае отсутствия глобальных катастроф, замедления развития и вымирания человечества, земляне действительно самостоятельно разовьются в принципиально новый вид людей — *homo noospheres (по А. А. Яшину)*. Какими качествами будет обладать человек будущего, не считая его тесного взаимодействия с инновационными техническими решениями? Честностью, порядочностью, сверхинтеллектом и пр. Но, однако, сложно не согласиться с профессором В. Н. Финогентовым в том, что человеческий путь на планете Земля *не гарантирован*. Возможно, развитие человечества и вправду обречено из-за этих 50 % (от червей и бактерий) и нуждается в преобразовании на генетическом уровне (в силу развития науки и в рамках морального закона).

Если так называемый «Бог» не заботится о сохранении и защите своего детища в том ракурсе, которого теперь требует человек, а высокоразвитые «гуманоиды» к нам все летят и летят, то приходится рассчитывать только на самих себя. Но на что опираться человечеству в своем дальнейшем духовном развитии? Пожалуй, классические, базовые религии для этого вполне годятся. Я категорически не согласен с А. Г. Невзоровым, называющим христианство агрессивной религией (очевидно, он не разделяет православие и католицизм, а также не рассматривает вопрос взаимодействия религий в историческом аспекте). Если монах с Афона или эфиопский христианин-затворник — агрессоры, то *кто* тогда радикальные мусульмане и ваххабиты, шахиды, террористы, сепаратисты в своей сущности?.. Можно подумать, что православные священники или послушники способны заложить бомбу на железнодорожном вокзале или в троллейбусе. Нет, что-то путает некогда

популярный ведущий передачи «600 секунд». Вопрос состоит в том, что религия не должна слишком активно вмешиваться в светскую жизнь, но с другой стороны, как не вмешиваться, если в некоторых странах уже разрешены однополые браки, да еще и детей им дают на воспитание. Геи и лесбиянки отстаивают свои права, но мало кто знает, что у мух-дрозофил тоже встречаются половые извращения, научно доказана взаимосвязь этих извращений с умственной отсталостью данных насекомых. Хотите быть геем? Очевидно, вам просто надо долго лечиться в психиатрической больнице.

В ситуации всемирного падения нравов православие не может не вмешиваться в устранение вездесущего разврата и слабоумия, ведь есть очень деликатные вопросы современной жизни. Например, эвтаназия. Если огульно развязать политикам, чиновникам, правителям и депутатам руки, устранить нормы, в том числе религиозные барьеры, то завтра будет узаконена и педофилия, и сексуальное насилие, и пр. В классической литературе (от Ф. М. Достоевского в «Бесах» и А. И. Куприна в «Морской болезни») и прозе современных лет это подробно обрисовано до высшей степени отвращения. Хотите еще более жестоких «бесов»? Они явятся, если их вовремя не удержать.

Другой вопрос состоит в чувстве такта, и, если слово «Бог» употребляется при каждом удобном или менее удобном случае, этому слову цена невысока. Куда более сложно обстоит дело с перспективами религий: возможно, в связи с новыми глобальными потрясениями миру будет явлен очередной «Спаситель», более актуальный и прогрессивный, но с учетом тенденций в научно-техническом развитии вера в чудеса с годами будет только слабеть. Требуется что-то принципиально иное. Попытки формирования новой религии были (это и советский коммунизм, и идея сверхчеловека Ф. Ницше). Участь религиозного изгнанника была уготована и Л. Н. Толстому. Что может полноценно заменить религию?.. Пожалуй, только какая-то идея. Не исключено, что это может быть и концепция *ноосферы*. Идея глобализации, однополярного мира, как я уже отметил, изначально ущербна. Не исключено также, что все-таки упомянутые выше гуманоиды к нам когда-нибудь прилетят, и, дай Бог, чтобы они не устроили высшего суда по ре-

зультатам оценки моральной ценности каждого отдельно взятого землянина.

Наука тоже, следует полагать, не может полностью избавиться от религии, особенно в вопросах новых методов генетики, биотехнологии, медицинских технологий, клонирования, получения генетически модифицированных организмов и т. п. Нужен качественно слаженный синтез, основанный на знаниях моральных норм. Без научного прогресса же дальнейшее существование Земли, выражаясь словами В. Н. Финогентова, *не имеет гарантий*, оно трагично, однако что могло бы произойти с человечеством, если бы оно овладело источниками сверхэнергии (научилось управлять термоядерным синтезом, плазмой и пр.), научилось склеивать любой генотип из существующих фрагментов (генов и лоскутков ДНК), отыскало наконец-таки неземной разум и позаимствовало у него идеи, знания, философию, технологии и т. д.

В этой ситуации роль ученого и творца-писателя (гуманиста, моралиста, интеллектуала и пр.), выводится на первый план, прозаики (и особенно поэты) больше не могут быть безответственными «бумагомарателями», в перерывах между сочинительством занимающимися употреблением спиртных напитков и поиском очередной «музы». Роль писателя возрастает до космических высот, он больше не может быть голодающим маргиналом, взявшимся за перо от безысходности или по причине желания попробовать себя в чем-то новом ближе к пенсионному возрасту. Творческая работа должна быть сопряжена с каждодневным каторжным трудом не только над текстами, но и над самим собой, иначе как писать о нравственности, если, как стало модно говорить, нет «соответствующих компетенций». Герой нашего времени должен начинаться в самом себе, а потом уже — появляться на бумаге. Создать такого героя по силам только человеку посвященному, глубокому, богатому духовно и интеллектуально, прозорливому, чувствующему других людей, а может быть, даже умеющему читать нечто коллективное из *ноосферы*, из космического информационного поля, человеку, знающему коды и пароли при подключении к «небесному разуму», как фантастично это ни звучит. Настоящее творчество — всегда Тайна.

Из всего этого складывается один большой и важный вывод:

героем нашего времени может быть только Гений, который впитает в себя десятки прототипов — ученых, поэтов, сподвижников, гуманистов и т.д. Герой этот должен быть *универсальным*, а с учетом объединения государств в единую планетарную силу он все-таки ни в коем случае не должен быть националистом, нигилистом (такой пример уже был у И. С. Тургенева). Любовь, Добро, Разум — основные благодетели, которые следует отстаивать в своих произведениях, усиливая и облагораживая их в ракурсе современных коммуникаций и возможностей. Новый герой должен быть наделен многими качествами, свойственными для высокоразвитого человека, но он, в силу уже упомянутых обстоятельств деградации и развращения общества, должен как-то пронести свою душевную чистоту и человечность через трагический, «негарантированный» мир. Хотя, может быть, кто-то скажет, что герой нашего времени и вовсе никому ничего не должен: он самодостаточен, как «вещь в себе». Как бы то ни было, в современном романе должно быть несколько главных героев, подчиненных четко выраженным градациям, а возможно, даже идеологиям: абсолютно злой, промежуточный (или промежуточные) и абсолютно добрый, положительный герой. Кроме того, малая проза не обязательно должна вбирать в себя сложные психологические типы и сюжеты, философские концепции и только положительных героев. Через образ отрицательного персонажа автор отчасти может ярко показать: *так* или *иначе* поступать нельзя. Современный рассказ, написанный по классической схеме, может излагать какое-то небольшое событие или историю. В этой ситуации, в зависимости от жизненного опыта автора, можно вообще придерживаться принципа «без героя», но в этом случае речь уже идет о лирическом герое, вопросе весьма сложном для современной поэзии с теоретической точки зрения, и чем сложнее и богаче внутренний мир автора, тем сложнее этот лирический герой, тем многограннее и глубже его концептуальные метафоры (подробно о концептуальных метафорах можно прочитать в монографии профессора Л. В. Калашниковой*). Так или

* — Л. В. Калашникова Метафора и когнитивно-дискурсивное моделирование действительности.— Орел, 2008.— 304 стр.

иначе, вопросы героя нашего времени и лирического героя пересекаются.

Мной неоднократно делались попытки высказывания сложных вещей в достаточно простой поэтической форме на тему планетарного преобразования и нового Космоса, лирического героя и предназначения литературного творчества. По сути, стереотип «*жечь сердца людей*» тоже в определенной степени устарел, о чем уже было сказано в моем творчестве (слишком часто сердца людей страдают и без поэтического огня, а разрушать — не строить, тем более целую планету). Однако в современной русской поэзии *космизм* встречается крайне редко (стоит вспомнить С. Есенина и его «*Земля — корабль! Но кто-то вдруг...*», вспомнить известного только узкому кругу специалистов ученого и поэта А. Л. Чижевского, автора *гелиобиологии*). При этом современная проза уже не может существовать без объединения усилий по сохранению жизни и совести на Земле, без проблемы сохранения экологии, поскольку от нее напрямую зависит спасение всей планеты (оно, как уже было отмечено, зыбко и сомнительно), без утверждения этичного отношения не только человека к человеку, но и ко всему живому и неживому миру.

Именно на человеческом добре зиждется смысл литературного творчества и на том, чтобы донести его до каждого сердца. Впрочем, нет единого мнения о принципах написания ни романа, ни повести, ни стихотворения. На то мы и люди, чтобы отстаивать свое мнение, а новый вид (тип) людей, независимо от названия (*homo noospheres, homo morales)*, все-таки рано или поздно появится. Вопрос только в том, каковы в этом будут гарантии в связи активизацией литературного творчества и поиска героя XXI века...

Андрей Шендаков, профессор,
член Союза писателей России, Орел

НА ПУТИ ОТ ЧЕЛОВЕКА

«Искусство... соткано из хитросплетений диалектически противоположных начал — материального и духовного, рационального и иррационального, объективного и субъективного, логичного и алогичного, сконструированного и сотворенного, рассчитанного и угаданного...»

А. В. Волошинов

Древние математики, открывшие таинственный, влекущий и загадочный мир чисел, надо думать, были бы поражены современной дискуссией об оцифрованном человеке. Такая мистика им и не снилась в самых божественных откровениях. Неужели пифагорейское учение о числе, направленное к человеку и открывающее его, пройдя многотысячелетнюю историю, собралось в обратный путь?

Или, как писал Л. Н. Гумилев: конец — и вновь начало? Просто, мы на этапе перехода от биосферы к ноосфере. И там уже будет царство разума, отпадут все мелкие и крупные недоразумения. Жаль только жить в эту пору прекрасную... Как-никак, а топать еще лет восемьдесят-полтораста. И дойдем ли?

А. А. Яшин в своих статьях не раз подчеркивал: *«История человечества... творится по общим законам мироздания, действие которых, особенно в части прогностики, человеку знать не дано... и никогда не будет дано»*. Не только двумя руками за это положение, но даже предлагаю ввести в общие законы мироздания. Но тогда откуда уверенность в будущем ноосферного человека? Человечество, как отмечает А. А. Яшин, в своей истории уже не раз мечтало об идеале и подкрепляло мечту очень солидными и убедительнейшими теориями. Человек религиозный, человек социалистический, человек нацистский... Правда, последнего вряд ли можно назвать человеком, но теории были.

Мне нравится учение Вернадского. Убедительная и очень красивая теория — а есть ли лучший критерий истинности? И, ду-

маю, вернее, верю, что ноосферное будущее человечества обязательно настанет. Но не сидеть же, сложа лапки на груди, и не ждать же! Как-то надо жить здесь и сейчас, что-то же надо делать. Собственно этому извечному русскому вопросу и посвящена статья А. А. Яшина «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике», предлагающая широкую дискуссию, затрагивающую самые различные сферы бытия, науки и искусства. Ох, в какое сложное время мы живем! Как бы хотелось чего-нибудь попроще. Но нынче эта несвятая простота спускается разве что на цифруемого всякими сетями человека, а таких уже 92 % (оценка А. А. Яшина). Остальным 8—9% приходится думать и сжиматься сердцем в тревоге не только за отдаленное будущее.

В данной статье хотелось бы поразмышлять о литературных аспектах происходящих процессов. А. А. Яшин считает, что переход в ноосферу начался и его осязаемым признаком является глобализация. Оставив в стороне экономические, административные, религиозные и другие социальные стороны этого явления, в том числе и принудительное оцифрование, попробуем представить, что принесло и несет эта почти неуправляемая стихия русскому языку и литературе. Понятно и миру, но меня, прежде всего, волнует судьбы моей родной культуры.

Единое человечество — единый язык. И мы уже с вами догадываемся, о каком именно идет речь.

Интересно, что в начале социалистической идеи вопрос о едином языке возникал, но понимался как искусственный, сконструированный лучшими полиглотами и лингвистами. В детстве я еще застал кружки эсперанто и даже переписывался. Языки эсперанто и другие, более продвинутые модели, представлялись мне верхом совершенства, вобравшими все лучшее из мировых языков, и, казалось, вот-вот завоюют мир. Не получилось. Более того, попытки эти напрочь забыты и вряд ли к ним когда-нибудь вернутся.

На дворе, крепко опираясь двумя ногами на землю, стоит со всеми своими достоинствами и недостатками совершенно естественный, никем не придуманный и не навязанный, английский. Как мощное средство, а в какой-то мере и цель, глобализации. Пока еще в основном используется в межнациональном общении. Но

тенденции очевидны и, ох, недалеко время... Так ирландцы, несмотря на сильные националистические настроения, упорно говорят на английском.

А в русской литературе все чаще появляются обороты типа «Я буду обратно через полчаса». Или того почище: «Мы взяли рейс на восемь тридцать». Согласитесь, рожденный в русском языке никогда так не скажет, но, прочтя такое и не один раз, может быть, так и заговорит. Или даже начнет мыслить не по-русски?

А может быть, ничего страшного? Не слишком ли сильно наказал Господь строителей Вавилонской башни? Сейчас на Земле бытует около шести тысяч языков и проблемы с пониманием явно существуют. А то — один на всех и никаких недоразумений. И оцифрование пройдет значительно легче.

Почему же мы так отчаянно сопротивляемся любой языковой экспансии? Что бережем? Что так боимся потерять?

Я сказал «мы», объединяя народ. Но, увы, мы далеко неоднородны. И уже немалая часть так называемой интеллигенции, слабо связанной с родной культурой, Советская власть их называла космополитами, с легкостью переходят на иной язык и меняют родину не испытывая особой ностальгии — а что? Родина — это там где мне хорошо. Правда, согласитесь, они и здесь были не слишком своими. (В статье «Не-чтение — угроза национальной безопасности», ПЗ № 4 2013 г, автор касался проблемы апатридов).

Но основная часть истинной национальной интеллигенции упорно держится своего языка, своей культуры, своих обычаев — в общем, своего. И, чувствуется, не отдаст ни за какие материальные блага.

Почему? Почему рассматривает незавершенность Вавилонской башни не как наказание, а как божий дар?

Понятно, язык формирует народ, его национальное мышление. Если бы не существовало проблемы перевода, если бы один язык легко укладывался в другой, то особой проблемы введения единого языка просто не было бы. И мыслили бы все одинаково. И литература была бы однородна. Однако проблема существует, и адекватного перевода мы, по всей видимости, не дождемся никогда.

В чем же дело? Почему, не задумываясь, переводим стол —

table, а вот «*Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет...*» перевести, наверное, так никогда и не удастся. Ну, как вы переведете этот божественный звук «в», позволяющий буквально услышать и ощутить завывание родной зимы?

Еще раз подчеркну: мы касаемся очень широких вопросов, даже целых наук. Но сейчас нас будут интересовать в основном литературные и языковые аспекты.

В любом языке, с той или иной развитостью, литературоведение различает три составляющих с очень широкой амплитудой пересечений.

На первом месте, конечно же, *естественный* язык на котором и производится акт коммуникации. Другими словами тот самый язык, на котором мы с вами разговариваем. Русский, английский, французский... И еще несколько тысяч. И хотя естественный язык, живой и довольно быстро меняющийся, захватывающая тема, задерживаться не будем, интуитивно вроде бы ясно.

Второй вид — *искусственный*. То есть язык созданный человеком для обозначения неких явлений, понятий, построений выделяемых его мышлением. Прежде всего, это язык науки с формулами, аксиомами, леммами, теоремами. Не будем останавливаться и на нем, хотя тема не менее захватывающая. Отметим только, что языки науки всегда и явно стремятся к интернационализации и независимости от естественного. Влияние искусственного языка на человеческий менталитет огромно, но именно в связи с его интернациональностью рассматривать не будем.

И, наконец, самый таинственный и сложный, — *вторичный*, надстраивающийся над естественным и образующий множество смыслов, реализуемых при прочтении в меру знания этого языка. Это язык *художественный*, который может и должен непрерывно развиваться, а мы поспевать его учить.

Но как учить язык, существующий только в нашем воображении?

Прежде всего, каждому следует убедиться, что он существует. Ибо умеющий читать на естественном языке не испытывает особой недостаточности, так как *содержание* прочитанного более или менее уясняет. Но содержание можно передать куда короче, чем это

делают писатели. Как-то в интернете наткнулся на пересказ «Илиады» Гомера — что-то около странички. Так стоит ли читать утомительно-однообразные гекзаметры? И «Войну и мир» можно одолеть минут за пять-семь.

Но у прочитавшего оригинальное произведение никогда не возникает вопрос, зачем он это сделал. Более того, он чувствует себя куда богаче, чем был. А вот тот, кто ознакомился с содержанием, такой вопрос себе вполне может задать — ну, и на кой черт мне все эти одиссеи с илиадами? Разве что в разговоре блеснуть...

Особое значение приобретает вторичный язык в поэзии, с которой начинается литература, да, пожалуй, и все искусство. В стихах приобретает значение каждое, даже самое незначительное слово и может переиначить *содержание* стихотворения даже на противоположное. Недаром сказано — для прозы слово средство, для поэзии — цель. Поэзия — школа и лаборатория слова. И не прошедшие эту начальную и одновременно самую высшую школу вряд ли глубоко проникнут в художественный язык.

Попробуем привести пример. Е. Баратынский:

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша;
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь: а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

Центром стихотворения безусловно является незначительное в обычной речи неопределенное местоимение «*оно*». Первым, на-

сколько я понимаю, обратил внимание на это потрясающее *оно* Е. Эткинд («Материя стиха»).

На примере стихотворения наглядно видно, что без вторичного языка не поймешь и первичный, то есть не прочтешь и содержание стихотворения. В самом деле — что значит *оно*? Что *оно*? А ведь Баратынский применил, по-моему, все средства выделения этого слова в стихе. *Оно* и акцентированная рифма, и отделено от следующей строфы двойной паузой — концевой и межстрочной, и, поскольку в русском языке безударное *о* читается как *а*, приходится делать паузу и впереди — иначе *а* сольются. Кроме того, в нарушение синтаксического и смыслового единства строчек всего стихотворения, здесь предложение ломается и переносится даже не на следующую строчку, а в следующую строфу.

Так что же это за *оно*? Придется внимательно перечитать и, может быть, не один раз. И откроется.

Поскольку в предыдущей строфе противопоставлены душа и тело, а тело среднего рода, то очевидно, что *оно* это тело. Но местоимение отстоит от существительного почти на пять строк и за это время начинает жить уже самостоятельно, вбирая в себя множество значений, вплоть до фрейдистских. Противопоставленное обращением «*ты*» к душе, *оно* приобретает и пренебрежительный и отстраненный характер, почему и затрудняет мгновенное понимание. Становится понятен и трагический разрыв между плотью и духом, так характерный для нашей поэзии, и бессмысленность жизни тела после смерти души уже свершившей свой подвиг в подлунном мире, то есть прожившей земную жизнь.

Оставим читателю прочтение этого стихотворения. Художественный язык есть совместное творчество писателя и читателя и смысл стихотворения всегда индивидуален. И читателю совсем необязательно вдаваться в тонкости литературоведения. Развитый читатель поймет и выделение, и акцентирование, и самые глубокие чувства и мысли. И испытает ни с чем несравнимое наслаждение.

Нам сейчас важно понять, что вторичный язык существует и составляет основу национального мышления и речи. Я совершенно не представляю, как можно перевести Е. Баратынского, скажем, на английский, вообще не знающего родов.

Чтобы понимать язык его надо знать. Как же быть с художественным? Выучить его нельзя, но понимать можно. Для обычного читателя — если таковой бывает; чтение всегда индивидуально, а значит и уникально, — этот путь познания начинается с «Мойдодыра», «Дяди Степы», Агнии Барто и, постепенно усложняясь, продолжается всю жизнь. Тот, кто заразился чтением — лучше в детстве, но не поздно никогда, — любовью к нему компенсирует многие незнания. Кстати, большинство в той или иной мере обращаются к критике и литературоведению хотя бы на уровне предисловий и послесловий, расширяя свое понимание. И, как сказал кто-то из великих, находят в литературе друзей в пространстве и времени.

Однако с художественным языком не все так просто. Соавторство читателя делает его трудноуловимым. Каждый понимает по своему и, естественно, высказывается на том или ином уровне — на кухне или в журнале «Вопросы литературы». Иногда разночтение даже высочайших читателей столь огромно, что даже как-то и не верится.

Приведу пример довольно резких мнений, высказанных такими корифеями как Владимир Набоков («Лекции по русской литературе») и Иосиф Бродский («Катастрофы в воздухе»). И тот и другой касаются таких, казалось бы, незыблемых авторитетов как Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский.

Толстым В. Набоков восхищен. Изысканной метафорой с внезапным раскрытием штор и ярким освещением аудитории, Лев Николаевич буквально становится светочем русской и мировой литературы, с чем трудно не согласиться.

А вот Федор Михайлович... Набоков решительно требует считать романы Достоевского детективами, иначе он с нами и разговаривать не хочет. И в дальнейшем всемирно известный и признанный писатель предстает не слишком умелым с мрачным христианством и какой-то неудобоваримой философией. Вот вам и художественный язык, который в таком разборе уходит куда-то за пределы произведения. Я даже кинулся перечитывать «Бесы» — неужели так ошибался? Но через пару страниц отлегло — необыкновенная проза захватила вновь.

Не будем спорить с литературоведом Набоковым, но будем с его мнением считаться — все-таки, прежде всего, Владимир Владимирович большой и оригинальный писатель, классик двух литератур — русской и английской, и после его лекций мы глубже поймем его собственную прозу. Остановимся только на одном моменте его построений.

Мне кажется, что В. Набоков путает литературный прием с литературным жанром. В детективе главное все-таки расследование, которое у Достоевского присутствует фактически формально. Ну, какое расследование ведет Порфирий Петрович? Он даже и не пытается доказать, что Раскольников убийца. Нет, Порфирий Петрович скорее не следователь, а мудрец, философ, помогающий Раскольникову встать на путь очистительных страданий.

Даже в наиболее «детективном» романе «Братья Карамазовы», в котором убийца обнаруживается в самом конце, вдруг оказывается, что вся эта фабула лишь антураж, а главное все тоже — очищение через страдание. Набокову мешает острота фабулы, но в тех же лекциях он говорит, что настоящее чтение — перечитывание. Очень точная и мудрая мысль. А романы Достоевского хочется перечитывать, даже хорошо зная, чем все кончится. Вряд ли вы еще раз возьмете в руки детектив, с первых строк зная убийцу.

В. Б. Шкловский отмечал, что литература есть сумма приемов. И путать жанр с приемом довольно опасно. Так можно объявить «Золотой осел» Апулея, «Гамлет» Шекспира, «Фауст» Гете фантастикой или даже фэнтази. Представляете, вы покупаете «Мастер и Маргарита» в серии «Сто лучших фантастов мира»! Каково будет ваше читательское ожидание? И так ли вы прочтете книгу?

Но мы отвлеклись. Итак, по Набокову Толстой это хорошо, а Достоевский...

Иосиф Бродский совершенно противоположного мнения. Его не устраивает реализм Толстого как ведущий литературу явно не в том направлении, которое видится Бродскому. И очень сожалеет, что русская и советская литература следует в основном за Толстым: «Она пошла вниз по извилистой истоптанной тропе миметического письма и через несколько ступеней — через Чехова, Короленко,

Куприна, Бунина, Горького, Леонида Андреева, Гладкова — скатилась в яму социалистического реализма».

А вот по трудному пути бездонного языка Достоевского, считает Бродский, пошел разве что один Андрей Платонов. Я с юности восхищался и «Котлованом», и «Чевенгуром», и «Рекой Потуданью», но никогда в голову не приходило противопоставлять Платонова Чехову и Бунину. Они разные, но все гениальные. Опять-таки не следует судить один жанр с точки зрения другого. Автор сам устанавливает правила своего произведения. Воля ваша принимать их или нет, но отрицать?

Но мы опять отвлеклись. Да можно ли не отвлекаться, говоря о любимом предмете, составляющим значительную часть человеческой жизни!

Итак, я попытался доказать то, что давно и хорошо всем известно — художественный язык существует, хотя воспринимается, как мы видим очень по-разному. И что он глубоко национален, так как развивается на естественном языке народа, создавшего собственную литературу. Обратным ходом вторичный язык возвращается в естественный, меняя и обогащая и наше мышление, и лексику, и нашу речь. И это происходит не только при чтении родных книг, но и зарубежной литературы в переводе или оригинале. Постоянное сравнение с национальным опытом значительно расширяет и обогащает собственный язык — как естественный, так и вторичный. Другими словами знание иностранных языков и литературы еще никому не повредило.

Но как быть с разночтением?

Дело усугубляется еще и тем, что все писатели пишут по-разному, если не считать эпигонов и графоманов. Критикам ужасно хочется все многообразие привести к какому-то знаменателю и выделить что-то общее, позволяющее сопоставлять. Обычно дело сводится к *методу*. И вдруг совершенно обоснованно оказывается, что в те или иные времена господствовали классицизм, романтизм, реализм, критический реализм и так далее сменяя друг друга. В настоящее время А. А. Яшин в ряде статей призывает к *новому критическому реализму*, на смену социалистическому. Трудно не согласиться с этим предложением.

Я даже никаких альтернатив в настоящее, очень противоречивое, время просто не вижу.

Но одно дело критик, пишущий по уже написанному, а другое — писатель перед чистым листом.

Безусловно, писатель должен глубоко разбираться в процессах, происходящих в литературе и жизни и, уж конечно, знать и понимать методы писаний, их историзм и насущные требования времени. Но писать должен только то, *что* хочет и *как* может, то, что его глубоко волнует и как он ощущает трение собственной души о время. А что получится... Тут уж будут рассуждать читатели и критики. И если писатель в наше время написал от души, то я уверен, с удивлением или без обнаружит, что писал именно методом критического реализма, который до написания должен был хорошо понимать. И писания его будут исключительно национальны, на том самом вторичном языке, свойственным русской литературе. Все это он должен *знать*, но заранее задаваться методом, темой, стилем никак не может. Что уж получится... Более того, написанное должно быть неожиданностью не только для читателя, но и для него самого.

Свидетельством сказанному является переписывание, а то и неоднократное.

Блез Паскаль хорошо сказал: «Только кончая задуманное сочинение, мы уясняем себе, с чего нам следовало его начать». И Пушкин в конце своего бессмертного романа признавался: «И даль свободного романа / Я сквозь магический кристалл / еще неясно различал».

Тут читателю следует разобраться, с каким писателем и с каким произведением он имеет дело, иначе художественный язык может быть неправильно воспринят. Разговор идет о профессионализме. Не в том смысле профессионал или любитель перед ним, это-то как раз определить не слишком сложно — достаточно прочесть несколько страниц. Речь о разнице между самыми серьезными писателями.

Слово «профессионал» звучит солидно и симпатично. То есть автор знает свое дело и ему можно доверять. Но в искусстве не все так просто.

Первое определение профессионализма я получил весьма комичное, но характерное для тех времен. В самом начале девяностых в Москве (я тогда жил на Украине, в Донецке) были опубликованы мои стихи. Для провинции это событие, и один член Союза советских писателей откликнулся местной достаточно благожелательной заметкой, но которая начиналась так: «В то время, когда даже нам, профессионалам, редко удается опубликовать хотя бы несколько строчек...» Я кинулся к телефону: «Ты что же, не считаешь меня профессионалом?» И получил чеканный ответ: «Но ты же за это деньги не получаешь!» Сегодня, когда большинство серьезных писателей не только не получают, но еще и выкладывают свои, по данному определению профессионалов будет довольно трудно отыскать.

Но если говорить серьезно, следует различать профессионалов и художников, весьма ответственно относящихся к своему труду. В чем разница? Профессионал знает, *что надо писать и как надо писать*. А вот художник не то чтобы совсем не знает, но сильно сомневается и «даль свободного романа» ему видится в довольно «смутном сне». Тема эта восходит к Белинскому, который еще в 1845 году сетовал, что в русской литературе «больше гениев, нежели талантов», а таланты, читай профессионалы, «имеют большое влияние на толпу». Уверен, что литературе нужны и те другие, но различие все-таки делать надо.

Мы сильно отвлекались, но все-таки основная мысль прослеживается — естественный и художественный языки — именно вкупе! — самым существенным образом определяют национальное мышление. Особенно важно осознать это нам, которым русский язык родной. В нашем народе литература, начиная с Ломоносова, а то и ранее, всегда занимала особое и очень значимое место, по большей мере определяя и менталитет, и политику, и даже экономику. Да что там говорить — революции делала!

Но занимает ли сейчас? Увы, интерес к чтению стремительно падает. Мы уже далеко не самая читающая страна мира.

Думается, что снижение объема чтения современным человеком процесс естественный, и я совсем не призываю вернуться в советские времена. Появились многопрограммное телевидение, интернет,

разнообразные игры — да мало ли чего. Но, по всей видимости, существует некоторый предел снижения чтения, ниже которого нельзя опускаться. Вначале было Слово, оно же остается и сейчас и на все времена. Без художественного слова упрощается и огрубляется речь, что мы уже наблюдаем особенно у молодежи, и, конечно же, снижается мышление.

Но причем здесь глобализация и оцифрование? — спросите вы, вспомнив начало статьи. Думается связь здесь есть и, может быть, более глубокая, чем кажется на первый взгляд.

Нас, конечно, будет интересовать, как глобализация касается России. Держа в уме политические и экономические стороны процесса, сосредоточимся на гуманитарных процессах ибо, по моему глубокому убеждению, именно искусство определяет процветание, а не экономика. Бытие, безусловно, определяет сознание, но прежде все-таки сознание определяет бытие.

Для меня процесс осознания глобализации начался с одной передачи радиостанции «Свобода» в перестроечные годы, когда мы слушали уже без идеологического глушения. Я не поверил своим ушам, когда приятным и радостным баритоном Борис Парамонов во всеуслышание заявил «Русская литература умерла!».

До этого заявления я привык слушать, даже через завывания глушилок, «Свободу» как носителя свободного слова, никак не связанного с идеологией. Парамонов заставил задуматься и многое пересмотреть.

Здесь невозможно не коснуться политики, но что поделаешь, литература давно стала общественным явлением, и она, и ее затрагивают все стороны человеческого общежития.

Противостояние Запада и России наблюдаем уже лет пятьсот и в основном в одностороннем порядке. Россия, во всяком случае, на Запад не напирает. Более того, так уж устроена Россия, таков ее вековой менталитет, что вбирается все лучшее, предлагаемое другими народами. При этом все мгновенно становится русским. А. А. Яшин отмечает, что русская литература началась несколько позже западной и что ей не привыкать и догонять, и перегонять. Но никогда серьезная русская литература не подражала. Говоря о М. В. Ломоносове, первом нашем поэте, Н. В. Гоголь («В чем

же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»), отмечая, что Ломоносов «Впопыхах занял у соседей немцев размер и форму, какие у них на ту пору случились...» Но! «Изумительнее всего то, что, заключив стихотворную речь свою в узкие строфы немецкого ямба, он ничуть не стеснил языка...» и даже: «Изумительно то, что начинатель уже явился господином и законодателем языка». Русского литературного.

Запад же не всегда, мягко говоря, адекватно воспринимает русскую культуру и русский народ. Почему? Ответ мне, мне кажется, не лежит в плоскости геополитического положения России, ее просторах, неисчерпаемых ресурсах и тому подобное, хотя все это имеет огромное значение, в том числе и для формирования менталитета российских народов. Не лежит он и плоскости веры. Все это поводы. Прежде всего, Запад всегда ощущал: мы не такие, как они. Причем это отличие настолько непонятно, что порой воспринимается как угрожающее. Конечно, Запад не однороден — французы не немцы и не англичане, а те в свою очередь не американцы, хотя их и породили. Однако различия между ними не носят непроходимого характера — так, обычаи, ритуалы, некоторые особенности ландшафта и так далее. В основном, несмотря на неизбежные противоречия, они друг друга понимают. А вот русских — не всегда. И виновата здесь культура или, если хотите, *художественный язык и мышление* народа.

Тема эта слишком сложна, обширна и противоречива, чтобы обсуждать в данной статье. Остановимся на способах этой непрестанной борьбы.

В принципе способов два: силовой — разрушение, насаждение своих порядков, культуры, веры и так далее, — и идеологический, то есть разрушение изнутри. Силовые попытки были, но явно провалились — Россия становилась только крепче. А вот попытки решительно повлиять на нашу культуру и наше мышление не прекращались никогда. При этом Запад применяет двойственную тактику — общение на высшем уровне и воспитание собственных народов и нашего. На это, по-моему, первым, обратил внимание поэт и дипломат Ф. И. Тютчев в статье «Россия и Германия», писанной по-французски в Мюнхене в 1844 году. Статья Тютчева ныне

полузабыта, вспоминается разве в связи с наследием великого поэта — а жаль! Размышления, на мой взгляд, совершенно не потеряли актуальности.

Тютчев отмечает: «...вот два направления, вполне противоположных (разъединение очевидно и возрастает ежедневно): с одной стороны, у вас государи, правительство Германии, с их строгою обдуманною политикою, с их определенным направлением; с другой, этот второй владыка нашего времени — общественное мнение, которое склоняется туда, куда влекут его ветры и волны». И куда же? «То государство, которое великое поколение 1813 г. приветствовало с благодарным восторгом... удалось с помощью припева, постоянно повторяемому настоящему поколению при его нарождении, почти удалось, говорю я, эту же самую державу преобразовать в чудовище для большинства людей нашего времени, и многие уже возмужалые умы не усомнились вернуться к простодушному ребячеству первого возраста, чтобы доставить себе наслаждение взирать на Россию, как на какого-то людоеда...»

Эта политика продолжается до сих пор и, надо признать, довольно успешно. На удочку попадаются и наши либералы, и наши руководители. Разве Советский Союз развалился только из-за цен на нефть, низкой производительности труда и других экономических показателей? А не прежде ли всего потому, что Горбачеву ужасно нравились «дружеские» отношения с западными лидерами, похлопывания по плечу и одобрения типа «рус карашо»? А население так и продолжает относиться к нам как к дикарям.

Бог бы с ним, с Западом, пусть бы резвился, сочиняя о нас дикие мифы и легенды, не брезгуя самым откровенным враньем. Чем бы дитя (недаром Тютчев говорит о «возмужалых умах», вернувшихся к «простодушному ребячеству») не тешилось, лишь бы не воевало. Но ужас заключается в том, что это «ребячество» находит довольно многочисленных сторонников внутри России! Очень даже желающих покончить с непонятным им *художественным языком*, с нашими гениями и обратиться к западным «талантам». И вот — наконец! — «Русская литература умерла!» А ведь если наша умерла, то какая-то осталась? Какая?

Не будем обращаться к вековому противостоянию западников и

славянофилов. Тема видимо никогда не исчерпается, если только запад не победит. В этом противостоянии, как мне кажется, ни те, ни другие не стяжали себе особой славы. Западники понятно почему, а вот славянофилы... Обратимся еще раз к статье Тютчева: «Что же касается... до так называемых защитников России, то они, конечно, искренние, ... но они уж слишком просты...» Федор Иванович считает: «Истинный защитник России — это история; ею в течении трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которыми подвергает она свою таинственную судьбу».

В последней цитате очень примечательно неупоминание Запада — всем испытаниям Россия *сама* «подвергает свою таинственную судьбу». И я не склонен видеть в наших литературных и не только бедах, сложных и тяжелых перипетиях нашего времени, «происки Запада», искать «агентов влияния», «пособников» и тому подобное. Не лучше ль на себя оборотиться?

Давно пал «железный занавес», Россия не изолирована, границы открыты, и мировые процессы глобализации не могут нас не затрагивать. Мы уже понимаем по-английски, привлекаем инвестиции, гранты и в какой-то степени интегрируемся в Европу. Но в том-то и дело, что Европа не примет нас такими, *как мы есть*, а только если мы станем такими, *как они*, и если с отличиями, то не больше чем французы от англичан. Разговор не об экономике — пусть интегрируется, глобализируется и, главное, поднимается до передовых; будем только приветствовать, — а об искусстве и, прежде всего, о литературе, ибо поэзия в основе всего. Можем ли мы пойти на глобализацию нашего искусства? Ответ на этот вопрос ох как не однозначен и требует глубоких размышлений. На любом пути мы что-то выигрываем и что-то проигрываем.

Не секрет, что наша литература уже неоднородна. Есть писатели, обласканные на Западе, и есть не слишком известные в своей собственной стране, несмотря на довольно качественные тексты. Трудно смириться с тезисом о смерти русской литературы, но то, что она больна практически очевидно. О чем свидетельствуют и дискуссии, проводимые «Приокскими зорями».

Трудно, очень трудно поставить диагноз нашей больной, ибо болезнь явно не одна. Но попытаемся хоть с чем-то определиться.

Прежде всего, вопросы, поднятые А. А. Яшиным в теме дискуссии о сбрасывании Пушкина с парохода истории. Просто удивительно, сколько «доброхотов», а вернее, злопыхателей муссируют эту тему. Чего стоит только «Перпендикуляр» Веллера! Мажутся грязью личности наших гениев, подвергаются уничижению великие тексты. Например, безапелляционно утверждается, что в пьесах Чехова ничего не происходит. Чтобы не повторяться сошлюсь на свою статью «Перпендикулярная плоскость Веллера» («Московский Парнас» № 6, 2013 г.), в которой я попытался разобраться в этом «перпендикулярном» литературоведении. Замечу еще, что кроме Веллера «сбрасывателей» хватает. Очень опасная тенденция, расшатывающая основы и традиции русской литературы. Практически разрешающая молодому поколению не только не читать классику, но и не стыдиться этого.

Очень тяжелое положение складывается в нашей поэзии, атакуемой с разных сторон.

Борьба с поэзией ведется со дня ее появления противопоставлением прозы как естественного языка. Слова, загнанные в определенный формальный порядок, у некоторых порождают, как у Штирлица, идиосинкразию к рифме. Отрицательно высказывались даже большие прозаики. Например, М. Е. Салтыков-Щедрин считал, что писать и читать стихи также неестественно как приседать на каждом четвертом шаге. При этом фаршированная голова или премудрый пескарь казались ему в литературе совершенно естественными.

Не будем вмешиваться в этот вековой спор. Тем более что он носит несколько схоластический характер. И сам Салтыков-Щедрин писал стихи, прежде чем понял, что это не его. Но школу слова прошел, и поэтика присутствует на каждой его странице.

Обратимся к дню сегодняшнему.

С одной стороны наша поэзия атакуется верлибром. Тут мы еще раз отвлечемся и попробуем почувствовать разницу между верлибром и русским свободным стихом. Конечно же, я хорошо понимаю, что верлибр в переводе и есть свободный стих, и чтобы избежать тавтологии снабдил определением «русский».

Русский свободный стих у нас всегда воспринимался как неотъ-

емлемая часть всей поэзии, сохраняющей ее достижения. По Лотману в белом стихе отсутствует рифма там, *где она должна быть*, а в свободном стихе отсутствуют метр и рифма опять-таки там, *где они должны быть*. То есть русский свободный стих существует на фоне и в глубокой связи с рифмой. При этом внимательное чтение обнаружит и скрытый метр, и — главное! — звук. Достаточно почитать Блока, или «Град на Первой Мещанской» Арсения Тарковского, или шедевр Михаила Кузьмина «Александрия».

Верлибр же понимается как отрицание рифмованной поэзии, как нечто, существующее отдельно от нее. Другими словами отрицающее вековые традиции, как бы начинающее на голом месте. А в таком случае отсутствуют какие-либо обоснованные критерии оценки и восприятия. Хорошо или плохо? Решают сами верлибристы и критики. И, пожалуй, главное, — а кто так не умеет? Особого таланта вроде не требуется, разве только наглость и умение толкаться локтями. Верлибр прекрасно переводится на любые иностранные языки и Западом очень даже одобряется.

Но верлибристкие наскоки, я думаю, русская поэзия выдержит, уж больно прочна ее основа.

Более серьезная опасность — так называемые «пародии», начавшиеся еще в шестидесятые годы. Телевизионно-эстрадные номера, вышучивающие неудачные, или показавшиеся таковыми, строчки неизвестных стихов и никакого отношения к собственно пародии не имеющие. Зачинатель этого жанра Александр Иванов, весьма, кстати, остроумный человек, придумал «пародии с эпиграфом». Чтобы читателю было понятно, что вышучивается, ибо стихи, как правило, неизвестны. Но пародироваться должны, прежде всего, стиль поэта, образность, звучание. И, в общем-то, пародия не обязательно должна быть смешна, хотя комизм, конечно, усиливает эффект. Великая школа русской пародии развивала именно этот путь и достигла немалых успехов. Вот, например (Б. Кежун):

Спит Земля и силы копит
чтобы были у нее.
Спит различное млекопит-
ающееся зверье.

Читатель мгновенно узнавал стиль Николая Заболоцкого, который пародист довел до гротеска с целью обозначения его пределов. И никаких эпиграфов не требовалось — знаменитое стихотворение знали все.

Для того чтобы пародировать стиль он должен быть. Как некий шаг в литературном процессе. Как же можно пародировать то, чего нет. Можно только смеяться...

Я был бы совершенно не против этих, порой очень остроумных шуток. Опасность заключается в том, что читатель привыкает смеяться над стихами, которые *не читал*. А это перекидывается на отношение ко всей поэзии. Это тоже инструмент глобализма, ибо умерщвление русской поэзии его цель.

Но и «пародии», и насмешки русская поэзия, думаю, тоже выдержит.

Главная опасность идет со стороны огромного и жуткого, практически не контролируемого потока стихотворного, и уже не только, графоманства, грозящего просто смыть поэзию. Слом советской системы открыл свободу печати и за свой счет или спонсоров появилось море печатной продукции массового читателя не имеющее, но заполняющее библиотеки, различные «литературные» объединения, кружки и тому подобное.

Да, советская печать была в тисках цензуры, литования и прочих рогаток на пути к читателю, и пробиться могли не слишком многие. И слава Богу, что эта система канула. Но кроме идеологической цензуры была и негласная цензура самих писателей — *мастерства*. То есть планка была поднята достаточно высоко, и ниже которой не опускались. Вот исчезновение этой «цензуры» просто беда.

Замечательный поэт Андрей Вознесенский в очень давней статье в «Литературной газете» насчитал в Советском Союзе что-то около миллиона любителей поэзии. Думаю, что поэт немного преувеличил, но имел в виду любящих и умеющих *читать*. Сегодня же миллион, если не больше, любителей *писать*. При этом очень не многих из них можно назвать любителями поэзии. Вдруг оказалось, что писать значительно легче, чем читать. В конце концов, на поверхностный взгляд техника стихосложения не слишком

сложна и доступна каждому грамотному человеку. А поскольку формальное объединение строчек всегда порождает дополнительный смысл, восхищению собой нет предела. «Вот стоит стол, Он опирается на пол...» — нет, ну как я сказал! И пишут, и пишут, и пишут... И печатаются.

И. Бродский говорил, что должен знать всю мировую поэзию, чтобы хотя бы не повторяться. Слова Бродского не следует понимать буквально, то есть прочитать все. Именно мировой поэзии не так уж и много, и ее обязан постичь тот, кто посвящает себя священнодействию. Должен же стихотворец знать и понимать, что до него были Данте, Пушкин, Блок, Пастернак, Рубцов. И что он просто обязан найти, пусть и неширокий, пусть совсем узенький, но свой путь, открыть себя.

К сожалению графоманство поощряют и литературные начальники. Несколько лет назад в каком-то телевизионном ток-шоу один редактор «толстого» журнала заявил: «В русской литературе сейчас около 15000 хороших поэтов. И каждый год появляются штук триста новых». Но что такое «хороший поэт» не пояснил. Видимо не делающий грамматических ошибок и умеющий считать слоги. Очень хотелось бы спросить у этого редактора — может ли быть собрание огромного количества редкостей? Поэт редчайшее явление, в чем нас убеждает собственная и мировая история и потому так ценно это звание. Еще Платон писал: «Поэт — существо легкое, крылатое и священное; и он может творить только тогда, когда сделается вдохновенным и исступленным и не будет в нем более рассудка...» Многие ли обладают этими качествами? А когда стихи не пишет только ленивый, а может быть именно ленивый и пишет от нечего делать, то и читатели, и критики перестают отличать ничтожное от великого. Недаром подборки стихов называют братской могилой.

Этот чудовищный поток представляет серьезную опасность и не стоит его недооценивать. Здесь мы сталкиваемся не столько с глобализацией, а с «оцифрованным человейником», собственно тоже порождение глобализации.

Можно разобрать еще множество симптомов болезни нашей литературы, но достаточно. Вернемся к главному вопросу — так допускать глобализацию в нашу литературу или охранять ее?

Боюсь, что от нашего с вами мнения мало что зависит. Жизнь бурлит и стремительно куда-то движется. Или катится. Остается уповать на слова Тютчева, что «Истинный защитник России — это история». Но историю творим мы сами и каждый должен сделать свой выбор.

Лично я свой выбор сделал давно. Я люблю русскую литературу, мне дороги ее традиции и достигнутый ею высочайший уровень. И думаю, что я не одинок. И никакая глобализация нас не переубедит. В конце концов, лет восемьдесят-полтораста еще есть. Русская литература всегда была направлена к человеку и «чувства добрые» в нем лирой побуждала. Сейчас, как мне кажется, она поворачивает на путь от человека, побуждая совсем другие чувства. Может быть, временно?

И закончить мне хотелось бы, как и предыдущую статью «Бумажная душа, компьютерное тело...», призывом А. А. Яшина, приобретающим в свете сказанного глубокий смысл:

«...Пока есть возможность, (выделено мной) уважаемые авторы и читатели, сохраняйте и вы ценности традиционной художественной литературы».

Иосиф Рухович, член Союза писателей России, академик Академии российской литературы, Томилино Московской области

«ЕСТЬ О КОМ ПИСАТЬ, БЫЛО БЫ КОМУ»

На одной из состоявшихся в ушедшем году встреч Владимира Путина со студентами, президенту из зала был задан такой вот вопрос: «Как вы считаете, стране сегодня нужны герои?» Ну, казалось бы, вопрос, как вопрос, ничего особенного. Президент, конечно же, ответил на него, как посчитал нужным, и продолжил диалог с молодежью на другие темы. Однако если хоть немного вдуматься в смысл вопроса, остается ощущение, прекрасно иллюстрируемое фразой из гайдаровского «Мальчиша — Кибальчиша»: «И все бы хорошо, да только что-то не хорошо». А что, собствен-

но, тут нехорошего? С чего это аз грешный вдруг прицепился к реплике студенческой? А с того, уважаемые, что такая постановка вопроса и является, на мой взгляд, яркой иллюстрацией того самого «оцифрованного» или утилитарного мышления, о котором, в частности, идет речь колонке уважаемого главного редактора. Сразу оговорюсь, что тот, кто сию фразу изрек, ни в чем не виноват. Нынешние студенты — вчерашние дети, наши с вами дети, их жизнь сегодня — результат наших вчерашних «стараний», и, обвиняя их в чем-либо, мы автоматически предъявляем иск себе самим. Да и вообще, обвинять молодое поколение в некоей деградации не порядочно. Поэтому оставим наших детей, в том числе и студентов, в покое. Их образ мышления — продукт нынешнего времени. Но насколько же утилитарна сама конструкция реплики! И в самом деле, ведь она предусматривает как положительный, так и отрицательный ответы. И в случае последнего получается, что все самоотверженные поступки, совершаемые в повседневной жизни обычными рядовыми гражданами — дурь и блажь, не более. И слава Богу, что независимо от того, нужны государству такие люди или нет, их появление обусловлено самой жизнью, в реалиях которой человеку практически ежедневно приходится совершать морально-нравственный выбор по самому широкому кругу вопросов.

И хорошо, что это именно так, а не как-нибудь иначе. Ибо злосчастный вопрос можно и должно однозначно перефразировать: «Должна ли страна (точнее, все-таки,— государство!) создавать героев, нужных для достижения тех или иных целей?» Только так и никак иначе. Вот об этом спрашивать — еще куда ни шло. Таковых символических образов в свое время было создано немало, но эта тема, достойная отдельного разговора, а возможно и отдельного исследования, выходит за рамки данной статьи. А мужественные, смелые, благородные, сострадательные и просто добрые люди, вне зависимости от пола и возраста были, есть и будут, желает официальная власть того или не желает, нужны они ей или не нужны. Но образ мыслей множества современных людей уже построен так, что на первое место среди критериев оценки любого процесса, явления или конкретного шага, выходит «нужность», а точнее — целесообразность.

Вот ведь словечко! Скользкое такое, длинное, свистящее. Червяк белесый мне при его произношении представляется. Отчего? Да оттого, что прагматизм — дело конечно хорошее, но не до такой же степени! Понятно и бесспорно, что спасением людей, в частности, должны заниматься профессионалы! И пользы от действий специалистов больше! Но ведь бывают ситуации, когда любое промедление смерти подобно, когда счет идет на минуты, если не на секунды. Или самое разумное — снимать «горячее» видео на мобильник, оставаясь в остальном сторонним наблюдателем, а потом выкладывать ролики на *You Tube*? И в самом деле, никакой целесообразностью не измерить подчас конкретные действия конкретных людей: местных жителей, спасавших пассажиров самолета, упавшего в петрозаводском аэропорту «Бесовец», ивановских байкеров, бросившихся без раздумий на выручку жителей жилого дома, охваченного пожаром, семилетнего мальчика, спасшего, ценой собственной жизни, свою еще более малолетнюю сестру от рук грабителя и маньяка, девятнадцатилетнего пограничника Жени Родионова, отказавшегося отречься от православной веры и принявшего мученическую смерть в плену от рук бандитского отребья во время войны в Чечне... Примерам этим несть числа, и никакой необходимостью государственной этот героизм не обусловлен. Слава Богу, доблесть и мужество, самопожертвование и отзывчивость, и еще множество благородных черт, свойственны нашим людям попрежнему. И меркантильные расчеты, и резоны тут бессильны. И потом, даже во время оно т.е. когда так называемые «герои» могли быть, и порой бывали, очень даже «заказными», настоящие, тем не менее, появлялись вполне спонтанно, без руководящих указаний соответствующих партийно-советских структур.

Ведь не по указке горкома КПСС трижды спасал попавших в беду тот же Шаварш Карапетян, человек воистину героической биографии, и на горной дороге из Цахкадзора в Ереван, и на Ереванском водохранилище, и в спортивно — концертном комплексе столицы Армении. Конечно, неоднократный чемпион и рекордсмен мира по подводному плаванию всегда очень вовремя оказывался на месте трагедий, но ведь на то была, если угодно, воля Божья, и очень здорово, что именно такой профессионально тренированный

человек помогал терпящим бедствие. Но это нисколько не умаляет заслуг Шаварша Карапетяна, проявившего лучшие качества души человеческой в столь внезапных и трагических обстоятельствах.

Однако, если честно, я вовсе и не об этом хотел говорить. Каюсь, намеренно утрировал рассуждения, сгустил краски. А все ради того, дабы понятно стало, что в любой исторический период, невзирая на происходящие коллизии, и даже — на отсутствие таковых (если сие возможно!), «герой нашего времени» объективно существует и в обыденной жизни присутствует. И зачастую он, такой вот «герой нашего времени» вовсе ничего экстраординарного не совершает. А приведенные выше размышления — лишь попытка проиллюстрировать действительно утверждающийся все более способ «оцифрованного» или утилитарного мышления и его абсолютной беспомощности при необходимости осмысления и обобщения того или иного явления, происходящего в человеческом обществе. И ведь, что интересно, подобный образ мысли отнюдь не прерогатива молодежи. Он распространен сейчас независимо от возраста и социального статуса. Можно развести руками, мол, «о времена, о нравы», и успокоиться. Но лучше все-таки попытаться разобраться в том, что и почему с нами происходит. Но прежде считаю нужным еще раз оговорить вот что: литературный «герой нашего времени», о коем у нас пойдет речь в дальнейшем, чаще всего разительно отличается от человека, совершившего некий героический поступок. Совпадения вполне возможны, правомерны, но, увы, совершенно не обязательны. Это уточнение необходимо как раз по причине господства утилитарного мышления, дабы меня не понимали буквально, ибо терминология — штука коварная и путаница в ней грозит участникам любой дискуссии взаимной глухотой.

Как-то раз, в разговоре с приятелем я, было, начал произносить невинную фразу: «Помнишь, как сказал Сократ...» Закончить мне не удалось, ибо товарищ мой тут же переспросил: «Кому сказал?» Вот так,— что произнес Сократ, его не интересовало, важнее оказалось, кому именно сия реплика была адресована. Налицо еще один пример абсолютно утилитарного образа мысли. Только данный диалог состоялся не вчера, а в довольно уже далекие восьмидесятые годы прошлого века. И ничего удивительного в этом

нет. Меркантильность и утилитарность, а также, если угодно, излишняя предметность мышления в той или иной степени, были свойственны людям во все века и времена. Оно бы и ладно, в конце концов, каждый вправе по тому или иному поводу мыслить, подобно Конкордии Ивановне Монахтиной из романа В. Пикуля «На задворках великой империи». Сия деловая женщина, узнав, что на поездах устанавливают новые тормозные механизмы системы Вестингауза, первым делом задалась вопросом: «А какая мне от этого польза?» Но в том-то и дело, что человеку, дабы таковым оставаться, не всегда и не в любой ситуации приходится руководствоваться соображениями личной пользы, выгоды и прочая. Да простится мне лирическое отступление, но без него трудно было бы продолжать размышления на заданную тему.

Итак, начнем с того, что можно признать бесспорным. На дворе XXI век, эпоха всеобщего потребления и так называемой массовой культуры, ничего впрочем общего с действительно культурой не имеющей. Лучше уж назвать это явление шоу — бизнесом, девиз коего «Все на продажу!» Во имя прибыли, конечно же, или даже — сверхприбыли. Причем понятие шоу — бизнеса всеобъемлюще, это способ организации не только индустрии развлечений. Точнее — способ превращения любой отрасли человеческих занятий в индустрию развлечений. Ну, разве профессиональный спорт не шоу-бизнес?! А сама политика?! А телевидение? Повсюду гладиаторские бои на потребу толпы. И толпа на потребу бойцов. И те, и другие прекрасно дополняют друг друга, не могут друг без друга, кормят друг друга. И да здравствует потребление! Немудрено, что соответствующим образом, сообразно сути и характеру эпохи, изменились и мышление человека, и его сознание. Это как раз тот случай, когда именно «бытие определяет сознание», и не стоит по этому поводу ломать копья с материалистами. Ибо отсутствие системы четких нравственных установок на персональном уровне, ранее передававшейся из поколение в поколения и являвшейся важнейшей составляющей этнопсихологии, сегодня очевидно. Оттого и трансформация мыслительных и поведенческих стереотипов человека в современном мире обусловлена самой объективной реальностью, царящей в обществе потребителей материальных благ.

Только не стоит думать, что аз грешный против повышения уровня материальной обеспеченности человечества. Я очень даже за. И в самом деле, только записной ханжа или убежденный сторонник манихейства будет поносить эти самые материальные блага. Ну, разве плохо, если больше людей смогут позволить себе жить в комфортабельных домах, ездить в удобных и качественных авто, отдыхать на первоклассных курортах, хорошо питаться и одеваться, лечить свои хвори в достойных клиниках, обеспечивать детям обучение на должном уровне? Да мало ли, что еще! Ведь сплошная польза и никакого негатива, ни капли вреда. А ежели так, то и конкретные действия, совершаемые ради извлечения пользы, вполне обоснованны. Разве не так? А ведь это и есть основа утилитаризма т.е. направления в этике, считающего пользу основой нравственности и критерием человеческого поведения. Тезис применим как в индивидуальном, так и в общественном смысле. Только вот нигде не сказано о способах достижения этой самой пользы. Ибо императивом, искупающим все, является конечный результат т.е. польза. Неважно, что и как мы там творили, в итоге пользу принесли всем... или почти всем... ну, хоть кому-то, да принесли... А куда прикажете девать Федора Михайловича с его «слезой ребенка»? Правильно. Не стоит о такой малости и вспоминать. И не вспоминает почти никто. Некогда, пользу нужно извлекать. На выходе получаем стенания о бездуховности, о потере нравственных основ, о жестокосердии человеческом, и прочая, и прочая.

Приведенные рассуждения, безусловно, никакой не абсолют, имеется множество частных случаев и нюансов, но в общем и целом дело обстоит именно так. Разве кого-то сейчас очень интересует, каким именно путем сколочены громадные состояния наших олигархов? Если и есть такие любознательные исследователи, то особенной поддержки их усилия не находят, а возможные «открытия» на данную тему сенсациями не станут. Понятное дело, что тогда, в «лихих девяностых», все были не без греха, все пользовались прорехами в законодательстве, а что не запрещено, считалось разрешенным. И «чистеньких» среди этих толстосумов и воротил нет и быть не может. А сказочки о «непосильных трудах» сказочками и останутся. Никто не в силах был в период бандитского ка-

питализма заработать огромные деньги честно, тем паче, развивая производство и создавая тысячи рабочих мест. О производстве можно было говорить только в добывающей и перерабатывающей отраслях. В остальном же — торговля, финансовые операции, если не «махинации» вообще, при наличии нужных связей во властных в структурах всех уровней и мощных лобби в законодательных органах, федеральном и региональных. Но теперь миллионеры и миллиардеры — уважаемые люди, финансово-экономическая элита (прости, Господи!) общества. А о том, что «экономика определяет политику» с автором тезиса, т.е. с Ф. Энгельсом также спорить не стоит, ибо он прав и его правота наглядно подтверждается буквально ежедневно.

Поэтому и явление глобализма в современном мире вполне объяснимо и естественно. Начало этому процессу было положено в годы образования транснациональных корпораций и мировой финансовой системы. (Кстати, необходимо подчеркнуть, что и большинство ведущих финансово-промышленных кланов той же Америки, да и Европы, состоялись далеко не праведными путями и способами. Большие деньги всегда — обман, кровь и смерть. Если не впрямую, то опосредованно. Но всегда!) С тех пор воды утекло порядочное количество и в результате мы имеем глобализм, как способ управления мировыми процессами, политическими, экономическими, общественными и прочими, в интересах международной финансово-промышленной олигархии. Когда некоторые историки называют Великую депрессию 20—30-х годов прошлого века крахом олигархического капитализма, очень хочется, согласившись с аргументацией данного утверждения, заметить в ответ, что нынешний капитализм еще более олигархический и в этом смысле сей «феникс» восстал из пепла после всех трагических коллизий минувшего столетия обновленным и окрепшим, «аки змий многоглавый». Конечно, беда большинства «драконов» в том, что они, в конце концов, начинают пожирать собственный хвост. Последний финансовый кризис — яркий тому пример.

И ладно бы только он. Налицо комплексный кризис западной общественно — политической системы, кризис духовный, нравственный. Либеральный мир в тупике и на пороге вырождения. Ка-

жущееся благополучие жизни взаймы, как на личностном уровне, так и на уровне народов и государств, породило самообман нескольких поколений, уверовавших было в собственной незыблемое благополучие и основанное на этом благополучии превосходство над «отсталым» остальным миром. Ничего, впрочем, нового. Было уже и, к сожалению, случится не раз и впредь. Я не могу назвать альтернатив капиталистическому способу производства, альтернатив частной собственности, но я точно могу сказать, что западный образец жизнеустройства народов и государственных систем ведет в тупик, если вовсе не в пропасть. Оттого — то и трещит Евросоюз. Счастья для всех не получается. Вдобавок ко всему проблема ксений — чужеродных диаспор, множащихся на территориях «просвещенных» стран и несущих с собой свою этнопсихологию, не имеющую ничего общего с романо-германской, например. И где тут стройное и гармоничное сообщество людей, объединенных общей моралью и поведенческими доминантами? Нет и нет... и не предвидится.

И в этой связи «переход человечества в единое ноосферное земное сообщество через глобализм, жесткий и даже жестокий» выглядит более, чем проблематичным. Равно неубедителен пример СССР, как государства «с социальной ориентацией, наиболее адекватной качествам ноосферы». Изуверские опыты над людьми во имя достижения всеобщего счастья в обоих случаях преследовали и преследуют совершенно иные цели, а именно — сосредоточение абсолютной власти в руках очень узкого круга лиц, объединенных неодолимой жаждой все той же власти, во имя собственного благополучия. И как в итоге человек и человечество, следуя подобными путями, станет «разумной геологической силой» мне, например, вообще непонятно. Возможно я ошибаюсь, но создание ноосферы насильственным путем не произойдет никогда. К тому же необходимо учесть еще одно существенное обстоятельство, о коем частенько забывают приверженцы теории эволюции.

Сей процесс чаще всего трактуется как безостановочный, непрерывный и непременно идущий по восходящей. Но, друзья мои, разве это на самом деле так? Любой процесс имеет точки наивысшего взлета и максимального упадка, он может прерываться и на-

чинаться вновь на ином уровне, т.е. быть поэтапным. Естественно, под «разрывами» следует понимать прежде всего то состояние системы, когда старые процессы сходят на нет, затухают, а новые — только набирают силу, но ни те, ни другие не являются доминирующими. А это и есть «разрыв». Тем более, если это связано с таким сложным явлением как «взросление» человечества до уровня создания ноосферы. Во всяком случае, опять-таки, на мой взгляд, говорить о переходе к ноосферным человеку и человечеству еще очень и очень рано. Слишком много на этом пути побочных факторов, влияние которых на указанный процесс порой невозможно прогнозировать и учитывать заранее... Если и есть в наше время некий «коллективный разум», то он весьма и весьма неразумен, уж простите за невольный каламбур. О нравственности и упоминать не следует. «Коллективному разуму» она не присуща ни в коей мере (см. определение утилитаризма, приведенное выше).

А ведь согласно третьему биогеохимическому принципу В. И. Вернадского «мысль не является формой энергии, но производит действия, как будто ей отвечающие». И какое биоэнергетическое пространство создается современным способом мышления? Едва ли позитивное. Успокаивать себя изречением «Когда б вы знали, из какого сора...» не очень уместно в данном случае, ибо тогда остается сидеть и ждать желаемого результата, имея в запасе одну лишь надежду на лучшее. К тому же нельзя не учитывать и этнологический аспект, поскольку без теории этногенеза Л. Н. Гумилева, сколько бы ей ни манкировали в свое время, уже не обойтись. Иное дело критическое к ней отношение, корректировка и дальнейшее развитие. Но заслуга Льва Николаевича прежде всего в том, что он открыл и развил качественно новый подход к изучению истории человечества в непосредственной взаимосвязи с историей самой планеты и ее биосферы. Один только принцип диахронии дал возможность абсолютно нового исторического анализа, необходимого для прогнозирования будущего. К тому же пассионарный толчок по Гумилеву является флуктуацией биосферы и явлением природным.

А тогда каков механизм прогресса биосферы в ноосферу? Словом, все очень непросто с переходом к ноосфере, но наверняка так

и должно быть. Задачка-то попалась, мягко говоря, весьма масштабная. И крайне сложно, хоть и столь же заманчиво, представить себе психологический портрет Homo noospheres, ставшего, наряду с остальными, себе подобными, «реальной геологической силой». И как бы, все-таки представив, не перепугаться до смерти. И еще одно замечание, по поводу Великой Французской революции, как знакового события перехода всемирному управлению — ускорению эволюции. На мой взгляд, ценность процесса эволюции как раз в том, что он не поддается ускорению в принципе. И кровавая «замятня», устроенная во Франции в конце XVIII века и явившаяся, по сути, геноцидом французского народа, никакой пользы не принесла и не могла принести. Это общественно — политическое явление из разряда тех, о которых говорят, что «лекарство страшнее болезни». Полтора миллиона загубленных жизней, патологические личности, убивавшие другу друга, у власти, карательные экспедиции в мятежные провинции, Директория, кровопролитие в Париже, Итальянская и Египетская кампании, далее консулат и империя Наполеона, и еще полтора десятилетия войн, полностью выбитое в этих войнах мужское население страны, вплоть до шестнадцатилетних мальчишек... Прогресс, ничего не скажешь. Ускорились, не приведи Господи... Не зря в департаменте Вандея до сих пор не празднуют день взятия Бастилии и не жалуют республиканцев. И я полностью солидарен с такой позицией. И мои симпатии и уважение отданы навсегда Вандейским шуанам и Жоржу Кадудалю, а не резвившимся и масонствующим энциклопедистам и революционным сектантам, не понимавшим, что ящик Пандоры, однажды открытый, уже не закроешь. Все-таки способ достижения той или иной цели имеет для человека и общности людей решающее значение.

И кровь убитых никогда никого счастливым не делала. И ничего не ускоряла, кроме процессов деградации. А уж к преобразованию биосферы в ноосферу кровопролитие и революционные скачки не имеют никакого отношения. Точнее — они могут только вредить и мешать этому. Человеческий разум вне нравственности невозможен. А значит, он не приемлет насилие и кровопролитие даже в самых благих целях. Поэтому я и считаю ноосферологию

очень серьезной и ответственной философской дисциплиной. А процесс трансформации биосферы в ноосферу — сложнейшим и нелинейным, и делом очень неблизкой перспективы, даже если бы нам очень хотелось иного. Можно, конечно, утверждать, что человек нынче управляет эволюцией. В том и опасность, что ускорение эволюции приведет в предельном варианте опять-таки к революции. И только Господь ведает, что в итоге получится. К тому же не забудем о законе не убывания энтропии...

Но вернемся к волнующей нас теме, а именно — к «герою нашего времени» в современной литературе. Я как — то беседовал с сотрудником нашей городской библиотеки, весьма эрудированной и современной дамой, и коснулся данного вопроса. И в ответ услышал: «Герой? А он разве есть? Да и возможен ли он сейчас?» И в самом деле, как обстоят дела с этой, пусть и книжной, личностью? Каким он должен быть? Что обязан делать? Какого вообще рожна ему надобно? Но, дабы найти ответы на прозвучавшие возгласы, вначале необходимо разобраться с самим господином литератором. Попробуем. Пусть не вообще, но в некоторых определяющих аспектах, приведенных в статье уважаемого главного редактора. Во-первых — оппозиционность и нонконформизм к власти. На мой взгляд, универсальную форму сосуществования художника и власти нашел Василий Аксенов в романе «Скажи изюм». Помните, там Макс Огородников изрек однажды: «Художнику глупо бороться с властью, еще глупее — лизать ему...»

Я полностью с ним согласен. То есть литератору вполне достаточно оставаться самим собой, не более. Но и не менее. Конечно, не скрою, что: «Нонконформизм! Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно...» (не удержался, перефразировал Владимира Соловьева). Но в раскрытой ранее позиции это как раз присутствует... Только ненавязчиво и не агрессивно. Вполне достаточно, «еже писах — писах», в том твое предназначение, прежде всего. Не смыкается ли это с классикой Марка Аврелия: «Делай что должно, и будь, что будет»? Да напрямую! Во — вторых, сострадание к «униженным и оскорбленным». Это даже не обсуждается. Ни одно реалистическое направление без оного сострадания не обходится, ибо истинное сострадание естественно, объективно и спон-

танно. И ни в коем случае не механистично то есть это не сострадание ради сострадания, но глубокое понимание и органичное проникновение в конкретную описываемую ситуацию. Короче говоря, предельно подробное знание предмета. Тогда сострадание становиться искренним. Ибо «понять, значит — простить». В-третьих, политизация. Она смыкается с «во-первых», поскольку очень многие фразы и умозаключения в литературном произведении выражают нравственную и общественную позицию автора и, значит, вполне могут толковаться, как идеологемы. А от идеологии до политики путь короток.

А что, собственно, с самим героем-то? А вот что: никто и никогда не сможет указать настоящему литератору, поэту и писателю, о ком он должен писать и кого в герои производить. Это выбор сердца, выбор, диктуемый позицией самого художника. А если я или кто-то другой в своем творчестве будет по данному поводу руководствоваться «под козырек» чьими-либо рекомендациями, то никакого истинного героя нашего времени не получиться. И пусть будет коммерческий успех, премии всевозможные. Хоть бы и пресловутая «Нобелевка» (вот тоже беда для литературы, и беда истинная — критерии ея присуждения — явная прихоть членов одноименного комитета) и прочая, слава и почет, а герой умрет не родившись. И оттого, по поводу «героя нашего времени» я вправе высказать лишь свои соображения и свою позицию. Можно сколь угодно долго рассуждать, кто нынче и во что конкретно горазд на литературной или, особенно, на около литературной ниве. Но любая системная коммерциализация образа героя нашего времени есть путь к его уничтожению, точнее — к несозданию. В частном случае, не намеренно, подобное возможно, как и вариант с конкретной героической личностью, упомянутой в начале моей статьи. Но иначе, увы... Связь кандидата в герои нашего времени с массой ему подобных, с характерностью, обязательна далеко не всегда. Это все равно, что представлять пассионария непременно этаким пламенным революционером, с детства мечтающим пойти перед строем с флагом в руках и увлечь за собой сомневающихся, и, в конце концов, погибнуть на баррикадах за дело правое, во имя торжества идеалов гуманизма и всеобщего благоденствия. Да ничего похоже-

го! «Свободный атом» в общественной структуре ощущает себя и на деле является абсолютно чужим, и попросту не может, и не хочет мирится с установленным и ему не подходящим, иногда смертельным для него, порядком вещей. Вот только сопротивляться можно по-разному. И в итоге, наиболее ярким пассионарием может оказаться совершенно невзрачный и непрезентабельный на вид человек, по общему мнению — маргинал, исследующий среди бела дня мусорный бак. Я просто хочу еще раз подчеркнуть, насколько все непросто. И механические аналогии ошибочны, ибо, игнорируя диалектику, приводят к скоропалительным выводам, желаемым, но неверным. Оттого я могу говорить только о том, кого сам считаю героем нашего времени. Постараюсь быть предельно конкретным.

«Маленький человек (далее без кавычек), если присмотреться и подумать, на самом деле никогда не был ничтожным по масштабу литературным героем. Прежде всего, это — человек, а кто еще может быть более интересным и традиционным персонажем отечественной литературы? И какой человек! (В чем-то все такие «человеки» схожи, но на деле ведь разные, очень и очень разные!) К тому же он всегда поставлен в те или иные, но всегда предлагаемые, обстоятельства. И в этих обстоятельствах ему волей-неволей приходится существовать, жить, бороться, проигрывать, побеждать, грешить, искать путь к покаянию... Что характерно и для реальной жизни во все времена. И в любом случае он вынужден «работать вторым номером», да простят мне боксерский термин, ибо сам не имеет возможности кардинально менять окружающую обстановку. И даже мало-мальски влиять на нее. Он должен в предлагаемых обстоятельствах выживать или погибать. И сегодня маленький человек, надо заметить, делает это. Не всегда эффектно, но порой просто блистательно. Например, в рассказах Александра Кирова. Я познакомился с Александром и его творчеством несколько лет назад, во время нашего регионалного писательского фестиваля «Поморская лОдья», когда мы приехали на родину Александра в старинный русский город Каргополь. Рассказы Кирова я принял сразу же, с первых строк, ибо все, о чем он пишет, знаю не понаслышке и целиком солидарен с автором в восприятии, изображении и оценке сюжетных коллизий и ситуаций, а также понимая и при-

нимая абсолютно естественное, не нарочито литературное, поведение и мироощущение героев его повествований. Люди из «залесенной губернии», одиночки, имя коим — легион, посреди бандитских девяностых и слепых «нулевых», без средств к существованию, без надежды на лучшее... Казалось бы впереди только нищета, деградация и гибель, гибель от пьянства «с горя», от безысходности, от отсутствия духовных ориентиров.

Да, где-то далеко, в столицах идет некая жизнь, что-то происходит, но там никому нет дела до провинциалов дремучих. Они для либерального центра — отработанный материал, в лучшем случае — «подопытные кролики» для постановки политических и экономических экспериментов. Молодежь? А тоже самое: пушечное мясо в чеченской войне, в бандитских разборках... Безнадега... Безверие... Мрак. А люди живут и не просто выживают, но сохраняют или же вновь обретают в самые драматические моменты своей судьбы духовный стержень, самоуважение и веру, веру в лучшее, веру в Бога, веру в Свет, умеют сострадать бедам ближнего и помогать слабому. Да, герой рассказа «Митина ноша» умирает, но свою ношу, свой крест он терпеливо несет до последнего вздоха. И это не забитый бессловесный раб обстоятельств. Это в прошлом — герой войны, сохранивший лучшие качества русского крестьянина, трудолюбие, некрикливость, терпение и надежду. Это хранитель колоссальной по значению национальной традиции, лишить которой нас пытались то красные комиссары, то фашистские подонки, то либеральные доброхоты. И вот, что интересно — парнишка, проведший детство практически в аду, в конце сочинения на тему «Кого я в этой жизни уважаю» заявляет в конце: «А себя я уважаю. Почему себя? А потому, что пора бы и себя зауважать. Не давать мешать с грязью...» («Седьмая тема»). И это не бравада гопника «оторви, да выброси». Это позиция юноши, разбирающегося в жизни лучше своих учителей, пытающегося честно отыскать свой путь и быть самим собой. И никакая огульная хулапраслина к нему не прилипает, ибо он — добрый и порядочный парнишка с прямым позвоночником. И его даже сломать нельзя. Убить — можно, а победить, увы, не получиться. Почитайте, сами убедитесь.

И еще один человек, вырезающий из дерева птицу и знающий, что ежели она выйдет такой, как он задумывал, то и у автора «вырастут крылья» со всеми, как говорится, вытекающими. И еще, и еще, и еще. И никаких сказок, все происходит в абсолютно реальной обстановке, не располагающей к благим перспективам. Впрочем, достоинство произведений еще и в том, что Киров никогда намеренно не сгущает краски. Не упирает на «чернуху». Повторяю, у меня было ощущение, что я читаю о своей жизни, я все это видел, вижу, знаю, ощущаю. И вот это — Россия истинная. И вот эти герои — настоящие. Из нашего времени. Повторяю, у Кирова все далеко не просто, но реальность ситуаций и поведения героев не вызывает сомнения. И песенку «Хорошо! Все будет хорошо!» никто из них (персонажей рассказов) не поет. Некогда им, да и незачем. Почему? А почитайте, например «Троянос Деллас», там очень все доходчиво изображено.

Между тем дело обстоит так, что даже художественно интерпретированная реальность близка не всякому искушенному читателю. Многие не готовы согласиться с тем, что и они жили и во многом продолжают жить в ситуациях героев Кирова. Трудно порой признаться себе: «Это же я, о Господи...» Желание держать дистанцию и нежелание посмотреть на себя со стороны это ведь тоже элемент утилитарного мышления в эпоху усиленного потребления максимально материализованных ценностей, изначально духовных в том числе. Мол, это не обо мне, не о нас, мы не такие... Господа, а возможно вы и вовсе никакие! А русская литература никогда не была пустым развлечением. Взялись читать, знайте, что это — труд нелегкий. Могу привести иной пример, роман «Мурманцы» моего коллеги по областной писательской организации Дмитрия Коржова. Трилогия охватывает период истории нашей страны и Кольского Севера с 1918-го по начало шестидесятых годов. Две части романа уже увидели свет, издание третьей, надеюсь, не за горами. Это художественно — историческое полотно с вполне реальными героями. Причем здесь наше время? А притом, что многие персонажи Коржова обладают и демонстрируют как раз те же качества, что присущи и современным героям Кирова. Литература ведь — явление комплексное, все в ней взаимосвязано. В

этой же обойме и повествование Алексея Витакова «Меркурий», тоже историческое произведение, с вышеупомянутыми, кроме прочих, достоинствами. И роман Николая Колычева о Феодорите Кольском. А сильная и достойная проза, публикуемая журналом «Север», да разве только им одним? А самими «Приокскими зорями»? Выстраивается своеобразная временная вертикаль с очень разными, но все-таки очень схожими типажами, несущими и реализующими прекрасные человеческие качества, присущие русскому народу. И никакая коммерциализция им не грозит.

Истинные герои нашего времени вне пространства наживы. Как и вне поля идеализации и нанесения сусальной позолоты. Герой нашего времени ничуть не идеал, тем он и актуален. Причем, яркие исторические личности из числа государственных, общественных и военных деятелей переломных эпох были и будут оставаться среди героев литературный произведений, но... Разность идеологизированных оценок в таком случае неизбежна, как минимум. Кроме того есть еще и личная комплиментарность автора. Столыпин — кому вешатель, а кому — спаситель Отечества, павший от рук врагов России, Победоносцев — кому мракобес, а кому слуга престола, государственник, настоящий патриот империи, для одних генерал Каппель — белогвардеец, с которым успешно воевали чапаевцы (согласно версии бр. Васильевых), а для меня, например, истинный православный русский рыцарь без страха и упрека, как и граф Келлер, между прочим. (И пусть немецко-шведские фамилии никого не смущают. Равно, как Эссен или Тотлебен, или Шильдер). Перечень таких дуализмов бесконечен. А есть еще иные, отличные от приведенных, оценки. В данном случае, по-моему, важен сам факт обращения литераторов к историческим темам, ибо такие произведения в любом случае способны пробудить интерес к более чем трагическому и героическому прошлому нашей страны. Яркий тому пример — творчество Валентина Пикуля. Можно сегодня соглашаться или оспаривать его оценки конкретных личностей или описываемых событий, можно вообще не принимать позицию автора, но талантливо созданные им полотна о «белых» пятнах российской истории актуальны и по сей день. И будут актуальны в будущем. А сколько замечательных

произведений блестящих авторов таится по медвежьим углам нашей империи?!

Не так давно, будучи в Мончегорске, Евгений Попов, один из «метропольцев», известнейший сегодня столичный писатель, лауреат «Большой книги» и не только, произнес примерно ту же фраз, приведя конкретные примеры о сибирских прозаиках. Какой же, собственно, напрашивается вывод? По-моему, следующий: есть в современной литературе истинный герой нашего времени, это — простой человек с очень непростой судьбой и сложным характером, со всеми слабостями и грехами людскими, но способный на проявление лучших своих качеств в обыденной и такой, казалось бы, не героической жизни, имеющий реальные цели, идущий к ним, порой вопреки неодолимым обстоятельствам и препятствиям, не зная точно, что его ожидает, поражение или триумф. Но иного способа, кроме движения, у него нет. В движении этом и дорога к себе самому, и дорога к храму, и к Богу, и к Родине. Абсолютно очевидно, что явлением массовой культуры подобные герои и произведения никогда не будут. Однако не стоит огорчаться, тем паче стенать и посыпать голову пеплом. Вениамин Слепков, заведующий отделом публицистики журнала «Север», замечательный журналист, критик и поэт, в беседе со мной как-то с горечью обмолвился, что литература не может бороться с пошлостью. Истолкуйте эту фразу утилитарно, буквально, и что получиться?

Представьте Николая Васильевича Гоголя борющимся против того же Нестора Кукольника. Или Александра Сергеевича Пушкина, силящегося и только и мечтающего одолеть Греча с Булгариным. Ответы на выпады конкретного оппонента в свой адрес и полемика — не в счет. Ведь не ставил же Пушкин целью «Евгения Онегина» победу над оппонентами. В том-то и дело, что литература, как и прочие виды и жанры искусства, самим своим существованием, наличием, присутствием, уже неагрессивно борются с разного рода поделками на сиюминутную потребу заказчика. И другого способа для искусства нет. В глобальном, конечно же, смысле. И весьма существенное и удручающее обстоятельство — отсутствие множества достойных литературных произведений провинциальных авторов в широком информационном пространстве. Интернет здесь не столько

подмога, сколько наоборот, ибо в этом заболоченном пространстве утонуть порой бывает легче, нежели дать о себе знать. И создается впечатление, что нет в отечественной литературе героя нашего времени. Но прежде, столичные, даже очень уважаемые и талантливые, критики и литературоведы вздохнут, буквально или в очередной статье, де — нет у нас авторов достойных. Вот, ушел XX век, а с ним — литераторы той поры, имперские, а наследовать им некому. Ой ли, уважаемые? А это вы откуда взяли? А вы из столиц выезжаете в Россию-то? А сами давно ли столичными стали, из глуши появившись? Вот и вся недолга.

Вся, да не вся, конечно же. Герой нашего времени не может быть навязанным и навязчивым. Главное его качество — органичность, с коей он вписывается в литературные, но вполне жизненные, обстоятельства, т.е. в коллизии конкретного произведения, и входит в сознание читателей. И потом, я упомянул только одну его ипостась. А он — многолик, ибо — представитель своего народа в конкретном времени. И литератор просто обязан знать своего героя, понимать его или спорить с ним, видеть его в реальной жизни, хоть и не в буквальном смысле. А коммерческий синтетический процесс, отчего-то считающийся литературным, явление из другой оперы, как говорится. Мы об этом явлении уже упоминали. Есть о ком писать, господа мои, уверяю вас. В частности и о тех, кто упоминался в начале статьи. Было бы кому писать, со знанием и осознанием, о чем повествует и зачем. Было бы кому выдерживать и выдержать в итоге чудовищный соблазн возможного коммерческого успеха ценой предательства литературы как таковой. Не желая осмысливать и на уровне эмоций ощущать реальность, не зная потенциала своего народа, диапазона качеств человеческих, прекрасных и отрицательных, ему присущих, не числя себя в данном народе, пусть и наособицу, никакого героя из «пальца высосать» нельзя. Сказки можно пробовать изобретать, но приличных не получится. Только глянец снаружи и жеванная промокашка внутри. С чем и приходится сталкиваться, ежели не на каждом шагу, то весьма нередко. А жаль.

Вадимир Трусов, член Союза писателей России, Мончегорск Мурманской области

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Наш уважаемый главный редактор Алексей Афанасьевич Яшин снова и, как всегда, в заостренно дискуссионной форме предлагает обсудить все то, что связана с глобализацией, якобы знамением последнего времени, и где найти положительного героя в литературе в этот злосчастный период. Трудная тема, особенно в той части, которая касается «героя нашего времени». Русская литература не раз бралась за нее, и почт всегда возникало неоднозначное отношение к предлагаемым ею персонажам. Рискну высказать свое мнение.

Думать, что глобализация феномен последних десятилетий или столетия, вряд ли правильно. Если понимать под этим термином захват одной культуры другой, представляя под словом «культура» — и образ жизни, языковый стереотип, художественное творчество и многие другие виды бытия человека, то можно полагать, что глобализация началась как минимум с завоевательных походов Александра Македонского. Он принес греческую культуру как на Восток (ближний), так и на Запад (до Египта). Далее Римская империя «глобализировала» всю Западную Европу вплоть до Британских островов. А потом Колумб, Испанская империя, Британская, СССР, принесший своеобразную культуру в свои Среднеазиатские республики и, преодолевая сопротивление, в «республики» Прибалтики и Закавказья. Наконец, пришествие заокеанского гиганта — Северо-Американских Соединенных Штатов, его расцвет и обретение им невероятной военной и экономической силы.

Что делают пришельцы завоеватели — всеми доступными способами внедряют в сознание и быт завоеванных свою культуру. Разными способами — силой оружия, обращением в свою веру, экономическим подчинением.

В наше время способы почти не изменились. Оружие применяется — бомбежки республик распавшейся Югославии, свержение неугодных режимов по всему миру. Обращение в «свою веру» путем распространения своей культуры в музыке (по преимуществу, в легкой), кинематографе (европейские фильмы не дублируются,

демонстрируются с субтитрами, что делает их малопривлекательными для американского зрителя), языке (американизмы и англицизмы практически во всех видах деятельности). И, конечно, экономический диктат, когда экономика Штатов определяет экономический и финансовый климат во всем мире.

Влияла ли глобализация, в приведенной интерпретации этого термина, на искусство? Да. Затрудняюсь сказать, как это отразилось на литературе. Хотя следует помянуть греческих и древнеримских героев, ставших, правда, не сразу, героями европейских баллад, романов, драматических произведений в эпоху Ренессанса. Да, и теперь тоже. Ярче это отразилось в изобразительном искусстве — живописи и скульптуре. Появившиеся на свет из археологических раскопок герои Эллады оказали огромное влияние на искусство древних и не очень римлян. А те, свою очередь практически на все изобразительное искусство Западной Европы.

А христианство? Какое огромное количество героев литературы, живописи и скульптуры оно предложило европейским творцам. И те воспользовались этим предложением и пользуются им до сих пор.

Выбирать было из чего. Не будь этого «перемешения» культур, сколь бы бедна была мировая культур и каждая национальная. Каких великолепных и великих героев дало это «перемешение», читай глобализация.

Все ли национальные культуру приняли эту мировую культуру? В разной степени — да. Одни в силу слабости, неразвитости собственной — в большей степени, почти копируя. И, наоборот, самые сильные и развитые приняли наиболее «подходящее», приемлемое национальному самосознанию, традиции, а то, что приняли, «переварили» и сделали частью своей культуры.

Так было всегда, на протяжении всей истории человечества, так происходит и сейчас.

Что происходит сейчас? Глобализация.

Где искать «героя нашего времени»?

Вокруг себя. Раньше в центре внимания творцов были боги, гиганты, полководцы, цари и царедворцы. В богах и гигантах было мало «человеческого». Поэтому интерес к ним быстро угас. В царях и царедворцах стали искать чувства и страсти, присущие чело-

веку. О них, а не о подвигах стали создавать свои творения художники и писатели. Простые люди, главные потребители искусства, в том числе и литературы, хотели видеть и находить в произведениях литературы и искусства самих себя, прочитать и увидеть самих себя, о себе.

Русская, да и вся европейская, вкупе с ней американская литература всегда были «человеко-центричными». И самые лучшие образцы и творцы ее остаются такими до сих пор. В меньшей степени это относится к изобразительному искусству. Оно все дальше уходит от человека, и люди это чувствуют и «голосуют ногами» — какие длинные очереди выстраиваются, чтобы посмотреть, например, недавно на Тициана?!

Теперешняя глобализация с чрезвычайно развитой системой коммуникаций и информатики вызвало к жизни людей все более зависимых от этих двух «бед» нашего времени. Люди всех языков и национальностей связались в один колоссальный клубок, все знают друг о друге все или практически все. Поскольку указанные технологии завязаны на «цифре», сей клубок получил у современников обозначение, как «оцифрованный человейник». Яркий образ, запоминающийся.

И в этом человейнике-муравейнике по мысли уважаемого Алексея Афанасьевича трудно найти героя. «Не о ком писать!» — восклицает он.

Писать есть о ком всегда. Можно даже об оцифрованном представителе человейника. Каков он, чем дышит и как дышит.

Но наш уважаемый главред озабочен поиском положительного героя. Не всякий, абы какой герой представляет интерес для литературы. Нужно ли сетовать о том, что героями литературы перестали быть «...ученые и конструкторы-изобретатели, сталинские наркомы и руководители ведомств 50—80-х годов, создавшие целые отрасли промышленности... земские и советские врачи, рабочие и крестьяне и так далее». Думаю, что для сегодняшней русской литературы остались самыми интересными именно рабочие и крестьяне и особенно те, кто «и так далее». Слава Богу, Алексей Афанасьевич видит, что кроме оцифрованной литературы осталась и аналоговая, то есть та литература, которой интересен человек, любой человек, а не только

положительные сверхгерои. Которая пишет нормальным литературным русским языком, каковой перенесет все невзгоды оцифрования. Он настолько велик, что останется таковым, приняв многие англицизмы, переварит их и сделает понятным любому, кто говорит по-русски.

И, наконец, мне кажется, что для литературы, а стало быть, и для читателя, наиболее интересен «отрицательный» герой. Григорий Печорин, Евгений Онегин, Илья Ильич Обломов, Левша, князь Лев Николаевич Мышкин, Хлестаков и Чичиков, Сатин... Они наиболее точно отображают эпоху, ее достоинства и недостатки, более, конечно, недостатки, что полезно знать каждому из нас. А наркомы и руководители ведомств — только если о них пишут как о людях, а не как о наркомах и руководителях ведомств.

Рудольф Артамонов, профессор,
лауреат Всероссийской литературной премии
«Левша» им. Н. С. Лесков, Москва

В заключение от редакции. *Полагаем, что представленные материалы позволяют сказать: дискуссия состоялась на достаточно широком представительском уровне. Но что нас особенно порадовало и ободрило, так это совершенно иное, намного более высокое качество — по сравнению с предыдущими дискуссиями — полученных нами материалов. Если в 2011—2012 гг. преобладали «телеграфные» сообщения: одобряем-с, мол, то сейчас*

мы имеем дело исключительно с обстоятельными очерками, концептуальными, завершенными, информационно содержательными, написанными высоким художественно-публицистическим слогом. Штилем, как говорили в XIX веке, когда создавался сам феномен русской литературы.

Другой существенный момент: среди авторов публикуемых выше материалов представлены лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Значит, редколлегия и редакция «Приокских зорь» не ошиблись в выборе лауреатов, ибо присуждение премии ориентируется не только на (высокое) качество публикаций в журнале или в серии «Приложение к журналу «Приокские зори», но и на активное участие претендентов на звание лауреата в современном литературном процессе. Формой такового мы, прежде всего, полагаем участие в объявляемых «ПЗ» ежегодных дискуссиях. Радует и активное участие членов Академии российской литературы, под эгидой которой издается наш журнал.

...И в этом же аспекте — наши «стандартные» упреки и пожелания. Как всегда и уже традиционно — за единичными исключениями — промолчали Тула (истинно: сапожник без сапог), где издается журнал, и все огромное пространство «от Волги до Амура», хотя в журнале имеется постоянная рубрика с таким же названием. Повторим слова нашего классика: «Во глубине сибирских руд храните...» — например, гордое молчание. Не радует нас и Литературный институт им. А. М. Горького, хотя в «ПЗ» также имеется рублика «Тверской бульвар — 25 в «Приокских зорях». Увы.

Обращаемся к главе тульских писателей, заместителю главного редактора «ПЗ» Виктору Федоровичу Пахомову, зав. отделом литературы Сибири Сергею Прохорову и зав. отделом литературы Поволжья Сергею Лебедеву с настоятельной просьбой «расшевелить» своих подопечных литераторов к началу следующей дискуссии. А всем принявшим участие в нынешней дискуссии — большое спасибо!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Манифест нового русского критического реализма
(проект для обсуждения).....3
Стратегия, тактика и академия.....9
Движение без цели — путь в никуда.....12
Что написано пером... («Бумажная» и «компьютерная»
литература в свете психолингвистики).....23
«Грядущий хам», или очередное повреждение
русского языка.....44
Неугомонные реформаторы русского языка.....60
Гоголь и самоосознание русской нации
(С некоторыми современными параллелями).....67
Психологическая потребность художественного познания:
пример Льва Толстого.....82
В. Г. Белинский и русский критический реализм.....98
Между бурей и «Буревестником»:
К юбилею Леонида Андреева.....106
Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории»?
(Что нам следует взять из русской литературы советского
периода).....112
Постлитературный период жизни человечества:
оптимисты и пессимисты.....125
«Воспоминание о будущем».....152
«Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике.....165
Опять осень: чиновник, литератор и народ.....184
Пушкин и Толстой: государственник и пророк.....205
Песня Сольвейг и бригантинское сказание:
Кнут Гамсун и феномен норвежской литературы
рубежа XIX и XX веков.....241
«Люблю отчизну я, но странною любовью!» Лермонтов
и истоки нонконформизма в формировании русского
критического реализма.....254
РАЗДЕЛ ДИСКУССИЙ — ПРИЛОЖЕНИЕ
Итоги всероссийской и международной дискуссии по проекту
«Манифеста нового русского критического реализма».....277

Материалы всероссийской и международной дискуссии «Бумажная» и «компьютерная» литература в свете психолингвистики (аналоговое и цифровое мышление)».....318
Итоги всероссийской и международной дискуссии «Бумажная» и «компьютерная» литература в свете психолингвистики (аналоговое и цифровое мышление)».....353
Материалы всероссийской и международной дискуссии «Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории»? (Что нам следует взять из русской литературы советского периода)».....364
Итоги всероссийской и международной дискуссии «Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории»? (Что нам следует взять из русской литературы советского периода)».....437
Материалы всероссийской и международной дискуссии «Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике».....451

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
Алексей Афанасьевич

ПРОЛЕГОМЕНЫ К НОВОМУ РУССКОМУ КРИТИЧЕСКОМУ РЕАЛИЗМУ

Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление оригинал-макета: С. В. Никитин
Редактирование и корректура: В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, А. А. Яшин
Художественное оформление: Олеся Янгол

Издатель — Независимое литературное
агентство «Московский Парнас»
123995, Москва, Поварская ул., 52, комн. 24,
тел. 8-495-691-63-41

Подписано в печать 01.02.2015
Формат бумаги 60×84. Печ. л. 35,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 281.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92